

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

1/2011

Журнал
«Семь искусств»

Январь 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Январь 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Евгений Беркович	
Работа над ошибками	4
Людмила Дымерская-Цигельман	
Т. Манн и В. Гроссман о культурно-исторических корнях советизма и нацизма	97
Пол Кантор	
Гиперинфляция и Гиперреальность (перевод Е. Майбурда)	134
Владимир Тихомиров	
Об Иване Георгиевиче Петровском	171
Эммануил Шноль	
М.В. Келдыш и И.Г. Петровский	178
Андрей Пелипенко	
Между природой и культурой	186
Эстер Пастернак	
«Пир сокровенных, дивных чувств...»	261
Марк Аврутин	
Мандельштамовские перпендикуляры	266
Наум Зайдель	
Музыка в жизни, жизнь в музыке	302
Борис Тененбаум	
Герцог Мальборо, 1650-1689	365
Борис Э. Альтшулер	
Тихий балтийский гений	413
Борис Кушнер	
Опыт литературной автобиографии	437
Хаим Соколин	
Исповедь сочинителя. Стихи	548
Александр Волевич	
Вечер в Нетании	565
Марк Азов	
Машина времени	574
Александр Каневский	
Сиамские близнецы. Два рассказа	580
Яков Лотовский	
Премии Оскара	597
Елена Матусевич	
Осколки Империи	611
Даниэль Тамар	
Тени прошлого	618
Об авторах	637

Евгений Беркович

Работа над ошибками

Заметки на полях автобиографии Томаса

Манна

Тридцать лет испытательного срока

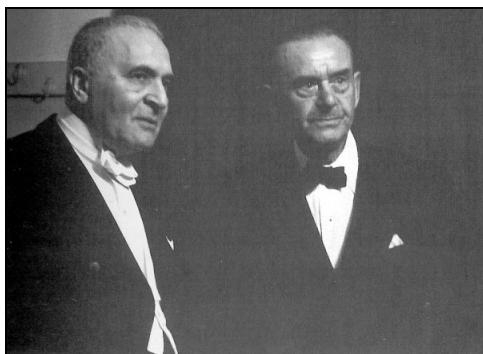
Томас Манн нелегко сходил с людьми. Поздравляя с семидесятилетием своего давнего друга и бывшего мюнхенского соседа, а теперь товарища по американскому изгнанию, знаменитого дирижера Бруно Вальтера¹, Томас Манн сетует на несовершенство английского языка: *«Дорогой друг, это досадно. Только что мы после строгого испытательного срока длиной в 34 года договорились в дальнейшем обращаться друг к другу на "ты", а теперь я должен писать тебе письмо по случаю дня рождения, в котором это прекрасное начинание вообще не проявляется, так как на этом проклятом сверхцивилизованном английском даже к своей собаке обращаются "you"»*².

Не будем придирается к нобелевскому лауреату по литературе за то, что он в этом блестящем пассаже,

¹ Бруно Вальтер (Bruno Walter, 1876-1962, рожденный как Bruno Walter Schlesinger) – немецкий музыкант, один из самых выдающихся дирижеров двадцатого века. В Мюнхене Бруно Вальтер жил в районе Герцогпарка по адресу Mauerkircherstraße 43. В том же Герцогпарке располагался по адресу Poschingerstraße 1 дом Томаса Манна, в котором семья писателя проживала с 1914 по 1933 годы.

² Mann Thomas. An Bruno Walter zum siebzigsten Geburtstag. In: Mann Thomas. Werke in dreizehn Bände. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1960-1974. Band 10, S. 507. Если не указано иное, перевод мой – Е.Б.

открывающем поздравительное письмо, ради «красного словца» или по забывчивости, увеличил на пару лет и без того чудовищно огромный «испытательный срок». К семидесятилетию Бруно Вальтера в августе 1946 года знакомству с ним Томаса Манна никак не могло быть более тридцати двух лет.

Томас Манн (справа) и Бруно Вальтер в 1955 году

В Мюнхен Бруно Вальтер переехал в 1913 году и был назначен главным дирижером королевского симфонического оркестра и художественным руководителем Мюнхенского оперного театра. Личное знакомство Томаса и Кати Манн с прославленным дирижером произошло не раньше 1914 года, ибо состоялось оно, когда семья Маннов уже поселилась в недавно построенном доме по адресу Пошингерштрассе, 1. В эту трехэтажную виллу в мюнхенском Герцогпарке Томас Манн переехал с детьми – Катя лечилась на курорте Ароза в Швейцарии – в первых числах января. В письме брату Генриху от 7 января Томас сообщает: *«Я с детьми перебрался в наш дом – без Кати, отчего половина удовольствия полетела к чертям»*³.

³ Thomas Mann – Heinrich Mann. Briefwechsel 1900-1949. Hrsg. Von Hans Wysling. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1995, S. 168. Русский перевод С. Апта из книги Г. Манн – Т. Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. «Прогресс», М. 1988, стр. 154.

Катя Манн в своих *«Ненаписанных воспоминаниях»* рассказывает, как забавно началось знакомство с генеральным музыкальным директором королевской оперы:

«Мы были соседями по Герцогпарку. <...> Познакомились мы с Бруно Вальтером при смешных обстоятельствах. Его дети, обе девочки, ходили в школу вместе с Эрикой и Клаусом, это была частная школа Эбермайера. Так как она располагалась довольно далеко от Герцогпарка, то было установлено, что дети всегда будут ходить в школу и возвращаться обратно домой в сопровождении одной из гувернанток. Вальтеры совсем недавно переехали, и мы с Бруно Вальтером лично совсем не были знакомы, и вот в один прекрасный день он нам позвонил. Я сказала:

- Очень рада с Вами познакомиться, господин Вальтер. Что случилось?

- Да, я бы хотел сказать следующее: это абсолютно недопустимо, что Ваш Клаус на пути в школу дергает мою Гретель за волосы. Это произошло сегодня, но в будущем не должно повториться, не так ли? У меня в голове не укладывается, что Клаус такое может сделать.

На это я отвечаю:

- Это для меня новость, и я предприиму решительные шаги. Мы предупредим Клауса, и он точно не будет этого больше делать. Это не должно повториться, господин Вальтер, мне очень жаль.

Это была наше первое знакомство, после этого мы подружились на всю нашу жизнь»⁴.

Воспоминания Кати Манн еще минимум на пять месяцев отодвигают дату знакомства, так как после курорта она вернулась домой только 12 мая 1914 года⁵.

Показательно, что в это же время в десятой *«Записной книжке»⁶* Томаса Манна появилась лаконичная

⁴ *Mann Katia. Meine ungeschriebenen Memoiren. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 2000, S. 54.*

⁵ *Bürgerin Hans, Mayer Hans-Otto. Thomas Mann. Eine Chronik seines Lebens. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 44.*

⁶ В архиве Томаса Манна хранятся четырнадцать его записных книжек, которые писатель вел в период с 1893 по 1937 год, одна

запись: «Вальтер» и номер телефона 40 234⁷. Потом эта запись была повторена в самом начале одиннадцатой «Записной книжки»⁸.

Томас Манн и Бруно Вальтер оставались верны дружбе до самой смерти. Почти ровесники – Бруно был только на год моложе Томаса – в музыке и, более широко, в искусстве они имели общие пристрастия и близкие взгляды.

Вилла Томаса Манна в Герцогпарке

По мнению знавших его людей, Вальтер был очень приятный в общении человек, немного наивный, страшно темпераментный, легко увлекающийся, переполненный музыкой. Катя вспоминала: *«Музыка родилась вместе с ним. Меня всегда это поражало, и я спрашивала себя, как это*

запись добавлена в 1947 году. Роль записных книжек для исследователей творчества Томаса Манна особенно важна, так как свои дневники доэмигрантской эпохи (до 1933 года) он большей частью сжег в 1945 году. Записные книги изданы в виде двух томов: 1-6 и 7-14.

⁷ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2, Notizbücher 7-14, Hrsg. von Hans Wysling und Yvonne Schmidlin. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1992, S. 224.

⁸ Там же, стр. 267.

могло получиться, что музыка может пленять человека так полностью и каждый раз по-новому»⁹.

Катя Манн с шестью детьми, 1925 г.

Вместе с тем, Бруно Вальтер понимал Томаса Манна - человека и художника — как никто другой. В книге воспоминаний *«Тема с вариациями»* Вальтер дал точную оценку творчества своего друга: *«...то, как владел Томас Манн своим инструментом, языком, могло подтолкнуть его рассматривать человека и судьбу только как материал для некой виртуозной литературы; существовала опасность "башни из слоновой кости" эгоистического художественного гурмана, но от этого соблазна его уберегли моральная сила и гуманизм его глубокой личности»¹⁰.*

Томас Манн тоже не раз писал о Бруно Вальтере, например, в очерках *«Музыка в Мюнхене»¹¹* (1917), *«Письма*

⁹ *Mann Katia. Meine ungeschriebenen Memoiren* (см. прим. 4), стр. 55.

¹⁰ *Walter Bruno. Thema und Variationen. Erinnerungen und Gedanken.* Stockholm 1947, S. 312.

¹¹ *Mann Thomas. Musik in München.* In: *Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe.* Band 15.1. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2002, S. 184-202.

из Германии»¹² (1923). Специальную поздравительную статью писатель подготовил к пятидесятилетию дирижерской деятельности музыканта¹³.

И Томаса, и Катю восхищало отношение Вальтера к музыке. Катя вспоминала: *«Каждый раз, когда он заново разучивал какую-то работу, оперу, симфонию, концерт, он был полностью этим переполнен. Он целиком отдавался новой вещи, и она становилась для него чем-то выдающимся. Он хвалил ее, любил, удивлялся ей, восхищался. И если он к нам приходил, то часами играл ее на фортепьяно, подпевал, объяснял нам действие или указывал на особенные красоты произведения...»*¹⁴.

Герцогпарк сегодня. Река Изар в районе Герцогпарка. Фото автора

Томас Манн не раз повторял, что если бы он стал дирижером, то вел бы себя точно так же, как Бруно Вальтер. В уже упомянутом поздравлении великого дирижера с его семидесятилетием писатель еще раз подчеркивает: *«Будь я*

¹² Mann Thomas. Briefe aus Deutschland [III]. In: Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 15-1. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2002, S. 686-696.

¹³ Mann Thomas. Die Sendung der Musik. Zum fünfzigjährigen Dirigenten-Jubiläum Bruno Walters. In: Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bände. Band XIII, S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 859-863.

¹⁴ Mann Katia. Meine ungeschriebenen Memoiren (см. прим. 4), стр. 55-56.

рожден музыкантом, то я сочинял бы музыку, как Цезарь Франк, и дирижировал – как ты»¹⁵.

Взаимное уважение только укрепляло товарищеские отношения, а баварские обычаи окрашивали эти отношения в романтические тона. На так называемых «академических концертах» Бруно Вальтер дирижировал королевским симфоническим оркестром, одновременно являвшимся оркестром Мюнхенской оперы. В Мюнхене с давних пор существовала традиция перед такими концертами посылать за дирижером королевскую карету, запряженную парой лошадей. Рядом с кучером в голубой ливрее всегда сидел так же разодетый слуга. И не было случая, чтобы музыкальный директор королевской оперы не заехал за соседями Маннами, чтобы отвезти их в королевской карете на свой концерт¹⁶.

Бруно Вальтер, 1947 г

Катя Манн довольно быстро перешла с Бруно на «ты», дети Маннов стали называть Вальтера, как и его дочери, «Куци» (Kuzi), но Томас оставался непреклонен: в обращении к соседу-дирижеру он использовал только

¹⁵ *Mann Thomas. An Bruno Walter zum siebzigsten Geburtstag.* (см. прим. 2), стр. 510.

¹⁶ *Mann Katia. Meine ungeschriebenen Memoiren* (см. прим. 4), стр. 55.

вежливое «Вы». Потребовалось более тридцати лет, чтобы на смену холодному «вы» пришло сердечное «ты».

Можно сказать, Бруно Вальтеру еще повезло. С другим Бруно – Франком¹⁷ – писателем, который занял в 1925 году квартиру Вальтера после того, как дирижер с семьей перебрался в Берлин, Томас Манн до конца своих дней был на «вы». А ведь доверительно-дружеские отношения между ними установились еще до переезда Франка в Мюнхен. В период с 1919 по 1923 годы Бруно Франк не раз был гостем Томаса Манна в пансионате на берегу Штарнбергского озера. Молодой писатель стал близким другом сына Томаса Манна – Клауса. В американском изгнании Бруно Франк вновь оказался соседом Томаса Манна. И хотя Катя давным-давно говорила Франку «ты», и для ее детей оба Бруно считались старыми друзьями семьи, строгий Мастер оставался «застегнутым на все пуговицы» и не отступал от своего правила: «ты» для него было отражением редчайшей интимности, которую разделяли с ним немногие избранные.

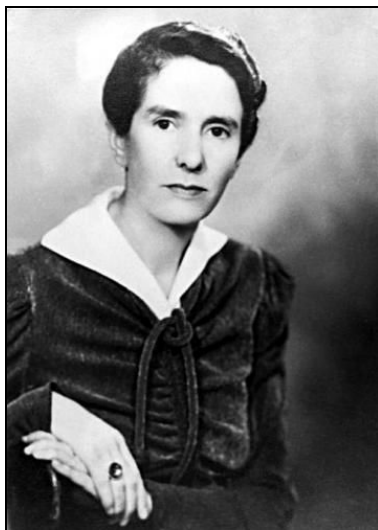
Бруно Франк

Заканчивая этот небольшой рассказ о Бруно Вальтере, нельзя хотя бы кратко не упомянуть еще об одной ниточке, связывавшей великого дирижера с семьей Маннов. Речь идет о тайном романе Вальтера с Эрикой, старшей

¹⁷ Бруно Франк (Bruno Frank, 1887-1945) – немецкий писатель.

дочерью Томаса и Кати. Бруно годился Эрике в отцы: он был старше ее почти на тридцать лет. К началу сороковых годов двадцатого века оба опять оказались соседями, как и четверть века назад. Тогда оба семейства – Манны и Вальтеры – жили в мюнхенском Герцогпарке, теперь – в американском изгнании. На смену восторгу десятилетней девочки, с которым она смотрела на сорокалетнего друга ее отца, пришла страстная любовь тридцатипятилетней женщины к шестидесятипятилетнему музыканту¹⁸.

Эрика могла только брату Клаусу да матери признаться, что это «безумство», «дьявольская шутка» – сильнейшее чувство в ее жизни.

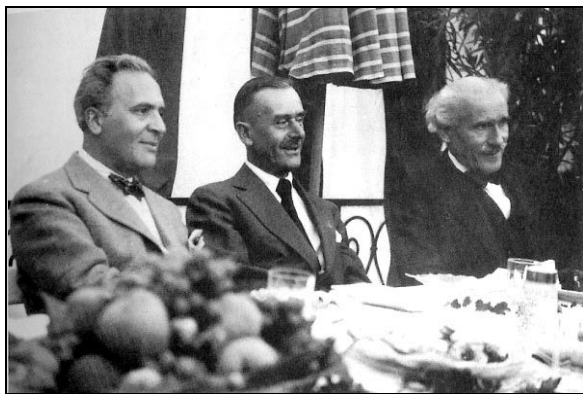
Эрика Манн, 1942 г.

Брак Бруно и Эльзы Вальтер с самого начала оказался несчастливым. Томас Манн не раз называл его «вальтеровской преисподней». Эльза была болезненно ревнива, еще в мюнхенские времена постоянно закатывала мужу сцены ревности, устраивала немислимые скандалы по поводу и без повода.

¹⁸ *Von der Lühe Irmela*. Erika Mann. Eine Lebensgeschichte. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg 2009, S. 290-293.

Глубоко несчастным сделала Бруно Вальтера трагическая судьба его дочери Греты, или Гретель, как ее звали в семье. Младшая дочь Вальтера и Эльзы была замужем за кинорежиссером Робертом Неппахом¹⁹, но влюбилась в оперного певца итальянца Эцио Пинца²⁰. Когда в августе 1939 года Гретель пришла к Неппаху просить развода, ревнивый муж убил ее выстрелом из пистолета, а потом застрелил себя.

Любовь к Эрике Манн оказалась для Бруно спасительным лекарством от непереносимой тоски. В Калифорнии влюбленным приходилось встречаться тайком от всех, во время гастролей Бруно или выступлений Эрики в других городах. Скрывать чувство нужно было не только от ревнивой Эльзы, не менее страшны были пересуды калифорнийского общества, неодобрение родителей Эрики, непредсказуемая реакция ее ближайшей подруги Лотты, дочери Бруно Вальтера.

Бруно Вальтер, Томас Манн и Артуро Тосканини, Зальцбург, 1935 г.

В 1945 году Эльза Вальтер умерла от инсульта, однако ее смерть, освободив Бруно от несчастного брака, не сделала Эрику счастливой. Бруно так и не решился на

¹⁹ Роберт Неппах (Robert Neppach, 1890-1939) – немецкий кинорежиссер.

²⁰ Эцио Пинца (Ezio Pinza 1892-1957) – итальянский певец, бас.

смелый поступок - связать свою жизнь со старшей дочерью своего друга. Неопределенность в отношениях Эрики и Бруно продолжалась еще три года, и все три года молодую женщину не оставляла надежда на счастье. Но осенью 1948 года Бруно Вальтер решился, наконец, *«вернуть наши отношения на их естественную, так сказать, отцовскую основу»*, как иронично написала Эрика брату Клаусу²¹.

Бруно Вальтер утешился со своей давней знакомой, певицей Делией Райнхардт²², которую он знал с 1915 года. Для Эрики это был страшный удар. К этой беде добавилась еще одна трагедия – в 1949 году покончил жизнь самоубийством ее любимый брат Клаус. Трудно сказать, как пережила бы Эрика эти потрясения, если бы не новая любовь – на этот раз к женщине, американской военной журналистке и разведчице Бетти Нокс (Betty Knox). Как мы увидим ниже, однополая любовь была не редкостью в семье Маннов.

На письменном столе Эрики до конца ее жизни стояла редкая фотография обнимающихся Томаса Манна и Бруно Вальтера, сделанная 5 июня 1955 года на праздновании восьмидесятилетия писателя, за два месяца до его кончины. Бруно Вальтер неожиданно для всех прилетел тогда из Нью-Йорка в Швейцарию, чтобы с цюрихским оркестром исполнить в честь юбиляра моцартовскую *«Маленькую ночную серенаду»*²³. Томас Манн был тронут таким подарком старого друга.

Предвижу, что в этом месте какой-то нетерпеливый читатель может прервать рассказ и задать давно мучивший его вопрос: «Что же, неточность нобелевского лауреата в продолжительности *"испытательного срока"* – это повод автору данных заметок устроить *"работу над ошибками"*?».

²¹ *Von der Luhe Irmela*. Erika Mann. Eine Lebensgeschichte (см. прим. 18), стр. 293.

²² Делия Райнхардт (Delia Reinhardt, 1892-1974) – немецкая певица, сопрано.

²³ *Heine Gert, Schommer Paul*. Thomas Mann Chronik. Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M. 2004, S. 545.

На это я отвечу решительно и твердо: конечно, нет. Это, так сказать, присказка, а сказка – впереди.

Без сомнения, неточность Томаса Манна заслуживает обсуждения, но не потому, что два года – срок не малый. Показательна реакция на эту неточность со стороны «манноведов», точнее, отсутствие какой-либо реакции. Судя по количеству литературоведческих работ о Томасе Манне – а еще несколько лет назад библиография произведений о творчестве писателя включала более двадцати тысяч (!) наименований статей и книг²⁴ – проанализирована уже каждая строчка, каждое слово Мастера. Объем комментариев давно превысил объем написанного Волшебником, как называли Томаса Манна его старшие дети. И, тем не менее, никто не заметил несоответствия дат в обращении великого писателя к великому дирижеру.

В Большом комментированном франкфуртском издании сочинений Томаса Манна само поздравительное письмо занимает семь страниц²⁵. Комментарий к этому письму потребовал не намного меньшего пространства – шести страниц²⁶. Однако о неточности числа 34, которым Манн оценивает продолжительность «*испытательного срока*», в комментариях не говорится ни слова.

Настолько велик авторитет нобелевского лауреата по литературе, что сказанное им практически никем не подвергается сомнению. Ниже мы еще раз столкнемся с этим явлением.

А пока отметим простую, но важную мысль, вытекающую из рассказанной истории: в жизни Томаса Манна было немного людей, с которыми он был на «ты». По

²⁴ *Schirnding Albert von. Die 101 wichtigsten Fragen. Thomas Mann. Verlag C.H. Beck, Nördlingen 2008, S. 142.*

²⁵ *Mann Thomas. An Bruno Walter zum siebzigsten Geburtstag. In: Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 19.1. Essays VI. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2009, S. 152-158.*

²⁶ *Mann Thomas. An Bruno Walter zum siebzigsten Geburtstag. In: Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 19.2. Essays VI. Kommentar. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2009, S. 175-180*

его собственным словам, их можно было «пересчитать по пальцам одной руки»²⁷.

Обращению на «ты» писатель придавал особое значение. Описывая в романе *«Иосиф в Египте»* состояние влюбленной в Иосифа Петепра, автор отмечает, как «пугающе сладостно и увлекательно было для нее уже одно то, что она говорила с ним, говорила "мне" и "тебя", "ты" и "я" - преодолевая те два шага, которые разделяли их тела»²⁸.

Совсем иное дело, когда на «ты» обращаются друг к другу посторонние люди, которым полагается говорить «вы». Устами доктора Сеттембрини из *«Волшебной горы»* Томас Манн осуждает такую манеру: «это отвратительная дикость, игра в первобытность, распущенность, которую я ненавижу, так как она, в сущности, направлена против цивилизации и прогрессивного человечества – нагло и бессовестно»²⁹.

«Тыкание» - месть сатаны. В «Докторе Фаустусе» музыкант Леверкюн, о котором мы еще поговорим ниже, так беседует с чертом:

«– Кто называет меня на "ты"? – спрашиваю я сердито.

– Я, – отвечает он. – Я, в знак благосклонности. Ах, это ты потому, что сам со всеми на "вы", даже со своим

²⁷ Mann Thomas. Lebensabris. Первая публикация в журнале Die neue Rundschau. № 6 1930. S. Fischer Verlag, Berlin Leipzig. В настоящей заметке цитируется по изданию Mann Thomas. Essays. Band 3. Hrsg. Kurzke Hermann, Stachorski Stephan. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2003, S. 187. Русский перевод: Манн Томас. Очерк моей жизни. Перевод А. Кулишер. В книге: Манн Томас. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 9. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1960, стр. 104. См. также Манн Томас. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. ТЕРРА – Книжный клуб, Москва, 2009, с. 16.

²⁸ Манн Томас. Иосиф в Египте. Перевод с нем. С. Апта. В кн.: Манн Томас. Собрание сочинений в 8 т. Том 4. ТЕРРА-Книжный клуб, М. 2009, стр. 361.

²⁹ Манн Томас. Волшебная гора. Перевод с нем. В. Станкевич. В кн.: Манн Томас. Собрание сочинений в 8 тт. Том 1. ТЕРРА-Книжный клуб, М. 2009, стр. 461-462.

юмористом, джентльменом, кроме одного только верного друга детства, который называет тебя по имени, а ты его нет? Ничего, потерпи. Такие уж у нас отношения, чтобы быть на "ты"»³⁰.

При таком отношении к фамильярности не удивительно, что среди знакомых Томаса Манна только немногие удостаивались дружеского «ты». Одним из них был Пауль Эренберг³¹. Пожалуй, ни с кем не был писатель в годы своей молодости так близок, как с этим начинающим художником. Вот о нем и пойдет дальше речь в наших заметках.

³⁰ *Манн Томас. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом. Роман. Перевод с немецкого С. Апта и Наталии Ман. Примечания А. Габричевского. В книге Манн Томас. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 5. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1960, стр. 292.*

³¹ Пауль Эренберг (Paul Ehrenberg, 1876-1949) – немецкий художник.

«Зима, неслыханно тревожная внутренне»

седьмой записной книжке писателя есть многозначительная запись: *«П. – мой первый и единственный друг среди людей. До сих пор у меня были друзья лишь среди демонов, кобольдов, завязанных колдунов и призраков, глухих к голосу жизни – иными словами, среди литераторов»*¹. Без упоминания Пауля эта фраза практически слово в слово вошла в новеллу *«Тонио Крёгер»*².

В авторитетном собрании сочинений Томаса Манна в тринадцати томах³ имя Пауля Эренберга встречается только один раз – и то в немного зашифрованном виде. В *«Очерке моей жизни»*, опубликованном в 1930 году, писатель пишет о событиях тридцатилетней давности, заменяя фамилию Пауля буквой «Э.»:

¹ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2 (см. прим. 7), S. 72.

² Впервые опубликовано в ежемесячнике Neue Deutsche Rundschau Februar 1903, Jg.14, Heft 2, Seite 113–151. Русский перевод: Манн Томас. Тонио Крёгер. Перевод Наталии Ман. В книге: Манн Томас. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 7. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1960, стр. 194-259.

³ Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bände. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1960-1974. Это так называемое «зеленое издание» (по цвету переплетов) должно было стать после «стокгольмского» (1939-65) по-настоящему полным собранием сочинений Томаса Манна. Так называемое «франкфуртское издание в двадцати томах (1980-86), начатое по инициативе Петера де Мендельсона, содержало послесловия к каждому тому. Самое полное на сегодняшний день издание, именуемое *«Большое комментируемое франкфуртское издание»*, начато в 2002 году и еще не закончено. Сочинения вместе с комментариями должны занять 38 томов (некоторые тома – в двух книгах).

«В ту пору самыми близкими мне друзьями были двое юношей из того кружка молодежи, где вращались мои сестры, - сыновья дрезденского художника, профессора академии художеств Э. В моей привязанности к младшему из них, Паулю – тоже художнику, тогда учившемуся в Мюнхенской академии у знаменитого анималиста Цюгеля и вдобавок превосходно игравшему на скрипке, - казалось, воскресло чувство, которое я некогда питал к тому белокурому, бесславно погибшему школьному товарищу⁴, но благодаря большей духовной близости оно было намного радостнее. Карл, старший, музыкант по профессии и композитор, в настоящее время – профессор Кельнской консерватории. Когда я позировал его брату для портрета, он в своей столь характерной манере изумительно плавно и благозвучно играл нам "Тристана". Я тоже немного пикиал на скрипке, и мы вместе исполняли сочиненные им «трио», катались на велосипедах, во время карнавала вместе посещали "Крестьянские балы" в Швабинге⁵ и зачастую превесело ужинали втроем то у меня, то у них. Им я обязан тем, что познал дружбу – и переживание это, если бы не они, вряд ли выпало на мою долю. С легкостью, порожденной высокой культурой, преодолевали они мою меланхоличность и раздражительность, просто-напросто воспринимая их как положительные свойства, неотделимые от способностей, внушавших им уважение. Хорошее было время»⁶.

Семьи Маннов и Эренбергов стояли примерно на одной ступени общественной лестницы и были связаны множеством невидимых нитей отдаленного родства и общих знакомых. Встреча молодых людей из этих фамилий, почти ровесников – каждому из них было в то время около

⁴ Имеется в виду Армин Мартенс (Armin Martens, 1876-1906), школьный товарищ Томаса Манна, ставший одним из прототипов Ганса Гансена в новелле «Тонио Крёгер».

⁵ Швабинг (Schwabing) – район на северо-востоке центральной части Мюнхена, в конце девятнадцатого, начале двадцатого веков называвшийся часто «богемным кварталом» из-за большого числа художников, артистов и литераторов, проживавших там.

⁶ Манн Томас Очерк моей жизни (см. прим. 27), стр. 15-16.

двадцати пяти – должна была рано или поздно состояться и, в конце концов, состоялась.

Будущий нобелевский лауреат по литературе познакомился с братьями Карлом и Паулем Эренбергами в конце девятнадцатого века, в самом начале своего долгого писательского пути. Шла к концу почти трехлетняя работа над первым романом «Будденброки», который через несколько лет принесет автору известность и славу. Но в то время мало кто верил в успех огромного – 65 авторских листов – романа.

Обложка журнала с «Очерком моей жизни» Томаса Манна

В «Очерке моей жизни» Томас Манн вспоминал: «Иногда у матери, в присутствии братьев и сестер, а также друзей нашей семьи, я читал вслух отрывки из рукописи. Это было такое же семейное развлечение, как всякое другое; слушатели смеялись, и, помнится, все считали, что за это пространное, упорно мною продолжаемое повествование я взялся только ради собственного удовольствия, шансы на выход его в свет ничтожны, и в лучшем случае – это длительное техническое упражнение в искусстве слова, нечто вроде

музыкального этюда, развивающего беглость пальцев. Не могу с уверенностью сказать, держался ли я сам другого мнения»⁷.

Самуэль Фишер

Роман был закончен 18 июля 1900 года и 13 августа отправлен по почте в Берлин издателю Самуэлю Фишеру, с которым Томас Манн чувствовал себя связанным со времен своей первой опубликованной в издательстве Фишера новеллы *«Маленький господин Фридеман»*. Так же назывался и первый сборник рассказов Томаса Манна, вышедший у Фишера. По признанию самого автора, *«рукопись ["Будденброков"] была безобразна: написанная на обеих сторонах листа, <...> она поэтому казалась не такой огромной, но для рецензентов и наборщиков представляла огромные трудности»⁸.*

Современных технологий копирования тогда не существовало, а переписывать от руки громадный по объему текст автор не стал и сильно беспокоился за судьбу своего произведения. Упаковывая на почте единственный экземпляр рукописи, он от волнения капнул на руку расплавленным сургучом, сильнейший ожог долго напоминал Томасу о том дне, когда он расстался со своим

⁷ Там же, стр. 15.

⁸ Там же, стр. 20.

сокровищем. Вот как вспоминает Томас Манн отправку романа издателю:

«Именно потому, что она имелась только в одном, первом и единственном экземпляре, я решил застраховать ее и рядом с пометкой «рукопись» проставил на пакете ценность, определив ее чуть ли не в тысячу марок. Почтовый чиновник усмехнулся в окошке»⁹.

«Будденброки» – первый роман Томаса Манн, 1901 г.

А потом начались долгие недели и месяцы неопределенности и сомнений – Самуэль Фишер не решался издавать огромный роман, просил сократить его вдвое. Томас Манн, лежа на койке военного лазарета, написал ему отчаянное письмо с категорическим отказом. *«Письмо это, написанное поспешно, в сильной тревоге, дышало волнением и было вызвано крайней необходимостью; оно не замедлило оказать желанное действие»¹⁰.*

Эти воспоминания были написаны спустя тридцать лет после описываемых событий, и автору вполне тогда могло казаться, что «желанное действие» было оказано незамедлительно. На самом деле до принятия Самуэлем

⁹ Там же, стр. 20.

¹⁰ Там же, стр. 21.

Фишером решения издать роман прошли долгие месяцы ожидания, когда смешались робкая надежда и глухая тоска, мрачная депрессия и вера в свою звезду...

Письма к брату Генриху дают представление о состоянии автора неопубликованного романа. Второго ноября 1900 года он жалуется: «...заботы, которые доставляют мне "Будденброки", по-настоящему начинаются, кажется, только теперь, когда они закончены»¹¹. В том же месяце 25 числа: «О "Будденброках" еще никаких новостей»¹². Через месяц страхи усиливаются – из письма от 17 декабря: «Знать бы мне, что будет с "Будденброками"! Уверен, что там есть главы, написать которые смог бы сегодня не каждый, и все же боюсь остаться ни с чем»¹³.

Новый, 1901 год не приносит ясности. В письме от 8 января появляются к тому же жалобы на безденежье: «...относительно "Будденброков" Фишер молчит. Остается 240 м. на четверть года, и пускаться в путь с такими деньгами было бы сумасшествием»¹⁴.

Закрадывается даже мысль поменять издателя. Приятель Томаса по любекской гимназии Хольм Корфиц¹⁵, редактор журнала «Симплициссимус», сообщил, что его издатель Альберт Ланген¹⁶ не возражает опубликовать двухтомный роман Манна. Это давало некоторую уверенность в переговорах с Самуэлем Фишером. К счастью для Манна, менять издателя не пришлось: в феврале Фишер сообщил, что «к весне собирается выпустить второй

¹¹ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2002, S. 133.

¹² Там же, стр. 137.

¹³ Там же, стр. 139.

¹⁴ Там же, стр. 149.

¹⁵ Хольм Корфиц (Holm Korfiz, правильнее Diederich Heinrich Corfiz; 1872-1942) – немецкий писатель, издатель и переводчик. Родился в Риге, переводил на немецкий, главным образом, русских писателей, школьный товарищ Томаса Манна.

¹⁶ Альберт Ланген (Albert Langen, 1869-1909) – немецкий издатель, создатель сатирического журнала «Симплициссимус».

томик <...> новелл, а к октябрю "Будденброков" - без сокращений, вероятно, тремя томами»¹⁷.

В том же письме Томас Манн подводит итог трудным месяцам ожидания и тревог: *«Когда придет весна, позади будет зима, неслыханно тревожная внутренне. Депрессии действительно скверного характера с совершенно серьезными планами самоубийства сменялись неописуемым, чистым и неожиданным душевным счастьем, переживаниями, которые невозможно рассказать и намек на которые произвел бы, конечно, впечатление хвастовства»*¹⁸.

О душевном счастье и переживаниях, о которых невозможно рассказать, мы еще поговорим, а сейчас еще раз отметим, что писателю в то трудное время остро не хватало друзей, которые могли бы его ободрить и поддержать, вывести из депрессии, грозившей довести до самоубийства. К счастью, такой друг нашелся. Им стал Пауль - молодой художник из Дрездена.

¹⁷ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 155. Русский перевод С.Апта из книги Г. Манн – Т. Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. «Прогресс», М. 1988, стр. 49.

¹⁸ Там же, стр. 154.

«Сборный пункт жизнерадостной молодежи»

тцом братьев Карла и Пауля был известный дрезденский живописец Карл Эренберг, и природа не отдыхала на его детях: оба мальчика с детства проявили свои художественные способности. Карл-сын мечтал стать музыкантом и без колебаний шел к цели: он окончил Дрезденскую консерваторию по классу известного композитора Феликса Дрезеке¹ и в 1898 году переехал в Мюнхен, где получил место капельмейстера в театральном оркестре, а уже через год играл в оркестре мюнхенской оперы.

Пауль и Карл Эренберги с Ирмой Дистель и Карлой Манн

Его брат Пауль, напротив, долго не мог выбрать, что станет его основной профессией – музыка или живопись. Его колебания «между скрипкой и кистью» окончились все же победой кисти – он еще раньше, чем Карл, переехал в Мюнхен, где поступил в академию художеств. Правда, и скрипку он не забросил и был известен как скрипач-виртуоз. К моменту знакомства с Томасом Манном Пауль уже был

¹ Феликс Дрезеке (Felix Draeseke, 1835-1913) - немецкий композитор и музыкальный педагог.

признанным молодым представителем импрессионистской школы, сделавшим себе имя портретами, пейзажами и, прежде всего, рисунками лошадей. Он стал членом Мюнхенского общества художников² и отделившейся от него «Группы Луитпольда»³, объединявшей живописцев-новаторов, стремившихся сказать новое слово в искусстве. Пауль Эренберг участвовал в разнообразных художественных выставках, пользовался популярностью у образованной публики и часто уезжал из Мюнхена к очередному заказчику, чтобы на месте выполнить ту или иную работу.

Карл Эренберг, начало 1900-х

В Дрездене с семьей Эренбергов была дружна семья советника юстиции доктора Теодора Дистеля, его жена Дора старалась заменить Карлу и Паулю их рано умершую мать. Мальчики проводили в доме Дистель в пригороде Дрездена

² Мюнхенское общество художников (Münchener Künstlergenossenschaft - MKG) – старейшее сообщество свободных художников в Баварии, основано королевским указом в 1868 году.

³ Группа Луитпольда (Luitpold-Gruppe) – отделившаяся в 1892 году от Мюнхенского общества художников группа живописцев-новаторов.

Блазевиц так много времени, что в шутку называли дочерей Дистель Хильду и Лилли своими «полусестрами». Томас Манн в письмах к Хильде всерьез говорил о молодых Эренбергах «твои братья»⁴.

Карла Манн у чучела сибирского медведя

Рожденная в 1880 году Хильда Дистель была подругой сестры Томаса – Юлии (Лулы) Манн. По воспоминаниям Карла Эренберга⁵, именно Хильда организовала встречу с Томасом Манном. Приехав в Мюнхен на рождество 1899 года, чтобы повидать своих «полубратьев», Хильда познакомила их с Лулой, а та пригласила всю компанию к себе домой – в большую семикомнатную квартиру на Герцогштрассе 3/1, куда ее мать, тоже Юлия, – вдова любекского сенатора – въехала в начале июля 1898 года. В этой квартире с матерью проживали две дочери – Юлия и Карла – и младший сын Виктор. Старшие сыновья сенатора – Генрих и Томас – были

⁴ См., например, цитируемое ниже письмо Томаса Манна к Хильде Дистель от 2 января 1901 года (см. прим. 58).

⁵ *Ehrenberg Carl*. München um Jahrhundertwende. Aus den autobiografischen Notizen. In: Bayerische Staatsbibliothek (Hrsg.): Jugendstil-Musik? Kat. Ausstellung. Wiesbaden 1987, 68-75.

к тому времени самостоятельными и лишь иногда навещали в квартиру на Герцогштрассе: Генрих реже, а Томас, очень привязанный к матери, чаще.

В этой квартире, по воспоминаниям Карла, и состоялась в конце 1899 года встреча Томаса с братьями Эренберг.

Знаменитый биограф Томаса Манна и издатель многих его произведений Петер де Мендельсон⁶ считает, что музыканта подвела его память. Томас Манн познакомился в тот раз только с Паулем, о чем свидетельствует новогоднее поздравление в письме к Хильде Дистел 28 декабря 1899 года⁷: *«Уважаемая и дорогая фройляйн Дистель: <...> коль скоро Вы встретитесь с Вашим братом, господином Паулем Эренбергом, передайте также и ему, пожалуйста, мои новогодние пожелания»*⁸.

Встреча Томаса с другим братом Эренбергом - Карлом - состоялась только через двенадцать месяцев – под новый 1901 год. Об этом событии, когда было выпито много пунша в честь нового знакомства, написал Томас Манн той же Хильде Дистел сразу после праздника – второго января 1901 года⁹.

Квартиру на Герцогштрассе подробно описал в своих воспоминаниях *«Нас было пятеро»*¹⁰ младший из братьев Манн – Виктор. В большой прихожей стояло огромное чучело бурого сибирского медведя с подносом в руках для визитных карточек. Семейная реликвия,

⁶ *Mendelssohn Peter de. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann. Band 1. 1875 bis 1905.* Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 1997, S. 575.

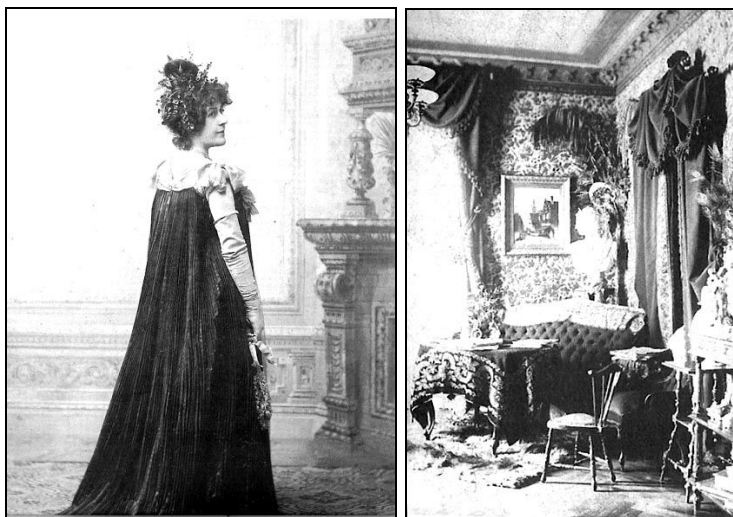
⁷ Об этом пишет Герман Курцке в своей книге *Kurzke Hermann. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Eine Biografie.* Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 2001, S. 139.

⁸ *Mann Thomas. Briefe. Band 1. 1889-1936.* Hrsg. von Erika Mann. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1961, S. 14.

⁹ *Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913* (см. прим. 42), стр. 145-146. См. также *Mann Thomas. Briefe. Band 1. 1889-1936* (см. прим. 57), стр. 22.

¹⁰ *Mann Viktor. Wir waren fünf. Bildnis der Familie Mann.* S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2001.

привезенная из любекского дома Маннов, после смерти матери 11 марта 1923 года перешла по наследству к Томасу, и громадный сибирский медведь еще долго украшал прихожую виллы писателя на Пошингерштрассе, как бы охраняя домашний очаг и традиции distinguished бюргерской фамилии. Дом Томаса Манна в Герцогпарке оказался разрушенным в годы войны, а чучело уцелело, и его дальнейшая судьба достойна отдельного рассказа, к чему мы, надеюсь, когда-нибудь приступим. А сейчас вернемся в гостеприимную мюнхенскую квартиру вдовы любекского сенатора Юлии Манн.

Юлия Манн, мать писателя, и фрагмент ее салона на Герцогштрассе

Из прихожей можно было попасть в три помещения: просторный салон, столовую с длинным балконом и уютную гостиную, где члены семьи любили собираться в узком кругу. Большие приемы гостей устраивали в салоне, где стоял рояль «Бехштейн», на котором музицировали практически все Манны. Томас, правда, больше любил

играть на скрипке. Вот как описывает салон Карл Эренберг¹¹:

«Салон – это сборный пункт жизнерадостной молодежи, интересующейся искусством, где мы провели незабываемые часы; прелесть и привлекательность этого места только усиливались любезностью хозяйки и ее обеих прекрасных дочерей Юлии и Карлы. Старший сын Генрих Манн уже сделал себе имя как писатель, но он заходил редко, так как жил за городом. У Томаса, которого мы называли Томми, к тому времени вышли лишь небольшие работы, сам он трудился тогда над "Будденброками", из которых время от времени читал нам отрывки. Мы иногда его спрашивали: "Ну, кто во всем мире будет интересоваться этой семейной историей?". Но интересуются же!»¹².

Томас Манн посвятил Карлу свою новеллу «Тристан», давшую имя второму сборнику новелл писателя. Посвящение гласит: *«Карлу Эренбергу, музыканту, за многие звучащие часы».*

Не остался без посвящения и брат Карла – Пауль. В первом издании «Будденброков» ему посвящена девятая часть: *«Паулю Эренбергу, храброму художнику, в память о наших мюнхенских музыкально-литературных вечерах».*

Отношения Томаса Манна и Пауля Эренберга были много значительнее и серьезнее для писателя, чем может подумать неискушенный читатель этого посвящения. И отрывок из автобиографии, где говорится о «крестьянских балах» в Швабинге или веселых вечеринках втроем, дает очень слабое представление о том напряжении чувств, перепадах настроения, муках ревности и восторгах понимания, которые сопровождали молодого литератора все

¹¹ Карл Эренберг (Carl Ehrenberg – 1878-1962) – немецкий композитор, дирижер, педагог, с 1922 года капельмейстер государственной оперы в Берлине. В 1925-35 годах – профессор Кельнской консерватории, с 1945 года до конца жизни – профессор Мюнхенской консерватории.

¹² *Ehrenberg Carl. München um Jahrhundertwende. Aus den autobiografischen Notizen* (см. прим. 54), стр. 71.

три года «мужского романа» с немного ветреным художником и скрипачом-виртуозом.

Их дружба развивалась стремительно, такой скорости сближения с незнакомым ранее человеком не наблюдалось у Томаса Манна после выхода из школьного возраста. Уже через пару месяцев после знакомства молодые люди перешли на «ты».

Пауль Эренберг, 1902 г.

В биографиях писателя на русском языке этому эпизоду его жизни, им самим названным *«центральный сердечным переживанием двадцати пяти лет»*¹³, уделяется, в лучшем случае, пара строчек. А ведь оно важно не только с биографической точки зрения, но ценно для понимания его творчества, ибо отголоски этой дружбы слышны даже в произведениях, написанных спустя десятилетия.

Полистаем же сохранившиеся записные книжки писателя и просмотрим дошедшие до нас его письма, большинство из которых еще не переведено на русский, и

¹³ *Mann Thomas. Tagebücher. 1933-1934. Herausgeben von Peter de Mendelsohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1977, S. 412.*

попытаемся восстановить, хотя бы схематично, хронологию этого романа.

«Я люблю Тебя! О боже... Я люблю Тебя!»

Первая запись с именем «Пауль Эренберг» появился в третьей *«Записной книжке»* за 1899 год с адресом силезского городка (скорее, деревни) Витухово, где, по-видимому, какое-то время проводил художник¹. Через несколько страниц указан день рождения Пауля – 8 августа².

О новогоднем поздравлении Хильды Дистел 28 декабря 1899 года с наилучшими пожеланиями *«брату, господину Паулю Эренбергу»* мы уже упоминали (см. прим. 57).

Через три месяца отношения Томаса и Пауля становятся уже вполне близкими, о чем свидетельствует фотография, которую Томас подарил другу 6 марта 1900 года со стихами известного лирика Йозефа фон Эйхендорфа (Айхендорфа)³ о верности двух людей, дополняющих друг друга, и *«радостной работе муз»*. К этому добавлено посвящение: *«Моему дорогому Паулю Эренбергу для дружеских воспоминаний до встречи! Томас Манн»*⁴.

Самое раннее большое письмо Томаса Манна, адресованное Паулю Эренбергу, которое дошло до нас, датировано 29 июня 1900 года. На нескольких страницах

¹ *Mann Thomas*. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 1, Notizbücher 1-6, Hrsg. von Hans Wysling und Yvonne Schmidlin. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1991, S. 183. Адрес выглядит так: Paul Ehrenberg. Wituchowo b/Kreiltsch. Prov. Posen. Ныне это центр сельского округа в польской волости Квильч.

² Там же, стр. 185.

³ Йозеф Карл Бенедикт барон фон Эйхендорф (Айхендорф) (Joseph Karl Benedikt Freiherr von Eichendorff; 1788-1857) — выдающийся поэт и писатель немецкого романтизма.

⁴ *Mann Thomas*. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese. Hrsg. von Erika Mann. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1965, S. 423.

Томас весело рассказывает приятелю, по-видимому, все лето проводившему в Витухово, о том, как медицинская комиссия признала Томаса годным к воинской службе, и молодой писатель должен отслужить год, начиная с первого октября. Об этом эпизоде своей биографии Томас Манн напишет потом в *«Очерке моей жизни»*: *«Я, по-видимому, переживал расцвет юных сил, создавший у дежурного врача ложное представление о моей пригодности к военной службе. Меня призвали, я был зачислен в лейб-пехоту и заказал себе щеголеватый мундир»*⁵.

Картины Пауля Эренберга

Вторая часть письма от 29 июня 1900 года посвящена новостям культурной жизни Мюнхена. Собственно о чувствах Манна говорит один фрагмент, в котором Томас описывает картину с выставки в «Стеклянном дворце» (Glaspalast). Картина называлась *«Сердце»* и принадлежала кисти берлинского художника Мартина Бранденбурга⁶. Объективно говоря, картина представляла собой обычный китч, но она буквально потрясла влюбленного литератора. Манн подробно описывает сюжет картины: *«В некотором удивительно выразительно нарисованном лесу стоит, прислонясь к стволу, юная девушка и держит в руке сердце, с которым она грациозно и довольно бесцеремонно кокетничает; а*

⁵ Манн Томас Очерк моей жизни (см. прим. 27), стр. 20.

⁶ Мартин Бранденбург (Martin Brandenburg, 1870-1919) – немецкий художник-импрессионист, автор картин с фантастическими и сказочными сюжетами.

перед ней на коленях стоит молодой человек, в руке у него нож, а в груди огромная резаная рана, взгляд фанатичен, в экстазе и страдании направлен вверх. Картина произвела на меня огромное впечатление, притом, что с художественной точки зрения она не стоила и пяти пфеннигов»⁷.

Отто Граутоф

Чувствуется, что Томас Манн ощущал в себе эту самую «резаную рану» в груди, оттого и «огромное впечатление», которое произвела на него картина-пустышка.

Общение с братьями Эренбергами расширяло круг интересов Томаса Манна, в частности, он стал лучше понимать и чувствовать музыку. Музыкальные темы и образы музыкантов стали все чаще появляться в его произведениях. Друзья не пропускали ни одной новой

⁷ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 117.

постановки в театрах и в опере, ни один концерт в Мюнхене. Ходили на представления, как правило, вдвоем или втроем, если кого-то из Эренбергов не было в городе. Если отсутствовали оба брата, то Томас брал в спутники либо сестру Карлу, либо друга Граутофа – он не любил «ходить в свет» в одиночестве.

Если Пауля не было с ним в опере или на концерте, Томас подробно рассказывал ему о своих впечатлениях, давал оценки услышанному и увиденному. В этих оценках чувствуется еще не очень опытный любитель, иногда его мнения вызывают улыбку своей наивностью. Например, в письме Паулю Эренбергу от 18 июля 1901 года Томас хвалит дирижера Цумпе за темперамент, оговариваясь, что *«в некоторых случаях (Тристан) мне симпатичнее германская неповоротливость Фишера (Цумпе явно еврей)»*⁸.

Не оценивая музыкальной проницательности молодого писателя, можно сказать, что в отношении еврейства Цумпе он явно ошибся: Герман Цумпе, ставший в 1900 году придворным капельмейстером, а с 1903 года – генеральным музыкальным директором оперы в Мюнхене, никаким евреем не был. У Томаса Манна еще не было опыта общения с евреями. Его знакомство с ними было скорее умозрительным, чем живым, хотя около года он и проработал в откровенно антисемитском журнале *«Двадцатый век»*, издававшемся в то время его братом Генрихом⁹.

Забавно, что любекскому пастору, который в романе Манна назвал семью Будденброков «загнивающей», автор дал фамилию Прингсхайм, явно не подозревая, что через пять лет он возьмет себе жену Катю как раз из еврейского дома Прингсхаймов.

Но вернемся в 1900 год. С октября до декабря никаких встреч Томаса и Пауля быть не могло, так как призванный на военную службу литератор честно пытался

⁸ *Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese* (см. прим. 66), стр. 429.

⁹ Подробнее см. в моей статье *Беркович Евгений. Неизвестный Томас Манн. «Заметки по еврейской истории», №5 2010.*

исполнить свой гражданский долг, готовя себя к обороне отечества. Как вспоминал сам автор, из этого ничего не вышло: *«Всего несколько недель прожил я в чадной духоте казармы, и во мне созрело мрачное, как выяснилось, непреклонное решение освободиться во что бы то ни стало. Грубые окрики, бессмысленная трата времени и показная молодцеватость несказанно меня тяготили»*¹⁰.

Томас Манн и Пауль Эренберг, 1901 г.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: при упражнении в церемониальном марше Томас заработал себе воспаление сухожилий голеностопного сустава и провел две недели в полковом лазарете. Как только незадачливый вояка вернулся в строй, воспаление возобновилось. Это его и спасло. Не последнюю роль, как пишет Манн в *«Очерке моей жизни»*, сыграло знакомство *«врача <...> матери со старшим полковым врачом, от которого все зависело. «"Впредь до дальнейших распоряжений" мне дали отпуск; а*

¹⁰ Манн Томас Очерк моей жизни (см. прим. 27), стр. 20.

к новому году – уволили вчистую. Я – с какой радостью! – подписал отказ от возмещения за причиненное мне увечье. <...> С этого момента я уже не соприкасался больше с военной службой»¹¹.

В декабре встречи молодых людей возобновились.

У начинающего литератора в Мюнхене практически не было душевных друзей, с которыми он мог быть откровенным до конца. Многим он делился со старшим братом, но и ему не рассказывал всего о своих душевных переживаниях. Со своим школьным товарищем Отто Граутофом¹² Томас был более откровенен. Письмо ему от 19 декабря 1900 года показывает, как нежно относился Манн к своему новому другу Паулю Эренбергу, недавно вернувшемуся в Мюнхен из Витухово: *«Разумеется, вчера вечером я был с Паулем Эренбергом, который без большого труда уговорил меня пойти послушать "Маргариту" Гуно»¹³. Это были, действительно, прекрасные часы. Я сидел на своем кресле рядом с этим открытым, безмятежным, наивным, немного самовлюбленным, но непоколебимо искренним товарищем и слушал без слишком большого волнения или утомительного соучастия эту нежную, сладкую, невинную и мирную музыку...»¹⁴.*

Зимой 1900-1901 года чувства заметно стали глубже. В уже упомянутом письме брату от 13 февраля 1901 года (см. прим 48) Томас пишет о *«неописуемом, чистом и неожиданном душевном счастье, переживаниях, о которых нельзя рассказать и намек на которые походил бы, конечно, на хвастовство. Но одно они мне, впрочем, показали, эти очень нелитературные, очень простые и живые переживания, — что во мне все-таки есть еще что-то честное, теплое и доброе, а не только "ирония", что еще не*

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² Отто Граутоф (Otto Nikolas Grautoff, 1876-1937) – немецкий историк искусств, публицист, переводчик, школьный товарищ Томаса Манна.

¹³ Опера Гуно «Фауст» на немецкой сцене шла под названием «Маргарита» («Margarete»).

¹⁴ *Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 140-141.*

*все во мне высушено, искажено и изъедено проклятой литературой*¹⁵.

Томас Манн не рассказывает брату всех подробностей. Школьному товарищу Томас доверял больше. В письме Отто Граутофу от 22 февраля 1901 года он признается: *«У меня было большое желание <...> исповедоваться перед ним [Генрихом] обо всем моем романе. Но сейчас у меня совсем нет времени для этого и, кроме того, я боюсь этой письменной исповеди и обобщения, так как у меня уже есть опыт, что подобные сообщения ничего не облегчают, а только все углубляют и преувеличивают»*¹⁶.

Эти опасения *«все углубить и преувеличить»* переполненный чувствами молодой литератор выразил и старшему брату. В письме от 7 марта 1901 года есть такие многозначительные строки: *«От более подробной исповеди воздержусь, потому что писание и копание только все углубляют и преувеличивают. А тут ничего преувеличивать нельзя. Дело идет не о любовной истории, во всяком случае, не о ней в обычном смысле, а о дружбе, дружбе — о диво! — понятой, взаимной, вознагражденной, которая, признаюсь без рисовки, в иные часы, особенно в часы подавленности и одиночества, принимает слишком, пожалуй, болезненный характер; Граутоф утверждает даже, что я влюблен как гимназист-старшеклассник, но это его понимание. Мой нервный склад и философское направление ума невероятно все усложнили; тут сотня сторон, и простейших, и в духовном смысле авантюристических. Но главное — это глубоко радостное удивление перед отзывчивостью, которой уже не чаял в этой жизни. Довольно об этом. Устно я, может быть, поведаю когда-нибудь больше»*¹⁷.

¹⁵ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 155. Русский перевод С. Апта из книги Г. Манн – Т. Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. «Прогресс», М. 1988, стр. 49.

¹⁶ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 158.

¹⁷ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 160-161. Русский перевод

В цитированном письме Граутофу от 22 февраля 1901 года (см. прим. 78) есть еще такие строчки: *«С другой стороны, у меня есть, естественно, жгучее желание все вместе еще раз прокрутить, чтобы себе самому объяснить»*¹⁸.

Что хотел *«себе самому объяснить»* Томас Манн, мы не знаем. Единственным прямым свидетельством непростых отношений Томаса и Пауля зимой 1900-1901 годов является дошедшее до нас письмо Манна Эренбергу от 19 января 1901 года, в котором впечатлительный литератор просил прощения за то, что неожиданно сбежал с одной общей вечеринки: *«Я выдал столько глупой и отвратительной ерунды (о Толстом, Лютере, христианстве и тому подобном), что, в конце концов, убежал от самого себя и поспешно спрятался под одеяло. Мне стало мучительно стыдно»*¹⁹.

Истинные мотивы такого неожиданного побега Томас Манн описал в психологическом этюде *«Голодающие»* (*«Die Hungernden»*), увидевшем свет в 1903 году. Герой рассказа Детлеф тоже оставляет свою возлюбленную Лилли на блестящем балу какому-то *«маленькому художнику»* и покидает зал: *«Он хорошо знал этот уход, этот безмолвный, гордый и отчаянный побег из зала, сада, из какого-то другого места веселой вечеринки, совершаемый с тайной надеждой хоть на короткое мгновение вызвать у этого светлого существа, по которому тоскуют, ощущение мрака, раздумий, сострадания...»*²⁰.

Весной 1901 года начались те самые *«крестьянские балы»* и совместные велосипедные прогулки, о которых писал Томас Манн в *«Очерке моей жизни»* (см. примечание

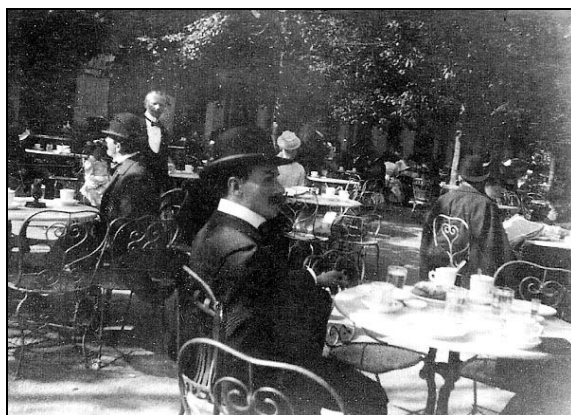
С.Апта из книги Г. Манн – Т. Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. «Прогресс», М. 1988, стр. 51.

¹⁸ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 158.

¹⁹ Там же, стр. 150-151.

²⁰ Mann Thomas. Die Hungernden. In: Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bände. Band VIII, S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 267.

28). О том же думал писатель через девятнадцать лет, в 1949 году, когда он с некоторым опозданием узнал о смерти Пауля Эренберга. В письме брату Карлу от 22 ноября Томас вспоминал об их дружбе вдвоем, о «прекрасных, доверительных и восхитительных часах, которые мы друг с другом проводили – эти воспоминания никогда не перестанут вызывать счастливые эмоции, которые согревают и освещают мою жизнь. С вами я мог беспечно веселиться. Помнишь, как мы рано утром на велосипедах ездили к "Аумайстеру"²¹ (твой велосипед мы звали "корова", потому что у него было всегда грязное брюхо) и после кофе кидали камни в пустые пивные бутылки?»²².

Томас Манн в Мюнхене, 1900 г.

С братьями Эренберг Томасу Манну некогда было скучать, они вечно придумывали какие-то развлечения и проказы. Пауль был особенно мил и открыт, разговорчив и общителен. Ему легко удавалось вытащить своего задумчивого, склонного к рефлексии и мечтательности друга из его привычного одиночества и заставить целиком окунуться в бурлящую праздничную жизнь. В ней

²¹ «Аумайстер» (Der Aumeister) – мюнхенский кабачок в северной части Английского сада.

²² Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese (см. прим. 66), стр. 110.

хороводом, сменяя друг друга, крутились выставки и концерты, пешие вылазки загород и прогулки на велосипедах, балы и пивнушки, кафе и рестораны, посещение гостей и домашнее музицирование...

Томас Манн был на верху блаженства. Именно весной 1901 года в его седьмой записной книжке появилось в двух частях (на страницах 49 и 52) посвященное Паулю стихотворение, в котором главной является строка: «Я люблю Тебя! О божже... Я люблю Тебя!»²³.

²³ *Mann Thomas*. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2, Notizbücher 7-14 (см. прим. 7), стр. 44 и 46.

Мери Смит

уквально через несколько месяцев после такой кульминации чувств в отношениях Томаса и Пауля наступает некоторое охлаждение. Летом 1901 года друзья расстаются на относительно долгое время. Томас Манн уезжает в конце апреля в Италию, посещает Флоренцию и Венецию. Во Флоренции он впервые в жизни прервал серию своих «мужских романов» и увлекся миниатюрной англичанкой Мери Смит, которая отдыхала там же с сестрой Эдит. Симпатии оказались взаимными, и дело, как будто, шло к браку. Писателю в июне должно было исполниться двадцать шесть лет, и пора уже было задуматься об устройстве своей семейной жизни. Воспитанному в патриархальных традициях сыну любекского сенатора было ясно, что стать уважаемым писателем, к чему он стремился, в немецком обществе невозможно, не имея нормальную семью. В *«Очерке моей жизни»* он так описывает свое флорентийское приключение:

«В семейном пансионе во Флоренции я подружился с двумя соседками по столу, англичанками, родными сестрами; старшая из них, брюнетка, была мне симпатична, младшую, блондинку, я находил очаровательной. Мери, или Молли, ответила на мое чувство, мы нежно полюбили друг друга, и между нами шла речь о том, чтобы закрепить нашу взаимную склонность браком. В конечном итоге меня остановила мысль, не рано ли мне жениться, возникли и некоторые опасения в связи с тем, что девушка другой национальности. Мне думается, юную британку тревожили те же сомнения, и обоюдное наше увлечение ничем не кончилось»¹.

¹ Манн Томас Очерк моей жизни (см. прим. 27), стр. 25.

Увы, «нежная любовь», о которой спустя тридцать лет ностальгически вспоминал Томас Манн, оказалась удивительно недолгой. Во Флоренцию писатель прибыл из Мюнхена 26 апреля², и меньше, чем через две недели, 7 мая 1901 года пишет брату Генриху о своем разочаровании: «Мисс Мери, у которой позавчера был день рождения и которой я подарил корзиночку засахаренных фруктов, доставила мне много радости. Но теперь, я думаю, я становлюсь для нее слишком меланхоличным. *She is so very clever*³, а я так глуп, что всегда люблю тех, кто *clever*⁴, хотя долг соответствовать им не могу»⁵.

Биографам Томаса Манна не удалось определить, кем была эта таинственная блондинка из Англии, словно сошедшая с картины Боттичелли, как описал ее сам писатель в письме Паулю Эренбергу от 26 мая 1901 года, сразу по возвращению из Италии в Мюнхен:

«То, что было с маленькой англичанкой, которая выглядела, как на картине Боттичелли, только много веселее, сначала казалось беззаботным флиртом, но приобрело впоследствии поразительно серьезный характер – и, (о чудо!) с обеих сторон. Прощание было чуть-чуть театральным, – хотя это, собственно, общепринято в таком тоне говорить при подобных обстоятельствах; я рассчитываю на твое врожденное хладнокровие. Вообще, может быть, в этом вопросе последнее слово еще не сказано. Но попробуй только об этом рот раскрыть!»⁶.

Томас Манн, прошедший все уровни обучения в известной любекской гимназии «Катаринеум», неплохо знал английский. По крайней мере, ему и брату Генриху, который не владел этим языком, так как оставил гимназию до окончания, ничего не мешало весело проводить время с

² *Kurzke Hermann*. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Eine Biografie (см. прим. 56), стр. 154.

³ Она такая умница (англ.).

⁴ Умен (англ.).

⁵ *Mann Thomas*. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 167.

⁶ Цитируется по книге *Kurzke Hermann*. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Eine Biografie (см. прим. 56), стр. 155.

сестрами Смит. В записной книжке Томаса сохранились несколько страниц с результатами какой-то карточной игры, участники которой обозначены так: «*мисс Эдит*», «*мисс Мери*», «*Г.Манн*» и «*Томми*»⁷. Когда Генрих уехал из города по делам, игры продолжались втроем.

Неизвестно, откуда приехали во Флоренцию Мери Смит с сестрой Эдит, что привело их в столицу итальянской Тосканы, и вряд ли мы об этом когда-нибудь узнаем. Разве что на чердаке какого-нибудь старинного английского особняка обнаружат пожелтевшие письма Томаса Манна к «*мисс Мери*». По косвенным признакам можно судить, что обе сестры хотя бы немного знали немецкий, так как братья Томас и Генрих дарили им свои книги. Томас даже написал из Флоренции своему издателю Самуэлю Фишеру, чтобы тот срочно выслал ему в Италию экземпляр первого сборника новелл Манна «*Маленький господин Фридеман*». Книга, к сожалению, потерялась в пути от Берлина до Флоренции, пришлось заказывать второй экземпляр.

Когда осенью 1901 года многострадальный роман «*Будденброки*» вышел, наконец, в свет, радостный автор составляет список лиц, кому в первую очередь надо подарить книгу. В начале списка стоят мама и сестра Карла, затем брат Генрих, вторая сестра Лула, дальше друзья, среди них, Мартенс, Граутоф, Пауль и Карл Эренберги... Предпоследней в этом списке самых близких писателю людей значится Мери Смит⁸. Кстати, это единственная запись, из которой мы узнали фамилию веселой англичанки.

Переписка между Томасом и Мери продолжалась и после расставания во Флоренции. В той же четвертой записной книжке, в которой появился список рассылки «*Будденброков*», любящий во всем порядок писатель отмечает, кому он должен еще написать письма. Запись относится к концу 1901 года, и среди корреспондентов Манна - «*боттичеллевская красавица*» из туманного Альбиона: «*Лула, Граутоф, Эренберги, Мери*»⁹.

⁷ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 1, Notizbücher 1-6 (см. прим. 63), стр. 200.

⁸ Там же, стр. 210.

⁹ Там же, стр. 242.

Последнее упоминание Мери Смит в записных книжках Томаса Манна относится к осени 1902 года. Тогда писатель сделал черновик посвящения своей новой новеллы «*Gladius Dei*», над которой он как раз тогда работал. Новелла вошла в сборник «*Тристан*», появившийся на прилавках книжных магазинов весной 1903 года. Окончательный вариант «*To M.S. in remembrance of our days in Florence*»¹⁰ лишь немногим отличается от заготовки в записной книжке: «*To Miss – in friendly remembrance of our happy days in Florence*»¹¹.

Как ни скоротечна была флорентийская встреча Томаса Манна и Мери Смит, она оставила глубокий след в его памяти. Запрет Паулю Эренбергу говорить на эту тему показывает, как трепетно относился молодой писатель к первой женщине, пробудившей в нем какие-то чувства и мысли о браке. Естественно спросить, зачем же вообще Томас рассказал Паулю о своем итальянском приключении? Ответ простой: его чувства к молодому художнику еще не остыли, и Томас хотел вызвать у своего друга элементарную ревность. Так естественно желание подогреть чувства партнера, показав ему, что твоим сердцем могут овладеть и другие люди.

Встреча с Мери Смит оказалась для Томаса хорошей жизненной школой перед знакомством с главной женщиной его судьбе – Катей Прингсхайм. Это знакомство состоится летом 1903 года, но до того должен был подойти к концу его затянувшийся «мужской роман» с Паулем Эренбергом.

¹⁰ «М.С. в память о наших днях во Флоренции» (англ.).

¹¹ «Мисс – с дружеским напоминанием о наших счастливых днях во Флоренции» (англ.). *Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2, Notizbücher 7-14* (см. прим. 7), стр. 77.

«Центральное сердечное переживание»

осле упомянутого письма Томаса Манна Паулю Эренбергу от 26 мая 1901 года переписка между друзьями на несколько месяцев замирает. Манн с братом вновь уехал в Южный Тироль, который тогда принадлежал Австрии (сейчас это территория Италии). В письме Паулю от 18 июля 1901 года из курорта Миттербад неподалеку от Мерано Томас многословно извиняется за долгое молчание¹.

Уже после возвращения с курорта Томас пишет 6 ноября из Мюнхена своему надежному другу Отто Граутофу, которому он доверял самые сокровенные сердечные тайны: *«Для меня возобновляющийся "сезон" примечателен в особенности встречей с Паулем Эренбергом, которая на днях произошла во время обеда у знакомых. И вчера вечером уже у нас я снова слушал его скрипку. Он прежний... И я тоже прежний: такой же слабый, легко увлекающийся, ненадежный и не слишком серьезный, чтобы уразуметь, что я ухватил руку жизни, коль скоро она ее мне, смеясь, протягивает. Каждый год, в то время, когда природа застывает, жизнь врывается в летнее запустение и холод моей души и льет потоки чувства и тепла сквозь все мои жилки. И я этому не препятствую»*².

К радости новой встречи примешивается досада на то, что он у модного художника и скрипача-виртуоза далеко не единственный приятель. Томас Манн явно ревнует своего немного легкомысленного и непостоянного друга, у которого весь день расписан встречами с различными

¹ Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese (см. прим. 66), стр. 427.

² Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 175-176.

людьми. В седьмой записной книжке Манн отмечает: *«Настенный календарь П.<ауля> с пометками его общественных обязанностей. Он читает его, смотрит также имена»*³.

В романе *«Доктор Фаустус»*⁴ Пауль Эренберг стал прототипом скрипача Руди Швердтфегера. *«Вообще, он рожден для флирта, а не для любви или дружбы. И наша дружба – это флирт, и я уверен, что без флирта она была бы для него куда менее привлекательна»*⁵, - писал Томас Манн о своем друге в седьмой записной книжке, откуда эта запись почти дословно перешла в роман.

Как обычно бывает, флиртовал один, а его партнер глубоко страдал от непостоянства любимого. Но и страдая, Томас Манн оставался, прежде всего, литератором. Любое свое жизненное переживание он переплавлял в художественную форму. В уже упомянутом письме Отто Граутофу от 6 ноября 1901 года, Томас признавался: *«Я в достаточной мере художник. Все, что со мною может произойти, я могу использовать»*⁶.

Чувства человека, на глазах которого его друг заигрывает с другими, Томас Манн описал в новелле *«Счастье»*. Новелла вышла в свет в январском номере журнала *«Нойе рундшау»* за 1904 года, но наброски к ней можно найти на той же странице седьмой записной книжки, где упомянут *«настенный календарь П.»*. Буквально сразу за этой записью идет заготовка для нового произведения: *«Незначительное недомогание с его стороны позволяет ей построить целый мир из мечтаний, в которых она ухаживает за своим страдающим питомцем»*⁷.

³ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2, Notizbücher 7-14 (см. прим. 7), стр. 55.

⁴ Манн Томас. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом (см. прим. 30).

⁵ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2, Notizbücher 7-14 (см. прим. 7), стр. 67.

⁶ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 21. Briefe I. 1889-1913 (см. прим. 42), стр. 176.

⁷ Там же.

В новелле эти слова принадлежат баронессе Анне, чей муж - гусар Гарри - почти не таясь, ухаживает за молоденькой певичкой и даже дарит ей свое обручальное кольцо. Кстати, это не единственный случай в творчестве Манна, когда он свои чувства и переживания вручает женским образам.

В литературе автору легче добиться справедливости, чем в жизни. В рассказе Манна соблазняемая бароном певичка неожиданно принимает сторону Анны и возвращает ей кольцо неверного супруга. В мюнхенской реальности все сложнее и запутаннее, и счастливого конца не видно. В отношениях Томаса и Пауля зимой 1902 года наступает явный кризис.

Карнавалы в том году заканчивались во вторник, 11 февраля, поэтому весь январь Мюнхен веселился, как умеют веселиться жизнерадостные баварцы. В карнавалной стихии «*дитя муз*»⁸ Пауль Эренберг чувствовал себя как рыба в воде. Он буквально разрывался между праздничными развлечениями, не пропуская ни «*крестьянские балы*» в Швабинге, ни концерты и спектакли в столичных театрах. Томас Манн чувствует себя обиженным – у его друга не оставалось времени для общения. От тоски не спасал даже успех у критиков романа «*Будденброки*» - в различных газетах и журналах появлялись рецензии, как правило, доброжелательные, хотя до материального успеха было еще далеко: первое издание огромного романа в двух томах оказалось слишком дорогим для массового читателя, книги раскупались неохотно. Но молодой писатель и не рассчитывал на большие гонорары – счастьем было уже то, что его произведение высоко оценено отдельными критиками и коллегами-литераторами. Например, австрийский поэт Рихард фон Шаукаль⁹ сравнил «*Будденброки*» с лучшими русскими, французскими и скандинавскими романами. Эту восторженную рецензию, напечатанную в венской газете «*Винер Абендпост*», Томас

⁸ «*Сыновьями муз*» назвал братьев Эренберг Томас Манн в письме Хильде Дистель от 2 января 1901 года (см. прим. 58).

⁹ Рихард фон Шаукаль (Richard von Schaukal, 1874-1942) - австрийский поэт, прозаик.

Манн вложил в письмо своему легкомысленному другу, написанное 28 января 1902 года.

Откровенное и грустное письмо, и если бы не знать, что оно подлинное, написанное одним конкретным человеком другому, то можно было бы подумать, что это фрагмент какой-то сентиментальной новеллы:

«Где этот человек, который мне, человеку не очень любезному, капризному, мучающему себя, недоверчивому, мнительному, но чувствительному и необычно страстно ищущему симпатии человеку, скажет «да»? Непоколбимо? Без того, чтобы своей явной холодностью, явными отказами напугать и оставить в изумлении? Без того, например, чтобы подобной холодностью и подобными отказами из удобства или равнодушия заявить, что «я должен был сначала к нему опять привыкнуть», вместо того, чтобы из расположенности и доверия твердо оставаться близким мне другом? Где этот человек?!? – Глубокое молчание»¹⁰.

Если не знать автора письма, то можно было бы утверждать, что эти строки, наполненные тоской и смятением, написала женщина. Впрочем, сам Манн устами своего альтер эго Тонио Крёгера отмечал сходство поэта и женщины: *«И вообще, разве художник – мужчина? Спросите об этом лучше женщину»¹¹.*

Так выглядит эта фраза в каноническом русском переводе Наталии Ман¹². В оригинале Томас Манн использует вместо нейтрального слова *«die Frau»* – «женщина» более резкое выражение: *«das Weib»* – «баба». Фраза настолько напоминает патриархально-грубоватый стиль Ницше, что писателя даже спрашивали, не цитата ли это из работ философа. В письме французскому исследователю творчества Ницше Луису Ляйбриху (Louis

¹⁰ *Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese* (см. прим. 66), стр. 432.

¹¹ *Mann Thomas. Tonio Kröger. In: Mann Thomas. Sämtliche Erzählungen in zwei Bänden. Band 1. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1995, S. 290.*

¹² *Манн Томас. Тонио Крёгер. Перевод Наталии Ман* (см. прим. 33).

Leibrich) от 24 февраля 1949 года Томас Манн отвечает: *«Стиль Ницше, но не из него»*¹³.

Пауль не остался безразличным к отчаянию своего друга, он примчался к нему, как только получил письмо, полное боли. В записной книжке Томаса Манна есть пометка: *«П.<ауль> пришел после обеда 30 января»*¹⁴. Больше ничего о встрече не сказано, но о том, как она проходила, можно судить по аналогичной сцене из *«Доктора Фаустуса»*: герой романа Адриан Leverkюн написал своему другу, скрипачу Руди такое же отчаянное письмо, как Томас Паулю. Роман писался в 1946 году, но заготовка для этой сцены ждала своего часа с 1902 года, когда Манн занес в записную книжку по горячим следам визита Эренберга набросок сцены, написанной от лица женщины: *«Письмо ему, очень смелое. После этого его немедленный визит, его благодарность, его желание избавить ее от стыда, заключение дружбы, обещание верности»*¹⁵.

Несмотря на внешнее примирение, трещина в отношениях не исчезла, а стала, возможно, еще глубже. Продолжение наброска в записной книжке убеждает в этом: *«Кажется, что она, несмотря на его внешне примерное поведение, этим письмом больше навредила, чем помогла. Ласки, доверчивость, которые он иногда проявляет, подтверждают это. Его непосредственность все же иногда раздражает»*¹⁶.

Больше подобных откровенных сцен в письменной форме Томас Манн себе не позволял.

В апреле 1902 года отношения между Томасом Манном и Паулем вновь ухудшились. Писателя явно

¹³ Die Briefe Thomas Mann. S. Regesten und Register. Band III. Die Briefe von 1944 bis 1950. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1982, S. 598.

¹⁴ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2 (см. прим. 7), S. 54.

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 58.

начинает раздражать «колоритная семейка»¹⁷, как он называет теперь братьев Эренберг. В седьмой записной книжке на странице 83 братья называются «темпераментной», «колоритной», «страстной» семьей, которой «сам черт не брат», и это Манн считает «ужасным». И продолжает:

*«Я это теперь так часто слышу, что испытываю страх перед этой ужасной семьей. Как только я слышу их имена, сразу ощущаю себя словно парализованным и бессильным, так что на меня наваливается безнадежная усталость и во мне все рушится...»*¹⁸.

Через сорок с лишним лет в романе «Доктор Фаустус» Томас Манн преобразует свои чувства к Паулю в сложные отношения между Руди Швердтфегером (Пауль) и влюбленной в него Инес Инситорис (Томас), которая почти буквально повторила слова из записной книжки 1902 года: «Когда я слышу слово «темпераментный», меня охватывает страх и тревога»¹⁹.

В отношении Томаса к Паулю все сильнее ощущается двойственность: с одной стороны, погруженному в напряженную духовную жизнь писателю по душе счастливая непосредственность, наивная простота его друга, который весь в реальной жизни. Противопоставление «духовности» и «реальной жизни» всегда тревожило Томаса Манна, и он был искренно признателен Паулю за то, что тому удавалось наводить мосты через эту пропасть. Но, с другой стороны, «святая простота» часто не в состоянии понять то, что волнует и мучает его интеллектуального товарища.

В письме Хильде Дистель от 14 марта 1902 года Томас подводит определенный итог интенсивной дружбы с

¹⁷ Томас Манн использует словосочетание «rassige Familie», что можно перевести как «темпераментная семья», «колоритная семья»...

¹⁸ Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2 (см. прим. 7), S. 65.

¹⁹ Mann Thomas. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом (см. прим. 30).

Паулем: *«Я сделал его немного литературнее, а он меня – немного человечнее. И то, и другое необходимо»*²⁰.

Относительно духовного развития Пауля у Томаса никогда не было сомнений. В новелле «Тонио Крёгер» Пауль выведен в образе Ганса Гансена, красавчика, в которого влюблен герой произведения. Ганс не читает серьезных книг, ограничиваясь картинками в книжках про лошадей. Пауль тоже рисует лошадей, и ему так же далеки философские проблемы, над которыми ломает голову его друг. Пауль не просто их не понимает, он о них даже не задумывается.

В «Докторе Фаустусе» Руди, списанный с Пауля, *«по своему обыкновению, в подобных случаях, когда моя точка зрения оказывалась ему совершенно новой, сверлил своими голубыми глазами попеременно то мой правый, то левый глаз, при этом обезоруживающе надувал губки»*²¹.

Наивность друга поначалу умиляла, казалась трогательной и детской. Потом безапелляционные высказывания Пауля о вещах, в которых он ничего не понимает, стали вызывать у Томаса смех. Например, когда Пауль примеряет на себя образ Гамлета.

Эту сцену Томас Манн занес в записную книжку и использовал потом в новелле «Тонио Крёгер». В Гамлете писатель чувствует коллегу – *«литератора до мозга костей»*²²:

*««Гамлет -: его воодушевленные слабости, сверхчувствительность его совести, его болезненное самокопание, его пылкая фантазия и его отказ признавать действительность, его пессимизм, его отвращение к познанию (будь то Офелия, женщины, придворные, все его существование). (Ему достаточно взглядеться во что-нибудь, чтобы начать испытывать к нему отвращение). --- ессе ego»*²³!»

Пауль отвечает не без важности:

²⁰ Mann Thomas. Briefe. Band 1. 1889-1936 (см. прим. 57), стр. 31.

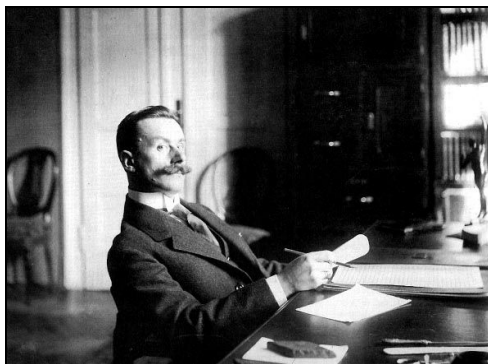
²¹ Манн Томас. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом (см. прим. 30).

²² Фраза из новеллы «Тонио Крёгер».

²³ вот я (лат.)

"Да, это правда... Прямо, как будто в зеркало взглянул! "

И я дико смеюсь в душе... Дружок! Никогда он не был столь чужд мне. Он похож на Гамлета, как я на Геккулеса!»²⁴

Томас Манн за рабочим столом, 1903 г.

Возвращаясь мысленно к постоянным изменам Пауля, Томас Манн даже пытается оправдать своего легкомысленного друга: *«В ссорах из-за флирта я стою разумом, несмотря на свою сердечную боль, на его стороне. <...> Такой свободный и целомудренный человек, не подверженный никаким порокам, который не курит и не пьет, которому не нужны никакие возбудители, - как ему обойтись без невинного наркотика флирта!»²⁵.*

Но и разум не спасал чувства, и привязанность медленно, но верно шла на убыль. Летом 1902 года друзья обменялись еще парой шутивых писем, в основном о новостях культуры. Прежней теплоты и близости в них уже не чувствуется.

Последним свидетельством прежней близости стало письмо Томаса Манна Паулю от 19 июня 1903 года. В письмо была вложена фотография писателя и посвящение в

²⁴ *Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2* (см. прим. 7), S. 60-61.

²⁵ Там же, стр. 67.

стихах. Подпись: «моему дорогому Паулю Эренбергу. Мюнхен, июнь 1903»²⁶.

Про стихотворение нельзя сказать, что оно шедевр любовной лирики, но написано с душой и гладко. Однако того всплеска эмоций, что было в стихотворении 1901 года («Я люблю Тебя, о боже... я люблю Тебя!» - см. прим. 85), в нем уже нет. В стихотворении 1903 года дается портрет не объекта любви, а самого автора. Любовь превратилась в литературу. Писатель внутренне уже готов круто изменить свою не вполне благопристойную в глазах общества личную жизнь и стать «нормальным» мужем и отцом семейства.

Уже через пару месяцев Томас Манн сообщает своему доверенному другу Отто Граухофу о встрече с Катей Прингсхайм, с которой он свяжет потом всю свою жизнь.

Планы женитьбы Томаса Манна на Кате поразили Пауля, который не мог поверить, что его влияние на друга уже не то, что раньше. Последовала ссора, подобная той, что описана в «*Докторе Фаустусе*», когда Адриан Леверкюн сообщает другу Руди Швердтфегеру, что намерен жениться. Потрясенный Руди говорит, что слово «человечный» не пристало употреблять такому человеку, как Адриан. На что Леверкюн отвечает: «То, что я с «человечностью» не имею ничего общего, что я не могу с ней ничего общего иметь, говорит мне тот, который меня с поразительным терпением склонил к человечности, обратил на «ты», тот, при котором я первый раз в жизни ощутил человеческое тепло»²⁷.

Вскоре после этого друзья разошлись окончательно, Пауль женился на художнице с выразительным именем Лилли Тойфель²⁸. Встречи Томаса и Пауля стали редкими, случайными, письма холодными, формальными, вроде поздравительного письма Пауля в сентябре 1919 года по

²⁶ Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese (см. прим. 66), стр. 446.

²⁷ Манн Томас. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом (см. прим. 30).

²⁸ Lilly Teufel (Teufel по-немецки означает «чёрт»).

случаю присвоения Томасу Манну звания почетного доктора Боннского университета²⁹.

Через тридцать с лишним лет после событий 1899-1903 годов сам писатель без «углублений и преувеличений» назвал свои отношения с Паулем Эренбергом *«центральный сердечным переживанием»* его первых двадцати пяти лет. В дневниковой записи, сделанной в воскресенье 6 мая 1934 года, пятидесятидевятiletний писатель признается: *«Искал в старых записных книжках <...> и углубился в заметки, которые я делал тогда в связи с замыслом романа "Возлюбленные" о моих отношениях с П.Э. Страсть и меланхолическое психологизирующее чувство того отзвучавшего времени заговорили со мной доверительно и с жизненной печалью. Тридцать лет и даже больше прошло с тех пор. <...> Я уже возвращался к заметкам о страсти того времени, описывая страдания Мут-эм-энет, чью беспомощную одержимость я отчасти благодаря этому сумел воссоздать. <...>*

Переживание с К.Х.³⁰ было превосходящим, более зрелым и счастливым. Но потрясенность, о которой говорят решительные интонации заметок поры П.Э., <...> это было все-таки лишь однажды в моей жизни — как, пожалуй, и должно быть. Ранние переживания с А.М.³¹ и В.Т.³² отступают далеко в отроческое, а то, с К.Х., хотя и было поздним счастьем, носившим характер жизнеблагого исполнения, — все же в нем отсутствовала юношеская интенсивность чувства, то возвышенно-ликующее и

²⁹ В 1936 году после того, как нацисты отобрали у Томаса Манна немецкое гражданство, Боннский университет лишил писателя звания «почетный доктор». Звание вернули только в 1947 году. Всего же писатель был почетным доктором тринадцати университетов (*Schirnding Albert von. Die 101 wichtigsten Fragen. Thomas Mann* (см. прим. 24), стр. 138-139).

³⁰ Клаус Хойзер (Klaus Heuser) – семнадцатилетний друг детей Томаса Манна, с которым писатель познакомился во время отдыха на курорте Кампен (Kampen, Sylt) в 1927 году.

³¹ Армин Мартенс (Armin Martens) - см. прим. 35.

³² Вилирам Тимпе (Williram Timpe)

*глубоко потрясенное, что определяло центральное
сердечное переживание³³ моих 25-ти лет³⁴.*

³³ В оригинале Томас Манн использует слово «*Herzenerfahrung*», что означает «сердечный опыт», но мы оставляем перевод Игоря Эбаноидзе «переживание».

³⁴ *Mann Thomas. Tagebücher. 1933-1934* (см. прим. 52), стр. 411-412. Цитируется по статье *Манн Томас*. Из дневника 1950 года. «Новый Мир» 1996, № 1 Перевод с немецкого, предисловие и комментарии Игоря Эбаноидзе.

«...метафизика, музыка и подростковая эротика»

очитав до этого места и измучившись от обилия цитат, все тот же нетерпеливый читатель может снова спросить: «Все это замечательно и интересно, но при чем тут *«Работа над ошибками»*, как претенциозно назвал автор эти заметки? Где автор видит ошибки? Разве возьмет он на себя смелость назвать «ошибкой» эротические пристрастия немецкого Волшебника?».

На это я вновь отвечу решительно и твердо: конечно, нет. Об ошибках речь еще впереди, а сейчас я бы хотел, следуя желанию самого Томаса Манна, *«не копаясь и не преувеличивая»*, поговорить о некоторых «странностях любви».

В этом месте я хотел бы привести высказывание человека, чье уже имя не раз появлялось в ссылках нашей работы. Петер де Мендельсон¹ относится к числу самых уважаемых и авторитетных знатоков жизни и творчества Томаса Манна. В русском литературоведении я бы с ним сравнил только Соломона Константиновича Апта, хотя правильнее было бы назвать Апта *«советским Мендельсоном»*.

Знаменитый историк, литературовед и писатель родился в семье дрезденского ювелира просто как Петер Мендельсон, а дворянскую приставку «де», как говорят², сам себе впоследствии прибавил в 1941 году, возможно, чтобы отличаться от многочисленных потомков великого Моисея Мендельсона, подготовившего эпоху еврейского

¹ Петер де Мендельсон (Peter de Mendelssohn, 1908-1982) – немецко-английский писатель, историк, литературовед, один из крупнейших специалистов по творчеству Томаса Манна.

² Neue Deutsche Biographie, v. 17, 1994, S. 63-65.

Просвещения и эмансипации. Перу Петера де Мендельсона принадлежит одна из лучших биографий нобелевского лауреата по литературе, названная автором *«Волшебник. Жизнь немецкого писателя Томаса Манна»*³. Книга объемом в полторы тысячи страниц осталась, к сожалению, неоконченной, но все равно остается настольной для большинства исследователей и поклонников творчества Томаса Манна. К слову, это не самая «толстая» биография писателя, например, книга Клауса Харппрехта⁴ - еще более увесистый фолиант, в нем 2253 страницы!

Петер де Мендельсон

Но вернемся к обещанному высказыванию Петера де Мендельсона на интересующую нас тему. В биографии Волшебника он писал: *«Не стоит удивляться, что позднее, когда письма Томаса Манна Паулю Эренбергу станут доступны, в этой высоконапряженной связи, в этом клубке «истинных» и «литературных» чувств увидят латентную гомозротическую линию, и какой потомок в состоянии столь глубоко и непогрешимо заглянуть в это юношеское*

³ *Mendelssohn Peter de. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann* (см. прим. 55).

⁴ *Harpprecht Klaus. Thomas Mann. Eine Biographie*. Rowohlt, Hamburg 1995.

сердце, чтобы с полным основанием утверждать: ничего подобного!»⁵.

Вообще-то «юношеское сердце», про которое пишет уважаемый биограф, не такое уж юное – Томасу Манну в разгар «мужского романа» с Эренбергом было двадцать шесть лет. Это уже не подросток, не юноша, а человек, ведущий вполне взрослую жизнь во всех, точнее, почти всех сферах своего существования. Он сам снимает себе квартиры, живет отдельно от матери, братьев и сестер, сам зарабатывает себе на жизнь, в дополнение к скромному пенсону, установленному ему после смерти отца. И только в любви набирающий известность писатель остается несведущим подростком. И он сам это знал. В уже цитированном письме брату Генриху от 7 марта 1901 года (см. прим. 79) Томас находит запоминающуюся формулу своего состояния: *«Все это метафизика, музыка и подростковая эротика: – я никогда не выйду из подросткового состояния»⁶.*

Анализируя дневниковые записи Манна, патриарх немецкой литературной критики Марсель Райх-Райницкий тоже приходит к выводу, что однополая любовь писателя оставалась только в его мечтах: *«При всей ее интенсивности и страстности она отметала "какую-либо реализацию". Или мы должны сказать, что она боялась реализации? Или, вероятно, так: его подчеркнуто монологическая гомоэротика не нуждалась ни в какой реализации?»⁷.*

Письма Томаса Манна верному другу Отто Граутофу, в молчании которого он был уверен, рисуют несколько иную картину. В письме от 22 февраля 1901 года писатель исповедуется в своих чувствах к Паулю Эренбергу: *«У меня неясное желание что-то сделать, чем-то пожертвовать, чтобы чем-то его отблагодарить. <...> Возможно, хочется немного показать ему свою власть, слегка поставить на место тем, что я даю возможность*

⁵ *Mendelssohn Peter de. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann* (см. прим. 55), S. 584.

⁶ *Mann Thomas. Briefe. Band 1. 1889-1936* (см. прим. 57), стр. 27.

⁷ *Reich-Ranicki Marcel. Thomas Mann und die Seinen. Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt a.M. 2007, S. 56.*

его имени "покрасоваться"... Это глупо и смешно! Я все время пишу "он", "его" и "ему", не хватает только, чтобы я это писал большими буквами и вставил в золотую рамку...»⁸. И несколькими строками ниже в ужасе признается: «Вообще все становится в дальнейшем менее мальчишеским, делается хуже, мужским, взрослым, и лишь проклятая нервная слабость опять и опять приносит страдание и тоску»⁹.

Томас Манн, 1900 г.

Говоря о «центральной сердечной переживании» своих двадцати пяти лет, в уже цитированной дневниковой записи от 6 мая 1934 года (см. прим. 130) Томас Манн дает ему следующую оценку: «И это, пожалуй, по-человечески нормально, более того, именно эта нормальность

⁸ Mann Thomas. Briefe an Otto Grautoff 1894-1901 und Ida Boy-Ed 1903-1928. Hrsg. von Peter de Mendelssohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1975, S. 135.

⁹ Там же, стр. 136.

*вовлекает мою жизнь в каноническое подлиннее, чем брак и дети»*¹⁰.

Томас Манн не был «нормальным человеком» в обывательском смысле слова. Напротив, он всю жизнь ощущал себя не таким, как все, в чем-то, как сейчас говорят, аутсайдером. Это чувство непохожести на большинство людей возникло у него не только из-за рано проснувшегося и быстро сформировавшегося таланта писателя. Немалую роль сыграли здесь и его нестандартные эротические предпочтения. Томас Манн относит себя к «мечтателям, что ищут не женщину и не мужчину, а нечто среднее, какую-то диковину»¹¹.

Что же нашел в Пауле Томас Манн, какие черты своего наивного друга больше всего ценил? Слово, которое часто употребляет Манн в отношении Пауля Эренберга, – это «чистота»¹². «Он целомудренный человек, не подверженный никаким недостаткам», – помечает писатель в седьмой записной книжке¹³.

Таким же описан Руди в «Докторе Фаустусе». Любящая его Инес представляет Руди как человека, чья чистота вызывает доверие. Как понимал Томас Манн «чистоту», видно из разговора с Паулем Эренбергом, содержание которого писатель сохранил в седьмой записной книжке:

«Мы говорили о половых сношениях, о щекотливом положении, когда человеку нравятся не девки, а порядочные женщины, а привлекательная связь слишком дорога; также и о том, что нам обоим советуют с медицинской стороны, вступить в связь с замужней женщиной. Исходя из этого, я хотел бы ему прояснить мои ощущения, хотел бы ему сказать (даже если это не должно было быть правдой),

¹⁰ Mann Thomas. Tagebücher. 1933-1934 (см. прим. 52), стр. 412.

¹¹ Манн Томас. Признание авантюриста Феликса Круля. Перевод с немецкого Наталии Ман. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 6. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1960. Стр. 267-656.

¹² См., например, Mann Thomas. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, Band 2 (см. прим. 7), S. 64.

¹³ Там же, стр. 67.

что эта дружба с точки зрения врача-невропатолога является для меня счастьем, что она подействовала на меня как успокаивающее, очищающее средство, как способ искупления от половых сношений»¹⁴.

«Чистая», т. е. однополая, любовь освобождает Манна от грязи гетеросексуальных половых сношений. А склонность Пауля Эренберга к легкому флирту вместо серьезных отношений только укрепляет «чистоту» их связи.

Однополая любовь, по Манну, чиста, так как противостоит традиционной связи, в основе которой лежит зачатие. «Чистая любовь» лучше подходит художнику в качестве стимулятора вдохновения. Любовь «без реализации» сублимируется в творчество. Целомудрие – есть синоним чистоты, такую формулу нашел Томас Манн в романе *«Иосиф в Египте»* (глава *«О чистоте Иосифа»*)¹⁵.

«Иосиф целомудренный» - далеко не единственный литературный образ, вобравший в себя черты живого Пауля Эренберга. Мы уже говорили, что в *«Докторе Фаустусе»* скрипач Руди воплощает наивность и непосредственность Пауля. В новелле *«Счастье»* барон Гарри – столь же легкомыслен и неверен, как и художник Эренберг, и «страдающее одиночество» баронессы Анны очень близко к чувствам обманутого и покинутого своим другом автора. Но, пожалуй, ни в каком другом произведении не выразил Томас Манн свои переживания времен дружбы с Паулем Эренбергом, как в новелле *«Тонио Крёгер»*, вышедшей в свет в начале 1903 года.

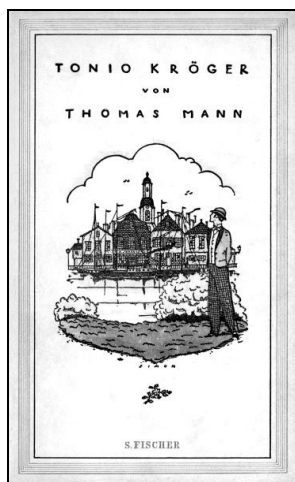
¹⁴ Там же, стр. 70.

¹⁵ Манн Томас. Иосиф и его братья: Иосиф в Египте (см. прим. 28), стр. 390 и далее.

«Ваш Тонио Крёгер»

книге *«Рассуждения аполитичного»*, законченной в 1918 году, Томас Манн вспоминает одного геттингенского студента, который после лекции писателя подошел к нему и взволнованным голосом сказал: *«Вы, надеюсь, знаете, не правда ли, Вы знаете это – не "Будденброки" выражают Вашу сущность, Ваша сущность – это "Тонио Крёгер"! И я сказал, что я знал это»*¹.

Обложка книги

В самом деле, не в огромной по объему хронике гибели одного семейства, принесшей автору литературную известность и, спустя двадцать восемь лет, даже Нобелевскую премию по литературе, а в небольшой новелле

¹ *Mann Thomas. Betrachtungen eines Unpolitischen. In: Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bände. Band XII, S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 90.*

о молодом литераторе с необычным для немца именем Тонио, тоскующем о радостях простой жизни *«во всей ее соблазнительной банальности»*², о невинном человеческом счастье, наиболее полно выражено представление Манна о долге художника, о неразрешимом противоречии искусства и действительности.

Литературный образ одаренного писателя, чья нежность *«ко всему примитивному, простодушному, утешительно-нормальному, заурядному и благопристойному»*³ граничит с влюбленностью, с самого начала был неотделим от его автора. *«Ваши Тонио Крёгер»* - так подписал Томас Манн почтовую открытку, отправленную братьям Эренберг 8 февраля 1903 года⁴.

Армин Мартенс, один из прототипов Тонио Крёгера

Первоначально образ Ганса Гансена, в которого со школьных лет влюблен Тонио Крёгер, строился на воспоминаниях об Армине Мартенсе, гимназическом товарище Томаса Манна. Но и *«центральное сердечное переживание»* двадцати пяти лет оставило в новелле заметный след. Автор прямо вставляет в текст новеллы слова, посвященные в реальной жизни Паулю Эренбергу. Обращаясь к своей доверительной собеседнице Лизавете

² Манн Томас. Тонио Крёгер. Перевод Наталии Ман (см. прим. 33), стр. 225.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese (см. прим. 66), стр. 442.

Ивановне, Тонио Крёгер дословно повторяет⁵ уже цитированную нами фразу о друзьях *«среди демонов, кобольдов, завязтых колдунов и призраков, глухих к голосу жизни – иными словами, среди литераторов»* из того места седьмой записной книжки, где Томас Манн называет Пауля своим *«первым и единственным другом среди людей»* (см. прим. 32).

В *«Очерке моей жизни»*, написанном почти через тридцать лет после *«Тонио Крёгера»*, писатель признается, что эта новелла *«из всего, что я написал, пожалуй, по сей день наиболее близка моему сердцу и все еще любима молодежью»*⁶.

Писатель не преувеличивал. Его новелла не оставила равнодушными многих его современников. Макс Брод вспоминал, что его друг Франц Кафка был буквально захвачен новым произведением Томаса Манна. В письме, отправленном из Праги в начале 1904 года, Кафка сообщает, что несколько раз перечитал новеллу и не понимает, почему Брод ничего о ней не пишет – скорее всего, считает молодой пражский литератор, письма Макса просто пропали на почте⁷.

Каждый читатель находил в новелле Томаса Манна что-то свое, открывал ответы на мучившие именно его вопросы. Кафку, например, по его словам⁸, в новелле сильнее всего затронуло не столько противопоставление искусства и естественности, духовной и реальной жизни, сколько тайная влюбленность художника в свою противоположность, в *«белокурых и голубоглазых, живых, счастливых, дарящих радость, обыкновенных»*⁹.

⁵ Манн Томас. Тонио Крёгер. Перевод Наталии Ман (см. прим. 33), стр. 225.

⁶ Манн Томас. Очерк моей жизни (см. прим. 27), стр. 22.

⁷ Brod Max. Über Franz Kafka. Fischer Taschenbuchverlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 46.

⁸ Kafka Franz. Briefe 1902-1924. In: Kafka Franz. Gesammelte Werke, hrsg. von Max Brod. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1966, S. 31, 182.

⁹ Манн Томас. Тонио Крёгер. Перевод Наталии Ман (см. прим. 33), стр. 259.

Влияние новеллы Томаса Манна на творчество Франца Кафки прослеживает Хайнц Полицер в основательной монографии о жизни и творчестве гениального писателя-мистика двадцатого века. Даже в поздних работах Кафки, например, в рассказе «Голодарь» («*Ein Hungerkünstler*»)¹⁰ он находит следы «Тонио Крёгера»¹¹.

Марсель Райх-Раницкий в своем эссе о новелле «Тонио Крёгер»¹² называет еще несколько известных литературных имен, испытавших на себе действие этого шедевра. Среди них австрийский писатель Артур Шницлер¹³, венгерский философ, литературовед и критик Георг (Дьёрдь) Лукач¹⁴ и другие.

Но не только современники и коллеги раннего Томаса Манна попали под очарование новеллы «Тонио Крёгер». Воздействие «рассказа века»¹⁵, как назвал произведение Манна Райх-Раницкий, ощутило на себе не одно поколение молодых людей, и не только в Германии.

В 1921 году студентка факультета права парижской Сорбонны оказалась в Берлине, и в одном из книжных магазинов ей попался томик с «Тонио Крёгер». Студентку звали Наталья Ивановна Черняк, она была родом из Иваново-Воскресенска, но с восьми лет жила у отца в Париже. Через много лет Наталья Ивановна вспоминала: «Я чувствовала, что «Тонио Крёгер» преобразает меня, мне казалось, что он похож на меня. У меня появилось огромное

¹⁰ Рассказ «*Ein Hungerkünstler*» под названием «Голодарь» переведен на русский язык С. Шлапобергской.

¹¹ *Politzer Heinz*. Franz Kafka, der Künstler. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1965, S. 435, 453.

¹² *Reich-Ranicki Marcel*. Thomas Mann und die Seinen (см. прим. 137), стр. 117.

¹³ Артур Шницлер (Arthur Schnitzler, 1862-1931) - австрийский писатель, драматург, представитель венского импрессионизма.

¹⁴ Георг (Дьёрдь) Лукач (György Lukács de Szeged; 1885-1971) – венгерский философ, литературовед и критик.

¹⁵ *Reich-Ranicki Marcel*. Thomas Mann und die Seinen (см. прим. 137), стр. 107.

*желание писать самой*¹⁶. Так начался литературный путь французской писательницы, известной миру по фамилии ее мужа – Натали Саррот¹⁷.

Не одни литераторы восхищались *«рассказом века»*. Очень высоко оценивал новеллу великий математик современности А. Н. Колмогоров. Не раз в разговоре с коллегами и учениками Андрей Николаевич обращался к *«Тонио Крёгеру»*. О событиях 1963 года вспоминает ученик Колмогорова Владимир Андреевич Успенский¹⁸:

Натали Саррот, 1920 годы

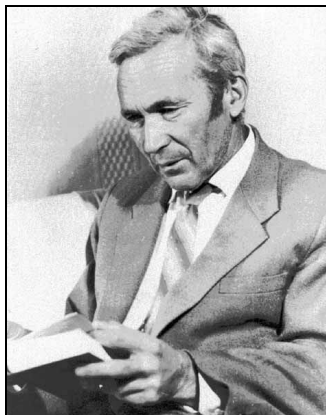
«Путешествие из Москвы в Новосибирск и обратно с Колмогоровыми – ярчайшее событие в моей жизни. Дни в вагоне туда и обратно были заполнены бесконечными разговорами с непривычно свободным во времени, не имеющим жёсткого графика дел Колмогоровым. Тем удивительнее, что я почти ничего не помню из этих

¹⁶ «Die Sprache der Empfindung. Ein Gespräch mit der Schriftstellerin Nathalie Sarraute», in «Süddeutsche Zeitung» vom 26. Februar 1986.

¹⁷ Натали Саррот (фр. Nathalie Sarraute; при рождении Наталья Ивановна Черняк; 1900-1999) —французская писательница.

¹⁸ В.А. Успенский (род. 1930) – российский математик, доктор физико-математических наук, профессор.

разговоров, кроме, пожалуй, разговора о Томасе Манне ("Тонио Крёгер", "Смерть в Венеции")»¹⁹.

Андрей Николаевич Колмогоров

В последние годы жизни Андрея Николаевича одним из самых близких его учеников стал В.М. Тихомиров²⁰. Вспоминая разговор с учителем о литературе, Владимир Михайлович пишет:

*«Андрей Николаевич прервал мои размышления: «Имейте в виду, Володя: крупнейшими писателями XX века являются Томас Манн и Анатоль Франс». Я немного читал А. Франса и лишь слышал о Т. Манне, так что мог в то мгновение лишь принять во внимание слова своего учителя. В тот вечер на полочке рядом с моей кроватью в Комаровке я обнаружил томик Томаса Манна с закладкой на новелле "Тонио Крёгер"»*²¹.

¹⁹ Успенский В.А. Колмогоров, каким я его помню. В сб. «Колмогоров в воспоминаниях учеников». Редактор-составитель А.Н. Ширяев. Текст подготовлен Н. Г. Химченко. Издательство МЦНМО. Москва 2006, стр. 339.

²⁰ В.М. Тихомиров (род. 1934) – российский математик, доктор физико-математических наук, профессор.

²¹ Тихомиров В.М. Слово об учителе. В сб. «Колмогоров в воспоминаниях учеников». Редактор-составитель А.Н. Ширяев. Текст подготовлен Н. Г. Химченко. Издательство МЦНМО. Москва 2006, стр. 240-241.

Объясняя особенную любовь Колмогорова к «рассказу века», В.М. Тихомиров выделяет ту идею новеллы, которая одинаково близка и немецкому Волшебнику слова, и великому русскому математику:

«"Тонио Крёгер" – рассказ о причинах и истоках творческого импульса. Таким импульсом, по Томасу Манну, являются несостоявшиеся дружба и любовь героя. Сублимация (т. е. преобразование – термин Фрейда) заложенных в человеке эмоциональных сил в творчество – идея, драгоценная и для Павла Сергеевича²², и для Андрея Николаевича, – вот что, собственно, описано Томасом Манном в «Тонио Крёгере». Это противоречие между потребностью иметь "избранного друга", человека, перед которым ты можешь раскрыть свою душу, и необходимостью одиночества для сублимации эмоциональной энергии в творческую – постоянная тема разговоров Павла Сергеевича и Андрея Николаевича»²³.

А.Н. Колмогоров и В.М. Тихомиров

Академику Колмогорову с «избранным другом» повезло больше, чем Томасу Манну: у того «мужской роман» с Паулем Эренбергом, показавшимся писателю

²² Павел Сергеевич Александров (1896-1982) – выдающийся российский математик, академик, близкий друг А.Н. Колмогорова.

²³ Тихомиров В.М. Слово об учителе (см. прим. 166), стр. 241.

«первым и единственным другом среди людей», продолжался около трех лет. Нежная дружба А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова длилась практически всю их жизнь, до самой смерти Павла Сергеевича в 1982 году. Как точно замечает В.М. Тихомиров, «в понятие дружбы Колмогоров вкладывал очень большое содержание и неоднократно цитировал слова Ахматовой: "Души высокая свобода, что дружбою наречена"»²⁴.

А.Н. Колмогоров и П.С. Александров. Германия, 1931 г.

Они познакомились в 1922 году, когда Колмогорову было 19 лет, а Александрову – 25, и с тех пор практически не расставались. В редкие месяцы разлуки, например, во время эвакуации Академии наук в Казань в 1942 году, когда Колмогорова вызывали для консультаций в Москву, они

²⁴ Тихомиров В.М. Письма до востребования. Вестник Российской академии наук, 1999, том 69, № 3, стр. 243-245.

обменивались трогательными письмами с обращениями типа «*милый Пусик*» или «*твой Гусик*»²⁵.

Друзья посмеивались над такой нежностью, недруги – язвили. Особенно негодовал Лев Семенович Понтрягин, не простивший ни своему бывшему учителю Александрову, ни бывшему товарищу²⁶ Колмогорову тот факт, что они в 1958 году не участвовали в голосовании, когда Понтрягина выбирали в академики – оба были в командировке за границей и вернулись в день выборов, но поздно вечером²⁷.

Вообще вокруг выборов в члены Академии наук разгорались подчас шекспировские страсти. Андрей Николаевич был избран в академики в 1939 году, когда ему было тридцать шесть лет. Его старший товарищ П.С. Александров стал членом-корреспондентом Академии на десять лет раньше – в 1929 году, но все последующие выборы в академики заканчивались для него неудачей. А.Н. Колмогоров делал все, чтобы помочь «*избранному другу*», но безрезультатно. Перед выборами 1946 года Андрей Николаевич написал письмо своему учителю Н.Н.Лузину²⁸, с которым был в ссоре с 1936 года, когда на всю страну прогремело злосчастное «*дело Лузина*»²⁹, едва не кончившейся физическим уничтожением основателя московской математической школы. Против Лузина ополчились многие его ученики, особенно активны были как раз Александров с Колмогоровым. Но теперь – осенью 1945 года – явно пересиливая себя, А.Н. Колмогоров пишет

²⁵ А.Н. Колмогоров – П.С. Александрову. Вестник Российской академии наук, 1999, том 69, № 3, стр. 245-255.

²⁶ Об отношении Колмогорова к Понтрягину говорит тот факт, что в 1942 году, мечтая о создании в СССР подобия Гёттингенской математической школы, А.Н. называет в числе тех, кто мог бы заменить Давида Гильберта, Эдмунда Ландау, Эмму Нётер и Рихарда Куранта, себя с П.С. Александровым, Л.С. Понтрягина, И.Г. Петровского и Л.В. Канторовича (см. письмо из пред. прим.).

²⁷ Никольский С.М. Воспоминания. МИАН, Москва 2003, стр. 113.

²⁸ Николай Николаевич Лузин (1883-1950) – советский математик, академик, создатель московской математической школы.

²⁹ Демидов С.С., Левишин Б.В. (отв. ред.) Дело академика Николая Николаевича Лузина. РХГИ, С.-Петербург 1999.

опальному академику: «Так как я уже ряд лет занят тем, чтобы различные случайные и привходящие обстоятельства не помешали еще раз вполне справедливому, на мой взгляд, избранию Павла Сергеевича, то я действительно очень ценю Вашу готовность тогда, когда это оказывается нужным, поддержать необходимые для успеха действия»³⁰.

Дом в Комаровке

Лузин обещал содействие, но на выборах 1946 года академиком избрали другого ученика Николая Николаевича – М.А. Лаврентьева³¹. Не помня себя от гнева, Колмогоров при свидетелях ударил по лицу своего учителя, который был на двадцать лет его старше. Скандал стал достоянием математической общественности, говорят даже, что окончательное решение о судьбе молодого вспыльчивого академика принимал сам Сталин³². Андрей Николаевич до последних своих дней тяжело переживал случившееся. Павел Сергеевич Александров стал академиком только в 1953 году, уже после смерти Н.Н.Лузина.

³⁰ Тихомиров В.М. Слово об учителе (см. прим. 166), стр. 230.

³¹ Михаил Алексеевич Лаврентьев (1900-1980) — математик и механик, академик, основатель Сибирского отделения АН СССР

³² Подробнее об этом см. Тихомиров В.М. Андрей Николаевич Колмогоров. Жизнь, преисполненная счастья. «Наука», Москва 2006, стр. 77 и след.

С 1935 года А.Н. и П.С. снимали большой дачный дом в поселке Комаровка вблизи станции Болшево под Москвой. А в 1953 году оба получили квартиры в новом высотном здании МГУ на Ленинских горах. Квартиры с номерами 9 и 10 располагались рядом на третьем этаже, так что и в Москве, и в Комаровке друзья были всегда рядом.

Когда 16 ноября 1982 года Павел Сергеевич Александров скончался после долгой и тяжелой болезни, Колмогоров уже почти не мог говорить. На гражданской панихиде в университете он только и смог прошептать у микрофона: *«Мы всегда были вместе, и вот он умер, а я остался»*³³.

Возможно, и не зная ничего о Пауле Эренберге, Андрей Николаевич почувствовал в Томасе Манне родственную душу, оттого и ценил так высоко его лучшие вещи, *«Тонио Крёгера»* прежде всего.

³³ Успенский В.А. Колмогоров, каким я его помню (см. прим. 164), стр. 357.

Заблуждения сердца и затмения ума

Теперь, когда ясно, какую роль «центральное сердечное переживание двадцати пяти лет» сыграло в жизни и творчестве Томаса Манна, как дружба с Паулем Эренбергом отразилась в произведениях, захвативших сердца разных поколений читателей, самое время вернуться к обещанной в заглавии *«работе над ошибками»*, к чему давно призывал нас нетерпеливый читатель.

Откроем для начала *«Очерк моей жизни»* на том месте, которое мы уже цитировали (см. прим. 37), и перечитаем еще раз эти строки: *«В ту пору самыми близкими мне друзьями были двое юношей из того кружка молодежи, где вращались мои сестры, – сыновья дрезденского художника, профессора академии художеств Э. В моей привязанности к младшему из них, Паулю – тоже художнику <...> – казалось, воскресло чувство <...>. Карл, старший, музыкант по профессии и композитор, в настоящее время – профессор Кельнской консерватории».*

Уверен, что внимательные читатели, которые не ограничиваются основным текстом статьи или книги, а просматривают и примечания к ним, уже заметили противоречие. Томас Манн прямо называет в своей автобиографии Пауля Эренберга младшим братом, а Карла – старшим. В то же время, даты рождения братьев, приведенные нами в примечаниях 31 и 60 говорят об обратном: Карл родился в 1878 году, а Пауль – на два года раньше, в 1876. Выходит, что Карл – младший брат, а Пауль – старший.

Одно из двух: или Томас Манн ошибся, или данные о рождении братьев неверные. Попробуем разобраться в этой загадке и выяснить, наконец, кто же прав.

Первая мысль, которая приходит в голову: Томас Манн не мог здесь ошибиться. Ведь он пишет не просто о хорошо знакомых людях. Братья Эренберги, Пауль прежде всего, были на определенном этапе жизненного пути писателя самыми близкими его друзьями. Уж о них-то Манн должен знать все! С другой стороны, биографические данные в справочниках и энциклопедиях нередко содержат ошибки и неточности. Особенно этим грешит популярный сейчас сетевой справочник «*Википедия*». Это не удивительно: статьи в «*Википедии*» пишут далеко не всегда специалисты, детально знающие предмет¹.

В русской «*Википедии*» пока нет статей о Пауле и Карле Эренбергах, а немецкая и английская версии сетевой энциклопедии с точностью до дня сообщают даты рождения и смерти Карла - 5 апреля 1878 – 26 февраля 1962, - но значительно менее подробны в аналогичных сведениях о Пауле. К слову, мы увидим, что и приведенные данные о Карле не совсем верны. Про Пауля английская «*Википедия*» называет только годы рождения и смерти: 1876–1949, а немецкая даже в этом не уверена, сообщая про год рождения только следующее: 1876 или 1878.

Авторы статей о Пауле Эренберге в немецкой и английской «*Википедиях*» явно не знают точно даты его рождения, однако, помня ошибку Томаса Манна в оценке «*испытательного срока*» их дружбы с Вальтером Франком, не будем спешить с признанием его правоты. Посмотрим, что говорят специалисты – историки и литературоведы, изучившие не только каждую строчку писателя, но и исследовавшие каждый прожитый им день.

Соломон Апт, мнению которого я склонен был доверять в наибольшей степени, не подвергает высказывание Томаса Манна никакому сомнению. В биографии писателя, изданной в 1972 году, С.К. Апт напоминает: *«Томас Манн находит нужным упомянуть об этой дружбе — с братьями Эренбергами, и особо о своей*

¹ Подробнее об этом см. мою статью *Беркович Евгений*. Похвала точности, или О нетривиальности тривиального. «Заметки по еврейской истории», № 7(110) 2009.

привязанности к младшему из них, Паулю, художнику, превосходно игравшему на скрипке»².

Соломон Апт

Другой выдающийся знаток жизни и творчества Томаса Манна, уже не раз упоминавшийся Петер де Мендельсон, напротив, уверен, что писатель ошибся. В незаконченной биографии *«Волшебник. Жизнь немецкого писателя Томаса Манна»* Мендельсон утверждает: *«Пауль Эренберг был не младшим, а старшим из двух братьев; различие в возрасте составляло между ними только два года, и он мог выглядеть как младший»³.*

Так что мнения двух, уже, к сожалению, покойных корифеев разделились: один считал, что Томас Манн прав и Пауль – младший брат, другой был уверен, что Волшебник ошибся и Пауль – старший.

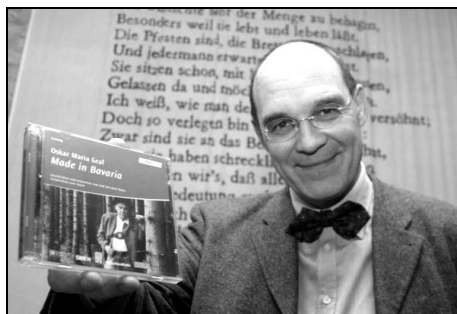
А что говорят другие знатоки? В ряду современных немецких исследователей жизни и работ Томаса Манна весьма активен Дирк Хайсерер⁴. Он председатель мюнхенского «Общества содействия увековечиванию

² *Ann* С.К. Томас Манн. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва 1972.

³ *Mendelssohn Peter de. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann* (см. прим. 55), стр. 578-579.

⁴ Дирк Хайсерер (Dirk HeiBerer, род. 1957) – немецкий историк и литературовед.

памяти Томаса Манна» («Thomas-Mann-Förderkreise München e. V.»), автор многих книг о Волшебнике и местах, где тот жил и работал. В одной из последних – *«В волшебном саду. Томас Манн в Баварии»*⁵ - Д. Хайсерер решил «проблему первородства» братьев Эренбергов очень просто. На одной и той же странице он приводит тот самый фрагмент из автобиографии Томаса Манна, который мы обсуждаем, где Пауль назван младшим, а Карл – старшим братом, и тут же сообщает читателям годы жизни братьев Эренбергов, подчеркивая, что Пауль – старший брат, а Карл младший. Какое из двух высказываний истинное – Томаса Манна или автора книги о нем – Дирк Хайсерер не сообщает, оставляя читателя в неведении.

Дирк Хайсерер

На мое замечание, что одно из двух утверждений на этой странице его книги неверное, автор с нескрываемой обидой ответил, что у него все написано правильно, а вопрос о несоответствии двух высказываний он не понимает⁶. Счастлив автор, не видящий противоречий в своем тексте⁷! Но мы его радость разделить не можем.

⁵ *Heißerer Dirk. Im Zaubergarten. Thomas Mann in Bayern. Verlag C.H. Beck, München 2005, S. 62.*

⁶ Письмо Дирка Хайсерера автору от 4 августа 2010 года (личный архив автора).

⁷ Подробнее о других ошибках Дирка Хайсерера, в частности, в книге *«Вновь найденное великолепие»* (*Heißerer Dirk. Die wiedergefundene Pracht. Franz von Lenbach, die Familie Pringsheim und Thomas Mann. Wallstein Verlag, Göttingen 2009*) см. мою

Посмотрим, что говорят другие биографы Томаса Манна. Автор самой объемной из известных мне биографий Волшебника Клаус Харппрехт вслед за своим героем тоже считает Карла на два года старше Пауля⁸.

Такого же мнения придерживается польский биограф Томаса Манн Роман Карст, без комментариев цитирующий фрагмент автобиографии о «*младшем Пауле*» и «*старшем Карле*»⁹.

И авторы одной из первых хроник жизни великого писателя Ганс Бюргин и Ганс-Отто Майер, говоря о событиях 1900-1905 годов, тоже упоминают «*Карла, старшего, музыканта и композитора, ставшего впоследствии профессором Академии в Кельне*»¹⁰.

Подобных примеров можно привести множество, и неудивительно: авторы большинства книг безоговорочно верят Томасу Манну, четко и ясно расставившему братьев по возрасту: Пауль – младший, Карл – старший. Сомневается в этом только мудрый Петер де Мендельсон. А осторожный Дирк Хайсерер на всякий случай приводит две взаимно-исключающие версии – уж одна-то из них точно верная.

Скоро мы увидим, что прав все-таки Петер де Мендельсон, а Томас Манн вместе с легионом его биографов и исследователей ошибался. Такую ошибку я называю «*заблуждением сердца*», ее легко по-человечески понять и объяснить. И не только тем, как это сделал Мендельсон, что два года – небольшая разница в возрасте, и Пауль мог выглядеть моложе своего младшего брата. Мне кажется, что важнее другое: Томас Манн смотрел на Пауля влюбленными глазами, а при таком взгляде объект любви

статью *Беркович Евгений*. Похвала точности, или О нетривиальности тривиального (см. прим. 179).

⁸ *Harpprecht Klaus*. Thomas Mann. Eine Biographie (см. прим. 134), стр. 146.

⁹ *Karst Roman*. Thomas Mann. Eine Biographie. Diderichs, Kreuzlingen/München 2006, S. 40.

¹⁰ *Bürgin Hans, Mayer Hans-Otto*. Thomas Mann. Eine Chronik seines Leben. S. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 22.

всегда кажется краше, лучше и, в конечном счете, моложе, чем на самом деле.

Ошибка исследователей Манна, повторяющих его фразу о младшем и старшем брате, тоже из той же категории «*заблуждений сердца*». Ибо причина ее - в любви к писателю, преклонении перед его талантом, безграничной вере в каждое его слово.

Совсем другой характер имеют ошибки, которые я называю «*затмением ума*», происходящие от небрежности, лени и нежелания критически рассмотреть написанное тобой же. В книге о Томасе Манне, вышедшей в популярной серии «*Сто один важнейший вопрос*», Альберт фон Ширндинг¹¹ на странице 63, отвечая на сорок третий «*важнейший вопрос*», пишет: «*Любовь в то время двадцатипятилетнего Томаса Манна, чьи "Будденброки" должны были скоро выйти в свет, к студенту мюнхенской Академии художеств, который был на три года его моложе, являлась, естественно, не столь невинной, как школьная мечтательность*»¹².

Другими словами, автор считает, что год рождения Пауля Эренберга - 1878, ведь сомнений в том, что Томас Манн родился в 1875 году, ни у кого нет. Но на странице 130, в ответе на девяносто третий «*важнейший вопрос*», тот же автор утверждает: «*Так страсть двадцатилетнего писателя к художнику Паулю Эренбергу, который был на один год его моложе, привела к проекту новеллы "Влюбленные", которая должна была войти в планируемый роман "Майя" (и спустя десятилетия вошла в роман "Доктор Фаустус")*»¹³. Т.е. тут годом рождения Пауля назван 1876 год.

Вот это типичное «*затмение ума*»: не должен автор книги сообщать противоречащие друг другу факты. Либо одно, либо другое, и за свои слова надо отвечать.

¹¹ Альберт фон Ширндинг (Albert von Schirnding, род. в 1935) – немецкий поэт, прозаик, эссеист и литературный критик.

¹² Schirnding Albert von. Die 101 wichtigsten Fragen. Thomas Mann (см. прим. 24), стр. 63.

¹³ Там же, стр. 130.

Так когда же родился Пауль? От ответа на этот вопрос и зависит, в конечном счете, решение «загадки первородства». Ибо когда родился Карл Эренберг, можно считать твердо установленным - это 1878 год. Откуда такая уверенность, спросит недоверчивый читатель, привыкший уже с опаской относиться ко всем сообщаемым фактам. Ответу на этот справедливый вопрос.

Год и даже день рождения Карла устанавливается по нескольким независимым и более авторитетным, чем «Википедия», источникам. Например, *«Немецкая биографическая энциклопедия»* (НБЭ) называет даты рождения и смерти Карла: 6.4.1878-26.2.1962¹⁴. Как мы видим, дата рождения на один день отличается от предлагаемой в *«Википедии»*, и у нас еще будет повод удостовериться, что НБЭ сообщает правду: Карл Эренберг родился 6 апреля 1878 года. Те же данные содержатся, например, в *«Немецком музыкальном архиве»*, каталог которого включен в *«Немецкую национальную библиотеку»*¹⁵.

Косвенным, но вполне убедительным аргументом в пользу указанной даты рождения Карла может служить юбилейная статья известного музыкального деятеля, тогдашнего руководителя мюнхенской филармонии Вильгельма Центнера¹⁶, посвященная шестидесятилетию Карла Эренберга. Статья появилась 2 апреля 1938 года в газете *«Немецкого певческого общества»*¹⁷. Вряд ли организаторы юбилейных празднований при живом

¹⁴ Killy Walther (Hrsg.). Deutsche Biographische Enzyklopädie (DBE). Band 3. K.G. Saur, München - New Providence - London - Paris 1996, S. 37.

¹⁵ Данные о Карле Эренберге хранятся и в каталоге «Немецкой национальной библиотеки» (Deutsche Nationalbibliothek), и в каталоге «Немецкого музыкального архива» (Deutsche Musikarchiv).

¹⁶ Вильгельм Центнер (Wilhelm Zentner, 1893-1982) – немецкий музыкальный деятель и журналист.

¹⁷ Deutsche Sängerbundeszeitung (DSBZ) von 2 April 1938, S. 192. Я благодарю д-ра Вульфа Редера (Dr. Wulf Rehder) за любезное указание на эту публикацию.

виновнике торжества могли ошибиться с годом его рождения.

Больше всего путаницы с годом рождения Пауля. Мы уже видели, что награжденный десятком почетных премий и академических званий автор ответов на «*Сто один важнейших вопросов*» о Томасе Манне назвал в одной книге два разных года – 1876 и 1878. Другой знаменитый исследователь творчества писателя – швейцарец Ганс Вислинг¹⁸ – в комментариях к переписке братьев Томаса и Генриха Маннов¹⁹ называет годами жизни Пауля 1878-1949, но в другой книге²⁰ без комментариев приводит верные данные 1876-1949.

Такие годы жизни Пауля Эренберга можно найти и в художественных энциклопедиях и справочниках²¹, и в каталогах различных аукционов произведений живописи²², на которых до сих пор продаются и покупаются картины художника. Верно указаны годы жизни Пауля и в недавно вышедшем справочнике «*Кто есть кто в жизни Томаса Манна?*»²³.

Но самым впечатляющим доказательством того факта, что Пауль родился в 1876 году, является так называемый «*Матрикул мюнхенской Академии художеств*», т.е. список студентов, зачисленных в академию. Оригиналы таких списков, переплетенные в толстые книги, хранятся в Баварской библиотеке, а списки студентов, поступивших в

¹⁸ Ганс Вислинг (Hans Wysling, 1926-1995) – швейцарский литературовед, публицист и исследователь творчества Томаса Манна

¹⁹ *Wysling Hans (ed.). Letters of Heinrich and Thomas Mann: 1900-1949.* Univ. of California Press, Berkeley; Los-Angeles; London 1995, S. 314.

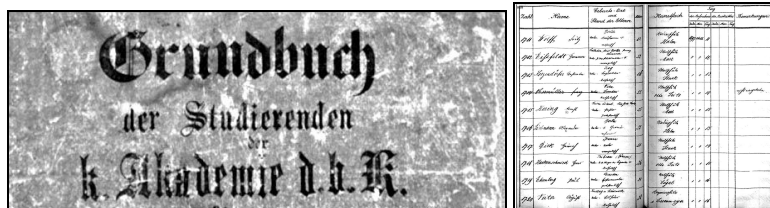
²⁰ *Wysling Hans, Scherrer Paul. Quellenkritische Studien zum Werk Thomas Manns.* Klostermann, Frankfurt a.M. 2008.

²¹ Например, портал artnet.com.

²² Например, портал artprice.com

²³ *Armbrust Heinz, Heine Gert. Wer ist wer im Leben von Thomas Mann. Ein Personenlexikon.* Vittorio Klostermann. Frankfurt a.M. 2008, S. 61-62.

академию начиная с 1809 года, доступны и в интернете²⁴. Если мы откроем книгу студентов, зачисленных в 1897 году, то под номером 01719 найдем запись, относящуюся к Паулю Эренбергу. Из нее следует, что этот студент зачислен в академию 16 октября 1897 года в возрасте 21 года. Нетрудно посчитать, когда он родился – в 1876 году, т.е. Пауль, действительно, на два года старше своего брата Карла.

Обложка и цитируемая страница «Матрикулы мюнхенской Академии художеств»

«Загадка первородства» может считаться решенной, но остается какое-то чувство неудовлетворенности: ее решение строится на основе вторичных документов – студенческих матрикул, юбилейных газетных статей, каталогов художественных аукционов... Все это хорошо и по-своему убедительно, но где же первичные документы, где свидетельства о рождении братьев, прежде других определяющие их возраст? Почему-то ни один биограф Манна не ссылается на такие акты в отношении братьев Эренбергов. И я решил этот пробел восполнить.

Я написал письмо с просьбой найти свидетельства о рождении братьев Эренбергов в Главный государственный архив города Дрезден (das Hauptstaatsarchiv Dresden), являющийся частью государственного архива земли Саксония. Оказалось, что в этом архиве свидетельств о рождении не хранят, и нужно было обратиться либо в региональное церковное управление Дрездена, либо в

²⁴ На сайте <http://matrikel.adbk.de/> Там же можно посмотреть факсимильную копию оригинала страницы с записью о поступлении Пауля Эренберга.

городской отдел записей актов гражданского состояния, другими словами, в ЗАГС²⁵.

Не буду подробно пересказывать довольно обширную переписку с работниками дрезденского ЗАГСа, приведу только итог: свидетельства о рождении братьев Эренберг по моей просьбе были найдены. Согласно свидетельству номер 1165 за 1876 год, Пауль Эренберг родился 8 августа 1876 года²⁶. Эта дата не встречалась мне ни в публикациях об Эренберге, ни в справочных данных о нем в библиотечных каталогах и энциклопедиях. Ее мельком упомянул в своей третьей записной книжке сам Томас Манн (см. прим. 64). Твердо установлен и день рождения его младшего брата Карла: согласно данным дрезденского ЗАГСа он родился, как правильно указывает *«Немецкая биографическая энциклопедия»*, 6 апреля 1878 года.

Что еще сказать перед тем, как мы навсегда расстанемся с братьями Эренбергами? С Паулем у Томаса случались редкие встречи, как правило, семьями. Например, в дневнике от 2 января 1921 года есть запись: *«На чай к Паулю Эренбергу в Швабинг, куда мы шли через Английский сад. Там музицировали, и я читал из первой главы "Волшебной горы" и из "Хозяина и собаки". Все вместе длилось долго, до 9 часов»*²⁷.

В швейцарском изгнании Томас Манн получает от своего бывшего друга слезные письма с просьбами о материальной помощи. В дневнике от 31 марта 1933 года читаем: *«Письмо от Пауля Эренберга, находящегося в*

²⁵ Письмо автору референта Главного государственного архива Дрездена д-ра Йорга Лудвига (Dr. Jörg Ludwig) от 10 августа 2010 (личный архив автора).

²⁶ Письмо автору сотрудницы городского архива Дрездена госпожи Хайде Фенкл (Heide Fenzl) от 24 августа 2010 (личный архив автора). Выражаю самую искреннюю признательность госпоже Фенкл и ее коллегам за проведенные поиски, увенчавшиеся полным успехом.

²⁷ *Mann Thomas. Tagebücher. 1918-1921. Herausgeben von Peter de Mendelsohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1979, S. 481.*

*финансовой нужде и полном беспамятстве о моем собственном положении. Он меня достал такими просьбами*²⁸.

В знаменитой дневниковой записи от 10 апреля 1933 года, в которой писатель весьма двусмысленно комментирует²⁹ первые нацистские антиеврейские законы, есть замечание и о Пауле: *«Новое письмо от П. Эренберга, которому я ссудил 800 марок»*³⁰.

После Второй мировой войны до Томаса дошли слухи о сотрудничестве братьев Эренберг с нацистами. Этому писатель не мог поверить и тот факт, что Пауль упорно скрывается, объяснял просто его не очень красивым поведением в денежных вопросах в 1933 или 1934 годах³¹.

Печальное известие о смерти Пауля Эренберга достигло Томаса 22 ноября 1949 года, заставив еще раз ностальгически вспомнить их непростые отношения. И неожиданно через неделю почта доставляет писателю запоздавшее письмо от Пауля, в котором тот сообщает, что послал ему в знак многолетней дружбы свою картину. *«Возможно, еще придет»*, - меланхолически пометил писатель в дневнике 1 декабря 1949 года. Похоже, картина так и не дошла.

²⁸ Mann Thomas. Tagebücher. 1933-1934 (см. прим. 52), стр. 29.

²⁹ Подробнее см. в моей статье Беркович Евгений. Неизвестный Томас Манн (см. прим. 71).

³⁰ Mann Thomas. Tagebücher. 1933-1934 (см. прим. 52), стр. 45.

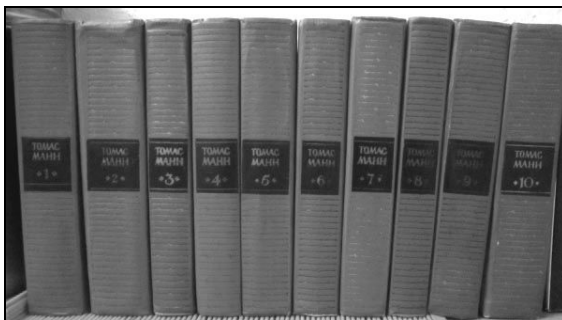
³¹ Mann Thomas. Tagebücher. 1949-1950. Herausgeben von Peter de Mendelsohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1991, S. 452.

Горький хлеб переводчика

Тексты с ошибками и неточностями попадают к читателю не только по вине авторов. Очень часто причиной искажения смысла выступает неверный перевод произведения на другой язык.

Советскому читателю с произведениями Томаса Манна повезло дважды. Во-первых, и тут я согласен с Игорем Эбаноидзе, *«выход в 1961 году в издательстве "Художественная литература" десятитомника Томаса Манна, а вслед за ним и двух томов «Иосифа и его братьев» можно отнести к числу самых крупных везений, выпавших на долю того поколения русскоязычных читателей»*¹.

Первое в СССР собрание сочинений Томаса Манна в 10 томах, 1959-1961 гг.

Во-вторых, к переводу сочинений Томаса Манна на русский язык были привлечены лучшие переводчики, без

¹ Из предисловия Игоря Эбаноидзе к сборнику *Манн Томас*. Аристократия духа. «Культурная революция», Москва 2009, стр. 5. Издательство, выпустившее десятитомник Манна в 1959-1961 годах, точно называется «Государственное издательство художественной литературы».

преувеличения элита переводческого цеха страны. Достаточно назвать имена С. Апта, Е. Эткинда, Н. Ман, А. Кулишер... И, тем не менее, и в их продукцию попал брак.

Подчеркну, что речь идет о книгоиздании в Советском Союзе, когда, с одной стороны, издать книгу было чрезвычайно сложно, ибо требовалось преодолеть не одну «полосу препятствий», создаваемых безжалостной идеологической цензурой. Но, с другой стороны, книги издавались так тщательно, как и не снилось нынешним производителям массовой книжной продукции. Находить «ляпы» в современных переводных книгах – занятие скучное, так как ляпы эти там почти на каждой странице. Хотя в выходных данных книги присутствуют имена и редактора, и корректора.

Возьмем, например, книгу, связанную с жизнью Томаса Манна, переведенную сравнительно недавно, в 2007 году. Книга Инге и Вальтера Йенс называется *«Фрау Томас Манн»* и посвящена жизни Кати Прингсхайм, ставшей женой и верным другом Волшебника². В конце книги рассказывается о *«второй королевской свадьбе в Мюнхене»*: внук Томаса и Кати *«Фридо вступал в брак с Кристиной Хайзенберг, дочерью выдающегося физика»*³.

Не каждый читатель сразу догадается, что речь идет о дочери Вернера Гейзенберга. Очевидно, что ни переводчица И. Солодунина, ни редактор Л. Казарьян, ни корректор О. Лялина, чьи имена стоят в выходных данных книги, либо ничего не знают о великом физике двадцатого века, о знаменитом *«принципе неопределенности Гейзенберга»*, перевернувшем взгляд на современную физику, либо просто не подумали, что установившиеся написания имен собственных не меняют при новом переводе, чтобы не вводить читателя в заблуждение. Ведь не пишут об айнштейновской теории относительности, хегелевской философии или о хамбургском счете, хотя

² Йенс Инге и Вальтер. Фрау Томас Манн. Роман-биография. Пер. с нем. И. Солодуниной. Изд. Б.С.Г.-ПРЕСС, Москва 2007.

³ Там же, стр. 408.

новые словечки образованы по тому же рецепту, что и пресловутый Хайзенберг.

Повторю, подобные небрежности сейчас не редкость и ими никого не удивишь: книги издаются быстро и без тщательной корректуры. Но в советское время все было не так. Тогда выверялась каждая буква, каждая запятая текста, проверялись даты и все другие факты. Да и штат проверяющих был существенно многочисленнее. Например, девятый том собрания сочинений Томаса Манна, вышедший в 1960 году, имел общих редакторов Н.Н. Вильмонта и Б.Л. Сучкова, составителем был Е. Закс, литературным редактором Е. Эткинд. Кроме них за текст отвечали редактор С. Шлапоберская, художественный редактор Д. Ермоленко, технический редактор В. Овсенок и корректоры М. Муромцева и А. Стукова. Это даже не «семь нянек», а все девять!

Перевод *«Очерка моей жизни»*, вошедшего как раз в девятый том сочинений Томаса Манна, осуществлен Анной Кулишер, опытным литератором, человеком с европейским образованием и большим опытом переводов самых разных авторов. Вот что написал Ефим Эткинд⁴ в *«Литературной энциклопедии»* об этой переводчице: *«КУЛИШЕР, Анна Семеновна [19.IV(1.V).1888, Петербург, — 10.I.1961, Ленинград] — рус. сов. переводчица. Род. в семье служащего. Окончила историч. ф-т Брюссельского ун-та (Бельгия), а также ин-т новых языков в Ленинграде. Лит. деятельность начала в 1928. Перевела на рус. яз. произв. А. Зегерс («Оцененная голова», 1935), Т. Манна (рассказы и статьи, 1938 и 1960), С. Цвейга («Подвиг Магеллана», 1947), А. Додэ (рассказы, 1948), Стендаля («Жизнь Наполеона», 1950), Г. Веерта («Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», 1953), О. Бальзака (повести, 1951), В. Гюго («История одного преступления», 1954), Г. Форстера («Парижские очерки», 1956), А. Мюссе (новеллы, 1957), Э. Д. Булвера-Литтона ("Пелэм", 1958). К. переводила также соч. рус. сов. писателей на нем. яз.,*

⁴ Ефим Григорьевич Эткинд (1918-1999) – советский и российский филолог, историк литературы, переводчик европейской поэзии.

редактировала собр. соч. М. Горького в нем. переводе (1934 – 37, 5 томов)».

Не удивительно, что именно Анне Кулишер доверили перевод ключевого автобиографического произведения Томаса Манна – не раз обсуждавшегося здесь «*Очерка моей жизни*». Когда спустя полвека после первого на русском языке собрания сочинений Манна Соломон Апт составил новое собрание в восьми томах, то именно этим очерком открывался его первый том⁵.

Собрание сочинений Томаса Мана в восьми томах, 2009 г.

Переводить Томаса Манна на другой язык – нелегкая задача. Уж очень богата и разнообразна его лексика, причудливо и непредсказуемо витиевато строятся его фразы, за каждым словом видится множество смыслов. В письме американской журналистке и редактору Ирите ван Дорен⁶ от 28 августа 1951 года Манн признается: *«Однажды, начиная историю про Иосифа, я позабавился, написав предложение длиной в полторы печатных страницы. Переводчики разбили его, конечно, на множество коротких. Но кто понимает по-немецки, пусть прочтет это предложение из*

⁵ Манн Томас. Собрание сочинений в восьми томах. Сост. С. Апт. ТЕРРА – Книжный клуб, Москва, 2009.

⁶ Ирита ван Дорен (Irita Bradford Van Doren, 1891-1966) – американская журналистка, редактор изданий «Нью-Йорк Геральд Трибун» («New York Herald Tribune») с 1924 по 1963 годы.

романа об Иосифе и посмотрит, теряется ли там нить хоть один раз. В нем нет ни напыщенности, ни тяжеловесности; оно юмористично, это образец самопередразнивания, которое и вообще не чуждо моим писаниям, и, вероятно, является причиной тому, что меня так часто неверно читают»⁷.

Каждый пишущий человек знает, как важна первая фраза любого текста: она задает тон, мелодию и настроение всего дальнейшего повествования. Первая фраза автобиографии Томаса Манна в переводе Анны Кулишер оказалась разбитой на две. В этом, как мы видим по высказыванию самого автора, нет ничего удивительного или странного. Так поступали многие переводчики с громоздкими, на их взгляд, предложениями Волшебника. Важно, чтобы при переводе не исказился смысл сказанного и сохранилась мелодия оригинала. Начало *«Очерка моей жизни»* выглядит в переводе А.Кулишер так: *«Родился я в 1875 году в Любеке. Я – младший сын купца и сенатора вольного города Любека – Иоганна-Генриха Манна и его жены Юлии да Сильва-Брунс»⁸.*

На мой взгляд, повторение в двух соседних предложениях слов «я» и «Любек» здесь не очень оправдано, тем более что в оригинальной фразе Томаса Манна подобных повторов нет. Но это, конечно, мое субъективное мнение. Обратимся к фактам, которые должны трактоваться однозначно: либо правда, либо ложь. К моему удивлению оказалось, что не все из написанного в русском переводе автобиографии Томаса Манна соответствует действительности.

Конечно, год и место рождения, а также имена родителей переведены верно (в оригинале, правда, имена Иоганн Генрих написаны без черточки). Должность и профессия отца тоже названы правильно. А вот то, что Томас – «младший сын» многодетной семьи купца и сенатора, вызывает не просто сомнения, а протест. Ведь в

⁷ Mann Thomas. Briefe. Band 3. 1948-1955 und Nachlese (см. прим. 66), стр. 110.

⁸ Манн Томас. Очерк моей жизни. Перевод А.Кулишер (см. прим. 27), стр. 93.

семье Иоганна Генриха и Юлии было пятеро детей: три сына – Генрих, Томас и Виктор – и две дочери – Юлия и Карла. Мы их всех в этих заметках по тому или иному поводу уже вспоминали. И младшим, конечно, был не Томас, а Виктор, Викко, как его звали в домашнем кругу⁹. Он был на пятнадцать лет младше Томаса и отличался от своих утонченных и одаренных старших братьев и сестер большей простотой и бесхитростностью. В конце своей не очень долгой жизни Виктор написал воспоминания о семье «Нас было пятеро»¹⁰. Многие подробности жизни Маннов мы узнали из этой книги.

Виктор Манн

Виктор – единственный из всех Маннов – оставался в Германии во времена Третьего рейха. Генрих писал ему сердечные и теплые письма, Томас относился к Викко немного снисходительно. Тем не менее, Томас поддерживал и, как мог, воспитывал младшего брата, драчуна и шалопая. А иногда даже использовал его знания в своей работе. Когда Томас писал свой первый роман в Мюнхене, он выпытал у Викко, которому тогда было лет восемь, несколько

⁹ Виктор Манн (Karl Viktor Mann, genannt Viktor Mann, 1890-1949) – младший брат Генриха и Томаса Маннов.

¹⁰ *Mann Viktor. Wir waren fünf* (см. прим. 59).

специфически мюнхенских бранных слов, чтобы вложить их в уста одного из действующих лиц *«Будденброков»*.

После Второй мировой войны, когда встал вопрос о возврате Томасу Манну конфискованного нацистами мюнхенского дома, именно Виктор взял на себя все организационные хлопоты и очень помог своему брату.

Виктор Манн с женой Нелли, 1914

В общем, назвать Томаса *«младшим сыном»* мог только человек, совсем не знакомый с биографией писателя, что никак не соответствует образу Анны Семеновны Кулишер, учившейся в Европе и читавшей работы многих европейских писателей в оригиналах. Может быть, Томас Манн и здесь ошибся, как в *«загадке первородства»* братьев Эренберг? Нет, в оригинале первая фраза автобиографии звучит так: *«Я родился в 1875 году в Любеке вторым сыном купца и сенатора вольного города Иоганна Генриха Манна и его жены Юлии да Сильва-Брунс»*¹¹.

¹¹ Mann Thomas. Essays. Band 3 (см. прим. 27), стр. 177.

Вот в этой фразе все верно: Томас – второй сын сенатора, что вовсе не означает «младший». Последнее – чистая фантазия переводчицы, какое-то «затмение ума» или, скорее, «заблуждение сердца».

Что удивительно: эта ошибка прошла не только через тончайший фильтр корректоров и редакторов первого издания сочинений Томаса Манна на русском языке. Эту ошибку не заметили в течение последующих пятидесяти лет многочисленные отечественные «манноведы», и ее повторил без комментариев составитель нового собрания сочинений немецкого классика мудрейший и всезнающий Соломон Константинович Апт! Уж он-то про Викко знал определенно! В написанной им биографии Томаса Манна С. Апт не раз говорит о его младшем брате Викторе, который «родился в год пятидесятилетия сенатора и столетия фирмы»¹².

Сейчас, увы, не спросишь у Анны Семеновны, почему она «второй сын» перевела как «младший», забыв про Виктора, а у Соломона Константиновича не поинтересуешься, почему он закрыл глаза на этот явно известный ему «ляп» переводчицы. Остается только пожалть плечами и признать, что ответа на эти вопросы у нас нет.

Расписавшись в своем бессилии разгадать загадку первой фразы, продолжим чтение русского перевода «Очерка моей жизни». Новая неожиданность нас поджидает буквально на следующей странице.

Томас Манн вспоминает свое школьное детство, когда он «кропал стишки», которые «уже в шестом классе уяснили начальству строптивость моей своеобразной натуры. Начал я с ребяческих пьес, которые вместе с младшими братьями и сестрами разыгрывал дома, перед родителями, дядюшками и тетушками»¹³.

Переведем дух и прочитаем медленно: «вместе с младшими братьями и сестрами». Но страницей ранее было черным по белому написано, что Томас – «младший сын». Как может у «младшего сына» быть «младший брат»?

¹² Апт С.К. Томас Манн (см. прим. 180), стр. 9.

¹³ Манн Томас. Очерк моей жизни. Перевод А. Кулишер (см. прим. 27), стр. 95.

Неужели Анна Семеновна Кулишер вдруг в этом месте вспомнила о несчастном Викторе? Но нет, в описываемое Томасом Манном время Виктор еще не родился, ведь он на пятнадцать лет младше Томаса. Вот уж, действительно, затмение ума! Можно подумать, что фразы о *«младшем сыне»* и о *«младших братьях»* (их, оказывается, несколько!) переводили разные люди.

Юлия и Карла Манн

Но откуда у самого Томаса Манна взялись *«младшие братья»*? Он-то не мог не знать, что до пятнадцати лет моложе его в их семье оставались только две сестры – Юлия и Карла. В отличие от загадки первой фразы, этот ребус легко решается. Анна Семеновна попала в классическую лингвистическую ловушку, своеобразный вариант «ложных друзей переводчика», когда прямое словарное значение слова не является правильным в данном контексте.

Чтобы пояснить сказанное, нужно сделать общее замечание. В разных по возрасту и степени развития языках существуют различные способы выражения обобщающих понятий. Где-то язык подобрал для таких понятий свои слова, а где-то нужно применить словосочетание. Например, практически любой язык имеет слова для выражения понятий «отец» и «мать». Их обобщением служит термин

«родители», по-немецки «Eltern». Но для обобщения понятий «дедушка» и «бабушка» в русском языке отдельного слова нет, надо писать длинное словосочетание из этих двух слов. В немецком же один термин существует: «Großeltern».

То же самое верно и для понятий «брат» и «сестра». В русском языке приходится использовать оба эти слова, чтобы обозначить всех детей одной семьи. А в немецком есть одно слово «Geschwister», которое в немецко-русских словарях переводится именно словосочетанием *«братья и сестры»*. Но если в семье только девочки или только мальчики, они все равно будут «Geschwister». «Geschwister» - общее понятие, его не всегда нужно переводить именно как *«братья и сестры»*.

Именно слово «Geschwister» употребил Томас Манн, говоря о пьесах, которые он разыгрывал с младшими сестрами, а А. Кулишер перевела это слово так, как стоит в словаре. Вот и получилось, что *«младший сын»* играл с *«младшими братьями»*.

И этот «ляп» без комментария перешел во все сборники и собрания сочинений Томаса Манна, в которых перепечатывался перевод Анны Семеновны Кулишер *«Очерка моей жизни»*.

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы перейти к выводам, чего требует любая работа над ошибками.

Вывод для переводчика идеально, на мой взгляд, сформулировал непревзойденный мастер этого литературного цеха Соломон Константинович Апт. Рассказывая о своей работе над переводом *«Иосифа и его братьев»*, он пишет: *«...при переводе тетралогии мне то и дело приходилось заглядывать в учебники и альбомы, не говоря уже о двух библиях, немецкой и русской, которые несколько лет не покидали моего стола. Но это, в общем-то, обычная особенность переводческой работы: идет ли речь об историческом романе, или о романе на современную тему, или даже о любом другом тексте, всегда нужен какой-то минимум знаний предмета, чтобы верно понять и*

соответственно передать на своем языке специальную терминологию подлинника»¹⁴.

Этот «минимум знаний предмета» необходим любому переводчику, и никакое европейское образование не дает гарантию безошибочного перевода. «Ляпы» мастеров - прекрасная школа для начинающих переводчиков.

Что касается неточностей автора оригинала, то тут уместно вспомнить признание самого Томаса Манна, сделанное во «Введении к *"Волшебной горе"*»:

«...думать, будто автор лучше всех знает свое произведение и может дать к нему самый лучший комментарий – значит впасть в ошибку. Пока он создает его и живет в нем, все это, может быть, и правильно. Но произведение, над которым он перестал работать, которое отошло для него в прошлое, все больше отделяется от него и начинает жить самостоятельной жизнью, так что приходит время, когда критики со стороны знают о нем больше и разбираются в нем лучше, чем сам автор, и нередко могут напомнить автору кое о чем, что он уже забыл или, быть может, даже никогда не осознавал»¹⁵.

Подвергая все сомнению, как советовал Рене Декарт, не следует забывать при этом основной принцип, которому следовал Томас Манн в своей работе. Он его сформулировал в 1925 году, как раз после окончания *«Волшебной горы»*: *«Всякая подробность скучна, если сквозь нее не проглядывает идея. Искусство – это жизнь в свете мысли»¹⁶.*

¹⁴ *Ант Соломон*. Над страницами Томаса Манна. «Советский писатель», Москва 1980, стр. 34.

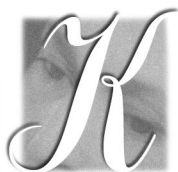
¹⁵ *Манн Томас*. Введение к *«Волшебной горе»*. В книге: *Манн Томас*. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 9. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1960, стр. 167.

¹⁶ Цитируется по книге *Ант Соломон*. Над страницами Томаса Манна (см. прим. 223), стр. 286.

Людмила Дымерская-Цигельман

**Т. Манн и В. Гроссман о
культурно-исторических
корнях советизма и нацизма**

**«Культура совести» и принцип
имманентности**

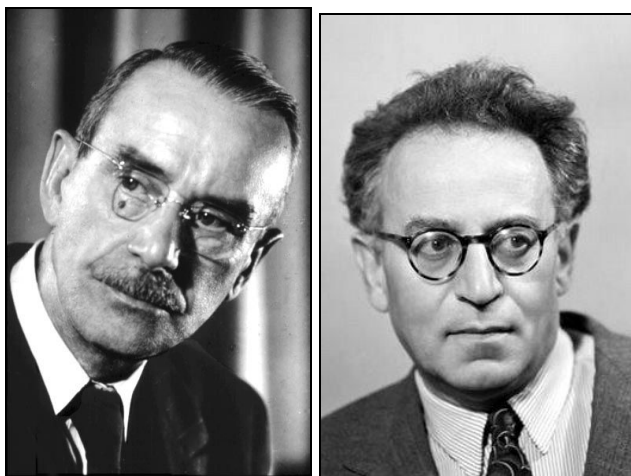

Когда я предложила сделать доклад о Манне и Гроссмане¹ на семинаре кафедры славистики Еврейского университета, руководитель семинара удивленно переспросил: «Манн и Гроссман? Возможно ли это?» И его сомнения были в определенной мере оправданы. Действительно, этих писателей разделяют и время, и пространство, и культурное подданство.

Они принадлежат к разным поколениям: Манн родился 6 июня 1875 года, Гроссман появился на свет 12 декабря 1905 года, когда Манну уже исполнилось 30 лет. Но даты их ухода из жизни разделяют всего 9 лет: 1955-й – год смерти 80-летнего Манна и 1964-й – 59-летнего Гроссмана. Манн продлил свою жизнь, уйдя с приходом нацизма в

¹ Эта статья в части о Т. Манне во многом основывается на моем предисловии «Томас Манн. Уроки гуманизма» к сб. «Т. Манн. О немцах и евреях» (Составители Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Перевод и примечания Е. Фрадкина. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1990), а также на докладе «Томас Манн и Николай Бердяев о духовно-исторических истоках большевизма и национал-социализма», прочитанном на международной конференции «Христианство и тоталитарные вызовы XX столетия (на примере России. Германии, Италии и Польши)». Католический университет в Айхштатте, октябрь 2000 г. На русском языке опубликован в «Вопросах философии», 2001, № 5.

пожизненное добровольно-принудительное изгнание; Гроссман всю свою сознательную жизнь провел во чреве советского Левиафана, где, сказал он после ареста книги его жизни, «меня задушили в подворотне». Писатели – уроженцы разных стран – Германии и России и принадлежат, хотя и к близким, но к разным культурам.

Томас Манн и Василий Гроссман

Они разновелики не только как художники и мыслители, но и по влиянию их на культуру своих и других народов.

И все же есть нечто общее, позволяющее сравнивать немца – великого «писателя земли немецкой» с русским евреем – писателем земли русско-советской.

Оба писателя – современники становления нового в истории режима – тоталитаризма в двух его главных разновидностях – советской и нацистской.

Оба они наследуют и развивают далее гуманистические традиции своих культур. Поиски человеческого в человеке – так определил Гроссман смысл творчества своего близкого друга Андрея Платонова. Это в полной мере может быть отнесено к самому Гроссману. Буквально в тех же словах определяет Томас Манн главное в его романах «Волшебная гора» и «Иосиф и его братья».

Оба они исходят из того, что разгадка двух тоталитарных монстров кроется в истории – событийной и культурной Германии и России. Обоих писателей объединяет принцип имманентности. Сущность его в том, что любой феномен как исторический, так и личностный объясняется прежде всего особенностями его внутренней природы, ходом и направленностью внутренних процессов его развития и изменения. Этот принцип делает доминантным и в научном, и в художественном исследовании историко-генетический анализ. При этом, разумеется, не исключаются, а, наоборот, предполагаются сравнительный и ситуационный анализы. Сравнение и обоснованные, то есть не поверхностные, а выявленные по существенным признакам аналогии с другими процессами и явлениями (сравнительный анализ), равно как и учет влияния различных внешних факторов и обстоятельств (ситуационный анализ) с необходимостью дополняют историко-генетическое исследование.

Однако доминирование принципа ситуационности при игнорировании (чаще целенаправленном) принципа имманентности, принципа *causa sui* (вещь есть причина самой себя) может привести при анализе таких феноменов как нацизм и советизм к манихейским выводам о делении мира на безусловное Зло и абсолютное Добро. Именно так строятся русско-коммунистическая и немецко-нацистская мессианские идеологии, относящие на счет внешнего врага все Зло мира и мобилизующие своих подданных на беспощадную борьбу с ним – в первом случае ради устройства коммунистического рая, во втором – ради торжества высшей расы². В работе «Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации» Сергей Аверинцев писал: «безумством становится всякая система рассуждений, когда она становится некритической по отношению к себе». Он полагает, что не каждая культура принимает идею коллективной ответственности нации за грехи и преступления ее прошлого, необходимость

² Дымерская-Цигельман Л. Советские корни современного антисемитизма. «Форум»; 2006 № 6 ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/

«исповедовать перед всем миром эти грехи и преступления». Аверинцев различает между «культурой совести», восходящей к христианской традиции исповеди, и «культурой стыда», свойственной Востоку: «там человек должен сохранять лицо и как раз для этого ему лучше не открывать своих неприятных тайн»³. (Парадигма паранджи) Примером первой, считает Аверинцев, может служить процесс денацификации Германии. Примером второй – отказ Турции от какого бы то ни было признания геноцида армян.

Принцип имманентности включен в «культуру совести», которая строится на признании как коллективной, так и личной ответственности и ориентирует на самооценку себя самого, а не на поиск и вынесение приговора стороннему злокознику.

Принцип имманентности и исповедальность творчества

Отличительной особенностью творчества и Томаса Манна, и Василия Гроссмана является проистекающая из принципа имманентности исповедальность. Именно исповедальность, а не покаяние, заключенное в порочный круг: «не согрешишь-не покаешься», стало быть, покавшись, можешь снова грешить. Зацикленность такого покаяния, переходящего в апологию содеянного, показал Гроссман в повести «Все течет...».

Оба писателя, но каждый в своей стране, были причастны к тем культурным и идеологическим процессам, которые способствовали формированию и укреплению тоталитарных режимов. Оба писателя приходят к противодействию идеологиям, освящающим тоталитаризм в их странах, через приобщение к ним. Поэтому собственная исповедь, поданная в образных контекстах художественных произведений (у Манна и публицистических), придает личностное измерение их исследованию культурно-

³ Аверинцев С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации. Собр. соч., т. «Связь времен». Изд-во «Дух и литера», Киев, 2005, стр. 391.

исторических истоков тоталитаризма, причин и способов приобщения людей к тоталитарным режимам, путей и причин их прозрения, их представлений о преодолении тоталитаризма в политике, в культуре, в психологии.

В 1938 году Манн писал: «...Гитлер не случайность, не несвойственное складу этого народа несчастье, не промах истории...Он – явление чисто немецкое»⁴. Но, пишет Манн, он не хотел бы закрывать глаза на такое родство, ибо и сам он «был не совсем в стороне от амбиций и влечений своего времени..., от стремлений, которые через двадцать лет превратились в громогласные домогательства уличной толпы»⁵. Поэтому критическая оценка «тех амбиций и влечений», тех идей, которые способствовали формированию нацистской идеологии и ее влиянию на интеллектуальные круги Германии, у него не обвинительное заключение, не проповедь, а протянувшаяся до конца жизни исповедь.

Исповедь Манна глубоко аналитична: она включает не только симптоматику, но и анамнез «болезни» Германии и пути избавления от поразившей ее наследственной хвори. Культурные истоки болезни, поразившей Германию, в исконной аполитичности ее народа. Манновский анализ собственного духовного онтогенеза служит средством воспроизведения духовного филогенеза нации. «...Всю свою юность я провел под знаком чисто интеллектуального, аполитичного представления о культуре...»⁶. Это – частное проявление общенационального. «Интеллектуальная Германия была невосприимчива к политической стороне жизни... И сегодня мы испытываем неумолимые трагические последствия этого. Немец стал рабом фашистского государства, всего лишь исполнителем

⁴ Манн Т. Дневник от 19 октября 1937 года. Прим. 1, стр. 198.
(Отсылка к сборнику «Томас Манн. О немцах и евреях» объясняется цитированием работ, переведенных на русский язык впервые).

⁵ Манн Т. Братец Гитлер. Прим. 1, стр. 254.

⁶ Манн Т. Речь на Всемирном конгрессе писателей в Нью-Йорке 8 мая 1939 года. Прим. 1, стр. 247.

функций тоталитарной политики...»⁷. Свой отказ от аполитичности в пользу политически-социальной активности, свое постижение демократии как «политического аспекта западноевропейского христианства» Манн представляет и как путь выздоровления Германии.

«Роман моей эпохи» – так назвал Манн книгу «Доктор Фаустус», – произведение, о котором писал, что «будучи от начала и до конца исповедью и самопожертвованием», «странного рода иносказательной автобиографией», оно «выходит за рамки искусства и является подлинной действительностью»⁸.

Томас Манн отвергал существование двух Германий: доброй и злой⁹. Весь роман – это повествование о том, как лучшие свойства немецкого духа и национального характера «под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла». Но «дьявольская хитрость», она же черт, покупающий душу Фаустуса-Леверкюна (музыкальный прототип его Шенберг) и всего «злополучного народа», – не потусторонняя сила, она не вне, а внутри него самого. Томас Манн шаг за шагом прослеживает внутренний процесс перерождения доброй Германии в злую. В центре его внимания те интеллектуалы, на совести которых готовность нации пойти по пути «бедствий и преступлений». Манн устами Цейтблома, друга главного героя романа композитора Леверкюна рассказывает о немецких салонах 1920 годов, об их участниках – интерпретаторах и распространителях идей противопоставляемого процессу модернизации ультрареволюционного консерватизма, восхвалявших язычество, возвращение к культу природы, оправдывавших грядущую «гигиену арийской расы», «отказ от всякой гуманной мягкотелости». Под влиянием подобных идей бывшие бюргерские добродетели вырождаются «в суетное приспособление к господствующему духу, в апологетику

⁷ Там же, стр. 247, 249.

⁸ Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа. Собр. соч., т. 9, М., 1960, стр. 224, 259.

⁹ Манн Т. Германия и немцы. Доклад, прочитанный в Библиотеке Конгресса в мае 1945 года. Собр. соч., т. 10, стр. 305, 324-325.

исподволь возникающего старо-нового, революционно-архаизированного мира,... где ценности, связанные с идеей индивидуума... переосмыслены и поставлены в связь с куда более высокой инстанцией насилия, авторитета, основанной на вере диктатуры»¹⁰.

Томас Манн не искал первопричину всех этих злокачественных метаморфоз в некой сторонней силе, совращающей на путь бедствий и преступлений беспорочных индивидуумов и добродетельные народы. Он говорит, что на собственном опыте познал «таинственную связь немецкого национального характера с демонизмом». «Черт Лютера, черт Фауста представляется мне, – писал Манн, – в высшей степени немецким персонажем, а договор с ним, прозакладывание души черту, отказ от спасения души во имя того, чтобы... владеть всеми сокровищами, всей властью мира, подобный договор, как мне кажется, весьма соблазнителен для немца в силу самой его натуры»¹¹.

В отличие от Томаса Манна, который постоянно сопровождал свое «музицирование» «писательством» (музицированием он называл художественное творчество, делая различия между ним и писательством – эссеистикой и публицистикой), Гроссман почти не рефлексировал по поводу своих произведений. Но главная его книга, как и «Доктор Фаустус», тоже может быть названа «исповедью» и «иносказательной автобиографией».

В «Жизни и судьбе» alter ego Гроссмана советский еврей, крупный ученый Виктор Штрум, жизнь которого, вплетенная в жизнь страны советов, воспроизводит жизненные коллизии самого автора – от полной включенности в советские реалии до постижения их сущности. В январе 1953-го Гроссман подписал инициированное Сталиным письмо с требованием «беспощадно покарать» врачей-убийц. Штрума тоже принуждают подписать письмо с оправданием казни оклеветанных в 1938 году врачей Плетнева и Левина. Что же понуждает Штрума-Гроссмана скрепить своей подписью

¹⁰ Манн Т. Доктор Фаустус. Собр. соч., т. 5, стр. 478, 475, 476.

¹¹ Манн Т. Германия и немцы. Прим. 9, стр. 308.

отдающие «средневековой тьмой» обвинения? Из всех мотивов, среди которых такой важный как неотвратимость признания преступности режима, в праведность которого Гроссман свято верил в своей предшествующей прозрению жизни, он подробно разбирает неожиданную для сильного и мужественного человека **покорность**, «бессилие, послушное чувство закормленной и забалованной скотины, страх перед разорением жизни, страх перед новым страхом»¹². Были ли такими потайные мотивы самого Гроссмана, ожидавшего ареста после разгромного поношения первой части дилогии – романа «За правое дело»? Скорее всего так. Но он не останавливается на признании – покаяние в отличие от аналитичной исповеди лишь начальный этап к осознанию своей роли и к анализу самого феномена покорности. Откуда берется она – эта покорность, когда «гигантские массы становились не просто покорными свидетелями уничтожения невинных, но словом и действием одобряли массовые убийства? Может быть, задается вопросом Гроссман, она говорит «о новой черте, внезапно возникшей в природе человека?» Нет, отвечает он, «эта покорность говорит о новой ужасной силе, воздействовавшей на людей. Сверхнасилие тоталитарных социальных систем оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух»¹³. Надо полагать, он пишет и о себе, говоря, что при «параличе духа» в помощь инстинкту самосохранения приходит гипнотическая сила мировых идей. Будучи, как Манн в Германии, причастным к разработке идей, освящающих советский тоталитаризм, Гроссман тоже раскрывает их пагубную роль: «они призывают к любым жертвам, к любым средствам ради достижения величайших целей – грядущего величия родины, счастья человечества, нации, класса, мирового прогресса»¹⁴. Эти цели, оправдывающие миллионы загубленных жизней, служили средством мобилизации и охмурения советского населения, пережившего описанные Гроссманом (впервые в подсоветской литературе) ужасы

¹² Гроссман В. «Жизнь и судьба». Кишинев, 1989, стр. 753.

¹³ Там же, стр. 187.

¹⁴ Там же.

Голодомора, массированного государственного террора, муки обитателей Гулага. О расовой идее, которую Манн называл «нордической верой», «затопляющей и парализующей мозги», Гроссман говорит в связи с нацистским уничтожением евреев. Но различия между нацистской и советской идеологиями, ставшие достоянием научного анализа лишь с шестидесятых годов¹⁵, в меньшей мере занимали и Манна, и Гроссмана, чем выявление их типологической сущности, сущности тоталитарных режимов.

Сравнение советского и нацистского тоталитаризмов – путь к переоценке ценностей

К постижению сущности «отечественных» тоталитаризмов писатели шли идентичным путем – путем сравнительного анализа. Каждый тоталитаризм служил как бы увеличительным зеркалом для другого – в нем более явственно проступали особенности, объединяющие нацизм и советизм.

Раскрытие общей природы тоталитарных систем, понимание того, чем они чреваты для человечества, побудили и Томаса Манна, и Гроссмана переосмыслить свои взгляды, свои жизненные позиции. Это общее в прозрении обоих писателей, но дорога к переоценке ценностей у каждого своя. Исследование Манна, начатое в 1920 годы и продлившееся до конца его жизни, было синхронным процессу становления обоих тоталитаризмов, их зрелости, военного поражения одного и послевоенных бесчинств другого. Путь Гроссмана не только намного короче, он существенно иной. Если Манн обнаруженное им родство советского и нацистского тоталитаризмов не подвергал сомнению и в годы их пропагандистской конфронтации, то Гроссман, как и большинство советской и западной интеллигенции, искренно верил в органичность советского антифашизма. Путь его познания начат во время войны,

¹⁵ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные явления? Сб. «Личность и власть», Московский философский фонд. М.

когда он вместе с армией отступал и своими глазами видел тысячи и тысячи добровольно сдающихся в плен советских солдат, видел всю подноготную Сталинградской эпопеи, в которой участвовал от первого до последнего дня, затем с армией прошел всю Украину (очерк 1943 года «Украина», писал Иван Дзюба, отличался «глубиной сочувствия страданиям нашего народа»), написал исполненный безмерной боли очерк «Украина без евреев», узнал о расстреле в Бердичеве его матери, первым увидел и описал Треблинский ад, вернулся в сотрясаемый сталинскими кампаниями послевоенный СССР, включился в работу над «Черной книгой», пережил ее советское уничтожение, стал свидетелем разгрома ЕАК и кампании против «космополитов», после поношения его книги «За правое дело» подвергся угрозе ареста, подписал письмо с требованием расправы над «врачами-убийцами».

«Черная книга» – знаменательная точка пересечения жизненных траекторий Манна и Гроссмана. В том самом 1946 году, когда Гроссман завершил свою работу над ней, Манн вместе с Эйнштейном и Элеонорой Рузвельт вошел в комитет по «Черной книге» (об истреблении евреев на оккупированных территориях СССР), учрежденный для поддержки издания и его распространения¹⁶.

Еще раз подчеркну, что для обоих писателей понимание сущности «другого» тоталитаризма послужило импульсом к преодолению прежних взглядов, к пониманию отечественного тоталитаризма.

Когда же для Гроссмана началось постижение советского тоталитаризма, сравнение преступлений нацистского режима с преступлениями советского? Можно предположить, что в годы войны. Его очерки военных лет – это документальная проза, основанная на виденном своими глазами и услышанном от участников и свидетелей событий. Он прошел по разрушенной «Украине без евреев», поведал миру о «коллективной плахе» в Освенциме. В те же годы он мог видеть убойную «работу» СМЕРШа, слышать рассказы

¹⁶ Еврейский Антифашистский Комитет в СССР. 1942-1948. Документированная история. М., «Международные отношения». 1996, стр. 244.

тех немногих, кто вернулся из Гулага. И не там ли, на фронте он узнал от расковавшихся от страха солдат подробности о Голодоморе, ужасы которого потом воспроизвел в рассказе Христи Чуняк¹⁷, в исповеди Анны Сергеевны, бывшей комсомолки, участницы кампании по «раскулачиванию» украинской деревни¹⁸. Особо стоит рассказ о майоре Ершове, готовившем восстание в немецком концлагере под лозунгом «Лагерники всех стран, соединяйтесь!». В 1930 году, когда он служил в армии, отца его, крестьянина Воронежской области «раскулачили» и всю семью отправили на спецпоселение в гиблые болотистые северные леса. Гроссман описывает поездку Ершова к отцу, воспроизводит рассказ отца о голоде, о смерти односельчан, о детях – «тела их стали легче куренка», о голодном вое, день и ночь стоявшем над деревней, о смерти матери и сестер Ершова, не выдержавших советского «марша смерти»¹⁹. Нет доказательств того, что «рассказ Ершова» Гроссман услышал от кого-либо из его прототипов, хороших его знакомых из солдат-фронтовиков, но в этом нет и ничего невозможного: он много говорит о духе свободы тех лет, об открытости людей и надежде, что 1930-е больше не вернуться. И поэтому нельзя исключить, что может быть уже тогда Гроссман шел к пониманию того, что умерщвление еврейского ребенка в Освенциме и голодная смерть украинского или русского ребенка в хлебоборобном селе – дело рук идентичных сил, организующих массовое убийство объявленных нелюдьми евреев и «кулаков». Сталинский антисемитизм, который он воспринимал как продолжение гитлеровского, стал для него еще одним доказательством

¹⁷ Гроссман В. Жизнь и судьба, стр. 505-507.

¹⁸ Гроссман В. Все течет... Второе издание. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1973, стр. 118-119. 126. Роберт Конквест в своем историческом исследовании Голодомора многократно (26) раз ссылается на книги Гроссмана, используя их как фактографический источник. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1988.

¹⁹ Гроссман В. Жизнь и судьба..., стр. 279-284.

родства тоталитаризмов и камуфляжности советского гуманизма и антифашизма.

Переориентация Томаса Манна началась после Первой мировой войны. Вплоть до 1920 года он считал, что гуманистическую культуру немцев нужно защищать от рассудочной меркантильной цивилизации Запада, политическое воплощение которой он видел в демократии. Эти взгляды Манн отстаивал в книге «Размышления аполитичного», которую он писал в годы Первой мировой войны и работу над которой оценивал как трудный путь самоосознания, приведший к пересмотру основ мировоззрения и традиций немецко-бюргерской аполитичной культуры. Анализ первых лет существования двух сменивших империи республик – советской и Веймарской – важнейший этап в этом процессе. Именно тогда Манн снимает противоположение духовной культуры и цивилизации и заключает, что демократия и только она, а не авторитарное государство может создать благоприятные для духовной культуры рамки. Эту свою аргументацию Манн изложил в речи «О немецкой республике», произнесенной под улюлюканье аудитории 15 октября 1922 года. В ней он говорил об организованном нацистами убийстве министра иностранных дел еврея Вальтера Ратенау, которое, писал он, «стало для меня тяжелым шоком». Манн, разумеется, видел, как далек провозглашенный им идеал республики, демократии от его веймарского и советского воплощения. Но формирующееся на глазах советское государство Манн при всех декларациях его вождей вообще не считал демократией. «Большевизм, – утверждал он, – ...не является ни демократией, ни свободой, ни гуманностью, а диктатурой и террором». Писатель видел в нем часть того «мирового движения», для которого в целом «характерна диктаторско-террористическая тенденция»²⁰. Частью этого мирового движения является и нацизм, в политическом терроризме и диктаторских устремлениях которого Манн сразу же распознал тоталитарную альтернативу республике. Но нацизм тогда

²⁰ Манн Т. Дух и сущность немецкой республики. Прим. 1, стр. 81.

лишь набирал силу, в России же террор стал всеохватывающей реальностью.

Духовная близость обоих народов, тот резонанс, который получала в кругах русских и немецких интеллектуалов апологетика «почвы», «народа», популярность антизападных почвенно-народнических воззрений – все это рождает у Манна опасение: немцы подобно русским, презревшим гуманистические ценности своей культуры, могут не устоять против «русского соблазна»²¹ и тоже пойти «диктаторско-террористическим путем», на который их могут вовлечь нацисты.

Надежду на то, что Германию не постигнет участь России, Манн основывает на принципиальных различиях во взглядах двух равных по рангу наставников своих народов – «небожителя» Гете и «великого писателя земли русской» Толстого.

Оценивая влияние толстовства, с одной стороны, и значение «прогрессистско-европейской идеи», то есть марксизма – с другой, Манн пишет: «Западно-марксистский чекан озаривший ясным светом великий переворот в стране Толстого (подобно всякому свету, озаряющему лишь покров вещей), не мешает нам усмотреть в большевистском перевороте конец Петровской эпохи – западно-либеральствующей **европейской** эпохи в истории России, которая с этой революцией снова поворачивается лицом к Востоку»²². От себя добавлю: к его «культуре стыда», прикрывая паранджой мессианских утопий миллионные жертвы, приносимые во исполнение декларированных русским коммунизмом «великих целей».

В толстовском отрицании западной цивилизации, в его анархизме, в призывах к опрощению и возврату к жизни с ее природными законами Томас Манн видит враждебное христианской культуре язычество. Он говорит об опасном родстве этих идей с «романтическим варварством» и «националистическим язычеством» немецкого фашизма, который он определяет как «этническую религию, которой

²¹ Дымерская Л. Томас Манн и «русский соблазн». «Страна и мир». Мюнхен, 1990, № 3(57), стр. 152-160.

²² Манн Т. Гете и Толстой. Собр. соч., т. 9, стр. 598.

ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство – как человеческая сила»²³. И Манн стремится убедить своих соплеменников, что это не их путь, что наступил момент со всей силой и торжественностью восславить немецкие гуманные традиции. Эти традиции Манн возводит к Гете. «Европейский гуманист Гете» отличается от «апостола восточного мира» Толстого своим преклонением «перед нравственной культурой христианства, перед его просветительской антиварварской тенденцией». Апеллируя к Гете, Манн стремится убедить немцев, что их духовно-национальное достояние – это серединность, умеренность. Романом «Волшебная гора», своими эссе и статьями, своей исповедью и личным примером он стремится превратить должное в сущее, разумное в действительное.

Как известно, преподанный Манном урок не был усвоен. 17 октября 1930 года Манн выступает с речью «Призыв к разуму», где анализирует причины «сенсационного волеизъявления народа» во время выборов в рейхстаг (6,4 млн. голосов, 107 депутатских мест). Доказавшее «свою огромную притягательную силу национал-социалистическое движение» Манн связывает с происходящим в СССР, где «думают утолить голод тех, у кого отняли продукты питания..., кровью расстрелянных революционеров». И в Германии, и в России знамение времени – вседозволенность. Идея свободы появляется «в соответствующем времени образе – как одичание, издевательство... над авторитетом гуманности. Как развязывание инстинктов, эмансипация жестокости, диктатуры, насилия». И Манну ясно, что и в Германии, и в стране, реализующей «пролетарское учение о конце света», «фанатизм становится принципом спасения, восхищение – эпилептическим экстазом, политика – массовым наркотиком... Разум отвратил свой лик от людей...»²⁴.

1 февраля 1933 года Гитлер становится канцлером Германии, 11 февраля Томас Манн уходит в

²³ Там же, стр. 602.

²⁴ Манн Т. Немецкая речь. Призыв к разуму. Прим. 1, стр. 125-127.

«полудобровольное-полувынужденное» пожизненное изгнание. «Страдая Германией», он напряженно следит за происходящим там. Его ужасает то, что кроется «за чудовищным и подлым обманом с поджогом рейхстага» (27 февраля). Авторство, считает он, может быть приписано как нацистам, так и коммунистам, ибо «граница между ними в духовном и личностном отношении столь же размыта и нечетка, как граница между национал-социализмом и коммунизмом вообще. Я склонен усматривать подспудный смысл процесса в выявлении близости, родства, даже идентичности национал-социализма и коммунизма. Его результатом будет доведение *ad absurdum* ненависти и идиотской страсти к уничтожению друг друга. По существу же этого вовсе не требуется, они лишь различные, – как различаются между собой братья – выражения одного и того же исторического явления одного, и того же политического мира... Символические акции, такие, как поджог рейхстага, мы ощущаем, хотя это невозможно увидеть, как их общее дело»²⁵.

Нельзя не поразиться его проницательности. Советский «поджог рейхстага» – убийство Кирова – произойдет всего полтора года спустя после нацистской инсценировки. В отличие от многих западных интеллектуалов, принявших на веру то, что происходило на московских процессах 1936-1938 годов, Манн считал, что покаянные признания обреченных были либо фальсифицированы, либо были получены при обещании помиловать, «если будут говорить то, что хочет услышать правительство». «По своей пропагандистской лживости сообщения московского радио не уступают фашистским достижениям такого рода – по стилю они весьма схожи», – записывает он в дневнике²⁶.

Итак, если при становлении советизма и национал-социалистического движения большее внимание уделялось сравнению национально-культурных истоков тоталитаризмов, то на стадии их государственной зрелости

²⁵ Манн Т. Дневник от 24 ноября 1933 года. Прим. 1, стр. 143.

²⁶ Манн Т. Дневник от 20 августа 1936 года. Прим. 1, стр. 179.

(гитлеризм и сталинизм) Манн сосредотачивается на родственности политических форм их воплощения. Тоталитарного типа государство, пишет он, в равной степени враждебно западной цивилизации, идее свободы, истины и права как в откровенно провозгласившей диктатуру, антикоммунизм и тотальный антисемитизм нацистской Германии, так и в декларировавшем демократию, антифашизм и интернационализм Советском Союзе.

Более всего Манн опасался их альянса. После заключения германо-советского пакта он пишет в дневнике: «Новое варварство очень естественно вступило в контакт с якобы противоположной ему Россией. Если этот блок, в котором около трехсот миллионов человек, продержится, то почти немисливо, что цивилизация, которая за время долгой войны тоже претерпит изменения, сможет победить его и поставить свои условия» (запись от 11 сентября 1939 года). Опасаясь такого развития событий, Манн за год до заключения пакта пишет работу «О грядущей победе демократии», в которой пытается продемонстрировать своему читателю и слушателю (он выступил с докладом в 15 городах Америки!) все преимущества демократии, обеспечивающие – при условии, что она будет с кулаками, – ее победу не только в исторической перспективе, но и в начинавшейся войне. Понимая, как важно удержать СССР в качестве военного союзника, Манн явно кривит душой, называя его в докладе «миролюбивым государством, которое выступает на стороне больших и малых демократий»²⁷.

Правда, и в этом докладе Манн повторяет, что «национал-социализм есть не что иное как большевизм», но ограничивает эту идентичность экономикой. Повторяя, что они враги-братья, Манн в тех же пропагандистских целях нейтрализует это утверждение следующей сентенцией: «младший научился у старшего, русского, можно сказать всему – только не морали».

²⁷ Манн Т. О грядущей победе демократии. Прим. 1, стр. 227.

Советский и нацистский тоталитаризмы – «учитель» и «ученик»?

Как Манн оценивал мораль «старшего брата» мы видели выше. Но важно другое: русских он называет «старшим братом», у которого учились младшие – национал-социалисты. Схожие мысли мы находим и у Василия Гроссмана. В разговоре Лисса, «представителя Гимmlера при лагерном управлении», с заключенным Мостовским нацистский идеолог почтительно называет старого большевика «учитель» и стремится убедить его, что коммунизм и нацизм сейчас смертельные враги лишь по ошибке, на деле же они – «родные братья». «Мы форма единой сущности – партийного государства»²⁸.

Итак, и Манн, и Гроссман называют большевизм учителем нацизма, пишут, что нацизм следует большевизму. Возникает вопрос – стало быть большевизм и есть первопричина, то есть причина, порождающая нацизм? Такое заключение основывается на очень распространенной ошибке, когда «после этого» принимают как «вследствие этого» (*post hoc ergo propter hoc*). Такая ошибка совершается, когда в исследовании доминирует ситуационный анализ, а историко-генетический, основанный на принципе имманентности, либо остается в стороне (в лучшем случае), либо полностью замещается ситуационным.

Так ли это у Манна и Гроссмана? Нет, мы видели, что у обоих писателей-мыслителей доминирующим является историко-генетический подход, принцип имманентности, на котором строится европейская «культура совести». Исследуя конкретную историческую ситуацию появления большевизма и нацизма, их типологического родства и их взаимовлияний, оба писателя делают это на основе анализа внутреннего, имманентного и потому особого для каждой страны культурно-исторического процесса, приведшего к формированию в ней тоталитаризма – в России большевистского, в Германии нацистского. Утверждая, что

²⁸ Гроссман В. Жизнь и судьба..., стр. 354-362.

большевизм – «старший брат», у которого учился «младший» – национал-социализм, Томас Манн всем своим исповедальным творчеством отвечает на вопрос: почему «учеба» у русских большевиков привела к нацизму **именно и только** в Германии, каковы были для этого культурно-исторические предпосылки, в силу каких имманентных для Германии процессов создалась там ситуация, благоприятная для трансплантации большевистских идей и методов на немецкой почве. Василий Гроссман, исследуя родственность обоих тоталитаризмов и подчеркивая историческую первичность большевизма, в своих исповедальных книгах отвечает на вопрос – почему при многих сходных для разных европейских стран обстоятельствах родиной большевизма стала **именно и только** Россия, в силу каких имманентных для России культурно-исторических процессов создалась питательная почва для возникновения и трансформаций советского тоталитаризма.

Можно было бы думать, что эти вопросы и ответы, даваемые на них Манном и Гроссманом, – дань ушедшего в прошлое времени. Но это не так. Идея вторичности, производности нацизма от большевизма стала руководящей у ряда авторитетных немецких историков, ярким и полномочным представителем которых является автор фундаментального исследования европейского фашизма Эрнст Нольте. Свою аргументацию, согласно которой нацисты следовали путем, проложенным большевиками (уничтожение по классовым признакам хронологически и логически предшествовало уничтожению людей по расовым признакам), Нольте изложил в обильно документированной книге «Европейская гражданская война (1917-1945)», опубликованной в 1987 году (русский перевод вышел в 2003). Статья «Прошлое, которое не хочет уйти», в которой излагалась основная аргументация книги, была опубликована за год до ее появления в июне 1986 года. Статья положила начало известному «спору историков», в центре которого стоял вопрос – был ли у Германии свой особый путь к нацизму или нацизм не более чем реакция на большевистскую Россию. Нольте, отстаивая версию «реактивного», производного от большевизма

происхождения нацизма, объясняет формирование стержневой идеи нацизма – его истребительный антисемитизм – так: Гитлер считал, что в установлении большевистского режима и организации террора решающая роль принадлежит евреям. Евреи, создавшие в России плацдарм для завоевания мирового господства, представляют смертельную угрозу для Германии и для всей арийской расы и потому подлежат уничтожению.

Такой действительно была аргументация Гитлера, точнее, ее часть. Но почему Нольте ставит ее во главу угла, объясняя феномен Гитлера в целом? А куда же подевался тот «братец Гитлер», которого, напомним, Манн определял не как «несвойственное складу немецкого народа несчастье», а как «чисто немецкое явление». Такого Гитлера у историков-реабилитантов мы не найдем. Почему реабилитантов? Потому что чисто психологически трудно отнести на счет своего народа, в массе своей проголосовавшего и принявшего нацизм, такое преступление как технологически организованное поголовное уничтожение европейских евреев. Этим, видимо, и объясняется, что различного рода реабилитационные толкования нацистской истории появляются и получают все большее распространение после доказательного разоблачения преступлений, совершенных от имени народа и, что не менее важно, при участии его значимой части. Так произошло после процесса Эйхмана, судимого в Иерусалиме и казненного 31 мая 1962 года. Именно тогда, когда становятся известны чудовищные подробности Катастрофы, получают все большее распространение версии о преувеличении ее масштабов, а затем и ее отрицание вообще. Разумеется, историки ранга Эрнста Нольте с авторами подобных «открытий» ничего общего не имеют. Кроме, может быть, реабилитационной мотивации, которая приближает маститого европейского историка к «культуре стыда», к «сокрытию лица», то есть к присущей Востоку парадигме паранджи. Справедливости ради стоит отметить, что не более чем приближает. Важно не упустить из виду еще одно обстоятельство: в «споре историков» не менее явственно, чем «мотив Нольте», звучал «мотив Томаса

Манна». Именно он был воплощен в идеологии и политике денацификации Германии, процессе, который, по определению Аверинцева, являет собой пример возвращения к европейской «культуре совести».

Реабилитационная мотивация появляется и крепнет и в СССР после сенсационного доклада Хрущева в феврале 1956 года. Даже ограниченное «критикой культа личности» разоблачение преступлений сталинского режима открыло шлюз потоку публикаций о них. Первоначально литература, включая и знаменитый «Один день Ивана Денисовича» (1962), была сосредоточена на феноменологии преступлений режима, наиболее полно и разносторонне представленной Солженицыным в его масштабном «художественном исследовании» (жанровое самоопределение автора) «Архипелаг Гулаг». Но каким бы глубоким и разносторонним не был анализ феномена как такового, он неизбежно приводит к вопросу о его корнях и истоках, об его историко-культурных предпосылках, причинах формирования и живучести. На этой стадии исследования у Солженицына, хотя он и прослеживает процесс распада предреволюционного русского общества, в качестве главной причины, порождающей революцию и ее пагубные последствия, представлена деятельность ненавидящих Россию ее врагов – евреев. Русофоб Богров убивает надежду России – Столыпина. Сатанинский Парвус разрабатывает подробный план полного уничтожения России. В его реализацию он впрягает Ленина, а тот, согласно Солженицыну, «клянет судьбу, от которой досталось ему родиться в проклятой России... Из-за того, что четверть крови в тебе русская, – сетует солженицыновский Ленин, – из-за этой четвертушки привязала судьба к дрянной российской колымаге» («Ленин в Цюрихе»).

Вынося главную причину, порождающую Гулаг, вовне, за пределы деятельности, а стало быть и ответственности своего народа, Солженицын, как и Нольте в Германии, примыкает к «реабилитантам» – в России к тем, кто подменяет аналитический вопрос «существовали ли в истории народа и страны культурно-исторические предпосылки большевизма» традиционным вопросом «кто

виноват». И тем самым Солженицын, как и Нольте, приближается к «культуре стыда», к присущей Востоку культуре «сокрытия лица».

Можно, не рискуя, предположить, что Гроссман, доживи он до 1974 года, вряд ли читал бы «Ленин в Цюрихе» с тем же восторгом, каким он встретил публикацию «Одного дня Ивана Денисовича», выпущенного в свет полтора года спустя после ареста его романа, приговоренного главным партидеологом Сусловым на 200-300 лет заключения. Между тем рассказ Солженицына был опубликован по разрешению Хрущева и того же Суслова. Может быть по недосмотру? Нет, в данном случае власти действовали с точки зрения своей сохранности вполне логично. Рассказ Солженицына не выходил за рамки дозволенного живописания репрессий периода «культы личности» и не посягал на систему в целом. Это придет с последующими работами писателя. Но Гроссман уже сейчас, когда всю идет прославление «верного ленинца» Хрущева, провозгласившего возвращение к «ленинским нормам», уже в 1960 году произносит смертный приговор всей системе, ее полному преступлений режиму, основоположником которого, доказывает писатель, был Ленин. Приговором был весь текст его книг, пронизанный сравнительным анализом, который вел читателя к постижению того общего, что делало советизм и нацизм «формами единой сущности – партийного государства». Тем самым сокрушался миф о СССР – Главном антифашисте эпохи, который на деле никогда не был антиподом нацизма и лишь на короткий срок стал его военным противником.

Ленин заложил фундамент государства нового типа, но сделал это не из ненависти к «проклятой России» (Солженицын), а как деятель, продолживший ее историю. Предваряя гроссмановский анализ «ленинианы» парфразой Манна, можно сказать, что в представлении Гроссмана Ленин предстает не как «несвойственное складу русского народа несчастье», а, наоборот, как «чисто русское явление». «Чтобы понять Ленина, – пишет он, – недостаточно взглянуть в человеческие, житейские черты Ленина-политика, нужно соотнести характер Ленина сперва

с мифом национального русского характера, а затем с роком, характером русской истории»²⁹.

Каков же он миф русского характера, точнее, миф русской души? Гроссман пишет о пророках и мыслителях России, которые воспевали чистоту и силу русской души, воплотившей христианскую идею в особой форме – безгосударственной, аскетической, антизападной. (Напоминает апологетику аполитичности, которую Манн оценивал как предпосылку немецкого тоталитаризма – не так ли?) Именно такой русской душе предрекали они великое будущее – ей суждено было очистить и преобразовать жизнь западного мира. Но «эти пророчества сильнейших умов и сердец России объединялись одной общей им роковой чертой... – не видели они, что особенности русской души рождены не свободой, что русская душа – тысячелетняя раба»³⁰. Именно потому избранником ее стал Ленин, хотя, «подобно женихам прошли перед юной Россией, сбросившей цепи царизма, десятки, а может быть и сотни революционных учений, верований, лидеров партий...» «Великая раба остановила свой ищущий, сомневающийся, оценивающий взгляд на Ленине. Он стал избранником ее»³¹. Но не случайно – к тому вело парадоксальное развитие России, где «тысячелетней цепью были прикованы друг к другу русский прогресс и русское рабство»³². Душевный размах, удаль, ненасытная страсть к воле – все это на поверхности просторов России, а внутри она – «немая реторта рабства». Но в поверхностном восприятии рождалось ощущение растущего просвещения и сближения с Западом. «Но чем больше становилась схожа поверхность русской жизни с жизнью Запада,... тем больше росла пропасть в самой сокровенной сути русской жизни и жизни Европы, ... – развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства»³³. Завершивший противоборство всего

²⁹ Гроссман В. Все течет..., стр. 173.

³⁰ Там же, стр. 175.

³¹ Там же, стр. 176.

³² Там же, стр. 179.

³³ Там же, стр. 178.

предшествующего века февраль 1917 года открыл перед Россией дорогу свободы – так Гроссман оценивал разгромленную большевиками революцию, сулившую демократическое преобразование страны.. Но Россия выбрала Ленина, а он сохранил «проклятие России: связь ее развития с несвободой, с крепостничеством». Сохранил потому, что его нетерпимость, напор, непоколебимость к инакомыслящим, презрение к свободе, фанатичность веры, жестокость к врагам – «все то, что принесло победу ленинскому делу, – рождены, откованы в тысячелетних глубинах русской крепостной жизни, русской несвободы»³⁴. Именно Ленин способствовал колоссальному развитию той рабской России, которую он ненавидел всеми силами своей фанатической души. Таким образом победа Ленина стала его поражением.

Российская трагедия, утверждает Гроссман, стала трагедией всемирной. «Мир понял силу народного государства, построенного на несвободе». А где же умиротворяющий свет с Востока, завещанный пророками русской души? Им стал «ленинский синтез несвободы с социализмом», и это пламя с Востока восприняли европейские апостолы – сначала итальянцы, а затем и немцы, начавшие развивать идею национального социализма по-своему. За ними последовали страны Азии и Африки – «тысячелетний русский закон развития волей, страстью, гением Ленина стал законом всемирным»³⁵. Так решает Гроссман вопрос о производности, вторичности итальянского и немецкого фашизма, о «всемирно-исторической роли» русской революции. Как можно видеть, решает его на принципиально иной основе, чем та, на которой строят свои концепции Эрнст Нольте и его последователи.

Ленин, провозгласив лозунг «победы социалистической революции в одной стране», по существу, проложил новые пути традиционной мессианской вере в несущую свет с Востока Россию – идеологической основе

³⁴ Там же, стр. 181.

³⁵ Там же.

русского этатического национализма. Партии большевиков, пишет Гроссман, предстояло стать партией национального государства. В Сталине, соединившем в себе азиата и европейского марксиста, выразился характер советской государственности – «той, для которой закон есть лишь орудие произвола, а произвол – закон, той, что тысячелетними своими корнями ушла в крепостное прошлое...»³⁶. Построенное Сталиным государство – государство тотальной несвободы. В нем не только все остальные народы, но и русский народ при всей официальной русско-имперской апологетике лишен национальной свободы, ибо национальная свобода – это прежде всего свобода человека. Тысячелетний принцип роста просвещения, науки и промышленной мощи, достигаемый при посредстве рабского труда и роста несвободы, при Сталине получил свое полное воплощение.

Гроссман особо подчеркивает камуфляж как неотъемлемую составляющую сталинского государства («сокрытие лица», парадигма паранджи, согласно Манну, «возвратное движение на Восток»). «Государство без свободы, – пишет Гроссман, – создало макет парламента, выборов, профсоюзов, общественной жизни»³⁷. Умерщвленная свобода стала главным актером в гигантской инсценировке, поставленной Сталиным. От себя добавлю – инсценировке, которая надежно маскировала гигантские масштабы государственного террора и, разыгрывая карту «антифашизма», одновременно служила весьма эффективным средством воздействия на умы западных интеллектуалов.

После смерти Сталина, утверждает Гроссман, дело Сталина не умерло. Так же как в свое время не умерло дело Ленина. «Государство без свободы вступило в свой третий этап. Его заложил Ленин. Его построил Сталин... Его фундамент – несвобода – по-прежнему незыблем, ...но отпала нужда постоянно пользоваться истребительными приемами великого прораба, старого хозяина».

³⁶ Там же, стр. 190.

³⁷ Там же, стр. 191-192.

«Что же будет дальше? Так ли уж незыблем этот фундамент?» – спрашивает Гроссман. Его надежда на изживание государства несвободы в том, что оно «в своем чреве таило свободу»³⁸. У человека, совершившего революцию в феврале 1917 года, у человека, создававшего, хотя и по велению государства, и небоскребы, и атомные котлы, то есть приобщенного к творчеству, которого не бывает без свободы, «нет другого исхода, кроме свободы».

И Гроссман был прав. Практически со смерти Сталина государство несвободы разъедала свободоборческая коррозия – диссидентское движение, усиление которого шло параллельно с нарастанием борьбы евреев за репатриацию, восстания в странах-сателлитах, апогеем которых стала Пражская весна. Но стагнация империи, ставшая особенно ощутимой после поражения советского оружия в Шестидневной войне, стимулировала поиски путей ее реанимации. В качестве спасательного круга власти выбирают идеологическую ресталинизацию, воссоздание под камуфляжем антисиионизма тотального антисемитизма, на этот раз обильно насыщенного нацистскими идеями. Идет интенсивная нацификация, причем не только государственной идеологии, но и идеологий, продуцируемых в обществе вне партийного заказа. Процесс их нацификации оказался настолько органичным, что, сопровождая стагнацию государства несвободы, он продолжался и после его распада. Гроссман и здесь оказался провидцем. Нацистский идеолог Лисс наставляет большевика Мостовского: «...Наша победа – это ваша победа... А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе... Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть завтра вы возьмете наш опыт...»³⁹.

³⁸ Там же, стр. 198.

³⁹ Гроссман В. Жизнь и судьба, стр. 156, 158.

О «русскости» Гроссмана и об освоении уроков писателей в Германии и в России

Гроссману не суждено было увидеть, как агонизировало и как распалось государство несвободы. Не суждено было ему и узнать, как встретили его книги на родине, увидевшие там свет в 1988-1989 годах (на Западе «Все течет...» было опубликовано в 1970 году, но еще раньше курсировало в Самиздате, «Жизнь и судьба» – в 1980. Обе книги были переведены на основные европейские языки и на иврит). В перестроечной, наполненной гласностью, точнее, разноголосицей России, главные книги Гроссмана были встречены по-разному. В понимании жизненных и творческих коллизий писателя большую роль сыграли вышедшие в 1990 году книги его ближайшего друга Семена Липкина «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» и новомирского его редактора Анны Берзер «Прощание». Его наверняка порадовал бы отзыв, появившийся в 1988 году в одной из московских газет: «Появился роман в 1960 году – тогда, когда и был написан, – он продвинул бы наши представления об эпохе и о войне на десятилетия вперед. Потому что то, что мы знаем и понимаем сейчас, понимал Гроссман в 1960 году. Он понимал и больше и раньше. Его роман опережает даже самые смелые мысли нашего времени».

Дружеские голоса были и сильными, и важными, но далеко не единственными. Довольно большая и довольно влиятельная группа литераторов, самоопределившихся как «патриоты», обвинила Гроссмана в русофобии. Еврей пишет о русской душе – тысячелетней рабе, о рабстве, сопровождавшем всякий прогресс в России, и главное – что именно в этом была заложена победа ленинизма-сталинизма в стране. Чем, кроме фобии к русскому народу и его стране можно это объяснить?

Может быть, в этих эмоциональных инвективах есть свой смысл? Может быть, на самом деле Гроссману как еврею, следуя принципу имманентности, должно было прежде всего обратиться к еврейской истории, к оценке деятельности тех евреев, которые сыграли столь видную

роль в революции и в становлении государства несвободы? И Гроссман не уходит от такой ответственности, правда, понимая ее совсем не так, как его критики. Веря в идеалы, провозглашенные большевиками, и будучи в свое время причастным к культивированию этой веры, Гроссман вводит в повествование еврея Меклера, доводившего эту веру до фанатизма. Именно еврей Лев Наумович Меклер предстает как типичный представитель фанатов революции, «залитых землей большой кровью». Сын лавочника из Фастова, которого революция довела сперва до кресла комиссара юстиции на Украине, а затем провела по «всем кругам тюремного и лагерного ада», отличается, как и другие люди его круга, «энергией, волей и полной бесчеловечностью». Своего родного отца он сам отдал на растерзание в ЧК. Откуда этот пагубный «могучий пламень» большевистского фанатизма? У Гроссмана нет однозначного ответа, он лишь высказывает предположения: «Кто вложил в него душу борца? Пример Желябова и Каляева, призывы «Коммунистического манифеста», страдания жившей рядом с ним бедноты?

Или это тяжкое пламя, эти угли таились в тысячелетней бездне наследственности, готовые вспыхнуть в борьбе с солдатами римского цезаря, с кострами испанской инквизиции, в голодном исступлении талмудторы, в местечковой самообороне во время погрома?

Может быть, вековая цепь унижений, тоска вавилонского пленения, унижения гетто и нищета еврейской черты оседлости породили и выковали исступленную жажду, раскалившую душу большевика Льва Меклера?»⁴⁰

Можно видеть – нет в этих предположениях и в помине той русофобии, которая вменяется в вину евреям-революционерам и которая трактуется как главная причина признаваемой и Гроссманом их бесчеловечности.

Гроссман первый, задолго до солженицынского «Архипелага» пишет о бывшем одесском нэпмане, ставшем заключенным Соловецких лагерей Френкеле – разработчике принятого Сталиным проекта о максимальном – до

⁴⁰ Гроссман В. Все течет..., стр. 153-157.

смертного истощения – использовании рабского труда заключенных концлагерей. «Заключенный нэпман стал генерал-лейтенантом НКГБ – хозяин оценил его мысль», – пишет Гроссман⁴¹. В отличие от Меклера, истоки фанатной бесчеловечности которого Гроссман ищет и в его еврейской предыстории, о еврейской принадлежности расчетливого «рационализатора» Френкеля читатель может догадаться лишь по его фамилии. И это неслучайно – Гроссман, в отличие от Солженицына (см. «Архипелаг Гулаг»), не видит в еврействе Френкеля объяснения его действиям. Его писательская задача состоит в другом – показать, что новый вид рабства, изобретенный Сталиным вместе с его подручными, среди которых и Френкель, становится логическим завершением парадоксального развития России – невиданный рост советского рабства сочетается с техническим прогрессом XX века, питает его и питается им.

Проект Френкеля называет гениальным некто Каценеленбоген, вымышленный персонаж, о еврейском происхождении которого тоже можно догадаться лишь по его фамилии. Ныне заключенный Лубянки, в недалеком прошлом он курировал лагерные конструкторские бюро. Это, по-моему, первое упоминание о тех самых «шарашках», которые потом со всеми подробностями описаны «В круге первом» Солженицына. Каценеленбоген, обобщая свой опыт, доводит до абсурда, до парадоксального завершения процесс лагеризации сталинского государства. Он рисует перед своим сокамерником старым большевиком Крымовым картину всеобщей лагеризации страны, стирания граней между лагерем и заповолочной жизнью. Только тогда дезорганизующему принципу личной свободы будет во всей его полноте противопоставлен высокий принцип – порядок, разум, рационализация⁴². И в этих жутких пророчествах еврея лишь по фамилии Гроссман снова не находит какой-либо национальной мотивации.

Такая мотивация во всей ее сложности представлена в жизни и судьбе главного героя романа, alter ego автора,

⁴¹ Гроссман В. Жизнь и судьба, стр. 759.

⁴² Там же, стр. 760-761.

талантливому физика Виктора Штрума. Гроссман-Штрум – еврей, но этим мало что сказано. Гроссман, как и его герой, принадлежит к первому поколению интеллигенции, сформировавшейся при советской власти. Существенную ее часть – среди врачей, инженеров, школьных и вузовских преподавателей, офицеров и администраторов, ученых, писателей и людей искусства – составляли евреи. Именно они стали доминантной и определяющей весь облик русско-советского еврейства социально и духовно значимой его частью. И Гроссман, как и его alter ego Штрум, не просто еврей, он русский советский еврей, и для того, чтобы судить о мотивации его действий, а в нашем контексте о мотивации его суждений о России, нужно понять, о ком идет речь. На этот счет есть много изысканий, много добротных исследований, но здесь не место для их обзора. Я ограничусь суждением Рафаила Нудельмана, русско-советского еврея, ныне израильского писателя и переводчика. «Мы евреи, мы выросли в России, мы странный гибрид – русские евреи... О нас говорят: евреи по национальности, русские по культуре. Разве культура и национальность – это костюм на манекене...? Когда чудовищный пресс вгоняет один металл в другой, их потом нельзя разделить, даже разрезав. Нас прессовали под огромным давлением десятки лет. Мои национальные чувства уже не имеют иного выражения, кроме как в моей культуре. Моя культура насквозь проросла моим национальными жилками. Разделите меня, мне тоже интересно узнать, какие клетки моей души окрашены в русский, какие в еврейский цвет? – Но было не только давление, не только насильственное сращение – было еще и неожиданное сродство этих проникающих друг в друга начал в каких-то глубинных душевных пластах. Словно бы они дополняли друг друга до новой полноты: пространство временем, душевную широту – душевной глубиной, всеприятие-всеотрицанием; и была взаимная ревность об избранничестве. – Поэтому у меня нет двух душ – враждующих друг с другом, обессиливающих одна другую,

раздваивающих меня. Душа у меня одна... не двойственная, не раздвоенная, не смешанная – одна»⁴³.

Разумеется, не у каждого еврея, жизнь прожившего в СССР, была такая душа. Но можно думать – именно такой была душа Гроссмана, русско-советского еврея, большого русского писателя. Только глубинное ощущение своей полной сопричастности к судьбе России, ее народа, ее культуры служило основанием (скорее всего даже не осозанным) его исповедальных книг. Вскрывая истоки трагических метаморфоз российской истории как части европейской истории кровавого XX века, разве он грешит прокурорскими инвективами, разве, обнажая эти корни, подобно Томасу Манну, не делает это с одной целью – их иссечь, обезвредить, не дать плодоносить вновь и вновь?!

Напомню – книги Гроссмана были встречены в перестроечной России обвинениями в русофобии (С. Викулов, А. Казинцев), в еврейском «примитивном высокомерии» (Ст. Куняев), в спекулятивном отношении к русскому народу (М. Лобанов) и т. п. Литераторы демократической ориентации оппонировали «патриотам» довольно активно. В частности, влиятельный литературный критик Игорь Виноградов, приведя соответствующие цитаты, показал, что с таким же основанием как Гроссмана можно обвинить в ненависти к России Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, Чехова. Виноградов не назвал среди русских предшественников Гроссмана философа Николая Бердяева, между тем и в своем понимании культурно-исторических предпосылок советизма, и в своих представлениях о путях его преодоления Гроссман ближе всех подошел к Бердяеву, хотя, разумеется, не был знаком с его работами, появившимися в СССР только в конце 1980 годов. В частности, книга «Истоки русского коммунизма» была напечатана в Москве в 1990 году (на Западе вышла в 1937). Гроссмановские представления о генезисе и сущности большевизма во многом почти совпадают с главными идеями Бердяева, изложенными в этой книге. Также близки

⁴³ Нудельман Р. Колонка редактора. «22». Изд-во «Москва-Иерусалим», 1981, № 21, стр. 150.

к бердяевской философии свободы некоторые идеи Гроссмана о свободе как сущности человеческого бытия. Свобода – синоним жизни, именно она уничтожается культивирующим рабство и смерть тоталитарным государством – будь то в нацистской газовой камере, в советском концлагере, в погибающей голодной смертью деревне. Следом за запечатленным им умерщвлением людей в газовой камере Гроссман пишет: «Человек умирает и переходит из мира свободы в царство рабства. Жизнь – это свобода, и потому умирание есть постепенное уничтожение свободы...»⁴⁴. Но не свободы вообще – с угасанием сознания человека уничтожается индивидуальная Вселенная, единственная и неповторимая.

Напомню – Гроссман говорит о свободе и в другом контексте, уже цитированном выше. Там он задается вопросом: «Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным?» И отвечает, напомнив о восстаниях в гетто и в лагерях смерти, о Берлинском восстании 1953 года и Венгерском восстании 1956 года: «Природное стремление человека к свободе неистребимо... Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего»⁴⁵.

Но это стремление к свободе обретает свою человечность в обязательном сочетании с добротой, чаще всего бессмысленной, сопряженной не с выгодой, а, наоборот, с риском для проявляющего ее человека. Как и свобода, так и доброта человека неуничтожима. «В ужасные времена, среди безумий, творимых во славу государств и наций и всемирного добра,... в эту пору ужаса и безумия бессмысленная, жалкая доброта, радиевой крупницей раздробленная среди жизни, не исчезла...». Доброта человека противопоставлена «всемирному добру», во славу которого производились массовые человекоприношения.

⁴⁴ Гроссман В. Жизнь и судьба, стр. 500.

⁴⁵ Там же, стр. 188-189.

«История людей не была битвой добра, стремящегося победить зло. История человека – это битва великого зла, стремящегося раздавить зернышко человечности. Но если и теперь человеческое не убито в человеке, то злу уже не одержать победы»⁴⁶.

На этом фундаменте – вере в устремленность человека к свободе в сочетании с его импульсивной добротой – строится надежда Гроссмана на бессилие зла в его самом чудовищном воплощении – «государстве тотальной несвободы», тоталитарном государстве. И в этой вере находит свое своеобразное выражение «русскость» писателя – не выглядит ли его надежда как некое воспроизведение упований Льва Толстого на спасительную человечность простого маленького человека Каратаева? Но эта вера у Гроссмана все же не всеобъемлюща. Ее дополняет, как мы видели, надежда на активное сопротивление тоталитаризму – восстания в царствах нацистского и советского тоталитаризма.

Но за какую свободу должна вестись борьба, в какие политические формы должно воплотиться противодействие тоталитаризму? Этого Гроссман, до конца дней своих пребывавший в чреве советского Левиафана, не мог видеть с той отчетливостью, с какой это видел Томас Манн. Напомню – Манн был убежден, что силе тоталитарного государства может и должна противостоять тоже государственно организованная сила – демократия. Как бы в полемике с собой, аполитичным, уповавшим лишь на духовное самостояние, он утверждает, что дух для демократии не есть нечто изолированное, «высокомерно далекое от реальности». Демократия сама – это мышление, но мышление подчеркивал Манн, обращенное к жизни и действию⁴⁷. Такая демократия, разумеется, не без издержек и изъянов строилась в свободной от советского диктата Западной Германии. Манн, хотя уроки его явным образом осваивались и несмотря на неоднократные предложения властей, в свою страну так и не вернулся. Направленность

⁴⁶ Там же, стр. 368.

⁴⁷ Манн Т. О грядущей победе демократии. Прим. 1.

эволюции мировоззрения Томаса Манна – от аполитичности к политике – как бы воспроизводилась в эволюции его взглядов на сионизм. В довоенные годы он приветствовал создание духовного и культурного еврейского центра в Палестине, хотя определяющей тенденцией считал европеизацию евреев. После войны, анализируя отступничество западных держав и саму Катастрофу, о которой он одним из первых начал говорить в 1942 году, Манн приходит к выводу о необходимости создания еврейского государства как силы, гарантирующей выживание и дальнейшее существование еврейского народа. Европейский мыслитель, он говорит о цивилизационном смысле Катастрофы, поставившей под сомнение существование всей европейской иудео-христианской цивилизации. Антисемитизм в руках нацистов, утверждал Манн, «не что иное как средство, гаечный ключ для того, чтобы разобрать на части весь механизм нашей цивилизации». В письме израильскому исследователю Шалому Бен-Хорину он объяснял: «Важна была для меня идея цивилизации, человеческой нравственности, символ которых – Десять заповедей Закона; полученного с горы Синай»⁴⁸. Создание еврейского государства Манн связывал с крахом нацизма и приветствовал сионизм как процесс национального возрождения «высокоталантливый и нужный миру народа»⁴⁹.

Гроссман, похоже, в таких категориях не мыслил. Как можно судить по отзывам близко общавшихся с ним людей, создание еврейского государства интереса у него не вызывало. Также безучастно он отнесся к проходившему в Иерусалиме процессу Эйхмана, хотя казнь того в 1962 году, могла восприниматься как реальный финал сюжетной линии романа, в котором Гроссман представил Эйхмана как идеолога и архитектора лагерей смерти.

⁴⁸ Манн Т. Опасности, грозящие демократии. Прим. 1, стр. 271. Письмо Т. Манна, хранившееся у адресата и ранее не публиковавшееся; было любезно предоставлено проф. Бен-Хорином составителям сборника для перевода и публикации на русском языке. См. «Т. Манн о немцах и евреях»; стр. 431.

⁴⁹ Манн Т. Упорный народ. Прим. 1, стр. 425.

Может быть эта безучастность – следствие тяжелого состояния писателя. В феврале 1961 года был арестован его роман и после безрезультатного обращения к Хрущеву он жил с ощущением человека, «задушенного в подворотне». Но как понять отсутствие интереса к созданному в 1948 году еврейскому государству, которое воспринималось многими его современниками, в их числе и соотечественниками, как единственная реальная сила, способная предотвратить повторение Катастрофы, подобной той, что унесла его мать, уничтожила «тело народа», кровную свою принадлежность к которому он познал в то трагическое время. Этот интерес не пробудился и в годы сталинского антисемитизма, хотя он и воспринимал его как продолжение нацистского: над спасенными Советской Армией евреями, писал Гроссман, «...в десятую годовщину народной Сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения»⁵⁰. Он и после Сталина видел свою основную задачу в сохранении памяти о погибших и в раскрытии сущности того нового типа государства, основой существования которого были массовые убийства, раскрытии, которое должно было стать предостережением для его современников и их потомков.

Но что должны делать сами евреи, чтобы сохраниться как народ, способный обеспечить свою безопасность и продолжение своей истории? Над этим вопросом русский писатель Василий Гроссман, в отличие от европейского мыслителя Томаса Манна, по всей видимости, всерьез не задумывался. Для него евреи – часть народа страны их обитания, в России – часть русского народа.. И поэтому его забота – забота русско-советского еврея – не еврейская, а русская государственность, история и судьба России, ее народа, ее культуры, с которой он связан всей силой своей неделимой русско-еврейской души. Именно в этом чувстве органической принадлежности можно найти объяснение тому, что было сказано Гроссманом о России и русской душе в его исповедальных книгах.

⁵⁰ Гроссман В. Жизнь и судьба, стр. 581-582.

В завершение остается добавить, что урок, преподанный Томасом Манном, был в Германии и изучен, и применен на практике. Конечно, при очень важных приводящих обстоятельствах, среди которых тотальное военное поражение нацистского государства, суд над преступным режимом и его создателями, утверждение идеологии и политики денацификации.

В отличие от Германии, на всем постсоветском пространстве ни идеология, ни политика десоветизации так и не были осуществлены. И в этом смысле можно утверждать, что урок Василия Гроссмана практически так и не освоен. В первую очередь это относится к России. Но сначала коротко о ситуации в Украине. «Жизнь и судьба» на украинском языке в переводе В. Стефариука вышла в Киеве в 1991 году. В 1996 году там же был опубликован труд Шимона Маркиша, и по сегодняшний день остающийся лучшим исследованием жизни и творчества писателя⁵¹. Но повесть «Все течет...», над которой Гроссман работал еще три года после ареста романа и в которой он в концентрированной форме представил свою концепцию предыстории и истории советского тоталитаризма, его преступлений против собственного народа – Голодомор, Гулаг, государственный терроризм и антисемитизм – долгое время фактически оставалась вне поля зрения постсоветского читателя вообще, украинского, в частности. Иван Дзюба пишет, что в Украине о ней просто забыли, и в этом «сказалась наша дремучесть и неблагодарность». Между тем «такой страшной правды о Голодоморе, – подчеркивает Дзюба, – не сказал никто... из сущих вне Украины писателей». И повесть эту, считает он, нужно не

⁵¹ Шимон Маркиш вместе с Ефимом Эткиндом подготовил в 1980 году к публикации вывезенный Владимиром Войновичем тайно сохраненный экземпляр «Жизни и судьбы». В 1981 году роман был опубликован во французском переводе. Его сенсационному успеху немало способствовала вышедшая тогда же на французском языке книга Маркиша, давшая, по его словам, «французской критике необходимые, но совершенно недоступные ей сведения об авторе». Маркиш Ш. Василий Гроссман. В сборнике «Бабель и другие». Киев. 1996.

просто переиздать массовым тиражом, но и послать всем тем, кто «отрицает признанное всем миром дьявольское преступление сталинизма»⁵². Вскоре после статьи Дзюбы повесть «Все течет...» была издана в Киеве на украинском языке.

В России множится число «реабилитантов», часть которых отрицает преступления сталинизма, а часть – их просто замалчивает. Чем иным можно объяснить искаженное представление поколения молодых о трагическом этапе истории их собственной страны? Московский институт исследования общественного мнения «Левада-центр» провел в 2005 году совместно с американскими социологами опрос презентативной группы (1805 человек) российских молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет. 54 % (!) опрошенных считают, что Сталин принес стране больше хорошего, чем плохого. В 2008 году в течение 10 месяцев (с марта по декабрь) население страны участвовало в поиске личности; достойной олицетворять Россию. Поиск велся под лозунгом «Имя Россия». Сталин попеременно занимал второе и третье место; а в финале; в котором конкурировало 12 имен; он занял седьмое место; на восьмом был Ленин; а далее Иван Грозный и другие «прогрессивные» (в определении Сталина) цари и деятели; символизирующие мощь государства. Неизжитость; точнее; неизживаемость веры в приоритет могущества государства; олицетворением которого для многих россиян остается советизм; показывает всю глубину гроссмановского анализа укорененности российского «государства несвободы». Его модернизированным воплощением похоже становится снизу доверху коррумпированная «вертикаль власти»; превращающая в блеф все правовые и правоохранительные регуляции общества

Этими историческими обстоятельствами; в их числе и ситуацией злокачественного неведения, тем, что Гроссман «у нас до сих пор так и не прочитан», что сегодня он «идет в перпендикуляр со всем, что происходит в нашей стране,

⁵² Дзюба И. Сказавший запретные слова. К столетию со дня рождения Василия Гроссмана. «Зеркало недели», Киев, № 48(576) 10 декабря 2005 г.

тому, куда она движется», – режиссер Лев Додин объясняет свое решение именно сейчас поставить на сцене возглавляемого им Малого драматического театра – театра Европы книгу «Жизнь и судьба». Додин сравнивает Россию с Германией, где нацистское прошлое изучается досконально. Именно там, считает он, где уроки этого прошлого становятся общественным достоянием, можно избежать его рецидивов. Разъясняя задачи своего спектакля, Додин говорит: «Есть неизвестный пока ужас будущего и чтобы это будущее было как можно менее ужасным, мы должны изучать наше прошлое. Нежелание это делать – не знак ли это того, что мы все – дети той системы? В этом, по моему, и есть самое страшное ее воздействие, знак того, что она жива»⁵³.

Спектакль по книге Гроссмана, премьера которого состоялась осенью 2006 года в Париже, а затем в Норильске, идет с неизменным аншлагом и вызывает большой резонанс в российских СМИ.

Может быть это знак того, что «культура совести», ряд русских деятелей которой пополнил Василий Гроссман, способна противостоять усилению «культуры стыда» и влиянию ее многочисленных последователей? Может быть урок Гроссмана, как и урок Манна, тоже в конце концов будет освоен в его стране?

⁵³ Додин Л. Жизнь и спектакль. «Огонек», М., № 11. 19-25 марта 2007 г.

Пол Кантор

**Гиперинфляция и
Гиперреальность:
Томас Манн в свете Австрийской
экономической теории**

(перевел с английского Евгений Майбурд)
Предисловие переводчика

Предлагаемая вниманию читателя статья говорит сама за себя, и здесь нет необходимости для какого-то рода «введения». Но может полезно будет сказать несколько слов о том, что такое «Австрийская экономическая теория» (*Austrian Economics*).

В 1871-74 гг. в мышлении экономистов произошел исторический прорыв, именуемый Революцией Предельной Полезности. Одновременно и независимо друг от друга сразу в трех местах Европы вышли книги трех авторов, предложивших качественно новый подход к экономическому анализу, основанный на **предельных величинах**, вместо **средних**, как это было в классической науке со времен Д. Рикардо и Дж.Ст. Милля. Совершенно новым оказалось понятие **ценности** рыночных благ, принципиально субъективное; у классиков ценность («стоимость») как бы объективно считалась присущей благам в силу овеществленного в них труда. Эти перемены повлекли множество далеко идущих последствий, наука приобрела совершенно иной вид. Новый подход оказался изумительно плодотворным.

Имена трех основоположников предельного анализа суть: Стэнли Джевонс (Англия, 1835-1882), Карл Менгер (Австрия, 1840-1921) и Леон Вальрас (Лозанна, Швейцария, 1834-1910). Каждый из них был совершенно оригинален, и каждый предложил свой путь в новом направлении науки. В экономической науке возникли и остались три оригинальных школы: Английская, Австрийская и Лозаннская.

Нужно сказать, что принадлежность экономиста к Австрийской школе не определяется только фактом его рождения в Австрии. Иногда такую ошибку можно увидеть в самых неожиданных местах; например, Пол Кругман (нобелевский лауреат по экономике) в одной из своих полемических статей против Австрийской школы причислил к ней Шумпетера (отсюда можно оценить уровень его эрудиции и, соответственно, его полемики). Ни Йозеф Шумпетер (самостоятельная крупная величина), ни Рудольф Гильфердинг (марксист), ни иные австрийские экономисты сюда не относятся, – только Карл Менгер и его последователи.

Австрийская школа отличалась подозрительностью к математическим методам анализа, предпочитая логику словесных рассуждений, и категорическим акцентом на экономический либерализм, отрицая экономическую пользу любой формы государственного вмешательства в рынок. Подход Менгера развивали его ученики, Фридрих фон Визер (1851-1926) и Ойген фон Бём-Баверк (1851-1919), притом, каждый тоже в своем оригинальном направлении. Учеником Визера был Людвиг фон Мизес (1881-1973), а вслед за Бём-Баверком следовал Август Фридрих фон Хайек (1899-1992).

Мизес и Хайек были не только экономистами, но также и глубокими социальными и политическими философами. Каждый из них написал множество книг и статей, оба окончательно сформулировали то, что сегодня называют Австрийской экономической теорией. Расходясь между собой в определенных подходах и частностях, Мизес и Хайек до конца своих дней оставались непреклонными в одном, и это – экономический либерализм. В эпоху повсеместного засилья в науке этатизма (и особой его разновидности – социализма), которая началась в конце XIX в. и продолжается до сих пор (в частности, в виде кейнсианства), Мизес и Хайек смогли предоставить убедительные доводы к идее о неизбежно вредоносном эффекте вмешательства государства в механику свободного рынка. Они развенчали немало мифов о якобы внутренней неустойчивости рыночной стихии, ее неспособности решать многие задачи, встающие перед современным обществом, и необходимости государственного патронирования экономической жизни.

Расстройство денежного обращения в Веймарской Германии (фон рассказа Томаса Манна) часто объясняют Всемирной депрессией 1920-х гг. и необходимостью выплаты тяжелых репараций, наложенных условиями Версальского договора на Германию, проигравшую войну. Это не так,

утверждает Мизес. В своей книге “Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel”, вышедшей еще в 1912 г., Мизес предсказал, что денежные теории социалистов могут вызвать неконтролируемую инфляцию. Именно это случилось в Веймарской Германии. В книге «Всемогущее правительство», вышедшей в 1944 г. (русск. перевод: Изд. «Социум», 2006), он ссылается на свое предсказание и прямо указывает, что чудовищная инфляция в Германии в 20-е гг. XX в. была обусловлена не политическими или военными событиями, а ошибочными теориями экономистов.

Автор снабдил статью аппаратом, может, излишне пространным на чей-нибудь взгляд, но весьма интересным и полезным. В подобающих случаях переводчик счел полезным сократить примечания автора, но зато добавить к ним кое-что от себя. Разумеется, все эти примечания можно не читать (как, впрочем, и саму статью). Примечания переводчика в ссылках даются курсивом, в отличие от примечаний автора статьи. Все выделения в тексте автора принадлежат ему. Итак:

Пол Кантор
Гиперинфляция и Гиперреальность:
Томас Манн в свете Австрийской экономической
теории¹

*Можно сказать, что, помимо войны и революции,
ничто в современной цивилизации не может
по важности сравниться с инфляцией
Потрясения вызываемые инфляцией, настолько глубоки,
что люди предпочитают замалчивать
их и скрывать.*

Элиас Канетти. «Толпа и власть»

I

После всемирного краха социализма как экономической системы, марксизм сегодня кажется основательно дискредитированным в качестве интеллектуальной позиции. Пророческое, еще в начале XX

¹ Статья впервые опубликована в *Review of Austrian Economics* Vol. 7, No 1 (1994). Перевод сделан по интернетному варианту, сайт: http://mises.org/journals/rae/pdf/RAE7_1_1.pdf. Пол Кантор (Paul A. Cantor) был на тот момент (и возможно, является до сих пор) профессором английского языка и литературы в Университете Виржинии.

столетия, заявление Людвиг фон Мизеса, что экономический расчет невозможен, когда нет свободного рынка, получило доказательство, когда у всех на глазах пал советский коммунизм. Решительно опровергнутый фактами экономической жизни, в академическом мире марксизм вынужден был отступить туда, где эмпирическая реальность, по-видимому, не имеет никакого веса в дискуссиях: на кафедры гуманитарных предметов.

Великий парадокс академической жизни, уже отмеченный не однажды: как раз в момент, когда марксизм утратил доверие в практической жизни, он стал доминировать в преподавании гуманитарных дисциплин в университетах. Америки. Сказанному проложили путь деконструктивизм и другие виды постструктурализма. Указанные течения, ставя под сомнение любые моменты истины и объективности, сделали гуманитарные области уязвимыми для затянувшегося марксистского шаманства – в таком виде, от которого обладают иммунитетом дисциплины, соприкасающиеся с реальностью.

На гигантском повороте мировой истории, можно увидеть как бы образчик эквивалентного обмена в том, что перед лицом миллионов людей, освобожденных от навязанного им марксизма, горстка профессоров добровольно предалась устаревшей и отвергнутой догме, которая каким-то образом льстит их эго и успокаивает их социальную совесть. И несмотря на громкие заявления о том, что литература и ее преподавание изменяют мир, никто еще – даже Председатель Федерального Резерва – не был настолько глуп, чтобы обратиться к профессору литературы за экономическим советом.

Так что есть искушение смириться с как бы безобидным использованием гуманитарных кафедр в качестве богадельни для смытых на обочину марксистов. Однако, опасность, проистекающую оттого, что преподавание литературы отдается на откуп марксистским теоретикам, не следует недооценивать. То, как наши студенты воспринимают гуманитарные знания, очень даже сильно может воздействовать на их видение мира в целом. В особенности, следует быть настороже в отношении

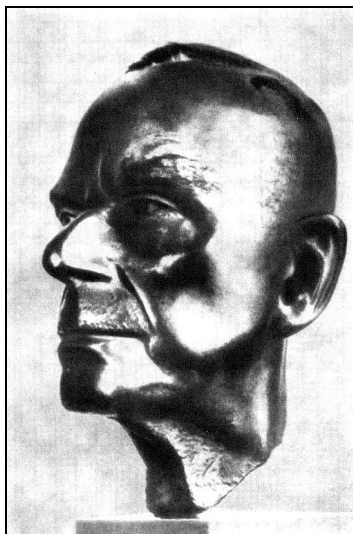
возможности перемены упаковки марксизма под лозунгами типа «социализм с человеческим лицом». Утратив респектабельность как экономическая теория, марксизм, похоже, продолжает периодически возрождаться как расплывчатая гуманитарная программа. В недавней статье, Ричард Рорти прямо и отважно признает экономический провал марксизма, и все же не может не оглядеться с ностальгией на времена, когда социализм казался достойной экономической альтернативой:

Но я должен признать, что что-то очень важное утрачено сейчас, когда мы не можем больше видеть себя борцами против «системы капитализма». Хорошо это или плохо, но «социализм» был словом, которое возвышало сердца лучших из людей нашей эпохи. Множество смелых мужчин и женщин погибло за это слово. Они умирали за идею, которая оказалась неработоспособной, но они тем не менее воплощали добродетели, на которые большинство из нас едва ли могут претендовать.

Оставим в стороне тот факт, что не меньшее число столь же смелых мужчин и женщин погибло в борьбе *против* социализма. В высказывании Рорти мы видим опасность того, что социализму может быть позволено сохранять свои претензии на высокую моральную ценность. Один из способов сохранить дело социализма — это настаивать на том, что, несмотря на все его провалы как экономической альтернативы капитализму, он все-таки дает род альтернативы в каком-то туманном гуманистическом смысле.

В основе той формы деконструированного, или эстетизированного марксизма, которая доминирует сейчас на гуманитарных кафедрах, пребывает вера в то, что литература, с ее высоким этическим зарядом, каким-то образом обращает нас в сторону социализма. Однако, нет никаких причин, почему у левых должна быть монополия на интерпретацию литературы. Даже притом, что многие писатели действительно склоняются к социализму, превалирующее убеждение, что литература может быть использована только для левой интерпретации, есть просто миф. Я не могу рассчитывать в короткой статье разрушить основательно столь долго держащееся и укоренившееся

предубеждение. Но я надеюсь показать на конкретном примере, что литературный анализ не может быть исключительной прерогативой академических левых, но что на деле он может быть совместим с Австрийской экономической школой. Я хочу рассмотреть рассказ, написанный Томасом Манном в 1925 г., «Unordnung und frühes Leid», или по-русски: «Непорядки и раннее горе»².

Томас Манн, бюст работы Густава Зейтца

Описывая Веймарскую Германию периода гиперинфляции, рассказ приобретает новое звучание, если его проанализировать в терминах Мизесовой теории инфляции и глубокой депрессии. С его поразительной способностью отражать в своих творениях экономическую и социальную действительность, Манну удалось – даже без какого-либо понятия об Австрийской экономической теории – воспроизвести психологические следствия обстановки инфляции с такой проницательностью, которая могла бы

² Автор статьи ссылается, понятно, на английское издание.

Цитаты и ссылки в переводе – по изданию: Томас Манн. Собрание сочинений. Том 8, стр. 128 и далее. Гос. Изд. Худ. Литературы. М. 1960. Рассказ «Непорядки и раннее горе» в переводе Т. Исаевой.

восхитить Мизеса. Больше того, рассматривая «Unordnung und frühes Leid» в свете теории инфляции Мизеса, мы увидим, что эта история в огромной степени сопричастна нашему видению культурной истории двадцатого столетия. Прочтение Манна в терминах Австрийской теории помогает раскрыть связь между экономическими фактами двадцатого столетия и теми самыми постструктуралистскими идеями, которые дали марксизму вторую жизнь на нынешних гуманитарных кафедрах. Короче, я надеюсь показать, что – несмотря на свидетельства о противоположном со стороны моих коллег – все еще возможно говорить о литературе и при этом что-то понимать в экономике.

II

На первый взгляд, «Непорядки и раннее горе» может показаться историей не настолько существенной, чтобы стоило подвергать ее сколь-нибудь серьезному анализу³. Манн описывает, по всей видимости, обычный день из жизни д-ра Абеля Корнелиуса, профессора истории. Его дети-тинейджеры, Ингрид и Берт, устраивают вечеринку для своих друзей – типичная юношеская компания, включающая студентов и артистическую молодежь. Все получают удовольствие, особенно младшие дети профессора, Лорхен и Байсер (в статье: *Snapper – EM*), которые наслаждаются возможностью проводить время со взрослыми детьми.

Хотя его распорядок нарушается присутствием такого количества молодежи, профессора, тем не менее, в каком-то смысле привлекают они сами и их современный стиль жизни. Он то присоединяется к компании, то покидает ее, пытаясь поработать у себя в кабинете, и наконец выходит на свою ежедневную прогулку. Вернувшись, он

³ «Непорядки и раннее горе» часто называют новеллой, но мне кажется, что вещь достаточно коротка, чтобы называть ее рассказом. Хотя она довольно популярна и часто включается в антологии, критики уделяют ей мало внимания. Если она вообще обсуждается, обычно внимание обращают на автобиографические ее аспекты. Кое-кто мимоходом отмечает, что действие происходит во время инфляции, но на удивление мало кто замечает, насколько важную роль играют в рассказе экономические факторы.

обнаруживает в доме большой шум. Его пятилетняя дочь закатывает истерику, потому что ее отверг студент и будущий инженер Макс Гергезелль, в которого она, пожалуй, преждевременно влюбилась, когда он в шутку с ней танцевал. В расстройстве оттого, что Макс не может быть ей братом, Лорхен никак не успокаивается, пока Макс не приходит галантно к ней в спальню, чтобы пожелать спокойной ночи. На этом рассказ приходит к концу с трогательной надеждой восстановленной невинности.

Производя впечатление истории, не слишком содержательной по сути, «Непорядки и раннее горе» представляет мир такого рода, что знаком нам по великим текстам литературного модернизма, таким как «Опустошенная земля» Элиота или «Смерть в Венеции» самого же Манна. В рассказе показано исчезновение авторитета, мы наблюдаем распад социального порядка и в итоге видим неразбериху. В частности, Манн показывает мир, где родители теряют власть над своими детьми. Очевидно представляя себе родителей старомодными чудаками, дети считают свое поколение умнее, чем предыдущее. Манн изображает мир, который помешался на культе молодости. Как знак наступившей неразберихи, нам представляют «больших» в первом абзаце (стр. 128) – только затем, чтобы во втором обнаружить, что этим словом названы подростки, но не их родители, как можно было ожидать. Маленькие дети уже называют отца по имени. Как история о людях, слишком быстро взрослеющих, «Непорядки и раннее горе» уместно заключается инцидентом влюбленности Лорхен в Макса. Образ пятилетней девочки с ее первым романом становится у Манна способом заострить ощущение читателем нарастания абсурда в мире.

В рассказе рассыпаются все категории. Дети ведут себя как взрослые, тогда как взрослые начинают себя вести как дети: чтобы поиграть с Лорхен и Байсером, Корнелиус «присаживается на корточки и, став таким же маленьким, как они, берет их за руки и отправляется с ними гулять» (стр. 142). Этот образ «ставшего маленьким Абея» (стр. 142) указывает на обрушение иерархии в мире

Корнелиуса, особенно в смысле социальных различий. Ему непросто отличить собственного сына от своего слуги – они одеваются одинаково и склонны к одним и тем же юношеским заскокам и стилю (стр. 129).

Мир в рассказе стал настолько путанным, что персонажам трудно даже просто сказать, что еще осталось реальным. Этот аспект привносится присутствием актеров на протяжении истории. Манн подчеркивает элементы имитации и пародии – у Ингрид «ярко выраженный, забавный дар подражания» (стр. 128), который они с братом любят использовать:

Они и вообще-то очень любят дурачить и «разыгрывать» ближних, делают это на каждом шагу, лишь бы представился случай... Так, скажем, в трамвае они устраивают целые представления, выдавая себя за совсем не тех молодых людей, какими являются в действительности, и громогласно заводя бесконечные сугубо обывательские разговоры на местном диалекте, которым обычно не пользуются... (стр. 133).

Когда актер Иван Герцль появляется на вечеринке в сильном макияже, это наводит Корнелиуса на размышления о том, что люди уже больше не те, кем они кажутся: «Странно, – думает профессор, – казалось бы, одно из двух: или скорбь, или румяна... Можно ли румяниться от избытка скорби?» (стр. 148). Во всей истории повсеместно создается ощущение не-аутентичности: нынешний мир есть мир поддельный.

С исчезновением всех устойчивых точек отсчета, единственным законом в рассказе является непрерывное изменение. На фоне этой нестабильности помещен центральный персонаж рассказа. Будучи профессором истории, Корнелиус постоянно ищет что-то надежное, чтобы за это ухватиться посреди всей этой изменчивости; он тоскует по неподвижности прошлого, противопоставляя его постоянно меняющемуся миру настоящего:

[Он] Знает, что профессора истории не любят историю, коль скоро она совершается, а тяготеют к той, что уже совершилась; им ненавистны современные потрясения основ, они воспринимают их как сумбурное дерзкое беззаконие, одним словом, как нечто «неисторическое», тогда как сердца их принадлежат связному и

укрошенному историческому прошлому... Ведь прошлое... окружено атмосферой безвременья и вечности... (стр. 137)

Как и в «Опустошенной земле», таким образом, в рассказе «Непорядки и раннее горе» связность прошлых эпох противопоставлена бессвязности нынешних времен.

III

Пока что рассказ Манна выглядит подобно многим другим произведениям модернизма, представляя хронику крушения порядка в двадцатом столетии. Но если взглядеться в то, что, по идее Манна, ответственно за это крушение, начинаешь понимать всю уникальность рассказа «Непорядки и раннее горе».

Модернисты выдвигают множество объяснений для рассогласованности жизни в двадцатом веке. В «Опустошенной земле», например, Элиот связывает беспорядок современного города с неудачей религиозной веры и утратой традиционных мифов, которые сообщают жизни согласованность. Но в данном рассказе Манн исследует другую возможность, связывая свое изображение современной жизни со специфическим моментом истории – с инфляцией в Германии 1920 годов, явлением настолько неординарным, что понадобился новый термин: **гиперинфляция**.

Абсурдность современной жизни обсуждается во многих источниках, но здесь, однако, Манн выявляет абсурдность современной экономической политики. В поисках объяснения упадка авторитета в описываемом им мире, он предлагает нам обратиться к денежному безумию Веймарской республики. Он показывает, что инфляция не только съедает содержимое кошельков у людей, она фундаментально изменяет их мировосприятие, в конечном счете ослабляя даже их чувство реальности. Говоря коротко, Манн предполагает связь между гиперинфляцией и тем, что часто называют гиперреальностью⁴.

⁴ Термины **гиперреальность** и **гиперреализм** происходят из искусствоведения. Они относятся к стилю в живописи настолько фотографически реалистичному, что картина выглядит нереальной. Расширенное значение в современном дискурсе

Если «модерность» характеризуется утратой чувства реального, это прямо относится к тому, что случилось с деньгами в двадцатом столетии. Все угрожает стать нереальным, когда деньги перестают быть реальными. Я сказал, что в рассказе «Непорядки и раннее горе» превалирует отчетливое ощущение фальшивой реальности. Это обстоятельство в конечном счете обязано явлению самой большой фальши из всех: государству с его печатным станком.

Гиперинфляция происходит тогда, когда государство начинает печатать столько денег, сколько ему хочется. То есть, когда государство становится фальшивомонетчиком. Инфляция – это когда в результате действий государства исчезает различие между деньгами реальными и фальшивыми. Вот откуда исходит столь разъедающее воздействие инфляции на общество. В любом обществе деньги есть один из главных измерителей ценности – может быть, даже главный измеритель, принципиальный хранитель ценности. Деньги как таковые являются центральным источником стабильности, непрерывности и связности в любом сообществе. Поэтому безответственная игра с выпуском денег есть столь же безответственная игра с чувством ценности в сообществе. Обесценивая деньги, инфляция угрожает подорвать и разложить в обществе всякое ощущение ценного.

Таким образом, Манн предполагает связь между инфляцией и нигилизмом. Пожалуй, ни в одном обществе нигилизм не был настолько превалирующим

термин получил благодаря таким писателям, как Жан Бодрийяр, который видит весь мир, где мы живем, гиперреальным в его всеобъемлющей искусственности: «Гиперреальность больше не относится к снам или фантазии... Она выражает *галлюцинаторное подобие реального самому себе*»; «*Именно реальность сегодня гиперреальна*» (курсив оригинала). См. Жан Бодрийяр. *Simulations*, пер. Paul Foss, Paul Patton, and Philip Beitchman (New York: Semiotext [e], 1983), pp. 142, 147. Более популярное изложение современной идеи гиперреализма см. у Умберто Эко: *Umberto Eco, Traves in Hyperreality*, пер. William Weaver (New York: Harcourt Brace, 1986), pp. 3-58.

мироощущением, как в Веймарской Германии. Его отражение находим во всех искусствах и, в конечном итоге, в политике.

Конечно, было бы ошибкой считать этот нигилизм продуктом только инфляционной конъюнктуры. Ясно, что Веймарская Германия столкнулась с множеством других проблем – одни были наследием Мировой войны и Версальского договора, другие были унаследованы от немецких мыслителей девятнадцатого века, таких как Ницше. Однако, как напоминает нам рассказ Манна, роль инфляции в создании всеохватывающего нигилизма в Веймарской Германии невозможно переоценить.

При взгляде на оборотную сторону долларовой купюры, мы видим две надписи: «Соединенные штаты Америки» и «В Бога мы верим». Каким-то образом наши деньги связаны с нашими политическими убеждениями и даже с нашей религиозной верой. Пошатните веру людей в их деньги, и вы точно так же расшатаете другие их верования. В двадцатом столетии эта проблема стала особенно критической, потому что наше время есть эпоха бумажных денег – таких, которые принимаются исключительно только на веру. Вот почему мы должны были написать на обороте доллара «В Бога мы верим». Никто особенно не доверяет Председателю Федерального Резерва. В своем рассказе Манн предлагает нам посмотреть, что происходит с нашей жизнью, когда мы вынуждены принимать деньги исключительно на веру, а вера оказывается обманутой государством.

Не в пример многим экономистам и историкам (даже и по сей день), для Манна причины инфляции – не загадка⁵. Он ясно показывает в деталях своего рассказа: все, что пошло наперекосяк в Веймарской Германии, так или иначе

⁵ Например, в своем влиятельном и повсеместно одобряемом исследовании «Веймарская культура» (*Weimar Culture*, NY, 1968) историк Питер Гэй делает типичную ошибку, путая эффект инфляции с ее причинами. На его взгляд, инфляция там была вызвана «недостатком золота, неблагоприятным платежным балансом и утечкой капиталов» и лишь однажды он мимоходом касается «печатания денег государством».

связано с предложением денег. Нельзя не заметить, что что-то не так, когда мы видим, как Корнелиус пьет «несколько водянистое пиво за восемь тысяч марок» (в русском издании: «слабенькое пиво [восемь тысяч марок бутылка]»); стр. 134 – *ЕМ*). И Манн хорошо понимает, что источником проблем является фискальная (так в оригинале – *ЕМ*) политика государства. Не может быть совпадением, что исторические события, которые изучает Корнелиус, – это как раз появление центральных банков, дефицитных финансов и отсюда источников инфляции как инструмента политики современного государства:

У Маколей он находит кое-какие сведения о возникновении государственного долга в Англии конца семнадцатого века, а у французского автора – о росте задолженности в Испании конца шестнадцатого⁶ (стр. 143).

⁶ Соответствующий пассаж у Маколей можно найти в главе 19 его «Истории Англии». Что Манн читал этот раздел, можно заключить из словесной переклички; в одном месте Маколей говорит о «Лампе Аладдина», а Манн упоминает о биржевом маклере, который «преуспевает... не хуже Аладина с его волшебной лампой» (стр. 157). В указанном разделе своей книги Маколей описывает момент, когда Британский парламент создает национальный долг для покрытия бюджетного дефицита, который возник, в основном, из-за финансирования войн. Несомненно, Манн увидел параллель с ситуацией в Германии после Мировой войны. Маколей восхваляет дефицит как чудесное изобретение ради национального процветания. У Манна было меньше причин для подобных восторгов.

В указанный период английской истории – за столетие до начала промышленной революции – в стране наблюдалось изобилие денежных капиталов на руках у населения, не находящих применения. Поэтому множество людей с радостью покупало облигации Банка Англии. Доходило до того, что, когда правительство стало выкупать облигации, люди жаловались и говорили, что пусть лучше оно понизит процент по облигациям. Создание государственного долга тогда не вызвало инфляции в Англии. Как видим, социально-экономические ситуации в Англии конца XVII в. и Германии 20-х XX в. различались принципиально. Оттого Маколей по праву восхвалял государственный долг, а у Манна были все основания осуждать это явление.

По всему рассказу разбросаны финансовые детали, отражающие абсурд гиперинфляции. Корнелиус получает в месяц миллион марок, и этого «более или менее достаточно при случайностях и переменах послевоенной жизни» (в русском издании не найдено фразы, которая соответствовала бы этой цитате; на стр. 131, где ей полагалось бы быть, упоминается лишь «многомиллионное жалование» профессора – *ЕМ*).

В таких ненормальных условиях люди одержимы экономическими проблемами своей жизни и всю свою энергию отдают попыткам удержаться над водой. Фрау Корнелиус чувствует себя совершенно дезориентированной в самых основных вопросах повседневной жизни:

Хозяйка дома... утомлена и вконец замучена убийственными трудностями ведения хозяйства. Ей следовало бы побывать на курорте, но теперь, когда все пошло кувырком и почва под ногами так неустойчива, это неосуществимо. Она думает только о яйцах, которые необходимо купить сегодня, и все возвращается мыслью к этим яйцам (цена шесть тысяч марок); их отпускают только один раз в неделю в определенном количестве и в определенной лавке, здесь неподалеку... (стр. 132).

Мы видим, как одно вмешательство государства в экономику немедленно влечет за собой другое. Породив своей инфляционной политикой дефицит на рынке, власти вводят новые ограничения, пытаясь что-то противопоставить ими же созданной иррациональности. Однако, в ответ на rationирование продуктов, персонажи рассказа Манна находят пути перехитрить эти государственные манипуляции над рынком:

Дело в том, что лавка еженедельно отпускает всего пяток яиц на семью, а значит, молодым людям придется заходить туда врозь, поодиночке, а еще под разными вымышленными именами, чтобы обогатить дом Корнелиусов двумя десятками яиц (стр. 133).

В изображении Манна, все в мире становится фальшивым вследствие вмешательства государства в рынок, вынуждающего людей плутовать⁷. Манн хорошо себе

⁷ Примем во внимание, что, как ни привычны такие вещи были для советских людей, для немцев, с их особым почтением к

представляет, каким абсурдом становится германская инфляция, и более того, как это, в свою очередь, делает абсурдом всю жизнь в Веймарской республике. Он показывает один из моментов инфляции, на который указывал Мизес, – гонку за реальными благами⁸:

...госпожа Корнелиус... спешит все приготовить до прихода гостей. К тому же она должна, захватив сумку, съездить на велосипеде в город – нельзя же допустить, чтобы ее наличные деньги еще более обесценились, прежде чем она обратит их в хлеб насущный (стр. 143).

Когда покупательная сила денег тает практически по часам, люди отчаянно ищут способы удержать ценность, и это значит, что они спешат обменять свои фиктивные деньги на что-то реальное, на реальные блага. Таким образом, инфляция лишний раз подчеркивает уже и без того безумное развитие современной жизни, все более дезориентирующее людей и подрывающее последние остатки их чувства стабильности.

Также Манн показывает, как инфляция разрушает социальный порядок, порождая фактически огромное подспудное перераспределение богатства. Те, кто тяжело работали и помещали свои деньги в банк, вдруг видят, как их сбережения в одночасье обесцениваются. Манн, можно сказать, документирует падение среднего класса на примере Хинтерхеферов:

С прислугой, – с Ксавером и дамами Хинтерхефер, двумя сестрами, некогда принадлежавшими к честному бюргерскому семейству, ныне же выполняющими

государству и привычкой уважать закон и все правила, такое вынужденное поведение было совершенно из ряда вон и у многих должно было создавать внутренний дискомфорт. Далее, плутовать против государства считалось злом, но если это приходится делать ради пропитания семьи, это становится благом. На подобных примерах можно видеть, как люди начинают терять ощущение различия между добром и злом – одна из характерных черт массовой психологии XX века – залог успеха демагогов и политических проходимцев.

⁸ По-немецки: "die Flucht in die Sachwerte". См. Л. Мизес. «Человеческое действие» (автор дает ссылку на английское издание, стр. 424; русское издание: «Социум». Челябинск, 2005).

обязанности кухарки и горничной – «au pair» (то есть за стол и кров)... (стр. 142)

Манн показывает, как нелегко этим женщинам жить с ощущением экономической деградации:

...фрейлейн Цецилия... блюдет достоинство бывших представительниц третьего сословия, отчего с ее лица не сходит величаво-спесивое выражение. Фрейлейн Цецилии очень горько оттого, что из мелкобуржуазной сферы она низринута в подвал для прислуги. Она решительнейшим образом отказывается надеть наголку или что бы то ни было, свидетельствующее о ее положении горничной... Она ставит блюда на стол, отвернув лицо и сморщив нос, – поистине свергнутая королева! (стр. 155)⁹.

Обществу, состоящему из раздраженных, озлобленных людей, подобных Хинтерхеферам, вскоре предстоит столкнуться с огромными политическими проблемами, как покажет рост фашизма в Германии.

В то время как многие во время инфляции теряют все, некоторые, используя новые экономические условия, приобретают состояния. В числе персонажей Манна находим род спекулянтов, которые наживаются на инфляции:

Но среди мужчин попадаются и отъявленные проходимцы, темные дельцы – порождение своего времени; на этот скользкий путь их, конечно, толкнула нынешняя жизнь. Бледнолицый верзила с жемчужными запонками, сын зубного врача – всего-навсего биржевой маклер, но преуспевает он в этом качестве не хуже Аладдина с его волшебной лампой. У него есть автомобиль, он закатывает пиры с шампанским по любому поводу и даже без повода (стр. 157).

Те, кто знает, как эксплуатировать ситуацию инфляции, могут нажать не меньше, чем другие теряют. В результате, инфляция создает мир наизуворот. Тот факт, что люди за ночь теряют или делают состояние, в ответе за всю

⁹ Тут можно было бы добавить: не только с чувством деградации, но с ощущением полнейшей неестественности, фальши их нынешнего положения. Вдруг, «ни с того, ни с сего» потерять состояние и дом – то, чего в нормальной жизни просто не должно быть. См. ниже в статье об ощущении **ирреальности мира**.

социальную путаницу в рассказе, например, за неспособность Корнелиуса отличить собственного сына от своего слуги. (стр. 129) В мире, где все отчетливые категории начинают размываться, развивается всепроникающее ощущение релятивизма. Убеждения Корнелиуса оказываются поколебленными, и он неспособен противостоять мнениям молодого поколения. До ужаса предвосхищая нынешнюю тиранию политкорректности, профессор, сталкиваясь с фанатизмом юности, отступает в академичный скептицизм и пытается прикрыть недостаток убежденности маской широких взглядов и терпимости:

Справедливость – душа науки... и для молодежи только ее свет должен озарять исторические события. Как ради морального их воспитания, так и по соображениям гуманно-личного характера, чтобы не оскорбить этих молодых людей, даже косвенно не задеть их политических убеждений, которые в наши дни так многообразны и взаимно противоположны. Горючего материала здесь хоть отбавляй, и ничего не стоит вызвать шум и свист одной части аудитории, даже скандал, если возьмешь сторону тех или иных... (стр. 161)

Озабоченный тем, как бы не встать на какую-либо позицию, Корнелиус начинает сомневаться в самых фундаментальных своих определенностях: «Что же, справедливости вообще не существует?» (стр. 161). Таким образом, показывает Манн, инфляция, в конце концов, имеет политические последствия, пожирая основные убеждения, образующие основу социального порядка. Подрывая всяческое чувство стабильности и ценности в Веймарской Германии, инфляция, в конечном итоге, привела к явлению Гитлера и нацизма¹⁰.

¹⁰ Возможно, будет слишком смело приписывать инфляции явление Гитлера, однако в работе Элиаса Канетти «Толпа и власть» (Elias Canetti, *Crowds and Power*, Carol Stewart, trans. (New York: Seabury, 1978), особенно сс. 187-88, можно найти глубокое обсуждение зависимости между инфляцией и нацизмом. Канетти даже находит прямую связь между обесценением человеческой жизни, явленной в Холокосте, с инфляцией в Германии. У Мизеса ясный анализ Веймарской политики и роли инфляции в подъеме

IV

Описывая экономические, социальные и политические последствия инфляции, Манн также точно ухватывает ее психологический эффект. Он показывает, что инфляция фундаментально изменяет образ мышления людей, понуждая их жить ради текущего момента. Нет никакого смысла планировать будущее, поскольку инфляция – и особенно гиперинфляция – делает будущие условия неопределенными и непредсказуемыми.

Как показал Мизес, самый коварный эффект инфляции состоит в том, что она делает экономический расчет практически невозможным. Таким образом, она разрушает протестантскую этику, которая еще со времен Макса Вебера напрямую связывается с капитализмом. Какой смысл сберегать деньги, если они тут же обесцениваются инфляцией? И Манн показывает, что в условиях инфляции рациональной стратегией является тратить деньги насколько можно скорее. Так что инфляция сужает горизонт человека, разрушая точно тот самый подход к жизни, который в нормальных условиях создает упорно трудящийся и благоразумно инвестирующий средний класс – тот подход, который побуждает людей ограничивать текущее потребление ради увеличения будущей производительности.

Указанный эффект инфляции объясняет, почему юность стала доминировать в мире рассказа «Непорядки и раннее горе» и почему старшее поколение утратило свой авторитет. Молодые скорее приспосабливаются к меняющимся условиям, тогда как пожилые укоренены в своем образе жизни. Поэтому молодежь лучше управляется с инфляцией:

Но в этом обрамлении, где протекала жизнь некогда состоятельных бюргеров, теперь живут... убого и трудно, в поношенном и перелицованном платье. Дети не знают иного образа жизни, для них все это в порядке вещей... О нарядах они особенно не беспокоятся. Это поколение довольствуется одеждой, отвечающей требованиям времени – прямым порождением нищеты и

нацизма см. «Всемогущее правительство» (*Русское издание: «Социум». Челябинск, 2006*).

изобретательного вкуса, – летом она сводится к полотняной блузе с кушачком и к сандалиям. Бюргерам старшего поколения приходится труднее (стр. 132).

Манн замечает, что инфляция изменяет даже манеру одеваться, но, что важнее, он видит, как она изменяет динамику между поколениями в обществе, давая молодежи огромные преимущества перед старшими. Не прожив в условиях экономической стабильности, молодежь скорее способна ужиться с процессом инфляции. В образе слуги Корнелиуса, молодого Ксавера, Манн представляет нам подлинное дитя эпохи, воплощение ее добродетелей и пороков:

Он – дитя и плод нынешнего безвременья, типичный представитель своего поколения... Профессор прозвал его «распорядителем балов», так как чуть дело коснется чего-либо не будничного и забавного, Ксавер чувствует себя как рыба в воде, и становится необыкновенно услужлив и расторопен. Но вот преставление о долге ему совершенно чуждо, и приневолить его к выполнению ежедневных уныло-однообразных обязанностей так же невозможно, как невозможно приневолить иных собак прыгать через палку (стр. 155).

Ксавер проявляет требуемое эрой инфляции качество приспособляемости к меняющимся условиям, но цена, которую он платит за это, есть полная утрата дисциплины, когда-то высоко ценимой в немецком обществе. Его недостаточное сочувствие к прошлому, конечно, смущает его хозяина, профессора истории, но как дитя инфляции Ксавер все время устремлен в будущее:

Доктор Корнелиус много раз приказывал ему оставить календарь в покое, ведь Ксавер не прочь заодно оторвать и следующий листок – что уже может нарушить для профессора ход времени. Но эта работа – отрывать листки – по душе юному Ксаверу (стр. 156).

В мире, где молодежь враз проскакивает во времени на два дня вперед, пожилые все более и более становятся не причем. Экономисты давно признали, что инфляция особенно тяжела для старших поколений общества, особенно для пенсионеров, живущих на фиксированный доход, который не может успевать за обесценением денег. Манн подтверждает наше ощущение психологического

расстройства, сопровождающего опустошающее действие инфляции. Более чем любой другой фактор, инфляция дискредитирует авторитет старших поколений и придает силу молодежи.

Дело не просто в том, что старшие теряют присущее им экономическое преимущество перед молодыми. В условиях инфляции все нормальные добродетели старших поколений внезапно начинают работать против них, тогда как все нормальные недостатки молодых так же внезапно начинают выглядеть мудростью. Консерватизм и чувство традиции делают невозможным реагировать должным образом на быстрое изменение экономической обстановки, тогда как беззаботная расточительность молодежи в условиях инфляции парадоксально становится родом благоразумия. Гениально показывает Манн, как все характеристики мира в «Непорядки и раннее горе» искривляются в новых экономических обстоятельствах. Нужно обратиться к такому экономисту, как Мизес, чтобы понять причины и все разнообразные экономические последствия инфляции. Манн, однако, показывает человеческое измерение феномена инфляции – как она изменяет не только экономические условия, но самую ткань повседневной жизни, вплоть до психики маленьких детей¹¹. Преждевременная влюбленность Лорхен в Макса есть эмоциональный эквивалент инфляции.

V

Вдобавок ко всем ее экономическим, социальным, политическим и даже психологическим последствиям, инфляция, как видит ее Манн, подрывает основополагающее чувство реального. В мире инфляции реальность начинает размываться; мы видим, что даже пиво за восемь тысяч марок отдает водой. По различным причинам, цены не всегда могут следовать за инфляцией, и производители

¹¹ Конечно, Манн был не единственным писателем того времени, рисовавшим последствия инфляции, хотя литературная критика обращала на этот феномен до удивления мало внимания. *Дальше Кантор называет ряд имен немецких и австрийских писателей, из которых мне знакомы такие имена, как Роберт Музиль, Стефан Цвейг и Генрих Манн.*

иногда вынуждены удешевлять свои продукты посредством фальсификации. Манн рисует здесь, как жизнью повсеместно завладевает «дешевка»¹². Корнелиус считает себя джентльменом, но в стесненных обстоятельствах он не может удержаться от нарушения своих правил, например, когда он предлагает гостям сигареты:

Он... извлекает из своего запаса в стенном шкафчике коробку сигарет, надо сказать, не из лучших, вернее, не из тех, какие он предпочитает, — эти, на его взгляд, слабоваты и слишком длинные, и он ими поступится охотно, раз представился такой случай, а для молодежи хороши и такие (стр. 151).

Характерно как вещи приходят в запустение в этих условиях инфляции, когда нарушается нормальное течение экономической жизни:

...он встает и подходит к умывальнику; вот уже год, как таз дал трещину. Это — перевертывающийся таз, но один его шарнир вышел из строя, и починить его нельзя: водопроводчика не дозовешься, нельзя купить и новый — таких тазов больше нет в магазинах (стр. 144)¹³.

Как только представляешь себе, что происходит в рассказе «Непорядки и раннее горе», так видишь, насколько

¹² В оригинале: cheapening of the world. Слово cheap, «дешевый», точно как и в русском, может иметь как нейтральный, так и негативный оттенок «дешевки» (вплоть до характеристики определенного типа женщин), но также может означать мелочного скрягу. Отсюда у Кантора смысловая связь мотива удешевления товаров путем фальсификации и проявления Корнелиусом мелкой прижимистости, какая вряд ли была характерной для него в прежней нормальной жизни.

¹³ Невольно задумаешься — а в каком же мире мы жили в СССР, когда такие вещи были не результатом катастрофического развития, а рутиной, длящейся из поколения в поколение? На протяжении таких периодов большинство людей может приспособиться к подобному стилю жизни и считать его нормальным. В то же время для той жизни были характерны сходные признаки размытия реальности, неаутентичности и деградации ценностей, о каких говорит и еще будет говорить Кантор. Так что всю жизнь в СССР можно назвать одной сплошной катастрофой в смысле рассказа Манна. И не только в этом смысле.

начало рассказа эмблематично для того мира, который описывает Манн:

В качестве основного блюда были поданы только овощи – капустные котлеты; поэтому вслед за ними сервировался холодный пудинг из отдающего мылом и миндалем порошка (стр. 128).

Ясно, что инфляция отрицательно влияет на меню персонажей, но очевидным становится нечто более значительное. Корнелиус и его семья живут в мире, где у них больше нет десерта, а есть только его заменители. Принужденные инфляцией к экономии, эти люди не могут больше позволить себе нечто подлинное:

Тем временем и родители совещаются между собой о том, чем бы накормить гостей. Профессор проявляет бургерское тщеславие. Он хотел бы, чтобы кроме итальянского салата и бутербродов (на черном хлебе), был еще и торт или что-нибудь похожее на торт (стр. 132).

Всем нам знакомы такого рода пищевые заменители – искусственные продукты, которые всегда представляются как нечто лучшее, чем реальные вещи, но на самом деле лишь слегка дешевле (и возможно, менее питательны). Такие заменители характерны для жизни в двадцатом столетии, и Германия, с ее развитой химической промышленностью, была передовой в их разработке – настолько, что во все языки вошло немецкое слово ЭРЗАЦ.

Таким образом, в своем обвинительном заключении в адрес денежной политики Веймарской республики, Манн показывает, как инфляция способствует формированию эрзац-реальности в двадцатом столетии. Мы пришли к жизни в мире фанеры, вместо дерева. Вещи уже перестали быть реальными, мы окружены искусными (и дешевыми) заменителями – не более чем симулякрами реальных вещей. Рассказ Манна полон искусственных заменителей – от вставных зубов у няньки младших детей (стр. 140) до искусственной кожи обуви Гергезелля:

Отроду не носил таких тесных туфель. Номера перепутаны, верить им в нынешнее время никак нельзя, и вдобавок их стали теперь делать из какой-то жесткой штуковины – взгляните-ка. Не кожа, а чугун! (стр. 147).

Искусственно раздутая инфляционная экономика производит все больше и больше ирреальностей, включая

растущий обман на товарном рынке. Многое из того, что традиционно и ошибочно считается присущими капитализму пороками, в действительности есть результат государственного вмешательства в рынок – здесь, в форме игр с денежным предложением. Как показано у Манна, именно сознательная инфляционная политика государства разъедает самое субстанцию реальности в современном мире.

Чтобы быть точным, не во всем следует винить инфляцию. Уже в девятнадцатом столетии Алексис де Токвиль отметил в демократических обществах тенденцию к удешевлению продукции:

Мастера и ремесленники, живущие при демократии, не только стремятся сделать свои утилитарные изделия доступными для всех граждан, но также изо всех сил стараются придать всей своей продукции внешний блеск, не соответствующий ее внутренним качествам. При смешении всех классов каждый человек надеется казаться не тем, кто он есть в действительности... И нет такой хитрости, к которым не прибегали бы искусства и ремесла с целью удовлетворить эти новые потребности, создаваемые человеческим тщеславием¹⁴.

Так что, еще до инфляции бумажных денег двадцатого столетия можно было заметить в современной экономике движение в сторону симулякров взамен реальных

¹⁴ Алексис де Токвиль. «Демократия в Америке». Пер. с французского. «Прогресс». М., 1992, с. 346. Токвиль иллюстрирует этот принцип личным наблюдением: «Когда я впервые подплывал к Нью-Йорку... я был поражен, увидев на берегу... несколько небольших беломраморных дворцов, часть которых была построена в античном стиле; на другой день, рассмотрев повнимательнее то здание, которое в особенности привлекло мой взор, я обнаружил, что его стены были сделаны из кирпича, побеленного известью, а колонны – из крашеного дерева. Все здания, которыми я восхищался накануне, оказались такими же» (там же). Об идее связи между демократией и симулякром – см. в работе Бодрийяра. Современные французские мыслители могли бы удивиться, узнав, как много их идей были предсказаны их соотечественником-аристократом в девятнадцатом столетии. *Изящный намек на пробелы в образовании философов постмодерна.*

вещей. Де Токвиль напоминает нам, что экономическое развитие часто имеет политические причины, и многие тенденции, описанные Манном в рассказе «Непорядки и раннее горе», могут быть приписаны внезапной демократизации Германии после Первой мировой войны. Но Манн показывает, как инфляция форсирует и усиливает эти тенденции, вынуждая людей ради экономии прибегать к заменителям в отчаянной попытке поддержать тень своего прежнего жизненного уровня.

Со своим безошибочным чутьем текстуры повседневной жизни, Манн ощущает взаимосвязь между миром инфляции и миром современных медиа; последние таким же образом вносят свой вклад в создание всеобъемлющего мира иллюзии. Хотя писал он еще в 1920 годы, Манн уже хорошо себе представлял, как современные технологии и все более опосредованный характер современной жизни создают новые возможности для обмана. Любое средство информации (коммуникации) есть потенциально средство дезинформации (дискоммуникации). В розыгрышах Берта и Ингрид важным посредником становится телефон:

Телефон занимает не последнее место в их забавах. Они звонят по всему свету – оперным артистам, государственным мужам, высоким духовным особам, выдавая себя то за лавочников, то за графа и графиню Манстейфель, и только после длительных препирательств высказывают догадку, что их неправильно соединили (стр. 134).

Телефон служит примером того, как современные средства коммуникации создают иллюзию непосредственного общения. Берт и Ингрид получают удовольствие от чувства как бы общения с публичными лицами своего времени, но, в известном смысле, они так же обмануты, как люди, которых они дурят. Они думают, что имеют дело с известными людьми непосредственно, тогда как на деле между ними и этими людьми располагается телефон – иначе обман был бы невозможен. Так что отношения, в которые они вступают по телефону, не могут быть настоящими отношениями (и немецкий эквивалент для

«неправильного соединения» как нельзя более уместен здесь: “falsch verbunden” – «фальшивое соединение»).

В телефонном разговоре мы не видим собеседника, однако находимся во власти иллюзии живого присутствия. Точно так же, в экономике, основанной на бумажных деньгах, никто больше не видит золота, но бумажная валюта держится на иллюзии присутствия за ней реального богатства. Растущая степень опосредованности современной экономики – особенно, развитие сложных финансовых инструментов – позволяет государству обманывать население относительно природы своей денежной политики.

Когда государство пытается уменьшать размер монеты или содержание в ней драгоценного металла («порча монеты»), большинство людей сразу видит результаты. В противоположность этому, финансовое опосредование, осуществляемое современной системой центробанков, позволяет укрывать денежные обстоятельства покровом тайны. Техника дефицитного финансирования и монетаризации долга скрывает от публики, по крайней мере, вначале, что происходит с предложением денег. Точно так, как шутки Ингрид и Берта срабатывают только потому, что люди **не могут их видеть**, инфляция Веймарского государства работала только потому, что была сокрыта за завесой современной центробанковой системы. При бумажных деньгах, поначалу нет возможности увидеть, как портят валюту. Как показал Мизес, инфляционная политика целиком покоится на путанице между деньгами и капиталом в любой системе непрямого обмена – на иллюзии, что кусочки бумаги каким-то образом представляют реальное богатство.

Всепроникающую неаутентичность современного мира Манн находит даже в музыкальных развлечениях молодых людей – они слушают не живое исполнение, а механическое воспроизведение на граммофоне. В «новом мире», порожденном граммофоном, смешивается музыка со всего света, так что трудно различать национальные истоки (стр. 158) или отличить настоящую народную песню от популярного хита (там же). Делая как бы доступной музыку со всего мира, граммофон создает фальшивую ауру

общемирового постижения культуры, но на деле всего лишь добавляет ощущение культурного релятивизма:

Им все равно, они просто шагают взад и вперед под экзотические завывания граммофона... все эти шимми фокстроты, уанстепы, все эти дубль-фоксы, африканские шимми, яванские пляски и креольские польки... (стр. 157-158)

Повсюду в рассказе «Непорядки и раннее горе» можно увидеть иллюзию замещенной реальности. Уход из мира реальности как нельзя лучше иллюстрируется бегством Ксавера в причудливый мир кинематографа:

Кино он любит страстно... Смутная мечта, что однажды он и сам будет принадлежать к миру кино... владеет им. Основанием для этой мечты служат кудри, отбрасываемые со лба, ловкость, удаля. Он часто влезает на ясень перед домом... Там, наверху, он закуривает сигарету и, раскачиваясь, как на качелях,... высматривает кинорежиссера, который рано или поздно придет этим путем, чтобы его ангажировать (стр. 156).

Здесь Манн предвосхищает то, что станет открытием Голливудского Мифа в аптеке Шваба¹⁵ Такого рода мечты вскормлены инфляционной экономикой, которая так или иначе разрушает амбиции молодежи. В мире кино молодой человек фантазирует о том, как сделать себе состояние, потому что он может стать богатым лишь в воображении, совершив одно большое убийство. В обстановке инфляции человек должен мечтать о том, чтобы разбогатеть за одну ночь, потому что медленный, постепенный путь накопления средств за счет упорной работы просто не работает. Манн ощущает, что кино есть форма искусства, идеально соответствующая эпохе инфляции – динамичное искусство в динамичную эпоху. Он показывает, как кино уже пропитывает повседневную жизнь, – Ксавер выбирает сорт сигарет «предпочтительно марки, носящей имя прославленной кинодивы» (стр. 129). В иллюзорном мире, порожденном инфляцией, предпочтения человека формируются образами кино.

¹⁵ Как сообщает Википедия, Аптека Шваба в Голливуде (Сансет Бульвар) была местом, где тусовались киноактеры и кинодеятели в 1930-50 гг. Снесена.

VI

Присутствие в рассказе телефона, граммофона и кинофильмов создает ощущение того, до какой степени опосредованной стала современная жизнь, насколько мы окружены искусственными подобиями и имитациями жизни. В конечном счете, главной темой рассказа оказывается имитация. Внимательно изучая рассказ Манна, можно увидеть, как в нашем столетии концептуализуется заново понятие имитации – существенный сдвиг в нашем образе мышления, что может быть коррелировано со сдвигом в сторону бумажных денег и инфляционной политики.

В старом понимании денег, банкнота отсылала нас к чему-то вне ее самой. При золотом стандарте долларový билет представлял, отображал определенное количество золота, которое где-то лежит и может быть получено по требованию. Вот что значит валюта, основанная на золоте, – бумажная банкнота могла быть выкуплена реальным товаром, а именно – золотом, чем-то таким, что имеет свою независимую ценность. Но в современном мире неразменных денег (*fiat money* – буквально: декретированные деньги – *ЕМ*) банкнота представляет просто другую банкноту. Долларový билет может быть обменен всего лишь на другой долларový билет, но такая операция не имеет смысла, коль скоро валюта не поддерживается никаким реальным товаром. В современной системе бумажных денег банкнота не представляет ничего вне себя самой, она представляет только самое себя¹⁶.

Поистине замечательно, что такая перемена в понятии отображения при системе неразменных денег выглядит прототипом нового понятия отображения (*representation*) в современном искусстве. Современный художник гордится своим открытием нерепрезентативного искусства. Спросите современного художника, что означают

¹⁶ Чтобы быть точным, пока люди доверяют бумажной валюте, она может обмениваться на реальные товары и в этом смысле все же можно считать, что она представляет реальную ценность. Однако, как показывает быстрое обрушение системы бумажных денег в Веймарской Германии, «реальность» бумажной валюты более призрачна, чем у валюты основанной на золоте.

каракули на его холсте, и он покровительственно изречет: «Моя живопись не представляет ничего внешнего по отношению к ней, она представляет (represents) самое себя». Выросший из идеи «искусства для искусства» девятнадцатого столетия, данный подход в современном искусстве отрицает, что художнику нужно соотноситься (refer) с внешним миром; его произведения могут существовать внутри самодостаточного мира самого искусства. Мир современных бумажных денег есть точно такая же самозамкнутая система. Валюта без поддерживающего ее товара, вроде золота, таким образом, дает модель такого само-себя-представления (self-referentiality), каким гордится современное искусство¹⁷.

В данном случае трудно говорить о причине – следствии. Было бы свехупрощением заявить, например: «Современное искусство стало нерепрезентативным, потому что мы ушли от золотого стандарта». Скорее можно предполагать, что корни того и другого кроются в более глубоких пластах современной жизни и современной культуры – возможно, в демократизации, исследованной де Токвилем.

И все же стоит задуматься о том, что столь фундаментальное изменение, как переход от обеспеченной золотом валюты к неразменным деньгам могло иметь масштабные последствия для общества и возможно даже воздействовать на основные культурные установки. Если самореферентность действительно является характеристикой современного искусства, тогда, пожалуй, инфляционная среда, созданная государствами в двадцатом веке, по меньшей мере, помогла культивированию чувства

¹⁷ В этом контексте обратим внимание на известную формулировку Сэмюэля Беккета о нерепрезентативном характере современного искусства: «Нечего выражать, нечем выразить, не из чего выражать, нет способности выражать» (см. Samuel Beckett, “Three Dialogues”). Заменяв одно слово, получим превосходную характеристику мира бумажных денег: «Ничего в обмен, не с чем обменивать, не из чего обменивать, нет способности обмена, нет желания обмена – наряду с обязательством обмена».

ирреальности, которым пронизана наша культура. Когда деньги перестают соотноситься с чем-то реальным, традиционная идея референтности оказывается подорванной.

Архитекторы инфляционной политики виновны во многих катастрофах двадцатого столетия, экономических и политических. «Непорядки и раннее горе» подсказывает, что мы также можем считать их ответственными за бессодержательную самореферентность значительной части современного искусства.

Когда искусство отрезано от реальности, художник обращается к таким заменителям, как сюрреальность и гиперреальность. Движение, известное как постмодернизм, все целиком растет из поворота современного искусства к нерепрезентативности. Одним из ведущих в теории постмодернизма выступает понятие симулякра, наличие которого в рассказе «Непорядки и раннее горе» мы уже отметили¹⁸.

Согласно одному из определений, симулякр есть копия, у которой парадоксально не существует оригинала. И это — точная характеристика неразменных денег. При фиксированном золотом стандарте, долларовая купюра выступает как репрезентация — ее оригиналом служит определенное количество золота. Здесь можно без труда отличить репрезентацию от оригинала — последний блестящий и сияющий, тогда как первая — зеленая и мятая. Но такого рода различие больше не является возможным в мире чисто бумажных денег. Одна купюра представляет всего лишь другую купюру — мы оказываемся в мире, где одни копии без оригиналов¹⁹.

¹⁸ Общее исследование о симулякрах у Манна см. в: Bernard J. Dotzler, *Der Hochstapler: Thomas Mann und die Simulakren der Literatur* (München: Wilhelm Fink, 1991).

¹⁹ Вот почему гораздо проще устроить инфляцию бумажных денег, чем валюты, поддерживаемой золотом. Насколько эта ситуация близка к миру симулякров по Бодрийяру, видно из следующей его характеристики: «Отношение между ними не есть больше отношение оригинала и подделки... объекты становятся неидентифицируемыми симулякрами друг друга». Нередко он

И это в точности мир такого рода, какой рисует Манн в рассказе «Непорядки и раннее горе», – мир, где реальность постоянно грозит раствориться в том, что есть не более чем отражение (репрезентация) реальности.

Корнелиуса огорчает, что сын его восхищается актером Иваном Герцлем и подражает ему:

Берт крепко попал под влияние Герцля и даже стал подводить глаза, что не раз уже вызывало неприятные, но вполне беспоследственные объяснения с отцом. С бесчувственностью юности к душевным терзаниям старших Берт заявляет, что не только избрав карьеру танцора, но и сделавшись кельнером в Каире, он будет подражать Герцлю в каждом его движении (стр. 131).

Выбрав своей моделью актера, Берт находит себя в имитации имитатора, и таким образом рискует обернуться не более чем симулякром человека. Что поражает Корнелиуса в Герцле, так это полное отсутствие в нем аутентичности; как актер, он всегда как будто играет спектакль, и потому не имеет собственной реальности:

Возможно, что все это идет от сердца, но привычка к условному сценическому действию делает его слова и жесты невыразимо фальшивыми (стр. 149).

Еще тогда – в 1920 годы – Манн пророчески видел грядущую неаутентичность, которой предстояло пропитать современное общество и современную культуру, связывая это с современными средствами коммуникации, но также хорошо понимая ее связь с деньгами без металлического покрытия (*fiduciary media*). Действительно, моделью для потери аутентичности в современном мире служит у него утрата реальности денег, вызванная инфляцией²⁰.

говорит о циркуляции симулякров, откуда видно, что он сам ощущал связь своего понятия с бумажными деньгами. Курьезное историческое совпадение можно увидеть в том, что постструктуралисты были одержимы так называемыми «свободно плавающими символами» как раз примерно в то время (1970-е гг.), когда национальные валюты обрели «свободно плавающий курс» – уже без малейших следов привязки к золоту.

²⁰ Мои коллеги-постструктуралисты, возможно, посмеются над моими наивными рассуждениями о «реальных деньгах», поскольку, дескать, любые деньги включают акт репрезентации, и

Я могу предложить один особенно подходящий пример в подтверждение связи, которую я провожу между эпистемологией искусства двадцатого столетия и дебатами вокруг бумажных денег. Сердцевиной постмодернизма является тенденция делать акт репрезентации проблематичным. Образы постмодерна призывают внимание к себе, к самому факту, что они – всего лишь образы. В традиционном искусстве медиум, так сказать, прозрачен – художник хочет, чтобы мы смотрели сквозь его акт репрезентации на предмет репрезентации и, следовательно, делает все возможное, чтобы наше внимание не концентрировалось на его медиуме. Но художник-постмодернист прилагает рычаг именно к процессу репрезентации, выдвигая свой медиум на передний план и заставляя нас, таким образом, концентрировать наше внимание на самом акте репрезентации, на том факте, что перед нами нечто репрезентируется.

Известнейшим примером такой техники сюрреалистов служит «Предательство образов» (*The Treachery of Images*) Рене Магритта (см. рис. 1). Один из возможных вариантов прочтения надписи на его искусной картине: «Это не трубка, это только изображение

я просто впадаю в архаическую фетишизацию золота. Здесь, как и в других областях, Австрийская теория более «субъективна» в своих взглядах на реальность, чем альтернативные теории денег (особенно марксизм с его «объективной» теорией трудовой ценности). Для Австрийской теории, «реальные» деньги – это такие, которые сам рынок принимает как настоящие. Как показывает Мизес, любое благо, принимаемое как деньги, должно – хотя бы изначально – иметь меновую ценность, не зависящую от его использования в качестве денег, в противоположность тем, которые государство должно заставлять людей принимать как средство обмена. Различие не субстанциональное, а чисто прагматическое, отражающее естественное поведение людей. Если мои коллеги будут настаивать на том, что нельзя считать один вид денег более реальным, чем другой, у меня имеются несколько рублей, которые я предложу им обменять по номиналу на Крюгер-рэнды (*золотая монета, отчеканенная в Южной Африке в 1967 г., содержит 92 % чистого золота, один из ведущих товаров на мировом рынке золота*).

(representation) трубки». Магритт пресекает в корне любое наше стремление перепутать репрезентацию вещи с самой вещью, открыто направляя наше внимание на свой акт репрезентации этой вещи²¹. Картина оставляет нас в томительном ощущении неадекватности и даже скрытого подвоха всех актов репрезентации.

Рис. 1. Надпись: «Это не трубка»
Оригинал: Рене Магритт. Масло, холст 60х81,3 см.
Музей Искусств графства Лос Анджелес

Картина Магритта, написанная в 1928-29 гг., кажется превосходным примером авангардного искусства – работой такого рода, что могла быть произведена только в двадцатом столетии. И все же она странным образом вызывает в памяти известную карикатуру Томаса Нэста, нарисованную как иллюстрация к книге Дэвида Уэллса «Деньги Робинзона Крузо». Книга была опубликована впервые в 1876 г. (см. рис. 2). Книга Уэллса критикует инфляцию бумажных денег, вызванную Гражданской войной. Он использует фабулу Робинзона, чтобы выявить дурость распространенной веры в реальность бумажных денег:

²¹ Важность этой картины для постструктуралистов видна из того, что Мишель Фуко написал о ней большое эссе, предложив несколько интерпретаций надписи «Это не трубка». Он также связывает картину с идеей симулякров: «неопределенное и взаимообратимое отношение подобного к подобному» – еще одна подходящая характеристика иллюзорного мира бумажной валюты.

Но было признано, что последний термин – всего лишь фикция речи и злоупотребление языком, ибо каждый разумный человек сразу видит, что обещание предоставить товар... может быть самым товаром не больше, чем рисунок лошади – самой лошастью.

Рисунок Нэста блестяще схватывает сущность идеи, сюрреалистически подменяя вещь ее репрезентацией. Подобно Магритту, Нэст напоминает нам, что рисунок коровы – это не корова, но у него это не просто эстетическое утверждение. Он проводит более серьезную аналогию – между подвохом, скрытым в художественной репрезентации и подвохом, скрытым в печатании денег государством и принудительном установлении их как законного платежного средства. Аналогия воплощается в параллели: «Это корова актом Художника», и «Это деньги актом Конгресса».

Рис. 2. Надпись под рисунком: «Билет молока для бэби – вместо молока»

На билете надпись: «Это молоко актом коровы». На заднем плане на стене – Сверху: «Это корова актом художника», под ней: «Это деньги актом Конгресса» Рисунок Томаса Нэста.

Источник: David Wells, *Robinson Crusoe's Money* (New York: Harper & Brothers, 1876, p. 57

Опыт инфляции «союзных гринбеков» заставил Нэста, даже не читая Ницше, подвергнуть сомнению реальность репрезентации. Как и в рассказе «Непорядки и

раннее горе», обстановка инфляции выдвигает вопрос об аутентичности репрезентации – в такой форме, которая вызывает у художника мысль об иллюзиях, задействованных его собственным ремеслом²².

VII

Может быть, «Непорядки и раннее горе» – просто короткий рассказ. Замечательно, однако (как я пытался показать), насколько полную картину современного мира способен был уложить Манн в эту сжатую историю и насколько богата она экономическими деталями. Своим вниманием к воздействию инфляции на повседневную жизнь, Манн доставляет превосходное дополнение к блестящему анализу Мизесом этого феномена. Мизес объясняет, что произошло в Веймарской Германии, а Манн воссоздает чувство того, как все это ощущали обычные люди, и таким путем помогает довести до сознания своих читателей весь ужас инфляции.

Хотя, может, это и редкий случай, я предлагаю данное обсуждение рассказа «Непорядки и раннее горе» в качестве примера того, что возможен экономический, но немарксистский, анализ литературы. Только подойдя к этому рассказу во всеоружии корректного анализа инфляции, предоставленного Мизесом, можно увидеть, в чем его истинное значение и каковы его обширные импликации. Чем особенно интересен этот рассказ – это тем, что он рисует тот же самый мир, какой обычно описывают модернистские тексты, но для характерных особенностей этого мира предлагает другие объяснения. Манн исследует чувства современного человека, у которого выбита почва из-под ног, не с позиции метафизических начал человеческого существования, но с точки зрения эффекта специфической политики государства – а именно, инфляции. Больше того, он показывает, что неаутентичность современной жизни, вину за которую так часто приписывают характерным

²² Как финальный поворот этой темы, художники-дадаисты времен инфляции в Германии использовали настоящие банкноты для создания своих коллажей. Став практически никчемными, «реальные» банкноты превратились в мнимые деньги – можно сказать, они стали изображать деньги.

явлениям капитализма (таким как реклама), вернее было бы объяснять как результат инфляционного климата, создаваемого государством.

Марксистские критики, доминирующие сегодня на гуманитарных кафедрах, ведут себя так, как если бы любой литературный анализ должен всегда и непременно приводить к удобным (для них) левым выводам. Анализ рассказа Томаса Манна в русле Австрийской Школы экономики демонстрирует, что многие проблемы, отличающие современную жизнь, – что бы эти критики ни заявляли – являются продуктом не частного предпринимательства, но как раз того самого вмешательства государства в экономику, которое рекомендуют марксисты.

Двадцатое столетие может быть названо Эпохой Инфляции, или Эпохой Бумажных Денег, а «Непорядки и раннее горе» показывает, как этот факт относится к преобладающему в наше время ощущению неаутентичности, к чувству недостатка реальности и утраты ценности. Подчас критики в недоумении пытаются найти ответ на вопрос: как могли такие писатели, как Кафка, видеть мир столь абсурдным? Фактом является то, что повседневные, обыденные последствия инфляции в Германии 1920 годов были более абсурдными, чем все, что могло привидеться Кафке. Когда Грегор Замза превращается в насекомое, это конечно привносит в его семью элемент сумасшествия, но по крайней мере деньги, которые его родители откладывали в банк, сохраняли свою ценность и позволяли семье жить дальше. И когда его сестра отправлялась в магазин, ей не требовалась тележка, чтобы везти банкноты, нужные для покупки буханки хлеба.

Конечно, было бы ошибкой приписывать исключительно инфляции развитие идеи Абсурда в современной литературе. В конце концов, мы можем найти Абсурд в литературе стран, которые никогда не прошли через что-то, подобное германской инфляции (хотя в этом столетии было бы невозможно найти страну, не затронутую инфляцией – не исключение даже Швейцария; в нынешнем мире мы всегда говорим только об *относительном* уровне инфляции; вообще как таковая инфляция есть наиболее

распространенный феномен нашего времени). И все же «Непорядки и раннее горе» дает обильную пищу для размышлений и заставляет вопрошать о том, до какой степени этот всеобщий экономический феномен мог повлиять на современную литературу и образ мышления. С подсказки Манна мы начинаем задаваться вопросом – не может ли инфляция в действительности быть явлением еще более коварным, чем нам казалось, фундаментально изменяющим наш мир и наше мирозерцание?

Таким образом, при подходе, весьма отличном от марксистского, Манн выявляет взаимосвязь духовной и экономической истории двадцатого столетия, заставляя нас гадать – не стал ли мир, скорее, метафорой, когда деньги стали не более чем метафорой?

Как я сказал вначале, теории деконструкционизма и постструктурализма вымостили дорогу марксистам к овладению гуманитарными кафедрами, поставив под сомнение любые стандарты истины и реальности и, таким образом, сделав очевидный провал социалистической экономической политики в реальном мире нерелевантным для мышления профессоров литературы. Однако, анализ рассказа «Непорядки и раннее горе» показывает, что эти теории не дают глубокого проникновения в условия человеческого существования (на что они претендуют), но суть всего лишь реакция на специфические экономические события двадцатого столетия – Эпохи Инфляции. Теоретики, которые с помпой провозглашают иллюзорность человеческого существования, на деле всего лишь отражают мир, созданный денежной политикой государства – паутину иллюзий, эндемичных эпохе бумажных денег.

Как ни странно это прозвучит, можно сказать, что Фуко, Деррида и другие постструктуралисты – правы. Они развили философию, соответствующую Эпохе Инфляции – эпохе, когда деньги сами по себе представляют ничто, и потому становится проблематичной всякая репрезентация. Ошибка происходит тогда, когда из своего ограниченного исторического опыта они делают глобальные обобщения и считают мир, созданный экономической теорией кейнсианства, равнозначным человеческой жизни вообще.

Чтение рассказа Томаса Манна может напомнить нам, что не человеческая жизнь как таковая отмечена нереальностью, – это деньги, которые наши правительства исподтишка навязывают нам инфляционной политикой, приводят к размыванию нашего чувства реальности в двадцатом столетии.

Владимир Тихомиров

Об Иване Георгиевиче Петровском

В день своего пятидесятилетия Юрий Иванович Манин объявил «Днём открытых дверей». И я решил войти в эту «открытую дверь». И, конечно, оказался самым старшим среди молодых и совсем юных учеников Юрия Ивановича. Но завязался общий разговор, он какое-то время порхал от темы к теме, пока вдруг не задержался на имени Ивана Георгиевича Петровского. Для молодёжи это имя было почти незнакомо, впрочем, некоторые слышали о Петровском, но только как о математике. А меня и Юрия Ивановича очень многое связывало с нашим бывшим ректором. Мы предались воспоминаниям, и вдруг Юрий Иванович сказал, что где-то, то ли в «Природе», то ли «Знании-силе», были незадолго до того опубликованы «невыводимые рассказы» известного советского астрофизика (в ту пору уже покойного) Иосифа Самойловича Шкловского. Один из этих рассказов был посвящен эпизоду с Петровским. Там, по словам Манина, содержалось утверждение о том, что — по оценкам Шкловского — Петровский совершил в жизни не менее **десяти тысяч** добрых дел. Сразу же посыпались вопросы — откуда взялась такая цифра? как она была получена? Юрий Иванович стал давать какие-то пояснения, но разговор довольно быстро сбился с темы.

...Как это было давно, а кажется — только вчера. На самом деле прошло четырнадцать лет! И каких лет! В частности, Юрий Иванович, которому не позволялось в ту пору пересекать границу любезного отечества, сменил Россию на Германию, Москву на Бонн, где стал одним из директоров Института Планка... Многое кануло в Лету, но

мне до сих пор не дает покоя эта «оценка Шкловского»: *десять тысяч добрых дел.*

Я постепенно уверовал в её справедливость. Можно помечтать о том, что когда-нибудь будет опубликована книга «Десять тысяч добрых дел Ивана Георгиевича Петровского». Многие могут внести свой вклад в её написание. Здесь я хочу предоставить несколько рассказов о Петровском, как человеке, вершившем добро.

Назову некоторых из людей, высоко ценимых Иваном Георгиевичем, которым он старался делать добрые дела. Бегло пройдемся по началу алфавита.

Владимир Михайлович Алексеев и Владимир Игоревич Арнольд были в немногочисленном ряду тех математиков моего поколения, которые пользовались особым доверием Ивана Георгиевича, кому он звонил для того, чтобы выслушать их совет при разрешении трудной проблемы. (Кроме них были ещё Юрий Иванович Манин, Владимир Андреевич Успенский; к числу людей, пользовавшихся высоким доверием Ивана Георгиевича, были такие замечательные люди чуть старшего поколения, как Сергей Васильевич Фомин, Георгий Евгеньевич Шилов, Иосиф Самойлович Шкловский.)

Высочайший вкус на людей – поразительная черта Ивана Георгиевича, с неё разумно начать. Владимир Игоревич Арнольд не раз писал о влиянии оказанном на него Иваном Георгиевичем Петровским, о добрых делах Петровского мне много рассказывал и Владимир Михайлович Алексеев.

И Павел Сергеевич Александров принадлежал к числу тех профессоров, которым Иван Георгиевич оказывал особое покровительство. (К их числу относился и Андрей Николаевич Колмогоров и вообще все те, кто царствовал на мехмате в годы моей юности, когда наш факультет переживал свою золотую пору). Число добрых дел для факультета, для математики, для Математического Общества, свершённых Петровским через этих людей, огромно, и может составить отдельный большой перечень.

Вспомним Феликса Александровича Березина ... В начале пятидесятых годов, наша Партия уделяла очень

большое внимание математическому образованию, и потому лучшие выпускники нашего факультета, такие как Феликс Александрович Березин, Илья Иосифович Пятецкий-Шапиро и многие, многие другие замечательные студенты мехмата, направлялись не в аспирантуру факультета, а на работу в школы рабочей молодёжи и в провинциальные школы в маленькие города... Березин работал в школе рабочей молодёжи в Москве, Илья Иосифович – в обычной школе в Орехово-Зуеве.

Иван Георгиевич же имел в качестве неперменного жизненного принципа оставлять лучших выпускников в Московском Университете. Он зачислил Березина в 1956 году в штат научных сотрудников, минуя обычную процедуру подобных зачислений, и вызвав бурю возмущений тех, кто считал себя обязанным определять кадровую политику в нашем Университете. И Пятецкий-Шапиро сотрудничал на полставки в Московском университете благодаря Ивану Георгиевичу.

Марк Иосифович Вишик обязан плодотворнейшему периоду своей жизни, связанному с Московским университетом, Ивану Георгиевичу Петровскому.

Израиль Моисеевич Гельфанд и Петровский – это особая глава истории математики и Московского университета. Иван Георгиевич очень высоко ценил Израиля Моисеевича, много делал добрых дел для него и его учеников, постоянно советовался с ним в трудных вопросах математической и университетской жизни. В частности, создание кафедры Общих проблем управления, на которой мне довелось проработать свыше тридцати лет, было осуществлено Петровским по идее Гельфанда.

А вот случай из другого совсем ряда. Одна из самых привлекательных черт деятельности И.Г. на посту ректора – его доступность. Ирина Николаевна Глушнева – одна из двух моих сокурсниц, которая стала профессором Московского университета – вспоминает, что в 1954 году (будучи студенткой второго курса) она готовилась поехать в Невинномысскую на Солнечное затмение. Ей это было обещано, но в последний момент было в том отказано. И она пошла искать правды не по инстанциям (директор ГАИШа,

декан мехмата и т. п.), а прямо к Петровскому. Тот принял её и решил вопрос в её пользу, хотя как легко было бы ему отослать её по тем же инстанциям!

Елена Николаевна Ефимова вспоминает эпизод с предоставлением квартиры семейству Николая Владимировича Ефимова. Петровский просматривал списки квартир и вдруг увидел, что Николаю Владимировичу предоставляют квартиру на девятом этаже. Он приказал сменить этаж с девятого на третий. Иван Георгиевич знал, что у дочери Н.В. не очень здоровое сердце, а лифты, бывает, портятся.

Не только в этом эпизоде, но и во множестве других И.Г. проявлял редчайшие свойства человеческого характера – чуткость и заботливость. Это особый дар, неизвестно откуда достающийся человеку, а Петровский обладал им в высокой мере.

В первые постсталинские годы Петровский, когда он ещё не всегда мог преодолевать сопротивление своего окружения, но желая сохранить перспективного математика для нашей науки, И.Г. просил Николая Владимировича взять выпускника в Лесотехнический институт, где тот работал. И это также свидетельствует об особой широте его личности. И многие математики не затерялись в Лесотехническом институте под чутким покровительством Николая Владимировича, а потом они оказались соединёнными с Московским университетом.

Владимир Антонович Зорич перед поступлением на мехмат воспитывался в детском доме в Иваново. И это всё – и тот детский дом, и Иваново в те годы, где долго работал Вадим Арсеньевич Ефремович и недолго Владимир Абрамович Рохлин, где начинал творческую жизнь Альберт Соломонович Шварц, всё это тоже тема отдельного рассказа, и в нем не раз упоминался бы Иван Георгиевич (который покровительствовал и Ефремовичу, и Рохлину, и Шварцу).

У В.А. Зорича к моменту окончания аспирантуры возникли трудности с тем, где жить. Петровский платил штрафы в милицию (за незаконное пребывание Зорича в общежитии), он оформил его обратно в аспирантуру после

её окончания, чтобы дать ему возможность жить в общежитии, словом, делал всё, чтобы Владимир Антонович смог остаться работать в Московском Университете.

Для иллюстрации того, как поступал Иван Георгиевич, такой рассказ. Моему сокурснику Павлу Борисовичу Якоби выпала трагическая судьба. Один наш общий друг называл его Иовом, которого Господь решил подвергнуть беспримерным испытаниям. Всех тягостных перипетий его жизни не перечесать, да здесь и не о них речь.

Но один (и при том счастливый) поворот судьбы П.Б. был связан с Петровским.

Суровое испытание довелось пережить П.Б. в 1963 году. В итоге (не по своей вине) он оказался на Балхаше, без какой-либо перспективы вернуться в Москву. Жена от него ушла. Друзей рядом с ним не оказалось. Положение его было полно безысходности.

Тогда мы вместе с одним моим другом и соклассником (бывшим в ту пору заместителем проректора по учебной работе), решились пойти на приём к Петровскому. Не сможет ли он как-то облегчить судьбу выпускника Московского университета.

Петровский принял нас. Мы начали сбивчиво излагать суть дела. «Майор Якоби... Специалист по моделированию на ЭВМ сложных систем... Балхаш... Нельзя ли...» Петровский резко прервал нас: «Будет ли он полезен на военной кафедре?» Эта идея была за пределами наших мечтаний». «Да, да, – вскричали мы, – конечно!» «Кому я должен позвонить?» – с тем же резким напором спросил Петровский. Мы смущённо молчали. А что мы могли сказать?

После секундной паузы Петровский произнёс: «Гречко?» (Гречко был военным министром.) С ума сойти! Мы никогда не мыслили такими категориями! Не дождавшись ответа, Петровский огорошил нас следующими вопросами: «Кто его непосредственный начальник? К какому роду войск он относится?» Мы не знали этого точно. «К ракетным... наверное...» Как-то в письме промелькнуло имя Байдукова, и мы назвали его.

Георгий Филиппович Байдуков... Он летал с Чкаловым через Северный Полюс. Кумир нашего детства. Герой Советского Союза. Генерал-полковник авиации.

Петровский задумался на мгновение, потом вызвал свою секретаршу. Когда она вошла, он попросил её принести справочник о депутатах Верховного Совета СССР. Получив справочник, Иван Георгиевич извлек оттуда, что Байдуков – командующий авиацией Среднеазиатского военного округа.

«Соедините меня с Байдуковым», – попросил он секретаршу, возвращая справочник. Наступило тягостное для нас молчание. Прошло несколько минут, и раздался звонок. На том конце провода был Байдуков. Состоялся такой разговор.

«С Вами говорит член Президиума Верховного Совета Петровский. Мне нужен майор Якоби, который служит в Вашем округе». После короткой паузы: «Для модернизации военной кафедры». Байдуков что-то кратко ответил. «Благодарю», – сказал Петровский и повесил трубку.

...Через несколько дней майор Якоби прибыл в Москву для прохождения службы на военной кафедре Московского государственного университета.

Остановимся на этом и подведём некоторые итоги.

Способствовал поступлению студентов в Московский Университет... Скольким? Наверное несколько сотням... Я знаю с десяток примеров.

Способствовал поступлению на работу в МГУ, что определило судьбу человека. Скольким? И здесь наверное, несколько сотням...

Для скольких людей он был защитником в преодолении жизненных трудностей? Не счесть... Многие из нас и не подозревают, что разного рода счастливые обстоятельства их жизни произошли во многом благодаря тому, что существовал на белом свете Иван Георгиевич Петровский...

Он способствовал открытию более семидесяти кафедр и двухсот лабораторий... Он обустроивал

Московский Университет ... При нём он переживал период своего расцвета.

Петровский участвовал во многих благих деяниях, как депутат, как Член Президиума Верховного Совета, как Академик-секретарь Отделения физико-математических наук Академии Наук СССР, как заведующий кафедрой, как декан (особенно в период Войны), как председатель Международного математического Конгресса ... Десять тысяч его добрых дел – это реальность!

Эммануил Шноль

М.В. Келдыш и И.Г. Петровский

начну с трех замечаний.

Первое. С И.Г. Петровским я встречался лично один или два раза (и косвенно имел с ним дело еще один раз), а с М.В. Келдышем виделся многократно в разных ситуациях, работая более 20 лет в его институте. Казалось бы, у меня должны быть гораздо более подробные и обстоятельные сведения о Келдыше, чем о Петровском. Это, однако, не вполне так.

Второе. Эти два выдающихся человека до некоторой степени антиподы, и их объединение в одном эссе, я думаю, это противопоставление подчеркнет.

И третье. Многое из написанного ниже известно мне по рассказам. В основном – от А.М. Молчанова и С.Э. Шноля., но есть много случаев, когда я не помню имени сообщившего мне нечто. Далее, память у меня плохая, и такой была всю жизнь. Так что какие-то упущения и искажения, несомненно, будут. Поэтому текст правильнее рассматривать, как запись того, что сохранилось у меня в голове, чем как изложение фактов. К этим сведениям я добавлю то, что нашел в книгах, и в ряде случаев буду указывать книгу-источник. Исключение могут составить некоторые данные из Энциклопедических словарей, которые я приведу ниже.

1. Итак, начну с сугубо официальных данных.

Иван Георгиевич Петровский, 1901 года рождения, был беспартийный (т. е. не был членом КПСС). Это, само по себе, удивительное явление: ректор крупнейшего вуза страны – беспартийный во времена, когда директор даже маленького предприятия обычно был членом партии. Ясно, что это до некоторой степени «показуха»: вот, мол, у нас и

беспартийные могут занимать руководящие посты. Возможно, инициатива исходила из Отдела науки ЦК КПСС (и была, на мой взгляд, весьма удачной). Возможно также, что предложение было сделано лично Сталиным. Во всяком случае, в 1951 году, когда Петровский занял пост ректора МГУ, его назначение не могло произойти без согласия Сталина.

Мстислав Всеволодович Келдыш, 1911 года рождения, вступил в КПСС в 1949 году – не рано: уже будучи академиком. Более того, входил в Центральный комитет КПСС с 1961 года, при Брежневе на 22 съезде партии был в Президиуме (и, кажется, возглавлял некую комиссию).

Петровский был избран в Академию наук в 1946 году – после получения им Государственной (Сталинской) премии за работы по дифференциальным уравнениям. Келдыш был избран академиком *в том же* 1946 году в возрасте 35 лет и, конечно, не за чисто теоретические работы.

Петровский был ректором МГУ с 1951 по 1973 год; в 1973 он скончался (о его смерти я еще напишу).

Келдыш был Президентом Академии наук СССР с 1961 по 1975 год (три срока).

Эти двое ученых не были обойдены высокими наградами.

Келдыш был трижды Героем Социалистического Труда, одним из очень немногих – имел три золотые звездочки (первую получил в 1956 году).

Петровский получил звание Героя в 1969 году.

Оба были избраны депутатами Верховного Совета в 1962 году, а Петровский входил в Президиум ВС с 1966 года.

2. Характеры и манеры общения.

Насколько я могу судить, И.Г. Петровский был по природе своей мягким человеком и не стеснялся этого. Вот один эпизод.

В 1953 году, сразу после увольнения с военной службы, я пришел на прием к Петровскому (уже в новое здание МГУ на Ленинских горах). Никаких пропусков в

университет тогда не требовалось, в том числе и на тот этаж, где помещался ректорат. И.Г. знал обо мне от моего учителя И.М. Гельфанда. Подождав некоторое время в приемной, я был впущен в кабинет ректора. Когда я вошел, Петровский встал, вышел из-за стола, поздоровался со мной за руку, предложил сесть и спросил, как мои дела. Узнав, что я еще нигде не работаю, он сказал, чтобы я устраивался (не важно куда) и добавил, что он даст мне знать о возможности защиты диссертации на мехмате через Гельфанда¹.

Мягкий характер ректора был известен, и С.Э. Шноль рассказал мне следующую анекдотическую историю. Однажды в кабинет Петровского зашли два человека в рабочих спецовках, извинились и сказали, что ковры нужно отдать в чистку. Со слов С.Э. Петровский реагировал примерно так. Он сказал: хорошо, голубчики, конечно. Затем он помог им скатать ковры в два очень тяжелых свертка и проводил до выхода из кабинета. Спустя некоторое время к ректору зашел кто-то из хозяйственных руководителей (может быть, проректор) и с удивлением воскликнул: Иван Георгиевич, а что это у Вас все голо, где же ковры? И.Г. ответил «Ну, вы же присылали рабочих, чтобы отдать ковры в чистку». На что последовал ответ, что никого он не присылал. С.Э. утверждает, что ковры исчезли бесследно!

М.В. Келдыш был жестким руководителем. Возможно, что эта жесткость не была врожденной, а явилась следствием необычайно ответственной работы.

Одновременно он был руководителем нескольких учреждений, а в освещениях, которые он устраивал в Институте Прикладной математики (и, конечно, в других местах), участвовали штатские и военные в высоких чинах.

Вот эпизод, который мне рассказывал А.М. Молчанов. М.В. Келдыш курил, и делал это во время некоторых заседаний тоже². Сидя в первом ряду, он, не

¹ Защита эта состоялась летом 1955 года.

² Не помню ни разу, чтобы Келдыш курил во время «больших» семинаров в ИПМ, происходивших в конференц-зале института. Но на «узких» семинарах у него в кабинете это бывало часто.

оборачиваясь, протягивал назад руку с папиросой, рассчитывая, что кто-то подбежит и подожжет ее.

Помимо семинаров и изредка (раз в год) «Производственных совещаний» было, кажется, всего два или три случая, когда я встречался с Келдышем лично.

В 1956 году я по инициативе А.М. Молчанова был принят на работу в Отделение прикладной математики Математического института АН СССР.

Фактически это был отдельный институт, организованный (и возглавленный) М.В. Келдышем³. Вскоре после моего появления в ОПМ, я получил первое служебное поручение, но не от заведующего отделом К.И. Бабенко, а в некоем смысле от М.В. Келдыша. Дело было так. Замечательный физик Д.А. Франк-Каменецкий, был, видимо, хорошо знаком Келдышу по закрытой тематике. Когда Д.А. получил возможность заняться «чистой наукой», он обратился к Келдышу с вопросом, не может ли кто-то из ОПМ помочь ему.

Я был вызван в кабинет Келдыша, где, кажется, уже был Франк-Каменецкий, и М.В. сказал примерно следующее: вот у нас новый сотрудник, специалист по уравнениям с частными производными, объясните ему проблему⁴. Келдыш не предложил нам сесть, и весь разговор был очень коротким.

Вторая короткая встреча произошла летом 1966 (?) года. А.М. Молчанов написал заметку (кажется, про «Резонансную структуру Солнечной системы»). Он оставил заметку секретарше Келдыша с просьбой, чтобы М.В. представил ее в «Доклады Академии Наук СССР». А сам уехал в отпуск, поручив мне забрать заметку, когда Келдыш ее посмотрит.

³ Спустя много лет, в 1966 году, он был официально назван Институтом Прикладной математики и появилась вывеска. Ныне Институт носит имя Келдыша.

⁴ Проблема была такая. Есть звезды (цефеиды), периодически меняющие свою светимость. Гипотеза Д.А. была проста: они колеблются (меняя свой радиус и площадь поверхности), потому что у этих звезд стационарное состояние неустойчиво.

3. Петровский и Келдыш как руководители

И.Г. Петровский был общественно активен с юности. Об этом замечательно рассказал А.Н. Колмогоров в статье, опубликованной в журнале «Успехи математических наук» в 1974 году. (УМН, 1974, том 29, вып. 2)⁵. В 1940 году он был избран деканом мехмата МГУ. В 1949-1951 годах он был академиком-секретарем (т. е. главой) физико-математического Отделения Академии Наук СССР. С этой должности он и перешел на должность ректора МГУ⁶.

Мягкий характер И.Г. Петровского не мешал ему быть замечательным ректором Московского университета. По его инициативе рядом с главным высотным зданием МГУ, построенном в 1949-1953 годах, вырос ряд новых корпусов, были созданы на разных факультетах много новых кафедр (и были приглашены соответствующие руководители).

Были, конечно, случаи, когда нечто делалось в Университете вопреки Петровскому. Насколько я знаю, именно так был создан А.Н. Тихоновым факультет ВМК (вычислительной математики и кибернетики).

Иван Георгиевич умел пользоваться своим высоким положением для пользы дела и для помощи отдельным (очень многим) людям. Следующий эпизод относится ко времени, когда он был уже членом Президиума Верховного Совета. Одного из близких сотрудников С.Э. Шноля, непрерывность работы которого была важна, собирались призвать на военную службу. С.Э. пошел к Петровскому и попросил вмешаться. На столе у Петровского стояли специальные телефоны правительственной связи. Он снял трубку и попросил Родиона Яковлевича. [А это был министр обороны маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский!] На том конце ответили, что его нет. Тогда Иван Георгиевич назвал по имени-отчеству генерала (возможно, заместителя министра), который ведал кадрами. Тот оказался на месте, и

⁵ Перепечатано в книге: И.Г. Петровский. Избранные труды. Системы уравнений с частными производными. Алгебраическая геометрия. Москва, «Наука», 1986.

⁶ Поэтому его назначение ректором МГУ не является столь уж неожиданным. См. пункт 1 выше.

И.Г. ему сказал примерно так: «Что же это вы забираете у нас человека, ведущего важные исследования». Генерал спросил, через какой военкомат человек призывается, и вопрос был решен – ученого оставили работать.

Насколько я знаю, первая (и притом длительная!) поездка Владимира Арнольда во Францию стала возможна лишь благодаря усилиям И.Г. Петровского, предпринятых по просьбе А.Н. Колмогорова.

А вот эпизод, который, кажется, хорошо известен (но прямые свидетели которого мне не известны). Ректору принесли на подпись приказ об отчислении двух студентов, устроивших пьянку в студенческом общежитии. Иван Георгиевич поинтересовался, сколько же эти двое выпили. Ему сказали, что бутылку (возможно, вина, а не водки). Как, сказал Петровский, целую бутылку вдвоем! Так они просто больные, их нужно лечить, а не исключать!

И не подписал приказ.

М.В. Келдыш внешним демократизмом отнюдь не отличался. Ему пришлось заниматься проблемами, где по обстоятельствам были жесткие сроки, и некий аналог военной дисциплины был необходим. Про его работу в роли Президента Академии наук, в атомном проекте и в других областях чрезвычайно много интересного можно прочесть в книге «М.В. Келдыш. Творческий портрет по воспоминаниям современников» (М.»Наука», 2001). В ней более 60 авторов (из которых я встречался примерно с 20). Так что я ограничусь двумя штрихами – одним личным воспоминанием и одним рассказом С.Э. Шноля.

В 1963 году отмечалось 10-летие Отделения прикладной математики.

Институт был закрытый, и мы собирались в некоем месте, где тоже не было вывески. Наверное, был какой-то доклад, не помню; не помню также, было ли какое-то застолье. Но вот в конце были танцы, М.В. Келдыш в них успешно (и, видимо, с удовольствием) участвовал. Помню, что на этом собрании некий официальный фотограф много снимал со вспышкой. Кажется, эти снимки так и не удалось найти (и сохранить в кабинете-музее М.В. Келдыша).

Будучи Президентом Академии Наук, Келдыш интересовался разными научными направлениям и отдельными вопросами⁷.

Летом 1964 года Келдыш посетил Пущино, встречался с С.Э. Шнолем и тот ему нечто рассказывал о колебаниях в химических системах. В декабре 1964 М.В. пригласил С.Э. с сотрудниками к себе, но не в Президиум, а в ОПМ, в свой директорский кабинет. Приехали несколько человек, включая А.М. Жаботинского, пришел А.М. Молчанов. Келдышу показали «синус в стакане» – реакцию Белоусова. Он внимательно смотрел, а потом заметил бегущие волны и сердито сказал «Вы от меня скрываете самое главное»⁸.

Когда научная часть визита завершилась, Келдыш вежливо спросил у С.Э. Шноля, как там дела в Пущино. На что С.Э. ему ответил: «Вы делаете ошибку, переводя хорошо работающий Институт биофизики из Москвы в Пущино. Нужно создавать там новый институт». Келдыш повысил голос и резко сказал: «Почему **Вы** мне это говорите? Немедленно поезжайте к Франку (Г.М. Франк – директор Института биофизики в Москве). Завтра будет заседание Президиума, пусть он там выступит». С.Э. позвонил Франку, сказал, что он только что был у Келдыша и сейчас приедет в ИБФ. Поймав такси, он скоро был в кабинете Франка, где его уже ждали. Точка зрения С.Э. и реакция Келдыша были пересказаны, заседание Президиума АН на следующий день состоялось, но Г.М. Франк на нем не выступил.

Могло ли его выступление что-то изменить, не ясно (мнения здесь расходятся).

4. Петровский и Келдыш как ученые.

Из сказанного выше кажется ясным, что нельзя оценивать этих двух ученых традиционно – по их

⁷ В упомянутой выше книге есть статья А.С. Спирина о создании в Пущино Института белка, организованного по прямой инициативе и при поддержке М.В. Келдыша.

⁸ Волны наблюдал и сам Б.П. Белоусов. Не знаю, сказано ли об этом в его единственной публикации. Но она перепечатана в одной из современных книг, и проверить это нетрудно.

опубликованным научным трудам. А если пытаться это сделать, то легко уйти от беспристрастной оценки. Я все же выскажу свое мнение, понимая его субъективность.

И.Г. Петровский отнюдь не был вундеркиндом и поступил в Московский университет в 1922 году (в возрасте 21 года)⁹. Он «нормально» проучился 5 лет студентом и 3 года аспирантом.

Иван Георгиевич не обладал «быстрым умом» – талантом быстро схватывать сказанное. Он сам про себя говорил, что его стихия – трудные задачи.

Его работы по уравнениям с частными производными сделали его математиком мирового класса.

⁹ Впрочем, это было второе поступление. Первый раз он поступал в 1917 году на естественное отделение физико-математического факультета, но учиться тогда ему не пришлось по житейским обстоятельствам. В 1922 он вернулся в Москву и перевелся на математическое отделение.

Андрей Пелипенко

Между природой и культурой

Главы из новой книги

Глава 3

Психосфера

3.1. Общие замечания

Тема соотношения мира квантового зазеркалья и мира эмпирического, о котором уже шла речь в гл. 1 и, в особенности тема эволюционного сопряжения биосистемы и культуры, требует более подробного разговора. Во всех без исключения культурных традициях существует огромный смысловой комплекс, связанный с проблемой промежуточного звена, «соединительной ткани» между миром эмпирическим и тем, который обычно называют *иным, запредельным, трансцендентным, тонким¹, потусторонним, сверхъестественным* и т.п., т. е. миром, не доступным обычному восприятию. В нашей системе определений он понимается как «параллельный» физическому миру континуум имплицитно-потенциального бытия, концепция которого в широком смысле согласуется с современными квантовыми и космологическими теориями. Образ этого континуума можно - в нестрогом понимании, - соотнести с боровским понятием *имплицитного* «свёрнутого» *порядка* (см. гл. 1). Поэтому здесь и далее этот мир будет называться **имплицитным**, а понятия

¹ Термин *тонкий мир, тонкие энергии* и проч. употребляются чаще всего в контекстах, принятых считать паранаучными. Однако ещё в конце позапрошлого века теоретическая физика ввела этот термин в оборот применительно к таким субстанциям как излучение и эфир, и противопоставляя «грубой» вещественной материи.

когерентный, квантовый, нелокальный выступают как синонимические (если нет других толкований).

Сразу оговорюсь, что речь не идёт о строгом соответствии наших интерпретаций бомовской теории, либо какой-то иной релевантной ей точки зрения, будь то теория голографической Вселенной, теория множественности миров или упомянутая в гл. 1 теория *бутстрапа* Дж. Чу. Эти и некоторые другие близкие им концепции используются лишь как самый общий естественнонаучный фундамент, на основе которого, уже без всякой оглядки на гуманитарные фантазии «технарей», будут выстраиваться ключевые положения вполне самостоятельной культурологической теории.

Одним из камней этого фундамента выступает складывающаяся в современной квантовой космологии теория «скалярного поля», которая объясняет феномен «тёмной энергии», охватывающей более 70 % (по другим источникам – от 50% до 90%) энергии и массы Вселенной, и возможную природу физического вакуума.

Скалярное поле – есть чистое «воплощение» трансцендентного, не имеющее никаких эмпирических проявлений, но в силу своей нелокальности, присутствующее везде и во всём в качестве *абсолютной потенциальности*, пустоты, содержащей бесконечную энергию и бесконечный потенциал осуществлений. Теория скалярного поля коррелирует с представлениями о трансцендентном ещё и в том отношении, что объясняет «мгновенное» распространение влияния (феномен нелокальности в КМ) распространением возмущения скалярного поля. Само возникновение Вселенной в этой системе представлений объясняется «мгновенным» распространением возмущения скалярного поля, вызванного квантовой флуктуацией. Будучи неизмеримо усилена условно бесконечной энергией скалярного поля, эта флуктуация и привела к Большому Взрыву².

Здесь нужна ещё одна оговорка. Введение понятия имплицативного мира (ИМ) чрезвычайно важно для данного исследования. Однако мне не хотелось бы смещать центр

² С популярным изложением этой теории можно ознакомиться, обратившись к соответствующей литературе. См. напр. *Фейгин О.* Великая квантовая революция. М. ЭКСМО. 2009. См. также ссылку 45 к гл1.

проблемы в сторону ожидаемых и надоевших споров о том, **существует ли это мир вообще** или нет. Для меня доказательством его существования являются не только теоретические выкладки и экспериментальные данные КМ, но также и **весь опыт мировой культуры, нацеленный на постижение этого самого мира**. Для рафинированного в своём скептицизме и гиперкритицизме современного научно-философского сознания, после Геделя, Поппера и Куна **нет в принципе никаких достоверных доказательств существования чего-либо**, а достижение аподиктического знания мерцает романтической мечтой, ценимой исключительно за её недостижимость. Поэтому я принципиально не настаиваю на валидности своих аргументов в вопросе об *онтологии* ИМ. Верификация его невозможна для даже расширенного и модифицированного инструментария нетрадиционных логик (fuzzy logic и др.), ибо ИМ недостижим для адекватного дискурсивного постижения в принципе. В сетку дискурсивных определений можно вписать разве что его косвенные проявления и проекции в мир эмпирический.

Впрочем, ограниченность бивалентной логики очевидна ещё на «дальних подступах» к образам ИМ – в анализе мифологической когнитивности и её поливалентной логики³. В мифообразовании (как и в детском мышлении) мы наблюдаем изначальную неиерархизованную рядоположенность разных типов связи: по функции, по смежности, по общности признака, по контексту соположения, по отношению *часть – целое* и др. Причинно-следственная связь в общепринятом рациональном понимании изначально занимает не более чем равноправное место в общем ряду. И лишь пошаговая (как в онтогенетическом, так и в историко-филогенетическом ряду) активизация и развитие левополушарной сукцессивности постепенно выводит каузальность на вершину иерархии осмысляемых типов связи между вещами. Правда, победа каузальной логики нередко оказывается мнимой.

В этой связи, центр внимания акцентируется не на онтологическом аспекте ИМ, а на объяснительных возможностях его концепта. Т.е. независимо от того,

³ *Hornung E. Der Eine und die Vielen.* Darmstadt. 1971. P. 235 и далее.

представляет ли он собой величину *онтологическую*, его концепт, на мой взгляд, безусловно, эвристичен; полагание его даже как умозрительной конструкции позволяет достроить недостающий блок в объяснительных моделях культуры, которые без этого страдают неполнотой и пустотами. Представляя ИМ даже просто как набор эпистем, мы получаем возможность достичь существенно большего уровня глубины в понимании генезиса и жизни культурных систем, как в их структурном, так и в историко-эволюционном аспекте. Не говоря уже о том, что появляется шанс более полно постичь природу культурного сознания и приблизиться к разгадке устройства человеческой ментальности. Если же полагание ИМ как онтологической данности всё же коробит ранимые души релятивистов, механистических физикалистов, картезианских рационалистов, феноменологов, постмодернистов, агностиков, солипсистов, материалистов-марксистов, позитивистов с приставкой «нео» и без таковой и прочая, то довожу до их сведения: Я НЕ НАСТАИВАЮ на таком полагании, и в спор на эту тему не ввязываюсь.

Сфера, о которой идёт речь, представляет собой особенный, «протеистический» срез реальности, фиксируемый научными методами лишь в частных и отдельных своих проявлениях и только в оптике опосредованного осмысления специализированными формами рационалистического сознания. Учитывая заведомую узость фильтров этого сознания, могу утверждать, что большая часть проявлений означенной сферы ускользает от рефлексии: как научной, так и обыденной. При этом различного рода инструменты, повышающие «разрешающую способность» неизбежно оказываются искажающими призмами, через которые просматриваются не столько реалии «того мира» как таковые, сколько привнесённые в них коррективы «отсюда». По-видимому, именно этим вызвано болезненное отторжение данной темы респектабельной академической наукой. Дело не только в том, что в зонах межсистемного сопряжения эволюция наиболее наглядно открывает свои глубинные механизмы и потому тщательно скрывает их от

человеческого постижения. Тайна ИМ сама по себе несравненно масштабнее и экзистенциально важнее для человека, чем даже проблемы переходности. А поскольку амбициозный МР с его логикой, оперирующей дискретными единицами анализа, неспособен здесь к адекватной рефлексии, то, не желая признавать своего бессилия, он просто отворачивается от проблемы, объявляя её несуществующей. Касается это, к сожалению, прежде всего, наук о культуре. Вообще, раньше подобные проблемы ставились в русле концепции *ноосферы*⁴. Но «ноосферный бум» прошёл, а проблемы остались. Нужны новые парадигмы.

Итак, о какой же «буферной зоне» идёт речь? *В контексте постановки двойной задачи: построения гипотезы взаимоотношений имплекативного и эмпирического миров вообще и выявления характера их соотношения в зоне сопряжения биосистемы и культуры в частности, с необходимостью вводится понятие ПСИХОСФЕРЫ.* Ощущение эвристичности этого понятия носится в воздухе, но его употребление, на сегодняшний день, весьма произвольно и контекстуально⁵, и потому стремление придать ему статус научного термина представляется вполне обоснованным.

⁴ Среди ближайших коррелятов можно вспомнить и пневмосферу П.А. Флоренского: гипотезу которую он предложил в одном из своих писем В.И. Вернадскому.

⁵ Так, в русле попыток системной иерархизации всех паранормальных явлений говорят о трёхступенной психосфере, погружение в которую, достигается с помощью особых психотехник. См. напр. *Meck G. W. healing and the healing process. Madras. 1977* и др. В оккультных, паранаучных и т.н. эзотерических сочинениях понятие психосферы встречается нередко и трактуется весьма широко и расплывчато. При этом наблюдается тенденция к проникновению этого понятия и в собственно научный обиход. Так, в частности, психосфера трактуется как «неразрывное единство психики совокупного человечества и окружающей энергоинформационной среды в их постоянном взаимопроникновении, взаимодействии и развитии» (А.Ю. Арапов. и А.Г. Ли.).

Как целое, психосфера нелокальна и имманентна Вселенной в каждом относительно дискретном её локусе. Её можно представить как «срединный», промежуточный мир между имплицативным и эмпирическим мирами. Нас будет интересовать, главным образом, проявления психосферы в секторе сопряжения Культуры с эволюционно предшествовавшей ей «пирамидой систем», и, прежде всего, с её материнским лоном – биосистемой. Проявления психосферы за пределами этой области не даны человеку в непосредственном (даже бессознательном) восприятии и могут быть умозрительно смоделированы лишь на основе косвенных наблюдений и спекулятивных построений. Таковые, возможно, могут представлять некоторый интерес для философа. Для культуролога – вряд ли.

Если прямо задать вопрос: ЧТО такое психосфера, то ответить на него столь же прямо и кратко не удастся. Дело в том, что феномен психосферы восходит к столь глубинным и фундаментальным для человека уровням реальности, что любые её определения оказываются неполными и фрагментарными. С учетом её некоторых характеристик, можно сказать, что психосфера – это и образ некоего пространства, и области проявления особого рода явлений, и даже в нестрогом смысле, поля. Под другим углом зрения, психосфера – канал связи, устройство фильтрации и преобразования кросс-системных ритмов, сигналов, импульсов Вселенной в воспринимаемые человеком формы. Или, иными словами, мембрана, преобразующий контур, конвертирующий интенциональные импульсы как эмпирического, так и имплицативного миров на «водоразделе»: психика – сознание.

В большинстве наблюдаемых человеком проявлений психосфера выступает связующим звеном между биосистемой и Культурой и, будучи причастной к ним обеим, обеспечивает эпигенетическую преемственность макроэволюционного процесса. При этом, как уже отмечалось в предыдущей главе, усложнение когнитивных режимов и семиотических систем культуры последовательно перекрывает каналы прямого психосенсорного восприятия реальности, заменяя последнее

всё более сложными и многоуровневыми знаково-символическими опосредованиями. Это положение само по себе чрезвычайно важно, и к вытекающим из него выводам я еще не раз буду обращаться. Погружённость в широко понимаемую дискурсивность приводит к ослаблению каналов прямого восприятия и переживания психосферных явлений, за которыми кроются восходящие к ВЭС кросс-системные связи. Связи эти не просто «объект», положенный рационально мыслящему рассудку наподобие дискретной вещи или явления. Это область реальности, которая самим своим существованием отрицает рационалистический дискурс с его каузальными зависимостями и построенными на этой основе логическими процедурами. Вот почему рациональная наука интуитивно избегает притрагиваться к этому «кощееву яйцу».

Итак, «человеческий» локус психосферы возникает для-культуры и исключительно благодаря появлению человеческого сознания. Именно оно способно воздействовать на особый спектр квантовых процессов и осуществлять тем самым продуктивную медиацию между имплицативным и эмпирическим мирами.

Обнаружение психосферы в зоне сопряжения биосистемы и Культуры являет лишь частный случай глобального медиационного процесса, протекающего на всех онтологических уровнях и во всех системах. Мы же имеем дело лишь с тем «локусом» психосферы, который выявляет ВЭС в модальности, доступной человеческому восприятию. Модальность эта определяется тем, что материнской системой для культуры выступает биосистема, и любые воздействия, исходящие от «нижних» ступеней системно-эволюционной пирамиды обнаруживают себя, лишь будучи пропущены сквозь фильтры биоструктур. Однако нелокальность когерентных связей в том и состоит, что они не знают системных перегородок и пронизывают материал системных образований, лишь преобразуясь (конвертируясь) в нём, меняя формы и модальности. Это значит, что психосферные явления имеют свою основу не в биосистеме как таковой, а всего лишь ею опосредуются. Проходя через смыслообразующий контур человеческой

ментальности (см. гл. 4), они приобретают дополнительный уровень опосредования. Как на предыдущем эволюционном витке, всеобщая интенциональная связь, преобразовывалась, проходя через «фильтр» нервной системы живого организма, так и в ходе следующего вертикального эволюционного перехода – антропогенеза – она прошла через ещё одно преобразующее «устройство» – становящуюся человеческую ментальность и сохранила при этом свою субстанциональную основу. Это утверждение, однако, по понятным причинам в принципе невозможно обосновать и доказать логически.

От опосредующих фильтров не свободно ни психосенсорное восприятие, ни акты культурного сознания. Однако, прямое восприятие психосферных явлений в обход сознания принципиально возможно, но для оформления полученного в результате такого восприятия опыта (достигаемого, как правило, на путях ИСС) без культурных кодов и, следовательно, участия сознания, не обойтись. Желанное для всех без исключения эпох прямое восприятие, дающее, соответственно и прямое знание-переживание о всех уровнях реальности в обход культурного сознания с его фильтрующими и отчуждающими опосредованиями, остаётся своего рода «чёрным ходом», «атавизмом», который Культура старательно преодолевает, но никогда не может преодолеть до конца. Не случайно, взлёты спиритуализма и прорывы к прямому интуитивно-холистическому мировосприятию происходят, как правило, в переходные и кризисные эпохи, когда нормативность традиционных кодификаций ослабевает, и культурное сознание частично освобождается от диктатуры знака.

Впрочем, полностью перекрыть каналы «подглядывания» в ИМ через психосферу культуре никогда не удастся. Но она стремится взять под максимальный контроль, получаемый в результате таких включений опыт, втиснуть и упаковать его в легитимные знаковые формы, которые «оттягивают» на себя энергию прямого экзистенциального переживания. В ходе этого опосредования левополушарные в своей нейрофизиологической основе когнитивные практики

подменяют, в конце концов, прямое довербально-интуитивное знание вторично сконструированным семиотическим эквивалентом-суррогатом. Он постепенно выходит на главенствующую позицию, становится и способом, и самым содержанием самоопределения человеческой идентичности: как коллективной, так и индивидуальной. Причём, почти полная победа такой схемы осуществилась в истории лишь один раз и в одном месте: в культуре европейского Модерна и на его периферии.

Вообще, мысль о том, что Западная цивилизация с присущим ей сциентистским рационализмом демонстрирует триумф левополушарной когнитивности, достаточно тривиальна. Ещё Р. Орнстайн в книге «Психология сознания» связывал левополушарную когнитивность с культурой рационалистического и технологического Запада, тогда как когнитивность правополушарную – с интуитивностью, мистикой и спиритуализмом Востока⁶.

Во всех иных культурах психосферные явления, отвергаемые европейской рационалистической наукой, понимаются как естественная и неоспоримая часть бытия, тогда как для европейского интеллекта этот суррогат – единственная форма достижения достоверного знания⁷.

⁶ Otstein R. The psychology of Consciousness. San-Francisco, 1972. См. также Idem. The psychology of Consciousness. New York, 1977; Idem. The split and whole brain // Human Nature. 1978. № 1; Beaumont J. G., Young A. W., McManus J. Y. Hemisphericity: A critical review // Cognit. Neuropsychology. 1984. V. 2; Galluscio E.H., Kuechner R. V., Van Buskirk A. W. Multiple resources and brain laterality // Percept, and Mot. Skills. 1984. V. 59. № 3.

⁷ О приоритете аналитико-рационалистических процедур мышления и «панвербализме» в западной науке и образовании в ущерб интуитивно-невербальным возможностям мышления см. Bogen J. E. The other side of the brain. VII: Some educational aspects of hemispheric specialization // UCLA. Educator, 1975. V. 17. P. 24-32; Prince G. Putting the other half of the brain to work training // The magazine of human resources development. 1978. V. 15. P. 57-61; Галин А.Л. Стабильная установка на логическое мышление и успешность учебной деятельности // Экспериментальные и теоретические проблемы психологии обучения. Новосибирск, 1979. С. 29-44; Brunbeck R. F., Staton R.D. A hypothesis regarding the commonality of righthemisphere involvement in learning disability,

Человек и Культура самоопределяются и коэволюционируют в процессе **медиации** имплицитного и эмпирического миров через взаимопричастность к психосфере. Но психосфера существует не сама по себе, как изначально пустое и чем-либо затем наполняемое пространство. Она структурируется и обретает себя за счёт разворачивания ментальных и культурных практик человека. При этом вопрос о первичности и вторичности неуместен: было бы странно, если бы здесь работали простые причинно-следственные зависимости. Иными словами, та модальность психосферы, которая способна восприниматься человеком, вызывается к актуальному бытию только посредством человеческой же ментальной активности. В этом – один из аспектов участия человеческого сознания, или, точнее, ментальности в формировании окружающего мира.

Психосфера не имеет и не может иметь ясно очерченных границ. Психизм как проявление интенциональных воздействий на основе ВЭС присущ (и это не мистика!) всем структурам Вселенной, включая неорганические образования, живые организмы и отдельные группы клеток. Проявления психизма наблюдают также и в «поведении» групп атомов и квантовых объектов, что иногда спешат объявить проявлениями субъектности. Всё это тоже имеет отношение к психосфере, хотя с человеческой позиции, может показаться лишь её преддверием; ведь только в человеческом мире, мире культуры достигается степень автономности и отпадения структур от всеобщей связи, которая требует качественно иного уровня и характера медиации. *Эволюционная перестройка природного психизма на такую медиацию и порождает психосферу в её собственно человеческом*

attentional disorder and child hood major depressive disorder // Percept, and Mot. Skills. 1982. V. 55. № 3. P. 1091-1097; Stracham DW., Toepfer C.F. The impact of brain research on the education profession agents of change // J. Children Content. Sec. 1983. V. 16. № 1-2. P. 219-233; Pappas C.C. The relationship between language development and brain development//.Children Content. Sec. 1983. V. 16. № 1-2. P. 133-169 и др.

измерении и в границах, охватываемых человеческим восприятием.

Психосферные явления – это, прежде всего проявления не дискретных феноменов, а стоящих за ними интенций, ибо интенциональность – ключ к пониманию не только межсистемной, но и полимодальной связи всего сущего (см. гл. 1). Под последней понимается весь спектр медиационных связей и отношений между ИМ и миром актуализованного (эмпирического) и потому «распластанного» в пространственно-временном континууме бытия. Особенно важно, что психосфера представляет собой не какой-то отдельный вид ВЭС, а именно модальность связи всеобщей, холономной, берущей начало, по меньшей мере, с квантового уровня и охватывающей все уровни реальности. Границы же этой модальности, как уже говорилось, определяются возможностями восприятия человека. Каковы они в усредненном психосенсорном режиме и насколько они способны расширяться – вопрос отдельный.

Для построения гипотезы психосферы необходимо иметь смелость отказаться от изначального согласования её базовых предпосылок с имеющимися научными парадигмами (хочется сказать, предрассудками), и принять за основу сумму её прямых и косвенных проявлений, которые общепринятые научные теории не объясняют. Причём, проявления эти не относятся исключительно к сфере психического в узком его понимании. Они имеют отношение ко всем аспектам человеческого бытия. Психика – лишь принимающее и перерабатывающее (кодировующее и декодирующее) устройство, чувствилище, способное в том или ином диапазоне воспринимать, переживать и фиксировать проявления психосферы⁸, хотя активность психики, разумеется, к этому не сводится. Поэтому

⁸ О человеческом мозге как о принимающем устройстве см. *Pribram K. The Holographic Hypothesis of brain Functioning* // S. Grof (ed). *Ancient Wisdom Science*, State University of New York Press, 1984. P. 178; *Pribram K Behaviorism, Phenomenology and Holism* // *The Metaphors of Consciousness* / Td. P.S. Valle, R. von Eckartsberg. Plenum Press. 1981. P. 148.

проявления эти рассматриваются здесь, прежде всего, не в психическом или психологическом аспекте, а в измерении теоретико-культурном.

Что же понимается под психосферными явлениями, и какое они имеют теоретико-культурное значение? Нижеследующие соображения вовсе не преследуют цель в очередной раз затеять спор с академической наукой по поводу существования/несуществования определённого класса явлений или, более того, оправдать какие-либо паранаучные спекуляции. Но без учёта этих явлений картина культурной реальности предстаёт ущербной, а научно познавательные парадигмы, запретившие себе рассматривать их как нечто действительно существующее, вынуждены, как водится, довольствоваться подгонками и натяжками.

Когда речь заходит о магических, мифологических, религиозно-символических и подобных сферах, разговор, как правило, сводится к обсуждению «представлений» и уходит от сакраментального вопроса об их онтологических основаниях. При этом сами эти «представления» чаще всего рассматриваются как нечто надстроечное, необязательное, добавленное к «базовым стратегиям жизнеобеспечения», которые в своей рационально-утилитарно-социально-технологической самодостаточности высются над всяческими «фантастическими измышлениями о сверхъестественном». И даже авторы специальных работ по этнографии, религиоведению и фольклористике, как правило, склонны «объяснять» этот колоссальный по своему объёму и значению класс явлений иррационализмом вненаучных форм сознания, слепой верой, вымыслом и т. п., отдавая его на откуп мистике и паранауке.

Я, разумеется, немного утрирую: внимание к «внерациональным» формам перцепции неуклонно растёт⁹.

⁹ См. Джан Р.Т. Нестареющий парадокс психофизических явлений/ ТИИЭР. – М., 1982. Т. 70. № 3. С. 63-104; Хаймен П. Парасихология: Критико-методологический обзор/ ТИИЭР. – М., 1986. Т. 74. № 6. С. 58-93; Mansel C.E. EPS: Scientific evaluation. N.Y. 1989.

Так, к примеру, в лабораториях Принстонского, Кембриджского и др. университетов собран внушительный экспериментальный материал, доказывающий, что человек способен воспринимать информацию, недоступную для существующих на сегодняшний день приборов и, что не менее важно, «внерациональным» образом воздействовать на протекание различного рода естественных процессов. Приведу лишь два из множества примеров. В ходе проводимых с 1992 по 1995 гг. экспериментов было установлено, что человеческие чувства как проявление психической интенциональности способны изменять форму помещённой в пробирку молекулы ДНК¹⁰, в частности, заставлять её то закручиваться, то раскручиваться¹¹. По данным Института математики сердца (США)¹², вокруг человеческого сердца концентрируется энергетическое поле в форме тора диаметром от полутора до двух с половиной метров. А способность воды и других жидких веществ (не жидких веществ, впрочем, тоже) нести информационные коды, не выводимые, так сказать, из их физической субстанции, стали уже притчей во языцех¹³. Открытия здесь заключаются не только в расширении представлений о физической природе вещей, но в изменении представлений о прямых перцептивных возможностях человека, не опосредованных научным инструментарием.

Междисциплинарный подход к проблемам такого рода реализуется в исследованиях многочисленных международных научных обществ: Планетарной ассоциации тонкой энергии, Ассоциации по изучению новых границ сознания, Общества по исследованию сознания и др. И это только одна из ветвей исследований «внерационального»: не менее богатый материал

¹⁰ Rein G. Effect of Conscious Intention on Human DNA. Proceedings of the International Forum of New Science (Denver. CO: 1996); Rein G, Mc Carty R. Structural Changes in Water and DNA Associated with New Physiologically Measurable States. Journal of Scientific Exploration. V. 8. № 3. 1994. P. 438-439.

¹¹ Rein G. Effect of Conscious Intention on Human DNA. Proceeding of the International Forum on New Science. Denver. 1996.

¹² См. www.HeartMath.com/company/index.html.

¹³ Ещё в 70-х гг. в СССР, когда некий «чудак» написал, что означенные свойства воды следует изучать и использовать, то получил через газету с высот академического Олимпа ответ, суть которого свелась к блистательной фразе о том, что «вода ведёт себя не научно».

накапливается в таких областях как этнография, палеопсихология, психологическая антропология, историческая культурологи и др.

Хотя во «внерациональных» сферах теперь не видят на манер XIX в. лишь необязательный «духовно-мистический придаток» цивилизации, но роль и значение их в общекультурном контексте остаются непояснёнными и потому недооценёнными. Так будет продолжаться до тех пор, пока речь будет идти о «представлениях», а не о реалиях. (Казуистическую уловку о том, что никаких реалий нет вообще, а есть только представления, обсуждать не будем. См. гл. 1).

Конечно же, возникает искушение в русле культурологического анализа раскопать корни упорного нежелания академической науки работать с «паранормальным» материалом и нежеланием разбираться в переходных процессах с их неподатливыми межсистемными «прослойками». Ведь дело здесь не только в ограниченности формально-логической гносеологии и эмпиризме как основе доказательности. Займёмся однако куда более неблагоприятным делом: построением гипотез по поводу самой сути вопроса. Сколь безумными ни выглядели бы эти гипотезы с позиций академической науки, строить их необходимо не только из общих соображений: плохая гипотеза лучше отсутствия какого-либо объяснения вообще.

Целый ряд важнейших для наук о культуре вопросов: внесемiotические формы и каналы трансляции культурно-исторического опыта, режимы саморегуляции ментальных и социокультурных систем, причины «эпидемий идей» и прямого (внезнакового) их распространения, проблема пресловутого биополя, природа т.н. паранормальных явлений и многое другое, не говоря уже о важнейшей для данного исследования теме смыслогенеза, требует пусть гипотетической, но ясно сформулированной теоретической позиции.

Нельзя сказать, что всеми этими вопросами вовсе не занимаются. В отдельных областях делаются внушительные

прорывы¹⁴. Но в силу узкой специализации, частным наукам остро не достаёт синтезирующих оснований и потому часто приходится переоткрывать в своих областях то, что уже давно известно в других. И если к неудобным открытиям в отдельных сферах академическое сообщество относится с той или иной мерой снисходительности, то с возможностью их теоретического синтеза оно борется, как в своё время ортодоксальное богословие боролось с ересью. Если заговор молчания вокруг табуированных тем и концепций нарушается, то в ход идёт отлучение от науки и навешивание ярлыков. В ответ, противники узко-дисциплинарных и сциентистко-рационалистических подходов занимают фрондёрски ниспровергательскую позицию, призывая к пересмотру основ даже в области обычной физической реальности¹⁵. Так научная полемика перерастает в идеологическое противостояние. При этом нелёгкая задача построения общей теории «паранормального» в междисциплинарном пространстве осложняется ещё и тем, что и междисциплинарность, и сам характер исследуемого материала, требуют принципиально иных критериев верификации результатов экспериментов, нежели те, что приняты на сегодняшний день в рационалистической науке. Психосферные явления ведут себя явно не так, как объекты классической физики, но подход к ним точно передает ироническая фраза А. Маслоу: «Если у вас есть только молоток, вы подходите ко всему, как если бы это был гвоздь». Задача выработки принципиально иных критериев верификации по существу ещё даже не поставлена, хотя именно с неё должно начинаться разворачивание методологии и парадигматики пострационалистической науки.

В этом смысле заслуживают внимания идеи А. Хокарта о том, что на пути к созданию общей теории экстрасенсорной перцепции (ЭСП) следует опираться на семиотический подход к

¹⁴ Среди примеров продуктивного подхода в поле гуманитарного дискурса можно отметить исследования психических оснований и компонентов религиозного опыта Е.А. Торчинова.

¹⁵ См. напр. *Коган И.М.* Концепция трёх уровней // НТР. М., 1989. № 23. С. 15-24. и др.

косвенным доказательствам, подобно тому, как это делается в криминалистике. Если рационалистическая наука не видит самого явления, то остаётся предъявить ей такие его следы, которые она не сможет игнорировать¹⁶. Кроме того, для верификации результатов при таком подходе потребуются совершенно иная сетка критериев и условий. Ведь последние не являются чем-то абсолютным, а вытекают из парадигматики дискурса. Так, в рационалистической науке не принято учитывать такие факторы как эмоциональное состояние участников эксперимента и место его проведения, ибо пространство понимается как нечто однородное, и другие обстоятельства, сам факт влияния которых на результат эксперимента априорно отвергается. А между тем именно фактор психических настроек играет в этой сфере первостепенную роль.

В качестве одной из многочисленных иллюстраций приведу историю из книги выдающегося востоковеда И.М. Дьяконова. Автор повествует о том, как И.Н. Винников, бывший директор ленинградского Института этнографии, «...поехал на Алтай записывать сказки и легенды у местных жителей. А сказок, как наши, у них не было: были обрядовые тексты, присказки, заклинания при родах, перед охотой, при инициации и т.п. И все они могли исполняться *лишь в определённых условиях – у того же очага, у лесного костра, на заре при утренней звезде, - иначе она теряли свой сокровенный смысл, как лечебное растение, собранное не в положенный день и час.* (Курсив мой – А.П.) И все эти «тексты» содержали магические словесные элементы»¹⁷

Почти всё, что написано в этой главе, можно занести в рубрику «Прибавление», поскольку изложенные ниже гипотезы не могут на сегодняшний день быть верифицированы по критериям, принятым традиционной наукой, что, впрочем, не свидетельствует об их антинаучности.

Обратимся к комплексу проявлений межсистемной медиации, для прояснения природы которой вводится концепт психосферы. Вот этот комплекс:

– **экстрасенсорная перцепция (ЭСП)** (феномены восприятия);

¹⁶ Hocart A.M. The Lifegiving myth and other essays. London. 1970.

¹⁷ Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., URSS. 2008. С. 18.

– **психокенез** (феномены дистанционного физического воздействия);

– **феномен психофизического дуализма** – **субстанциональная несводимость любого отдельно взятого феномена к его эмпирической «оболочке».**

Рассмотрим подробно составляющие комплекса межсистемной медиации.

- **Феномен психофизического дуализма**

Наиболее значимым проявлением этого дуализма в Культуре (разумеется, с определённого исторического времени) выступает проблема *души*.

Употребление этого понятия в данном контексте следует пояснить. Обращаясь к проблеме души, мы сталкиваемся не только с проблемой «ненаучности» самого этого термина; здесь можно было бы найти понимание хотя бы у философов и психоаналитиков. Более трудная проблема заключается в том, что общепринятые представления о душе в научном и околonaучном гуманитарном дискурсе почти всегда видятся в оптике традиционного для европейского интеллекта религиозно-философского дуализма души и тела. Начатая орфиками, эта тема достигла апогея в христианской антропологии и затем явила себя в разнообразных философских дуализмах: материализма и идеализма, бихевиоризма и ментализма и т.д. Можно, разумеется, язвительно критиковать дуалистическую картину мира как очередной научно-философский миф¹⁸, не задаваясь вопросом об объективных основаниях, на которых он зиждется. Можно уличать дуалистические методологии в механистичности, но нельзя под предлогом борьбы с ней отменить сам принцип дуализма или умалить его универсальность. Так, необходимость осмысления множественности «душ» у первобытного человека, разумеется, не укладывается в христианско-картезианские модели, но при этом, отнюдь не отменяет сам дуалистический принцип описания. В этом смысле христианский и картезианский дуализм души и тела – это всего лишь развитие и доведение до логического конца тех форм психофизического дуализма, который явственно проявлялся ещё в первобытности. Есть все основания допустить, что здесь мы имеем дело не только с развитием представлений о действительном и метафизически неизменном положении вещей, но и наблюдаем процесс реальных эволюционных изменений в области психических конституций человека. То, что термин «душа», как и термин «анимизм», неадекватен для описания первобытной культуры, было ясно ещё во времена Леви-Брюля и Мосса. Но более подходящего термина с тех пор так и не найдено. И «жизненная сила», и «энергия», и «сакральность», и «витальность» и другие термины, не охватывают всей полноты содержания феномена, особенно с учётом его исторического и, в чём я твёрдо убеждён,

¹⁸ См. напр. *Райл Г.* Понятие сознания. М., 2000.

психофизического изменения. Иными словами, как архаические представления о психических «эквивалентах» различных аспектов фрагментированного человеческого Я, так и представления о «монолитной» психической субстанции – душе – в монотеизме отражают не просто «представления», а действительное положение дел. Потому, не притязая на терминологическую строгость, я буду использовать вместо термина *душа* термин *психический субстрат*.

● ЭСП включает в себя такие проявления:

– *ясновидение* – перцепция удалённых объектов или явлений без участия каналов обычного чувственного восприятия;

– *телепатия* – считывание мыслей (мыслеформ) и психических образов без участия сенсорных каналов;

– *эффект прямого знания* – универсально распространённый в культуре феномен непосредственной внезнаковой перцепции, проявляемой также и на нелокальном уровне, т. е. в отношении объектов, недоступных эмпирическому восприятию;

– *невербальная суггестия* – в терминах экологической этологии – невербальный гипноз¹⁹;

– *индуцируемые состояния* и «эпидемии идей» – феномен бессознательной массовой или групповой (не говоря уже об индивидуальной) вовлечённости в поле психических воздействий определённого характера (как частный случай – идей определённого содержания) и сверхзависимости от последних вопреки любым рациональным противодействиям в виде осознания своих убеждений, интересов и т. п.

«Эпидемии идей» с их наиболее яркими воплощениями в виде массовых психозов были бы не более чем частным проявлением психосферы, если бы при чуть более пристальном взгляде не становилось очевидно, что глубинная экзистенциальная зависимость человека от тех или иных смысловых комплексов является его универсальной культурно-антропологической и метаисторической характеристикой. Со своей стороны, и психиатрия признаёт, что склонность к индукции – неустранимое антропологическое свойство человека;

– *эйдетизм* – особый режим перцепции, переживания и воспроизведения информации, основанный на

¹⁹ Krebs J.R. Davies N.B. Behavioral Ecology: At evolutionary approach. Oxford. 1986.

«атавистическом» правополушарном «схватывании гештальтов» с предметно-галлюцинаторной остротой и точностью. В этот, обладающий глубоким внутренним родством комплекс феноменов включаются также и различного рода внетелесные переживания, медиумизм, реинкарнационные перцепции²⁰ и разнообразные комбинации и разновидности всех вышеперечисленных проявлений;

– *прекогниция* – предвидение (предсказание) будущего, главным образом, в режимах ИСС – снах, трансовых состояниях и иных формах визионерского опыта;

– *ретрокогниция* – перцепция событий прошлого, недоступных по каналом обычного знания. Как и прекогниция, посткогниция выступает частным проявлением более широкого феномена – эффекта прямого знания.

• Психокинез (телекинез, психоэнергетика) – воздействие сознания (хотя и не в меньшей степени, бессознательной сферы человека) на физическую, биологическую или физиологическую систему. Здесь важно отметить, что явным образом выбивающиеся из обыденных представлений о психических возможностях человека проявления психокинеза – это **не более чем видимая и притом ничтожно малая часть континуума взаимодействий, осуществляемых по каналам психосферной медиации.** Исследование этой сферы уместно было бы начать с микроуровней²¹ и явлений,

²⁰ Помимо известных ЛСД-сеансов С. Грофа здесь можно отметить т.н. эффект Хупкоса, состоящий в психической актуализации следов прежних рождений в состоянии медитативного транса. См. *Hupkas P. I have many lives. Oxford. 1979.*

²¹ Речь идёт о хорошо известном в квантовой механике и упоминавшемся уже эффекте отсутствия у микрообъектов объективных свойств, независимых от аппарата измерения и, что особенно важно, в данном случае, от сознания экспериментатора. С.м. напр. *Севальников А.Ю.* Современные онтологические модели квантовой механики: философский анализ/Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. — М.:

аналогичных приведённому примеру о воздействии человеческих эмоций на молекулу ДНК. Сферой проявления психокенеза²² выступают, прежде всего, магические практики, широко и разнообразно представленные во всех без исключения культурных системах. Кроме того, в современности описываются и исследуются психокинетические эффекты, не имеющие отношения к магическим традициям²³.

Заниматься подробной систематикой и классификацией феноменов ЭСП и психокенеза в данном контексте не имеет смысла; нас интересует не формальные классификации, не рационалистическое объяснение этих феноменов²⁴ в рамках принятых научных парадигм и не отношения этих феноменов друг к другу, а эскизное построение общей для них всех модели теоретической интерпретации. Поэтому установление внутреннего родства

ИФ РАН, 1997. – С. 7. Determinismus, Indeterminismus: Philos. Aspekte phisikalischer Theoriebildung / Hrsg. Von Marx W. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1990. – S. 49.

²² Среди отечественных публикаций на эту тему внимания заслуживают: Дульнев Г.Н. Регистрация явлений психокенеза (телекинеза): оптические, электрические и акустические методы // Сознание и физическая реальность. 1998. Т.3. №1. С. 58-67; Дульнев Г.Н. Регистрация явлений психокенеза (телекинеза) // Сознание и физическая реальность. 1998. Т.3. № 3. – С. 49-57; Дульнев Г.Н. Регистрация явлений телепатии // Сознание и физическая реальность. 1998. Т. 3. № 4. С. 71-76; Любимов И.Н., Силин А.А., Гордеев С.А. Экспериментальное обнаружение экстрасенсорного (телепатического) сигнала // Сознание и физическая реальность. 2001. Т. 6. № 1. С. 62-64; Аблеев С.Р. Практические исследования психической энергии и энергетических центров человека: некоторые результаты программы «Сириус» // Сознание и физическая реальность. - 2001. Т. 6. №2. С. 51-61. и нек. др.

²³ Jo Uphoff W. Mind over Matter. Oregon. 1980; The direct voice mediumship. L. Flint. Oregon. 1985. и др.

²⁴ Этот более всего ожидаемый читателем подход чреват либо апологетикой мистики и фрондёрским отрицанием принципов научности, либо, напротив, «разоблачением чёрной магии».

этих феноменов представляется более важным, чем классификации по внешним проявлениям.

Также за рамками рассмотрения окажутся и разнообразные виды психических расстройств: галлюцинаторно-бредовые синдромы, патологическое фантазирование, парафренные состояния, массовые психозы и другие психопатические патологии, границы которых с ЭСП часто предстают весьма размытыми. Эти феномены, фрагментарно попадая по ходу исследования в поле нашего интереса, будут рассматриваться не со стороны психиатрии, а исключительно как ментально-культурные феномены.

За пределами сферы психического, в его общепринятом и узком понимании (впрочем, общепринятых представлений о психике тоже не существует), лежит и возникновение в ментальном и культурном пространстве своеобразных «узлов притяжения» – дискретных агентов незримых когерентных связей, которые выделяются и «просвечивают» в эмпирическом мире за счёт более высокой вероятности осуществления в нём (здесь напрашивается некоторая аналогия с синергетическим понятием аттрактора, которая, впрочем, не является обязательной. Вообще, нижеследующая модель представляет собой не столько полемическую альтернативу синергетике, сколько взгляд на самоорганизационные процессы в несколько ином ракурсе).

Строя концепцию психосферы, равно как и все другие концепции в рамках смыслогенетического подхода, я принципиально дистанцируюсь от выяснения отношений между *материализмом и идеализмом*. Для меня этой дихотомии не существует, а потому, я не намерен ни становиться на одни из сторон, ни искать пути их примирения. Эти две доктрины в своём ригористическом взаимоотрицании подобны двум уродливым гвоздям, намертво забитым в стену и не позволяющим ничего на этой стене поместить без учёта их местоположения. А между тем метафизическая граница, якобы разделяющая мир эмпирический (доступный опыту) и мир трансцендентный размывается при чисто количественном расширении сферы человеческого осознания. И то, что это расширение и

осознание достигается с помощью специальных технических средств и простирается за пределы прямого эмпирического опыта – опять же чисто количественный переход, ибо прямого и эпистемологически непосредственного знания вообще не существует (впрочем, в глубоком погружении в ИСС, такое знание, вернее, такого рода опыт, достигим. Но в научное и философское знание он не конвертируется). Таким образом, метафизический водораздел между идеальным и реальным исчезает, уступая место многоступенчатой иерархии эпистемологических опосредований, а само их разделение становится чистой условностью. Что же касается вопроса об онтологии, о наличии некоей «окончательной реальности», которая мерцает за пределами реальности эмпирической (материальной) и следы которой обнаруживает квантовая физика, то реальность эта, будучи не редуцируема до обычной материальной эмпирии, также не может быть отождествлена и с сознанием/осознанием, как это делает квази-религиозный идеализм. Для такой самонадеянной натяжки просто не существует оснований. А законы этой «последней и окончательной» (?) реальности, даже в самом общем их понимании, не укладываются в прокрустово ложе материалистическо-идеалистического дуализма.

Дуализм материального и идеального, словно проклятье, довлеет и над теми концепциями, которые исходят из квантовой природы сознания и взаимодействия его с эмпирическим миром посредством изменения квантовых состояний нейронов. Здесь мы опять видим всю ту же картину мира №1 – материального и мира №2 – идеального (мира сознания), между которыми помещается в качестве связующего звена человеческий мозг (Дж. Экклз, К. Поппер). Здесь же, впрочем, с необходимостью появляется и мир №3 – мир культурных значений, но неизбывный дух дуализма и субстанциализма не позволяет во всём этом разобраться без натяжек и искажающих призм под названием «правила игры».

Нашу позицию можно было бы представить как условно близкую *нейтральному монизму*, если бы и в нём не возникал как *deus ex machina* непознаваемый Абсолют, в

котором всё та же материально-идеальная дихотомия снимается всего лишь заменой жёсткого антиномического позиционирования на более мягкое – комплементарное.

И последнее. Чем сложнее структурная организация культурной системы, тем многослойнее ментальность её носителя – человека. Это значит, что режим и глубина погружения человека в психосферу не могут быть выражены какой-либо раз и навсегда данной формулой. Каждый из слоёв ментальности располагает свои набором энграмм и налаживает свой собственный репертуар психосферной медиации и взаимоотношений с психическими матрицами (об энграммах и психических матрицах см. ниже). Вот почему человек современной культуры может в одном секторе своей ментальности быть «эйдетиком» и чуть ли не визионером, а в другом – последовательным рационалистом.

Итак, чтобы рассмотреть означенные явления в рамках единой гипотезы, необходимо представить себе механизм (плохо подходящее слово!) медиации между имплицативным и эмпирическим мирами, проявляющими себя через явления психосферы. Здесь и далее мне вновь придётся обращаться к теориям КМ и квантовой космологии в контексте вопросов, уже так или иначе затронутых в гл. 1. Вопросы эти сложны и многоаспектны, и потому я заранее прошу у читателя прощения за вынужденные повторы.

3.2. Психосферная медиация и «ложные представления»

Гипотеза психосферной медиации (ПМ), предлагающая интерпретацию обозначенного выше комплекса «паранормальных» явлений, не может быть построена на основе антиисторических представлений об абстрактном человеке (см. Введение). На разных стадиях развития психофизиологии и ментальности человека этот комплекс проявляется по-разному.

Когда в ходе антропогенеза подчинение жёстким и стандартизированным диктатам ИМ частично разрушилось, на «принимающее устройство» психики гоминид обрушился вал незнакомых прежде интенциональных сигналов, потоков и воздействий. Невидимые мосты, по которым

интенциональные импульсы, испускаемые животной психикой, частично рухнули, что и определило психическую составляющую эволюционной болезни. Разрушения всех этих мостов ни один биологический вид перенести бы не смог. К тому же такой обвал невозможен в принципе; это означало бы полную утрату предками человека своей природной компоненты в отсутствии ещё не успевшей развиться компоненты культурной. Но и того разрушения, что принесла с собой эволюционная болезнь, оказалось довольно для трансформации животного психизма в протокультурное сознание, а затем, по мере его дальнейших трансформаций – в сферу зрелой человеческой ментальности. Эрозия стандартных природных каналов взаимосвязи психики с ИМ шло на протяжении всего периода антропогенеза, и всё это время дуализм двух миров медленно, но верно проступал и проявлялся в пробуждающейся рефлексии раннего сознания. По мере развития культурных практик увеличивалась и действительная дистанция между мирами, что и являлось глубинным основанием отпадения, обособления культуры и человека от материнской системы – природы. Однако ещё для современного архаика дуализм миров относительно слабо выделяется из синкретической нерасчленённости. Но такого рода «холизм» – лишь атавистическое, ослабленное воспоминание о несравнимо более высоком уровне слитности, которое неуклонно утрачивалось с развитием самости и культурного сознания вообще. В этом смысле современные первобытные народы – это своего рода «декаданс», разложение и упадок той целостности и прямой интенциональной отзывчивости на когерентные взаимосвязи и вообще любого рода импульсы ИМ, которые имели место ещё в верхнем палеолите, не говоря уже о более ранних временах.

Каким же образом развивается диспараллелизм миров? Психика изначально, в силу своего природного происхождения ориентированная на улавливание когерентных связей, постепенно утрачивает с ними связь и принимает за них ложную каузальность. Что это такое? Включение в процесс становления психики процессуально-

временных (сукцессивных) отношений сбивают правополушарные настройки погружения в паутину когерентных отношений. Поэтому подсознание вынуждено «ощупью» отыскивать агентов когерентных связей и полуосознанно-полупринудительно связывать их между собой. Там, где атавистические «прописи» животного психизма оказываются недостаточно стёртыми эволюционной болезнью, это в той или иной мере удаётся, и акты безошибочного животного «знания» восстанавливаются и срабатывают уже на территории осмысленных культурных практик. Там же, где инстинктивные каналы медиации оказываются разрушены, непосредственное погружение в когерентность и получение, соответственно, прямых психических и поведенческих регуляций вынужденно заменяется тем, что впоследствии станет пониматься как культурный опыт. Эти вторично установленные связи, которые инерционно переживаются ранним сознанием как когерентные, в действительности, отражают не когерентные, а каузальные, либо псевдо-каузальную связи.

Но, что же представляет собой псевдо-каузальная связь? Объективные²⁵ каузальные связи между вещами обнаруживают себя в сознании на основе их (вещей) физических природных свойств. Но этот сектор связей за ненадобностью лишь «краем» включён в спектр животной психической перцепции. Животным не нужно осваивать физические свойства вещей: все необходимые с ними взаимодействия предусмотрены инстинктами, дополнены и скорректированы условно-рефлекторными сценариями. Поэтому в животной психике каузальность инкорпорирована в когерентность. Лишь при определенных условиях эта когерентность ситуативно «расплющивается», «высвобождая» ощущение прото-каузальности. Примерами поведения животных, иллюстрирующими эту ситуацию,

²⁵ Этот термин здесь понимается исключительно в значении указания на модус вещей, не зависящий от человеческого сознания.

изобилует современная этологическая литература²⁶. У человека же (включая и его предков) из этого сектора каузальности развивается рационалистический бытовой, а затем, на высоком уровне развития сознания и знаковых систем – и научно-теоретический опыт. Это – первый тип каузальности.

Второй же тип – условно говоря, ложный – проистекает из стремления *навязать вещам квази- и псевдокогерентные связи*, т.е. заново обнаружить их там, где они по смутным атавистическим интуициям должны быть, но не чувствуются, будучи обработаны левополушарными когнитивными техниками. Неуклонно и последовательно утрачивая естественную погружённость в когерентность, пробуждающееся культурное сознание стремится нырнуть в неё заново, по-новому устанавливая в психике полустёртые пути в когерентную паутину ИМ и тем самым преодолевая или, по меньшей мере, компенсируя травматичное отпадение от палеосинкретизиса. Но что утрачено, то утрачено: «правильная» животная вписанность в когерентный мир в ходе культуригенеза всё более отдаляется в область недостижимого идеала (отсюда, кстати, и бесконечная ностальгия по воссоединению с Единым²⁷, тянущаяся с момента осознания проблемы отпадения). Ранее сознание по-детски тычется в вещи и методом проб и ошибок, а иногда и «назло ошибкам» пытается вновь поймать ускользающие алгоритмы и невыразимые «флюиды» когерентностей, «склеить» распавшиеся корреляции. В раннем сознании, память о ненарушенной эволюционной болезнью погружённости в когерентность ещё довольно свежа. На её основе, на протяжении миллионов лет антропогенеза сформировалась мощнейшая устремлённость

²⁶ См. напр. *Резникова Ж.И.* Интеллект и язык. Животные и человек в зеркале экспериментов. М., Наука. 2000.

²⁷ Концепт Единого сов семи его изофункциональными коррелятами, разумеется, возникает уже на гораздо более поздней стадии развития сознания и культуры, но я использую здесь это понятие как обобщенную номинацию палеосинкретизиса в котором пребывало человеческое сознание задолго до появления любого рода концептов.

к трансцендированию. Последняя понимается как возвратное погружение в мир когерентных связей и прямое считывание импульсов ИМ (на самом же деле ментальность всегда имеет дело не с ИМ, а только с психосферой). Порыв к трансцендированию в своём экзистенциальном значении столь важен и фундаментален, что возникающие при его осуществлении когнитивные установки *превосходят по глубине и силе режимы восприятия освоения эмпирической реальности*. Потому миф и господствует над опытом. И не только в первобытности.

Ища утраченные ключи к возвращению в пространство когерентных связей, раннее сознание невольно опирается уже и на левополушарные когнитивные режимы. Оно искусственно-принудительным образом выстраивает ряды зависимостей между вещами по принципу внешнего сходства, произвольно понимаемого подобия, репрезентации целого его частью и т.п. Из этого ряда – описанная Леви-Брюлем²⁸ и другими этнографами нечувствительность архаического мышления к логическим противоречиям или установление ложных зависимостей: к примеру, понимание предшествующего события как причины иного события, имевшего место впоследствии. Здесь глубокое переживание временной последовательности как модифицированной когерентности и, более того – экзистенциальная ей сопричастность, как бы заменяет утрату изначального «чувства когерентности» и оправдывает произвольность, необязательность новоустановленной связи.

В общем случае можно сказать, что для развивающегося сознания замена погружённости в континуум когерентных связей на доминирование каузальности никогда не проходит безущербно. И самый минимальный ущерб, который, впрочем, долгое время никак не замечался, – это нарастающий диспараллелизм мифа и опыта, где миф – сфера ложной²⁹ каузальности (разумеется,

²⁸ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении М., 1994.

²⁹ Здесь слово «ложных» употребляется в значении, требующем невыразимой на письме нюансировки: нечто между заключением в кавычки и отсутствием таковых.

значение мифа этим не исчерпывается). Ложной – с точки зрения объективной физической природы вещей, но, безусловно, истинной с точки зрения переживающего сознания, ибо разница между вещью-для-природы и вещью-для-человека – это не разница между объективным и субъективным, а всего лишь дистанция между разными модусами вещи. Таким образом, сбои и дисфункции «прямого знания», достигаемого путём психической погружённости в континуум когерентных связей, порождают – на основе недоступных животным комбинаторных способностей человеческого ума – чисто психологические, мнимые и ложные, с точки зрения естественной природы вещей, связи.

На этом рационалистический подход останавливается, считая вопрос исчерпанным.

Так, по К. Леви-Стросу, для возникновения магической ситуации необходимо сочетание трёх факторов: веры шамана в свои колдовские возможности, веры человека в силу колдовского воздействия и веры общества в действенность магической традиции. Однако, говоря о возникновении магической ситуации, и Леви-Стросс, и другие авторы уводят разговор о «настоящих чудесах», которые де могут при этом твориться, в область невнятных полуметафор и стыдливой двусмысленности. Они не желают, с одной стороны, игнорировать очевидное, но с другой, панически боятся хотя бы в малой степени заслужить упреки в иррационализме.

Но не слишком ли просто ставить здесь точку с помощью нехитрой дихотомии: истинное – ложное? Являются ли ложные связи чисто психологическими и потому в полной мере ложными? Здесь мы подходим к одному пикантному моменту. В имплицативном (когерентном)³⁰ мире нет ничего **абсолютно автономного**.

³⁰ Поясню, что термины и *имплицативный* и *когерентный* не являются здесь полными синонимами. Когерентность – это тот модус реальности, в котором субстанциональность имплицативного мира являет себя человеку наиболее непосредственно, т.е. ещё до фильтрации и обработки всех поступающих в мозг сигналов сознанием. Кроме того, типология

В ином случае тезис о всеобщей связи был бы пустой декларацией. Поэтому даже произвольно устанавливаемые «большим» сознанием связи, не верифицируемые практическим опытом, *не могут быть абсолютно ложными*. Любая, даже самая абсурдная мысль обладает в ИМ неким отличным от нуля **минимумом бытия**. Связи, устанавливаемые посредством мистических и ритуально-магических техник по каналам мифологического ассоциирования, адресуются к тонким и удалённым от фронта стандартных естественных экспликаций (распаковываний) слоям ИМ (подробнее см. ниже). Поэтому вероятность их проявления (реализации) в эмпирическом мире критически мала. И вот-то здесь кроется интрига! Психическая энергия человека, т.е. сила его интенций, частично освобождённая от связанности природными психическими режимами, способна **реализовывать, т.е. «вытягивать» из ИМ и воплощать в эмпирической реальности часть спектра ею самой установленных вторичных и «ложных», с точки зрения физической природы вещей, связей** (общая схема этого вытягивания на квантовом уровне кратко обозначена в гл. 1). Иными словами, *человек способен придвигать абстрактные возможности осуществления к рубежу реализации (экспликации) и, при определённых условиях, преодолевать этот рубеж, превращая имплицитные возможности осуществления в эмпирические акты существования. Проще говоря, силой своей психической интенциональности ментальность способна распаковать потенциальные акты существования в наличную эмпирическую реальность³¹*. Способность человеческой ментальности не только воздействовать на уже имеющиеся в психосфере интенциональные взаимодействия, но и создавать новые имплицитивные паттерны и пакеты потенциальных актов

связей внутри имплицитивного мира не покрывается полностью понятием когеренции.

³¹ По принципиальным соображениям не стану связывать эти положения с модными темами *самосбывающихся прогнозов, трансферинга, моделирования реальности* и т.п., предоставляя читателю самому определить для себя степень их серьёзности.

существования я буду называть **интенциональной индукцией**. Усиление возможностей интенциональной индукции по ходу исторического развития человеческой субъектности – одна их магистральных, хотя и скрытых линий в культурной эволюции.

Квантовая физика теоретически допускает обмен информацией без обмена энергией («квантовая передача порядка»), и это способно прояснить вопрос о законе сохранения энергии в процессе медиации между мирами. Так, согласно теории вакуума Г.И. Шипова, в онтологии вакуума физическое в значительной степени совпадает с психическим. Утверждается, что в основе любого рода квантовых полей лежит некое первичное торсионное поле, состоящее из элементарных пространственно-временных вихрей, не обладающих энергией, но переносящих информацию³² (см. гл. 1 о структурообразовании).

Важно, однако, и то, что в соответствии с этими же представлениями, ментальная интенциональность человека (обычно она соотносится с сознанием или разумом) способна влиять на вероятность микрособытий, образующих, в свою очередь, макрособытия в эмпирическом мире. Такую гипотезу выдвигал, в частности, нейрофизиолог Дж. Экклз. Собственно, гипотеза, согласно которой, человеческое сознание «схлопывает» квантовую волну, была предложена ещё фон Нойманом в 1930-е гг. С тех пор она получила многочисленные экспериментальные подтверждения. Вкупе с данными, аналогичными тем, что приведены в гл. 2 о воздействии человеческих эмоций на молекулы ДНК и т. п., современные квантовые представления рисуют отношения человеческой когнитивности с внешним миром как своего рода *нелокальную интерактивность*, а нелокальные воздействия человеческой интенциональности на процессы и объекты макромира – как частные её проявления. Не случайно В. Гейзенберг называл паттерны потенциальностей тенденциями.

³² *Шипов Г.И.* Теория физического вакуума. М., 1993. О связях квантовых процессов: эффекте нелокальности, редукции волновой функции и др. с пси-феноменами см. также: *Московский А.В., Мирзалис И.В.* в кН.: Философские исследования современных проблем квантовой теории. Ю.В. Сачков, А.В. Тягло (ред.). М., 1991. М., 1991. С. 100, *de Beauregard O.C.* // *Found of Phys.* №8. 1985. Р. 671, *Тейлор Э., Уилер Дж.* Физика пространства – времени. М.: Мир, 1971, *Минделл А.* Сила безмолвия. М.: АСТ, 2004 и др.

В таких случаях говорят о чуде и нарушении законов природы. Однако в большинстве случаев можно говорить лишь о нарушении известных культурному сознанию данной эпохи правил и законов, не более того (вспомним хотя бы об упоминавшемся выше «ненаучном» поведении воды). Ведь то, что мы привыкли понимать под объективными и незыблемыми законами природы – всего лишь частный случай, один из секторов необозримой сферы потенциально возможных связей и отношений между вещами. И верификация этих законов практическим опытом ничего не меняет в этой диспозиции; опыт наш так же не субстанционален, а модален, как модально вообще наше восприятие мира. Логика и законы эмпирического опыта всего лишь устанавливают границы того сектора свойств и связей вещей, в котором человеческое сознание и культурные практики релевантны означенным свойствам и связям. Причём границы эти, видимые из каждой отдельной исторической точки как окончательные и не подлежащие пересмотру, в исторической перспективе предстают весьма подвижными, т. е. относительными.

Не случайно по результатам научных открытий и мировоззренческих трансформаций первой пол. XX в., принцип историзма решительно вторгся и в области, традиционно далёкие от гуманитарных сфер: фундаментальную физику и разные области естествознания. Иными словами, принцип историзма распространяется теперь не только на законы культуры, но и на законы природы. И хотя далеко не все готовы принять картину мира, в которой наша Вселенная – одна из множества подобных, перманентно рождающихся из «квантово-гравитационной пены»³³, игнорировать положение, согласно которому «законы природы – не более чем принципы местного действия, результат исторических случайностей, произошедших в первые мгновения после Большого Взрыва»³⁴, более нельзя.

³³ Новиков И.Д. Инфляционная модель ранней Вспепенной // Вестник Российской академии наук. М., 2001. Т. 71. № 10.

³⁴ Рис М. Наша космическая обитель. М.; Ижевск. 2002. С. 14.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что параллельно с угасанием способности к перцепции когерентных связей в человеческой ментальности развивается способность к структурированию **двух типов каузальности**. Первый, условно говоря, атавистический, представляет собой трансформированную левополушарными когнитивными техниками когерентную (по генезису – правополушарную) перцептивность и выступает психической основой «ложных представлений», какими они понимаются в данном контексте. Такая перцептивность, в свою очередь, определяет возможности магического воздействия на реальность и, что особенно важно, степень эффективности такого воздействия.

Наглядным примером каузальности первого типа, помимо разнообразных магических практик, является универсально распространённые практики гадания. Здесь сознание стремится уловить и почувствовать в эмпирическом мире внешние признаки-проявления скрытых когерентных со-осуществлений и, «расплющив» (спроецировав) их во временном измерении, придать им вид каузальной связки по принципу «если... то». При этом атавистическая «когерентная интуиция» уверенно связывает кончики нитей, тянущихся к агентам когерентных связей, которые «торчат» из ИМ и проявляются в совершенно внешне не связанных меж собой вещах и явлениях. Полёт птицы, сожжённые внутренности жертвенного животного, кости, вода, зеркало, бобы и прочая, понимается магической интуицией как некие особые ключи-медиаторы, приоткрывающие двери в запредельный мир. С помощью этих ключей можно прошупать нити когеренций, скрывающиеся за внешним обликом вещей. Разумеется, чем больше разнообразных опосредований символического технологического характера вклинивается между агентами предполагаемой (или искусственно устанавливаемой?) когерентной связи, тем меньше оснований говорить о действительной и объективной когеренции. Связь здесь может быть установлена лишь вторичным образом за счёт интенциональных энергий человека. Но то, что в разных культурных традициях «щели» в ИМ ищутся в сходных направлениях, т.е. атрибуты и приёмы гадания во многом совпадают у разных народов – явно не случайно.

Второй тип каузальности – **рациональный**, в привычном смысле этого слова, основанный на эмпирическом опыте освоения локальных связей. И связи

эти релевантны ключевым модусам развивающегося человеческого сознания. Этот общераспространенный тип каузальности в дополнительных комментариях не нуждается.

На основе сказанного можно предложить набросок модели исторической динамики изменений ментальности для раннего и архаического сознания. Модель строится по принципу соотношения между способностью к прямым включениям в когерентные суперпозиции³⁵. ИМ и соответствующей этому режиму магической потенцией, с одной стороны, и динамикой наработки рационально-эмпирического опыта, с другой. Через это сопоставление проявляется природа и историческая динамика означенных «ложных представлений». Вот как она выглядит.

1. Нижний и частично средний палеолит – доминирование животной погружённости в когерентность с постепенным нащупыванием вторичных, новообразуемых псевдо-когерентных связей (см. выше). Такие связи на этой стадии психической эволюции основаны на неоптимальной «смеси» право- и левополушарных паттернов – главным образом, «неправильных», ложных, не отражающих ни физическую природу вещей, ни их глубинные когерентные взаимосвязи.

Поражённая эволюционной болезнью психика гоминид в отсутствие сформировавшихся компенсаторных режимов находит спасение в лоне незатронутых эрозией секторов животной инстинктивности. Но за их пределами господствуют прото-магические, по своему характеру вторичные в означенном выше смысле, связи. Они не обладают безошибочностью инстинкта, но и не обладают адекватным соответствием естественной природе вещей. Поэтому их переживание протекает в режиме максимальной суггестии и возможности вызывать к существованию «неправильные», с точки зрения естественной природы вещей, акты осуществления. При этом мощнейшая суггестивность заключается в узкие рамки стихийной,

³⁵ Термин *когерентная суперпозиция* употребляется здесь и далее в более широком смысле, чем в квантовой физике, поскольку речь идёт, главным образом, о реалиях макромира.

бессознательной интенциональности; ведь ни о каких определённых целополаганиях или даже представлениях о желательном результате на этом этапе культурогенеза и речи быть не может. Возможно, именно отсутствие рефлексии и знакового опосредования экзистенциальных интенций и обеспечивает эффективность спонтанной медиации психики с ИМ и достижение прямого прото-магического воздействия на вещи.

2. Средний и, главным образом, верхний палеолит и мезолит. Прямая, животная по генезису «когерентная интуиция» неуклонно деградирует. Когнитивные доминанты окончательно смещаются в область «неправильной», мистико-магической каузальности. Сформировавшиеся к этому времени мифоритуальные семантические комплексы господствуют над узким сектором рационального эмпирического опыта. Связанная с ним каузальностью второго, «правильного» типа интуиция синкретически слита с каузальностью первого, «неправильного», магического типа при сильнейшем преобладании последнего. Интенционально-энергетические возможности человека на этой стадии максимальны, поскольку потенциал прямого интенционального (магического) воздействия на реальность сочетается с достаточно развитыми культурными практиками и представлениями об этой самой реальности, что способно порождать достаточно широкий спектр целополаганий. Это эпоха, которую можно, в известном смысле, назвать золотым веком магии.

3. Современное состояние архаического и постархаического сознания. Нисходящая – в силу усиления левополушарной когнитивности - линия «когерентной интуиции» приблизительно уравновешена восходящей линией утверждения эмпирического рационализма и «правильной» каузальности или даже отчасти уступает ей. Когерентные связи улавливаются искажённо и фрагментарно. Их считывание осуществляется главным образом за счёт «атавистических» правополушарных психических режимов, подпитываемых коллективными интенциональными импульсами. Импульсы эти кодируются в соответствующей мифосемантике и в таком

опосредованном виде закрепляются в традиции. Но магические техники уже почти не работают, а коллективная интенциональная индукция настолько слаба, что традиционные мистические представления, отражающие некогда действенные магические отношения, вырождаются до суеверий, коими переполнена повседневная жизнь современных архаиков. На поздних стадиях разложения традиционного общества и соответствующего типа ментальности, агенты «ложных» связей (каузальность первого типа) не только далеки от действительной когеренции, но даже и от её ослабленного подобия. Ведь психическая индукция человека (коллектива), стремящаяся вторичным и принудительным образом с помощью волевого импульса воздействовать на интенциональные потоки, уже почти совсем выдохлась. Агенты магических манипуляций служат лишь носителями семантических кодов для включения соответствующей инерционной суггестии (индукции), не способной более к действительным магическим воздействиям. Здесь угасающая сила магического воздействия зависит только от субъективного интенционально-энергетического потенциала индивида или группы и условий его проявления. Вопрос можно формулировать так: способен ли данный индивид (группа) со своим индуктивным потенциалом создать действующую когерентную связь, и тем самым осуществить действенный магический акт? В большинстве случаев ответ отрицательный. «Инструментализм» сводит на нет магическую потенцию. Но есть, разумеется, и исключения.

В конечном счёте, вырождение действенной магии и подмена её рецептурно-обрядовыми практиками, ложными (уже без всяких кавычек) представлениями и совершенно иррациональными правилами и табуациями приводит к тому, что историческая динамика современных первобытных народов представляется не столько инерционным доразвитием культурных форм верхнего палеолита-мезолита, сколько их деградацией. Эпоха действенной магии несомненно являла не только большее разнообразие, но и большую гибкость, вариативность и динамику.

Примечательно, что фактором деградации служил не только присущий архаическим обществам изоляционизм, но и воздействие стадияльно более высоких мировоззренческих и религиозных систем. «Парадокс современной ситуации заключается в том, что мировые религии в известной мере способствовали консервации культа предков в Африке, прервав процесс его «естественного умирания». Нанеся свой основной удар по общеплеменным богам (напомним: духи предков превратились в их слуг!) христианство и ислам затронули семейно-родовые культы в гораздо меньшей степени. В итоге культ предков оказался среди тех немногих элементов автохтонных религий, которые в целом сохранили свои позиции...»³⁶. Аналогичная картина наблюдается и в отношении других современных архаичных народов.

Каузальность первого и второго типов пребывают в диффузном смешении. Вопрос этот более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Дело не только в том, что в мифологическом сознании архаического и постархаического человека соседствуют и переплетаются элементы жизненно важного рационального опыта и представления, которые, с точки зрения зрелого рационалистического сознания, выглядят нелепыми и абсурдными суевериями. Тонкость в том, что эти самые нелепые представления отражают всякий раз разные интенционально-энергийные настройки коллективного (реже индивидуального) психического поля (не побоюсь этого слова!), определяющие степень их «неправильности». Иными словами, существует, как уже говорилось, некий диапазон, в котором интенционально-энергийные воздействия архаического коллектива способны оказывать реальное магическое воздействие на вещи и события, в обход их «рациональной» физической природы. Указанный диапазон показывает градацию степени «ложности» каузальных связей и отношений первого типа. При этом степень их магической эффективности напрямую зависит от уровня потенциала суггестивности психики и способности к индукции и автоиндукции, т. е. от частичного подавления левополушарных когнитивных режимов и максимального

³⁶ Традиционные и синкретические религии Африки. М. 1986. С. 115.

восстановления прямой перцепции когерентных корреляций. Обычно это осуществляется в режиме ИСС. Иначе говоря, чем более каузальность первого типа «редуцируется» до своих «атавистических» оснований, т. е. погружается в правополушарную перцепцию когерентных зависимостей, тем эффективнее процесс магического воздействия на реальность.

Однако стремление к такого рода «редукции» наталкивается на непреодолимые барьеры, установленные психофизиологической эволюцией. Поэтому описания магических обрядов и практик у современных архаических и постархаических народов, как правило, включает в себя элементы анализа психических расстройств и патологий, возникающих в трассовых, индуцированных и т.п. состояниях.

Например, повсеместно распространенные в архаических обществах представления, о том, что свойства пищи передаются съевшему её человеку, с рационалистической точки зрения, выглядят совершенно беспочвенными³⁷. Но в той реальности, в которой живёт архаический человек степень «беспочвенности» может широко варьироваться в зависимости от суггестивного потенциала отдельного индивидуума или группы. Т.е. здесь не только в той или иной степени срабатывает или не срабатывает эффект, родственный эффекту плацебо, но и разворачивается шкала в той или иной мере действительных связей между человеком и его пищей. Эти связи, относясь к первому типу каузальности, актуализуют, т. е. вытягивают силой психической интенциональности из ИМ такие зависимости, которые в рациональном мире маловероятны до неразличимости и потому воспринимается рациональным

³⁷ В этом же ряду и описанные этнографами бесчисленные примеры установления архаическим (и не только) сознанием вторичных зависимостей на основании разнообразно понимаемой симпатии. «...Гучиол, который надевает на голову перья орла, преследует цель не только украсить себя: он помышляет о том, чтобы при помощи перьев приобщиться к зоркости, прозорливости, силе и мудрости птицы. Сопричастие, лежащее в основе коллективного представления – вот, что заставляет действовать таким образом». *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 83

сознанием как нечто невозможное. Потенциал таких «вытягиваний», повторю, всякий раз зависит от целого ряда приводящих обстоятельств и, прежде всего, от коллективной ментальной конституции данного сообщества. Чем больше мысль запутывается в различных семантических кодах, извивах псевдологических построений дополнительных каузальных обусловленностей и т.п. «дискурсивности», тем слабее суггестия и интуиция когерентности. Каузальность первого типа, обретая свою, подспудно пропитанную практико-эмпирическим опытом квази-логику, вырождается и теряет действенную магическую силу.

Так, универсально распространенный комплекс магических традиций, отражающий представления о воздействии покойников на различные сферы жизни, вероятно, отражает некий сложный режим ПМ, связанный с количественными и качественными преобразованиями и конвертациями интенционально-энергетических потоков. Соответственно, погружение психики в суггестию самых глубинных и потому, семантически абстрактных уровней, способно дать эффективные магические результаты. Но дальнейшие вариации темы в разнообразных культурных контекстах, сопровождающиеся наращиванием семантических опосредований, неизменно выхолащивают действенность магического акта.

Например, в Тасмании (как и во всех традиционных обществах) верят в целительную силу покойников. У тасманийцев существует обычай лечиться, выпивая воду, в которую наскребли с костей покойника. Дело не в том, что этот обычай идёт вразрез с любого рода реалистическим опытом, а в том, что в данном случае отрыв от физической природы вещей здесь огромен. Магическая действенность такого лечения требует столь мощной суггестии и такой концентрации интенционально-энергетического поля, которая, возможно, и имела когда-то место у глубоко архаических тасманийцев, но на стадии даже сравнительно небольшой эрозии архаической ментальности превратилась из эффективного магического средства в бесплодный и физически опасный предрассудок.

Вообще, каузальность первого типа носит сложный, диффузный характер. Ядром её выступает описанная выше способность к установлению вторичных внерациональных

связей на основе прямого диалога с ИМ. Кроме того, к ней примешивается и частично конвертированная в сукцессивную модальность, «когерентная интуиция», а также элементы каузальности второго, собственно рационального типа. Попутно замечу, что в ряде случаев рациональный опыт архаического человека включает в себя знание таких вполне объективных и действительных свойств вещей, которые не видятся и не признаются рационалистической новоевропейской наукой и на этом основании объявляются ложными и несуществующими. Но это другая тема.

Подытоживая, можно сказать, что каузальность первого, внерационального типа может быть подразделена на два подтипа. Первый, наиболее архаичный, актуализует действительные когерентные связи между вещами в обход их физической природы, эмпирически осваиваемой человеком. Второй – посредством индуктивно-суггестивных воздействий «всего лишь» внушает человеку переживания такого рода связей. В этом случае диапазон эффективного магического воздействия ограничивается рамками осознанных перцепций сознания, а агенты новоустановленных когерентных (с приставкой «псевдо» или без) связей, независимо от их имманентных свойств, служат лишь семантическими кодами, запускающими механизм суггестии. Например, с помощью магии, соотносимой с первым подтипом каузальности, можно пытаться воздействовать на природные объекты или явления – вызывать/прекращать дождь и т.п. С помощью второго – воздействовать только на осознаваемые человеком сферы его жизнедеятельности. Проще говоря, архаический человек способен внушить самому себе или своим соплеменникам, что, скажем, головной убор из птичьих перьев придаёт ему (человеку) некоторые полезные свойства птицы. И эта «ложная» связь будет хотя бы отчасти работать за счёт суггестии. Сами же перья служат не боле чем семантическим кодом: их глубинная онтологическая природа с соответствующим потенциалом скрытых когеренций в процесс установления связи не включается. Это – второй подтип когеренций. Внушить же некую

навязанную когеренцию внешним физическим объектам или явлениям в рамках второго подтипа невозможно; можно лишь индуцировать перцептивные аберрации в своём собственном сознании, что, как правило, и происходит в эпоху разложения традиционных культур или в современном, заигрывающем с магическим мировосприятием сознанием. Для установления действительных вторично-принудительных когеренций первого подтипа необходим качественно более высокий интенционально-энергетический и суггестивно-индуктивный потенциал, в целом иссякающий к эпохе верхнего палеолита. Его атавистический шлейф в современных первобытных обществах и точечные проявления в обществах постархаических – не более чем своего рода метастазы эволюционной болезни, хотя роль их в культуре эпизодически может быть весьма значительной.

Приведённые выше теоретические рассуждения можно проиллюстрировать огромным количеством этнографических и историко-культурных данных, которые могли бы составить отдельную книгу. Но приводить этот материал здесь не имеет смысла даже выборочно. Достаточно обратиться к классическим трудам по этнографии и взглянуть на приводимый там материал в соответствующем ракурсе. И тогда можно утверждать, что та часть жизни общества, причём не только архаического, которую с рационалистической точки зрения принято считать сферой магических, мифологических и мистических иллюзий, в действительности представляет собой видимое выражение реальных психосферных процессов и жизни психосферных феноменов. Сама же ПМ – это не иррациональный балласт, прицепленный к утилитарно-хозяйственным практикам, а корневое основание жизни человека и самой культуры. И в этом ещё неоднократно предстоит убедиться.

3.3. Природа имплицативного мира

Говоря о психосфере и её проявлениях, с неизбежностью приходится высказывать соображения о природе и сущности ИМ. Разрозненными суждениями здесь не обойтись даже для пояснения модели разворачивания -

сворачивания актов существования из ИМ вообще и под действием интенциональных импульсов человеческой ментальности, в частности. И хотя попытка увидеть невидимое и описать неопишемое непременно вызовет критическую усмешку, общий эскиз картины ИМ всё же необходим.

В книге «Wholeness and the Implicate Order» («Целостность и скрытый порядок»), не переведённой пока на русский язык, Д. Бом объясняет своё понимание имплицативного порядка. В главе «Эксперимент с языком и мышлением» он называет скрытый или свёрнутый порядок *голодвижением*, подчеркивая его динамическую и голографическую природу. Динамическая голограмма по Бому рождается из интерференций волновых функций (или самих волн?) квантовых объектов, имеющих пространственное измерение (?). Явный же или развёрнутый порядок эмпирического мира Бом сравнивает с объёмным голографическим изображением, возникающим при освещении физической голограммы когерентным светом (например, лазером). При этом источник этого всепроникающего «метафизического» света остаётся непрояснённым. Навязчиво-незатейливое мистико-идеалистическое «объяснение» природы этого света через полулирическое «творческое сознание человека» несостоятельно. Хотя и возражений против такого понимания Бом, как и К. Прибрам, не выдвигал³⁸.

Переводить книгу Бома с английского физического языка на русский культурологический с попутной герменевтикой ключевых терминов, понятий и метафор – специальная и нелёгкая работа. Придётся ограничиться краткими оговорками, поясняющими характер обращения к бомовским идеям, терминам и понятиям по ходу изложения. Так, в частности, голографическая природа ИМ в книге трактуется, скорее, как особое и расширенное понимание принципа фрактальности.

³⁸ Такой вывод можно сделать из совместного интервью, Д. Бома и К. Прибрама, опубликованного в середине 80-х гг.

Здесь, в отличие от особого контекста употребления терминов *фрактальность* и *фрактал* (см. далее), имеется в виду общепринятое значение этого термина. Речь идёт о подобных структурах, в которых свойства одной или нескольких систем оказываются «вложенными» друг в друга. Структуры самоподобны: каждый локус энергетической структуры комплекса оказывается подобен другому участку, вне зависимости от масштаба рассмотрения. Всякое устойчивое состояние каждой из подсистем как сколок, собирает и концентрирует в себе свойства всех других возможных состояний системы.

Приступая к неблагоприятной задаче прояснения природы ИМ, я не намерен строго пребывать в русле идей Бома. Мне не обойтись без привлечения иных концепций КМ, которые, по тому или иному поводу уже затрагивались в гл. 1.

Прежде всего поясню соотношение понятий ИМ и психосферы. Они не тождественны. **Психосфера – своего рода буферная зона, в которой распаковываемые паттерны ИМ обретают эмпирически проявленные формы, т.е. та «территория», на которой это распаковывание и происходит.** Иными словами, **психосфера – как уже говорилось, – это третий, промежуточный мир, расположенный между имплицативным и эмпирическим миром, причастный им обоим и, таким образом, осуществляющим связь между ними.**

Заглянуть в ИМ, минуя психосферу, **невозможно в принципе.** Но, преломляясь в психосфере, этот мир, присутствует в каждой клеточке бытия и попадает в область психической рецепции в виде смутных, фрагментарных, большей частью, неотрефлексированных ощущений. До сознания же эти ощущения доходят в неизменно опосредованном культурной семантикой виде. Потому и догадки о природе ИМ не могут простираются дальше столь же смутных и фрагментарных гипотез. Но и они могут немало прояснить в жизни человека и в сути культурных систем.

Отправной точкой станет уже знакомая нам по гл. 1 проблема интенциональности, которая не только отсылает к сущности любого психосферного явления, но и возвращает нас к фундаментальной оппозиции когерентного и каузального. Здесь возникает повод вновь обратиться к упоминавшейся в гл. 1. квантовой концепции В. Гейзенберга и В.А. Фока³⁹, принятой целым рядом авторитетных ученых. Согласно этой точке зрения, глубинным уровнем, определяющим субстанциональность квантовых явлений, выступает мир потенциалов⁴⁰ и устремлений к осуществлению, тогда как мир эмпирический оказывается лишь онтологически подчинённой и, в известном смысле вторичной проекцией-экспликацией потенциального (свёрнутого) порядка⁴¹. К тому же, следует учитывать, что эксплицируются не все возможные потенциалы бытия, но лишь единичные, «избранные», ибо процесс декогеренции (редукции волнового пакета) сворачивает, «схлопывает» потенциальную бесконечность вариантов локализации до одного, который, «прорываясь» в эмпирический мир, разворачивает в нём своё наличное бытие. Здесь нам является самый глубинный (?) уровень проявления закона самоограничения (см. гл. 1). Вот почему, кстати, всё пишущие о квантовом мире исследователи неизменно отмечают его неизмеримо большую яркость и богатство по сравнению с миром эмпирическим.

³⁹ Фок В.А. Квантовая физика и строение материи. Л., 1965.

⁴⁰ По В. Гейзенбергу, заимствовавшему термин *потенция* у Аристотеля, квантовый объект в промежутке между наблюдениями существует в трансцендентной сфере, т. е. чисто потенциально.

⁴¹ Здесь, разумеется, напрашивается перекличка с аристотелевскими идеями о разделении онтологических статусов бытия, из которых впоследствии развились классические философские категории возможного и действительного. Правда, содержание категории возможного было «приземлено» и перемещено также в область эмпирического, что принципиальным образом исказило первоначальные натурфилософские интуиции древних.

Исходя из означенной концепции⁴², которая вполне согласуется также и с моделью Бома-Прибрама, я хотел бы не столько акцентировать иерархические отношения между потенциальным и актуальным мирами, на что наталкивают устойчивые рефлексы нуминозного (в понимании Р. Отто – К.-Г. Юнга) отношения к запредельному, сколько утвердить ключевой тезис о применимости теоретических выводов данной концепции не только в микромиру, но и ко всякой реальности вообще. Это допущение может показаться необоснованным. Однако оно может быть подкреплено не одним лишь абстрактным заверением относительно единства законов мироздания. Вполне валидны и представления о последовательном «разбавлении» когерентного начала каузальностью по мере перевода чисто квантовых (когерентных) состояний в смешанные, которое нарастает вследствие дискретизации, дифференциации и автономизации структур и систем Вселенной под действием ГЭВ. Иными словами, увеличение сепарабельности (в квантовом понимании) систем во Вселенной раздвигает её пространственно-временной континуум, усиливая позиции казуального начала.

Итак, мир потенциальный, мир «тотальной когеренции» – это мир «нераспакованный», лишённый пространственно-временных координат. Мир каузальный – это мир «распакованных» в пространственно-временном континууме актов существования, ибо каузальность возможна лишь в среде пространственно-временных отношений. *Направленная энергийность – универсальная форма медиации между мирами; интенциональная устремлённость и движения интенциональных волн – это не что иное как связующие нити, протянутые по «дистанции» между потенциальным и актуальным бытием. Интенциональные потоки, которые проще всего рисуются в виде нитей, скорее, подобны сплошному полю (ведь между интенциональными потоками нет никаких пустот и «зазоров»), или даже интерференции полей.*

⁴² Вышеприведённые формулировки не содержатся в работах В. Гейзенберга и А.В. Фока непосредственно, но с очевидностью из них вытекают.

Характеристики этого сложно-диффузного, если так можно выразиться, интенционального поля и определяют не только саму онтологию эмпирических феноменов, но и, что особенно важно, и степень вероятности их воплощения.

В этом смысле и *идеация* (в гуссерлианском понимании – как способность к формированию и восприятию идей в силу направленности сознания на «всеобщее», «априорное», «эйдос», «сущность») – частное проявление всепроникающей и безграничной интенциональности, связывающей всё сущее во Вселенной. Осознавая спекулятивность данного утверждения, обязуюсь впредь как можно реже выходить за рамки означенного «частного случая», хотя делать это по разным поводам придётся. Но и в этих границах простирается необъятный космос, реальность которого проступает в нашем мире лишь в виде смутных контуров. И знаменитые синхронизмы по Юнгу – это всего лишь слабые отблески бесчисленного множества незримых процессов, протекающих за гранью привычных координат восприятия; немногим более существенные, чем бытовой эффект дежавю – стихийно вспыхивающие в сознании акты пре- или ретрокогниции, т. е. частные случаи эффекта *прямого знания*.

«Синхроничные феномены доказывают одновременное происшествие значимых эквивалентностей в разнородных, причинно не связанных процессах; иными словами, они доказывают, что содержание, воспринимаемое наблюдателем, может в то же самое время быть представленным внешним событием, без всякой причинной связи между ними. Из этого следует, что либо психика не может быть локализована во времени, либо что пространство вторично по отношению к психике». И далее: «Поскольку психика и материя содержатся в одном и том же мире и, более того, постоянно соприкасаются друг с другом, и, в конечном счёте, основываются на непредставимых трансцендентных факторах, не только возможно, но даже вполне вероятно, что психика и материя – это два разных аспекта одной и той же вещи»⁴³.

Юнговские синхронизмы как проявление эффекта прямого, не опосредованного знаковыми коррелятами и

⁴³ Jung K-G. Collected Works. Vol. IV. N-Y. P. 339. London. 1955.

дискурсивными процедурами считывания информации, представляют собой спонтанное самообнаружение в человеческой психике обычно скрытых в свёрнутом порядке когерентных связок. Показательно, что ища объяснение этому явлению, Юнг обратился к квантовой физике. Тема связи особых психических состояний с квантовыми уровнями была начата в переписке Юнга с В. Паули и привела последнего к соавторству в книге «Интерпретация природы психики». Это направление исследований Юнга было продолжено его учениками – М.Л. фон Франц и А. Минделлом. В дальнейшем идея синхронизмов как эффектов акаузальных когерентных со-осуществлений стала предметом серьёзного внимания со стороны физиков-теоретиков. «Нелокальные квантовые эффекты фактически являются формой синхронизма в том смысле, что устанавливают связь – а точнее, корреляцию – между событиями, в отношении которых любая причинно-следственная связь исключена»⁴⁴.

Что же касается прекогниции и ретрокогниции, равно как и феномена прямого знания вообще в форме различных проявлений ЭСП, то здесь речь может идти о непосредственном считывании сознанием (хотя подсознание играет здесь не меньшую, если не большую роль) особых психосферных образований – *психических (информационных) матриц* (подробнее о них см. ниже)⁴⁵. Эти матрицы – суть полупроявленные в эмпирическом мире проекции паттернов ИМ. В эмпирическом мире они могут соотноситься с событиями, относящимися к прошлому или к будущему. Но по своим интенциональным основаниям в ИМ они не принадлежат временным зависимостям.

На квантовом уровне это объясняется так называемой теорией прямого взаимодействия частиц или

⁴⁴ Davies P. The Cosmic Blueprint N-Y. 1988. P. 162.

⁴⁵ Феномен прекогниции доказан, в частности, опытами Г Шмидта в 1970-х гг. . Schmid H. // New Scientist. 50. 1971P. 757; Schmidt H. // J. of Am. Soc. for Psych. Res. 69. 1975. P. 301; 70. 1976. P. 267; 8. 1978. P. 463; Schmidt H. // J. of Parapsychol. 48. 1981. P. 87 и др. публикации этого автора.

теории дальнего действия⁴⁶. Сущность объяснения здесь заключается в достаточно обоснованной гипотезе о формальном равноправии опережающих и запаздывающих решений волнового уравнения, что означает возможность существования обратного временного потока: от будущего к прошлому⁴⁷. Такое видение согласуется и с некоторыми современными космологическими теориями, в соответствии с которыми Вселенная по достижению некоего состояния начнёт «схлопываться», двигаясь во времени в обратном направлении.

Ответ на вопрос, почему, несмотря на формальную симметрию «прямого» и «обратного» временных потоков, в реальности наблюдается только запаздывающая компонента, был дан Уиллером и Фейнманом. В их модели ускоряющийся заряд порождает как опережающие, так и запаздывающие волны. Окружающие частицы также приходят в движение и излучают поля с аналогичной структурой. Или, иными словами, генерируют гомоморфные интенциональные потоки и интерференционные полевые узлы. Исходная и вторичная волны интерферируют, и результат интерференции задаётся спецификой того, в какой мере данный тип излучения (интенции) взаимодействует с окружением, в качестве которого выступает всё вещество Вселенной (не слишком ли смело?). И хотя согласно «нормальной» логике, для всех четырёх типов взаимодействия должна наблюдаться только запаздывающая волна, для излучений с принципиально иным механизмом взаимодействия с веществом, вполне допустима и опережающая компонента.

Это значит, что если модель Уиллера-Фейнмана верна хотя бы в этих своих положениях, мы получаем ещё

⁴⁶ *Tetrode H // Zeit. Fur Phys.* Munchen. 1992. P. 317; *Cramer J.G. // Rev. Mod. Phys.* 1986. № 3/ P. 647; *Wheeler J.A., Feymann R.P. // Rev..Mod. Phys.* 1945. № 1. P. 157; *Davies P.C. W. Physics of Time Assymetry.* Berkley and Los Angeles. 1977.

⁴⁷ Факт влияния более позднего во времени действия на более раннее в квантовых процессах подтверждено экспериментально. См. Напр. *Jennewein T., Weihs G., Pan J.-W. and Zeilinger A. Phys. Rev. Lett.* 88, 017903. 2002.

одну версию картины мира, где всё уже произошло, и на некоем глубинном уровне различия между прошлым и будущим не существует.

Итак, *интенциональность понимается как «реликтовая» сила притяжения между агентами когерентной связи* (см. гл. 1), *«помнящая» о холономной между ними слитности в атемпоральном мире и стремящаяся актуализовать эту связь вновь.* «Вновь» – значит, в мире, где существуют темпоральные различия, т. е. холономная нелокальная связь оказывается спроецированной, «растянутой» в дискретно-линейные цепи каузальных зависимостей и процессуальных длительностей. При разворачивании свёрнутого порядка актуальность холономной связи обращается в потенциальность, а потенциальность наличного, эмпирического бытия – наоборот, преобразуется в актуальное существование. Иными словами, процесс развёртывания имплицитивного порядка выражается, в частности, в том, что внутреннее разделение, растождествление (если так можно выразиться) холономных «объектов» порождает *время*, которое, «вклиниваясь» между агентами связи, порождает сукцессивную процессуальность как всеобщую возможность эмпирического (развёрнутого) бытия (см. гл. 1, а также гл. 4.4.). Рефлексия этого момента в философском сознании, в частности, легла в основу кантовского конструктивного априоризма.

Как уже отмечалось в гл.1, интенциональность – продукт противоборства каузального и когерентного начал, ситуационно-динамический паллиатив между ними. С одной стороны, «направленность на...» априорно имплицитирует некое когерентное со-осуществление, но с другой, разводит компоненты когерентной связи по разные концы временного отрезка и тем самым вносит в со-осуществление момент изначальной, внутренней, незримой, имплицитной причинно-следственной обусловленности. А это, в свою очередь, открывает возможность замещения или изменения агентов когерентности. Можно предположить, что этот механизм действует не только на квантовом уровне, делая систему сепарабельной, но и распространяется на всю

прогрессию структурообразования от микро- до макроуровней.

Таким образом, исходное «ядро» когерентной связи, его изначальная диспозиция расслаивается на нелинейное множество вариантов осуществления, где, переводя на уплощённый язык «бытовой эпистемологии», содержание когерентной компоненты связывается с ответом на вопрос *что*, а каузальной – *как*. Впрочем, отделение этих вопросов друг от друга – сильная уступка аналитической привычке: в каждом акте бытия они нераздельны и диффузно слитны. Можно сказать, что изначальный пакет/паттерн по мере своего интенционально обусловленного «продвижения» к осуществлению и встраивания в контекст конкретных обстоятельств эмпирического мира расслаивается на множество вариантов своего воплощения. И расслоение это, перестав быть чистой потенциальностью, принадлежит пространству психосферы. Эти варианты осуществления, не будучи ещё опредмечены, уже существуют как психосферное явление и с той или иной мерой адекватности могут быть восприняты человеком.

Не следует однако представлять интенциональные потоки в виде ниточек, механически связывающих инертные дискретные элементы. Сами эти элементы – суть сгустки интенциональных энергий, «приторможенные» интерференционным эффектом (см. гл 1.) и угодившие вследствие этого в каузально-темпоральные ловушки (КМ пользуется здесь образом квантовых вихрей). Впрочем, лишь благодаря этим ловушкам и открывается возможность образования каких-либо устойчивых во времени структур. Поэтому интенциональность действует не между элементами структур, а через и сквозь них. Ни один из элементов какой-либо структуры не существует сам по себе, вне многоуровневой системы интенциональных волн, пульсаций и резонирования, ибо он есть не более чем относительно устойчивый во времени фокус этих самых интенций. Онтологическое его отличие от «свободно» существующей интенциональной волны состоит в том, что он, будучи связанной, т.е. воплощённой формой пучка интенций, приобретает свойство относительно

самостоятельного агента когерентных отношений. Он предстаёт таким узелком сущего, за который «цепляются» всепроникающие энергетические потоки и меняют в связи с этим, энергичные характеристики своей интенциональности и как следствие этого – её направленность. Поэтому, чем сложнее структура, тем более вариативен разброс между возможностями осуществления внутренних взаимодействий образующих её элементов. Соответственно, возрастает и количество вариантов потенциальных взаимодействий между структурой и внешней средой. Вопрос о том, каким образом поле превращается в структуру, относится к числу наиболее сокровенных тайн Вселенной, и останавливаться на нём подробно сейчас нет возможности.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что в рассуждениях о психосфере как медиационной зоне между мирами необходимо учитывать, по меньшей мере, два ключевых обстоятельства:

– психосфера состоит не из локальных онтологических единиц, а представляет собой континуум всепроникающих интенций, лишь условно и ситуационно локализованных в той или иной пространственно-временной точке. Поэтому феномены психосферы нельзя «пощупать», т.е. свести к сумме эмпирических проявлений. Судить о них можно лишь на основании тех косвенных изменений, которые они производят в мире относительно статичных онтологических величин. Именно поэтому психосферные явления ускользают от рационалистической методики экспериментального верифицирования;

– ВЭС, удерживающая холономность ИМ, дана человеку в модальности психосферных явлений, главным образом, «на стыке» природной и культурной сфер. При этом под «стыком» понимается не только однажды совершившийся вертикальный эволюционный переход, а постоянная зона межсистемной медиации.

Эпигенетическая стыковка систем в виде вертикального эволюционного перехода предполагает установление связующих мостов, проработку каналов трансляции эволюционного опыта и формирование

соответствующих принимающих устройств. Такие принимающие устройства, по мнению Бома, локализованы в некоторых зонах человеческого мозга⁴⁸. Впрочем, даже если не апеллировать к голографической модели, есть основания допустить, что «мостом» здесь выступает весь мозг в целом – современные нейрофизиологические представления о нейронных ансамблях и их функциональной диффузии, не говоря уже об опыте трансперсональной психологии (ТП), согласуются с такой точкой зрения.

«Значение холономной реальности состоит в том, что она создаёт то, что Дэвид Бом называет «свёрнутым», или «скрытым» порядком, который... одновременно является всеобщим порядком. Всё содержится во всём и распространено по всей системе. Посредством наших органов чувств... – мы открываем, разворачиваем этот свёрнутый порядок. ...Во Вселенной существует некий скрытый порядок, который является внепространственным и вневременным в том смысле, что пространство и время находятся в нём в свёрнутом виде. Сейчас мы можем утверждать, что и мозг также функционирует в холономной сфере»⁴⁹.

Надеюсь, мне удалось убедить читателя, что обращение к согласованию современных квантовых и нейрофизиологических теорий не служит обоснованию примитивного панпсихизма натурфилософского толка, а ВЭС – не полулитературная метафора. Впрочем, нельзя упускать из виду, что для человеческого сознания, которое само является продуктом разворачивания «скрытого порядка», исходная, «чистая» холономность имплицативного мира эмпирически непостижима в принципе. Однако природа «свёрнутого порядка» (не

⁴⁸ Причиной схожести квантовых явлений с феноменами мышления Д. Бома, вслед за Н. Бором, считает наличие в мозге человека определённых зон, узловых пунктов, контролирующих психические процессы и, в том числе, механизмы сознания, которые настолько чувствительны и тонко настроены, что их надо описывать квантово-механическим путём. *Бом Д. Квантовая теория*. С. 205-206.

⁴⁹ Цит. по: *Pribram K. The Holographic Hypothesis of Brain Functioning* // S. Grof (ed.). *Ancient Wisdom, Modern Science*, State University of New York Press, 1984. P 178 – 179.

обязательно в строго бомовском его понимании) по отношению к разворачивающимся во времени и пространстве феноменологическим модусам и обнаруживается в явлении ВЭС, когда сознанию приоткрывается имманентность всего всему, взаимоприсутствие всего во всём и тотальная холистичность универсума. В этой формулировке читатель, несомненно, узнает набившие оскомину сентенции в духе бульварной мистики и полурелигиозных-полунаучнообразных «откровений», преподносимых обывателю от имени эзотерических учений Востока⁵⁰ и различного рода мудрецов в кавычках и даже без них и т.п. Отмежеваться от всего этого одной фразой не удастся. Однако, не пускаясь в долгие объяснения, оговорюсь, что формулу «всё во всём» в любом случае не следует понимать слишком буквально⁵¹. Речь не идёт о какой-либо актуальной форме присутствия (представленности) дискретных вещей друг в друге во всей полноте их единичных и конечных эмпирических свойств. Имеется в виду лишь их глубинное сродство на уровне всеобщей пронизанности неразрывными и всепроникающими интенциональными потоками и излучениями и вовлечённость во всеохватные ритмические пульсации. К тому же, согласно КМ, когерентные суперпозиции никуда не исчезают и после актов декогеренции и перехода в локальные состояния. Потому-то всё конечное и единичное, частное и особенное и представляется из этих глубин не более чем пеной на поверхности сущего. В этой связи идеи бутстрапа Дж. Чу об отсутствии в мире чего либо онтологически определённого,

⁵⁰ Вспомним упомянутую книгу Ф. Капры, и его же книгу: «Скрытые связи» М. 2004. См. также, *А Госвами. Самосознающая Вселенная.* М., 2008.

⁵¹ Здесь проще всего было бы сослаться на уже упоминавшуюся голографическую теории Вселенной Боме-Прибрама, но она одна не снимает всех возникающих здесь вопросов и к тому же в ряде моментов, которые традиционно принято относить к ведомству философии, она ограничивается приблизительными и метафорическими ответами.

фундаментального, субстанционального уже не кажутся столь отвлечёнными.

Но может ли абстрактная всеобщая связь очевидным образом себя проявить за пределами квантовых процессов? Обнаруживает ли она себя непосредственно? И если обнаруживает, то как и в какой степени? Ответы на эти сложнейшие вопросы коренятся в устройстве ИМ, говорить о котором необычайно трудно, но необходимо.

В отличие от обыденно-механистического представления о структурности, где каждый элемент понимается как нечто дискретное, равное самому себе и локализованное во времени и пространстве, «структурность» свёрнутого порядка устроена принципиально иначе. Здесь любой условно выделяемый дискретный «элемент», будучи по своей природе нелокальным, включён не в одну какую-либо «состоявшуюся» структуру, а в бесчисленное множество потенциальных структурных связей, взаимодействий и со-осуществлений.

Обратимся к вопросу о природе репрезентируемого в психосфере ИМ и его, условно говоря, структурности. Условно – потому, что никаких локальных структур, наподобие тех, что мы наблюдаем в эмпирическом мире, там нет и быть не может. В мире свёрнутого порядка нет ни структур, ни даже дискретных и устойчивых во времени и пространстве составляющих элементов, а есть лишь пакеты возможностей их актуализации⁵². Каждая из условных единиц анализа этих пакетов, которой наше дискретно мыслящее сознание приписывает соответственно дискретные и локальные свойства, потенциально присутствует, как уже говорилось, не в одной, а в бесчисленном множестве потенциальных структурных образований. Поэтому, рассуждая в нашей привычной системе смысловых координат, можно говорить разве что о парадоксальным образом «отсутствующей структуре» (совпадение с названием работы У. Эко чисто случайное).

⁵² Для КМ давно стало общим местом, что «Вакуум кишит неродившимися виртуальными частицами». Мигдал Б.А.. Физика и философия // Вопросы философии. – 1990. № 1. С.22.

Отсутствие в ИМ привычной для нас пространственно-временной структурности не означает, что мир этот пребывает в абсолютно гомогенном и недифференцированном состоянии, ибо холономность не есть простая нераздельная однородность. Понимая это, Бом отмечает, что «Каждое действие начинается из намерения в имплицативном порядке. Воображение – это уже создание формы; оно уже обладает намерением и зародышем всех необходимых последующих воплощений. То есть творение берёт начало из *наиболее тонких* (курсив мой – А.П.) слоёв имплицативного порядка, проходит сквозь них до тех пор, пока не воплотится в эксплицативном порядке»⁵³. Это первичное бытие-в-возможности я называл выше нулевым уровнем бытия.

К сожалению, обрывочные идеи о внутреннем устройстве мира имплицативного порядка и о его взаимоотношениях с миром порядка развёрнутого не получили достаточного развития ни у Бома, ни у кого-либо из его последователей или авторов релевантных квантовых теорий. Зато они вдохновили множество авторов на несерьёзные, безответственные и не имеющие отношения к науке фантазии о сотворении вещей и целых миров силой воображения, о физическом воплощении произвольных фантазий и т. д. и т. п.

В связи с тем, что ИМ, очевидно, не представляет собой чистую и однородную потенциальность, простая дихотомия *потенциальное – актуальное* оказывается явно недостаточной для описания взаимоотношений между мирами свёрнутого и развёрнутого порядков. Между чистой, абстрактной потенциальностью и воплощённым бытием в эмпирическом мире простирается шкала состояний, соответствующих различным уровням возможности осуществления. Гетерогенность психосферы – и есть отражение этой шкалы. Будь это не так, разворачивание имплицативных пакетов в актах актуального бытия было бы хаотическим, и ни о каком порядке или эволюции вообще не

⁵³ Цит. по. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София. 2008. С. 112.

могло идти речи. Однако эволюционное конфигурирование на путях ГЭВ вполне упорядочено: ни попятных движений⁵⁴, ни опережающих скачков через несколько эволюционных ступеней, как уже отмечалось, не наблюдается. Стало быть, если даже допустить, что в ИМ имплицитно присутствуют ВСЕ потенциальные возможности осуществления, то в любом случае, их экспликация в нашем пространственно-временном континууме осуществляется в соответствии с определёнными законами.

Здесь можно вспомнить и «экзотическую» гипотезу Дж. Уиллера, восходящую ещё к Х. Эверету, согласно которой, Вселенная перманентно расщепляется на бесконечное число копий. В этом случае доступная восприятию реальность – коридор осуществившихся на нашем уровне существования возможностей, линейная во времени цепочка актов бытия, нить, выделенная из бесконечной паутины возможностей наличной актуализованностью своего существования. Квантовый скачок эта концепция объясняет не только как «предъявление» наблюдателю одной из возможных копий, но и как перемещение сознания с одной «ветви» на другую. Отсюда делается предположение о том, что сознание до некоторой степени способно влиять на направление этого перемещения.

Необходимо также отметить, что мир потенциальных осуществлений нельзя представлять в виде склада ждущего своего часа заготовок. Каждая из них осуществляется в акте бытия лишь в под действием направленного из эмпирического мира интенционального импульса-запроса, но никак не до того: в конкретном мире нет темпоральных длительностей.

Идеи Боба, а также Уиллера-Фейнмана и др. об ИМ, где прошлое, настоящее и будущее находятся в свёрнутом, холодно-нераздельном состоянии, не являются чисто умозрительными. Они находят и экспериментальное подтверждение (разумеется, вне прямой и обязательной связи с квантовыми построениями Боба). Так, в работах Е.А. Козырева, исследования которого, по понятным причинам, недостаточно

⁵⁴ Речь идёт не об отрицании очевидных деструктивно-инволюционных и редукционных процессов, а об общем принципе необратимости эволюции.

признаны и известны, приводятся экспериментальные данные наблюдений за физическими свойствами времени, полученные на основании исследования «мгновенной» передачи воздействия космического объекта на состояние вещества-датчика. Интерпретируя полученные результаты в терминах «геометрии Минковского», Козырев пишет: «Этот четырёхмерный мир Минковского может представлять собой реальный мир, в котором живём мы, или может быть только абстрактным построением... С точки зрения реальности такого мира, всё, что может произойти, уже существует в будущем и продолжает существовать в прошлом. Перемещаясь по оси времени, мы только сталкиваемся с событиями в своём настоящем»⁵⁵

Но как в таком случае трактовать неоднородность когерентного мира, в какой измерительной плоскости разворачивается шкала потенциальности? Разумеется, ответы могут быть лишь гипотетическими.

Когда какая-либо из потенциальных возможностей осуществления получает своё воплощение, то сам этот акт – феномен, явление, или даже просто эмпирически проявленная интенция определённого содержания – оказывает обратное воздействие на ИМ. В нем «провоцируется» новый пакет потенциальных возможностей, сложным и непрямым образом соответствующий его (акта существования) интенциональным и онтологическим характеристикам (важнейшие из этих характеристик составляют параметры, определяемые в координатах ГЭВ – см. гл 1.). Причём набор потенциальных возможностей внутри пакета ограничен не чьей-то мистической волей, а спецификой самих воплощённых онтологических характеристик. Любая данность способная в нашем мире жить и изменяться во времени в амплитуде возможностей, предопределенной имманентными характеристиками самой этой данности Этим определяется не только простая временная устойчивость любых структур, но и структурный типологизм на всех уровнях существования.

⁵⁵ Козырев Н.А., Насонов В.В. О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями: Проявление космических факторов на Земле и звёздах. М.;Л. 1980. С. 89.

В этом смысле любой акт бытия, продлевающий своё существование во времени, «вызывает» из мира имплицативного порядка свои иновременные, следовательно, так или иначе изменённые состояния. В такой формулировке процесс предстаёт как дискретная последовательность состояний. Но это неверно. Таковым он рисуется лишь в силу ограниченных возможностей нашего языка, отражающего дискретность актов сознания и оперирующего дискретными единицами и сукцессивными отношениями. В процессе «вытягивания», распаковывания актов бытия из ИМ нет пауз и зазоров, нет, «сначала» и «потом», нет «до» и «после». Интенционально-энергичный поток, образующий канал медиационной связи, протекает перманентно и параллельно в обоих направлениях. Поэтому то, что нами воспринимается как дискретные *изменения*, с точки зрения медиационного диалога между мирами, осуществляется в континуальном режиме. А возможность возникновения нашего сознания и языка, как и всей культуры в целом с её диалектикой дискретного и континуального, обусловлена ни чем иным как нарушением, частичной разбалансировкой прямых и обратных связей между мирами в ходе описанного выше вертикального эволюционного перехода. К этой важнейшей теме я вернусь позднее.

Идея «вызывания» себя самого из ИМ в каждый момент времени, как таковая, вовсе не содержит возможности каких-либо изменений и вызывает в воображении образ замкнутого круга. Однако, ни о какой статике, чреватой креационистскими в духе Августина выводами, здесь речи не идёт. Можно говорить, по крайней мере, о двух видах изменений. Первый – экспликация актов существования, укладываемая по своим параметрам в базовые характеристики наличной «вызывающей» структуры. Так происходит становление форм на основе структурных схем: для живых организмов – онтогенез, для культурного сознания – инкультурация, а также набор потенциальных «заготовок» для изменений, связанных с существованием в физической среде (для человеческого сознания – также и в среде культурно-смысловой).

Изменения здесь совершаются в рамках флуктуаций, колебаний вокруг относительно устойчивых конфигуративных матриц. Если поток флуктуационных изменений приобретает направленный характер, то в этом случае можно говорить о внутреннем или имманентном развитии (или, наоборот, деградации) структуры. В целом, этот тип изменений – мир повторений – рутинный фундамент Вселенной. Это конгломерат систем с их многочисленными уровнями и подуровнями – от вращения планет и инстинктивного поведения живых организмов до традиционализма в культуре, который ведёт диалог с ИМ по раз и навсегда установленным каналам и в относительно неизменных интенционально-энергетических режимах. К примеру, в человеческом организме соединяются несколько систем: неорганическая, биологическая и культурно-ментальная. Первые две ведут диалог с ИМ в рутинном режиме, практически незаметном для рефлектирующего сознания. Лишь культурно-ментальная система, причастная к незавершённой системе культуры и не определившая до конца режимы своего диалога с ИМ, способна этот диалог «проблематизировать».

Но есть и другой тип изменений. Интенциональные «обращения» к некоему сектору потенциальных осуществлений, соответствующих более «продвинутым» по линии ГЭВ характеристикам, можно понимать как движение на пути эволюционного (в отличие от имманентного) развития. Здесь обнаруживается принципиально иной режим медиации между мирами. Любой эмпирически наличной структуре в ИМ соответствует специфический *пакет потенциальных изменений*: своего рода «ограниченная бесконечность» вариаций, заключённая в конфигуративную «оболочку» имплицативного паттерна. Т.е. в своих самоизменениях структура не способна «вызвать» из ИМ такие свои трансформации, которые нарушали бы её базовую конфигурацию. Такой тип изменчивости выходит за пределы соответствующего имплицативного пакета, и возможность их реализации исчезающее мала. Нам может показаться, что это не так, поскольку сознание нацелено на фиксацию именно этого типа изменений: развития или

деструкции, приводящих к качественно новым состояниям. Но в общем масштабе медиации между мирами этот сектор действительно количественно крайне мал.

Направленность изменений способна - тем или иным образом - подвести структуру к границам её паттерна и взломать исходную конфигурацию. Причины этого могут быть весьма разнообразны. Но в значительном числе случаев это происходит, когда имманентное развитие структуры вливается в мейнстрим ГЭВ (причём, не обязательно вертикального направления). Интенциональные потоки ГЭВ расшатывают конфигуративные конструкции «слабеющих паттернов», приближающихся к исчерпанию основных, если так можно выразиться, версий своего воплощения, и путем скачков расширяют границы пакетов их потенциальных изменений. Отсюда, как уже отмечалось, становится понятен и феномен эволюционного типологизма: новые формы рождаются целиком и сразу, поскольку они уже предсуществовали в ИМ и лишь «ждали момента», когда из эмпирического мира поступил соответствующий «запрос». (Ещё раз напомним, что всё это метафоры: в ИМ нет времени и потому, нет, и не может быть никаких заранее заготовленных форм).

Иными словами, процесс изменения режима медиации между мирами, можно представить следующим образом. Между наличной эмпирической структурой (или отдельным актом существования) и соответствующим ему имплицативным пакетом существуют каналы стандартных интенционально-энергийных связей. Изменения структуры, не затрагивающие её конфигуративной основы, осуществляются в рамках распаковывания потенциальных возможностей внутри исходного имплицативного пакета. Т.е. структура под действием внутренних автоморфических импульсов или в силу воздействия окружения «вызывает» и распаковывает из имплицативного пакета свои изменённые во времени и пространстве состояния, оставаясь при этом сама собой. Этот тип изменений в своём развитии приводит к ветвлению подпакетов в пределах исходного имплицативного пакета. Но в случае, когда потенциал изменений в рамках исходной конфигурации исчерпывается,

происходит одно из двух. Либо структура разрушается и гибнет, а её материал «идёт в распыл», либо происходит её качественное конфигуративное преобразование и тогда каналы медиационной связи переориентируются уже на другие имплицативные пакеты, которые и возникают вследствие новых интенциональных импульсов-запросов из эмпирического мира. Вопрос о том, при каких условиях наступает предел «внутрипакетных» изменений, т. е. вопрос о первопричинах качественных изменений, требует отдельного, более подробного разговора, который сейчас уведёт нас слишком далеко от основной темы.

Итак, диалог с ИМ являет в физическом мире два основных типа изменений:

имманентные, когда пакеты потенциальных осуществлений по мере усложнения структуры, ветвясь на множество подпакетов, подводят (или не подводят) структуру к границам её конфигуративного паттерна;

эволюционные, когда индуцируемые извне интенциональные «запросы» в ИМ выходят за пределы исходной конфигурации и вызывают к существованию принципиально новый феномен.

Любого рода деструктивные и инволюционные изменения относятся, разумеется, к первому типу.

Оговорюсь еще раз: используя в разговоре о мире имплицативного порядка слова «новый», «прежний», «ограниченный» и т.п., я не забываю о том, что они, как и многие другие, неприменимы к миру, где отсутствует пространственно-временное измерение. Речь здесь идёт всего лишь о проекциях реалий ИМ в наше сознание которые выражены доступными нам языковыми средствами. Никаких новых в привычном для нас смысле пакетов, разумеется, не возникает. Но то, что в нашем мире выглядит как градация пространственной или временной последовательности, в мире свёрнутого порядка предстаёт градацией шкалы потенциальности. Чем сильнее интенциональный призыв из нашего мира, тем выше потенциальность воплощения «призыва» в какой-либо его модификации. Причём инерционный «запрос» на устойчивое воспроизведение всегда выступает

доминирующим фоном, сквозь который сравнительно слабо пробивается «голос», взыскующий качественных структурных изменений. Но, повторю, содержание изменений диктуется интенционально-онтологическим статусом «призывающего», и всё, что выходит за его пределы, – всего лишь диалог слабых импульсов, едва уловимых в самых глубоких и удалённых от фронта экспликации слоях ИМ. Говоря гегелевским языком – не всё *сущее* в когерентном мире является *действительным*. Потому и произвол человеческого мышления не способен вызвать к жизни плоды своих произвольных фантазий. Действительное намерение, даже будучи «адресовано» слабой потенциальности когерентного мира (в формулировке Бома, – тонким слоям имплицитного порядка), способно в той или форме эксплицитовать соответствующий акт существования. Но произвольные фантазии адресуются к тому спектру «сущего» в имплицитном порядке, вероятность экспликации которого в эмпирическом мире ничтожна до неразличимости. Именно этот механизм я имел в виду, говоря о степени ложности «ложных» мистических представлений (см. выше).

Впрочем, вероятность воплощения в эмпирическом мире того или иного имплицитного паттерна определяется не одной лишь силой интенционального импульса. Вновь прибегая к пространственной метафоре, представим, что в ИМ существует некая шкала приближения к границе распаковки. При этом имплицитные паттерны ведут между собой интенциональный диалог: своего рода борьбу за возможность эмпирического воплощения. Не случайно в КМ даже появился термин «квантовый дарвинизм» (В. Зурек): между квантовыми состояниями идет конкуренция за то, чтобы оказаться декогерированными и получить возможность на существование в виде стабильных эмпирически воплощённых и проявленных образований. В результате этого «естественного отбора» выживают те структуры – суть имплицитные паттерны, которые обладают соответствующим интенционально-энергетическим потенциалом. Интенсивность энергообмена со средой здесь не является единственным фактором. А уж об «обмене

информацией», как это нередко представляют пишущие об этом явлении авторы, вообще как мне представляется, говорить некорректно.

У самого фронта распаковки «толпятся» имплицитные паттерны, вероятность воплощения которых максимально высока. Причины такой высокой вероятности могут быть связаны с такими обстоятельствами как наличие в психосфере, т.е. уже за фронтом распаковки энергетически сильных и устойчивых энграмм (см. ниже), – неких промежуточных полупроявленных онтологических состояний, подготавливающих почву для экспликации. Т. е. устойчивые и энергетически сильные структуры вызывают из когерентного мира свои экспликаты с наибольшей вероятностью. К этому типу экспликаций относятся все рутинные и легко предсказуемые процессы. Проще говоря, психосфера хранит слепки (энграммы) всех когда либо распакованных (декогерированных) состояний.

В КМ это явление описывается понятием *матрица плотности*⁵⁶. Эта матрица может быть представлена в виде двух составляющих. Первая соответствует максимально смешанному состоянию, отражая потенциальный спектр состояний, в которых система способна себя реализовать. Вторая – динамическая: в ней матрица актуализует возможные для себя состояния. Прибегая к привычным эпистемологическим построениям, можно сказать, что первая составляющая несёт в себе «идею» всех возможных для системы состояний, тогда как вторая «занята» их актуализацией в ходе взаимодействия⁵⁷. Здесь, конечно же, напрашивается целый ряд важных вопросов и не менее важных выводов, но я не имею возможности специально погружаться в эту тему.

И эти состояния – первые кандидаты на вторичное воплощение хотя бы и в изменённом виде. Причём и в этом слое не может не быть своей внутренней конкуренции.

Следующий по мере удаления от фронта распаковки «слой имплицитных пакетов» не имеет сильно выраженных энграмм. Вернее, они могут быть, но сила их интенционального притяжения сравнительно невелика. В этом случае, высокая вероятность воплощения может

⁵⁶ Блум К. Теория матрицы плотности и ее приложения. М: Мир, 1983.

⁵⁷ Braunstein S. L. et al. Phys. Rev. Lett. 83, 1054. 1999.

обеспечиваться исключительно силой и направленностью интенционального импульса или случайной или намеренной скоординированностью нескольких (или множества) интенциональных импульсов (потоков). Это тот класс ситуаций, метафорой которых является вера, сдвигающая горы. Из этого слоя распаковывается большинство любого рода инноваций, через него, ГЭВ прочерчивает свои эволюционные магистрали как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Здесь причина, распаковывающая имплицативные пакеты, – *эффект интенциональной кумуляции*.

Далее располагаются не поддающиеся дифференциации тонкие слои ИМ. Вероятность экспликации имплицативных пакетов из этих слоёв крайне мала и по мере удаления от фронта распаковки стремится к нулю. Она «теплится» за счёт интенциональной энергии человеческой субъективности, ибо лишь человеческая ментальность способна на произвол мышления. Впрочем, бывают случаи, когда произвольные, на первый взгляд, фантазии, оказываются не информационным шумом психосферы, а чем-то вполне действительным. Тогда происходит то, что по законам «здравого смысла» происходить не может. Сознание, как правило, сторонится таких феноменов, ибо за ними проступает страшный образ хаоса. Впрочем, культурное сознание и здесь находит адаптирующие механизмы, но о них следует говорить отдельно.

Я сознательно не заостряю внимание на проблеме границ ИМ - как внутренних, так и внешних. Вообще, дифференциация и проведение границ – любимое упражнение аналитического интеллекта. С каким неистовым увлечением средневековые богословы выстраивали иерархические лестницы сил и сущностей запредельного мира! Не отставали от них и восточные мудрецы. Однако надо признать, что ничего хоть как-то обоснованного о внутренних границах слоёв мы сказать не можем, как и не можем забывать о метафоричности всех его описаний. Ведь если дать метафоре жить собственной жизнью, то хоть как-то ухватить стоящее за ней явление уж точно не удастся.

В нашем случае вопрос о границах осложняется ещё и тем, что, как уже говорилось, ни о каком непосредственном восприятия ИМ речи идти не может. Сознание имеет дело лишь с психосферой – экраном, на который синхронно проецируются все слои ИМ. Поэтому связь множественности и мультивариативности квантово-импликативного мира с миром его декогерированных, эмпирически воплощённых проекций оказывается неоднозначной.

Микромир – область, где взаимопереходы когерентного (импликативного) и каузального (эмпирического) миров обнаруживают себя наиболее очевидным образом, хотя очевидность эта, разумеется, не такова, как в привычном эмпирическом мире. А то, что события микромира оказываются зависимы от сознания (только ли сознания?) наблюдателя (участника эксперимента), свидетельствует о том, что любого рода феномены, связанные с означенным сопряжением и данные нам в опыте – суть явления психосферы. Представления о едином квантовом состоянии как форме нелокальной связи, при всех своих сложностях и парадоксах, являются научно фундированными. Но когда представления о нелокальных связях отрываются от идеи единого квантового состояния и переносятся на другие системные уровни реальности, они, будучи лишены доказательной базы, неизменно теряют валидность и зачастую превращаются в произвольные и необязательные рассуждения.

В этой связи вновь возникает вопрос: не растворяется ли всеобщая эмпатическая связь в прогрессии отпадений? Не «загоняет» ли вектор усложнения и автономизации форм «реликтовую» холономность сущего на квантовый уровень, разрушая её на уровнях более высоких? Ответ чисто постулативный – нет. Бесчисленное количество косвенных данных⁵⁸ указывает на то, что холономность – фундаментальный и неустранимый ни при каких эволюционных обстоятельствах модус всего сущего,

⁵⁸ Даже предварительный обзор этого материала потребовал бы написания отдельной книги.

поскольку когерентные суперпозиции не исчезают с процессом декогеренции. И фактор холономности диалектически противостоит фактору автономизации и онтологического взаимообособления форм, структур и систем. Напомню, что процесс этот также начинается на квантовом уровне с возможности «внутреннего» разделения замкнутой системы на подсистемы, т.е. с перехода из несепарабельного состояния в сепарабельное.

Есть все основания предположить, что холономная связь «транслируется наверх», пронизывая структурные уровни реальности и обеспечивая «присутствие» ИМ и продуцируемую им когеренцию во всех срезax бытия. Проводником этой трансляции выступают интенциональные потоки, импульсы, волны, которые в виде ритмических регуляций служат незримой «несущей конструкцией» любого рода онтологий. И если, согласно квантовым представлениям, вещество предстаёт сгустком поля, фокусом интенциональных потоков, то всякая онтологическая данность, обратным образом, выступает не только фокусом, но и источником, генератором всепроникающих интенциональных излучений и импульсов. Эти интенциональные излучения и ритмически организованные импульсы есть своего рода «распылённая» онтология, нелокальная «эманация», посредством которой относительно автономный «сгусток» распространяет своё бытие за пределы своей о-пределённой эмпирической формы. В этом смысле самость как таковая, в той или иной степени присущая всему сущему, обуславливается возможностью сгустков поля всякий раз на определённый лад изменять сфокусированные в нём интенциональные частоты и ритмы и затем испускать эти изменённые волны вовне. КМ подтверждает эту модель открытием так называемого *квантового гало* (quantum halo) – своеобразного квантового ореола, окружающего любую локальную совокупность частиц. Примечательно, что размеры этого окружения выходят далеко за пределы «фокус-объекта» и соответствующих ему полей.

Феноменологические же проявления этих бесчисленных протянутых вовне интенциональных нитей и

ритмических резонанций актуализуются лишь там, где они «вызываются» и вводятся в присутствие релевантными импульсами и интенциональными «призывами» из нашего «простого» физического мира. Таким образом, любая форма (структура, система) независимо от уровня своей сложности пребывает в двух модусах: условно говоря, концентрированном (онтологически о-пределённом) и «распылённом», не связанном пространственно-временной локализацией. К примеру, любой бытовой предмет, хотя бы карандаш, является нам в сумме своих эмпирических свойств и, в терминах КМ дан как классический объект. Однако незримое для нас состояние поляризации атомов удерживает некоторый локус полей карандаша в нелокальном, запутанном состоянии. И, стало быть, ручка пребывает одновременно в двух модусах реальности: как локальный эмпирический объект и как объект нелокальный, пребывающий везде и нигде.

Сложные структуры несут в себе эпигенетические наслоения (вложения) всех эволюционных уровней, снимая их в себе, прежде всего, посредством интенционально-ритмической согласованности и «упаковки» более сложных образований в пространственно-временные кластеры образований более простых (см. гл.1 о соотношении новообразуемых и материнских систем). И такая упакованность – тоже форма удержания ВЭС. И хотя жизненные режимы «нижних» структурных этажей неизменно жёстко детерминируют «верхние», голоса их, посылающие свои запросы в когерентный мир, плохо различаются «наверху». Как уже говорилось, человеческому сознанию свойственно забывать о своей биологической основе и её собственных отношениях с когерентным миром. А об уровнях добиологических – и подавно. Тем не менее, сложные структуры (системы) на то и сложные, что способны улавливать проявления нижних эволюционных уровней, а в случае с культурой – отчасти их корректировать. Нетрудно заключить, что степень согласованности онтологических уровней обратно пропорциональна степени сложности и, соответственно, автономизации системы. Вернее, сложность системы

повышает вероятность такого рассогласования. В ином случае холономный модус бытия не был бы для культурного сознания столь протеистичным. Впрочем, для более простых и наименее рефлексивных исторических форм сознания модус этот всё ещё выступает априорной и безусловной данностью.

В связи с вышеизложенной концепцией взаимосвязи трансцендентного (имплицативного) и эмпирического миров хочу отметить, что авторы, берущие за основу своих философских построений общетеоретические выводы квантовой механики, характеризую действующую причину изменений, как правило, прибегают к употребляемому физиками понятию *наблюдения*. Наблюдение-де схлопывает волновой пакет и т.п. Приведу характерный пример подобных рассуждений. *А. Госвами*, полемизируя с теорией множественности миров Х. Эверета, пишет: «Тогда вместо того, чтобы говорить, что каждое наблюдение отделяет ветвь материальной Вселенной, мы можем сказать, что *каждое наблюдение создаёт причинный путь в ткани возможностей в трансцендентной сфере реальности*. (Курсив *А. Госвами*). И далее: «Я предполагаю, что *вселенная существует как бесформенная потенция в множестве возможных ветвей в трансцендентной сфере и становится проявленной только когда её наблюдают сознательные существа*. (Курсив *А. Госвами*) ... Именно эти самосоотносительные наблюдения намечают причинную историю вселенной, отвергая бесчисленные параллельные альтернативы, которые никогда не достигают материальной реальности»⁵⁹. В этих, отчасти близких к нашим рассуждениях есть, однако, два принципиально неприемлемых момента.

Первый: не *наблюдение* как таковое схлопывает волновые пакеты и далее по цепочке онтологических уровней, восходит к воздействию на макрообъекты эмпирического мира. Наблюдение – не более чем внешний план выражения определённым образом устремлённой *энергийной интенции*, предшествующей и перцепции, и

⁵⁹ *А. Госвами*. Указ. С. 222-223.

апперцепции, и, тем более, образованию каких-либо значений в сфере сознания. Сознание – не метафизическая субстанция, она – продукт эволюции самости. И «досознательного» уровня самости более чем достаточно, чтобы осуществлять декогерирующие взаимодействия. И физические объекты, явно ничем не обязанные человеческому сознанию, существуют в эмпирическом модусе лишь благодаря этим взаимодействиям. «Солнце не излучало бы, если бы оно было одно в пространстве, и никакие другие тела не могли бы поглотить его радиацию...»⁶⁰. И взаимодействия эти совершенно некорректно описывать в категориях сознания или создавать иллюзию объяснения с помощью «информационной» лексики, т.е. говорить о «записи информации», «информационном обмене», «информационных взаимодействиях» и т.п. Там, где нет информационного кода, т.е. правил кодировки и декодировки, а также источника, носителя и адресата этого кода, не тождественных самому коду, там понятие информации может применяться лишь как метафора. Но метафора эта чаще уводит от понимания сути процесса, чем проясняет эту суть. Так, по меньшей мере, в неживом мире говорить о каких-то «информационных процессах» весьма проблематично.

Разумеется, человеческое сознание тоже участвует в формировании реальности. Но сектор этого участия в масштабе Вселенной не столь значителен. Если мы все перестанем «наблюдать» Солнце, оно не «рекогерируется» в чисто квантовый объект, ибо оно имеет такое количество разнообразных связей и взаимодействий с окружением, что в помощи человеческого сознания не нуждается. Т.е. независимо ни от каких позиций сознания, космические объекты, не обладающие сознанием, но достаточно самостные, чтобы оказывать воздействие на Солнце, уже давно осуществили его декогеренцию как исходной нелокальной квантовой структуры. Здесь в мире мощных энергий взаимодействия и низких уровней квантовой

⁶⁰ Tetradе H. // *Zeit. Fur Phys.* 1992. P. 317.

запутанности и рождается то, что принято называть «объективной реальностью». Это выражение заключено в кавычки, потому, что каждый из объектов «видит» в другом лишь те компоненты волновой функции, взаимодействие с которыми было достаточным для определения их состояния, то есть для перевода этих компонент из суперпозиции в смесь. В процессе рекогеренции нелокальных состояний участвует любое образование, способное излучать интенциональный импульс. Но возможности этих образований существенно разнятся. И, оценивая их, мы не должны путать такие параметры как *энергия взаимодействия* и *уровень самости*. Так, в мире геохимических процессов действуют мощные энергии взаимодействия, но может ли, к примеру, кусок минерала столь же продуктивно и целенаправленно разделять компоненты суперпозиции окружающего его мира или фиксировать состояния и опыт взаимодействия с локальными объектами, как это делает способное к ретроспекции человеческое сознание? Разумеется, нет. Но даже и простой булыжник всё же выделяет какие-то элементы из квантовых суперпозиций окружения, и его возможности здесь простираются настолько, насколько ему это позволяет эволюционный уровень самости, достигнутый геохимической системой.

Иное дело – мир культуры. Здесь роль сознания в формировании консенсусной реальности, в которой самоопределяется человек, гораздо более существенна, и об этом ещё пойдёт речь далее.

Второй момент связан с решительным неприятием антропного принципа. Всякий раз, наталкиваясь на лукавые, избыточные натяжки и передёргивания построения, сводящиеся к тому, что «Для создания вселенной необходимы наблюдатели» и что «Космос создавался ради нас»⁶¹, я невольно вспоминаю «пикейные жилеты» из «Золотого телёнка» – убогих умствующих старичков, ведущих местечковые пересуды о коллизиях мировой политики, которые неизменно сводятся к тому, что

⁶¹ А.. *Госвами*. Указ соч. С. 224.

Черноморск должны непременно объявить вольным городом. Авторы, придерживающиеся антропного принципа, как правило, либо попадают под гипноз собственных эпистемологических парадигм, которые всегда грешат «человеческим, слишком человеческим», либо тяготеют к плохо скрываемой (или вовсе не скрываемой) религиозности иудео-христианского или восточно-мистического толка. А построение, согласно которому волновая функция полностью «схлопывается» только в сознании и потому Вселенной как замкнутой системе, «приготовленной для наблюдения», необходимо некое внешнее суперсознание, выглядит неубедительной натяжкой.

Представляется, что диалог с ИМ на уровне систем, эволюционно предшествующих АС, вёлся до возникновения всего того, что можно связать с понятиями ума, разума, сознания и т. п. — т. е. человеческого и явно слишком человеческого. Ведётся этот диалог и теперь, вне прямой зависимости от любого рода «наблюдений»; ИМ в целом совершенно безразличен к человеку, ибо его существование никоим образом не зависит от человека. Другое дело, что культура как мир человеческой ментальности и соответствующих практик, взаимодействуя с ИМ, меняет конфигурацию паттернов в определённых его «слоях» — пакетах вероятных актов существования. Но отсюда до антропного принципа — огромная дистанция.

Прибавление

На основе гипотезы о том, что акты потенциального бытия актуализуются посредством их интенционального «вызывания» («вытягивания») из ИМ, можно предложить модель, которая предварительно объясняет широкий круг явлений, не поддающихся убедительной интерпретации в рамках традиционных научных парадигм. Это трудные для объяснения эволюционными теориями факты и, прежде всего, направленный характер изменчивости. Теория вероятности и «метод проб и ошибок» в применении к процессу эволюционного развития показали полную беспомощность.

К примеру, В. Келер «...считал, что шимпанзе могут решать новые для них задачи не методом проб и ошибок, а на основе «разумного постижения» логических связей между стимулами или событиями». Для обозначения этой способности он ввел понятие «инсайт» и доказал наличие такого феномена у антропоидов⁶². Представляется, однако, что и инсайт имеет малое отношение к «разумному постижению», а, скорее, являет эффект прямого знания/действия, считанного из ИМ и вызванного не когнитивным генерированием/конструированием «представлений», а интенциональным запросом, адресованным миру потенциальных осуществлений. При этом немалое значение имеет и то, что обезьяны, с которыми проводят эксперименты, пребывают в психической среде человека, т.е. испытывают воздействие специфически человеческих психических матриц, которые – по мере своих когнитивных возможностей - обезьяны и считывают.

Более того, если допустить, что акты эмпирической реальности распаковываются из имплицативного состояния под действием интенциональных импульсов-«запросов», то тогда становится понятным и механизм магистрализации эволюционных изменений в русле ГЭВ на всех уровнях самоорганизации систем.

В предыдущей главе, посвященной проблеме антропогенеза, я сознательно избегал обращения к вышеозначенной аргументации. Но её добавление придало бы картине вертикального эволюционного перехода большую цельность и завершённость. В этой связи исключительная, поистине патологическая суггестивность гоминид нижнего палеолита, по сравнению с которой отмеченная ещё Б.Ф. Поршневым суггестивность палеоантропов – лишь слабое подобие, приобретает дополнительный смысл и превращается в глубинный детерминирующий фактор эволюционной динамики. Патологическое расширение правополушарной перцепции высвободило мощный поток психической и, соответственно, интенциональной энергии, который последовательно

⁶² Зорина З.А. Указ... С. 12.

обуздывался развитием изначально компенсаторной левополушарной когнитивности. Но интенциональной мощи этого потока тем не менее хватило на то, чтобы в течение миллионов лет антропогенеза и особенно, на ранних его этапах, распаковывать (вытягивать из ИМ) изменения менее вероятные, чем те, что укладываются в обычную дельту трансформаций горизонтального направления эволюции. Эти изменения (их возможность предсуществует в более «глубоких» имплицативных пакетах – в тонких, удалённых от фронта распаковки слоях имплицативного мира) оказываются вызваны к существованию смутным и бессознательным, но необычайно мощным интенциональным импульсом поражённой эволюционной болезнью психики гоминид. Впрочем, уникальность этой ситуации заключается разве что в том, что здесь через канал интенционального диалога с ИМ осуществился вертикальный эволюционный прорыв ГЭВ. В большинстве же других случаев точно так же осуществляется и выход за пределы дельты флуктуационных изменений в режиме эволюции горизонтальной. Грубо говоря, тот или иной вид, испытывая критическое давление среды, стихийно посылает в ИМ своего рода «коллективный интенциональный запрос». Если сила его достаточна, чтобы распаковать адекватный запросу пакет изменений – происходят ломка прежней конфигурации и эволюционная трансформация вида в русле адаптациогенеза. Если же распаковки по каким-либо причинам не происходит – вид вымирает. При этом эволюционный типологизм и пресловутое «отсутствие переходных форм»⁶³, «мгновенность» формирования сложных органов и т.п. находят объяснение в скачковом характере переходов от одних имплицативных пакетов к другим. Ведь если интенциональный «запрос» из эмпирического мира не выходит за пределы дельты внутripакетных изменений, то вариации возможных изменений всего лишь разворачивают неограниченное число имплицативных подпакетов в рамках основного пакета, и изменяющаяся структура сохраняет свою исходную

⁶³ В отношении предков человека их уже найдено предостаточно.

конфигурацию. Но если запрос выходит за пределы означенной дельты, то он, стало быть, уже обращается к иному имплицативному пакету, коему в эмпирическом мире соответствует уже иная структурно-морфологическая конфигурация. Вот эта-то конфигурация и появляется как бы внезапно и без ожидаемых переходных форм. Оговорюсь ещё раз: ИМ – это не склад предсуществующих заранее готовых форм. О существовании любого рода имплицативных пакетов и подпакетов можно говорить лишь в сложном контексте интенционального диалога миров, между которыми в области онтологии нет иерархической субординации. Можно сказать, что качественные границы форм и структур в эмпирическом мире соответствуют границам между «кустами» имплицативных пакетов. Но нельзя говорить, что первые, в простой линейной зависимости детерминируются и определяются последними. Потенциальное ветвление имплицативных пакетов настолько же зависит от событий эмпирического мира, насколько сами эти события есть результат их распаковки из ИМ. В мире поистине нет ничего фундаментального (вспомним ещё раз теорию бутстрапа), есть лишь универсальная фундаментальность всеохватного и всепроникающего интенционального диалога. Удастся ли когда-нибудь прорваться к его тайнам, не впадая в редукционизм, грубый схематизм и антропоморфизм?

Осмелюсь высказать ещё одну безумную идею. Коль скоро процесс распаковывания потенциальных актов существования из ИМ предстаёт довольно сложным процессом, то прояснение вопросов онтологии на бытовой лад с помощью простой дихотомии *существует – не существует*, оказывается совершенно не адекватным. Психосферные явления являют собой шкалы промежуточных онтологических состояний – особых форм существования. Иными словами, распакованные из ИМ паттерны могут являть в психосфере разные уровни объективации. К примеру, вызванные силой коллективных представлений мифологические образы могут чувственно восприниматься и переживаться людьми с соответствующими ментальными настройками как

совершенно реальные и совершенно не восприниматься другими людьми. В этой связи можно говорить о феномене *локальной объективации* психосферных феноменов. Самые слабые его проявления вызываются к жизни индивидуальной суггестией и индуцированными состояниями. Самые сильные граничат с физической объективацией и полноценным эмпирическим опредмечиванием того или иного имплицитивного паттерна. Не побоюсь предположить, что в ряде случаев эта граница преодолевается, и психосферное явление нелегитимным образом обретает физическое бытие.

Иными словами, между потенциальной реальностью и реальностью объективной (реальностью-для-всех) существует ещё и промежуточная шкала онтологических состояний – реальность-для-себя. Т.е. это вполне объективированная реальность, перцепция которой обусловлена, однако, определёнными ментальными настройками и некоторыми другими обстоятельствами: внешними условиями, смысловым контекстом ситуации, общим «ландшафтом» психической среды и проч. Когда речь идёт о слабо выраженных психосферных феноменах, достаточно всего лишь изначальной предубеждённости, чтобы увидеть либо не увидеть его проявления. При этом у энтузиастов не хватает аргументов, чтобы доказать их *очевидную* объективность, а скептикам не достаёт оснований списать это всё на субъективные фантазии.

Можно сказать, что образы коллективных и массовых мифов и представлений в буквальном смысле живут в психосфере, занимая промежуточное положение между потенциальным и наличным бытием и в разной степени относясь к тому и другому. И чем сильнее выражены адресованные им интенционально-энергетические обращения из эмпирического мира, тем больше их онтологический статус смещается в сторону бытия наличного. При этом важно учитывать, что бытие психосферных феноменов, в сколь натуралистической форме они бы ни представали в человеческой перцепции, не подчиняется эмпирическим пространственно-временным законам.

Помню, в детстве, впервые услышав о спиритизме, я тотчас же задал вопрос: а что делают призраки в то время, когда их не вызывают? Гуляют? Беседуют друг с другом? Чай пьют? На это мне, разумеется, ответили, что никаких призраков не существует.

Психосферные явления получают своё идеально-образное, локально-объективированное и даже в полной мере объективированное воплощение только в ситуации интенционального запроса (обращения), когда исключительно сильная коллективная индукция конденсирует, аккумулирует его специфическую интенциональную энергию из расплывлённого в психосфере состояния (случается это очень редко). Интенциональный импульс, посланный из эмпирического мира, несёт в себе субстрат той онтологии (таковости), которая вторичным образом распаковывается из ИМ и, облекаясь в уже готовую, отчасти знакомую сознанию форму-матрицу, является ему в виде объективного феномена. Если эти рассуждения хотя бы отчасти верны, то вывод напрашивается сам собой: между субъективными идеальными представлениями и объективной физической реальностью лежит область *субъективной реальности*, где субъектом может выступать не только и даже не столько единичный субъект, сколько субъект коллективный и – шире – культурно-исторический.

«Пир сокровенных, дивных чувств...»

Великое значение поэтического образа в том, что с его помощью мы постигаем скрытую суть природы, людей и событий, никак не нарушая их естественной целостности, не внедряясь, не ломая, не убивая. Так живет поэзия, так живут поэты.
«Воскресение Маяковского».

Ю. Карабчиевский

1.

Как жил Осип Мандельштам, так жила поэзия Осипа Мандельштама. Магия сплошного водопада, оперенье слов, пунктирное биение букв, вязкие, вязнущие в восторженной гортани звуки. Мандельштам дарил словам абсолютную свободу, которую можно сравнить со свободой, данной Творцом (до определенного момента), Адаму и Еве. Свобода, полученная в самом начале, где в световом луче образа можно увидеть все – от обиженного маятника часов до липкого леденца на стекле, где слово не ведет себя под линейчку, а глаголет и живет по правилам музыки и цвета, движения и согласованности. И если Уистона Одена «слова сводили с ума», то Мандельштаму слово помогает разделить свой опыт с остальным человечеством, некий подарок космосу: *Среди кузнечиков беспамятствует слово*, – там, где чуткая серна образа подгибает колени на длинной строке поэта. Надежда Мандельштам вспоминает: «Читая стихи, Осип наклонял голову набок, чутко прислушиваясь к каждому звуку, изменению в себе». Слово – есть поступок поэта, его

полный внутренний смысл и весь объем связанных с ним ощущений. Хорошо, если знаешь назубок, что «Все существующее – искусственно, ибо Природа – это Искусство Бога». (Х.Л. Борхес). Живя, не подводя итогов, не мучаясь суетой славы, не завися от горячности или апатии толпы, поэт сможет перейти границу внутреннего монолога, и стать неотъемлемой частью «пресловутой магии слов». Особая способность Мандельштама обособить впечатление от основного чувственного материала, ставит его на одну доску с А. Фетом, о котором Лев Толстой писал: «Откуда у этого добродушного, толстого офицера... *такая лирическая дерзость, свойство великих поэтов?*»

Для Мандельштама творчество, это долгий путь высокого страдания, на призрачной кромке которого время заплетет виноградные кисти памяти, и откатит голый камень отчаяния, а на смену ему

нам остаётся только имя – чудесный звук на долгий срок...

Мандельштам не выучился на раввина, иудей, награжденный божьим откровением, пригвожденный к варварской действительности России, он пытается уйти в выдуманную Элладу, мучительно понимая, что выжить сможет только в вечном городе Иерусалиме, и что именно в Иерусалиме Пушкин, семит, потомок фалаша, склонится над его колыбелью.

*Эта ночь неоправима,
А у нас еще светло.
У ворот Иерусалима
Солнце черное взошло.*

Знает поэт, что только у ворот Иерусалима ждет его избавление.

2.

В тени черного солнца, под барашками облаков, спят тревожащие холмы. Мандельштам напоминает птицу, раскачивающуюся на ветке, полной плодов. Он пишет о меде, будучи медовой каплей, сквозь которую светит агатовое слово. Алебастровые веки его стихов настезь

открыты, точно навсегда был ослеплен желтым солнцем – *«солнце желтое страшнее...»* Голова поэта высоко поднята и перо он держит, как новорожденного Бог. Ни в быту, ни в поэзии Мандельштам никогда не копит, а всегда тратит. Тратит из первых рук свое пожизненное наследство. Отдаваясь слову, «поэты творят обряды», как дети, пересыпающие песок на берегу моря, обряд берега, приглашая на *пир сокровенных дивных чувств...*

На акульих лопатках еще пузырится звезда,
И полощется слово в соленных, тугих неводах.
Шепелявит трава, голубая под низкой луной
Прогибается лук, серебрится под сильной рукой.
Видел обморок птиц, одинокую флейту борзую
Гладил теплый булыжник, и стрелы в колчан собирал.
Гнал печаль по горам, как гонят козу молодую, –
Знойный ветер болячками губы ее обметал.
Но не снять тебе боле суровое платье твое,
Закипает слеза, и в преддверии черной грозы,
Не уйдет от огня твой агатовый детский язык
И от темного века отлично твое ремесло.

Эстер Пастернак

Поэт близок к вере, как стихи близки к молитве. Там, где с «плоти камня», позволено сдувать пыль тысячелетий, он пронесет по воздуху свиток Торы и, содрогнувшись, обрушатся колонны амфитеатров, и на птичье мгновенье меж бездной и бездной, меж эхом и эхом, между жизнью и смертью встретятся лицом к лицу иудей Осип Мандельштам с поэтом Мандельштамом.

В 1916 году поэт пишет:

Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил.
Четвертой не бывать, а Рим далече –
И никогда он Рима не любил.

Мандельштам никогда не забывал об этой единственной, благословенной Творцом, свече! Юрий Иваск

писал: «Евреев Мандельштам ощущал, как что-то единое, как что-то вечное, непрерывное».

*...Нет, ты полюбишь Иудея,
Исчезнешь в нем –
И Бог с тобой...»*

Когда Аксаков прочитал стихотворение Пушкина: *Нет, я не дорожу мятежным наслажденье*, он воскликнул: *Как можно было об этом так возвышенно написать!*

Любовная лирика Мандельштама насыщена, как полноводная река и, вытекающая из истоков «глухих тайн», она: «самое умное, что достиг человек – умение любить женщину».

О стихотворении

*Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч...*

Ахматова говорила, что на ее взгляд, это лучшее любовное стихотворение двадцатого века.

Мандельштам любил Петрарку, его переводы Петрарки напоминают сеть, подталкиваемую глубоким выдохом волны. Тот же корень гонимого камня, гонимого рваным башмаком эпохи – *я нищий, в рваной штанине*. В «Тристии» это колоны с треножником посреди разрушенного Колизея.

*Ночь на исходе, и немеют души,
Который раз вершится суд третейский,
И вечность черепахою послушной
Вползает в уши игрищ Колизея.*

Эстер Пастернак

Цвет и свет. Иудея – черный и желтый, а Рим – пчелиный, мохнатый. Цвета похожи, свет другой. Мандельштам всей своей неприкаянной судьбой ждал чуда, жил чудом, сам был чудом. Гармония поэтики Мандельштама до конца не опознана. Образы ее настолько непосредственны, и так завораживают, что простому

читателю порой не внушают доверия и посему *«обиженно уходят на холмы»*...

Поэт Осип Мандельштам жил вне времени:

Нет, никогда, ничей я не был современник,

Мандельштам говорит: «Я в Риме родился, и он ко мне вернулся».

Для меня круг сомкнется, когда без малого через столетие я прочту в биографии гениального писателя, лауреата Нобелевской премии, иудея Шмуэля Йосефа Агнона следующее: «Из-за злодея Тита я родился в Галиции, но должен был родиться в Иерусалиме...»

Разбужен гонг и в городе сиротства
Одна луна пришта к двум зрачкам.
Акрополь, утонувший в фарисействе,
Отдали на жевание волам.

Ломаясь надвое, лунатики-деревья
Теснят перо, и некому сказать,
Как варварски отстукивает время,
Чтобы опять кого-нибудь предать.

Разбужен гонг. Как птички небылицы
На выдохах агатовая речь
Уж больше никогда не воплотится...

И волчью шубу сбросят с детских плеч,
И войлочное время, сквозь туманы,
Запомнится одной, но рваной раной.

Эстер Пастернак

Январь – 2011

Марк Аврутин

Мандельштамовские перпендикуляры

(К 120-летию со дня рождения)

Введение. Осип Мандельштам прошел бесконечно длинный и страшный путь от детского наивного высокомерия, от юношеского запальчивого культа одиночества («не говори со мной – что я тебе отвечу?») – к мудрому пониманию своего места в мире. Существуют совершенно противоположенные несводимые воедино представления о Мандельштаме. Его случай считается неповторимым даже в биографическом плане. В эмиграции люди рассказывали небылицы о контрреволюционной деятельности Ахматовой, Гумилева и прочих акмеистов, включая Мандельштама. Но Мандельштам не был ни досоветским, ни антисоветским. Он один из немногих представителей советской оппозиции. Поэтому представление о Мандельштаме как «птичке Божьей» – не более чем распространенный миф. Напуганный, растоптанный и обреченный, он проявил себя в последние свои дни ничего не боящимся человеком, бросившим еще раз вызов диктатору.

Приходится только удивляться, откуда брал столько душевных сил этот, в общем-то, вполне обычный человек. Существующие объяснения способны только увести нас от сути этого вопроса. В стихах Мандельштама не «плакатно-мундирная», а гражданская, партикулярная, самая трудная и высокая мужественность. Поэтому, став глашатаем эпохи, выразителем всего лучшего и непреходящего, что накапливается в любые, даже самые страшные периоды

существования общества, он оказался обреченным этой эпохой, но измениться уже не смог.

Привнесенная им тема самоутверждения поэта в поэзии в год величайшего зажима не есть результат рационального замысла. Тема борьбы за социальное достоинство поэта, за его право на голос и свою позицию пришла сама, и определила всю жизнь Мандельштама. У него было четкое ощущение поэзии как частного дела, а для себя всегда звучит только основное и глубинное. В этом, наверное, секрет его силы. Многие, писавшие о Мандельштаме, изображали его чуть ли не дурачком – вечно смеется, денег добывать не умеет, солидности никакой... Даже Ахматова, по мнению Н.Я. Мандельштам, не до конца понимала Мандельштама. А ведь ближе Ахматовой у Мандельштама никого не было – чего уж было от других ждать. Да, он просто был жизнелюбивым человеком и черпал силы из всего, что других могло привести в отчаяние.

Поэтический дневник Мандельштама, будучи глубоко личным, пристрастным и тенденциозным, тем не менее, является самым scrupulous и точным исследованием общественных событий тех лет. Хотя он, не имея никаких систематических знаний, никогда и не стремился к «полному охвату» какого-нибудь вопроса. Обладая единственным в своем роде поэтическим интеллектом, он все понимал с полуслова, всякое явление пробовал «на вкус и на ошупь», и давал ему точную и резкую оценку. Мандельштам как никто умел слушать собеседника: опустив длинные ресницы своих глаз, он как будто прислушивался не к словам, а к тому, что было скрыто за ними. Сыграли роль и склонность Мандельштама к осознанию своей судьбы, и литературной и личной, в зависимости от «исторического сюжета времени», и неизменность творческой и человеческой позиции Мандельштама.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что он одним из первых попал в гигантскую машину, которая, не интересуясь ни прошлым, ни будущим, перемалывала людей, превращая их в груды «кровавых костей». Осип

Мандельштам постоянно чувствовал неотвратимость гибели и смертельную насыщенность атмосферы. В ночь, когда уводили Мандельштама, вспоминала его вдова, он пытался объяснить, что в нем что-то проясняется, и он видит то, чего не видел раньше. Но все оборвалось, и никто не узнал, что виделось Мандельштаму за порогом этого нового этапа.

Беда у всех была общая, но когда одни, подобно Мандельштаму, достигли предела в том страшном «колесе», другие тем временем еще выступали с речами, писали докладные записки и романы. Можно понять их наивность, или простить им глупость, – но эти качества нельзя уважать. Когда говорят о замечательных людях, беззаветно веривших и искренне заблуждавшихся, всякий раз, с благодарностью хочется вспомнить Мандельштама, как залог того, что находились и здоровые зерна в той изрядно подпорченной человеческой породе. Удивляешься, каким свободным мог себя чувствовать человек, растоптанный «железными сапогами века», «отщепенец в народной семье», от которого в страхе отворачивались даже друзья.

Вероятно, был такой момент, когда интеллигенция могла отстоять свою независимость. Однако оставшаяся в СССР интеллигенция кинулась по приказу сверху творить «Ренессанс». Во множестве тут же появились знатоки и судьи живописи, архитектуры, кино и литературы. Активно пошел процесс капитуляции и переоценки ценностей. В этой новой обстановке Мандельштам воспринимался аномалией, вредным порождением прошлого, лишним человеком в литературе, где места стали распределяться высшими инстанциями.

Появилась масса рассказов о невыносимом характере Мандельштама. Действительно, он был нетерпимым к советской академической интеллигенции. «Все они продажные» – говорил Мандельштам. Люди, допущенные к пирогу, старались выполнять все, что от них требовали. «Мы все ведем себя, как люди, делаем все, что положено, а кто такой этот Мандельштам, который ни с кем не считается, несет черт знает что... Больно много он себе позволяет». Все дружно защищали советскую литературу от мандельштамов, заболоцких, ахматовых, пастернаков и

цветаевых. И до сих пор покаяться никто не хочет – хотят лишь обвинять. Хотя известно, что мера освобождения от общего помрачения может измеряться только мерой признания своей вины. Вряд ли теперь уже удастся «растолкать сознание русского народа, и хотя бы замедлить, в конечном счете, культурный распад нации».

Штрихи к портрету. Без учета той необыкновенной чувственности, которой обладал Мандельштам, позволявшей ему видеть и слышать то, чего другим было не доступно, невозможно понять и его поэтический мир. Он никогда не забывал ни одного сильного ощущения, даже вызванного необычным запахом или привкусом. Возможно, этим объясняется его повышенная нервозность. У него не было никакой выдержки. Он кричал и ломился в закрытые дери, не переставал до последней минуты удивляться тому, что происходило вокруг. В нем было какое-то внутреннее буйство, преимущественно интеллектуальное, но оно захватывало и повседневную жизнь, сказываясь на каждом поступке. Вполне вероятно, что и стихотворение о Сталине было проявлением того самого буйства.

Насаждавшиеся новые правила советского приличия Мандельштамом полностью отвергались. Свою чуждость всему советскому Мандельштам даже не пытался хоть как-то смягчить. Ну что ему, например, стоило бы уклониться от ответа или пробурчать что-нибудь неопределенное? – Нет, ему надо было всюду и всегда подчеркивать свою чуждость. Мандельштам никогда не пытался скрывать своих мыслей, ни даже менять способа их выражения. Впрочем, он так сильно раскрывался в своих стихах, что в нем оставалось очень мало темных мест. И это в обществе, где все люди стремились придать своим мыслям и голосам защитную окраску – происходил процесс массовой интеллектуальной мимикрии. Этого абсолютно открытого человека, неспособного ни на какие хитроумные ходы, совершенно невозможно представить себе в роли конспиратора, выполняющего режим самообуздания, не говоря уж, – самоареста. Надежда Яковлевна признавалась, что если бы даже ей удалось установить над Мандельштамом жесткий

присмотр, он все равно бы вырвался из-под него и прочел недопустимые стихи первому встречному.

Эта непримиримость Мандельштама часто утомляла и тяготила даже близких ему людей. К этому следует добавить крайний максимализм в критериях, в требованиях к поэзии и к жизни. Люди платили ему таким же максимализмом. Кроме того, Мандельштам был очень строптивым человеком, но и сам любил строптивых людей, а вот энергичных и волевых женщин не переносил. Непереносимо для него было и однообразное будничное течение жизни. При этом он был легким и незлопамятным человеком, к тому же совершенно лишенным чувства зависти. Мандельштам гордился настоящей поэзией независимо от авторства – им ли были написаны стихи или другим автором для него это не имело значения. Бывая то мрачным, то веселым, он всегда оставался интеллектуальным и блестящим собеседником.

При всей своей нервозности и суетливости в ответственные моменты у Мандельштама появлялись решимость и прямота, поражавшие неожиданностью. Надежда Мандельштам рассказывала, как в Киеве ещё в середине 1920 годов редактор местной газеты нашел случайно оброненное письмо своего врага, которое показал Мандельштаму. Когда он сказал, что собирается использовать эту находку, чтобы разоблачить своего врага – одного из руководителей газеты «Московский комсомолец», который явно жил двойной жизнью, Мандельштам выхватил у него письмо и бросил в печку. Он не разделял подлости на маленькие и большие. С годами это его мужество всё более приобретало характер мужества отчаяния. Отсюда, наверное, и вызов, с которым поэт обращается к современникам, поспешившим отторгнуть его. «Держу пари, что я ещё не умер,... Что я ещё могу набедокурить...». А в его манере ходить с высоко поднятой головой сквозила ущемленная гордость большого, не признанного поэта. Кроме того, обстоятельства, условия жизни вынудили Мандельштама подчеркивать контраст между своей крайней бедностью и крайней же изысканностью своих стихов и

даже просто речей: «По губам меня помажет Пустота, Строгий кукиш мне покажет Нищета».

Мандельштаму довелось жить и творить в ту пору, когда всякое нормальное суждение казалось безнадежно устаревшим и обреченным, когда здравомыслие воспринималось легкомыслием, в лучшем случае, — идеализмом, когда все мерилось по особому счету. Те, кто отказывался участвовать в общем хоре, выбрасывались на обочину. Мандельштам к тому же был злым поэтом, который «не извинялся, когда ему наступали на ногу». Через злость проявлялись его индивидуальность и органический порыв настоящего демократа.

Мандельштама обвиняли в отсутствии классового подхода. Когда представители творческой интеллигенции утверждали, что «Искусство, а тем более литература, всегда выполняли заказ своего класса, поэтому писателю следует с полным сознанием и пониманием дела перейти к новому заказчику...», Мандельштам говорил: «В вопросах литературы они (власть) должны спрашивать у нас, а не мы у них». Это и сейчас остается преждевременно сказанным.

Мандельштам упорно отстаивал мнение о том, что «раз за поэзию убивают, значит, ее боятся, значит, она — власть». И он держал себя как власть имущий, что только подстегивало тех, кто стремился его уничтожить. Ведь для них-то власть — «это пушки, карательные учреждения, возможность по талонам распределять все, включая славу». При этом Мандельштам шел не от людей в гордое одиночество, а к людям, чувствуя себя «человеком из толпы» и называя себя «Всех живущих прижизненный друг». Поэтому можно было легко предсказать, что он обречен и в этом мире. Опорой его мироощущения являлась обретенная им внутренняя свобода. Он никогда не испытывал потребность в разрешении, считая это «остатком прошлой эпохи с ее верой в авторитет, санкцию, с ее страхом кары и ужасом перед начальственным окриком». Тем не менее, мандельштамовское понимание свободы, не было похожим на либерализм, так как он не противопоставлял свободу подчинению.

Противоречивость личности Мандельштама – это не просто его стремление к противоречиям и парадоксам. Эта противоречивость, состоявшая в столкновении «топорщившейся» личности поэта с волей «быть как все», жить и гибнуть «с гурьбой и гуртом», служила для него тем энергетическим источником, без которого он не смог бы жить. Возможно, самым характерным образом эта противоречивость личности Мандельштама обнаружилась в его решении креститься в методистской кирхе. Встав на борьбу вместе с Гумилевым и Ахматовой, крещенных с детства, против инфляции религиозных мотивов, еврей Мандельштам делает выбор в пользу русской поэзии и христианских ценностей, отвергнув иудаизм в качестве своего пути. Но при этом он не желает отречься от своего еврейства и становится на путь тривиальной ассимиляции.

Итак, 14 мая 1911 года он крестился в Выборге, не оставив никакой интерпретации своих мотивов. Существуют предположения, что он пошел в «выкресты», чтобы сделать возможным поступление в университет. Почему тогда не выбрал православие, что было бы гораздо естественней. Выбор протестантизма позволял ему, кроме всего прочего, считать себя христианином, не принадлежа ни к какой общине, сохраняя удаленность от всех сообществ, ибо самым важным для него было сохранить свободу как «сердцевину бытия». Следует заметить, что все это ещё происходило на фоне бурного развития еврейского самосознания и еврейской литературы в начале века XX века. Вот это и есть один из мандельштамовских перпендикуляров.

Мандельштам среди других поэтов. Акмеисты.

Сегодня имена четырех поэтов – Ахматовой, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, – совершенно естественно называют вместе. При всем своем различии в понимании поэзии их бесспорно объединяет верность Пушкину. С Ахматовой Мандельштам до последнего дня объединяла ещё верность памяти погибшего Гумилева и созданному ими совместно литературному направлению – акмеизму. Тяжело пережив расстрел Гумилева, Мандельштам дал нечто вроде клятвы на верность памяти казненного друга и

акмеизму. Хотя акмеизм следовало бы считать не столько литературным, сколько, главным образом, мировоззренческим объединением. Три акмеиста отказались от какого бы то ни было пересмотра христианства, притом, что христианство Гумилева и Ахматовой было традиционно-церковным, у Мандельштама оно носило в основном философский, а не бытовой характер, лежало в основе его миропонимания.

Символисты, все до единого, находились под влиянием Ницше и, если не отказывались от христианства вообще, то, как минимум, пытались реформировать его, «делая ему прививки» античности, язычества. Художник, по мнению Вячеслава Иванова – признанного лидера символистов, всегда индивидуалист, а должен стать «сверхиндивидуалистом». Миф, изобретенный сверхиндивидуалистом, станет общезначимым, и народ, «прирожденный мифотворец», тут же за него ухватится, и снова осознает себя мифотворцем, и сам начнет творить новые мифы. Однако на деле никто не интересовался этим «прирожденным мифотворцем». Народ всегда был и оставался объектом для воспитания, а миф для него шлифовался в центре и спускался по особым каналам «в массы». Позднее таким вот способом были созданы мифы о построенном в СССР социализме и его тысячелетнем царстве.

Мандельштам был чужим в кругах символистов. У Мережковских его называли «Зинаидин жиденок», и отворачивались от него, а по первому знаку предводителя готовы были его растерзать. Ахматова нашла запись тех времен с издевательством над молодым Мандельштамом. Однако акмеистический бунт против символизма был куда серьезнее, чем это может показаться. Отчасти виноваты в этом сами акмеисты, манифесты которых создают совершенно ошибочное представление о сути направления. Общим и для символистов, и для футуристов, которые продолжили их дело, было «умонастроение утопии». Акмеизм же стал вызовом духу времени как духу утопии. Символизм и футуризм подготовили, а романтизм и утопически понятый восторг революции позднее породили

соцреализм. Поэтому спор акмеистов с символистами – это спор между утопией и антиутопией, который приобрел в советское время уже идеологический характер.

Для акмеистов теория символистов о возможности познания высшего мира через найденный художником символ представлялась кощунством. Гумилев и Мандельштам сошлись в отказе познавать непознаваемое, считая, что связь эмпирического мира с высшим осуществляется через откровение. Близкий к символистам Бердяев определял символ как связь двух миров, мост между ними. Мандельштам возражал против спекуляции метафорами и символами. Ахматова с Мандельштамом до последних дней продолжали отстаивать святость сакрального слова. Кроме того, Мандельштам резко выступал против новаторства, называя его болезнью века. Он отстаивал «связь времен», подразумевая под этим ту образность, метафоричность и символику, которая была присуща, а не навязана слову. В болезни новаторства он видел путь к произволу, который грозил, по его мнению, роковыми последствиями. Акмеисты отказались от культа поэта, которому «все позволено». Наперекор символистам Мандельштам считал, что художник должен разделять грех мира, будучи таким же грешником, как все. Он обвинял символистов в самовлюбленности и отвергал их учительскую позицию. Кроме того, Мандельштам всегда тесно связывал литературную тему с мировоззренческой и историософской, поэтому утверждал, что с акмеизмом в поэзию пришло нравственное начало.

Как отмечает в своих воспоминаниях Надежда Яковлевна, большую роль в судьбе Мандельштама сыграла Марина Цветаева. Дикая и яркая Марина расковала в нем жизнелюбие и способность к спонтанной и необузданной любви. Подарив ему свою дружбу, она как бы расколдовала Мандельштама. Её стихами открывается «Вторая книга», в которой уже отсутствует сдержанность первой юношеской книги («Камень»). Цветаева стала тем мостом, по которому Мандельштам перешел из одного периода в другой. При этом сама Цветаева оставалась равнодушной к стихам

Мандельштама, считая, что в нем нет тайны, какую она, например, обнаружила в Пастернаке.

В начале десятых годов Мандельштам подружился с Маяковским, который тогда приехал в Петербург. К сожалению, их быстро растащили в разные стороны. Вполне серьезно воспринимал он и Хлебникова. Интерес представляет отношение Эренбурга к Мандельштаму. Все, что происходило до 37 года, считалось им закономерной и вполне разумной классовой борьбой. Других имен, кроме Мандельштама, в нескончаемом списке жертв Эренбургу не называли, потому что знали, что к остальным он равнодушен, а Мандельштам для него – боль. Мандельштам стал для него «поэзией и жизнью на фоне общего безумия и гибели». В годы дружбы с «победителями», вспоминает Надежда Мандельштам, Эренбург приезжал искать в России новое, невиданное и увлекательное и на Мандельштама не глядел. Ему казалось, что тайной этого поэта он уже овладел. Таково было, очевидно, общее мнение, и поэтому такие разные люди, как Эренбург и Цветаева, проглядели зрелого Мандельштама. Эпоха принадлежала страстному новаторству, и оно не нуждалось в Мандельштаме.

Мандельштам как «антипод» Пастернака.

Принято считать Мандельштама антиподом Цветаевой и особенно Пастернака. Действительно ли это было так? Бесспорно, как уже отмечалось выше, это совершенно разные поэты в своем понимании поэзии. Тем не менее, у них можно найти так много общего, что не только Мандельштам, но и Ахматова неоднократно заявляли о близости их пути к пастернаковскому. В частности, все они относились к поэзии как к дару, полученному свыше, и воспринятому ими как назначение с глубокой верой в священный характер поэзии. Отсюда весь процесс сочинения рассматривался как напряженное улавливание уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова.

Мандельштам, как и Пастернак, тяготел скорее к Толстому, чем к Достоевскому. Не будучи по образованию ни историком, ни философом, Мандельштам бесспорно

принадлежит к поэтам с ярко выраженной философской направленностью. Более того, уже в 1910 годы он близко подошел к теме, ставшей важнейшей для западной философии лишь в 1930-50 годы. Однако Мандельштам, в отличие от Пастернака, обращался скорее к дальнему, а не к близко от него находящемуся слушателю. К тому же у него никогда писание стихов и прозы не происходило одновременно. У Пастернака же проза иногда перебивала стихи. Нельзя сказать, чтобы мандельштамовское понимание христианского искусства как «радостного Богообщения, игры Отца с детьми», совпадало с пастернаковским, но сходство улавливается несомненно. Похожим было их отношение к эмиграции. У Мандельштама можно найти слова о верности русской беде, окрашенные в жертвенные, христианские тона.

Его выбор христианства, к тому же не похожего на конфессиональное, тоже сближает его с Пастернаком. Мандельштам на много раньше Пастернака, ещё в 1921 году, говорил о вселенском христианстве, когда объединил Константинополь с Римом. Он увидел христианские черты в вольном состоянии культуры. «Культура стала церковью, а всякий культурный человек – христианин». Превозносил он и «Синтетическую народность» над фактом национального самосознания. Однако было бы ошибкой делать из них христианских поэтов. От своих мыслей о христианстве они отходили, увлекаемые другими сюжетами, в частности, политическими темами.

Общими у них были не только друзья – это и Ахматова, и Цветаева, и Маяковский, и Табидзе, освобождавший арестованного в начале 1920 годов в Батуми Мандельштама, и другие, – но и «палач» у них был один и тот же. В 1929 году в «Литературной газете» появился фельетон Д. Заславского, положивший начало кампании против Мандельштама. А в 1958 году он же назвал Пастернака «литературным сорняком», чем тоже ускорил приближение начавшегося процесса к естественной развязке. Сближало их и самое обыкновенное жизнелюбие, и отсутствие всякого влечения к мученичеству, и даже

готовность платить слишком большой ценой за право на жизнь – вспомним их Оды Сталину.

Конечно, хватало и различий между ними. Начать хоть с внешнего вида – Мандельштам, который всем своим существом достиг ранней, но настоящей зрелости, всегда выглядел старше своих лет. Пастернак же почти до 70 лет оставался моложавым. Обладал Мандельштам и способностью, совершенно не свойственной Пастернаку, наживать себе врагов своей резкостью и прямоотой, необязательными во многих ситуациях. Но при этом он сохранял духовное веселие при полном осознании всего трагизма своей судьбы. Пастернак же хотел дружбы, и только написав и издав роман, пошел на открытый разрыв. До появления романа «Доктор Живаго» многим казалось, что с Пастернаком гораздо легче. Надежда Яковлевна как-то сказала ему: «Берегитесь, они усыновят вас». Мандельштам рано освободился от гипноза, пережитого всей страной, и понял, что несет людям государство нового типа. А поняв, перестал надеяться на его покровительство и ощущать это «новое» как будущее тысячелетие. Поэтому ему была совершенно чужда ставка Пастернака, не переносившего хаос, на государство.

Пастернак всегда жил литературным трудом. В двадцатых годах и Мандельштам пробовал жить также. Все его статьи и «Шум времени» были написаны по заказу, по предварительной договоренности, которая впоследствии чаще всего не выполнялась. Так, например, страшная канитель возникла с «Шумом времени». А к середине двадцатых годов для Мандельштама вообще закрылась вся центральная печать, поскольку он «не перестроился». В новом уже перестроившемся мире человек, который не пожелал перестраиваться, оказывался у разбитого корыта. Эта категория неперестроившихся, считавшихся безнадежными, подлежала уничтожению. Среди этих «безумцев» Мандельштам числился одним из первых. Поэтому в тридцатых годах он окончательно понял, что ни о каких регулярных заработках не может быть и речи. Так что не было у Мандельштама и не могло быть другой судьбы, подобно Пастернаку, увидавшему себя скитальцем и

странником только в романе. А во второй половине 1920 годов Мандельштам вообще замолкает на годы. Он не мог отступить от пушкинской традиции, согласно которой «поэзия не может дышать воздухом казней». Уживаться с ним может только «литература»: знаменитые писатели начали создавать хвалебные произведения о первых сталинских каторгах.

Вот уж где Мандельштам проявил себя, действительно, антиподом Пастернака, так это во взглядах на быт. Надежда Яковлевна вспоминала. Как-то Пастернак забежал к ним на Фурманов переулок посмотреть, как они устроились в новой квартире. Прощаясь в передней, он сказал: «Ну вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи». Мандельштама это привело просто в ярость: «Ты слышала, что он сказал?» По его глубокому убеждению, ничто не могло помешать художнику делать то, что он должен. Так же как и благополучие не могло служить стимулом к работе. Пастернак же без квартиры, без письменного стола обойтись не мог, а Мандельштам практически никогда не писал за столом. Он любил говорить о себе, что вообще не пишет, а «высекает на камне». Реально же он чаще диктовал Надежде Яковлевне, а иногда, положив листок бумаги на стул, присаживался на корточки и записывал сам. Более того, Мандельштама просто влекло к разрушению всяческого подобия уюта. Он систематически взрывал всякую «тень устойчивости и благополучия», препятствуя домостроительству.

Впрочем, не менее значительным было различие в их взглядах на собственное еврейство. Мандельштам, хотя был по метрике Осип, а не Иосиф, никогда не забывал, что он еврей, и помнил о египетском тезке, в честь которого был назван. «Иосиф, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать», – как-то сказал он про себя. Казалось, что Мандельштам ощущал, будто его кровь отягощена «наследством овцеводов, патриархов и царей». В нем жило сознание своей принадлежности к еврейству – чувство связи с родом, хотя Надежда Яковлевна была единственной еврейкой в его жизни. И евреев он ощущал как одну семью. Он предчувствовал возможность насильственного увоза и

страшной смерти, хотя нигде у него не говорится о массовой депортации в набитых до отказа теплушках, созданных для перевозки животных.

Судьбу еврейства после начала новой эры Мандельштам воспринимал жизнью под тем черным солнцем, под которым родился еврейский мальчик: «...я проснулся в колыбели, черным солнцем осиян». Образ тьмы, которая настала в шестом часу «и продолжалась до часа девятого», когда «померкло солнце», никогда не покидал его. Его «память крови» восходила к праотцам из Испании, к Средиземноморью, а скитальческий путь отцов через Центральную Европу он начисто позабыл. Хотя родословная Мандельштама брала своё начало от часовщика и ювелира, которого выписал герцог курляндский Бирон. Он таким способом насаждал ремесла в своем только что полученном герцогстве.

Мандельштам чувствовал себя пришельцем с юга, лишь «волею случая закинутым в холод и мрак северных широт». Он убедил себя, что тяга на юг у него в крови. Казалось нелепым, что кровь могла хранить память о скитаниях древних евреев. Мандельштам, по-видимому, был одним из тех «сыновей библейских старцев, которые отрывались от своего племени и уходили в чужую культуру, впитывали ее, но оставались евреями». Они растворялись в ней, чтобы «с известью в крови для племени чужого ночные травы собирать»... Но в свой раввинский род он все-таки не поверил, и к иудейству относился как к истоку европейских мыслей и представлений, в которых черпала силу поэзия. Большую роль в интересе Мандельштама к еврейству сыграл Михоэлс, которым Мандельштам по-настоящему увлекался, и написал даже несколько статей о театре Михоэлса. Когда господа «руситы» называли Мандельштама «жидовским наростом на чистом теле поэзии Тютчева», Ахматова сокрушалась, что Мандельштам не взял псевдонима, считая, что ему очень мешает его еврейская фамилия. Но Мандельштам никогда не помышлял о псевдониме. А как-то он увлекся мыслью обрить «Наденьке» голову и надеть парик, согласно еврейской традиции.

В то время как у Пастернака вообще «смерти нет», у Мандельштама уже в стихотворении шестнадцатого года говорится: «В Петрополе прозрачном мы умрем... Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, и каждый час нам смертная година». Здесь речь может идти не только о собственной смерти вместе со всеми, кого он называл «мы», но и о конце петербургского периода русской истории. Эсхатологические предчувствия не оставляли Мандельштама до конца жизни. Он всегда остро чувствовал смерть, рассматривая поэзию как подготовку к смерти, а смерть как венец жизни. Так понятая им смерть вмещала в себе всю полноту жизни. «Когда б не смерть, так никогда бы мне не узнать, что я живу...».

Рассуждая о смысле жизни, Мандельштам постепенно открывает его в смерти. Он говорил: «надо самому себя похоронить, пока не поздно, потому что неизвестно, что еще предстоит. Для романтика смерть – незаслуженная обида. Для того, кто нашел свое место в жизни, исполненной смысла, смерть – последний творческий акт. У Мандельштама мысль о смерти часто связывается с преодолением пространственных и временных ограничений: «Только смерть – выход из пространства и времени». Мандельштам готовился к уходу из жизни, прощаясь со всем, что любил: с Арменией, Крымом, с вещами и людьми.

Погибающий Петербург вызывал у него в памяти гибель Иерусалима. Современный город погибает за тот же грех, что и древний. Петербург ощущается им как город смерти, где жизнь есть только ожидание конца. Позднее в том же Петербурге к нему пришло осознание того, что «из-за неуклюжего поворота руля» мы теряем не только небеса, но и землю. В последние годы жизни ему стало ясно, что гибель человечества может осуществиться как дело рук человеческих, то есть станет самоубийством, а «того конца» люди, пожалуй, не дождутся, загубив себя самостоятельно.

Если Мандельштам всегда воспринимали как чуждого и подозрительного типа, который вел себя вызывающе, что его хотели проверить, то к Пастернаку так стали относиться лишь после издания им романа. Ахматова

с Мандельштамом были на виду уже в 1910 годы. Они воспринимались как старики, пришедшие из старого мира, хотя были ещё совсем молоды и поэтому не обладали «защитной» репутацией. Пастернака же заметили только в 1922 году после выхода «Сестры моей – жизни». Акмеисты вообще вызывали глухую ярость, как у символистов, в окружении Вячеслава Иванова, так и в Горьковском круге. Впрочем, сам Пастернак всегда чувствовал себя «отдельным» и особенным, но это не бросалось в глаза.

Мандельштам, революция и советская власть.

Мандельштам, в общем-то, положительно отнесся к революции, принял её, даже поверил, что с победой революции наступит новая эра: «хрупкое летосчисление нашей эры подходит к концу». Смущала его только организация партии, которая строилась, «как церковь – вот только без Бога». Об этой «перевернутой церкви» как о конце культуры Мандельштам стал говорить своим сослуживцам во время июльской демонстрации 1917 года. Говорил он им о партии, устроившей эту демонстрацию. Потом он узнал, что этими «сослуживцами» были Зиновьев и Каменев. А разговор тот навсегда определил отношение «сослуживцев» к Мандельштаму, особенно Зиновьева.

Мандельштам не раз говорил, что «ничего не оставил в дореволюционном времени» и там, в прежнем мире он не был «привилегированной персоной». Подобно всем мальчикам 1905 года, которые пошли в революцию, мальчику Мандельштаму тоже импонировал марксизм. Он верил в революцию с большой буквы, в ее спасительную и обновляющую силу, в социальную справедливость. А к революции 1917 года он пришел уже не с пустыми руками. Но самые первые впечатления пробудили в нем тему отчаяния: «В ком сердце есть – тот должен слышать, время, Как твой корабль ко дну идет». Ощущением «ососяемой тьмы» – одной из «казней египетских» навеяны строчки: «Сквозь сети – сумерки густые – Не видно солнца, и земля плывет». За разговорами о революции поднимался «новый», державный мир особого типа, в котором не было «дела до человека, которого нужно использовать, как кирпич, как цемент, чтобы из него строить, а не для него». Но и

возвращаться было некуда. «Завели и бросили» – таким было его мнение о настоящем положении.

Иногда Мандельштаму начинало казаться, что всё-таки «произошло отделение церкви-культуры от государства». Хотя на самом деле просто у государства еще руки не дотянулись до культуры, пока оно занималось голодом и войной. Но уже с 1923 года непрерывная слежка и полное запрещение печататься сделались естественным положением Мандельштама. Он разочаровывался в «своих комсомольцах», которые лишь оплакивали «половодье чувств первых лет революции». Революционность Мандельштама оставалась одним из ведущих направлений его мысли, проникавшей в ход событий. Но мрачные предчувствия не оставляли поэта. Он пишет стихотворение «1 января 1924 года» со словами: «...И губы оловом заляют». Есть в этом стихотворении ещё такие предсказания: «Кого ещё убьешь? Кого ещё прославишь? Какую выдумаешь ложь?». К несчастью, всё сбылось: и убили многих, включая и самого поэта, и ложь выдумали такую, что её с полным правом можно назвать «фантаσμαгорией лжи».

В 1928 году Мандельштам написал, что Октябрьская революция отняла у него «биографию», то есть, ощущение личной значимости. Однако начинавшаяся контрреволюция стала ещё более мрачным часом истории. В 1933 году он пишет стихотворение против сталинщины, которое начинается с жалобы на невозможность ориентироваться в человеческом пространстве: «Мы живем, под собою не чуя страны». Стихи эти не опередили своего времени, как принято до сих пор считать. А если всё-таки опередили, то лишь сознание правящих кругов и тех, кто им прислуживал. Тогда многие об этом думали и говорили, но только шепотом, конечно, а Мандельштам молчать не мог.

Однако вывод об антисоветской направленности поэзии Мандельштама был бы, скорее всего, ошибочным. Он верил, что «присяга чудная четвертому сословию» обязывает его к примирению с советской действительностью. Примером могло бы служить его

стремление выступить на конференции РАПП, но ему тогда не дали слова

И поэтому, когда следователь выяснял отношение Мандельштама к советской власти, он сказал, что готов сотрудничать с любым советским учреждением, кроме Чека. Хотя, как вспоминала Надежда Мандельштам, достаточно было лишь одного упоминания о могущественности учреждения, чтобы заставить Мандельштама поскорее отстраниться. Он всегда удирал не только от всякого соприкосновения с властью, но и от людей, облеченных властью, старался держаться подальше. Это почти инстинктивное, неосознанное отталкивание от власти какое-то время спасало его от многих ложных и губительных путей, когда даже зрелые люди ещё ни в чем разобраться не могли. Что же касается стихотворения о Сталине, то оно было направлено не против советской власти, а против самого Сталина, точнее, – сталинизма. К моменту его написания сталинизм проявился уже и в полном подчинении литературы интересам государства, и в массовом раскулачивании. Поэтому в одном из вариантов стихотворения Сталин был назван душегубцем и мужикоборцем.

Мандельштам, возможно, одним из первых осознав, чем обернулись мечты о красивой «социальной архитектуре», вернулся к девятнадцатому веку, назвав его «золотым». Он не мог отказаться от внутренней свободы с такой легкостью, как это сделали толпы «попутчиков». Его интеллектуальная зрелость исключала саму возможность «мирного сожительства с новой идеологией». Ненавистен ему был и террор, с которым он впервые столкнулся в Киеве, где большевики перед уходом расстреляли заложников. С двадцать второго года все статьи Мандельштама принимают резко полемический характер. Он поневоле встаёт в оппозицию к власти, да что там, – к эпохе: «Против шерсти мира поем, лиру строим, словно спешим обрасти косматым руном...». Мандельштама начинают воспринимать как сплошной анахронизм.

Люди стали мечтать о железном порядке, чтобы отдохнуть от разрухи. В обществе появились одновременно

жажда сильной власти и ненависть ко всем видам демократии. Для рвущихся наверх тридцатилетних самым презрительным словом стало «интеллигент». В силу собственной слепоты они не могли разглядеть, чему способствовали, развивая в себе жестокость и тупость. В этой обстановке Мандельштам, который не ходил в салоны к «правительственным дамам» и говорил, что семинарист Сталин строит партию, основанную на обожевлении человека, воспринимался «чуждым элементом».

Ещё до начала официальной изоляции Мандельштам сумел изолироваться сам, избегая случайных встреч и связей. Тех, кого он мог бы назвать «мы», уже не существовало. Наступала эпоха одиночек, противостоявших огромному организованному миру, в котором единственным выходом была выбранная Мандельштамом и Ахматовой изоляция. Однако уже с 1923 года началась официальная изоляция. Постепенно набирали силу писательские организации, прожить без которых стало невозможно, но и жить с ними Мандельштам не мог. В 1924 году появилось выражение «литературный фронт»: шла борьба за то, кому управлять литературой. Одни дрались за власть, другие пристраивались к дерущимся в качестве подхалимов. Мандельштам же не имел к ним никакого отношения, освободившись из плена общего мнения и став свободным. Он еще не вполне осознавал, что страна вошла в эпоху организованной литературы и мысли, и продолжал отказываться от всех союзов.

В двадцатых годах ещё все понемногу учили Мандельштама. В тридцатых «новым» стало уже совершенно ясно, что мировоззрение Мандельштама отжило свой век, и он не сумеет перестроиться. Тогда на него стали показывать пальцами. В нормальных условиях подобного рода примитивные конфликты с государством и обществом не приняли бы форму погони «специально выдрессированной своры за ошалевшим зайцем». И это в то время, когда европейский мир построил свою культуру, в основе которой лежало отношение к личности как к высшей ценности. Человек как центр и воплощение жизни; человек, как солнце, – центр притяжения других людей. Поэтому

мысль об исчезновении человека и связанным с этим концом человечества так пугала Мандельштама. В стране, строившей «социализм», начиналось планомерное уничтожение крупниц народного мозга: эрмитажников, историков, словарников, чтобы некому было догадаться о его сути.

Но как ни странно, это «новое» находило всеобщее сочувствие и поддержку, и двадцатые-тридцатые годы стали его апогеем. Мандельштам, чувствуя свое отщепенство, начинает сомневаться в себе: когда все делается для людей, для их будущей счастливой жизни, почему же он «один на всех путях» и полон ужаса? Неужели он один прав, а может быть, он слишком много на себя берет, противопоставляя себя всем? Может быть, правда, он – классовый враг? Буржуазный поэт? Устаревший? Его ругали за прозу, особенно за «Химеру революции» в «Шуме времени» и за стихи. Так продолжалось, пока он не пришел к выводу, что принадлежит «другому веку» и никому не приходится современником.

Оказалось, что Мандельштаму был чужд тот биологический тип, из которого формируются «власть и деньги при любом режиме», и его поэзия начала 1930 годов становится поэзией вызова, несущей заряд гнева. «Человеческий жаркий обугленный рот Негодует и "нет" говорит». Его надежда на отделение «церкви-культуры» от государства оказалась иллюзией. Культуру поставили на место и пристроили к делу – не без участия самой интеллигенции. Его убеждение, что: «В вопросах литературы они должны спрашивать у нас, а не мы у них» выглядело теперь не просто анахронизмом, так как независимость стала опасной. Мандельштам оказался не тем поэтом, которого можно было использовать в советской литературе. Он был противопоказан ей. Его неожиданные характеристики окружающих, его страстное вмешательство в события повседневной жизни раздражали. Его статьи, напечатанные в начале НЭПа, теперь, в преддверии сталинских пятилеток воспринимались как нонсенс, и он терял своего читателя. И Мандельштам решает, что никогда больше не будет заниматься литературным трудом –

редактурами, консультациями, вообще всякой «культурной шебуршней».

Один друг уговаривал Мандельштама еще в самом начале двадцатых годов принять литовское подданство. Это было возможно, потому что отец Мандельштама жил когда-то в Литве, да и сам он родился в Варшаве. Мандельштам даже начал собирать необходимые бумаги, но потом раздумал, решив, что уйти от своей участи все равно нельзя. Позднее другой его друг Зенкевич, считавший себя тоже акмеистом, убеждал Мандельштама в необходимости скорее «сдаваться не только в физический, но и в интеллектуальный плен» новой власти. «Неужели ты не понимаешь, что этого уже нет, что все теперь иначе!» – говорил он Мандельштаму, имея в виду не только вопросы поэзии, чести и этики, но главное, очередные политические процессы, аресты и раскулачивание. Он не переставал удивляться его упорству и безумному стоянию на своем. Вместо похвальных стихов, например, преобразователям природы Мандельштам пишет гибельные стихи о Сталине. Тогда же он признался Ахматовой о своей личной готовности стать жертвой, сказав ей, что к смерти готов.

Но удивительным было то, что почти всем мысль о неизбежности гибели Мандельштама казалась естественной. Более того, некоторых сильно возмущало, что какой-то там Мандельштам, ни с кем не считаясь, «несет черт знает что, когда все ведут себя, как люди и делают все, что им положено...», а кто такой этот Мандельштам... Больно много он себе позволяет». Мандельштама стали воспринимать аномалией, вредным порождением прошлого, лишним человеком в литературе, где места распределяют высшие инстанции. Интеллигенция о своей независимости не думала. Писатели ради добавочной порции охотно пошли на то, чтобы «кормиться» прямо из рук начальства. При этом им пришлось отказаться от всякой мысли. Больше всего от этого выиграли те, у кого не было собственных мыслей. Они получили сначала скудный, а позднее отличный прокорм. Мандельштам же не стал покорно кормиться вместе со всеми, а то бы остался в живых.

Все кругом говорили о необходимости в твердой власти, не помышляя о собственной ответственности за все происходящее, а Мандельштам написал, что «человек тверже всего остального в мире». Он то обретал, то терял надежду, что люди, наконец, опомнятся, очнутся и наладят жизнь. Куда там: вслед за расстрелом Гумилева изгнание из Москвы Хлебникова. Создававшаяся советская литература, по меткому выражению Надежды Мандельштам, «запродала себя рябому черту на три поколения вперед». Они приняли новый порядок вещей на его условиях. На смену кипению страстей и споров пришло отвлеченное безразличие толпы, о чем Мандельштам сказал: «наступает глухота паучья». Никто не стремился к обобщениям, поэтому смысл событий ускользал. Мандельштаму казалось, что история подходит к своему замиранию. А «большие» писатели, имени которых сегодня никто не помнит, утверждали, что его стихи совершенно несовременные, не нужные молодежи, так как не вселяют в неё бодрость. Поэтому ему отказывали в праве на квартиру в писательском кооперативе, ссылаясь на то, что он даже не состоит членом Союза поэтов.

Эти качества, которые обнаружили в советской литературе с первых дней, впоследствии расцвели пышным цветом и стали видны каждому. Все дружно писали, что каторжники живут в лагерях лучше, чем они на курортах, и обвиняли в этом Ягоду. Народ стал для нового режима объектом воспитания, и писатели заняли в том процессе воспитания важное место «инженеров человеческих душ». Стремление к образованию народа подменили лозунгом об его воспитании. Вскоре и сам Мандельштам очутился объектом воспитания, но одним из первых восстал против его сущности и методов. Он органически не переносил, чтобы его воспитывали, и эта его строчка: «Я каждому тайно завидую и в каждого тайно влюблен» – уж точно не имеет никакого отношения к коллегам по перу. Мандельштам был готов «растоптать» Москву за то, что она считала его «бывшим» поэтом, а прозу его – не «реалистичной». Но, наверное, неправильно все подвиги советской литературы сваливать только на начальство. К нему ведь шли осведомители, доносчики, челобитчики,

делегации и советчики, что называлось «инициативой снизу».

Об условиях жизни Мандельштама. Жизнь Мандельштама была доведена до крайности, до предела: изоляция – абсолютная, без одного единомышленника; нищета – полная, в буквальном смысле слова жизнь на подаяние; вражда государства – на измор, до помрачения рассудка, а затем и физической гибели. Он сам написал об этом: «Еще мы жизнью полны в высшей мере». Он жил в постоянной тревоге, в ожидании новых бед и несчастий. Он был обречен и знал это лучше других: «Нет, не спрятаться мне от великой муры За извозчичью спину Москвы». Это была жизнь от надежды к отчаянию, когда надежды становилось все меньше, а отчаянья – все больше. Литературное положение Мандельштама определилось уже к 1923 году, когда его имя было вычеркнуто из списков сотрудников всех журналов.

Надежда Яковлевна вспоминала: «Жили нищенством, и это казалось невыносимым. Люди боялись нас: мы были не только нищими, но и зачумленными». Один крупный чиновник от литературы удивлялся: «Что за человек такой Мандельштам – занимает деньги и не возвращает». Но это не называлось «занимал» – это было неприкрытое нищенство, к которому его принудило государство. Безденежье Мандельштамов вызывало сочувствие в Москве. Деньги давали Пастернак, Катаев, Евгений Петров, Михоэлс. Всегда давал деньги Яхонтов.

Но привередливый Мандельштам, знавший толк в пище, принимал жизнь такой, какая она есть, и бедности своей никак не стыдился, а чувствовал себя богачом, когда у него на столе была банка консервов или пшенная каша. А в отношении поэзии он вообще считал, что чем больше препятствий для стихов, тем лучше – ничего лишнего не напишешь... Труднее всего ему было отказаться от поездки на юг, куда он всю жизнь рвался и не мог из-за отсутствия денег. Иногда кто-нибудь из покровителей устраивал такие поездки.

Особенно значимой оказалась поездка на Кавказ весной 1930 года, устроенная благодаря хлопотам Бухарина, где снова к нему пришли стихи.

Надежда Яковлевна вспоминала, что к Николаю Ивановичу Бухарину они «ходили» с 1922 года, когда Мандельштам хлопотал за своего арестованного брата Евгения Эмильевича... С тех пор всеми просветами в своей жизни Мандельштам был обязан Бухарину. И книга стихов 1928 года не вышла бы без его активного вмешательства, и путешествие в Армению, и квартира, и пайки, и договора на все последующие издания, хотя и не осуществленные, но оплаченные, – все это дело рук Бухарина. Выхлопотал он и пенсию за «заслуги в русской литературе при невозможности использовать» данного писателя в советской литературе. Это было очень существенно, так как Мандельштама брали измором, не допуская ни к какой работе. Скорее всего, и сама эта формулировка принадлежала Бухарину. Последним его даром был переезд из Чердыни в Воронеж.

В 40 лет Мандельштам выглядел стариком и воспринимался бывшим, устаревшим и уже не пишущим поэтом. Как бы в подтверждение этого у него появилась одышка и начались головокружения на улице, и он стал ходить с тростью с белым набалдашником. Сказались постоянная готовность к беде, хотя ничего конкретного он ещё не предвидел, и осознание близости «большого дома». «Надо понимать, где живешь», – постоянно повторял Мандельштам. И это притом, что казалось, будто гайки завинчены уже до предела, и нужно бы ждать облегчения.

Как ни странно, эта жизнь, в которой взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира достигло, казалось, предела, а нищенство – еще не худшая её сторона, многими людьми, особенно молодежью – солдатами, студентами – воспринималась как социализм со всеми его преимуществами. Можно было услышать: «Нам хоть когда подкинут селедки там, или сахару, или керосинчику. А как в капиталистических странах? Там, верно, хоть пропадай!» Верили они и в то, что только при социализме возможно всеобщее обучение, а «там» народ погряз в неграмотности и

темноте... А про то, что «там» вообще никакой прописки нет, говорили: «Кто же станет жить без прописки? Ведь враз же попадешься!». Большая часть народа твердо верила: когда начальство ссылает, оно знает, что делает, и поэтому «моя хата с краю». Это равнодушие толпы мучило Мандельштама. «Раньше милостыню арестантам давали, а теперь даже не глядят в их сторону. Теперь можно на глазах толпы сделать с арестантом что угодно – пристрелить, убить, растерзать – и никто не вмешается». Люди только повернутся спиной, чтобы избавиться от неприятного зрелища...» – говорил он.

Стихи о Сталине, обыски, аресты. Стихотворение против Сталина – «Мы живем, под собою не чуя страны...» – это, прежде всего, поступок, который логически вытекал из всей жизни и работы Мандельштама. Он понял, что терять ему уже нечего, и если уж суждено погибнуть, то пусть не от «булавочных» уколов. Так в ноябре 1933 года появились стихи, в которых он хотел оставить недвусмысленные высказывания о том, что происходило на его глазах, прежде чем уйти из жизни. Мандельштам выговорил в них то, чего никто не решался даже про себя и подумать. Кроме всего прочего, там впервые сказано о великой крестьянской беде, а Сталин назван «мужикоборцем». Мандельштам говорил о Сталине, что «он не способен сам ничего придумать... воплощение нетворческого начала... тип паразита... десятник, который заставлял в Египте работать евреев». А тонкую шею Мандельштам приметил у Молотова – она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой. «Как у кота», – сказал он однажды. Мандельштам, вспоминала Надежда Яковлевна, рвался прочесть кому-нибудь новый стишок, так как первое чтение у него завершало процесс работы над стихотворением, поэтому удержать его было невозможно, все равно бы вырвался из-под присмотра и прочел недопустимые стихи первому встречному. Многие не признали стихов о Сталине. Эренбург, например, назвал их «стишками». Ругал за них Мандельштама и Пастернак. И тем не мене, даже в поэтическом плане первые две строки

этого стихотворения по своей афористической силе находятся на уровне самых больших удач поэта.

Первый раз Мандельштам увели утром четырнадцатого мая 1934 года. Пришли, как всегда, в ночь с тринадцатого на четырнадцатое. Осмотрелись, убедившись, что сопротивления не будет, предъявили ордер, проверили документы и приступили к обыску. Тогда, в 1934 году обыски проводились ещё тщательно и с соблюдением многих формальностей, поэтому операция продолжалась всю ночь до утра, а к вечеру пришли опять и рылись вторично в сундуке с рукописями. Потом, уже после 1937 года, не тратили столько времени на поиски и просмотры всяких бумаг. Приходили, чтобы просто арестовать человека, и на всё уходило не более двадцати минут. Сохранилась только традиция участия понятых, в качестве которых использовались служащие домоуправления – дворники, водопроводчики. Она, вероятно, повышала безопасность «работы» агентов. О том, что после бессонной ночи слесарь уже не мог качественно чинить краны, которые поэтому всегда текли, конечно, никто не думал – заняты были делами поважнее.

За что могли взять Мандельштама? – Оснований для его ареста было сколько угодно: могли арестовать вообще за стихи и за высказывания о литературе, и за пощечину Толстому. Хуже всего, если за конкретное стихотворение о Сталине. За это, понимали, он мог поплатиться жизнью. Толстой, получив пощечину, во весь голос при свидетелях кричал, что закроет для Мандельштама все издательства, не даст ему печататься, вышлет его из Москвы... В тот же день, вспоминала Надежда Мандельштам, сказали, что Толстой выехал в Москву жаловаться на обидчика главе советской литературы – Горькому. Вскоре стала известна его фраза: «Мы ему покажем, как бить русских писателей»... Близкие друзья Мандельштама возлагали надежды, что арест вызван мстью за пощечину «русскому писателю» Алексею Толстому. Но Бухарин утверждал, что за пощечину Толстому арестовать не могли.

В первый же день после ареста друзья бросились хлопотать за Мандельштама – тогда это ещё помогало.

Сейфуллина тотчас стала звонить «знакомому» чекисту. «Лишь бы его не свели там с ума, – сказал чекист, – наши на этот счет большие мастера». К сожалению, именно так и случилось. На следующий день чекист сообщил Сейфуллиной, что навел справки – в это дело вмешиваться не следует... На вопрос: «Почему?» – ответа не последовало. После таких разговоров, как правило, у людей опускались руки. И, тем не менее, Ахматова продолжала ходатайствовать перед Енукидзе, Бухарин написал письмо Сталину со словами: «Поэты всегда правы, история за них». Но больше всех делала Надежда Яковлевна, которая посылала одну за другой телеграммы в ЦК, в ГПУ, Сталину, называя государственным преступлением, что «поэта довели на Лубянке до сумасшествия и отправили в ссылку в состоянии безумия».

В эти хлопоты пожелал включиться Пастернак. Он пришел к Надежде Яковлевне и спросил, куда ему обратиться. Она попросила пойти к Бухарину, потому что уже знала, как он отнесся к аресту Мандельштама, а ещё она посоветовала обратиться к Демьяну Бедному, чем очень удивила Пастернака. Но ничего случайного в этом не было. В 1928 году, когда Мандельштам «перевернул» Москву, спасая пятерых банковских служащих, старых «спецов», которых приговорили к расстрелу за растрату и бесхозяйственность, Демьян Бедный пообещал, что если когда-нибудь что случится с самим Мандельштамом, он, Демьян, обязательно за него заступится. Это обещание почему-то тогда очень обрадовало Мандельштама: «Все-таки приятно... Обманет?... Не думаю»... Вот поэтому Надежда Яковлевна посоветовала Пастернаку поговорить с Демьяном Бедным. Пастернак позвонил ему в тот же день, когда арестовали Мандельштама. Демьян Бедный показался Пастернаку напуганным, по-видимому, он уже кое-что знал, и поэтому посоветовал не вмешиваться в это дело: «Ни вам, ни мне в это дело вмешиваться нельзя», – сказал он. Мандельштам был недоволен самим фактом вмешательства Пастернака: «Зачем запутали Пастернака? Я сам должен выпутываться – он здесь ни при чем». Но, когда узнал о разговоре Пастернака со Сталиным, самим разговором

остался вполне доволен: «Он совершенно прав, сказав, что дело не в мастерстве... Почему Сталин так боится «мастерства»? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем нашаманить... А стихи, верно, произвели впечатление...». Он полагал, что они стали причиной пересмотра дела.

Сам Мандельштам не искал причину, обвинив во всем себя. Возможно, после пощечины Толстому власти активизировали слежку, порасспросили агентов и узнали про стихи. Во всяком случае, стихи о Сталине были написаны осенью 1933 года, а арестовали Мандельштама в мае 1934. Через пару недель Надежду Яковлевну вызвали на Лубянку и сообщили, что следствие закончено. Мандельштама высылают на три года в Чердынь. Она, если захочет, может его сопровождать. Причиной стали всё-таки стихи о Сталине, запись которых лежала у следователя на столе. Позднее Николай Иванович Бухарин рассказал Эренбургу, что Ягода сам прочел ему наизусть стихи про Сталина, и он, испугавшись, отступился. Но до этого успел сделать все, что было в его силах, а главное, добиться пересмотра дела. Сам Мандельштам на следствии сказал, что стихов о Сталине не записывал и не распространял. Их знали только члены семьи и ещё несколько человек. Тогда было известно 14 человек. Позже стало известно, что их было больше.

В Чердыне Мандельштам пробыл недолго. Вскоре его вызвали в органы и сообщили о замене Чердыни на любой город, кроме 12 центральных городов. Мандельштамы выбрали Воронеж. Комендант, который выписывал бумаги, был потрясен быстротой пересмотра дела, и вообще, всем оборотом событий. Кроме всего прочего, менялся и вид высылки на самый легкий – с паспортом! Так Мандельштам узнал, что обладание паспортом – это тоже привилегия, которую заслуживает далеко не каждый. Когда заменили Чердынь на Воронеж, гадали, чьи именно хлопоты помогли, и сыграли они вообще какую-нибудь роль. Скорее всего, Сталину тогда просто не нужен был шум, который лишь привлёк бы внимание к стихам Мандельштама в самом начале задуманной им

революции. Но приговор ему был вынесен сразу и окончательно, только его исполнение было отсрочено. Что же касается шума, то он уже был поднят: во-первых, хлопоты Ахматовой, Пастернака, конечно, Бухарина и других; во-вторых, Мандельштам дважды пытался покончить с собой. Первый раз – перерезав себе вены лезвием, которое знакомый сапожник по просьбе Мандельштама заблаговременно упрятал в подошве его сапога. Во второй раз он выбросился из окна чердынской больницы. Правда, всё обошлось тогда лишь переломом ключицы.

Несмотря на всю мягкость приговора, – вместо расстрела, лагеря – высылка в Чердынь с разрешением жене сопровождать поэта – Мандельштам долго отходил от лубянского и чердынского шока. Тяжело было смотреть на поэта до такой степени травмированного: арест довел его до помрачения сознания. Мандельштам написал тогда К.И. Чуковскому, что доведен до положения собаки, чувствует себя тенью, которой оставлено лишь право умереть. О причине своего безумия – обостренное чувство совести – поэт сам написал: «Может быть, это точка безумия, Может быть, это совесть твоя...». После «прыжка» из окна он продолжал ждать расстрела, уже не пытаясь спастись бегством. Он рассказывал Надежде Яковлевне, что назначал приход убийц на какой-нибудь определенный час и ждал их в страхе и смятении. Острое состояние прошло, когда произошел «психический поворот» к некоторой реальности. Он понял, что от расправы все равно не уклониться, так как ничего не успеешь сделать, даже покончить с собою. «Иначе никто не дался бы им в лапы живым» – говорил Мандельштам. Когда возбуждение прошло, остались слуховые галлюцинации. Мандельштаму мерещились грубые мужские голоса, запугивающие, перечисляющие всевозможные кары, ругающие его отборной бранью, упрекающие его в том, что он сгубил столько людей, прочитав им свои стихи. Бывало, что среди ночи он будил Надежду Яковлевну и говорил ей, что арестовали Ахматову и ведут на допрос. Гуляя по Чердыни, он искал в оврагах труп Анны Андреевны...

Мандельштам был, конечно, человеком повышенной чувствительности и возбудимости. Может быть, со склонностью к психическим заболеваниям. Для поэта вообще слуховые галлюцинации являются чем-то вроде профессионального заболевания. Через какое-то время после приезда в Воронеж он сумел отрезать этот кусок жизни с бредом и галлюцинациями. Как-то он сказал: «Наденька, ведь я теперь не сумасшедший...» А в стихах «Стансы» он назвал болезнь «семивершковой кутерьмой», свою же попытку к самоубийству назвал прыжком «прыжок, и я в уме». И всё-таки, время от времени болезнь давала о себе знать: у Мандельштама возникало желание примириться с советской действительностью и найти ей оправдание. Это было похоже на гипноз, в состоянии которого он говорил, что «хочет быть со всеми и боится остаться вне революции, боится пропустить по близорукости то грандиозное, что совершается на его глазах». К счастью, эти «припадки патриотизма» происходили не часто, а очнувшись, он сам называл их безумием...

16 мая 1937 года истек срок ссылки, и Мандельштам вернулся в Москву. Однако вскоре ему напомнили, что жить в Москве нельзя, и Мандельштамы поселились в Савелово, возле Кимр. Надежда Яковлевна предложила план спасения: затеряться, раствориться в толпе, засесть в четырех стенах и никогда не выходить из дому. Для осуществления этого плана завести корову, которую, она верила, что смогла бы научиться доить. Однако Мандельштам к этому «коровьему плану» отнесся холодно. Он предпочитал, наоборот, выделиться из толпы, добиться «творческого вечера» в Союзе, и тогда ему не смогут отказать в какой-нибудь работе. Он не в состоянии был избавиться от иллюзии, что сумеет своими стихами кого-то победить и в чем-то убедить.

Тем временем доброжелатели устроили Мандельштаму командировку от Союза писателей на канал. Они надеялись, что, сочинив что-нибудь патриотическое, Мандельштам спасет себе жизнь. Вернувшись из этой командировки, он, действительно, написал гладенький стишок, который уцелел, так и не выполнив своей функции.

Мандельштам сам должен был отправиться строить канал, но этого не случилось только из-за сталинской резолюции на его деле: «изолировать, но сохранить». И тогда канал заменили высылкой в Чердынь, так как на стройках, подобных строительству канала, никого сохранить было нельзя. Мандельштам умер бы на канале в 1934-м, а не в 1938 году.

И всё-таки стремление вернуться в жизнь оказывается у него настолько сильным, что он садится писать «Оду Сталину». Именно, садится, так как эти стихи уже не рождались у него на ходу, как обычно. Поэтому он каждое утро, вспоминала Надежда Яковлевна, садился к столу, просто как какой-нибудь Федин, и изнуял себя этой работой, которая лишь способствовала его дальнейшему саморазрушению. А жить приходилось по-прежнему на подаяние.

Для сбора денег на самое необходимое Мандельштам навещался в Москву, где для него всегда оставался открытым дом Шкловских, в Переделкино к Пастернаку, и в Ленинград. Все остальные боялись не только Мандельштамов – боялись друг друга. И на то были веские основания: одни подозревали во всяком человеке стукача, другие боялись, что их примут за стукача. Доносами, которые стали просто бедствием, были завалены все учреждения. Все стали не то что больными, но чуть-чуть психически сдвинутыми – подозрительными, с явными задержками в речи.

Мандельштам и Ахматова, наверное, первыми почувствовали на себе, что значит сталинская эпоха в литературе, открывшаяся в 1930 году статьей Сталина в «Большевике», призывавшей совсем не печатать неподходящих вещей. Они поняли, что борьба за право бесконтрольно распоряжаться жизнью и смертью своих сограждан никогда не кончится. Она может ослабевать или усиливаться, но кончиться не может. Да и зачем кончаться? Многие хорошо приспособились к такому порядку, и даже научились извлекать из него выгоду: можно легко спихнуть соседа и занять его площадь или служебное место. Все люди, казалось, были заняты своим делом, все улыбались,

беспрекословно исполняли приказания и снова улыбались. Осведомители добровольно несли в органы информацию и вынуждали их открывать новые дела против множества людей... Классовое сознание не позволяло им проходить мимо этой информации... А широкие аресты отвлекали внимание народа от очередных хозяйственных неудач, которые были неизбежны при построении социалистической утопии.

Второй арест и гибель Мандельштама.

Мандельштама предупреждали, чтобы он не возлагал лишних надежд на высочайшую милость – «изолировать, но сохранить», так как ее могут отобрать, и поэтому не следует напоминать о себе, тогда, может быть, забудут. Но Мандельштам утверждал, что от гибели все равно не уйти, к такому выводу его приводила трезвая оценка положения, и он продолжал шуметь до самой гибели, веря в могущество своего таланта. Болтаться по Москве и Ленинграду в 1937 году, не имея права жительства в этих городах, было просто безумием. Мандельштам повсюду с пафосом читал свою «Оду» Сталину, не понимая, что он не нужен тогдашним законодателям литературы, да и фамилия его их начинала раздражать. Советским писателям уже предлагали переменить свои еврейские фамилии на русские псевдонимы.

Если бы он продолжал жить, то, в конце концов, и он бы поддался страху, заразился бы им от окружающих. Для такого человека, как он, смерть была единственным исходом: он не умел быть дрожащей тварью, которая боится не Бога, а людей. Пережив очередное потрясение, избежав смерти, он вновь испытывал «лихорадку болезненного нетерпения, вновь окунаясь то в горячую, то в холодную воду». Летом 1936 года, вспоминает Надежда Яковлевна, диктор объявил, что найдены убийцы Кирова и готовятся процессы... Наступало время, когда известие об аресте и даже гибели Мандельштама было бы воспринято с полным равнодушием. Это время стало целой эпохой торжества идеологии, а уничтожение тех, кто отказался принять ее тезисы, фразеологию, считалось естественной охранительной мерой как уничтожение «пятой колонны».

Более того, толпа дружно приветствовала подобные «мероприятия», лишь бы у неё не отобрали те крохи, которые она имела. Бедными людьми вообще легче управлять. Им, как правило, легче прививается единомыслие. Мандельштам же отвернулся от этой жизни, отказался и от пира, и от крох с барского стола. Дал согласие на смерть в тюрьме или в лагере за право сказать, что он об этой жизни думает.

Мандельштам неожиданно получил от литфонда путевку в дом отдыха в Саматиху. Чтобы не надоедать знакомым и не просить у них милостыню, вспоминала Надежда Яковлевна, мы позволили заманить себя в ловушку. Где-то наверху, наверное, дожидались окончательного решения Сталина, так как без его санкции Мандельштама нельзя было забрать. Ведь на деле 1934 года стояла его резолюция: «Изолировать, но сохранить». Поэтому секретарю Союза писателей Ставскому предложили дать пока Мандельштаму временную оседлость, чтобы, когда он понадобится, его не пришлось бы разыскивать. И Ставский любезно заманил Мандельштамов в такой дом отдыха, из которого нельзя было самостоятельно выбраться – двадцать пять километров до станции Мандельштам с больным сердцем осилить не мог. Всякий раз, когда Мандельштам порывался съездить в город, врач говорил, что на грузовике, который шел на станцию, нет места. «А мы часом не попались в ловушку?» – спросил он как-то после очередного отказа врача довести его до станции. Конечно, врачу велели не отпускать Мандельштама из Саматихи, пока в Москве решалась его судьба, и 2 мая 1938 года его арестовали повторно.

О дальнейшей судьбе Мандельштама точных сведений, к сожалению, нет. Понятно, что он умер в лагере, но когда точно – не известно. Тогда даты в свидетельстве о смерти проставлялись совершенно произвольно. Кто-то пустил слух, что Мандельштам был убит немцами в Воронеже. Действительно, миллионы смертей сознательно были отнесены к военному периоду. Для статистики оказалось удобным смешать лагерные смерти с военными. Этим картина репрессий как бы затушевывалась. Вряд ли

Мандельштама похоронили, скорее, просто бросили в яму, как и миллионы его соотечественников, похороненных без гробов. Но слух о судьбе злосчастного поэта широко разнесся по лагерям, и десятки людей потом передавали лагерные легенды о нем. Эренбург рассказывал, что как-то пришел к нему человек, освободившийся из лагеря, с посланием о последних днях Мандельштама. Тот факт, что он был послан именно к Эренбургу, как бы указывает на достоверность его сообщения, так как Мандельштам понимал, что никто другой из советских писателей, исключая Шкловского, не принял бы в те годы «посланца оттуда».

Нет ничего удивительного в том, что Мандельштама травили и душили всеми способами, среди которых лагерь стал только логическим завершением того, что длилось все годы. Его убивали за то, что он не отказался от чувства реальности. Для режима, насаждавшего ирреальную действительность, такие люди представляли большую опасность. Кроме того, Мандельштам был евреем и русским поэтом, а еще европейцем и русским интеллигентом из того слоя, где не чурались слова. За все эти преступления тогда карали по всей строгости, потому что борьба с идеализмом была главной задачей эпохи. Страдания не обогатили Мандельштама, а только уничтожили его. Он не нуждался в тюрьмах, ссылках и лагерях, чтобы заработать себе биографию. Она могла оказаться гораздо более содержательной, чем та, которой его удостоили, и при этом совершенно благополучной, во всяком случае – внешне.

Стихи: «Это какая улица? – Улица Мандельштама» – многим когда-то показались нескромными. Однако они оказались пророческими. А тех «многих» уже никто не помнит. Во второй половине 1950 годов списки мандельштамовских стихов вновь стали расходиться по рукам, играя роль формирующего и воспитывающего переживания, благодаря Паулю Целану образ Мандельштама сделался одним из символов европейской поэтической традиции. А в реабилитации по делу 1934 года отказали. Впрочем, это заявление рассматривалось во время венгерских событий. Кстати, Надежда Яковлевна была

уверена, что рукописи Мандельштама уцелели только благодаря постоянной брани лефовских и символистических современников, называвших их бывшими стихами бывшего поэта, бывшего эстета и пр. Поэтому начальство, считая, что он уже «вчерашний день», не стало продолжать искать рукописи. Они ограничились тем, что им тогда, при обыске попало в руки, и вполне этим удовлетвоались. Будь они более высокого мнения о поэтическом наследии Мандельштама, стихов не осталось бы. Это называлось «развезть прах по ветру». Хорошо, что и Пастернак в разговоре со Сталиным не «пел соловьем» о мастерстве Мандельштама, а то, может быть, его прикончили бы, как Михоэлса, или уж во всяком случае, приняли бы более жесткие меры, чтобы его уничтожить.

Окончательная реабилитация Мандельштама произошла лишь в 1987 году. Прошло ли всё это бесследно? Сейчас мы видим, как трудно оправиться народу, который растоптал и уничтожил столько поколений, чтобы добиться этим отказа от мысли и памяти. У Платонова есть рассказ о народе, которого лишили не только памяти и мысли, но и слова, и даже времени. И он перестал быть народом – не потому ли, что всё это тоже передаётся по наследству? Но это произошло и в реальной жизни: люди не заметили, как после войны подменили большевиков фашистами. Ведь жертвы террора – не только мертвые Мандельштам и миллионы таких же замученных, но и палачи, идеологи, пособники, закрывавшие глаза и умывавшие руки. После пыток страхом люди оправиться уже не могут. А страх пережили и все виды убийц, и провокаторы, и стукачи, когда их жертвы «воскресли» и обрели язык. Раньше им даже не могло придти в голову, что эти тени когда-нибудь восстанут и потребуют своих могильщиков к ответу. Поэтому в период реабилитации они впали в самую настоящую панику: им казалось, будто те, кого они окрестили «лагерной пылью», вдруг опять обрели имя и тело. Правда, после событий в Венгрии «эпоха больших надежд кончилась». Ещё более положение ухудшилось с 1959 года.

Все слои населения переболели каждый своей формой этой болезни, вызываемой террором. Поскольку болезнь эта передается по наследству, расплачиваться за отцов будут и сыновья, и внуки. И хотя у каждого поколения болезнь будет принимать разную форму, все оказываются не пригодными для нормальной гражданской жизни. Сейчас люди с гебистским прошлым пытаются возродить ещё не совсем изжитое. Если народ снова уснет, он уже не проснется. Ведь они и сейчас еще не проснулись, а нового погружения в сон выдержать нельзя.

Наум Зайдель

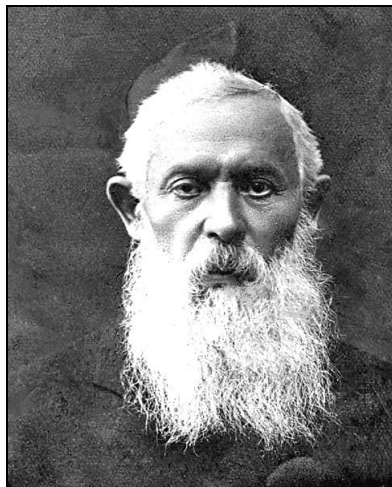
Музыка в жизни, жизнь в музыке

ои родители прибыли в Казань из Польши, спасаясь от ужасов Первой мировой войны. По-видимому, город Казань был им предписан властями, так как вместе с моей мамой приехали также ее родной брат, сестра и мой дедушка. Он умер в 1934 году, в моей памяти сохранился только его образ старца, отличающийся по внешнему виду от всех, прежде всего, седой бородой. Жили мы на улице Спартаковской, в просторной квартире. Там я родился, но очень смутно помню себя. Ни детского сада, ни игр и игрушек. Проснулся я однажды утром, дома никого, я один. Пошел искать маму. В центре города меня заметил милиционер, привел в отделение милиции. Вот было счастье, когда прибежала перепуганная мама. Наверное, жили мы очень бедно, – время было такое. Смотрю я сегодня на маленьких детишек и думаю, какие же они счастливые, шумные. Все у них имеется; книжки с цветными картинками, велосипеды. Весь мой мир ограничивался территорией вокруг дома и общением с детьми этого же дома. Почему-то я был очень недоволен своим именем. Моей сестре тоже дали необычное имя Эсфира. Правда для всех она была просто Ира. Терпел я долго, и наконец, решительно потребовал, чтобы мама впредь называла меня не иначе как Витя. Но выбранное мной имя как-то не прижилось. Все по-прежнему звали меня Ньюма, Ньюмка, Номка. Мой отец был сбит машиной и стал инвалидом на всю жизнь. Надо же было этому случиться в то время, когда автомобилей было раз, два и обчелся.

В 1940 году моего отца арестовали и осудили на два года тюрьмы за спекуляцию. Он, инвалид второй группы,

продавал на казанском городском рынке головные уборы; кепки, зимние шапки, фуражки для офицеров, изготовленные его знакомыми.

Мой дед Израиль Мовшович Капланский
(1862-1934)

Нашу семью выселили из занимаемой нами квартиры на улицу, и выслали не очень далеко, – всего за 30 км от Казани, в деревню Чурилино. Ехали мы с домашним скарбом в телеге, запряженной лошадью. Мне было 8 лет, стояла теплая августовская погода. Для меня это было приятное приключение. Я сидел на месте извозчика и помахивал прутиком. В деревне нам показали несколько домов на выбор; все они были с заколоченными досками окнами. Шла война, многие ушли на фронт. Вход в дома на высоте двух метров, а лестниц нет – убрали. Как в дом войти? Мама в полной растерянности. Пожилой мужчина говорит нам: «Хотите жить у меня? Дом у меня большой, пятистенный – всем места хватит». Звали его Иван Иванович, его жена Пелагея, лет на 30 моложе его. У них трое детей и нас трое – мама, я и моя старшая сестра. Иван Иванович на все руки мастер – дом построить, печку сложить, корову зарезать, – все умел делать. Зимой печку вечером топили, в ней Пелагея хлеб пекла, а на печке дети

спали, я в том числе. Очень вкусный хлеб у нее получался, пока мука не кончилась. Просыпаюсь я однажды, не могу понять, где я – вокруг белый снег, я лежу на снегу. Чувствую холодно мне, а подняться не могу. Отравился я угарным газом; меня вынесли на свежий воздух проветрить легкие. Отдышался.

Мои родители: Вера Израйлевна Зайдель, (1906-1968),
Лев Шнейрович Зайдель (1905-1961)

В деревне Чурилино я пошел учиться в первый класс. Но в марте 1942 года мы возвратились в Казань, поселились в подвальном помещении на ул. Баумана, 39. Почти напротив Богоявленская церковь, совсем рядом Государственный Банк – дом 43. В Казани жили семьи, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. Все страдали от голода и холода, но были и маленькие радости: двести грамм черного хлеба по карточкам в счет следующего дня, а в конце войны, постояв час, другой в очереди можно было купить пряники. Принеся домой, всегда считали, сколько пряников в одном килограмме – 26 штук, иногда 27.

По ул. Баумана часто проходил военный духовой оркестр. А за ним колонны молодых солдат. Услышав далеко-далеко удары большого барабана, его глухие удары доносились раньше всех других инструментов, я выбегал из дома и шел рядом с оркестром, слушая марши из военностроевого репертуара. Так все вместе мы приходили на железнодорожный вокзал, где молодые солдаты поднимались в вагоны и уезжали на фронт. Советская Армия стала одерживать победу за победой, освобождая город за городом, – контрнаступление под Москвой, победа в Сталинграде, бои под Курском, форсирование Днепра, «Операция Багратион» и взятие Берлина. Какое же было счастье, что мои родители осели в Казани, культурном и промышленном центре на Волге. Что было бы с нами, если бы План Барбаросса, план молниеносной войны удался немцам? Не было бы Победы 9 Мая 1945 года, не было бы нас, не было бы многих других.

Тогда радио в доме не было, а те, кто имели до войны радиоприемники СИ-235, обязаны были сдать их на хранение до лучших времен. На электрическом столбе у церкви Богоявления был установлен радио-колокол, я часами стоял под ним, слушая из Москвы приказы Верховного Главнокомандующего, салюты из 24 артиллерийских залпов и концерты патриотической музыки.

Сколько радости доставляло купание в реке Казанке, а там, наверху – белокаменный Кремль. Любил я встречать и провожать пароходы в порту на Волге – из Москвы, из Астрахани. Несколько лет позже, я даже совершил трехдневное путешествие из Казани в Уфу – Волга, Белая, – к моим родственникам.

Мечтал стать известным в стране, мы ведь жили в стране мечтателей, стране героев. Закончил я начальную школу круглым отличником с похвальной грамотой. В 1944 году было сформировано Казанское суворовское военное училище. Дети, мои сверстники маршировали стройными рядами. Военная форма воспитанников училища не могла не вызвать моего восторга. К тому же, поступление в училище не исключало моей любви к музыке. Кроме основных наук в училище преподавали музыку, был духовой оркестр. С

такими мыслями я пришел на приемные экзамены. Училище находилось где-то за Центральным парком им. Горького. Уверенный в себе, сдал экзамен и прошел медицинский осмотр. Ответ был ошеломляющий и совершенно неожиданный. «Ты не принят, нам такие не нужны». Сказать, я был расстроен, это ничего не сказать. Это была катастрофа, крушение всех планов и надежд. Я отказался забрать свои документы и убежал, куда глаза глядят. На следующий день мой папа пошел в училище выяснить обстоятельства. Возвратившись, кратко сказал: «Войны больше никогда не будет, лучше выбрать гражданскую профессию химика или фармацевта». Этим планам моего отца не суждено было сбыться.

ДМШ

Мои родители не имели никакого отношения к искусству, не могли посоветовать, направить меня в нужном направлении. Предоставленный самому себе, я, застенчивый мальчик, стеснялся спросить у незнакомых людей на улице, где находится музыкальная школа. В период летних каникул ходил по городу с целью, во что бы то ни стало найти музыкальную школу. Однажды, увидел старое здание, на стене у входа была доска с надписью – ДМШ – детская музыкальная школа. Но зайти туда, не осмелился. Прошел день или два, прежде чем решился на «подвиг». Первый, кто встретил меня, была уборщица. Слабым неуверенным голосом я спросил, с кем бы поговорить о приеме в школу. Меня препроводили в комнату заведующей учебной частью Фрейман. После небольшой проверки слуха и чувства ритма меня зачислили в школу и направили ко Льву Моисеевичу Шлеймовичу, он вел класс флейты. Л.М. Шлеймович занимался со мной у себя дома на ул. Гоголя. Квартира была заставлена книжными шкафами, в середине комнаты стояло пианино. Каждый урок был для меня праздником музыки и общения с первым педагогом, который дарил мне отеческую любовь. Мои маленькие пальцы не могли закрывать дырочки деревянной флейты. Они располагались слишком широко. Лев Моисеевич нашел простой выход из положения – дал флейту-пикколо. На первом экзамене я играл на пикколо арию из оперы Моцарта «Дон Жуан». Галина

Ивановна Динар, жена Льва Моисеевича, аккомпанировала. Музыка мне очень нравилась, все весело смеялись. Кто такой Дон Жуан, понятия не имел. Прошло много времени, прежде чем я осознал комичность ситуации.

«Больше десятка их, для порядка завтра запишешь в список ты мой».

Лев Моисеевич Шлеймович
(1898-1953)

Однажды, Лев Моисеевич объявил, что мне необходимо посещать репетиции ученического оркестра. Наконец-то буду играть в оркестре, несказанно обрадовавшись, подумал я. В уютном школьном зале сидели за пультами ученики, все они держали в руках струнные инструменты. Я единственный был из «духовенства» и чувствовал себя прескверно – чужим и не нужным, совсем не из привилегированного сословия. Дирижировал Ильяс Вакасович Аухадеев, играли Вальс-фантазию М. Глинки. Не извлек ни одной ноты, так как еще не знал, когда надо вступать, когда играть, когда молчать. Взял домой партию флейты. На очередном уроке Лев Моисеевич объяснил мне,

как считать паузы, как важно смотреть на дирижера и быть внимательным. «С хорошим дирижером чувствуешь как у Бога за пазухой», говорил он. «Посмотрит на тебя, улыбнется, покажет вступление. Кажется, что он только для одного тебя дирижирует».

Я очень хорошо подготовился к следующей репетиции, только партию флейты забыл дома. Что делать? Сел на место за пультом, играю. Подошел ко мне Ильяс Вакасович. Хотел, видимо, что-то сказать, взглянул на пульт, не увидел нот. С этого дня я приобрел еще одного искреннего друга.

Директор школы Рувим Львович Поляков, узнав о затруднительном материальном положении в нашей семье, предложил моей маме работать в школьной раздевалке.

Так неожиданно мы обрели добрых людей, готовых помочь нам в то тяжелое послевоенное время, и в то же время, я приобщался к музыке – серьезно и целенаправленно.

Казанское музыкальное училище

Со временем музыкальная жизнь в Казани становилась богаче и разнообразнее. Я уже учился в музыкальном училище на ул. Жуковского, 4, совсем рядом Оперный театр, Татарский драматический театр, Казанская консерватория. На этом маленьком пятачке я часто встречал студентов консерватории, пианистов Бориса Евлампиева, Всеволода Захарченко, Софью Губайдулину и Игоря Гусельникова, Они немного старше меня, но уже были известными и многообещающими музыкантами.

Многие профессора Казанской консерватории преподавали также в училище. Отлично помню пианиста и композитора Альберта Семеновича Лемана, Натана Владимировича Брауде, и Михаила Давидовича Владимирского, профессора Броуна. Неизгладимое впечатление произвел на меня Семен Казачков, профессор по классу хорового дирижирования. Играли мы с ним Пятую симфонию Л. Бетховена. Серьезный и вдумчивый, музыкант с большой буквы, он любил повторять слова самого Бетховена: «судьба стучится в дверь», подчеркивая философскую сущность симфонии.

«Музыка утраивает армию»

Александр Суворов

Единственное, что интересовало меня в то время, это музыка и оркестр. Не помню, при каких обстоятельствах я познакомился с флейтистом Юрием Усовым. Он, сержант сверхсрочной службы играл в духовом оркестре гарнизона Казанского Кремля. Не трудно догадаться, как развивались события. Я оказался воспитанником Советской Армии, был поставлен на довольствие, как говорили в армейских кругах, получил военную форму и место в армейских казармах на территории Кремля. Мне тогда исполнилось 14 лет. Дирижер оркестра был капитан Патрушев. Репетиции назначались утром. Я сразу почувствовал, что служба мешает занятиям в училище. Кроме того, выходя в город, я должен был просить у начальства увольнительную, чем я часто пренебрегал. Однажды, встретив на моем пути на занятия в училище военный патруль, я сделал вид, что не видел двух офицеров с красными повязками на рукаве, не отдал им честь. Меня остановили, оказалось, что у меня отсутствует увольнительная и как следствие, неприятный разговор, разбирательство в военной комендатуре.

Ближайшим летом оркестру предстояло участие в смотре духовых оркестров Приволжского военного округа. Капитан Патрушев со всей серьезностью относился к этому событию. Пианист и композитор по образованию, он оркестровал 15 рапсодию Ф. Листа для духового оркестра. Смотр состоялся в Саратове. После окончания смотра состоялся урок-репетиция. Оркестр под управлением главного дирижера Приволжского округа играл гимн Советского Союза. В конце репетиции, главный дирижер обратился к присутствующим в зале: «Прежде чем играть венгерский Ракоци-марш, надо научиться исполнять гимн Советского Союза».

Меня очень тяготила служба в армии, я мечтал о прежней вольной жизни. Однажды, я не пошел в казарму. Меня сняли с довольствия, на этом моя служба в армии закончилась, я снова стал свободным, как весенний ветер.

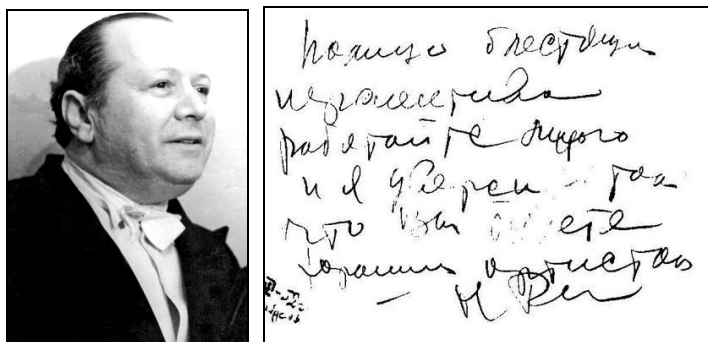
Музыкальная жизнь заметно оживлялась. Приезжали из Москвы. Елизавета Шумская, пианисты Мария Гринберг, Григорий Гинзбург, Григорий Коган, скрипач Михаил Владимирский, дирижеры Исай Шерман и Натан Рахлин.

Мне посчастливилось играть с Натаном Рахлиным в 1951 году. Будучи тогда студентом Казанского музыкального училища, я был приглашен участвовать в концертах. Я еще никогда не играл в профессиональном симфоническом оркестре, но инстинктом учуял, что это дирижер-уникум, владеющий всеми средствами передачи своих замыслов и эмоций оркестру и публике. У него был полный букет музыкальных качеств, необходимых дирижеру – великолепная память, горячий темперамент, безошибочное и тонкое чувство стиля произведения, и не в последнюю очередь, а прежде всего – концепция звучания оркестра и его разных групп, применительно к конкретному эпизоду, фразе, аккорду, над которым он в данный момент работал. Натан Рахлин произвел на меня одно из самых глубоких впечатлений на всю жизнь.

Это был настоящий праздник не только для меня, но и для всего оркестра и казанской музыкальной общественности. Один музыкант, насколько я помню, тромбонист, сделал «бизнес» на этом празднике; он сфотографировал Рахлина и продавал его портрет артистам оркестра. Я, конечно, купил фотографию. В перерыве на репетиции я увидел длинную очередь музыкантов и каждый держал фотографию Рахлина. Он с удовольствием подписывал снимки. На обратной стороне снимка Натан Григорьевич написал несколько дорогих мне строчек. Я храню этот снимок, по сей день. Играли мы тогда два концерта с разными программами: Четвертая симфония П. Чайковского и Итальянское каприччио, Вторую Венгерскую рапсодию Ф. Листа, арии из оперы Ж. Бизе «Кармен».

Еще не окончив музыкальное училище, я начал подрабатывать. Первые мои деньги я получил в Драматическом театре им. Качалова. Музыку к спектаклю написал композитор Альберт Семенович Леман, знакомый мне по училищу. Потом я играл восемь представлений

нового спектакля в Татарском драматическом театре. Это и изменило все мои планы и всю мою жизнь. «Бытие определяет сознание». «Сознание определяет бытие». Зачем философствовать.

Натан Рахлин в Казани (1951) Портрет и подпись Рахлина

Заработав сумму денег нужную для покупки билета в Москву, я объявил своим родителям, что еду сдавать вступительные экзамены. Мое сообщение было встречено гробовым молчанием. Еще труднее было сказать о моем решении моему первому и любимому преподавателю Льву Моисеевичу.

Л.М. Шлеймович приехал из Петербурга в Казань в 1918 году. Он стал работать солистом оркестра в Казанском оперном оркестре, с 1921 года преподавателем музыкального училища. В 1938 году Л.М. Шлеймовичу присуждается почетное звание – заслуженный деятель искусств ТАССР. Это первый исполнитель на духовых инструментах, удостоенный высокого почетного звания. В созданной в 1945 году Казанской консерватории, вел класс флейты, гобоя, фагота. За 30 лет педагогической деятельности он воспитал более 200 учеников.

Приехав на дачу, где он жил в летние месяцы, я весь день не мог начать разговор. Наконец, он сам спросил меня: «Когда уезжаешь?» Какой же я был наивный. Разве можно хранить в тайне что-либо. Тем более что я ехал вместе с моим другом, виолончелистом Германом Гавриловым. Мама Германа – известная в музыкальных кругах Казани педагог

по классу вокала – охотно рассказывала своим коллегам об успехах и планах своего любимого сына.

Он был единственным моим другом, встречались каждый день. Иногда, по просьбе Германа я посещал класс профессора А. Броуна, чтобы после обсудить его игру, обменяться впечатлениями. Виолончельным идиолом и примером для подражания для Германа был Даниил Шафран. Прослушивая пластинку с записью «Рококо» в исполнении Д. Шафрана, мы старались разгадать секреты неотразимого воздействия Д. Шафрана на слушателя, не важно, было ли это произведение монументальной формы, или трехминутная миниатюра.

Прощай Казань, здравствуй Москва

Пришел день моего отъезда, – солнечный, летний день. Я вспомнил этот вокзал, каким я видел его десять лет назад. Картина изменилась и музыка, льющаяся из динамиков, была другая. Звучал «Марш Красной Армии» композитора Салиха Сайдашева. Под управлением автора играл я этот марш в училищном оркестре. До Москвы, по тем временам, двадцать часов ритмичного перестукивания колес и... полная неизвестность в будущем. Остановились мы у родственницы Германа. Жила она в ветхом деревянном домике в самом центре Москвы, недалеко от площади Маяковского.

Герман Гаврилов, не задерживаясь в Москве, поехал в Ленинград, поступил в Ленинградскую консерваторию, закончив ее, преподавал в Горьковской консерватории, и совсем не случайно. Там же преподавал профессор Александр Броун, бывший учитель Германа в Казани.

Еще в Казани, я впервые по радио слышал солиста на трубе с трудно произносимой фамилией Докшицер. Он играл одноминутную пьесу Полет Шмеля композитора Н. Римского-Корсакова. Зная по своему опыту и опыту моих товарищей, сколько трудностей надо преодолеть, чтобы произвести благопристойный звук, сколько часов упражнений требуется, чтобы играть трудный пассаж, я был поражен, с какой элегантностью и пальцевой легкостью трубач играет – так просто и естественно. А потом я услышал Неаполитанский танец из Лебединого озера.

Лучше играть невозможно, решил я. В то время Большой Театр отмечал юбилей 175 лет, и в связи с этим событием ведущие солисты Большого Театра были награждены почетными званиями и разными знаками отличия. В газете «Советское искусство», переименованная позже в «Советскую культуру» я нашел среди награжденных имя трубача – Гирш Шмулевич Докшицер или что-то в этом роде. Точно не помню, ведь это было в 1951 году, а сегодня уже...

Тимофей Александрович Докшицер присутствовал на приемном прослушивании. При первой личной встрече он произвел на меня впечатление своей внешностью. Выше среднего роста, правильные черты лица, мягкая манера говорить. Он показался мне воплощением артистизма.
<http://www.youtube.com/watch?v=aO0dDI2Hd7g&feature=related>

Тимофей Александрович Докшицер

Я поступил в Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. Как иногородний студент получил место в общежитии. Из каждой комнаты доносились звуки различных инструментов, а в конце длинного коридора играл, сидя на стуле, баянист. Гулкая коридорная акустика, неорганизованные звуки напоминали настройку оркестра перед репетицией. Как выяснились позже, баянистом оказался Владимир Федосеев, ныне всем известный дирижер. Худой, высокого роста Микаэл Таривердиев,

студент композиторского факультета присоединился к нам в комнату. Он приехал из Армении учиться у Арама Хачатуряна. Еще один мальчик по имени Трока Бильбао возбуждал мое любопытство, так как довольно быстро говорил по-русски, но с тяжелым иностранным акцентом. Оказалось, он был один из тех испанских детей, которые были вывезены из Испании во время Гражданской войны. Около трех тысяч «советских испанцев» оказались в СССР в 1937 году. Все они учились в школе, а некоторые из тех, кто играл на музыкальных инструментах, учились в институте им. Гнесиных. Трока Бильбао играл на валторне, Серафин Гонсалес на флейте. Многие обзавелись семьями. В 1956 году стало возможным возвратиться в Испанию, и многие из них, как по команде, уехали к себе на родину.

Я выбрал кровать у окна, затолкал под нее свой чемодан и вышел погулять. У входа обратился ко мне пожилой человек с вопросом:

– Не знаете ли Вы студента, который бы согласился работать в оркестре? Нам срочно нужен флейтист.

– Знаю, ответил я.

Это произошло 31 августа 1952 года, а с первого сентября начинается учебный год и моя первая в жизни постоянная работа в оркестре Московского цыганского театра «Ромэн». Тогда я ничего не знал о театре «Ромэн». Оказалось, это серьезный коллектив, руководимый серьезным режиссером, профессором Московской консерватории П.С. Саратовским. Музыкальной частью заведовал тогда композитор и дирижер С. Бугачевский. В театре были свои звезды, и прежде всего, Ляля Черная и недавно пришедший молодой актер Н. Сличенко. Театр «Ромэн» пользовался огромным успехом у москвичей. В спектакле «Грушенька» по повести Н. Лескова кроме игры в оркестре я должен был также играть на сцене. Меня гримировали, одевали в цыганский наряд. В таком виде, я, 19-летний юноша, выходил на сцену, двигался медленно, сутулился, изображая древнего согбенного старца. Очень старался, мне казалось, что все повторяют в мой адрес слова знаменитого режиссера – «Не верю!». Так началась моя трудовая деятельность.

В первые дни сентября я случайно встретил в институте им. Гнесиных Игоря Гусельникова. По его приглашению я присутствовал на его приемном экзамене. Он блистательно играл «La Campanella» Ф. Листа и был зачислен в институт. Через год или два Софья Губайдулина тоже приехала в Москву учиться на композиторском отделении в Московской консерватории.

В те далекие времена в московских кинотеатрах за полчаса до демонстрации фильма зрители слушали концерты легкой музыки. Я ушел из театра «Ромэн» и работал в одном из таких оркестров, обеспечивая себе безбедное существование. Оркестр, состоящий из 17 человек, играл концерты популярной легкой классической музыки за полчаса до начала сеансов – в 7, 9 и 11 часов вечера. Дирижер – Лев Николаевич Маталаев, музыкант с большими амбициями и претензиями.

В 1953 году в Москве демонстрировался фильм «Прелюдия славы». Интерес превзошел все ожидания – публика валила, заполняя полностью зал. Главным героем был Роберто Бенци, (Род. 12 Дек. 1938) покоривший миллионы кинозрителей. Я же не пропустил ни одного сеанса в течение двух недель, устроившись где-нибудь на ступеньке – ни одного свободного места. Меня интересовал один вопрос. Как это возможно постичь таинства дирижерского искусства в 10-летнем возрасте – выразительные жесты, мимика и искренность мальчика покоряли самую широкую публику, а также профессионалов-музыкантов.

Совершенно не помню содержание фильма. Помню только «Прелюды» Ф. Листа и мальчика дирижера-вундеркинда.

Все это в вечернее время, а днем я посещал лекции и уроки по специальности в классе проф. Николая Ивановича Платонова (1894-1967). Ученик В.Н. Цыбина (флейта), А.Н. Александрова (композиция). Педагог, композитор. С 1930 преподаватель Московской консерватории (с 1945 проф.). Н.И. Платонову принадлежат методические работы, в т. ч. «Школа для флейты» (М., 1933).

Любил я также занятия в классе камерного ансамбля у профессоров Григория Семеновича Гамбурга и Марии Вениаминовны Юдиной.

В классе Григория Семеновича мы играли Квнтет для духовых инструментов и ф-но Римского-Корсакова. В основном, он дирижировал в Оркестре Кинематографии, записывая музыку для художественных фильмов. Г.С. Гамбург тепло рекомендовал меня в оркестр. Работа была очень интересной. Высокопрофессиональный оркестр, огромный по составу мог разделиться и работать на двух киностудиях, например, на Мосфильме и студии документальных фильмов, одновременно. Кроме Григория Гамбурга постоянно дирижировали Арнольд Савельевич Ройтман и Давид Семенович Штильман. Эти имена можно прочесть и сегодня в заглавных титрах советских фильмов 1950 годов на российском телеканале «Наше кино».

В Оркестре Кинематографии играли замечательные скрипачи: Семен Калиновский, Борис Фишман, виолончелисты Леонид Адамов, Эммануил Хомицер. Оркестр записывал музыку, специально написанную для художественных фильмов киностудии «Мосфильм» и других киностудий страны. Особенно запомнился мне требовательный, с «собачьим слухом» дирижер Арнольд Савельевич Ройтман. Среди многих других фильмов, он с оркестром в 1955 году озвучил немой художественный фильм «Пышка» (1934) по одноименной новелле Ги де Мопассана. В «Пышке» Фаина Георгиевна Раневская сыграла свою первую роль в кино. Музыку написал композитор Михаил Чулаки. «Пышка» – первая режиссерская работа Михаила Ромма – один из моих любимых фильмов.

В Оркестре кинематографии я познакомился со многими композиторами и дирижерами того времени. Их творческий труд оплачивался чрезвычайно высоко. Директор и художественный руководитель оркестра кинематографии Левон Тадевосович Атовмьян, композитор, аранжировщик и личный друг С. Прокофьева и Д. Шостаковича, давал возможность дирижерам заработать хорошие деньги. Хороший был он человек в то непростое

время. Я познакомился со всеми композиторами того времени и дирижерами. В Оркестре Кинематографии я играл пять лет.

Для М.В. Юдиной современная музыка была воздухом и воодушевлением, что давало ей прилив творческих сил. Она была первым в СССР исполнителем ряда произведений А. Берга, П. Хиндемита, Э. Кшенека, Б. Бартока, А. Веберна, О. Мессиана, а также активным пропагандистом музыки С. Прокофьева и Д. Шостаковича, и молодого Андрея Волконского.

Я учился у нее в классе камерного ансамбля. Играл с другими студентами Сонату Прокофьева и Трио-сонату Дебюсси.

Профессор М.В. Юдина на пенсии

Занятия в классе камерного ансамбля М.В. Юдиной получили продолжение через 10 лет в форме записи на пластинку. Два композитора и три произведения. Хиндемит – Соната для флейты и ф-но, 8 пьес для флейты Solo и Соната для флейты и ф-но С. Прокофьева. Составляя программу, я надеялся на согласие Марии Вениаминовны Юдиной.

«Прокофьев написал флейтовую сонату (1943 год – НЗ), которую позже переделал в скрипичную, потому что флейтисты не торопились ее исполнять. Сейчас ее играют все скрипачи. Она считается Второй скрипичной сонатой, но в оригинале для флейты она несравненно лучше.

Первое ее исполнение состоялось не в концерте, а на прослушивании сочинений Комитетом по присуждению премий в Бетховенском зале Большого театра. Мы играли ее с Харьковским. Она не прошла ни на какую премию. Потом мы не раз играли ее в концертах и всегда с неизменным успехом». О Прокофьеве (Святослав Рихтер)

Добавлю от себя, теперь ее играют не только все скрипачи, но и все флейтисты.

Жила М.В. где-то за стадионом «Динамо» в поселке Соломенная сторожка. Я поехал на машине, но доехать до ее дома мне не удалось. Стоял апрель, высокие снежные сугробы преграждали путь. Ветхие деревянные строения, рядом аккуратно сложенные наколотые поленья для топки

печи. Приехал я репетировать Сонату Прокофьева. Темная комната, рояль, заваленный книгам, нотами, документами. Репетиций было две, три, но растянулись они года на два. За это время М.В. вступила в жилищно-строительный кооператив, дом был построен, она переехала в новую однокомнатную квартиру. Все было бы хорошо, но...

С этой осени (1960 год – НЗ) я профессор на пенсии, меня «выжили» из Гнесинского института именно за мое – простите, – превосходство, за европеизм, за все поголовные «отлично» моего класса, за любовь студентов ко мне, за открытое исповедание веры в Бога. Если бы христианину дозволено было гордиться, то я бы и гордилась этим фактом, ибо получила осенью множество приветствий и поздравлений на сию тему; студенты умоляли позволить им «хлопотать», но я не разрешила, не пошевелила и пальцем и «ушла на пенсию».

«Меня забаллотировали». Вы же знаете – каждые 5 лет каждый профессор проходит снова «конкурс» на свое же место!! Никто не верил, что наглость темных сил в институте дойдет до того; но, как видите, – дошла; основная суть все же в том, что: попробуй дать совет невежде и он сочтет тебя своим врагом!. Не забывайте, что мне 61 год и каждый мой концерт может быть последним, как и каждый день моего земного странствия... Я пока в полном обладании своих сил, слава Богу, но большинство моих современников уже покинули сей мир. Вам, молодым, это понять трудно, это вечное сознание «прощания», как в финале “Lied von der Erde” Малера, одной из вершин человеческого гения, (кроме всего прочего, конечно!..) В «проблемы долголетия» – как и в летающие блюда!.. – я не верю, это все праздный вздор и спекулятивная «учённость»... (15.01.61. Цитата из письма М.Ю. Игорю Блажкову).

Записывать – дело не легкое. Стерильная тишина, акустика в студии, не украшающая звучание инструментов. Записав одну часть, надо прослушать и решить – играть еще один дубль или идти дальше. Решение не из самых простых.

Два вечера понадобились нам для записи Сонат Прокофьева и Хиндемита. Через два-три дня я записывал 8

пьес для флейты Solo Хиндемита. Звукорежиссер рассказал мне, что М.В. нагрянула к директору фирмы «Мелодия» Борису Давидовичу Владимирскому. Попросила оплатить ей гонорар за запись.

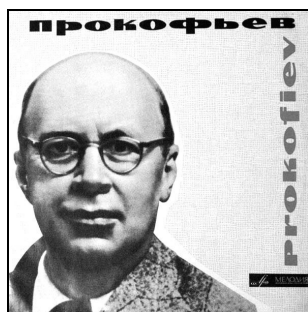
– Как же я могу это сделать? Запись не прослушана Художественным советом, не прошла через бухгалтерию.

Но сила убеждения, и, ни копейки в кармане сделали свое. Профессор Мария Вениаминовна Юдина получила аванс, как часть будущего гонорара.

Гуляя по просторам интернета, я случайно наткнулся на сообщение неизвестного мне yudinkostk, в котором он рассказывает, что оцифровал Сонату для флейты op. 94 С. Прокофьева и указывает адрес файла для скачивания бесплатно. <http://yudinkostik.livejournal.com/8827.html>

Mar. 16th, 2009 at 9:49 PM

оцифровал еще одну пластинку... Наум Зайдель и Мария Юдина играют флейтовую сонату Прокофьева, флейтовую сонату Хиндемита, и Зайдель играет 8 пьес Хиндемита для флейты соло... интересно, что на конверте пластинки изображен Прокофьев, а Хиндемит вообще не указан, на обороте конверта нет ничего – даже года записи (нет его и на самой пластинке)...

От удивления и неожиданности я написал ему немедленно следующее:

Apr. 6th, 2009 08:47 am (UTC)

записи Сонат Прокофьева и Хиндемита

Многоуважаемый yudinkostik, мне стало известно о записи Сонат Прокофьева и Хиндемита + 8 пьес для флейты Solo – оцифрованные Вами. Скачал. Прекрасная работа, жаль только, что игла проскочила через дорожку в четвертой части. Большое спасибо. Я к этой записи имею некоторое отношения – Наум

Зайдель – это я. Не слушал я свою пластинку лет 35 (стоит в темном месте на ребре), а вот с Вашей помощью довелось послушать. Еще раз, спасибо.

yudinkostik wrote:

Apr. 6th, 2009 09:02 am (UTC)

Re: записи Сонат Прокофьева и Хиндемита

вот это да... потрясающе!

спасибо Вам большое за эту запись! мне она очень нравится... мне доводилось играть сонату Прокофьева (я пианист), и я ориентировался на Вашу с М.В. интерпретацию, когда разучивал ее... очень рад, что оцифровка оказалась полезной.

В 1955 году проф. Платонов ушел из Института им. Гнесиных и предложил мне продолжать заниматься в его классе в Московской консерватории. Все мои экзамены, сданные к этому времени, были зачтены в консерватории и сам процесс перевода был делом техническим. В 1957 году я закончил Московскую консерваторию. Тогда он писал научно-методическую работу под названием «Вопросы методики обучения игре на духовых инструментах».

Книга вышла в свет в 1958 году. Николай Иванович подарил мне экземпляр с трогательной надписью.

Моему лучшему и самому талантливому ученику Науму Зайделю в память о долгом и настойчивом совместном труде, давшим результаты, принесшие мне большую радость и удовлетворение.

Н. Платонов 13.09.58 г.

Московский Камерный оркестр

Вне сомнения, центром музыкальной жизни Москвы была Московская консерватория с Большим и Малым залами с одной стороны, и с другой Московская филармония и Концертный зал Чайковского. Я говорю о симфонической и камерной музыке и поэтому, не упоминаю Большой театр – у него было свое место, своя особая роль и своя публика. Вокруг залов были расклеены красочные афиши, извещающие о предстоящих концертах и абонементах на следующий концертный сезон. На афишах крупными буквами выделялись имена солистов, дирижеров – короче, полная картина музыкальной жизни. Имя Давида Ойстраха красовалось на афишах очень часто (он еще не выезжал много за границу). Само имя на афише вызывало у меня

особое чувство волнения и учащенное биение сердца. Есть в нем что-то мистическое, магическое. Фамилия Ойстрах звучит празднично, Ой-страх – устрашающе, по крайней мере, так мне казалось. Я старался посещать его концерты и репетиции к концертам. Благо, проход через профессорский буфет в Большой Зал по утрам был открыт.

В период оттепели Хрущева железный занавес стал медленно приподниматься. Из Западной Германии осенью 1955 года приехал с концертами Камерный оркестр под управлением Вильгельма Штрасса. Успех оркестра был столь велик, что по просьбе генерального секретаря союза композиторов СССР Тихона Хренникова оркестр играл дополнительный концерт для избранной публики в зале Дома композиторов на ул. Третья Миусская. Игнали Вторую сюиту си-минор И.С. Баха. Эти концерты взволновали и перевернули представления, как надо играть старинную музыку. Обычно Сюиту играли немного уменьшенным составом симфонического оркестра, – массивно, тяжеломерно.

Первым, кто загорелся идеей создать камерный оркестр из 18-20 человек, оказался Рудольф Борисович Баршай. Другими словами, это учетверенный струнный квартет с добавлением контрабаса и чембалы.

С присущей ему целеустремленностью Рудольф Баршай собрал вокруг себя энтузиастов и фанатов, готовых репетировать бесплатно. Так как многие работали в других местах, репетировали в школах и в зале Центрального Дома работников искусств по ночам. После пяти месяцев упорной и напряженной работы 5 марта 1956 года, состоялся концерт в Малом зале Московской консерватории. Директор Московской Филармонии Митрофан Кузьмич Белоцерковский и художественный руководитель Моисей Абрамович Гринберг решили принять оркестр в полном составе в штат Московской Филармонии с официальным названием коллектива и официальной должностью Баршай: Московский Камерный оркестр, Художественный руководитель оркестра Рудольф Баршай.

В программках концертов указывались фамилии всех музыкантов, участвующих в концерте. Игнали стоя,

образуя полукруг, Баршай играл на альте. После окончания Московской консерватории в 1957, я присоединился к оркестру и был свидетелем повседневной работы изнутри.

Работа начиналась с разминки – играли длинные звуки в унисон, гаммы медленно и быстро, *forte*, *piano*, *pianissimo*.

В ходе репетиции изменялось звучание оркестра, устанавливался правильный баланс между различными группами – так в природе преобразуется пейзаж в минуты восхода солнца.

Рудольф Баршай перенес принципы квартетного исполнительства в камерный оркестр. Он обладал уникальным Божьим даром педагога-методиста, проводя каждый день уроки игры в оркестре не детям, не студентам, а музыкантам с высшим образованием, которые учились у разных профессоров. Его задача заключалась в том, чтобы свести к общему знаменателю разные манеры извлечения звука, нажима и скорости ведения смычка, стилевое и техническое единство приемов, музыкальное мышление и вкусы каждого индивидуума. Когда возникали технические проблемы, Баршай немедленно находил и давал советы для их разрешения.

Кредо Баршай можно выразить одним словом – перфекционизм. Тщательно и тонко отделать мельчайшую деталь, придать ей художественную форму, как это делает хороший ювелирных дел мастер – художник. Такая работа требует много времени, терпения и оценивается соответственно.

С оркестром играли те самые солисты, имена которых я видел на афишах несколько лет назад. Все они любили играть с МКО, по одной простой причине – оркестр репетировал Концерт Моцарта или Боккерини до прихода солиста. «Клиент» обслуживался лучшим образом, и каждый исполнитель чувствовал себя комфортно и уверенно.

Эмиль Гилельс играл с МКО Концерт Моцарта (*Piano Concerto*, К. 467) в Москве и Ленинграде. Помню, возвращались в Москву ночным поездом «Красная стрела». Естественно, разговор зашел о прошедшем концерте.

Мнение было таково, что Моцарта надо играть с камерным составом оркестра, что более соответствует эпохе, стилю того времени.

Особое внимание было уделено программе составленной из произведений И.С. Баха и первой встрече с Давидом Ойстрахом.

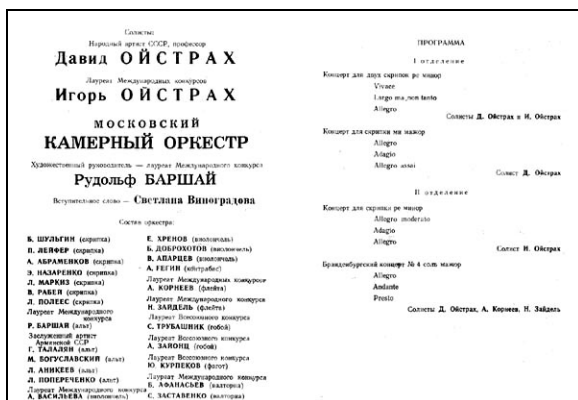
Д.О. пришел на репетицию с маленьким чемоданчиком. Это оказался портативный проигрыватель. И предложил артистам оркестра прослушать запись Концерта в записи Голландского Камерного Оркестра с неизвестным нам солистом – скрипачом. Профессор Давид Ойстрах даже играл несколько украшений (мелизмов), как это звучало на записи. – Так будет красиво, правда? – говорил он. Единственным его учителем был Столярский, но слушая выступления множества советских и иностранных исполнителей, учась у всех, он в своем движении к вершинам творческой зрелости был обязан только самому себе. Уютный и доброжелательный он вел себя с нами как равный. На репетиции кто-то указал на подозрительный диссонанс в определённом месте в первой части Концерта. Д.О. поставил партитуру на свой пульт и стал проверять, играя двойными нотами партии скрипки и первой флейты, затем скрипки и второй флейты, после чего партии двух флейт. Все это он играл, внимательно вслушиваясь и неоднократно повторяя некоторые такты. Меня поразила его способность читать с листа, преодолевая технические трудности с завидной легкостью и интонационной чистотой. Кроме того, я отметил его орлиное зрение.

За репетициями последовал концерт в Малом зале Московской консерватории, затем в Большом зале. Его сын Игорь Ойстрах также участвовал. Играл концерт Баха ре-минор и Двойной концерт с Давидом Ойстрахом. В заключение концерта играли Бранденбургский концерт No. 4 соль мажор.

Эту программу с различными изменениями мы играли в следующем сезоне в тех же залах.

Нам предстояло записать Бранденбургский Концерт. Мы снова встретились на репетиции к записи, а вечером записывали. В паузах между дублями Д.О. садился на стул,

ожидая команды из аппаратной. Как бы оправдываясь, он рассказывал: «В начале 1940 годов я записывал много в Доме ученых, зал которого был оборудован звукозаписывающей аппаратурой. Работали, как правило, ночью, и сидя. Это спасало. Усталости как не бывало».

Программа. Концерт в Большом зале консерватории
http://www.metacafe.com/watch/5396086/bach_david_and_ig_or_oistrakh_1957_violin_concerto_in_d_minor/

Общение с Д.О. было радостным и впечатляющим. Он был доступен для простых смертных, доброжелательный и всегда в хорошем настроении. Запись на пластинку была заключительным эпизодом этого проекта.

Тут я должен сделать маленькое отступление

В начале 1950 годов появились в продаже долгоиграющие грампластинки с частотой вращения 33 об/мин. Появились также проигрыватели. Шестая Симфония П.И. Чайковского умещалась на одном диске. Через десять лет были разработаны акустические системы и ленточные магнитофоны, способные передавать полный частотный диапазон, что привело к высококачественному звуковоспроизведению (High Fidelity). Долгоиграющая пластинка с 1958 г. официально стала стереофонической. Эти достижения в звукозаписи и воспроизведения профессиональные музыканты и любители музыки встретили с восторгом. Выезжая за границу, те, кто выезжал часто и надолго, могли позволить себе покупать

грампластинки, высококачественные проигрыватели и магнитофоны. Изделие ширпотреба проигрыватель «Аккорд» и многочисленные радиолы не отвечали их требованиям. К тому же, грампластинки – это доступ к информации о выдающихся исполнителях на Западе, их достижениях, возможность сравнивать.

Надо непременно добавить, что музыканты из оркестров довольствовались рассматриванием дорогостоящих магнитофонов и проигрывателей на витрине магазинов. На мизерные суточные они могли купить мелкие подарки для себя и своих близких.

Игорь Ойстрах вспоминает:

Помню, во время длительных гастролей по США вместе с оркестром Ленинградской филармонии отец завидовал Геннадию Рождественскому, который взял с собой маленький проигрыватель и, покупая массу пластинок, тотчас же с упоением прослушивал их. Мама возражала против того, чтобы таскать за собой по всей Америке проигрыватель или магнитофон. Великое множество записей было собрано в квартире Давида Ойстраха. Аккуратно расставленные коробки с магнитофонными пленками, штабеля грампластинок в красочных футлярах. Хочу сразу же предостеречь от мнения, что отец собирал только собственные записи. В его дискотеке – едва ли не все наиболее выдающиеся скрипичные интерпретации, запечатленные на дисках за последние десятилетия.

«Магнитофон отец называл своей записной книжкой. Он почти всегда был при нем, и редкий день проходил без того, чтобы не были прослушаны (а чаще всего – переслушаны) хотя бы два-три сочинения».

Давид Ойстрах неоднократно играл с Рудольфом Баршаем Sinfonia Concertante К. 364 Моцарта. Необходимо заметить, что альт сравнительно недавно стал солирующим инструментом. Так, в справочнике 1796 года читаем: «Альт играет главным образом роль сопровождения ... но может также выполнять сольные функции. Однако последнее требует много вкуса, тонкости и абсолютно чистой интонации. Там, где ее нет, альт невыносим для слуха».

Известно выражение: Альтисты – это скрипачи с темным скрипичным прошлым.

Сегодня говорят совершенно противоположное по смыслу: **Если будешь хорошо играть на скрипке, сможешь играть на альте.**

В 1964 году Рудольф Баршай играл в концертах и записал «Гарольд в Италии» Берлиоза. Монументальное программное сочинение, которое смело можно назвать Концертом для альта с оркестром. Д.О. дирижировал Московским филармоническим оркестром. После концерта Д.О. написал теплые слова:

«Моему чудесному Гарольду музыканту-поэту с искренним восхищением от любящего Давида Ойстраха».

11-IV-64 г.

Rudolf Barshai plays Berlioz Harold in Italy

<http://www.youtube.com/watch?v=ZPvGySdtnQc&feature=related>

МКО давал каждый месяц несколько концертов в Москве, а также гастролировал по всему Советскому Союзу, приехали одним летом из Архангельска в Соловки играть концерт в местном клубе. МКО выезжал с концертами в Венгрию, ГДР, Польшу, ФРГ, Австрию, Бельгию, Францию, Англию, Голландию, США. Японию. Принимал участие в английском городе Bath, играя совместно с фестивальным оркестром Иефуди Менухина Concerto английского композитора Майкла Типпетта для двух камерных оркестров.

Баршай является автором известных замечательных транскрипций. «Камерная симфония» Шостаковича – это версия Восьмого струнного квартета Шостаковича, сделанная специально для камерного оркестра. «Мимолетности» С. Прокофьева также инструментованы Баршаем для струнного оркестра. Оркестр п/у Рудольфа Баршая записал многие симфонии В. Моцарта и все симфонии (кроме Девятой) Л. Бетховена для фирмы «Мелодия». С дирижером Баршаем я записывал Третью и Шестую симфонию Л. Бетховена. Состав МКО был несколько увеличен за счет струнной группы и недостающих в оркестре духовых инструментов. МКО звучал ярко, сочно, динамично – каждый исполнитель играл с полной отдачей и ответственностью.

Прослушав Третью симфонию «Героическую» Д. Шостакович заметил: «Мы не слышали такого Бетховена со времен Клемперера».

Д.Д. Шостакович высоко ценил дирижера Рудольфа Баршая. Он знал, что такое хорошо, и что такое плохо.

Камерный оркестр представляет удивительное совершенство музыки и исполнения. Характерным для артистов Московского камерного оркестра является единство истории и современности: не искажая текста и духа старинной музыки, артисты делают ее современной и юной для наших слушателей.

В 1969 году Д. Шостакович написал 14 симфонию для двух певцов-солистов и струнного оркестра и ударных, премьера которой была представлена Московским Камерным оркестром п/у Баршая.

Р. Баршай и Д.Шостакович

Р.Б. выступает в качестве симфонического дирижера с оркестром Московской филармонии и Большим Симфоническим оркестром Всесоюзного Радио. Мне довелось тогда играть с ним Третью симфонию И. Брамса. Несколько выше я отмечал, что Р.Б. перенес принципы квартетного исполнительства в камерный оркестр. Играя с ним симфонию И. Брамса, я пришел к выводу, что он переносит принципы работы камерного оркестра в большой симфонический оркестр. Точное следование авторскому тексту, нетерпение к мельчайшим ритмическим

неточностям, персональная ответственность и вовлеченность каждого музыканта в творческий процесс. Требовательный к себе, Р.Б. был взыскательный и бескомпромиссный к своим коллегам-музыкантам. На второй, третьей репетиции игра оркестра преобразается. Оркестр играет как единомыслящий коллектив, послушный дирижерской воле Рудольфа Баршая.

Более двадцати лет МКО под управлением Р. Баршая гастролировал по всему миру, имея повсюду огромный успех. В 1977 году Баршай эмигрировал в Израиль. Пост руководителя МКО был предложен замечательному скрипачу Игорю Безродному. Оркестр в своем составе остался неизменным, но стандарт игры заметно снизился. Директор оркестра тогда был гобоист Евгений Непало. В оркестре появилась веселая шуточка: «безродный оркестр из Непала». Свято место пусто не бывает... Уже в 1979 году возник оркестр «Виртуозы Москвы» под управлением скрипача Владимира Спивакова. После Безродного музыкальным руководителем МКО стал не менее выдающийся скрипач-виртуоз Виктор Третьяков. Ему тоже не удалось сохранить прежний высочайший профессиональный уровень игры оркестра, достигнутый Баршаем.

Красавица, Богиня

На репетиции я увидел Зару Долуханову, совсем близко и, в натуральную величину, даже более того. Невооруженным глазом можно было видеть, что она беременна на месяце седьмом или восьмом. В возрасте критическом, надо заметить – 40 лет. Она пела с оркестром арии из кантат И.С. Баха для записи на пластинку в скором будущем. Из репетиционного помещения я уже не вышел.

Незабвенная Зара, впервые я увидел ее, страшно подумать, так давно, в 1952 году.

Она, красавица идет мне навстречу по длинному коридору Музыкально-педагогического института им. Гнесиных. В то время и в том возрасте мне все девушки нравились, без исключения. Но она, Зара, – Красавица, Богиня. Узнал я ее по портретам из газет и журналов. С певицей я был знаком намного раньше, разумеется, по

радио. Потом я слушал ее в опере Д. Россини «Золушка». Опера была представлена в концертном исполнении в Колонном зале Дома Союзов. Как играли и пели другие участники концерта, кто дирижировал оркестром БСО – ничего не помню. Зара тогда была mezzo, а партия в оригинале, как известно, написана для mezzo-coloratura, и произвела неизгладимое впечатление.

СОСТАВ ОРКЕСТРА:		ПРОГРАММА	
С. ДЖОРДЖИ (первый и второй)		ВИАЛЛАДИ (1688–1740)	
Директор Музыкального театра	Г. БАРШАЙ (баян)	Вторые скрипки	
Н. ЗАЙДЕЛЬ (скрипка)	И. БОГУСЛАВСКИЙ (баян)	Директор Секции дирижирования	Директор Секции дирижирования
В. ШУЛАГИН (скрипка)	А. АНДРЕЕВ (баян)	Концерт для фортепиано с оркестром	
В. ПЕРГОВОИЧ (скрипка)	А. ВАСИЛЬЕВА (виолончель)	Состав: Е. Шулягин, А. Карпов, В. Рафел, А. Павлов	Состав: Е. Шулягин, А. Карпов, В. Рафел, А. Павлов
А. МАРИС (скрипка)	Е. ПРИВОН (виолончель)	«А и а» – концерт для фортепиано, струнных инструментов и арфы, соло вокал	
З. СААКШИ (скрипка)	Е. ДОБРОХОТОВ (виолончель)	Вокал: Е. Карпов	Вокал: Е. Карпов
Д. КОРНАЧЕВ (скрипка)	А. АНДРЕЕВ (скрипка)	Директор Секции дирижирования	Директор Секции дирижирования
В. РАДЕК (скрипка)	А. ГИГИ (скрипка)	Состав: В. Зайдель	
А. ВОДЕС (скрипка)		ВЕРГОВЕЗ (1718–1778)	
З. НАЗАРЕНКО (скрипка)		«Sinfonia prima» – для скрипки, виолы, струнных инструментов и арфы	
СОАСТЕ:		1. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
Нарядные артисты БСО и Академической ССО	Директор оркестра БСО и Академической ССО	2. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
Зара ДОЛУХАНОВА	Евва ДОЛЖАК	3. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		4. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		5. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		6. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		7. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		8. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		9. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		10. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		11. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	
		12. Дир. Карпов, «Sinfonia prima»	

Программа Концерт в Малом зале с Долухановой
 Zara Dolukhanova- Ah, quel giorno ognor rammento (Rossini)
<http://www.youtube.com/watch?v=P5dh-LJhS2M&feature=related>
 Zara Dolukhanova - La Cenerentola/3. Долуханова - «Золушка»
<http://www.youtube.com/watch?v=Ru1TlzpElg&feature=related>
 Z. Dolukhanova. R. Shchedrin, Solfeggi_Non legato, Legato, Staccato

Ее особый тембр голоса, филигранная отточенность музыкальных фраз и дикция восторгали слушателей.

Оркестр собирался в отпуск и репетиция – последняя. Баршай поблагодарил оркестр и пожелал всем провести приятно свободное время, а Заре благополучно разрешиться. На что виолончелист Хренов сказал, (в каждом оркестре есть шутники): «А может быть, как-нибудь еще рассосется»

Все смеялись, и Зара тоже. Она была счастлива.

Почему я помню Женю Хренова? Он был парень веселый, всегда смеялся над другими.

Мы приехали в Вильнюс с концертами. В городе расклеены афиши к предстоящим концертам, естественно, на литовском языке. Почему-то нас забавляло, как меняются фамилии на литовском языке. Зайдель стал – Зайделис, к

примеру. Но больше всего нас веселило написание фамилии Хренова. По-литовски – Хреновас

Пример ее вокально-инструментальной виртуозности. Прекрасный ансамбль с пианисткой Ниной Светлановой, полное взаимопонимание, – она великолепный партнер и музыкант.

<http://www.youtube.com/watch?v=KBLx6rSD9uM&feature=related>
V.Gavrilin. Russian Songbook. Z.Dolukhanova (mezzo-soprano), Nina Svetlanova (piano)/part 2

<http://www.youtube.com/watch?v=noN7c8Ii4Ng>

В середине 1960-х Зара пела «отчетный», этапный концерт в ее вокальной карьере; – впервые она пела голосом soprano. Концерт состоялся в зале Чайковского, пела арии из опер. С тех пор пронесли несколько десятков лет. И вот пришло печальное известие.

4 декабря 2007 года на 90-м году жизни в Москве скончалась знаменитая певица Зара Долуханова. Память о ней будет всегда жить в ее искусстве.

Князь Андрей Волконский

В Московском Камерном оркестре я встретил Андрея Волконского. Он и Татьяна Николаева попеременно играли на клавишине. Рамки работы в оркестре были слишком узки для Андрея; – подчинить свою жизнь расписанию коллектива, являться каждый день на «работу» как служащий, не в его характере. Автор Фортепианного квинтета (1954), Струнного квартета (1955), Сонаты для альты и фортепиано (1955), он был принят в Союз Советских композиторов. В 1956 году Волконский сочинил «Musica stricta» для фортепиано, где он впервые попробовал себя в двенадцатитоновой технике. Отныне, можно проследить две параллельные линии в деятельности Волконского – композиторская и исполнительская. Андрей Волконский считает: «Если исполнитель не понимает Шенберга и Веберна, то он не сможет понять Моцарта и Бетховена. Это мое глубокое убеждение. Почему? Шенберг и Веберн довели определенные музыкальные «тезисы», изложенные Бетховеном, до их полного завершения и следствия. Существует в математике понятие «раскрыть данное положение», и они это сделали. Артисту не обязательно

исполнять в концертах новую музыку, но знать и понимать ее он обязан».

К этому времени Волконский играл первым в СССР сольный клавесинный концерт. Он начал организовывать в Московской филармонии концерты камерной музыки. Репетиции назначались у Андрея дома, таким образом, я переступил порог квартиры.

2-комнатная квартира в новом доме у станции метро Кутузовская, ул. Студенческая, полученная от Союза Советских композиторов в 1956 году, позволила Андрею прописать и вызволить своих родителей из тамбовской ссылки. Комнату, так называемую спальню, занимали родители, в гостиной, расположился Андрей. У окна стоял рояль, на нем ноты, книги и грампластинки. На полу расстелены овечьи шкуры – никакой мебели, кроме кресла-кровати, необходимого для сна и экономии жизненного пространства в маленькой квартире. Важное место занимала стереосистема швейцарской фирмы Thorens – проигрыватель, мощный усилитель и колонки-динамики. Гостеприимный Андрей устанавливал пластинки на проигрыватель, управлял балансом, силой звука, угощая гостей свежими записями, великолепным исполнением и воспроизведением высокого качества. Часто бывал я у него дома, где репетировали или слушали грампластинки с записями музыки, недоступной в 1960 годах в бывшем Советском Союзе. Там я впервые услышал сочинения Антона Веберна, Арнольда Шенберга, Карлхайнца Штокхаузена, Пьера Булеза, Луиджи Нono, а также старинную инструментальную и вокальную музыку периода ренессанса и барокко, первую пластинку J.S. Bach “Swingle Singers”, и... Александра Вертинского.

Дверь открывала молодая русская красавица Галя Арбузова, жена Андрея. Ее мама, актриса Татьяна Евтеева, жена модного драматурга Алексея Арбузова ушла к другому, не менее известному советскому писателю Константину Паустовскому и Галя приходилась ему падчерицей. Дочь двух отцов. Естественно, Андрей бывал в доме К. Паустовского и говорил: «за обеденным столом он был замечательным рассказчиком, слушать его более

интересно, чем читать». Через какое-то время Галя исчезла – брак Андрея Волконского и Галины Арбузовой распался. Отец Андрея Михаил Петрович Волконский, умер в 1961 г. и похоронен в Переделкино. Отныне, гостей приветствовала Кира Георгиевна, мама Андрея, женщина средних лет, с аристократичными чертами лица, а в глазах грусть и печаль.

Связь с родственниками за границей никогда не прекращалась. Упомянутый проигрыватель, грампластинки, одежда, обувь, кофе, сигареты Gitanes присылали добрые родственники и друзья. В квартире блистательно отсутствовали газеты, радио и телевизор – неперенные атрибуты каждой советской семьи. Он не любил скопление людей, метро, наземный общественный транспорт – когда нужно было куда-то ехать, выходил на улицу и ловил такси.

В 1965 г. Андрей Волконский создал ансамбль «Мадригал», в исполнении которого в Советском Союзе впервые прозвучала музыка средних веков и Ренессанса.

Идея понравилась всем. Небольшой состав ансамбля и идеологически беспроблемный репертуар – музыка XVI-XVII веков и тексты, исполняемые на иностранном языке. Публика заполняла большие залы. Директор филармонии Митрофан Кузьмич Белоцерковский, художественный руководитель Моисей Абрамович Гринберг поддерживали Волконского во всем. Предоставлением залов, финансовыми вливаниями в проект, планированием и организацией ежегодных абонементов. В те времена не было назойливой рекламы предстоящего концерта по радио и телевидению. Афиши, расклеенные по городу и объявления в местных газетах – это все. Что же привлекало любителей музыки на концерты ансамбля «Мадригал»? Я полагаю именно то, что исполнение подобного рода музыки Волконским на клавишине, на органе и ансамблем «Мадригал» лишено стилизации. В противоположность тому, чему учили в консерватории. Он преподносит ее как музыку, выражающую чувства любящих жизнь людей. Песни, танцы, разнообразная динамика, ритмы, использование самых древних музыкальных инструментов, – ударных.

В составе ансамбля пели сестры Рузанна (сопрано) и Карина Лисициан (меццо-сопрано), их брат Рубен (тенор).

Известная музыкальная семья. Павел Герасимович Лисициан, глава семьи – в прошлом, ведущий баритон Большого театра. Он содействовал успеху своими советами, связями с сильными мира сего. К ним присоединились Лидия Давыдова (сопрано), Борис Яганов (тенор), Александр Туманов (баритон). Музыканты-инструменталисты приглашались по мере надобности. Художественный руководитель Андрей Волконский, таков был официальный статус, играл, составлял репертуар, программы концертов, инструментовал, проводил репетиции и дирижировал на концертах. Концерты были несколько театрализованы, при зажженных свечах, старинные стулья, слабая освещенность в зале. Это создавало нестандартную атмосферу и настроение.

В некоторых концертах я принимал участие. Однажды, придя в артистическую, меня встретили два молодых человека, попросили открыть футляр и показать инструмент, что я и сделал. Выйдя на сцену, при слабом свете свечей я распознал сидящего в ложе для почетных гостей знакомого мне по портретам политического деятеля Анастаса Ивановича Микояна. Ошибиться я не мог. Портреты членов правительства на улицах я помню с тех пор, как помню себя. Многие личности и их портреты заменялись, а А.И. Микоян оставался. На следующий день Андрей рассказал мне, что после концерта семейство Лисицианов были приглашены на дачу Микояна, где состоялся ужин. Андрей – создатель ансамбля, художественный руководитель, был несколько уязвлен.

Александр Васильевич Гаук

В 1959 году я начал работать в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио и телевидения, как он тогда назывался. Это был интересный период моей жизни – много встреч с музыкантами, дирижерами, о которых я слышал раньше по радио – дирижеры Александр Гаук, Александр Мелик-Пашаев, Натан Рахлин, Курт Зандерлинг, Борис Хайкин, Геннадий Рождественский, Евгений Светланов, Кирилл Кондрашин, Арвид Янсонс, Неэме Ярви, Андре Клюитенс, Курт Мазур, Лорин Мазель, Игорь Маркевич.

Оркестр выезжал с концертами за границу, артисты оркестра получали хорошую зарплату.

БСО на пражском кладбище у памятника Советским солдатам, павших в боях, за освобождение Праги. Концертмейстер Б. Морибель, директор оркестра Левон Хачатурян, дирижеры А. Гаук, А. Янсонс

Первая зарубежная поездка в Чехословакию на фестиваль Пражская весна и Венгрию состоялась в мае 1959 года. Главный дирижер был Александр Васильевич Гаук. Маститый музыкант, занимавший в прошлом важные посты в оркестрах Советского Союза, пользовался большим авторитетом в оркестре. Его побаивались, характер у него был вспыльчивый, и поэтому часто возникали конфликты. В разное время он преподавал в Ленинградской, Тбилисской, Московской консерватории. Его учениками были, Мравинский, Мелик-Пашаев, Светланов. Подчеркивая эмоциональную сторону исполнения, в самых простейших схемах тактирования иногда не было уверенности, на какой доле такта находимся. Лучше было полагаться на собственную интуицию или... шестое чувство. Когда же кто-нибудь в свое оправдание говорил ему, что не понял, а потому не сыграл сольную фразу, Александр Васильевич очень обижался: «Я уже 45 лет стою на этом месте, а Вы говорите, "не понял"». Оркестр играл с ним Шестую симфонию С. Прокофьева, Пятую и Шестую Д. Шостаковича, Ораторию Карла Орфа «Кармина Бурана».

Его вес, авторитет в музыкальном мире, помноженные на волевые качества и административные полномочия, действовали эффективно. Серьезная рабочая атмосфера, много репетиций и высокие результаты.

Мне довелось играть с дирижером Давидом Ойстрахом в самом начале его дирижерской карьеры, а точнее, в самый первый раз его дирижерского опыта. Для меня это был первый, и одновременно последний раз. Я полагаю, что это произошло в конце 1959 или начале 1960 года. Объявили оркестру, что состоится запись на грампластинку для фирмы «Мелодия». Как обычно, записи начинались после окончания концертов в 10 ч. вечера и заканчивались в 1 час ночи. А.В. Гаук придавал этой записи большое значение. Лично мне он сказал: «Оркестр должен проявить себя самым лучшим образом. Вы же понимаете, какой он дирижер». Записывали «Испанскую симфонию» Лало с Игорем Ойстрахом. Давид Ойстрах дирижировал очень корректно, не размахивал излишне. Руки располагались на естественной высоте, соответственно уровню звучания. Мне показалось, он стесняется быть эмоциональным. Я чувствовал в атмосфере на сцене почитание, уважение и желание выполнить любую его просьбу. Проблем на записи, два вечера – я не припомню.

Вы знаете, – признался Давид Федорович Ойстрах Е. Светланову, – дирижирование – это для меня отдых, приятное музицирование. Я понимаю, что я – не профессиональный дирижер, и поэтому с меня иной спрос. Но когда мне надо играть на скрипке, то я накануне выступлений не сплю ночами и думаю, как у меня получится то или иное место, как я возьму ту или иную ноту, и это для меня очень волнительно...

Великий скрипач, музыкант, человек с аналитическим складом ума, играл с лучшими дирижерами, наблюдал за ними. Не только любопытства ради, а позаимствовать их метод для своей работы с оркестром.

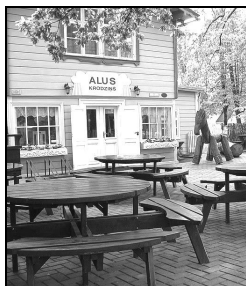
В 1961 запланированы концерты в Румынии. В программе «Концерт для оркестра» Белы Бартока и Первая симфония Энеску. Подготовка этой программы шла медленно. Времени оставалось мало. К тому же предстояли

летние концерты на Рижском взморье, в Дзинтари. Принято решение продолжить там работу к гастрольным концертам в Румынии.

Главный дирижер А.В. Гаук

Симфонические сезоны на Рижском взморье

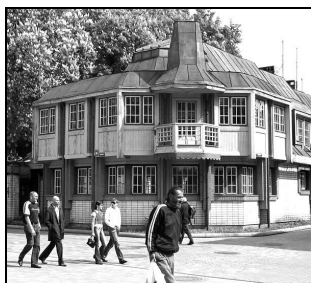

Концертный зал в Дзинтари – уникальное в своем роде сооружение. С крышей, но без стен, он был построен в 1936 году. Чтобы улучшить акустику зала и защитить слушателей от неблагоприятных погодных условий, в 1962 году было возведено новое перекрытие крыши, и концертный зал Дзинтари стал самым современным и популярным курортным концертным залом бывшего Советского Союза.

Директор филармонии Филипп Осипович Швейник развил бурную деятельность, организовал Симфонические сезоны на Рижском взморье. В самое горячее время летних отпусков, он выбивал путевки в пансионат для артистов

оркестра, проездные билеты на поезд для сотен людей, номера в гостиницах для дирижеров и солистов, и многое другое.

Летние концерты проводились в июле и августе. Приглашались в разные годы оркестр Московской филармонии, Заслуженный коллектив Республики оркестр Ленинградской филармонии и Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио. Там можно было услышать всех музыкальных звезд Москвы и Ленинграда. Артисты оркестра на правах отдыхающих размещались в пансионате на улице Йомас, в Дзинтари, совсем недалеко от Концертного зала. Каждый артист оркестра мог купить для жены путевку на 24 дня.

За это время оркестр играл 8-10 концертов с разными дирижерами, солистами и программами. Естественно, к каждому концерту две репетиции. В свободное время, если пасмурно, гуляли по берегу вдоль моря по чуть-чуть увлажненному морем песку – в одну сторону час-полтора и обратно. Одно удовольствие смотреть на хорошо одетых женщин с разноцветными зонтиками, плащами и шляпками. Когда дул беспокойный ветер с моря, можно удалиться в лес на расстоянии пятидесяти метров от воды. Там всегда тише и приятнее.

Ветхие двухэтажные деревянные строения скрипели лестницами и полами, но в этом было свое очарование. Вокруг много высоких деревьев, скамеек, беседка. Предоставлялось трехразовое питание, даже можно сказать четырехразовое – был tea five o'clock с печеньем.

Отдыхающие обслуживались в две смены. Обед состоял из трех блюд – суп, основное блюдо и компот или

кисель. За каждым столом подбирались теплая компания, обедали четыре человека. Официантки разносили на подносе тарелки с едой.

Как-то мы с удивлением заметили, что в тарелках у всех четверых куриное горлышко. Вопросительно смотрим на официантку, как бы спрашивая, – почему так?

– Да это жирафа!

Чувства голода мы не испытывали. Концертный зал в пяти минутах ходьбы, много свободного времени для гуляния.

На репетицию в десять часов утра артисты приходили после завтрака, свободные от забот, где пообедать, где поужинать. Выходишь с территории пансионата, перед тобой улица Йомас – непрерывный ряд ресторанов, кафе, пивных баров, киосков, магазинов одежды и радиотоваров.

Юрмала считалась тогда Всесоюзной здравницей. Здесь сосредоточилось большинство домов отдыха, пансионатов и санаториев Латвийской Советской Социалистической Республики. Распоряжался этим богатством всесильный ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Он и распределял путевки по предприятиям Советского Союза.

Поражало разнообразие, вкус и качество молочных продуктов. На удивление, сметана была такая густая, что ложка стояла в стакане. Но самым любимым лакомством были взбитые сливки с клубникой, посыпанные сахарной пудрой.

В продуктовых магазинах продавались баночки с красной и черной икрой, севрюга горячего копчения, семга и другие деликатесы, давно исчезнувшие из московских гастрономов. В магазине радиотоваров можно было купить дефицитный в Москве ВЭФ-транзистор, переплатив 15-20 рублей сверх цены. Там же, по желанию покупателя по особой договоренности добавляли к транзистору коротковолновые диапазоны 19, 16 и 13 м. Это для того, чтобы избежать глушения «вражеских голосов» – Радио Свобода, Голос Америки, ВВС.

Памятка радиослушателя:

Для наилучшего радиоприема передач сквозь вой глушителей рекомендуется установить радиоприемник на подоконник или поближе к окну, выходящему на Запад, под окном желательна батарея парового отопления, служит в качестве дополнительной антенны, указательный палец должен находиться постоянно на tuning, готовый поймать уходящую волну.

Чувствительный, с хорошей избирательностью высокого качества ВЭФ-транзистор необходим в доме, незаменимым спутником в лесу, на берегу моря, а самое главное, легким – всего три килограмма.

Мы слушали голоса и почти каждый день узнавали что-то, о чем молчало советское радио. Голос Америки в 23 часа по московскому времени передавал “Jazz Hour” with Willis Conover.

<http://www.youtube.com/watch?v=aJCy2Tv9erw>

<http://www.youtube.com/watch?v=bHRbEhLj540&NR=1>

<http://www.youtube.com/watch?v=hNxuc0W--88&feature=related>

BBC транслировал новости и ежедневный аналитический обзор политического комментатора Анатолия Максимовича Гольдберга «Глядя из Лондона». В свободный от работы день мы иногда брали напрокат велосипеды и совершали поездки по Юрмале. Прямые, в приличном состоянии дороги, без подъемов и спусков делали такие экскурсии приятным и здоровым времяпрепровождением.

Некоторые музыканты приехали в Юрмалу своим ходом на машинах и находились в постоянном страхе и напряжении из-за частых краж и угонов. Сергей Попов, замечательный трубач, договорился с администрацией о том, что его машина «Победа» будет стоять в ночное время на огороженной забором территории пансионата. Но спал плохо, беспокойно. Это состояние непривычное для него. В кооперативном доме на ул. Беговая 7-9, где он жил, машина всегда стояла в гараже. Решил спать в машине, не рисковать. Не очень ему понравилось, но делать нечего. Люба, его жена намекала; надо бы спать в номере, на кровати, – ночи прохладные, дожди, воздух влажный, можно простудиться. А потом выложила без обиняков:

– Я тебе запрещаю спать в машине. Здесь все курортные романы крутят, а я с законным мужем разлучена. Успокойся, Сереженька.

Сергей Петрович был примерный муж – отец, семьянин, ни пил, ни курил, никогда с женой не спорил. Действительно, Люба права.

Спал Сергей Петрович в эту ночь крепко и спокойно, как маленький ребенок. Выспавшись, наконец, вышел утром посмотреть на машину и обомлел. Что-то стоит она подозрительно низко. Машина стояла на земле. Ни одного колеса.

– Кирпичи бы подложили, негодяи, – подумал он.

– Безобразие, позор! Так мы встретили дорогих артистов из Москвы, – возмущался Филипп Осипович Швейник. Обзвонив все гаражи и магазины, Ф.Ш. нашел где-то дефицитные шины и колесные диски, которые были доставлены прямо к «Победе». Он также разрешил ставить машины музыкантов в гараже Концертного зала. По его договоренности, артисты оркестра, у которых стояла изношенная лысая резина, могли поехать на предприятие в Ригу, где наваривали на шины новый протектор – с канавками и выступами. На вид совсем новая шина. Ни один милиционер не дернется. Я тоже обновил запасное колесо.

Вскоре, следствие установило, что ворами оказались работники кухни пансионата, где мы жили. Колеса, они с легкостью продали в тот же день.

Ф.Ш. любил чистоту, точность и порядок. Работники Концертного зала боялись его, как огня. Не дай Бог, если кто-то поставил скрипичный футляр на полированную крышку рояля. Опоздавшим на концерт, не разрешалось проходить на свое место в зале. Он не стеснялся в выражениях, если ему что-то не нравилось. В одном из концертов дирижировал некто по фамилии Дурбан из Южно-африканской Республики. Дирижер отличался полной беспомощностью во всех отношениях. По-видимому, приглашение этого дирижера было политической акцией советских властей против режима апартеида.

Ф.Ш. высказался с присущей ему прямоотой и не без юмора:

– Если бы он был белым, я сделал бы из него черного. Но он, же черный! –

О нем тогда говорили скупот, короткот и неохотнот. «Швейник сидел при всех режимах». Каждьт понимал по-своему и других вопросов не задавал.

Филипп Осипович Швейник

Ф.О. Швейник родился в 1911-м в Риге. В 1933 г. окончил Латвийскую государственную консерваторию по классу рояля. В 1934 году он с женой и с разрешения ЦК МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) эмигрировали в Советский Союз, были направлены на работу в Хабаровск. Работал там преподавателем в музыкальном училище. В декабре 1936 года его арестовали по подозрению в шпионаже и связи с троцкистами.

Особым Совещанием осужден на 5 лет. Отбывал в Ухтинском исправительном лагере. В основном работал по специальности (пианист клуба, руководитель самодеятельности, музработник детсада). Из-за войны был освобожден из заключения только в 1945 году. В 1946 г. по предложению Управления по делам искусств Латвийской ССР он приехал в г. Елгава для работы в музыкальном училище. В 1947 году стал его директором.

Особое Совещание при НКВД СССР было создано постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года после упразднения Судебной коллегии ОГПУ и существовало до 1 сентября 1953 года.

29 апреля 1949 г. вновь арестован и по решению Особого Совещания попал в ссылку в Енисейск. Обвинение прежнее. Руководил хоровым кружком и эстрадным оркестром. Освободившись из ссылки в 1954 году, уехал в Ригу.

Реабилитирован 5 октября 1955 г. С 1958 директор Латвийской филармонии. Но случился пожар в филармонии, Швейника сняли. Он готов был работать на любой должности, даже дворником. Но ему отказали. Филипп Осипович Швейник умер в 1974. Похоронен на Центральном кладбище г. Риги.

Геннадий Рождественский

В день отъезда в Ригу Александр Васильевич Гаук заболел. Срочно связались с Геннадием Рождественским. Он немедленно приехал в Дзинтари. С приходом Геннадия Николаевича, все изменилось, словно у него волшебная палочка, а не дирижерская. Он совсем недавно записал на пластинку «Концерт для оркестра» Бартока с Заслуженным коллективом Республики оркестром Ленинградской филармонии. «Концерт» сочинялся в больнице по заказу дирижера Сергея Кусевицкого и Бостонского симфонического оркестра и оказался последним непрограммным сочинением Б. Бартока. Рождественский любил это сочинение, передал эту любовь оркестру, знал партитуру до мельчайших подробностей. Работать с ним было одно удовольствие.

Он с детства готовил себя к дирижерской карьере. Окончив Центральную музыкальную школу, поступил в Московскую консерваторию в класс профессора Льва Оборина по фортепиано, и одновременно в класс дирижирования своего отца Николая Павловича Аносова.

А.В. Гаук не оправился от болезни, не возвратился к своим обязанностям в оркестре. После его смерти в 1963 году, Геннадий Николаевич официально стал Художественным руководителем и главным дирижером

Большого симфонического оркестра, а в 1965 занял должность главного дирижера Большого театра. Как Н.С. Голованов в свое время. К тому же, Г.Н. много гастролитовал за границей.

Фото юного Г.Н. Рождественского

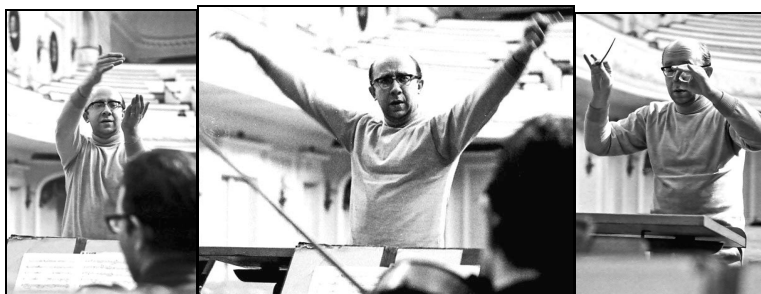
<http://www.youtube.com/watch?v=SeoK-Xmcu7k&feature=related>
<http://www.youtube.com/watch?v=zvsY7cqiQCU>

При такой востребованности, расписание главного дирижера не всегда совпадает с расписанием оркестра. Главный дирижер концертирует за границей, а оркестр должен играть концерты в Баку, Азербайджан. Выручает Неэме Ярви – он свободен. Концерты проходят не очень успешно, оркестр не доволен.

– Рождественский часто уезжает за границу, а мы... – Художественный совет оркестра критикует главного дирижера, упрекает его в предпочтении личных интересов интересам оркестра.

Рождественский – дирижер новой формации и внутренней организации – создал свой, только ему присущий стиль мануальной техники. Его жесты всегда предельно ясные, темпы удобные. Он не возвышается на подиуме над оркестром, стоит на одном уровне с оркестром, не повелевает, не навязывает, а убеждает и ведет за собой. Обладая замечательной памятью, он не дирижирует наизусть, а скользя взглядом по партитуре, как-то совсем

незаметно переворачивает страницы, показывает все важные и не очень важные вступления группам и солистам, встречаясь глазами с музыкантами. Может быть, температура горения на репетициях не доходит до максимума, но достаточно «жарко», – эмоциональный заряд сохраняется, чтобы выгореть на концерте.

Г.Н. Рождественский

Цель репетиции – это создание канвы. Никогда нельзя требовать от репетиции того, что будет при исполнении на концерте. Потому что исполнение прибавляет новую эмоциональную окраску, чего не может быть и не должно быть на репетиции. А это мое желание, довольно скромное, сохранить возможность импровизации с оркестром, чрезвычайно часто расценивается как моя нелюбовь к репетициям. Я не хочу убивать исполнение, а те, которые пытаются репетицию превратить в исполнение, убивают его, – говорит Геннадий Николаевич.

Неверно сказать репетиции проходили скучно и буднично. Напротив, атмосфера была серьезной, но в тоже время не упускал он случая посмеяться, пошутить. Как-то сказал кларнетисту:

– У Вас вероятнее всего ошибка в партии. Вы играете ноту *до*, а должно быть *до диез*.

– Геннадий Николаевич, как вы услышали неправильную ноту?

– Я не услышал, я увидел. Взглянул в партитуру, вижу написано *до диез*, а Вы играете чистое *до*.

Он шутки шутит в моменты, когда меньше всего ожидаешь. Приехал в Москву американский пианист Байрон

Джайнис (Byron Janis). Тогда отмечалось 150 лет со дня рождения Ф. Листа. Записывали с ним Второй Концерт. У служебного входа в Большой зал консерватории стоял автобус, привезенный из Америки, напичканный звукозаписывающей аппаратурой. Все шло замечательно. Рождественский переговаривается по телефону со звукоорежиссером в автобусе – мы готовы, магнитофон включен и прочее.

Звонит телефон, Г.Н берет трубку и слышит:

– У нас технические неполадки. Просим сделать перерыв на десять минут.

Г.Н. с улыбочкой, в сторону сидящим близко к нему, «переводит» с английского:

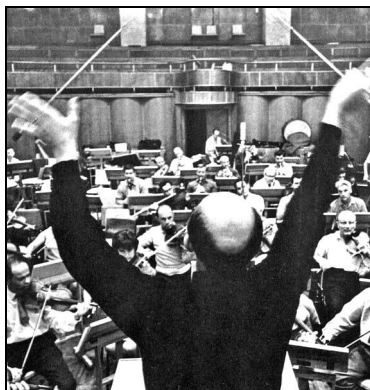
– Американская техника загнивает. Перекур.

Но если на репетиции пассаж в группе первых скрипок или в группе духовых звучал подозрительно, откровенно фальшиво или ритмически неточно, Г.Н. сердился, и тоном, не терпящим возражений, произносил фразу: «Каждый артист оркестра должен знать свою партию так, как я знаю партитуру». Не любил он выстраивать терции, квинты, аккорды. Просил назначить и провести отдельные групповые. – Я вам не нужен.

Вызывает восхищение ненасытная жажда Г.Н. к безграничному расширению репертуара. Почти каждая программа включала сочинение, которое исполняется в первый раз. Наталья Петровна Рождественская, мать Г.Н. известная камерная певица переводила на русский язык тексты опер М. Равеля «Дитя и волшебство», «Испанский час», Ф. Пуленка «Человеческий голос». Она присутствовала часто на репетициях и на концертах. Восторженная публика рукоплескала ее сыну, а я смотрел на Наталью Петровну и думал, – у нее сердце может выпрыгнуть из груди, – от счастья.

Г.Н. записал с БСО на грампластинки все симфонии С. Прокофьева, балет «Золушка». Играли в радиопередачах оперу «Любовь к трем апельсинам». Для Центрального телевидения был снят фильм потрясающей оперы С. Прокофьева «Игрок», по одноименному роману Ф. Достоевского. В опере отсутствуют арии и вокальные

ансамбли. Вместо них, короткие речитативы, передающие смысл происходящего и чувства героев - речь, положенная на музыку.

Рождественский в студии Дома Звукозаписи

Prokofiev – Piano Concerto No. 1 Viktoria Postnikova,
Г. Рождественский

<http://www.youtube.com/watch?v=SeoK-Xmcu7k&feature=related>

Симфоническая сказка Сергея Прокофьева в исполнении
Государственного симфонического оркестра СССР. Геннадий
Рождественский, Наталия Сац

<http://www.youtube.com/watch?v=zvsY7cqiQCU>

Д. Шостакович Symph. 4 Finale BBC Symphony orchestra
Г. Рождественский

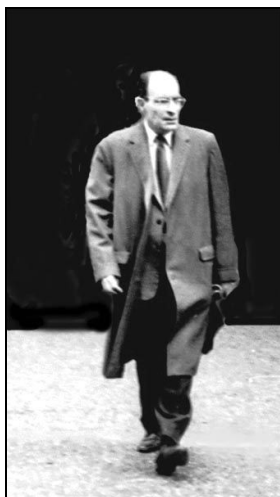
<http://www.youtube.com/watch?v=le48LgPZl-4&feature=related>

П.И. Чайковский Symph. 4/1 Leningrad Symphony orchestra
Г. Рождественский

<http://www.youtube.com/watch?v=0Ena4ObZlXU&feature=related>

Не могу умолчать об отсутствии в репертуаре Г.Н. симфоний Моцарта, Бетховена, Брамса. Играли с ним Joseph Haydn Symphony n. 73 “La Chasse” в концерте Musikverein в Вене. Может быть, память мне изменяет, но кроме этого ничего не могу припомнить, не считая случаев необходимости. Например, виолончельный концерт Й. Гайдна с Ростроповичем. Справедливости ради, добавлю. Десятки лет позже, Г.Н. записал на пластинку или CD все 104 симфонии Й. Гайдна. Но не в мое время, и с другим оркестром.

БСО впервые участвовал в фестивальных Променах концертах (Proms) классической музыки, ежегодно проводившихся летом в Royal Festival Hall, в Лондоне. На этих концертах кресла в партере убираются. На освобожденном пространстве публика стоя слушает музыку. Продаются дешевые входные билеты. Молодые люди прилагают много времени и усилий, чтобы купить билет. Рождественский не первый раз в Англии, его там хорошо знают и любят.

Анатолий Максимович Гольдберг

http://www.bbc.co.uk/russian/radio/2009/07/090713_archive_highlights_best_of_anatoly_goldberg.shtml

Расписание работы оркестра за границей загружено концертами, репетициями и переездами. Для оркестра организовывались мероприятия политобразовательного, культурно-воспитательного характера. Как я упоминал выше, в Чехословакии оркестр посетил кладбище, где захоронены советские солдаты, павшие в боях за освобождение Праги. В Польше оркестр в полном составе поехал в концентрационный лагерь Освенцим. Видели мы чугунную надпись над воротами – Arbeit macht frei, бетонный забор и колючую проволоку, подъездные железнодорожные линии к лагерю – Бог миловал, – как

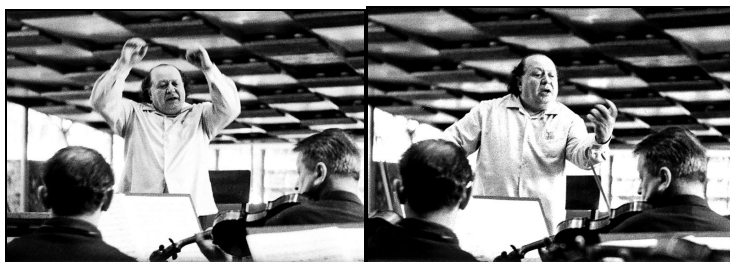
туристы. В Лондоне оркестр в полном составе поехал на Хайгейтское кладбище, и возложили цветы на могилу Карла Маркса.

Известный английский импресарио Виктор Хокхаузер, (Victor Hochhauser), работавший тогда в тесном контакте с Министерством культуры СССР, привозил в Великобританию все ведущие коллективы. Большой театр, Ансамбль народного танца Игоря Моисеева, Хореографический ансамбль «Березка», Краснознаменный ансамбль Советской армии – всё антреприза Виктора Хокхаузера и его жены Лилиан. Они организовали для оркестра экскурсию по Лондону в комфортабельном автобусе. Мы заняли места, автобус двинулся, экскурсия началась. Рядом с водителем сидит респектабельный джентльмен. Он взял микрофон: «Мы сейчас проезжаем мимо Гайд-парка (Hyde Park), любимое место отдыха, спортивных игр и прогулок». С первого слова, его голос показался мне очень знакомым, только не мог вспомнить, где его раньше слышал. Мучительное состояние продолжалось довольно долго. Наконец, меня осенило. Да, я вспомнил. Что-то личное, даже интимное было связано с этим голосом. Слушал я его всегда ночью, наедине, никому не рассказывал, о чем он говорил. Неожидаанность и несовместимость ситуаций, по-видимому, препятствовали в моем сознании установлению связи между очень знакомым голосом и его обладателем. У микрофона в автобусе экскурсоводом был ведущий аналитической программы «Глядя из Лондона» Анатолий Максимович Гольдберг, передачи которого я так часто слушал по радио ВВС. На остановке мне захотелось поговорить с ним. Не дожидаясь вопросов, он объяснил мне: «в рамках культурного обмена Оркестр Всесоюзного радио приехал в Англию, а через год Оркестр ВВС поедет в Советский Союз, будет играть концерты в Москве и Ленинграде. Поскольку я работаю на радио ВВС, сегодня выполняю общественную нагрузку». Я сфотографировал его, пытаюсь остаться незамеченным. Кажется, мне это не удалось.

Натан Рахлин

С большим нетерпением я ожидал встречу с Натаном Рахлиным. Не проигрывая длинные куски, он останавливается на нескольких тактах, предлагает струнным свои штрихи, играть на другой струне или в другой части смычка. Бессмысленно рассказывать, как дирижировал Натан Рахлин, как говорить какой вкусный обед из трех блюд подают в дорогом ресторане.

Репетиции Рахлина только на первый взгляд кажутся непродуктивными, потерей драгоценного времени. Часто он не принимает звучание оркестра, какое оно есть, не удовлетворен балансом группы духовых. Он начинает выстраивать их, сводя к тембровому и динамическому родству, подобному звучанию органа. Останавливается на отдельных фразах, настойчиво добиваясь исполнения, каким представляет его своим внутренним слухом. Эти фразы и детали повторяются многократно в экспозиции симфонии, сталкиваются и развиваются в разработке, и наконец, снова появляются в репризе в несколько измененном виде. Рахлин полагается на творческий подход музыкантов. Он уверен, они вспомнят, что просил в подобном случае. Другими словами, это и есть коллективное творчество, когда в зале звучит музыка, сочиненная композитором, исполняемая живым и самым богатым инструментом – симфоническим оркестром, воодушевленным волей и импульсами талантливого дирижера.

Рахлин дирижирует БСО в Дзинтари. Фото автора

Фуртвенглер говорил:

Странная история: у одного дирижера Венский филармонический оркестр звучит как пожарная команда, а

у другого пожарная команда звучит как Венский филармонический оркестр.

Многие композиторы, считают себя лучшими интерпретаторами своих сочинений. Натан Рахлин творил сочинение на равных с композитором, вникая в смысл текста написанного композитором глубже, чем сам автор.

Дирижерское искусство Натана Рахлина универсально, близко и понятно. Оно объединяет людей, так как выражает общечеловеческие чувства; счастье, боль, любовь, страдание, одиночество, гнев. И поэтому было высоко оценено самыми широкими массами любителей музыки, и, в то же время взыскательными музыкантами-профессионалами. Примечательно, что его заметил Хрущев и в 1937 году, назначил художественным руководителем Государственного симфонического оркестра Украины. Натан Рахлин, подобно метеориту, входящему в атмосферу, ярко светился и преждевременно сгорел.

Тора начинается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю».

Натан Рахлин всю свою жизнь доказывал, и я перефразирую, – «В начале сотворил Бог звук и ритм».

Непреодолимое желание появилось у меня зафиксировать на фотографии вдохновенное лицо Рахлина, положение и пластичность его чудотворных рук. Концертный зал в Дзинтари, не требует дополнительного освещения для фотографирования. Со своего места в оркестре сделал несколько любительских снимков. Какая гамма эмоций выражена на его лице, сколько выразительности в его жесте!

Вспоминается мне его хриловатый голос, его вдохновенное лицо. Исполняя произведение с разными оркестрами десятки раз, он давно слышит его внутренним слухом. Точно разметив динамику развития, кульминацию, он создает законченную музыкальную форму. На репетиции он стремится приблизить исполнение оркестра к своему замыслу, вежливо просит, настойчиво требует, снова возвращается. Никогда не сердится, не повышает голос. Маэстро забывает о времени, о профсоюзном комитете, который зорко следит, как тикают часы.

Никто не возражал на его многочисленные просьбы. Артисты оркестра начинали роптать, только тогда, когда приближалось окончание репетиции.

– Мы не успеем проиграть симфонию, мы теряем время.

Он никогда не заканчивал репетицию раньше времени. Наоборот, за пять минут он начинает дирижировать не останавливая оркестр, увлекается, и ... Инспектор оркестра подходит к дирижерскому пульта, виновато напоминает:

– Натан Григорьевич. Время истекло.

Генеральная репетиция закончилась, оркестр не успел проиграть «Рассвет на Москва-реке».

Перед концертом оркестр собирался на сцене для настройки. Обычно, гобоист дает 1а, все настраиваются и покидают сцену.

Не так с Рахлиным. Он появляется на сцене, просит играть первые такты «Рассвет на Москва-реке».

– Это самая хорошая настройка, – говорит он.

Рахлин дирижирует БСО в Дзинтари

В администрацию оркестров приходят множество писем от потенциальных солистов и дирижеров с просьбой выступить с оркестром. Большей частью они остаются без ответа. Стоит ли тратить на почтовые расходы. Если же напишут, ответ будет примерно такого содержания.

Благодарим Вас за проявленный интерес к нашему оркестру. К сожалению, расписание концертов

нашего оркестра спланировано на несколько лет вперед, так что нет никакой возможности пригласить Вас. Желаем Вам успехов. С уважением, подпись

Марк Горенштейн, художественный руководитель
Госоркестра России вспоминает:

Своим первым концертом я обязан Натану Рахлину, возглавлявшему Симфонический оркестр Казанской филармонии. Я подал заявление с просьбой разрешить мне проработать концерт, и Рахлин наложил резолюцию: «Такого дирижера не знаю, но пусть попробует». Это был мой дебют.

Вот что пишет Игорь Иванович Блажков (1936) – симфонический дирижер. После работы у Рахлина, учился в аспирантуре в Ленинграде, у Мравинского. Позже возглавлял Киевский камерный оркестр, с 1988 – главный дирижер Национального симфонического оркестра Украины. С 2002 живет в Германии.

Письмо Игоря Блажкова:

- *Дорогой Наум Львович!*
- *August 7, 2010*
- *Спасибо за Ваше письмо.*

Натан Григорьевич Рахлин я знаю очень хорошо. Ведь именно его блестящие концерты на летней эстраде Первомайского парка в Киеве помогли мне выбрать мою профессию дирижера. На 4-м курсе консерватории я стал ассистентом Рахлина в Гос. симф. оркестре Украины. Когда меня принимали в оркестр, то попросили зайти к Рахлину домой на собеседование. Он мне задал единственный вопрос: «Известно, что композиторы используют 4 валторны в своих сочинениях или 2 (у венских классиков). А вот в каком произведении 3 валторны?» И когда я ответил, что в 3-й симфонии Бетховена, Рахлин воскликнул: «Считайте себя принятым в оркестр». На этом собеседование закончилось. Я присутствовал на всех репетициях и концертах Рахлина... История с его увольнением следующая: Натан Григорьевич был назначен на должность главного дирижера Госсимфонического оркестра Украины в 1937 г. по распоряжению Хрущёва, который 25 лет его поддерживал до своего ухода из власти. В 1963 г. на

должность 1-го секретаря ЦК КПУ был назначен Шелест, который начал стягивать в Киев со всего Советского Союза национальные кадры – технические, научные, культурные. Таким образом, в Киев переехал из Львова Степан Турчак, который поначалу занял мою бывшую должность ассистента Рахлина. Через короткое время он стал уже 2-м дирижёром. И началась подковёрная подготовка, чтобы заменить на посту главного дирижёра Рахлина Турчаком. Появилась довольно «чёрная» статья о Рахлине в «Правде» – «Пятна на жемчуге». И вот свершилось.

Как мне рассказывал Кудряшов, в 1963 г. оркестр во главе с Рахлиным был на гастролях в Ужгороде. Натан Григорьевич узнал об освобождении его от должности глав. дирижёра перед своим концертным выступлением. И он дирижировал и... плакал... В 1996 г., когда было 90-летие Натана Григорьевича, я сделал о нём передачу на Украинском Радио; и организовал возложение венка от украинских дирижёров на его могилу... Невозможно забыть гениальное прочтение Рахлиным таких партитур как 6-я симфония и симфония «Манфред» Чайковского, «Фантастическая симфония» Берлиоза, «Поэма экстаза» Скрябина, 5-я симфония Дворжака и др. И таких пластичных рук, как у Натана Григорьевича я не видел ни у кого...

На этот раз пока всё.

• Обнимаю

• Сердечно Ваш

• Игорь Блажков.

Мой друг, первый флейтист Олег Кудряшов, работавший семь лет при Рахлине в Симфоническом оркестре Украины, добавил некоторые детали – «как это было». Слухи об увольнении Рахлина витали в воздухе перед концертом в Житомире, куда оркестр приехал на гастроли. Друзья, приближенные к Рахлину, шепнули ему о них перед концертом. Рахлин стал сам не свой, дирижировал пассивно и отрешенно, не участвуя в происходящем. Играли 9-ю симфонию Шостаковича. Совсем не к месту звучал

печальный речитатив фагота, переходящий в веселый смех, шутку, радость в финале симфонии.

Натан Рахлин исполнял и записал в 1950 годы на Всесоюзном Радио бесчисленное количество произведений. (А. Бородин – Богатырская симфония, В. Калинников – Первая симфония, наиболее часто звучавшие тогда по радио, например). Но они недоступны слушателям сегодня.

«Мелодия» тоже не торопится тиражировать записи Рахлина. Его имя редко когда упоминается в средствах массовой информации, столетие со дня рождения отмечалось только в Казани.

«Фантастическая симфония» Берлиоза, «Манфред», «Итальянское каприччио», «Ромео и Джульетта», Четвертая и Шестая симфонии Чайковского остались только в памяти старшего поколения музыкантов и меломанов.

Если бы к столетию со дня рождения дирижера появился, хотя бы один компакт диск с его записями. Увы, это не произошло.

Прошли тридцать лет со дня смерти крупнейшего советского дирижера лауреата 1-го Всесоюзного конкурса дирижеров (1938, 2-я премия), Народного артиста СССР (1948), лауреата Сталинской премии (1952), награжденного орденом Ленина, Орденом Октябрьской революции и другими орденами и медалями. По иронии судьбы, Натан Григорьевич Рахлин был по достоинству оценен и отмечен властями при жизни, и ...забыт после смерти. На Западе он почти неизвестен. Феноменальный талант, дирижер-романтик ушел навсегда в небытие. Он не слышит нас, мы не услышим его. В знак памяти о нем, благодарности и преклонения перед его уникальным талантом произнесем мысленно два слова: **Браво, Натан.**

Как я купил автомобиль

Когда все хорошо и безоблачно, задумывался я о приобретении автомобиля. Купить машину в те времена, это бег с препятствиями на длинную дистанцию. Существует ли такое в легкой атлетике?

Записаться в очередь, отмечаться рано утром по воскресеньям. С трепетом ожидать открытку из магазина,

заплатить и получить автомобиль «Москвич». Все так просто, кажется. «Бегут года и дни бессменной очередью», прежде чем ключи у тебя в кармане. Запорожец – это единственная машина, которая была в свободной продаже. В магазине на ул. Бакунинская я внес деньги, но надо было ждать шесть месяцев. Пришел я как-то проведать, как движется мой заказ и услышал разговоры; завтра будут продаваться подержанные автомобили. Это будет открытая продажа для желающих приобрести машину. Верить ли случайно услышанному разговору незнакомых мне людей? А что если я останусь у входа в магазин до завтра, до его открытия? Домой я не возвратился. Два человека, такие же умные как я, стояли у входа. Я стал третьим.

На завтра, ровно в 11 часов утра двери магазина распахнулись, и я уже стоял в очереди у кассы. Шумная толпа, бывалые и опытные владельцы автомобилей ринулись к продавцам в надежде купить нужные им дефицитные запчасти. Вот бы подумать, пока не поздно, видя эту картину и спросить, на что я себя обрекаю? Но нет, здравый смысл не восторжествовал.

Первому из очереди предложили выбор – Москвич или Волга. Он решил купить Москвич. Осталась единственная Волга. Второй честно признался, что нет у него таких больших денег. Машина дорогая – для директоров и партийных начальников. В этот момент моя судьба была решена. Получив пропуск на смотрины автомобиля, я отправился в Южный речной порт, куда приходили новые Волги с горьковского автомобильного завода.

Приехав на такси, я увидел высокий каменный забор, за ним территория на берегу Москва реки. Нашел свою машину, открыл капот. Мотор, четыре колеса и запасное в багажнике – все на своих местах. На следующий день я заплатил за машину. Водительских прав у меня не было. Попросил я Бориса Ронинсона, скрипача из оркестра, пригнать мою машину домой. Удивился он неимоверно моим приобретением и даже завидовал. Опытный, с многолетним стажем водитель, он ездил всего-навсего на

Москвиче, у других артистов оркестра старые и ржавые Победы, а у меня почти новая Волга.

Зимой я посещал курс теории в автошколе, затем практические уроки вождения по улочкам старого Арбата, суженными к тому же кучами снега, успешно сдал экзамен, получив заветное удостоверение водителя-любителя.

Я был владельцем личного автомобиля более десяти лет. Тогда бензин стоил дешево, платные стоянки не существовали. Запасных частей в магазине действительно не было.

Волга-21 использовалась в качестве такси. В таксомоторном парке всегда можно было «достать» нужную деталь по сходной цене – «бутылка водки» или «бутылка водки с закуской». Научился я менять масло в картере, смазывать солидолом переднюю подвеску, поменять колесо при проколе, разобрать и промыть карбюратор. Признаюсь, после сборки оставались иногда «лишние» детали. В таком случае, приходилось консультироваться с моими наставниками – более опытными автолюбителями из оркестра.

Где я только не был. Прибалтика, Закарпатье, Крым. Наездил 150 000 километров. Без аварий, никого не поцеловал, не поцарапал. Везде, куда бы я ни приезжал, местные мальчишки окружали машину и радостно кричали:

- – Мои приехали, мои приехали!
- Мои 35-81 – это номер моей машины.

Математики, шахматисты и музыканты отличаются безаварийной ездой. Мораль. Если хочешь быть здоров, тренируй внимание и мозговые извилины.

Второй Всесоюзный конкурс дирижеров 1966 года

*Что нам стоит дом построить,
нарисуем, будем жить.*

Фуат Мансуров один из лучших дирижеров, серьезно зарекомендовавший себя в 1960 годы прошлого века. Уже тогда он не был желторотым птенчиком, пробуящим свои силы. Он окончил Алма-атинскую консерваторию по специальности дирижер в 1950 году, (педагоги А. Жубанов и И. Зак). В разные годы дирижирует оркестром казахских народных инструментов,

симфоническим оркестром Алма-атинского радиокомитета, Театра оперы и балета имени Абая, а с 1956 года руководит симфоническим оркестром Казахского радио и телевидения. Имея солидный опыт работы с оркестрами, он учится в классе проф. Л.М. Гинзбурга в Московской консерватории и позднее у профессора Парижской консерватории И. Маркевича. Впервые он заявил о себе в Москве на Втором всесоюзном конкурсе дирижеров и удостоен третьей премии после Юрия Темирканова и Александра Дмитриева. Председателем жюри был Кирилл Петрович Кондрашин. Фуат Мансуров произвел впечатление отличного профессионала и серьезного, зрелого музыканта. Государственный симфонический оркестр СССР играл под его управлением «Симфонические танцы» С. Рахманинова. Вскоре после конкурса он пришел в БСО и продемонстрировал, как он умеет добиться от оркестра нужное ему звучание, точность ритма, баланс различных групп оркестра. Он точно знал, что хочет, был уверен в себе. С тех пор он стал частым гостем в БСО.

Фуат Шакирович играет на нескольких музыкальных инструментах и в этой связи вспоминает:

В этом смысле подготовка у меня крепкая и разносторонняя. Во всяком случае, на конкурсе дирижеров в Москве, куда приехал, в присутствии самого Шостаковича я, еще почти пацан, потребовал, чтобы тромбоны играли глиссандо. На что первый тромбонист Госоркестра Павел Иванович Чумаков, он же профессор консерватории, буркнул: «А мы не можем». В зале был шок: «Как это так? Мансуров ведь не тромбонист. Что он в этом инструменте смыслит?». А я дома не меньше ста раз сыграл это место именно на тромбоне.

После Всесоюзного конкурса дирижеров 1966 года известный дирижер, профессор Б. Хайкин в газете Советская Культура писал:

...из всех лауреатов Мансуров наиболее сложившаяся творческая личность, он необыкновенно требователен, удивительно точен, в нем привлекает располагающее спокойствие, что само по себе является признаком мастерства. Поражает его широкая

осведомленность и большой кругозор. Очень острый природный слух, безупречное знание технологии оркестра (он владеет игрой на многих инструментах), профессиональное знание вокала делают его репетиции предельно насыщенными и продуктивными. Весь симфонический и оперный репертуар он дирижирует наизусть. Это тем более впечатляет, если учесть, что на репетициях он, как правило, не пользуется партитурой. Все эти качества делают общение с таким мастером легким, приятным и чрезвычайно поучительным.

В 1971 году студенческий оркестр Московской консерватории, подготовленный Фуатом Мансуровым, завоевал «Золотую медаль» и звание лауреата 1-й премии Международного конкурса молодежных оркестров имени Герберта фон Караяна в Западном Берлине.

Фуат Мансуров по природе своей трудоголик. Его интересов, знаний и побед хватило бы на несколько человек незаурядных способностей. Кроме музыки, он преуспел в других областях: окончил физмат университета в 21 год. В 1952 году в Свердловске выиграл первенство Советского Союза в беге на полтора километра! Мастер спорта СССР по альпинизму и конькобежному спорту. Владеет многими европейскими и восточными языками, имеет первый разряд по шахматам.

В интервью в 2008 году дирижер Фуат Шакирович Мансуров рассказывал:

Сейчас мое самое любимое занятие – строить под Москвой дачу. Посмотрите на эти руки. Я ими построил трехэтажный дом. Кстати, у меня очень хороший дом. Десять комнат. И (не удивляйтесь) 58 окон! Все свое свободное время провожу дома. Там работаю. Там пристроил спортивный зал. Играю с внуком в настольный теннис.

Не буду перечислять его почетные звания и оркестры, которыми он руководил. В Большом театре он работал 40 лет, продолжает работать сейчас, но так и не стал главным дирижером и художественным руководителем театра. А жаль, как музыкант, дирижер и художник он этого был достоин. Его более молодые коллеги Юрий Симонов и

Александр Лазарев «обошли его на поворотах». 10 января 2010 года Фуату Мансурову исполняется 82 года. Желаю ему крепкого здоровья до 120. Он один из очень немногих дирижеров, о ком всегда говорю с гордостью и восторгом: **«Я играл с ним».**

Статья была опубликована в день рождения 10.01.2010 на сайте

<http://www.forumklassika.ru/showthread.php?t=45789&p=924789#post924789>

Народный артист России, Татарстана и Казахстана Фуат Мансуров скончался в ночь на 12 июня 2010 года.

Камерный ансамбль

Московская государственная филармония МАЛЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ (пр. Гагарина, 15)		СЕЗОН 28 СЕНТЯБРЬ
ПРОГРАММА — Соната для флейты, кларнета, фисгарды, трубы, скрипки, виолончели и контрабаса, соч. 2 ХИНДЕМИТ — Симфонический № 10 — концерт для фисгарды и десятидунайских струнных инструментов СТРАВИНСКИЙ — «История солдата» — музыка с танцами для скрипки, кларнета, фисгарды, трубы, тромбоны, контрабаса и ударных инструментов		
АНСАМБЛЬ СОЛИСТОВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИЛАРМОНИИ		
Альберт ГОФМАН (фисгарда) Лев КОМАРОВСКИЙ (кларнет) Феликс АЙР-УМЯН (виолончель) Николай ФИЛИППОВ (тромбон) Александр КОВАЛЕВ (контрабас)	Александр Виноградов (флейта) Сергей ТРУБАШИН (фисгарда) Юрий НЕКЛУДОВ (труба) Харлампий ПАНИОТОВ (тромбон) Анатолий МИХАЙЛОВ (кларнет) Роберт ДЕВЯН (контрабас)	
Дирижер: Наум ЗАЙДЕЛЬ (фисгарда, виолончель)		
Дирижер: Винтор ПИНАЙЗЕН (кларнет) Текст либретто: Александр БАХЧИЕВ Дирижер: Анатолий АГАМИРОВ		
Начало в 7 час. 30 мин. вечера Билеты продаются		

А. Дворжак Серенада для духовых инструментов и контрабаса

И. Стравинский История солдата

П. Хиндемит Kammermusik N 2 (Piano Konzert), Солист – Александр Бахчиев

П. Хиндемит Kammermusik N 3 (Cello-Konzert), Солист – Виктор Апарцев

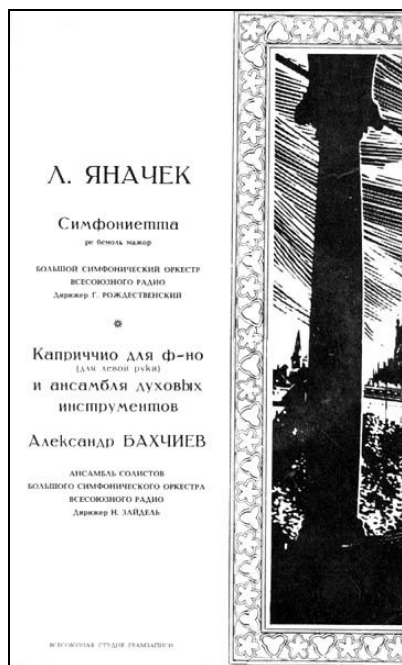
С. Прокофьев Квинтет ор. 39

Ж. Ибер Концерт для виолончели и 10 духовых инструментов (Солист – Михаил Хомицер)

- А. Шенберг Квинтет для духовых
- Гавриил Попов Камерная симфония.

Музыкальная редакция Радио записывала пьесы из моего флейтового репертуара. Мною записаны 4 или 5 виниловых пластинок на фирме «Мелодия» – Сонаты Верачини и Бетховена с пианистом А. Дедюхиным, пластинка в ансамбле с Андреем Волконским, еще одна с пианистом Наумом Вальтером (Франц Допплер), Соната для флейты и ф-но ор. 94 С. Прокофьева, Соната для флейты и ф-но и 8 пьес для флейты Solo П. Хиндемита с проф. М.В. Юдиной.

Я организовал камерный ансамбль, который играл редко исполняемые и незаслуженно забытые произведения. В своих предпочтениях под влиянием Г. Рождественского я более склонялся к исполнению современной музыки.

«Мелодия» выпустила грампластинку – на одной стороне – Леош Яначек Симфонietta. БСО. Дирижирует Г. Рождественский, на другой – Л. Яначек «Каприччио» (для левой руки) для ф-но и ансамбля духовых инструментов, Александр Бахчиев (ф-но).

Ансамбль солистов Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Дирижер Н. Зайдель

Кирилл Петрович Кондрашин

В моей памяти сохранилось появление в БСО Кирилла Петровича Кондрашина.

На первом Всесоюзном конкурсе дирижеров в 1938 году Кондрашин получил почетный диплом. Работал дирижером Малого театра в Ленинграде, в 1943 году К.К. получает приглашение в Большой театр, в начале 1950-х возглавлял Московский молодежный симфонический оркестр. В 1956, оставил Большой театр. Сам этот поступок довольно примечательный. Обычно из Большого театра по собственному желанию не уходили. Вопрос решался долго, и не директором театра, а в Министерстве культуры. К.К. стал дирижером-гастролером, работал с разными столичными и периферийными оркестрами, стал свободным художником, не имеющим своего оркестра. Были известны организаторские способности Кондрашина, уже тогда он считался чутким аккомпаниатором, солисты Гилельс, Коган, Ростропович, Ойстрах предпочитали играть с ним. И. Стерн, приехавший в 1956 году, играл с Госоркестром, дирижировал Кондрашин. Совсем недавно главным дирижером оркестра Московской филармонии был назначен Натан Рахлин, хотя кандидатура К.К. обсуждалась очень серьезно. Талант Рахлина, его романтическая натура и восторженный прием решили в его пользу. Рахлин дирижировал с неизменным успехом свои концерты и исчезал до следующей программы. «Медовый месяц» закончился меньше, чем через два года, и разошлись, как в море корабли.

В 1958 году проводился Первый Международный конкурс им. П.И. Чайковского. Американский пианист Ван Клиберн, завоевавший первую премию, играл с оркестром под управлением Кондрашина на третьем туре и на гала-концерте Третий концерт С. Рахманинова. В ложе присутствовал Н.С. Хрущев. Успех Вана Клиберна был ошеломляющим. После конкурса К. Кондрашин получил приглашение на гастроль в США и Великобританию. Визы были выданы немедленно. С 1960 К.К. возглавляет

Симфонический оркестр Московской филармонии, вхож в кабинеты «власть предержащих», умеет разговаривать и убеждать. Кондрашин, возможно, самый успешный пример художественного руководителя в условиях советской действительности. К.К. связал свою жизнь и карьеру с оркестром, навел дисциплину и порядок, добился повышения зарплаты музыкантов в два раза, требовал, чтобы Министерство культуры планировало заграничные гастроли оркестра, и объездил с ним весь мир. Когда власти не утверждали музыканта в очередную поездку, он поручался за него. Но мог и сам больно наказать, отстранив от поездки за границу; за появление на концерте в нетрезвом виде, к примеру. Как раз при таких обстоятельствах он пригласил меня в концертное турне оркестра Московской филармонии. Вначале концерт в Ленинграде, затем переезд в Хельсинки. Скрипач Олег Каган неподражаемо играл Концерт Яна Сибелиуса. Игра оркестра отличалась тончайшими динамическими нюансами в сторону *piano*, *pianissimo*, медные не увлекались форсированием звука. Все было тщательно отрепетировано, проверено неоднократно в концертах. Репетиции он проводил замечательно, но постоянный контроль дирижера Кондрашина во время концерта, его пристальный характерный взгляд сковывал музыкантов, свободу их самовыражения, и с другой стороны, не давали ему самому по настоящему увлечься, загореться и повести за собой оркестр. Быть может, достаточно было бы только напомнить, вселить уверенность, и дать оркестру раскрепоститься от напряжения.

Ночным паромом переправились в Швецию, играли концерты в Дании, Норвегии. После перелет и концерт в Западном Берлине. Нелли Школьникова великолепно играла Концерт Л. Бетховена. На следующий день в магазине я увидел десятки включенных телевизоров с одной картинкой на экране: В Америке убит сенатор Роберт Кеннеди. Это случилось 5 июня 1968 года.

К.К. программу выбрал амбициозную. Точнее будет сказано, сочинение одно – одноактный балет Мориса Равеля «Дафнис и Хлоя», для большого состава оркестра, при

участии хора, никогда не исполнявшийся в Москве. К.К. репетировал серьезно и планомерно. После шести репетиций он недоволен, потребовал еще одну, дополнительную. Профсоюзный комитет хора отказался удовлетворить требование К.К. под предлогом, что коллектив уже три недели не имел свободного от работы дня.

– В таком случае, я могу заболеть, – сказал Кондрашин.

Следующий день оркестр и хор отдыхали. Все с большим нетерпением ожидали развязки драмы; выстоит ли К.К. под давлением с разных сторон, докажет ли он свою принципиальность, верность своему слову, integrity.

Если отменят концерт, будет еще один день свободный. Когда пришли на репетицию, нам сообщили; – концерт в Большом зале консерватории отменен. Руководство музыкальной редакции радио нашло выход; играть живую студийную передачу вместо отмененного концерта.

– Собственно говоря, для чего оркестр и хор работали всю неделю? И дирижера нам искать не надо. – Знает ли Г. Рождественский балет «Дафнис и Хлоя» полностью, все двенадцать номеров, – одно из ярчайших сочинений XX века? Кто мог сомневаться?

Уверен, он не пропустил исторические концерты Бостонского симфонического оркестра с Шарлем Мюнш и Пьером Монте в 1956 году в Москве. И концерт оркестра Чешской филармонии с Карелом Анчерл. И дирижером Зубин Мета с оркестром Московской филармонии. И концерт БСО с бельгийским дирижером Андре Клюитенс. Во всех перечисленных концертах исполнялась Вторая сюита «Дафнис и Хлоя», включающая три номера музыки балета из двенадцати. Но имеются грампластинки с записями музыки всего балета, партитуры, проигрыватели, магнитофоны – все под рукой у Г. Рождественского, и велосипед не надо изобретать. А остальное – исключительный талант и виртуозная мануальная техника в передаче оркестру своего личного эмоционального настроения. Он дирижировал как всегда блистательно. После был

длинный перерыв, а потом передача по радио. Здесь сам Бог велел – без остановок и повторов. Как на концерте.

Двенадцать лет работы в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио были интересные, радостные и счастливые.

Kirill Kondrashin, Gilels, Richter, Cliburn – documentary shots

<http://www.youtube.com/watch?v=bM-aB5n7ruE&feature=related>

Brahms Dble Cto Oistrakh Rostropovitch Kondrashin 1/1 1/1

<http://www.youtube.com/watch?v=V4WkGJbwSdM>

Oistrakh and Rostropovitch play Brahms double concerto 1/2

<http://www.youtube.com/watch?v=Atkk3PX50mc&feature=related>

<http://www.youtube.com/watch?v=kv5OiZkxoTg&feature=related>

Brahms Dble Cto Oistrakh Rostropovitch Kondrashin 3

<http://www.youtube.com/watch?v=eQTLFmHNoUw&NR=1>

(продолжение следует)

Борис Тененбаум

Герцог Мальборо, 1650-1689

I

эр Уинстон Черчилль смотрел на вещи довольно мрачно. Собственно, это даже и понятно – а как еще мог смотреть на судьбу человек, вынужденный обстоятельствами до 40 лет жить с женой и детьми под кровом своей тещи, леди Дрэйк, да еще и за ее счет? Уж и не говоря о том, что и политически он с этой достойной дамой расхотелся просто фундаментально?

Он из принципа стоял за короля, в то время как она положила все свои усилия и все свое состояние на борьбу за дело Парламента. Именно поэтому, когда король примирился с Парламентом (или когда Парламент примирился с королем – это как посмотреть), и когда жизнь сэра Уинстона повернула в лучшую сторону, и он сумел получить место (не слишком видное) в государственной структуре, и восстановить малую часть своего семейного состояния, и даже оказался возведенным в рыцарское достоинство (отсюда и его титул «сэр») – он все равно чувствовал себя обделенным.

Потому-то, обосновавшись наконец в собственном доме, он избрал себе девизом довольно пессимистическое изречение: «*Верен, но несчастлив*».

По обычаям его времени изречение это было написано на испанском: “*Fiel Pero Desdichado*”.

Испанское слово “*Desdichado*” в двойном переводе – сперва с испанского на английский, а потом – с английского на русский – выглядит разнообразно, например, как «...неудачник...», «...бедняга, заслуживающий сожаления...», и даже как «...утративший наследие предков...».

В классическом переводе «Айвенго» главный герой романа носит на щите герб в виде дуба, вырванного с корнем, девиз «Дездичадо», и именуется «...рыцарем, лишенным наследства...».

Сэр Уинстон, вероятно, сильно бы удивился, если бы ему кто-нибудь сказал, что он станет родоначальником двух герцогских домов, одного – в Англии, а другого – во Франции.

И, может быть, он удивился бы еще больше, если бы узнал, что его прямой потомок в 10-м колене, знаменитый политический деятель, писатель, журналист, художник-любитель, и к тому же умеющий класть кирпичи, как заправский каменщик, собственноручно украсит ограду своего дома этим же родовым девизом.

Более того. Его далекий потомок, родившийся через добрых 250 лет – через 254 года, если уж нам нужна точность – после сэра Уинстона, вспомнит о нем. Он начнет свою книгу об их роде с рассказа о его нелегкой судьбе. Вообще-то, в этом нет ничего удивительного. Потомок будет носить то же самое имя.

Сэр Уинстон Черчилль.

II

Общее имя было не единственным, что сближало двух сэров Уинстонов. Два с половиной века – долгий срок, военное искусство меняется быстро – но, как ни странно, они оба служили в кавалерии.

Тот сэр Уинстон, который родился в 1620 году, был капитаном Конной Гвардии короля Карла Первого, и лихо рубился с «круглоголовыми» – сторонниками Парламента.

А тот сэр Уинстон, что родился в 1874, служил королеве Виктории, и в чине лейтенанта кавалерии сражался с мятежными племенами в Индии, а потом – в Судане.

Тот сэр Уинстон, что родился в 1874, занимался многими делами, и в частности, любил писать книги по истории.

А сэр Уинстон, который родился в 1620 году, тоже однажды написал исторический трактат с невозможно длинным названием – приведем название в оригинале: *“Divi Britannica; being a remark upon the Lives of all the Kings of this*

Isle, from the year of the World 2855 until the year of Grace 1660”.

«Дивная Британия; Замечание о жизни Королей этого Острова с года 2855 от Сотворения Мира и до 1660 года Господа нашего».

(Слово “Divi”, употребленное автором – вовсе не «дивная». На русском это скорее нечто «божественное», или даже «провиденциальное»).

Можно еще прибавить, что оба сэра испытывали систематическое безденежье.

Но на этом сходство между ними заканчивалось – а дальше начинались сплошные различия.

Сэр Уинстон Черчилль, живший в XX веке, занимал высокие государственные посты, и книгу свою, начинавшуюся с истории его семьи в семнадцатом веке, написал, будучи министром в отставке. Да и вообще он не унывал, а очень неплохо зарабатывал себе на жизнь своим пером.

Сэр Уинстон Черчилль, живший в XVII веке, все надежды на поправление дел возлагал на своих детей. У него их было много – целая дюжина. Правда, период младенчества в ту пору ребенку пережить было нелегко, так что неизбежную полосу детских болезней пережило только пятеро. Четверо и впрямь оправдали надежды родителя.

Первой начала делать карьеру старшая дочка, Арабелла, родившаяся в 1648 году.

Понятное дело – благородная, но бедная девица отнюдь не могла в те времена надеяться на продвижение в качестве стенографистки. Ей следовало надеяться или на выгодное замужество, или на место при дворе, где можно было завести высокие связи.

Семье в этом смысле повезло – Арабеллу Черчилль взяли фрейлиной к жене Джеймса Стюарта, герцога Йоркского.

III

Титул герцогов Йоркских в Англии традиционно принадлежал королевской семье, и обычно давался брату царствующего монарха. Так что, получив в 1665 году предложение герцогини Йоркской взять Арабеллу к себе

фрейлиной, Черчилли были просто счастливы – эта знатная дама располагала немалыми возможностями патронажа, и со временем вполне могла устроить своей подопечной хороший брак.

Однако 17-летняя Арабелла Черчилль получила свой шанс не с течением времени, а очень скоро, и шанс этот превзошел все ожидания сэра Уинстона – она приглянулась супругу своей покровительницы, и заменила ее в его постели.

Мысли герцогини Йоркской по этому поводу нам неизвестны, но семья Черчиллей отнюдь не восприняла это как бесчестье или трагедию. На такого рода вещи при дворе смотрели легко – подобная связь служила истоком продвижения и благосостояния для всей семьи счастливой избранницы.

К тому же Джеймсу Стюарту, герцогу Йоркскому, было тогда 32 года, он был истинным образцом рыцаря и кавалера, и юную фрейлину ничем не обидел, а мисс Черчилль и вообще очень быстро поменяла статус – из «...прихоти герцога...» она стала его официальной любовницей, или, если угодно, его неофициальной супругой.

Во всяком случае, она родила ему дочь, которую он признал своей, а в окружении герцога в числе его пажей появился младший брат Арабеллы, Джон. В пажах он не задержался.

Герцог был расположен к брату своей подруги, и однажды спросил его – чего он больше всего хотел бы? Джон Черчилль бросился на колени и попросил как милости места в одном из полков, которыми герцог командовал.

Тут надо сделать одно попутное замечание: Джеймс, герцог Йоркский, был не только любимым братом короля Карла II, но и числился его престолонаследником. Дело в том, что у короля Карла имелось несметное число незаконных детей, но вот законных, увы, не было. Разводиться с супругой по множеству причин он не хотел, а она совершенно явно была неспособна осчастливить страну наследником. Так что на герцоге Йоркском лежали обязанности наследника престола. А поскольку король

любил его и полностью ему доверял – то и руководство армией.

Поэтому в 1667 году просьба Джона Черчилля была удовлетворена без малейших затруднений – он получил чин корнета в королевской гвардии.

Ему было тогда 17 лет.

IV

По-видимому, в 1668 году корнет Джон Черчилль покинул Англию – а обратно вернулся скорее всего, в 1671 году. Где он пребывал все это время, тоже не очень понятно – по-видимому, какое-то время провел в Танжере, в теперешнем Марокко. В этом городе, доставшемся королю Карлу как часть приданого за его женой, португальской принцессой¹, стоял английский гарнизон.

Вполне возможно, что корнет Черчилль поучаствовал в какой-то из стычек английского флота с алжирскими пиратами в Средиземноморье – во всяком случае, он получил экипировку офицера морской пехоты.

Наша неуверенность насчет дат и мест пребывания понятна – корнет был персоной не слишком важной, его передвижения мало кого интересовали, а сам он об этом периоде своей жизни особо не вспоминал.

Причин, по которым он уехал из Англии, мы тоже не знаем.

Есть версия, что юный Джон Черчилль приглянулся жене его покровителя, герцога Йоркского – он был на редкость хорош собой, и этой знатной даме, возможно, захотелось отомстить мужу, наставив ему рога с братом его же фаворитки.

Но, скорее всего, все это просто светская клевета и обычные сплетни, а уехал он по куда более понятной и прозаической причине: в ту пору многие молодые офицеры в качестве джентльменов-волонтеров отправлялись куда-нибудь, где происходили стычки с неприятелем, в надежде

¹ В 1662-м Карл II женился на португальской принцессе, Екатерине Браганцкой, и в приданое получил Бомбей, Танжер и 300 тыс. ф. стерлингов.

поучаствовать в них и обратить на себя внимание начальства.

Практика эта была настолько стандартной, что командиры их полков без всяких затруднений предоставляли им для этого неоплачиваемый служебный отпуск.

Что интересно, так это то, что такого рода практика конца XVII века существовала в английской армии и два века спустя. В конце XIX столетия ей воспользовался молодой в ту пору сэр Уинстон Черчилль, потомок Джона Черчилля в 9-м поколении, чтобы поучаствовать в военной экспедиции в Судане.

Сэр Уинстон – тот, что родился в XIX столетии – вообще довольно много пишет об экипировке, необходимой Джону Черчиллю в качестве офицера «военно-морской дивизии». Поскольку во время Первой мировой войны, в 1914-1915 в качестве главы Адмиралтейства он этой дивизией командовал, то и замечания его сделаны с большим пониманием дела.

Что же касается отца Джона – того сэра Уинстона Черчилля, который жил в XVII веке – то он эту экипировку оплатил, и досталось ему это очень нелегко. Насколько нелегко, что он как особой милости попросил короля как-то возместить ему эти расходы.

Сумма была не слишком велика – всего 140 ф.стерлингов – но проблема была в том, что весь годовой доход сэра Уинстона составлял 160 фунтов, а лишних денег у него, увы, не было.

Что интересно – лишних денег не было и у короля. Как раз в это время Корона Англии как учреждение потерпела банкротство, счета не оплачивались, задерживали даже жалование военным.

Тем не менее, просьба сэра Уинстона была удовлетворена – на этот счет есть документальное доказательство: приказ короля в казначейство выдать ему необходимую сумму, невзирая ни на какие обстоятельства.

Этот приказ – один из двух имеющихся у нас документов, освещающих жизнь Джона Черчилля и его отца в 1670-1671.

Второй документ – краткий отчет в лондонской газете, датированный 6 февраля 1671 года, в котором сообщается о дуэли на шпагах между неким мистером Фенвиком и мистером Черчиллем, сыном сэра Уинстона Черчилля.

Джон Черчилль был легко ранен – а сообщение о дуэли позволяет нам достоверно узнать, что он пребывал в Лондоне по крайней мере с февраля 1671 года.

V

Если бы двор Карла II нуждался в летописце, то Джон Уилмот, 2-й граф Рочестер, мог бы быть неплохим кандидатом на это место. Он был умен, обладал блестящим слогом, был неистощим на выдумки, прекрасно понимал театр, и очень хорошо разбирался в предмете описания – одно время он был постельничим короля.

Граф, разумеется, знал всех бесчисленных подруг своего суверена, а про одну из них – обладавшую в том далеком 1671 году статусом неофициальной супруги Карла II – сочинил неплохое стихотворение.

Суть этого произведения искусства заключалась в том, что вышеупомянутая благородная леди попросила совета у знакомой – где бы ей хорошенько развлечься? И та, добрая душа, посоветовала отправиться в какой-нибудь притон в районе Лондона с красноречивым названием – Содом – где за дюжину кружек эля она получит к своим услугам дюжину молодых, способных доставить ей удовольствие получше того, которое доставляют ей «...Черчилль и Джермин...» – «...Churchill and Jermyn...»

Ну, Джермин нас в данном случае не интересует, а вот Черчилль, упомянутый в стихах графа Рочестера, был как раз отважный корнет гвардии, Джон Черчилль, о котором и идет наше повествование, и связь его с королевской подругой началась как раз в 1671 году.

Этот год – 1671 – вообще оказался для Джона Черчилля весьма знаменательным. В августе задиристый корнет опять дрался на дуэли. Поединок окончился не слишком удачно – он был ранен и потерял шпагу, выбитую противником у него из рук.

Но не позднее сентября 1671 года он полностью отыгрался. Ему повезло в любви, и при этом повезло просто исключительно.

Не каждому гвардейцу удастся покорить сердце ослепительно красивой женщины, известной в свете своими сумасбродствами, да еще и фаворитки короля. Звали ее в то время леди Кастелмейн, а к тому же возлюбленная Джона была еще и герцогиней – герцогиней Кливленд.

В 1659 году юная 17-летняя девица, Барбара Вильерс, вышла замуж за Роджера Палмера. Его родители были решительно против, и говорили ему, что она сделает его несчастным – невеста, несмотря на свою молодость, уже успела прокрутить бурный роман с 2-м графом Честерфилдом.

Он, однако, настоял на своем. Родители оказались правы – уже в 1660, чуть ли не сразу после свадьбы, Барбара Палмер стала любовницей Карла II. К 1671 у нее было уже пятеро детей, которые были признаны королем как его побочные отпрыски и получили красноречивую фамилию Фитцрой – FitzRoy.

Поскольку приставка “Fitz” означала побочную ветвь, а “Roy” значило «король», то фамилия Fitz Roy как раз этот статус и обозначала. А в июле 1672 года леди Барбара подарила королю еще одного ребенка, девочку, тоже названную Барбарой, и потребовала присвоения той же фамилии и ей, хотя имелись очень основательные подозрения в том, что настоящим отцом ребенка был Джон Черчилль.

Собственно, особых иллюзий в отношении верности герцогини своему коронованному любовнику у Карла II не было. Число ее интимных друзей было велико, и включало в себя, например, Джеймса Монмута, незаконнорожденного сына короля от другой его подруги.

И об отношениях герцогини Кливленд с Черчиллем Карл Второй был тоже прекрасно осведомлен. Есть даже сплетня того времени, что однажды он застиг Джона в спальне леди Барбары, и когда тот пал на колени и попросил прощения, король величаво сказал ему:

«Ты негодяй, но я тебя прощаю – так ты зарабатываешь себе на хлеб».

VI

По поводу «...заработка на хлеб...» – король Карл попал в точку. Граф Рочестер с презрением пишет о щеголях с доходом в 30 фунтов в год, пытающихся соответствовать моде.

В кармане у Джона Черчилля вряд ли было больше. Герцогиня Кливленд действительно содержала своего корнета – жизнь при дворе стоила недешево.

Но вот стихи графа Рочестера, утверждающие, что герцогини не хватало любви Джона Черчилля, следует считать либо поэтической вольностью, либо обычным для графа злоязычием.

Это была неправда – герцогиня была так влюблена в своего корнета, что однажды сделала ему поистине княжеский подарок, размером в 5 000 фунтов наличными. Надо оценить эту сумму по достоинству: как мы знаем, годовой доход отца Джона, сэра Уинстона Черчилля составлял всего 160 фунтов в год.

Молодой человек распорядился этими деньгами с редким для его возраста благоразумием.

К концу семнадцатого столетия в Англии уже были в ходу своего рода страховые сделки и банковские операции. Так что корнет Черчилль свалившиеся ему с неба деньги не пустил на ветер, а вложил в частный банк лорда Галифакса на следующих условиях: лорд получил от него 4 500 фунтов, с обязательством выплачивать обратно по 500 фунтов в год до конца дней вкладчика – что и было закреплено на бумаге и заверено у нотариуса.

Сделка сочетала в себе и здравый коммерческий смысл, и элементы азартной игры.

В сущности, Джон Черчилль ставил на кон надежду на то, что проживет еще не менее 15 лет – в этом случае его деньги возвращались к нему, и с хорошим процентом. А лорд Галифакс ставил на то, что век молодого военного, скорее всего, будет куда более коротким – в этом случае он получал значительную сумму разом и без отдачи.

Совершенно очевидно, что размер выигранной суммы зависел от года перехода корнета Черчилля в лучший из миров.

Надо сказать, что уже в следующем, 1672 году, лорд Галифакс получил хорошие шансы на крупный выигрыш.

Началась англо-голландская война, третья по счету. Английский флот, соединившись с французским, был готов атаковать берега Голландии. Командовал флотом герцог Йоркский, находившийся на борту флагманского корабля, названного его именем: “Royal James”.

На корабле разместились также первая рота гвардейского полка, корнетом в которой служил Джон Черчилль.

В морском сражении в заливе Сол (битва при Солбее) корабль был потоплен.

VII

Голландским флотом в сражении при Солбее командовал адмирал Де Ритёр², и репутация его была к тому времени легендарной. Он, например, устроил в 1667 году налет на английский флот прямо в устье Темзы, сжег множество английских кораблей, а грохот канонады было слышно в Лондоне. В столице серьезно опасались высадки голландских десантов.

Он и сейчас, под Солбеем, действовал как всегда – напал внезапно и сразу нацелился на флагманский корабль англичан, «Ройял Джеймс». Джеймс, герцог Йоркский, хоть и не мог тягаться с Де Ритёром на равных, но был храбрым человеком и умелым моряком.

Корабль под его командованием дрался отчаянно, и герцог оставил его только тогда, когда он начал гореть. В свою шлюпку он смог взять только 3-4 старших офицеров своего штаба – Джона Черчилля среди них не было.

Он, однако, сумел спастись – «Ройял Джеймс! сгорел до ватерлинии, но не взорвался, потому что пороховой погреб был пуст. Бой был столь яростным, что к моменту

² Адмирал де Рюйтер (в русском переводе: де Риттёр, или Де Ритёр), Michiel Adriaenszoon de Ruyter, Apr. 24, 1607-Apr. 29, 1676.

пожара взрываться было нечему – корабль уже расстрелял все свои боевые запасы.

Что именно Джон Черчилль совершил в этом бою, не известно и поныне. Он никаких воспоминаний на этот счет не оставил, и в воспоминаниях других участников боя тоже остался неотмеченным.

Однако герцог Йоркский сам командовал погибшим в бою кораблем, и своих офицеров видел, так сказать, в деле. Джон Черчилль был им замечен, и получил редкое отличие – он был произведен из корнетов сразу в капитаны, через чин. Черчилль получил роту в полку Адмиралтейства, подчиненном герцогу как верховному командующему флотом (Lord High Admiral).

Правила в то время были таковы, что даже и получив повышение, награжденный офицер должен был тем не менее оплатить свой офицерский патент. Сумма была значительной, но юный капитан Черчилль сделал это без всяких затруднений – у него была богатая возлюбленная.

Капитанский патент был оплачен Барбарой, герцогиней Кливлендской.

В общем, в 1672 году 22-х летнему капитану Джону Черчиллю было чем гордиться – он оказался не только щедро награжденным, но и на виду у начальства – полк, в котором у него теперь была рота, подчинялся непосредственно герцогу Йоркскому.

Однако уже в следующем, 1673 году, он оставил свой столь завидный пост, и отправился воевать с голландцами добровольцем, и теперь уже не в полку морской пехоты, а в составе сугубо сухопутного отряда.

Почему он решил так сделать?

VIII

Для объяснения нам придется сделать изрядный экскурс в историю. За два поколения до описываемых событий, Джеймс, король Шотландии, стал первым королем и Англии, и Шотландии и положил начало династии Стюартов.

Он был человеком покладистым, и не без причины. У него не было денег.

Английская Корона была разорена еще Генрихом VIII. Король Джеймс I вынужден был полагаться не на доходы от собственных земельных владений – которых больше не было, а на торговые сборы и пошлины.

Содрать налог с купца куда сложнее, чем с землевладельца. Деньги мобильны, и их, в отличие от поместья, можно спрятать.

Пополнение казны путем конфискаций даже и не рассматривалось. У короля попросту не было вооруженных сил, готовых выполнить приказ такого рода. И даже для отдачи такого приказа надо было предварительно рехнуться, потому что Джеймс Стюарт, шотландский король, волею судьбы оказавшийся на английском троне, сидел на нем непрочны.

Он не хотел ссориться со своими новыми подданными, от которых зависел.

Король мало интересовался искусством, но понятие «...шекспировские страсти...» было ему знакомо, так сказать, из предметных уроков жизненного опыта – Шекспир был его современником, и рисовал героев своих драм с натуры.

Джеймс Стюарт очень хорошо помнил, что трон он унаследовал у Елизаветы I.

Казнившей его мать.

Так что первый английский король династии Стюартов имел все основания для стремления к любовному решению всех проблем, которые возникали между ним и его подданными.

Однако даже он отказал Парламенту в предложении: дать ему субсидии (в которых король отчаянно нуждался) в обмен на обещание, за себя и за своих потомков – устанавливать верхний размер налогов только с согласия подданных.

Король сказал, что «...готов дать такую клятву за себя – но он не может ограничить своих наследников в том, что является их Божественным Правом...», Божественным Правом Королей, не зависящих в своих решениях ни от кого, кроме Господа.

Его сын и наследник, король Карл I, в попытке защитить это право потерял трон и голову – Парламент победил его в гражданской войне, судил, и казнил. После сурового правления Оливера Кромвеля, Лорда-Протектора Англии, на престол был вновь призван король – Карл II, сын казненного Кромвелем короля Карла I.

Божественное Право королей существовало во всех государствах Европы, кроме немногих республик. Теоретически оно существовало и в Англии, но и король Карл II, и призвавший его Парламент очень хорошо помнили, что источником власти короля был уже не Господь – или не только Господь – но еще и Парламент.

Англичане повиновались своему монарху, но только под тем условием, что он не будет покушаться на их собственность, на их права, и на их религию.

Они настаивали на том, что наследником престола должен быть обязательно принц, принадлежащий к англиканской церкви.

В 1673 году Парламент принял резолюцию³, требовавшую от всех, кто занимал любой военный или административный государственный пост в Англии, принадлежности к англиканской церкви. Всякому офицеру или чиновнику следовало принести специальную клятву, подтверждающую это.

Джеймс, герцог Йоркский, младший брат и официальный наследник короля Карла II, принести эту клятву не захотел.

В результате он был автоматически смещен со всех своих государственных постов.

Король был вынужден посоветовать своему брату срочно уехать...

Так что решение Джона Черчилля перевестись в армию было в известной степени вынужденным – герцог Йоркский теперь флотом больше не командовал.

Черчилль терял покровителя.

³ Так называемый “Test Act”, 1673.

IX

В истории жизни Джона Черчилля (написанной тем сэром Уинстоном Черчиллем, который родился в 1874 году) его переходу в пехоту в 1673 посвящено ровно две строчки.

Сэр Уинстон отмечает, что *«...английский флот после битвы с голландцами не мог быть быстро переоснащен из-за недостатка фондов, а вот армия была активна, и горячий молодой человек не захотел оставаться в Англии, а присоединился к отряду добровольцев и отправился на поиски славы во Францию...»*.

Всего пара строк – а в издании этой книги, вышедшем в Чикаго в 2002 году, содержится больше 2 000 страниц, напечатанных довольно убористым шрифтом.

То есть сэр Уинстон ничего особенного в поступке Джона Черчилля не видит.

А между тем дело обстояло не так просто. У Джона Черчилля был и еще один выбор – ему было не обязательно идти на активную службу в армию, он мог оставаться с герцогом Йоркским. В конце концов, он был ему обязан очень многим – например, недавним повышением в ранге, сразу на два чина вверх.

Вроде бы сама собой напрашивается мысль – быть благодарным и не оставлять патрона в беде?

Но нет. Вместо этого делается хорошо рассчитанный ход – для всего света Джон Черчилль всего-навсего пылкий молодой офицер, желающий послужить Англии, и поэтому-то он и идет добровольцем туда, где дерутся.

Таким образом, связи с прежним покровителем, герцогом Йоркским, вовсе не обрываются. А между тем, Джон Черчилль отправляется во Францию, на войну, вовсе не командиром линейной роты пехоты.

Отнюдь нет – он оказывается одним из добровольцев-джентльменов, окружающих Джеймса Фитцроя, командира английского экспедиционного отряда, 1-го герцога Монмута, любимого старшего сына короля Карла Второго от его подруги Люси Уолтерс.

Герцог молод, хорош собой, популярен, и дружески расположен к Джону Черчиллю. В конце концов, Джеймс

Фитцрой тоже в свое время был любовником герцогини Кливлендской, теперешней подруги Черчилля.

Герцог с удовольствием принимает молодого капитана в круг своих приближенных. А Джон Черчилль приобретает еще одного покровителя.

Что важно – герцог протестант, и в качестве верного приверженца англиканской церкви очень популярен. Молодой капитан предусмотрителен. В стране свары, и иметь друзей по обе стороны политических баррикад может быть очень полезно.

Никогда не знаешь, чем обернется будущее.

Х

Будущее для Джона Черчилля в данном случае обернулось удачей. Английский отряд был встречен во Франции с большим почетом. В конце концов, им командовал любимый сын Карла II – друга, союзника, и даже в какой-то степени родственника короля Франции, Людовика XIV.

Соответственно, встречали англичан не столько как вспомогательную воинскую часть, сколько как гостей.

Отряд был отправлен в действующую армию, на осаду Маастрихта. Особых опасностей для знатных англичан их любезные хозяева не предвидели – крепость была обложена со всех сторон, помощи ожидать ей было неоткуда, а осадными работами руководил маршал Вобан, превративший фортификационное искусство своего времени в точную науку.

Когда последовательно приближающиеся к стенам крепости траншеи подводились к стенам вплотную, и пушки начинали бить по ней в упор, падение крепости было предreshено.

Ситуация признавалась безнадежной. Можно было сдаваться – воинская честь гарнизона в этом случае не страдала. Маастрихт, собственно, уже и приближался к такой неизбежной сдаче.

Но голландцы рассудили иначе. Обнаружив на линии осады города новую часть, 25 июня 1673 они устроили ночную вылазку.

Герцог Монмут оказался в самой гуще схватки. С ним было не больше десятка людей, одним из которых оказался капитан Джон Черчилль.

Англичан выручили королевские мушкетеры, подоспевшие к ним на помощь. В бою был убит их капитан, Шарль Ожье де Бац де Кастельмор, граф д'Артаньян, хорошо нам известный благодаря Александру Дюма.

Джону Черчиллю повезло больше – он был только легко ранен. Он получил благодарность на военном параде от самого короля Людовика XIV, написавшему о капитане Черчилле Карлу II, а по возвращению в Англию герцог Монмут представил капитана своему отцу со словами:

«Это человек спас мне жизнь...».

Король, собственно, прекрасно знал Джона Черчилля, и даже уже разговаривал с ним однажды – в ту памятную им ночь, когда он обнаружил его в спальне герцогини Кливлендской.

Ну, сейчас обстоятельства были совсем иные, да сам король был не злопамятен – так что он юного героя похвалил, и сказал, что не забудет и милостью своей не оставит...

И действительно – не забыл.

В 1674 Джон Черчилль получил повышение – сразу через чин – и стал полковником. Ему был дан сводный полк англичан, служивших во Франции, и с ним он отправился в поход против австрийцев, в составе французской армии под командой прославленного маршала Тюренна.

В окружении маршала он получил случай посмотреть поближе на то, как «...делается война...».

XI

Во Франции в царствование Людовика XIV к тому, как «...делается война ...», относились в высшей степени серьезно. Военный министр короля, Франсуа-Мишель Летелье, маркиз де Лувуа (фр. Francois-Michel Le Tellier, marquis de Louvois), известный просто как Лувуа, был чрезвычайно деятельным человеком, и занимался массой вопросов, вроде бы напрямую с военным ведомством не связанных.

Ну, например, он организовал специальный, так называемый «черный» кабинет, задачей которого была перлюстрация писем.

Поэтому совершенно естественно, что когда встал вопрос о замещении вакантной должности подполковника одного из английских полков, находящихся на французской службе, его мнение было запрошено.

Основными кандидатами были два молодых английских офицера, один из которых был в чине корнета, а второй – в чине полковника. Тут возникает законный вопрос – как вообще корнет мог претендовать на должность подполковника, и почему этой должностью думали заинтересовать человека, уже имевшего воинский ранг на ступень выше?

Однако – полк полку рознь. В данном случае имелся в виду так называемый Королевский Полк, полковником в котором числился герцог Монмут, сын короля Карла II, так что его прямой заместитель становился вторым человеком в английских экспедиционных силах во Франции – то есть номинально хоть и подполковником, но фигурой, пожалуй, в генеральских чинах.

Так что у корнета, претендовавшего на это место – но бывшего при этом сыном герцога Ормонда – были хорошие надежды на успех.

Вторым же кандидатом был полковник Джон Черчилль.

Маркиз Лувуа высказался решительно против него. Он был человек осведомленный, в частности, был полностью в курсе новостей, так сказать, неофициальных, упоминавшихся только в частной переписке – и детали биографии полковника Черчилля знал очень хорошо.

Поэтому в своем заключении он написал, что Джон Черчилль непригоден к столь ответственной должности, потому что его первым приоритетом является не военная служба, а преданность богатой и очень влиятельной даме, которая ему покровительствует и даже его содержит.

Интересно, что французский посол в Англии не согласился с министром, и сообщил королю Людовику, что считает Черчилля наиболее компетентным офицером из

всех, кто мог бы претендовать на должность заместителя герцога Монмута, и в подтверждение этого ссылался на мнение самого герцога.

Трудно сказать, что послужило тут решающим фактором, но должность подполковника в Королевском Полку в конце 1675 года была предложена именно Черчиллю.

Он от нее отказался.

ХП

Джон Черчилль вернулся в Лондон. Мы, собственно, уже успели несколько изучить этого молодого человека – он отличался тем, что действия свои рассчитывал очень дальновидно.

Что видно, например, на примере того, как он распорядился свалившимися ему на голову деньгами – подаренные ему 5 000 фунтов герцогиней Кливлендской в пересчете на сегодняшние деньги (мы пишем это в 2010 году) следовало бы умножить на 83⁴, что давало неплохую сумму в 415 тыс. фунтов, или побольше полумиллиона долларов.

В свои тогдашние 20 лет он, конечно, мог легко спустить все это – и надо полагать, большинство его сверстников так бы и сделали. Он, однако, с редким для юноши самоконтролем предпочел эти деньги вложить.

Сделай он это в виде простого банковского вклада, под 5 %-6 % – стандартную ставку того времени – он получил бы 300 тогдашних фунтов в год. Казалось бы – разумное решение? Особенно если вспомнить, что, случись с ним что-нибудь непредвиденное, свой вклад он мог бы завещать своим родным, а его отец, сэр Уинстон Черчилль, располагал всего лишь 160 фунтами в год?

Вместо этого Джон Черчилль свои деньги инвестировал в банковскую сделку – и получил 500 фунтов

⁴ Currency converter, value of pound converted from the time of 1670 A.D. to 2010 A.D. The coefficient is 83.05. For more details see: <http://www.nationalarchives.gov.uk/currency/results.asp#mid>
Сообщено автору И. Гириным, за что ему огромное спасибо.

в год, особо о батюшке и двух своих младших братьях не помышляя.

Из этого видно, что мыслил он дальновидно – но только с учетом чисто личных интересов.

Свои карьерные шаги он рассчитывал точно так же. И, по-видимому, он рассудил, что пребывание при дворе сулит ему больше, чем чисто военная карьера, и в 1675 году вернулся из Франции в Лондон.

Перспективы перед ним открывались радужные – герцог Йоркский пожаловал его в свои камергеры. Теперь ему следовало подыскать себе подходящую жену.

И вот тут начались серьезные трения между Джоном Черчиллем и сэром Уинстоном.

Отец самым терпеливым образом объяснял сыну, что жить на жалованье – дело ненадежное, что наследства ему, увы, ожидать не приходится, и что наиболее верным средством получить желанную независимость является хорошее приданое.

И он совершенно не понимал, почему Джон отказывается от брака с Кэтрин Сэдли – которая, может быть, и не так уж прекрасна, но зато умна, остроумна, повсюду принята, и является единственной наследницей значительного семейного состояния.

Короче говоря, он взывал к благоразумию.

XIII

Тем не менее, призыв отца к благоразумию никакого влияния на действия Джона Черчилля не оказал. Кэтрин Сэдли действительно была и богата, и мила, и остроумна – а к тому же она была признанной любовницей герцога Йоркского.

Как она сказала впоследствии, через много лет: *«...что герцог находил во мне – не представляю. Я не была красива, а если и была остроумна, то он понимать этого явно не мог...»*.

Отказ Джона Черчилля поухаживать за мисс Сэдли вовсе не был связан с тем, что он боялся оскорбить этим своего патрона – напротив, герцог Йоркский его брак с Кэтрин всячески приветствовал.

В 1674 году он отправил Арабеллу Черчилль, сестру Джона, «...на пенсию ...» – она ему, несмотря на наличие у них 4-х общих детей, уже надоела, и была выдана замуж за Чарльза Годфри. Дети получили фамилию Фитцджереймс (Fitz James, то есть – побочные дети Джеймса) и остались с отцом.

Мы о них еще услышим.

Так вот, к 1675 ему явно хотелось повторить этот же маневр – почетной «пенсии» для надоевшей подруги – и в отношении Кэтрин Сэдли.

Тем самым решались сразу две проблемы – Кэтрин получала в мужья молодого, красивого и перспективного офицера, который ей явно нравился, а Джон Черчилль получал богатую жену, с прибавкой в виде расположения герцога и еще большего приближения к его особе.

Предположение, что у Джона Черчилля могли быть на счет этой всем удобной сделки какие-то моральные колебания, по-видимому, надо отбросить.

В конце концов, очень многим в своей стремительной военной карьере он был обязан именно отношениям своей сестры с герцогом Йоркским – а теми небольшими деньгами, которыми он располагал, он был целиком обязан своей связи с любовницей короля.

Информация, на основе которой маркиз Лувуа делал свои умозаключения по поводу возможного назначения Джона Черчилля в Королевский Полк, была совершенно правильной и точной.

Тем не менее, молодой полковник Черчилль поступил и против явно высказанных рекомендаций своего отца, и против неявно высказанных пожеланий своего покровителя – и вообще, против всех и всяческих правил благоразумия, принятых в английском обществе того времени.

Он женился на бесприданнице.

XIV

Русский поэт Н.А. Заболоцкий задавал себе вопрос:

«...что есть красота И почему ее обожествляют люди?...»,

и никак не мог решить:

«...Сосуд она, в котором пустота, Или огонь, мерцающий в сосуде?...»

Ну, в случае Сары Дженкинс, избранницы Джона Черчилля, на этот счет никаких сомнений не возникало – огонь. Хотя он отнюдь не мерцал. Скорее уж – пылал, и очень ярко.

Собственно, и с сосудом все было в порядке – девушка была прехорошенькой.

Но по сравнению с ее острым умом и поистине вулканическим нравом все обычные атрибуты девичьей прелести как-то быстро теряли всякое значение.

Полковник Черчилль познакомился с ней в 1675 году, вернувшись в Лондон из Франции. Ему было тогда 25 лет, а ей – всего 15. Она была взята фрейлиной к новой герцогине Йоркской – первая жена герцога умерла, и он женился на совсем юной Марии, принцессе из правящего дома итальянского княжества Модена.

Однажды увидев Сару Дженкинс, молодой полковник потерял покой. На балах он танцевал только с ней, и весьма скоро был принужден выслушивать по этому поводу нотации сэра Уинстона.

У Дженкинсов не было ни гроша – как, впрочем, и у Черчиллей.

Поскольку оба семейства надеялись поправить дела, устроив своим детям выгодный брак, то реакция со стороны родителей и Джона и Сары была предсказуемой.

В итоге они поженились тайно.

Правда, обошлись без романтического похищения, побега и дальнейшего испрашивания родительского благословения, так сказать, *post factum*. Брак был заключен в 1677 году, и никакой свадьбы не было и в помине.

Молодую пару обвенчали в покоях герцогини Йоркской – она посчитала все это прелестной, поистине романтической историей, и покровительствовала влюбленным.

Все раскрылось, конечно, как только Сара забеременела.

Сэр Уинстон был в отчаянии, и полагал, что сын погубил свою жизнь. Родственники Сары держались того же

мнения, только с небольшой поправкой – они думали, что будущее их 17-летней дочери теперь уже никогда не будет таким блестящим, как оно могло бы быть при ее дарованиях.

И ход дел, в общем, подтверждал их правоту. Ну, например – новобрачным негде было жить. Сара не могла больше оставаться у герцогини Йоркской, а у ее мужа не было своего дома, и его отец просто ничем не мог ему помочь.

Однако в итоге все как-то устроилось.

Какие-то деньги, во всяком случае, нашлись – мы знаем это из книги сэра Уинстона Черчилля, того, которому предстояло родиться только в 1874 году, через 197 лет после описываемых событий. Об источнике их он умалчивает. По всей вероятности, молодоженов выручил герцог Йоркский.

В конце концов – он считал Джона Черчилля одним из своих людей.

XV

Карл II, третий государь Англии из династии Стюартов, производил впечатление славного, но предельно легкомысленного человека. Точное количество его любовниц, по всей вероятности, не было известно даже ему самому.

Молодые придворные, составлявшие круг его друзей, называли короля «...старина Роули...», по имени лучшего жеребца королевской конюшни, и прозвище это, о котором король знал, так ему нравилось, что однажды он и им и представился: когда он постучал как-то поздним вечером к одной из фрейлин своей супруги, и она было всполошилась, король успокоил ее, прошептав:

«Не пугайтесь, мадам. Это я, старина Роули...».

Помимо напряженной личной жизни, у монарха были и политические заботы, в частности – внешнеполитические. Что именно он считал «...совпадающим с национальными интересами Англии...» – вопрос открытый.

Главной заботой Карла II, помимо погони за юбками, была погоня за деньгами, и вовсе не из алчности – король был щедр к друзьям и совершенно не жаден.

Просто у него было очень плохо с доходами.

Безденежье короля вошло в поговорку. Корона систематически не платила поставщикам, и даже жалование, полагающееся придворным чинам и военным, выдавалось с большими задержками.

Поэтому «...*направление внешней политики короля...*» существеннейшим образом зависело от размеров финансирования этого направления.

Скажем, тайные субсидии, выплачиваемые ему королем Франции, вели к тому, что Англия объявляла войну Голландии, выдвигала против нее флот (на борту флагманского корабля которого сражался юный корнет Джон Черчилль), и посылала во Францию вспомогательные войска – например, для осады Маастрихта (в которой отличился юный капитан, все тот же Джон Черчилль).

Но субсидии были совершенно недостаточны для содержания армии и флота в военное время, а Парламент так прижимал своего государя с деньгами, что их уже не хватало и на личную жизнь, не говоря уж и о содержании двора – и тогда Карл Второй прозревал, и видел «...*полную нежелательность войны протестантской Англии с протестантской Голландией...*» – и в обмен на субсидии Парламента предпринимал в отношении Голландии примирительные шаги.

Например, в 1677 году – в том самом, в котором 27-летний полковник Джон Черчилль женился на бедной девице без всякого приданого, Саре Дженнингс – король выдал замуж свою племянницу Марию, дочь своего брата Джеймса, герцога Йоркского, за штатгальтера Голландии, Вильгельма Оранского.

Брак этот во Франции расценили как «...*проигранное сражение...*» – тем более что в 1678 между Англией и Голландией начались переговоры о военной конвенции.

Детали соглашения должен был уладить на месте направленный в Голландию посол короля, Сидней Годолфин, а в помощь ему направлялся толковый и детально знакомый с предметом военный.

На эту роль по ряду причин был выбран близкий приятель Годолфина, 28-летний Джон Черчилль.

XVI

Поручение было важнейшим – в сущности, речь шла о прелиминарных переговорах, которые должны было окончить идущую с 1672 франко-голландскую войну. Переход Англии на сторону антифранцузской коалиции решил вопрос – Людовик XIV предпочел остановиться.

Годолфин был одним из фаворитов Карла II, и фаворитом довольно необычным. Он не был честлюбов, никуда не рвался, высоких постов не добивался, денег у короля никогда не выпрашивал, и к любимым развлечениям государя – вроде гульбы и хмельных красавиц – был довольно равнодушен.

Король не делил с ним веселье – но очень уважал за ясный трезвый разум, за бескорыстность, и за безусловную лояльность. Поэтому трудное дело – провести все нужные переговоры в Голландии и в Испанских Нидерландах (как называлась тогда современная Бельгия), не испортив при этом отношений с Францией – он поручил именно ему.

Но в военных вопросах Годолфин не был компетентен, и попросил короля назначить ему в помощь Джона Черчилля. Черчилль был моложе Годолфина на 5 лет, они были знакомы чуть ли не с детства – но сблизились относительно недавно.

Дополнительным плюсом было то, что Черчилль был человеком из близкого окружения Джеймса, герцога Йоркского.

Тем самым как бы подчеркивалась серьезность и преемственность намерений Англии – герцог считался престолонаследником.

Со своим дипломатическим поручением Джон Черчилль справился блестяще. Он каким-то непостижимым образом умудрился понравиться решительно всем, и в Брюсселе, и в Гааге.

Черчилль был очень вежлив, приветлив, очень толков, охотно отвечал на вопросы, связанные с его непосредственным участием в войне, в которой он сражался на стороне Франции, не менее охотно говорил о будущем сотрудничестве Англии и Голландии – и при этом создавал полное впечатление и искренности, и откровенности, и

полной своей личной лояльности по отношению к этому военному союзу.

Так сказать – образцовый молодой воин, верный приказу и чуждый интригам...

К тому же он превосходно разбирался во всех специальных вопросах снабжения и снаряжения английских войск, которые предполагалось в случае чего направить в Голландию.

Вильгельм Оранский беседовал с ним часами. Они были ровесники, оба – профессиональные военные – и им было что обсудить за развернутой картой Фландрии...

Его достижения были отмечены и дома – Карл II произвел его в бригадные генералы, с правом набирать рекрутов. Он должен был сформировать сводную англо-голландскую часть из нескольких батальонов.

В общем – дела Джона Черчилля в новой для него сфере внешнеполитических дел шли очень хорошо. До тех пор, пока в делах внутривосточных не грянула буря.

В создании которой совершенно нечаянно поучаствовал и он сам.

XVII

Эта история могла бы послужить превосходной канвой для какого-нибудь так никогда и не написанного романа А. Дюма.

Когда молодой и красивый офицер женится на юной девушке – что должна чувствовать оставленная им любовница, которая старше его новой супруги на добрых 20 лет?

А если она в придачу к этому наделена буйным темпераментом, и являлась не так уж давно «...неофициальной супругой короля...»?

В полном соответствии с жанром герцогиня Кливлендская, получив известия о браке Джона Черчилля, устроила ему сцену, и кинулась к королю.

В ходе оживленной беседы с Его Величеством, в которой герцогиня нажимала на слово «...супруга...», а Его Величество – на прилагательные «...неофициальная...» и «...бывшая...» – выяснилось, что герцогине лучше всего «...развешаться за границей...».

Так она и сделала, и уехала в Париж.

Темперамент ее, однако, так при ней и остался. И он обрушивался, случалось, на самые неподходящие объекты, и одним из неподходящих объектов оказался Монтегю, английский посол во Франции.

Как любовник, он оказался непостоянен, и перенес свое внимание с самой герцогини на ее старшую дочь, Анну. В 1678 ей было уже 17 лет.

Барбара была вне себя. Она отказала Монтегю от дома и нажаловалась на него королю. На этот раз Карл внял ее просьбам – он отозвал своего посла из Парижа домой и сместил его с должности.

И вот тут к небольшому водевилю примешалась большая политика.

Людовик XIV, пытаясь захватить Испанские Нидерланды, с 1672 года вел войну против коалиции, состоявшей из Голландии, Испании и Австрии. Душой коалиции была Голландия – она сражалась за само свое существование. Мир для Франции был выгодным, но перемена фронта Англией лишила короля Франции надежд на полную победу. А выход Англии из войны был организован тогдашним первым министром Карла II, лордом Дэнби.

Людовик XIV не смог сокрушить Голландию. Но отомстить лорду Дэнби он мог.

Бывший английский посол в Париже, Монтегю, получил в свое распоряжение документы, связанные с тайными субсидиями, выплаченными Францией.

Под расписками о получении денег стояла подпись лорда Дэнби.

XVIII

Их обнаружение произвело эффект ковша масла, вылитого на горящий костер. В Англии уже шло полным ходом парламентское расследование так называемого «папистского заговора». Суть его состояла в том, что некто Титус Отс, лишенный сана священника англиканской церкви, по неясным причинам отправился на континент и, выдав себя за католика, некоторое время провел в иезуитских коллегиях.

И вот, вернувшись, он объявил, что иезуиты задумали убить короля Карла II, устроить в Лондоне что-то вроде Варфоломеевской Ночи – и даже почему-то поджечь суда, стоящие на Темзе.

Вообще говоря, согласно стандартной схеме описания политической коллизии в учебнике, король-тиран преследует своих подданных – а честные трибуны, избранные народом, пытаются ему помешать и по мере сил спасают тех, кого только могут...

«Папистский заговор» к 1678 году развивался в прямо противоположном направлении – Парламент выискивал «иезуитов», любой католик Англии считался «подозреваемым», людей по оговорам сажали в тюрьму, а король из всех сил старался приглушить всю эту «...охоту на ведьм...» – в тех пределах, в которых он мог хоть что-то сделать.

И вот тут-то Монтегю предъявил документальные доказательства – оказывается, пламенный протестант, лорд Дэнби, пользовавшийся полным доверием Парламента, брал очень и очень значительные суммы во Франции...

Крик «*Измена!*» грянул с такой силой, что король уже ни за что ручаться не мог даже в отношении своего собственного брата, герцога Йоркского, потому что в случае успеха «заговора иезуитов» и устранения Карла II королем становился именно он. А Джеймс, герцог Йоркский, очень симпатизировал католикам, был женат на католичке, и сам подозревался в том, что он – тайный католик.

Считалось, что необходимо обеспечить протестантское наследование престола – и претендент нашелся немедленно. Это был Джеймс Фицрой, герцог Монмут – он говорил всем и каждому, что Карл был тайно женат на его матери – и, следовательно, законным наследником престола является он, сын правящего монарха, а не Джеймс, герцог Йоркский, всего лишь младший брат короля...

Герцог Монмут был популярен, герцог Йоркский – непопулярен, и политический кризис принял настолько острую форму, что король попросил своего брата немедленно уехать на континент.

В итоге герцог оказался в Брюсселе, куда он и начал собирать свой двор. Туда же, в Брюссель, перебралась его младшая дочь, принцесса Анна. Одной из ее фрейлин была Сара Черчилль.

Деньги из Англии в Брюссель поступали очень нерегулярно. Герцог Йоркский жил в полной неустроенности – например, у него не было больше ездовых лошадей и кареты. Он находил это совершенно невыносимым.

Находясь в столь стесненных обстоятельствах, он решил прибегнуть к помощи наиболее толковых людей из своего окружения.

Герцог срочно вызвал к себе Джона Черчилля.

XIX

План действий, для которого герцогу понадобился способный дипломат, настолько невероятен, что поистине заслуживает основательного обсуждения. Джеймс, герцог Йоркский, буквально изгнанный из своей страны из-за скандала, вызванного «утечкой» сведений о французских субсидиях, решил попросить возобновления этих самых субсидий – но теперь уже не королю Карлу II, а ему лично.

Он не мог не знать, что французские выплаты были прекращены из-за того, что Англия в франко-голландском конфликте переменила фронт. Но при этом – не нашел ничего лучшего, чем послать в Париж Черчилля, того самого человека, который месяц назад договаривался с голландцами об антифранцузской военной конвенции.

В силу каких-то непостижимых причин он не нашел, что делать это все-таки неудобно.

Может быть, еще занимательнее то, что Джон Черчилль от поручения не уклонился. Он действительно поехал в Париж, встретился с королем Людовиком, и провел с ним пару часов в беседе, которую он сумел сделать приятной.

Свежеиспеченный бригадир Черчилль – получивший этот чин с целью формирования англо-голландской части, предназначенной для возможной войны против Франции – с удовольствием отвечал на вопросы короля, и даже поделился со своим коронованным собеседником чувством

«...живейшей радости по поводу того, что вновь имеет счастье лицезреть Его Величество...».

Вольтер в своей «Истории короля Карла XII» мимоходом бросает замечание, что Джон Черчилль говорил на *«...невозможно плохом французском языке...»* – но, по-видимому, у короля Людовика XIV такого впечатления не возникло.

В просьбе о субсидиях герцогу Йоркскому он, правда, Черчиллю отказал – но лично к нему отнесся настолько хорошо, что приказал оплатить ему все его дорожные издержки за счет французской казны. Издержки были оценены по-королевски щедро, в 300 фунтов стерлингов – примерно в два годовых дохода отца Джона, сэра Уинстона.

Чем Джон Черчилль так расположил к себе короля Людовика? Разумеется, не комплиментами в его адрес – Его Величество выслушивал дифирамбы на ежедневной (если не на ежечасной) основе.

По-видимому, дело было в редком даре, обнаружившемся у Джона Черчилля – его выражения, в принципе вполне стандартные для любого придворного, несли на себе отпечаток *«...истинной чистоты сердца...»*, и даже свои недостатки – например, не слишком совершенный французский – Черчилль обращал в достоинства.

В конце концов – если честный, бесхитростный солдат, лично отмеченный великим государем Франции за доблесть, проявленную им на французской службе, говорит королю, что *«...не может забыть тот парад, на котором он имел счастье быть отмеченным королевским вниманием...»* – и говорит все это с акцентом и ломая грамматику – разве это не признак его полной искренности? Впрочем, это могло быть и признаком большой проницательности.

И холодного, расчетливого ума.

XX

Проблему того, каким образом герцог Йоркский будет содержать свой двор и самого себя, решил не король Франции, Людовик XIV, а король Англии, Карл II.

Кризис в стране несколько поутих, в обвинениях Титуса Отса против иезуитов обнаружились противоречия, вопрос о протестантском наследнике король снял, сделав публичное заявление, что он никогда не был женат ни на ком, кроме своей законной супруги.

Так что герцог Монмут как возможный наследник отпал – незаконнорожденные прав наследования не имели.

В итоге герцогу Йоркскому было разрешено вернуться, и даже прибыть в Лондон – но с тем непременным условием, что он немедленно отправится в Шотландию, в Эдинбург, в качестве наместника. В числе его приближенных за ним последовал и Джон Черчилль, произведенный герцогом в чин “Master Of Wardrobe”, или «Заведующий Гардеробом».

Надо иметь в виду, что придворные чины своим истинным значением отличаются от того, что на них, так сказать, написано.

Скажем, «конюший» – это вовсе не «заведующий конюшней», и уж тем более – не «конюх». «Канцлер» и «канцелярист» сильно отличаются друг от друга – примерно так, как в современной нам жизни «Генеральный Секретарь» отличается от просто «секретаря».

Должность “Master Of Wardrobe” означала, что лицо, назначенное на нее, имеет личный и практически неограниченный доступ к особе государя, который произвел данное назначение.

Назначение было лестным.

Однако имело и серьезные минусы – обладатель этого высокого поста просто в силу должностных обязанностей должен был состоять при своем патроне, и Джон Черчилль так и сделал – теперь он жил в Эдинбурге.

А его жена, Сара Черчилль, опять-таки в силу должностных обязанностей фрейлины дочери герцога, Анны, должна была жить в Лондоне – на Анну почетное изгнание ее отца не распространялось, и она оставалась при королевском дворе.

Так что Джон и Сара виделись не часто.

Сэр Уинстон Черчилль – тот, что родился в 1874 году – однажды заметил, что во времена его предка, сэра

Уинстона Черчилля, который родился в 1620 – Шотландия была так же удалена от Лондона, как в XX веке была удалена от Англии Канада.

Если мерить удаленность не расстоянием, а временем путешествия – сэр Уинстон был совершенно прав.

Летом 1680 года Джон был отправлен своим патроном в Лондон – герцог доверил ему проведение весьма конфиденциальных переговоров со своим братом, королем Карлом. Герцогу Йоркскому все-таки хотелось домой, в Англию.

Что интересно и примечательно – Джон Черчилль, которого король давно не видел, произвел на него столь благоприятное впечатление, что он подумывал о назначении его послом – или во Францию, или в Голландию.

Он даже упомянул об этом – в качестве гипотетической возможности – в письмах, написанных и Вильгельму Оранскому, и Людовику XIV.

Он получил ответы, прямо-таки полные энтузиазма – они оба написали Карлу, что были бы рады приветствовать Черчилля в качестве *«...посла и представителя дружественной Англии...»*.

Ни Вильгельм Оранский, ни Людовик XIV в *«...дружественности Черчилля...»* не сомневались – для враждующих государей случай поистине уникальный.

Назначение, однако, сорвалось – герцог Йоркский заявил брату, что добровольно он с Черчиллем не расстанется.

Чтобы как-то вознаградить любимца, герцог выхлопотал ему в 1682 титул шотландского пэра – теперь Джон именовался лордом Черчиллем, бароном Аймоунтским (Lord Churchill of Eyemouth, in the Scottish peerage).

Но оставил в Эдинбурге, при себе.

Такое подвешенное существование герцога Йоркского – и семьи Черчиллей, связанных с ним столь тесно – длилось долго.

Пока в Эдинбург не пришли вести о том, что король Карл II опасно болен.

XXI

Срочно примчавшийся в Лондон герцог Йоркский ожидал самого плохого – он опасался, что его брат умирает. Король, однако, поправился, а герцогу уезжать обратно в Шотландию не пришлось – в 1683 сперва возник, а потом был раскрыт заговор, почти зеркально повторявший историю с «заговором иезуитов». С некоторой разницей – на этот раз замысел принадлежал не католикам, выдуманым Титусом Отсом, а самым настоящим протестантам. Короля и герцога Йоркского планировалось убить, а заменить их должен был герцог Монмут.

Англичане – странный народ. При всем том, что Парламент был расколот точно так же, как и общество в целом, и в стране шла как бы новая гражданская война, только что велась она не оружием, а памфлетами и яростными речами политиков – существовала и здоровая, в меру консервативная середина.

Джеймса, герцога Йоркского, предполагаемого католика, не любили – протестанты составляли в Англии значительное большинство. Джеймса, герцога Монмута, воспитанного как протестант, любили – но сама по себе идея нарушения законного порядка престолонаследия посредством переворота огромному большинству показалась дикой.

Монмуту пришлось срочно уехать, а Карл II и его брат, герцог Йоркский, вдруг оказались на гребне истинной волны симпатии и сочувствия.

Теперь герцог мог вполне спокойно оставаться в Лондоне. Естественно – вместе со своим окружением. в которое входил, конечно, и Джон Черчилль. Король тоже включил его в число приближенных. Черчилль был одним из тех, с кем король играл в теннис, и именно Черчилля он отрядил в Данию, на переговоры о браке принцессы Анны с датским принцем, братом короля Дании.

Свадьба состоялась в Англии, в 1683, и молодой паре была выделена резиденция под названием Кокпит, входившая в дворцовый комплекс Уайт-холла.

Поселились своим домом и Черчилли – у них наконец появились некоторые средства, и на месте старого

дома в усадьбе, принадлежавшей разоренному семейству Сары они выстроили новый дом для себя и для своих детей, нынешних и будущих.

Отношение короля Карла к Джону Черчиллю была самым положительным. Он считал его хорошим дипломатом, неплохим военным, приятным собеседником – но государственных талантов в нём абсолютно не находил.

Годолфин неоднократно рекомендовал королю своего друга Черчилля. Но тот, вообще-то очень уважая суждения Годолфина, от рекомендаций его в данном случае отмахивался. А на предложение дать Черчиллю должность Государственного Секретаря ответил так:

«У меня уже есть один бездельник на такой же должности...».

А в 1685 Карл II внезапно умер.

XXII

В 1922 году в Англии вышла книга Рафаэля Сабатини, «Одиссея капитана Блада». Она имела шумный успех, неоднократно переиздавалась, а к началу 1960 годов добралась и до СССР – ее наконец перевели на русский.

Это был приключенческий роман, и начинался он так: в Бриджуотере, тихом городе в Сомерсете, на западе Англии, происходит бурный переполох – туда двигается отважный герцог Монмут, претендент на престол, готовый сразиться с армией короля Якова под командованием лорда Фэвершема, а на помощь ему собираются граждане города, все как один – добрые протестанты, готовые постоять за правое дело.

В центре романа стоит городской доктор, Питер Блад, который восстанию никак не сочувствует, хотя бы потому, что он ирландец и католик. К тому же его поносило по миру, он успел повоевать в Европе – сперва в рядах французской армии, а потом – в качестве офицера голландского флота, под командой самого Де Ритёра, война ему надоела, и теперь он в бой совсем не рвется.

Однако 6 июля 1685 происходит битва при Седжмуре, возле Бриджуотера. в которой повстанцы терпят полное поражение, а доктор, совершенно неожиданно для

себя, оказывается замешанным в восстание: он оказывает помощь одному из раненых в сражении, и в результате попадает в тюрьму как пособник.

Верховный судья, Джеффрис, приговаривает его за это к смертной казни, но король подписывает помилование, по которому участники восстания Монмута – те, кого еще не казнили – вместо виселицы отправляются в колонии, в рабство.

Ну, дальше начинаются невероятные приключения доктора Питера Блада в далеких колониях Англии в Вест-Индии, но нас они сейчас особо не интересуют.

Мы с вами, в отличие от советских подростков 1960 годов, знаем, кто такой герцог Монмут. Мы уже понимаем, почему королевский манифест утверждал, что *«...любой законнорожденный бедняк в Англии имеет больше прав на престол, чем герцог Монмут...»* – с биографией герцога мы в общих чертах знакомы.

Король, почему-то именуемый Яковом – это наш старый знакомый, Джеймс, бывший герцог Йоркский, унаследовавший трон в феврале 1685 года, и ставший теперь королем Джеймсом Вторым, что на континенте Европы произносилось как Иаков II, или, в русской транскрипции – король Яков II. Лорд Февершем, назначенный королем командовать его армией – это его приближенный, француз, по имени Луис де Дюрас, пожалованный королем титулом графа Февершема.

Все вышесказанное вполне соответствует исторической истине. Но кое-чего в книге Р. Сабатини нет.

Авангардом королевской армии в сражении при Седжмуре командовал Джон Черчилль.

XXIII

С командованием королевской армии, действовавшей против повстанцев, дело вообще обстояло запутанно. Номинально ее командующим был Генри Фицрой, сын короля Карла II. Его дядя, Джеймс, бывший герцог Йоркский, вступая на престол в качестве короля Джеймса II, пожаловал племяннику должность лорда-

констебля, что означало, что всеми войсками Англии командует именно он, лорд Генри.

Таким образом, один из незаконных сыновей покойного короля Карла командовал армией, идущей против повстанцев, которыми командовал его сводный брат, герцог Монмут. А поскольку матерью Генри Фицроя была Барбара, герцогиня Кливлендская, которая была матерью и 16-летней Барбары Фицрой – бывшей, по всей вероятности, дочерью Джона Черчилля – то командующий армией в известной мере доводился родственником и командиру своего авангарда.

Но дело не исчерпывалось даже и такими запутанными семейными отношениями – лорд Генри, конечно, был и герцогом, и как бы коннетаблем, и даже кавалером самого высокого английского ордена – Ордена Подвязки, который носили в основном члены семьи царствующего монарха – но было ему всего 22 года, и никакого опыта командования он не имел.

Так что фактическое руководство армией было доверено лорду Февершему – который, однако, по-английски говорил с большим трудом, предпочитая ему родной французский.

Дело было в том, что лорд был французским гугенотом, нашедшим себе в Англии новый дом и новое отечество. Король Джеймс посчитал, что он может положиться на его верность, и граф Февершем не подвел своего монарха – мятежники были разбиты в пух и прах.

Дальше, однако, граф Февершем стал столь же решительно карать пособников мятежа – пленных, захваченных с оружием в руках, начали вешать без суда, что, в общем, не одобрил даже король, милосердием не отличавшийся.

Как только улеглась неизбежная суматоха, мятежников передали в руки королевского правосудия, которое предполагало суд, и не просто суд, а суд присяжных.

Суд, положим, выносил главным образом тот самый приговор, который лорд Февершем уже как бы предвосхитил – но некие приличия были все-таки

соблюдены. Более того – по зрелому размышлению Джеймс II решил проявить милосердие, и заменил казнь на 10-летнюю ссылку в колонии, на каторжные работы.

Автор «Одиссеи капитана Блада», Р. Сабатини, приписывает это королевской жадности – за каждого сосланного покупавшие его плантаторы платили казне определенную сумму.

Но, скорее всего, он ошибается – сосланных было чуть больше тысячи, кое-кто умер по дороге – а платили за них по 10-15 фунтов. Так что общая выручка вряд ли превышала 10 тысяч фунтов стерлингов. Немного. Один лишь штраф, который король взыскал с лорда Грея, превышал эту сумму вчетверо. Уж не говоря о том, что ссыльных – и плату за них – подарили придворным.

Королева, например, получила деньги за сотню.

XXIV

После роковой битвы при Седжмуре, где повстанцы были разбиты королевской армией, герцог Монмут попал в плен. В тюрьме он молил о встрече с дядей, королем Джеймсом – надеялся вымолить прощение. Король не отказал ему во встрече, поговорил с племянником, любимым сыном его брата, короля Карла II – и приказал его казнить.

Герцогу отрубили голову.

С другой стороны, лорд Грей, фактический руководитель восстания, был приговорен к огромному штрафу в 40 тысяч фунтов стерлингов – но, в общем, прощен.

Король Джеймс, в отличие от своего брата и предшественника, Карла II, не был ни добрым и снисходительным человеком, ни искусным политиком. Но даже у него хватило ума не казнить одного из лидеров влиятельной партии вигов.

Об этом есть смысл поговорить подробнее. Профессор Джон Моррилл, чье эссе о династии Стюартов вошло в «Оксфордскую Историю Британии», утверждает, что виги были первой политической партией, созданной в Англии.

Название партии – Whigs (initially – “whiggamore”) было сокращением весьма презрительного слова,

означающего по-русски «погонщики скота», или просто – «скотогоны». Опирались они на протестантов, не желавших ни при каких обстоятельствах видеть на троне католика. Виги были готовы вполне терпимо относиться к любым протестантским учениям, и не настаивали на религиозной монополии англиканской церкви. Кроме того, они стояли за ограничение прав монархии вообще.

Поддержку они находили во всех слоях того, что можно было бы назвать «...политическим классом...» Англии, и поддержку эту они усердно культивировали. Всеми средствами – и политическими действиями в Парламенте, и организацией собраний и демонстраций на местах, и широкой агитацией, в том числе и в печати.

Их оппоненты находили, что виги заходят слишком далеко, что их программа слишком похожа на идеи «республиканцев» времен Кромвеля, что политическая борьба «без арбитра» – вещь слишком рискованная, и что арбитром так или иначе является король.

В известном смысле, они верили в «...божественное право королей...», но это право в их представлении было триединым, и включало в себя не только королевские prerogatives, но и полное господство англиканской церкви, и незыблемое право местных общин на самоуправление.

Следуя примеру вигов, они тоже начали организовывать политические кампании в Парламенте и в печати, и вскоре приобрели и название – партия тори. Слово это – Tories – представляло собой переделку ирландского словечка, означавшего «грабитель».

Сейчас партию вигов окрестили бы радикалами, а партию тори – консерваторами.

Мятеж Монмута, в сущности, можно представить себе как вооруженное выступление крайних радикалов. Его подавление было не столько как победой короля Джеймса, сколько победой вставшей на сторону короля партии консерваторов.

К сожалению, сам король думал совсем иначе.

XXV

Король Джеймс имел для своего оптимизма хорошие основания. Уж сколько опасений вызывала перспектива

того, что в протестантской Англии воцарится явный католик – но в феврале 1685 года все прошло без сучка и задоринки. На стороне короля были и закон, и традиция, и верная ему армия, и совершенно лояльный Парламент.

Государи европейских держав искали его расположения. Когда он отправил ко двору Людовика XIV посла с просьбой о срочной субсидии (поехал с этим поручением, разумеется, Джон Черчилль, пожалованный уже не только шотландским, но и английским баронским титулом) ему и делать ничего не пришлось. Французский король предвосхитил просьбу Джеймса II, и отправил ему полмиллиона ливров золотом – как аванс. Вслед за которым должны были последовать еще два миллиона – Людовик XIV очень хотел бы вернуть Англию в свою орбиту.

Так что Черчилль просто рассыпался в благодарностях и вернулся в Лондон, к своему патрону и повелителю.

А когда летом 1685 года Монмут высадился в Англии – к нему мало кто примкнул, страна осталась лояльной к своему королю, а штатгальтер Голландии, Вильгельм Оранский, направил Джеймсу специальное послание, в котором очень убедительно доказывал, что он не только ничем не помог герцогу Монмуту, но и всчески его отговаривал от его безумного предприятия, и, чтобы отвлечь герцога от богопротивных намерений, предлагал помочь ему получить важный военный пост на службе у императора Австрии.

Штатгальтер также выражал новому королю Англии свои сердечные чувства родственной привязанности. Вильгельм Оранский доводился королю Джеймсу дважды родственником – он был его племянником, сыном его сестры, а уж заодно и зятем – мужем старшей дочери короля, принцессы Мэри.

Джеймс II имел все основания для того, чтобы чувствовать – его правление идет и будет идти в мире и спокойствии.

Как говорится, «...прилив поднимает все корабли, от самых больших и до самых маленьких...», и бедный деньгами, но богатый детьми сэр Уинстон Черчилль

чувствовал то же спокойное удовлетворение, что и король Джеймс.

Старшая дочь сэра Уинстона, Арабелла, теперь была вполне respectable дамой. Ее брак с Чарльзом Годфри оказался удачным, и она родила своему мужу трех детей, на этот раз – совершенно законных.

Что касается ее незаконных детей, прижитых с герцогом Йоркским, а ныне – королем Джеймсом – то они процветали, как и подобает детям короля.

Джеймс Фитцджеймс, родившийся в 1670 году, воспитывался в католических колледжах во Франции, в 16 лет поступил в армию к Карлу Лотарингскому, отправился на войну с турками и участвовал в осаде Буды и битве при Мохаче.

В 1687 году получил от отца титулы герцога Бервика, графа Тинмаута и барона Босворта. А уж заодно – пост губернатора Портсмута и Орден Подвязки.

Так что сэр Уинстон Черчилль оказался дедом герцога и родственником короля – хотя и по боковой линии.

Что же касается законных детей сэра Уинстона, то старший сын, Джон, радовал отцовское сердце. Он не только занимал высокое положение и при дворе, и в армии, но и помогал в карьерном продвижении младшим братьям. Один из них пошел по его стопам, в армию, другой стал офицером в королевском военно-морском флоте. Их будущее было обеспечено.

Что касается самого Джона, то он к 1688 году достиг зрелого возраста 38 лет, считался лучшим генералом английской армии, получил два баронских титула, был приближен к особе короля, при дворе которого он, собственно, и вырос – и явно находился на пути к еще большим успехам.

В марте 1688 года сэр Уинстон Черчилль умер.

А 15 ноября 1688 года в Англии вспыхнул мятеж, и одним из первых к нему присоединился барон Аймоунт (по спискам потомственных пэров Шотландии), барон Сендридж (по спискам потомственных пэров Англии), а по занимаемой должности – генерал-лейтенант королевской армии.

Джон Черчилль.

XXVI

Как хорошо известно, *«...мятеж не может кончиться удачей – в противном случае его зовут иначе...»*. Не стал исключением из этого правила и мятеж, случившийся в Англии в ноябре 1688 года – он удался, и вошел в историю страны под названием «Славной Революции».

Джеймс II был хорошим военным – твердым, волевым и непреклонным – что при нехватке ума и его какой-то невероятной политической слепоте только усугубило его ошибки.

Король уже совершенно открыто принадлежал к католической церкви – но в его втором браке у него не было детей, а две его дочери от первого брака, принцессы Мэри и Анна, были по желанию короля Карла II воспитаны как протестантки. Так что престолонаследие выглядело гарантированно протестантским, и с католицизмом самого короля все-таки мирились.

В мае 1686 Джеймс потребовал от английских судов признания его права отменять постановления Парламента. Из 12 судей, запрошенных по этому вопросу, 11 согласились вынести благоприятное для короля решение. Двенадцатый судья, не согласившийся с заключением большинства, был смещен с должности.

Смещен был и заместитель главного юриста Короны (Solicitor General), по фамилии Финч, который указал королю на незаконность его действий.

В 1687 король Джеймс провозгласил политику религиозной терпимости, позволяющую католикам и протестантам, не принадлежавшим к англиканской церкви, занимать государственные должности. По теперешним временам это звучит как нечто само собой разумеющееся – но в Англии того времени произвело впечатление попытки государственного переворота.

Католицизм ассоциировался с папой Римским и с абсолютистским правлением, принятым во Франции – и то, и другое било по самым основам того, на чем стояла партия тори.

Виги же и без того были настроены против короля – они его не без оснований подозревали в попытке вооруженного подавления Парламента. Джеймс увеличивал армию, и наполнял ее офицерами-католиками.

В апреле 1687 года он поссорился с Колледжем Магдалены (Оксфорд), потребовав назначить его президентом человека, чью кандидатуру выдвинул он сам, а когда члены совета с этим не согласились, он заменил их католиками.

В довершение всего, он сцепился с англиканской церковью, сместив несколько епископов, в том числе – епископа Лондона.

Король даже сделал попытку сформировать третью партию в Парламенте, так называемую «партию короля». Он твердо надеялся на успех – во-первых, у него была лояльная армия, числом в 34 тысячи человек, во-вторых, он чувствовал, что дело его благословлено свыше: в июне 1688 года у него наконец-то родился сын, здоровый мальчик, которому по существующему законодательству должен был (минуя его старших сестер) перейти престол.

Судьба, однако, решила иначе.

Именно перспектива продолжения «...католического правления...» и стала последней каплей в уже и без того переполненной чаше терпения Англии.

XXVII

Когда летом 1685 года, после высадки герцога Монмута в Англии, штатгальтер Голландии, Вильгельм Оранский, уверял короля Джеймса в том, что он ничем не помог герцогу – он говорил правду. Но не всю правду. Потому что он мог бы и помешать ему – Монмут отплыл именно из Голландии, и остановить три его маленьких корабля особого труда бы не составило.

Однако штатгальтер был человеком умным и осторожным. Помогать заговору Монмута было делом рискованным – в случае провала серьезный конфликт с Англией был бы гарантирован, а шансы герцога на успех он расценивал невысоко.

Помешать заговору было делом нетрудным, но бесприбыльным. Зачем делать работу, за выполнение

которой король Джеймс особо благодарен не будет, и которую легко делает и он сам?

Однако существовал и третий вариант – невмешательство. Если заговор провалится, то фокус интереса английских вигов, ищущих «протестантского наследника», сместится с герцога Монмута на дочь короля Джеймса, принцессу Марию – которая, по счастливому стечению обстоятельств, является любящей супругой самого штатгальтера.

А уж если герцог Монмут свернет себе шею в своем рискованном предприятии, то она и вовсе останется единственным кандидатом партии вигов.

Вильгельм Оранский выбрал третий вариант – невмешательство. Монмут действительно погиб. А сделанные им промахи послужили штатгальтеру полезным материалом для анализа причин неудачи. Помимо очевидной политической ошибки в оценке ситуации – страна явно не была готова к восстанию против законной власти – имелись и чисто технические недоработки.

Ну, например, высадка была сделана с недостаточными силами, в надежде, что людей удастся собрать на месте.

Надежда эта, возможно, и материализовалась бы – но верный королю Джеймсу II Джон Черчилль подоспел с кавалерией к месту высадки, и не дал восставшим времени на сборы и организацию.

Следовательно, высаживаться надо со значительными силами, способными устоять перед натиском регулярной армии.

Далее – хорошо бы этот натиск и вовсе предотвратить. С этой целью следует завести полезные связи, в том числе и в среде влиятельных армейских офицеров.

В ноябре 1688 года Вильгельм Оранский имел наготове и внушительный флот, и значительную армию. Его уверили в том, что в случае его высадки 9 из 10 англичан не будут ему противиться. Вся партия вигов – а не только ее радикальное крыло – стояла за переворот. Вся партия тори обещала по крайней мере благожелательный нейтралитет.

Очень многие влиятельные лорды сочувствовали Вильгельму, а политику короля Джеймса считали безумной.

Наконец, в числе важных документов, которые Вильгельм Оранский к осени 1688 года имел в своем распоряжении, было письмо.

Оно было написано ему лордом Черчиллем, включало в себя заверения в преданности, и добавляло, что лорд Черчилль «...вручает ему свою честь...». Вильгельм Оранский решил, что плод созрел, и все готово.

Он был мудрым государем.

XXVIII

Несмотря на тщательную подготовку, риск высадки в Англии был все-таки огромен. В конце концов, если смотреть на все это предприятие с перспективы 1688 года, Вильгельму Оранскому надо было учитывать, такие вещи не удавались уже больше 6 веков, со времени успешного норманского вторжения 1066 года.

Ждать он, однако, не мог, и решился начинать в ноябре – прямо скажем, в неподходящее время для комбинированных военно-морских операций в Северном Море.

Шторм рассеял голландский флот, внезапность была потеряна.

Высадку пришлось делать не на севере Англии, в Йоркшире – где ее ждали, и где все было готово к восстанию – а много южнее. Король Джеймс, получив предупреждение, начал собирать войска. Наиболее надежные полки, укомплектованные офицерами-католиками, стояли как раз в Ирландии, их пришлось подтягивать по одному. На то, чтобы надежно удержать Лондон, потребовалось выделить отдельный корпус числом в семь тысяч человек – в итоге в армии, двинувшейся навстречу Вильгельму Оранскому, было примерно 25 тысяч солдат.

Вильгельм располагал, по-видимому, не более чем половиной этого числа, но зато повел он себя самым похвальным образом. Над его войском было поднято два стяга – его собственный и английский. К родовому девизу принцев Оранских *“I will maintain...”* – «Я буду

поддерживать (в должном порядке)...» было прибавлено: *«...права протестантской церкви и свободы Англии...»*.

Большинство солдат армии короля Джеймса были протестанты, на них это действовало.

Было много колеблющихся и сочувствующих Вильгельму – хоть и иностранцу, но, как-никак, все-таки защитнику протестантского дела. С другой стороны, существовали воинский долг, дисциплина, долгая привычка к повиновению, и так далее.

Очень многое зависело от старших офицеров.

По-видимому, среди заговорщиков была надежда на то, что им удастся устроить переворот в среде самой армии и просто принудить Джеймса к отречению – но из этого ничего не вышло. Лояльные по отношению к королю полки – и не слишком лояльные – были так перемешаны, что резкие действия были вещью рискованной и для заговорщиков, и для сторонников короля.

Известно, что граф Февершем на коленях умолял Джеймса II арестовать Черчилля – на что король не решился.

Однако «...моления...» Февершема действие все-таки оказали – Черчилль бежал из расположения армии с целой группой солдат и офицеров, среди которых был, например, Генри Фицрой, племянник короля, тот самый, который был номинальным руководителем подавления мятежа герцога Монмута в 1685, всего лишь три года назад.

Генри, сын Барбары, герцогини Кливлендской, к ее былому возлюбленному относился с большим уважением, и последовал за Черчиллем без всяких колебаний. Еще более важным событием оказался побег из Лондона дочери короля Джеймса, принцессы Анны.

Устроила это ее фрейлина и старшая подруга – Сара Черчилль.

XXIX

Вопрос об измене Джона Черчилля королю Джеймсу сильно занимал современников. В свете дальнейших событий это очень понятно – по-видимому, впервые в своей

жизни и карьере Черчилль действовал не по поручению патрона, а совершенно самостоятельно.

К тому же, впервые на политической сцене появилась и его супруга, Сара. Побег принцессы Анны из Уайт-холла был бы невозможен без ее содействия и руководства – поскольку покои принцессы тщательно охранялись, был устроен секретный ход из ее апартаментов, через который она и бежала. Сара не только встретила ее в своей комнате, но и вывела из дворца, и устроила им обоим вооруженное сопровождение, и даже умудрилась вытащить из столицы как бы интернированного епископа Лондона.

Вооружившись шпагой и пистолетами, он усакал из города на коне – истинное воплощение воинствующей церкви. Правда, он к тому же сопровождал и двух дам – принцессу Анну и ее фрейлину, Сару Черчилль – но эту подробность можно было извинить обстоятельствами...

Суждения – как о побеге принцессы от ее отца, так и Черчилля от своего благодетеля – тоже высказывались самые разные. Герцог Бервик (он же – Джеймс Фитцджеральд, 18-летний сын короля Джеймса и Арабеллы Черчилль, и, следовательно, родной племянник Джона) сообщил в своих записках, что Черчилль собирался убить короля, ударив его кинжалом, но ему не представился для этого случай. Случай-то как раз мог и представиться – король и его «...верный слуга...» ехали вдвоем в одной карете – но невозможно себе даже и представить, чтобы умный и осторожный лорд Черчилль мог затевать нечто подобное...

В конце концов – как после этого он смог бы показаться в лагере Вильгельма Оранского? Для штатгальтера Голландии это действительно решило бы все проблемы династического характера – но заодно он не упустил бы случай «...покарать вероломство и отомстить за гнусное цареубийство...».

Как уже говорилось – Вильгельм Оранский был мудрым государем...

Однако Джон Черчилль тоже был отнюдь не прост, и на эшафот вовсе не собирался.

Поэтому он оставил в лагере, из которого он бежал, письмо, адресованное королю Джеймсу. В нем говорилось,

что «...сознавая всю огромность своего долга признательности Его Величеству...», и понимая, что «...совершенно не заслужил все те милости, которыми был осыпан...», он тем не менее не может идти против своей совести и религии, «...чего и нельзя требовать ни от одного достойного человека...».

И говорил всем и каждому, что особу короля Джеймса он был бы готов защищать – со шпагой в руках и до последней капли крови – но с политикой, проводимой им, согласиться не мог...

Интересно, что именно такую линию защиты репутации своего знаменитого предка избрал и его далекий потомок и полный тезка его отца, сэр Уинстон Черчилль.

В своей книге, вышедшей в свет в 1934 году, чуть ли не целиком посвященной полемике с великим английским историком, лордом Маколеем⁵ – лорд нарисовал очень «темный» портрет Джона Черчилля, которого он считал негодяем – сэр Уинстон ядовито спрашивал:

«Как можно считать изменой то, что через несколько дней сделала едва ли не вся Англия?».

XXX

Надо сказать честно – при всем огромном уважении к мнению сэра Уинстона Черчилля, его защита выглядит слабой. Сказать, что Джон Черчилль сделал то, что через короткий промежуток времени сделала вся Англия – это заявление, в сущности, сводится к известному высказыванию Талейрана о том, что «...разница между изменой и высокопатриотическим поступком состоит только в календарной дате...».

Очень сомнительной выглядит и линия защиты своей репутации, избранная самим Джоном Черчиллем –

⁵ Baron Macaulay of Temple Rothley, 1800-1859 – один из оригинальнейших историков Англии. На историю он смотрит, как на «гармоническое сочетание поэзии и философии»; она является у него прикладной школой гражданской и государственной мудрости. Главная задача его «Истории» – оправдание революции 1688 года.

утверждение, что он поставил интересы отечества выше интересов своего государя.

Дело тут, опять-таки, в датах: в переписку с Вильгельмом Оранским он вступил задолго до последних, роковых шагов короля Джеймса II – и при этом продолжал служить королю самым ревностным образом.

Он вовсе не оставил своей должности, и не уехал в Голландию. Он просто сообщал штатгальтеру Вильгельму, что в случае необходимости он может на него рассчитывать. Ход был опасный, но потенциально выгодный – готовилась почва для перемены патрона.

Джон Черчилль, умелый дипломат, замечательно создававший облик честного, преданного своему долгу солдата, живущего по принципу: *«...Делай что должно, и будь, что будет...»*, подходил к этому принципу с определенных позиций:

Во-первых, что именно *«...делать должно...»* – определит он сам. Во-вторых – будет не то, что *«...будет...»*, а то, что будет хорошо и основательно подготовлено им самим.

И уж конечно, к интерпретации понятия долга перед отечеством он относился так же творчески, как и король Карл II, действия которого молодой Джон Черчилль имел возможность наблюдать с близкого расстояния. Перемена сторон в каком бы то ни было политическом конфликте, определялась не моральной или идейной позицией сторон, а исключительно соображениями целесообразности и пользы для него лично.

Может быть, поэтому современников так поразил поступок Черчилля. В конце концов, несчастному королю Джеймсу изменили и обе его дочери. Про принцессу Мэри, жену Вильгельма Оранского, говорили потом не так уж и плохо – *«...она очень хорошая супруга, но очень плохая дочь...»*. Про принцессу Анну не говорили вообще ничего – ее воспитывали вдали от отца, даже и не подозревали в способности к самостоятельным поступкам, и полагали, что она целиком и полностью находится под влиянием леди Сары Черчилль, страстной сторонницы вигов.

А вот про лорда Черчилля было что сказать.

Человек, который мог сражаться в рядах французской армии, потом вести переговоры с Голландией о военном союзе против Франции, потом – опять вести переговоры с Францией, человек, который мог пользоваться покровительством герцога Монмута, потом – вести против него войну, окончившуюся казнью герцога, а потом – непринужденно перейти на сторону Вильгельма Оранского, так сказать, второго Монмута – это человек вызвал много толков.

Из людей, принадлежащих к окружению короля Джеймса, Джон Черчилль был одним из самых близких к нему людей. Он вырос при его дворе, он был ему обязан решительно всем. И тем не менее – изменил, оставил в беде, и в решительную минуту перешел на сторону неприятеля.

И был за это щедро награжден победителем.

В день своего коронования в апреле 1689 года новый король Англии, Вильгельм III –или, на английский лад – Вильям III, сделал своего «...верного соратника...», Джона Черчилля, графом.

Титул Джон выбрал себе сам. Сестра леди Дрэйк, бабушки нашего героя, была замужем за 3-м графом Мальборо. Линия эта пресеклась, но исчезнувшие графы были в какой-то степени родственниками Черчиллям – сэр Уинстон Черчилль, отец Джона, был женат на дочери сестры жены последнего из них.

Как родство это звучит, конечно, далековато, но все же лучше, чем ничего.

Джон теперь именовался не только по родовому имени – Черчилль – а еще и по новому титулу.

Граф Мальборо.

На этом кончается 1-я часть.

Борис Э. Альтшулер

Тихий балтийский гений

**О двух жизнях художника Семёна
Рувимовича Шегельмана**

1.

После защиты диссертации в начале 1970 годов я искал сувенир для своего профессора. В квартире рижского художника Душкинса в центре Риги, специализировавшегося на акварелях с видами города, я впервые увидел необычный эстамп. И спросил тогда у хозяйки дома, Расмы, выполнявшей функции менеджера своего мужа:

– Это ваш супруг так рисует?

На что она мне ответила:

– Мы все тут рисуем, а Шегельман – авангард...

Акварели покупали на память о Риге уезжавшие в Израиль или в Америку евреи. Сегодня эти незатейливые работы висят в квартирах рижан во всём мире. А вот графика в рамке на стене была какой-то странной в своей отстранённости и неопределённости, наполненная необычным миром и необычными темами и дикой энергией. Странные люди неслись там толпами, обнимались в каком-то невероятно тесном сплетении тел, бегали по лестницам, падали в пропасть или сигали с крыши одного высокого дома на другую. Это были очень необычные графические работы о массовом и стихийном эксодусе, который нам всем ещё предстоял, технически и качественно великолепно выполненные, резко выделявшиеся на фоне довольно спокойного балтийского искусства.

Жизнь в большом городе Рига с почти восьмисоттысячным населением, из которого в 1959 г. где-то 18 000 жителей столицы Латвии официально

принадлежали к *«лицам еврейской национальности»*, была полна определенной интимности и всегда напряжения. Ведь аж до 1956 г. в республике постреливали *«лесные братья»*. Над Ригой стоял запах кофе, чудесного хлеба и копчёной рыбы. Юрмала пахла разогретой солнцем сосновой смолой, песком и влагой Залива. Вместе с Юрмалой население столицы достигало около одного миллиона человек. Всего в Латвии оказалось к этому периоду 39 000 евреев.

По центральной улице Ленина, сегодня она вновь зовется Бривибас, всегда фланировала масса хорошо одетых людей: красивых женщин, статных мужчин и шустрых подростков. Два рынка, Центральный около и сегодня впечатляющего Центрального вокзала и Матвеевский, неподалёку от 1-й городской больницы, оставляли сильное впечатление, особенно на приезжающих в Прибалтику отдыхать советских людей, своим обилием продуктов и товаров. Добротный латышский хлеб, молочные продукты или рыбные деликатесы – это настоящие поэмы гурманов, каждая для себя. Рижские цветочные магазины, кафе и рестораны, в которых можно было спокойно посидеть и поговорить, контрастировали с кафухами в центральной полосе России и в Москве, где можно было принять пищу и попить кофе, но обычно только стоя. Стулья там не стояли. Один из москвичей объяснил мне, что вездесущий КГБ не желал рассевшихся на западный манер посетителей.

С молодых ногтей мне запомнилась послевоенная Рига с немногими развалинами и следами боев, булыжниками мостовых, черепичными крышами домов и представителями комендатуры, ворвавшихся в нашу квартиру и *«уплотнивших»* нас. Так наша отдельная квартира стала коммунальной, появились соседи. Немецкие военнопленные, маршировавшие с работы и на работу через Эспланаду, сегодня Бульвар Райниса, строили на углу улиц Кирова и Горького *«балтийский Пентагон»*, бывший Штаб Прибалтийского военного округа

Рига – это особый северный свет с иными люксами, особые неброские краски, продуманная аккуратная упорядоченность композиции красивых домов, удивительные фасады югендстиля и арт-деко, чистые улицы,

вымытые дворниками и дождями, прекрасная кухня, тогда в противоположность к России забытые продуктами рынки, многочисленные родственники за рубежом и посылки, позволявшие некоторым щеголять в последних модах Нью-Йорка, Берлина и Тель-Авива. У фарцовщиков или моряков торговых судов всегда можно было купить джинсы или красивую куртку. Рига – это обязательно еще и Юрмала, когда-то называвшаяся Рижским взморьем, и река Лиелупе, на которой я отгребал в лодке свои километры. Светло-желтый песок, дюны, обалдевающий запах теплой хвои, десятки и сотни тысяч людей на пляже с тысячами волейбольных мячей в воздухе, совершенно удивительное свободное дыхание Взморья. В начале 1950 годов было почему-то модно щеголять весь день в пижамах. После обеда еврейские семьи в Булдури тащили с собой раскладушки и шезлонги в приморский лесок, чтобы там, среди хвойной благодати, посидеть, полежать и поболтать.

Когда я был подростком и студентом, то просто лез через высокую каменную стену, отгораживавшую пляж от знаменитого открытого Концертного зала в Дзинтари. А слушать и смотреть там всегда было что. Например, Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс, для которых жаркое летнее солнце юга было большой нагрузкой, приезжали сюда регулярно. Потом эту стену уже охраняла от скалолазов милиция и халява закончилась. Довольно быстро рижский рай открыли для себя ведущие московские и ленинградские театры, писатели и поэты, включая худющего Евтушенко, или барды вроде Клячкина. Каждое лето приезжали отдыхать толпы людей со всех концов Союза. Именно на Взморье я познакомился со сверстником из Ленинграда, к сожалению сегодня уже покойным Сашей Шаргородским, ставшим совместно со своим братом Львом известным писателем и драматургом, жившим позже в швейцарской Женеве.

А рижские парки? Я уже не говорю о Старом городе, являющимся таинственным космосом самим по себе. Где всё это осталось в моей молодости? Когда я в прошлом году приехал в Ригу на неделю, то смотрел уже какими-то иными глазами на узкие улицы центра города в *«поясе*

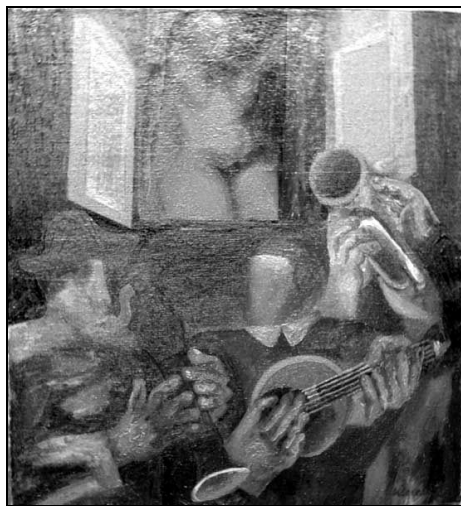
югендстиля», по которым ездили специально для них построенные автобусы и троллейбусы, на давно не отремонтированные и десятилетиями не перебранные булыжники горбатых мостовых. В молодости я этого просто не замечал. Расписанный внутри фресками стиля неорококо и украшенный снаружи скульптурами фасад кинотеатра «Рига» может еще и сегодня оказать честь любому залу собраний в Европе. В помпезной Рижской Опере дирижировал в XIX в. знаменитый концертмейстер, некий Рихард Вагнер.

2.

Где-то через полгода после посещения квартиры художника Душкинса и беседы с его женой в отделение хирургии и травматологии, где я работал, поступила на лечение дама, оказавшаяся сестрой Семёна Шегельмана, автора заинтриговавшего меня эстампа. Через нее я познакомился, а потом и подружился с тщательно и элегантно одетым симпатичным большеглазым парнем с шевелюрой черных волос и эпатажной, аккуратно выбритой бородой – с выдающимся художником Балтии Семёном Шегельманом. Он всегда носил стильные пиджаки, жилеты, шали и береты. Называю его условно «парнем», потому что он выглядел довольно молодо, хотя и был старше меня на десять лет. Надо сказать, что маленькая Латвия, несколько запоздавшая с развитием живописи в конце XIX в., дала миру выдающегося еврейского художника-авангардиста XX в., родившегося в Даугавпилсе (Двинске) Марка Ротко. Он стал классиком американской абстрактной живописи и основателем теории цветного поля. Отец великого Сергея Эйзенштейна, Михаил, был тем самым главным архитектором Риги, ответственным за югендстиль фасадов её архитектурных ансамблей. В доме по соседству с тем, где я вырос, родился известный философ XX века сэр Исайя Берлин. Я привожу все эти примеры для того, чтобы дать представление об извечном культурном напряжении в Риге и особенной творческой и эстетической атмосфере в ней.

Семён Шегельман (Simon Shegelman) родился в 1933 г. в Бобруйске, в Белоруссии, некогда центре еврейской культуры. В начале войны маленький мальчик бежал оттуда

с семьей в горящем после бомбардировки поезде. Войну семья Шегельман пережила на Урале. Из Белоруссии были родом такие замечательные еврейско-русские художники-гиганты как Марк Шагал, Анатолий Каплан и Иегуда Пэн.

Серенада, масло, холст, 1965

В 1952 г., в разгар *«борьбы с космополитизмом»* и в преддверии *«дела врачей»* Семён сумел без специального среднего художественного образования поступить в престижную Академию художеств в Риге по классу графики, которую закончил с отличием в 1958 г. Год спустя стал членом Союза художников СССР. Испытал сильное влияние пуристского стиля балтийской графики, уделял много внимания поискам новых форм, постоянно искал свой собственный путь в искусстве. При этом он не забывал живопись, в которой часто использовал темы своих эстампов. По свидетельству его супруги Юли он портретировал в 1960-70-х гг. многих известных женщин СССР. Я мог в середине 1970 годов нередко бывать в его мастерской и наблюдать за творческим процессом графика-линотиписта. Такая печатная техника способствует появлению уникальных эстампов в небольших тиражах, так как линолеум, в отличие от других матриц, не долго живуч и

относительно быстро пропадает. Поэтому тираж оттисков линогипсов ограничен и уникален.

В относительно просторной мастерской Семёна в Доме художника на Крастмала, обрамленной с двух сторон стеллажами, плотно забитыми холстами и графикой, стоял в центре печатный станок художника, на котором он работал над своими офортами и линогипсами под музыку Баха или Вивальди из патефона. Важное место в мастерской заняло со временем большое шикарное кресло, в котором сидел гость или сам мэтр. В мастерской часто встречались коллеги, друзья и знакомые, открывалась бутылка вина или коньяка, шли нескончаемые беседы и дискуссии. Это был благодатный полиэтнический и многокультурный хумус из латышей, евреев, русских, украинцев, армян, – иными словами, из людей любящих искусство. Где-то в 1974 г. Георг Стражнов, сегодня старейший латвийский специалист в области пиара и маркетинга, часто забегавший в мастерскую, раздобыл и подарил Сёме книжку с рецептами коктейлей для барменов советских круизных кораблей, часто причаливавших в Рижском порту. Коктейли, рецепты которых он быстро и основательно усвоил, стали хобби Шегельмана, и он часто угощал ими друзей и знакомых в мастерской или на вечеринках у себя в доме на улице Лачплеша.

Работы Шегельмана, особенно рижского периода, полны романтики и удивительной энергии, которая при созерцании передаётся зрителю. Странные деформированные креатуры его офортов и холстов, все эти колченогие кентавры или люди с семи- и десятипальными руками, идущие по канату, прыгающие с крыш, держащие в руках свечи, несущиеся куда-то в стихии экзодуса, висающие на деревьях белорусских местечек или просто сидящие за столом, – весь этот театр и космос Шегельмана не оставлял зрителя равнодушным. Сегодня сказали бы, что по Жаку Деррида это был блестящий пример деконструкции. Чем чаще и дольше я созерцал его работы, тем неожиданнее обнаруживал на двухмерных плоскостях новые пространства с таинственными дверьми, непонятными

натюрмортами, маскообразно отрешенными людьми. Это была мечта и крик о свободе.

Блудный сын, линопринт, 1968

Где он брал свое вдохновение? В последних классах средней школы рабочей молодежи мне довелось учиться вместе со скрипачом Лазиком Флейшманом, ныне международно-известным русистом, культурологом и специалистом по русской литературе XX в., профессором Лазарем Флейшманом в американском Стэнфорде. Папа Лазика был известным латвийским художником, а сам Лазарь кончал одновременно с учебой в школе ещё и музыкальную школу по классу скрипки. В квартире семьи Флейшман я впервые увидел книги и альбомы с иллюстрациями Шагала и Пикассо и получил через них представление о творчестве, о котором раньше только слышал. Лубок и странные ассоциации Шагала, здоровенные бабищи Пикассо с гигантскими ступнями, бегущие наперегонки по пляжу, вызвали у меня тогда потрясение. Эти женщины не были прозрачными эльфами классической европейской живописи. Они были, наверно, прачками с тяжелыми руками и ногами, вышедшими пробежаться в воскресенье по морскому кубистскому

пляжу. Похожее ощущение откровения возникло у меня при первом знакомстве с работами Шегельмана.

В 1962 г., после посещения Н. Хрущёвым выставки художников-«*тидарасов*» в московском Манеже и скандальной дискуссии с Эрнстом Неизвестным, давки бульдозерами картин на «диких» выставках московских авангардистов по всему Союзу прокатилась кампания по «*борьбе с формализмом*» в искусстве, практически «*охота на ведьм*». Чиновники от искусства неожиданно нашли в лице осторожного и негромкого Семёна Шегельмана главного «*формалиста*» Латвии и начали его травить. Шегельман ответил по-своему: закрыл дверь в мастерской на ключ, несколько лет не выставлялся, рисовал влюбленных. Постепенно сформировался суровый, деструктивный, иногда даже мрачный стиль его рижского периода, который выразительно отличал его от коллег: латвийский постэкспрессионизм Семёна Шегельмана – первая жизнь художника. Рижская газета «*Час*» писала в 2003 г. о том, что его работы «*как стон или исступленный рёв, запечатленный в изображении*»¹.

Этот стон или рёв советского человека был на родине соцреализма многим непонятен, а потому крайне подозрителен.

Его критиковали, а он не сопротивлялся и не протестовал. Мягкий, обаятельный характер Семёна вообще не для конфликтов, которых он всю жизнь старался избегать. Несмотря на это жизнь в СССР его туда постоянно засасывала. Попытки ухода от общественных скандалов, отсутствие эпатажа, осторожность составляют, наверно, вообще большой минус маркетинга творчества Шегельмана, но это не его путь в искусстве. Семён ежедневно дисциплинировано ездил на трамвае в свою мастерскую в Доме художника и работал там до позднего вечера. Его выделяла поразительная работоспособность. Сам художник сформулировал позже по-английски свой субъективный подход к искусству в одном из интервью рижской газете

¹ Возвращение искателя света, рижская газета «Час» от 24.07.2003, http://www.chas-daily.com/win/2003/07/24/g_019.html?r=33&

«Час» во время посещения Латвии в 2004 г.: *I'm not a fighter, I'm a lover* (Я не борец, я любовник)². Графика Семёна рижского периода где-то перекликается, по-моему, с «чёрным» периодом творчества великого испанца Франсиско Гойи и его «Капричос».

Песах, Линопринт, 1970

Шельмование художника после московского скандала в Манеже парадоксальным образом прибавило ему уважения в глазах коллег и укрепило репутацию нонконформиста. Он стал известным в культурном андеграунде и не только там. Работы Семёна Шегельмана стали пользоваться большой популярностью в республиках бывшего Советского Союза и были представлены особенно в конце 1960-х – начале 70-х годов не только на крупных ежегодных, всесоюзных выставках в Москве, Ленинграде,

² В поисках нового, рижская газета «Час» от 11.06.2004, http://www.chas-daily.com/win/2003/07/24/g_019.html?r=33&

Минске, Киеве, Вильнюсе, Таллинне, Риге, но и за рубежом – в Берлине, Дрездене, Лейпциге, Праге, Варшаве, Хельсинки, Осло, Турине и Милане, получив широкое признание, а также ряд призов, дипломов и медалей.

Воспоминания, гравюра, 1972

Кроме того, выполняя различные проекты по дизайну интерьера, он создавал монументальные фрески и витражи, скульптуры и барельефы, разъезжая по всей территории бывшего СССР, где было востребовано его искусство. Тут надо упомянуть интуристскую гостиницу «*Бригантина*» в Новороссийске, санаторий «*Москва*» в Кисловодске, бары для иностранцев в Перми и в Москве, рижские кафе «*Яуниба*», «*Турайда*» и «*Веурига*», – «*Детский мир*» и многие другие бесчисленные объекты. Семён иллюстрировал книги, брошюры, плакаты – карьера художника была активной и очень успешной. Одним из примеров подобных монументальных росписей служило красочное панно в теперь, к сожалению, уже снесенном юрмальском ресторане «*Юрас перле*» на пляже в Булдури. Обо всём этом знала знаменитая «*женищина на мавзолее*», всесильная министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Парадокс, но она стала во время своего нахождения на посту даже поклонницей искусства Шегельмана, так грандиозно

представлявшего СССР за границей, и называла его в частной беседе *«мой Модильяни»*.

Начало 1970 годов после Шестидневной войны и войны Судного дня было временем государственного антисемитизма и еврейских отделов КГБ. С другой стороны, это было временем пробуждения нового витка латышского национального самосознания. Многие еврейские семьи оставили тогда Латвию и Ригу и двинулись навстречу неопределенностям эмиграции. Именно в этот период в творчестве Шегельмана появляются всё сильнее незауалированные еврейские национальные мотивы, рефлексии на Холокост, Исход, иудаизм, темы еврейской свадьбы под балдахином, блудного сына, застолья на седере, на историю трагедии и бегства своей семьи от нацистов из Белоруссии.

Художник всегда сопротивлялся *«литературизации»* своих картин. По его убеждению литература и живопись – два совершенно разных вида искусства, использующих, правда, ту же терминологию – краски, композиция, стиль и т. д. Его работы должны действовать на зрителя непосредственно визуально. И тем не менее. Удивительные картины Шегельмана рижского периода, рефлектирующие Холокост и Вторую мировую войну, очень перекликаются с поэзией Поля Селана (Paul Celan, 1920-1970 гг.), австрийского автора из карпатских Черновиц на Буковине, оставившего знаменитое стихотворение *«Фуга смерти»*, вошедшее во многие учебники и антологии поэзии немецкоязычного пространства и тематизирующее лирическими средствами трагедию Холокоста³. Метафоры стихотворения Селана, как, например, самая известная: *«Смерть – это мастер из Германии»* (*«Der Tod ist ein Meister aus Deutschland»*), накрепко вошли в литературный обиход современного немецкого языка. Я исхожу из того, что Семён, возможно, сам не до конца понимал именно этот, самый удивительный и подспудный эффект своего творчества, так спонтанно изливавшийся из него. Обычные

³ Celan, Paul: Gedicht „Todesfuge“, mit einem Kommentar von Theo Buck, 2. Auflage. Rimbaud, Aachen 2002.

композиции как, например, натюрморт, акт, сидящая за пасхальным седеер-столом группа с ломящимся к ним через дверь пророком Ильей или воспоминания детства наполнены неудержимой драматикой, трагизмом и неуёмной энергией. Именно эта энергетика картин мастера стала отличительной чертой его творчества. Семен всегда рисовал чувства. На мой взгляд этот период был абсолютной вершиной его творчества.

3.

В 1975 году пришло мое время: я подал свои документы на выезд в Израиль и пошёл в Латвийский Национальный художественный музей в Риге для получения разрешения на вывоз работ Шегельмана за границу. Меня долго расспрашивали – почему это я, мол, везу работы непонятного художника, когда в Риге так много сладеньких акварелей намного более популярных и успешных латышских мастеров. Я не стал спорить о вкусах, выслушал поучения, заплатил пошлину и получил печати латышских искусствоведов в разрешении на вывоз всего лишь пяти произведений искусства. В то же самое время проходила давно выстраданная Семёном персональная выставка в фойе Дома художников. Мой отъезд в Израиль и настоящий погром на выставке Шегельмана, о котором я расскажу ниже, были, возможно, как-то связаны между собой. Официальной причиной разгрома послужил скандал с триптихом художника *«Памяти матери»*, своеобразным реквиемом, написанным во время тяжелой болезни его мамы. В СССР проходило к тому времени помпезное празднование 30-летия Победы над фашистской Германией. Именно этот триптих послужил для делегации бдительных советских людей, учителей откуда-то из русской глубинки – не то из Курска, не то из Пензы – поводом оставить в книге посетителей на выставке возмущённую верноподданническую запись. Мол, в такой радостный для всего советского народа день – и такие мрачные картины!!! Сложное искусство и стиль художника не принималось и не понималось простыми душами и потому было напросто объявлено антисоветским. Свои впечатления от погрома выставки Сёмы я выразил позже в романе *«Против часовой*

стрелки» (2000-2001 гг.). Шегельман фигурирует там в качестве одного из протагонистов Семёна Шагалова.

Прыжок, гравюра, 1973

4.

«Рядом с железнодорожным мостом стоит дом Союза художников Латвии. Несколько дней назад тут открылась персональная выставка работ Семёна Шагалова, который долгие годы раздражал функционеров не только творчеством, но ещё и происхождением. Семён был графиком, но работал охотно маслом. Его работы выделялись цветовой гаммой и экспрессией. Как и его выдающиеся коллеги на Западе он, не задумываясь, шёл своим собственным путем в искусстве.

Персонажи его картин имели по шесть-семь пальцев, их лица были часто лишь намечены, и тем не менее общее впечатление было колоссальным. Шагалов утверждал свою оригинальность и самобытность. Он не просто копировал великого Шагала, а был им инспирирован.

– Есть один советский художник, ещё в большей степени находящийся в зависимости от творчества Шагала. Это ленинградец Анатолий-Танхум Каплан, иллюстратор произведений Шолом-Алейхема... – говорил он.

Еврейский экспрессионизм, которого нельзя было не заметить, вызывал злобу функционеров, откровенно

говоривших о том, что Семён превратил свою мастерскую в синагогу.

Семёна так часто ругали, что со временем он стал символом латвийских авангардистов. Его еврейский лубок, эскизная техника и необычная композиция не всегда воспринимались даже коллегами, в своих работах метавшихся от Дали до де Кирико. Протест Семёна в латышском искусстве был, как и его картины, громок и груб, – и этого нельзя было не заметить. Новый латышский сюрреализм не мешал соцреализму так, как это делали картины Семёна. Поэтому многие, несмотря на их болтовню о первостепенной роли искусства-протеста, на самом деле были очень кротки и послушны. Искусство Семёна не принадлежало к привилегированным, и тем не менее он был доволен. Он говорил часто, что в музеях Латвии висит на стенах то, что в Москве Хрущев давил бульдозерами.

Семён и Давид дружили. Они проводили вместе много времени, много говорили, и Давид постепенно влюбился в его необычное и оригинальное искусство, которое так хорошо отражало эпоху. Пару дней назад Давид зашёл с картинами и эстампами Семёна в таможенное отделение министерства культуры, расположенное в Латвийском национальном музее. Из всех работ ему разрешили выбрать лишь пять. С двумя картинами маслом и тремя эстампами он мог ехать за границу, что подтверждала печать социалистических таможенников.

О посещении Давидом таможни в Союзе художников уже знали. Когда он зашёл на выставку Шагалова, то его глаза увидели самый настоящий погром. Долгие годы талантливых побед и поражений увенчались для Семёна выстраданной персональной выставкой в Риге, открывшейся из-за сложной системы знакомств, симпатий и поддержки его друзей.

Теперь графика, развешанная с большой любовью и тщательностью, валялась на полу среди разбитых стекол. Люди в зале боялись чего-то, не смотрели друг другу в глаза

и уныло молчали. Среди художников было тоже немало стукачей.

Высокий, худой мужчина из руководства Художественного фонда ходил, несмотря на праздник, среди валяющихся, изуродованных работ. Давид подошел к нему.

– Что всё это означает?

– Это не искусство. Было вообще ошибкой открывать эту выставку!

– Но это же настоящий погром!

– Нет, так выглядит своевременное закрытие этой так называемой выставки. Мы должны защищать нашу страну от подобного декадентского искусства.

– Вы что, серьезно?

– Знаете, я предлагаю вам ехать туда, куда вас так тянет! Оставьте нашу родину, а без такого балласта, как вы, наша страна станет ещё лучше. Мы не позволим поганить наше искусство.

– Вы тут все помешанные! Поверьте и на Западе я не оставляю вас в покое! – закричал Давид.

Многие стояли в зале и слушали этот разговор. Люди молчали, только прислушивались. Бедные картины лежали на полу, как побитые дети, и были не в силах сопротивляться»⁴.

Всего через неделю после открытия персональной выставки Шегельмана его эстампы были сняты из экспозиции, некоторые стёкла оказались побитыми. Семён был в бешенстве, пошёл к тогдашнему директору Художественного фонда Я. Пастернаку и заявил: *«Нужно было сделать следующий шаг – облить всё бензином и поджечь!»*⁵ На другой день он подал документы на выезд по вызову, которым его обеспечил я. Так закончилась первая жизнь латвийского художника Семёна Шегельмана.

⁴ Альтшулер, Борис: Против часовой стрелки, роман, Саарбрюккен 2000-2001, с. 82-84

⁵ Чарна Рыжова в интервью с Георгом Стражновым: Как провожали Шегельмана..., рижская газета «Диена», 03.01.1995.

5.

Я уезжал в конце июня поездом через Брест, Варшаву и Чехословакию в Вену. Из замка Шёнау в Вене, где разместили еврейских иммигрантов, я звонил в Ригу и понял, что семья Шегельман тоже собралась в путь. Другими словами они сделали, наконец, через четыре месяца после моего отъезда то самое *Allez!*, которое было темой эстампов Семёна. Его картины я пронес через мою жизнь, через все свои отъезды и переезды. В Израиле, с папкой в руках и фотографиями его работ, пытался заинтересовать владельцев многочисленных галерей в Иерусалиме, Тель-Авиве и Кфар-Сабе, – к сожалению, без особых результатов. Некоторые, правда, пытались потом их у меня безрезультатно купить и осведомлялись когда художник собирается, наконец, приехать в Израиль? В конце концов под влиянием творчества Семёна стал рисовать сам и выставляться, появились три альбома моих работ. Должен признаться, что живопись здорово помогла мне преодолеть перипетии моей эмигрантской судьбы.

Один из недоверчивых друзей, которого я в Риге уговорил купить эстамп Шегельмана, понес его по приезду в Израиль на экспертизу одному московскому художнику. Приговор мастера из столицы бывшего СССР был суров и сродни чиновникам от искусства в Риге: *«Таланта маловато...»* Правда, об этом художнике потом больше ничего не было слышно.

От Сёмы поступали новости: Шегельманы уехали в октябре *«за бугор»*, раздали и оставили у друзей в Риге большую часть работ, заявили в Вене о своем желании переехать в США и оказались в Риме. Провожать семью художника в эмиграцию собрались сотни латвийских знаменитостей. Бригада грузчиков, которая загружала и заколачивала его контейнеры с живописью и графикой, была совершенно уникальной. Здесь были известные режиссёры-кинодокументалисты Герц Франк и Ансис Эпнерс, художники Каруш Акопян и Дмитрий Кудрин и, конечно же, верный друг Георг Стражнов. Поклонница творчества Шегельмана Инара Нефедова приходила с помощниками вечерами для штамповки печатей таможни на обороте

графических листов. Семё пришлось заплатить налог за свои собственные работы – 9000 рублей, по тем временам баснословные деньги.

Семён Шегельман, 1974. Фото автора

Еще в Риге, среди богемы, его друзья часто наивно фантазировали о возможностях совместной эмиграции и о том, как они собирались заниматься маркетингом творчества Шегельмана. Потрясающая действительность второй жизни Семёна опрокинула все грёзы. Италия произвела на него ошеломляющее впечатление. Страна света, солнце, раскопки, архитектура, памятники, музеи, из которых он не вылезал, и отношение итальянцев к искусству вызвали в его творчестве настоящую революцию. Когда из автобуса выгружали багаж группы эмигрантов, то грузчики, лихо швырявшие чемоданы, бережно приставляли его папки к стене, приговаривая: «*О pittore! Микельанджело!*» Люди, расселявшие эмигрантов, говорили после знакомства с его работами «*Вы не советский художник. Вы принадлежите нам*»⁶.

Его творчество было восторженно принято в Италии. Итальянский искусствовед, профессор Роберто Монтелло (Roberto Montello) представил в распоряжение семьи Шегельман свою громадную римскую квартиру с большой студией. Художник познакомился с новыми друзьями: итальянцами, американцами, французами и русскими эмигрантами. Он теперь радикально изменил свой стиль и

⁶ В поисках нового, рижская газета «Час» от 11.06.2004, http://www.chas-daily.com/win/2003/07/24/g_019.html?r=33&

стал часто отказываться от драматических реминисценций рижского периода. В его творчество вошло солнце Италии, люминесцентные яркие краски меццоджорно, новый оптимизм и раскованность, прелесть декадентства и шика Запада. Италия исцелила Шегельмана от латвийских депрессий и трагических воспоминаний. Там же пришёл невероятный успех. Художнику помогали с организацией и участием в десятках выставок в Риме, Милане, Турине, Сорренто и других городах Италии. Все картины были проданы по нормальным для того времени ценам, будущее было безоблачно и обнадеживающе. Двенадцать лет спустя, в 1987 году Семён выставлялся в Израиле, в галерее «Барон» в университете Бен Гурион в Тель-Авиве.

В ателье художника, за неделю до моей иммиграции

Большой поклонник творчества Шегельмана, итальянский искусствовед профессор Джорджо Теллан (Giorgio Tellan) уверенно писал о европейских корнях искусства Шегельмана, восходящих к античной поэзии и риторике:

«Шегельман верен и предан аксиоме философа Симонида Кеосского (556-467 до н. э.) «Живопись – это тихая поэзия. Поэзия – это говорящая живопись». (перевод – Б.А.)⁷.

Год спустя после эмиграции, в 1976 г. состоялась большая персональная выставка Семёна на Западе, в Galleria d'Arte в итальянском Триесте. Несмотря на радикальную

⁷ Tellan Giorgio: AZ-Arte Cultura, n. 73, Sept. 1993.

смену стиля, художник сохранил в своих лучших работах тему философских раздумий и рефлексий.

Основной темой новых картин стал теперь мегаполис и жизнь горожан. Вакханалия красок кипит у художника обычно на черном фоне, за что канадский критик Пьер-Поль Кормье из Оттавы прозвал его *«менестрелем ночного мира»*, и окрестил мерцающую манеру работ художника *neon-art*:

«Семён Шегельман – певец мира ночей, ночных размышлений и искусственного солнца полуночи. Он бард, который празднует неоновое освещение наших городов, чей постоянный пульсирующий ритм никогда не исчезает» (перевод Б.А.)⁸.

В артикуляции и объяснениях собственного стиля художник далеко не так блестящ, как в своих картинах. Коллеги-эмигранты из бывшего СССР делают на Западе своим слабым и эклектическим работам намного лучший маркетинг, объявляя их *«мятежом»*, *«неконформным искусством»*, *«движением»*, публикуя *«манифесты»*, устраивая пресс-конференции, покупая рецензии критиков и т. д. Расхожие, несколько неуклюжие и туманные оценки и характеристики собственного творчества Шегельманом осторожно *«косят»*, на мой взгляд, под успех Венской школы *«фантастического реализма»*.

Работы Шегельмана на Западе, особенно тех итальянских двух лет, 1975-1976 гг., рефлектируют новый и необычный для него в Риге маньеризм и итальянский футуризм. Пропала былая мрачность и аскетизм, жизнь наполнилась новым светом, новыми красками, новой музыкой и новым смыслом.

6.

От Нью-Йорка и США, куда его жена Юлия Маркина и сам Шегельман стремились переехать, их отговорила комиссия ХИАС.

⁸ MY PAINTING AND I, By Simon Shegelman,
<http://www.landauart.com/articles2.html>

«Вы не русский художник с их церковно-лубочными или деревенскими темами, вы – общечеловеческий, гениальный».

Там, в Нью-Йорке, мол, жесткая конкуренция между художниками, «волками», а он человек не агрессивный. В общем, уговорили и Семён с семьёй очутился в Канаде, где его творческая жизнь сложилась удачно. Актуально Шегельман стал тогда первым художником-эмигрантом из СССР, которому было разрешен въезд в Канаду. В аэропорту Виннипега, который Шегельманы выбрали просто по наитию, не представляя себе, что это такое, их ожидала торжественная встреча. Семёна раздирали на части с выставками, интервью для прессы и телевидения. Канадская газета Toronto Star отметила еврейские темы творчества Шегельмана несмотря на то, что он не получил в СССР еврейского религиозного воспитания. Особенно были отмечены темы древнего эксодуса, трапезы за пасхальным столом с Ильёй-пророком, свадьбы с хупой. Большое внимание вызвала тема «йорцайт» с 22 сериографиями из цикла «Памяти матери», сыгравшего такую большую роль в его эмиграции⁹.

Всё было замечательно кроме самого города Виннипега. Началась канадская зима, и семья неожиданно оказалась в «Сибири» – с лютыми морозами, высокими снегами и зимним ужасом. Соседка, выносившая в контейнер на улице мусор, сказала:

«Алло! Мы ещё поболтаем весной, когда будет немного теплее...» Супруга Юлия начала успешно работать художником-ретушёром в громадной компании «Виннипег Фото», ответственной за всю профессиональную фотопродукцию Западной Канады и США, за гигантскую фоторекламу, постеры и афиши. Она быстро стала пятым человеком в фирме, много работала с известными фотографами.

В течение всех лет канадского периода, своей второй жизни художника, Шегельман жил и работал в своих мастерских в Виннипеге, Оттаве, Монреале и Торонто, а

⁹ Arnold, A.J: Artist celebrates Jewishness, Toronto Star, 09/17/1976

также в США и Европе. Романтически-философские работы художника, в которых нередко рефлектируется Рига, представлены во многих музеях и частных коллекциях по обе стороны Атлантического океана. В интернете репродукции его работ можно найти на сайтах таких реномированных галерей, как Landau Fine Art, а также Vivid Art Gallery в Монреале, Квебек, Канада, Shirman Gallery в Редвуд Сити, Калифорния, США или Klasiskās mākslas galerija «Antonija» в Риге, Латвия. Судя только по списку выставок на сайте галереи Ширман в период 1976-2002 гг., практически каждый год, а нередко и несколько раз в году где-то в Америке, Европе – в Лондоне, Париже, Каннах или в Израиле проходили выставки работ Семена Шегельмана или выставки с его участием. В 1988 г., незадолго до падения Берлинской стены, с успехом прошли выставки его работ в Еврейской общине Западного Берлина и в галерее Карлоса Хульша (Carlos Hulsch). Газета Die Welt опубликовала тогда очень положительную рецензию на выставку в галерее Хульша¹⁰. В 1990-1991 гг., в начале новой латвийской государственности, состоялись триумфальные выставки Шегельмана в Риге и Юрмале, вход в которые был украшен латвийскими и канадскими флагами. Латышская пресса праздновала с намёком на одну из тем его графики сразу в нескольких публикациях «возвращение блудного сына». Центральная газета деятелей искусства Латвии отметила эти выставки вдумчивой статьёй¹¹.

Пражский искусствовед, Виктор Селенски (Victor Selensky, Чешская Республика) пишет на сайте Vivid Art Gallery о звезде галереи:

«Картины Шегельмана полны оптимизма, надежды и перспектив. Красочные, эстетические, феерические поверхности холста поэтически и философски отражают жизненные силы, энергию, и вечное существования нашей человечности. Его полотна поют хвалу всему ценному в человеческом существовании: любви к людям, к музыке и танцу, воспоминаниям о прошлом, об удивительной красоте

¹⁰ Die Visionen eines Letten von der Freiheit, Die Welt, 05.11, 1998

¹¹ Dubins, Herberts: Pēc piecpadsmit gadiem, Literatūra un Māksla, 13.sept. 1990

деревьев, цветов и трав. Это принцип общей темы его картин – (мечта – Б.А.) о щедром, добром, примирительном Всевышнем, сотворившим мир. Семен Шегельман пользуется разнообразием, вдохновленным жизнью, и его творческие способности внесли ценный вклад в мир современного искусства»(перевод Б.А.)¹².

Надо отметить, что на Западе художник создал в экспериментах свою новую оригинальную, «выпуклую» рельефную технику, вносящую сильную пространственную структуру в его живопись.

7.

В начале нового тысячелетия Семён Шегельман относительно часто приезжал в Ригу, открывал выставки, вспоминал своего умершего друга Ансиса Эпнерса. Рижская газета писала по-новорусски об известном рижанине:

*«Канадец из Бобруйска привез в Ригу немного света»*¹³.

Несколько странно было читать это о заядлом рижанине, но газета где-то права. Буйные краски и реминисценции войны – они не из сегодня спокойной Балтии, а из залитой кровью убитых евреев Белоруссии. Очень хорошо и ёмко творчество Шегельмана в уже ранее упомянутой рижской газете «Час» охарактеризовала в 2003 г. известный искусствовед Светлана Хаенко:

«Нельзя забывать тех, кто своим талантом славит Латвию. Мы видим очень своеобразного живописца, но вот что мне сегодня бросилось в глаза: как для Шагала был основой Витебск, так для Шегельмана, несмотря на 30 лет в Канаде, Рига остается основой, землей, от которой он отталкивается в своем творчестве.

И еще: во всех его работах, что мы с вами видим, нельзя сказать, что там главным героем является человек. Там странное прораствание города, стен, предметов натюрморта в какой-то человеческий лик. Они наблюдают за человеком и записывают в память то, что происходит.

¹² Selensky, Victor: About Simon Shegelman на сайте Vivid Art Gallery, <http://www.vividartgallery.net/contact.html>.

¹³ Канадец из Бобруйска привез в Ригу немного света, рижская газета «Час» от 10.02.2010

Такого ощущения, что стены и вещи хранят память о людях, я нигде не встречала.

Не мудрено, если вспомнить, что в Бобруйске в войну были уничтожены десятки тысяч евреев. Я бы сказала, что главные герои Шегельмана не люди. Он пишет идеи. А его картины населены призраками.

Притом он совершенно модный художник – во всех отношениях. И в то же время его живопись не теряет смысла. Правда, с этим у него всегда все было в порядке. За что и пришлось уехать»¹⁴.

Свечи, масло, холст, 1982

Для многих известностей на Западе и в бывшем СССР стало сегодня самым собой разумеющимся делом, en vogue, вкладывать деньги в живопись и графику Семёна Шегельмана и собирать коллекции его работ. Много внимания художник уделяет и в Америке дизайну интерьера. Свидетельством тому витражи и фрески в громадных супермаркетах, например, в Майами.

Искусство, особенно передовое изобразительное искусство, – это в первую очередь абстракция идей современности и общества. Талант для этого дан не всякому. Гений Семёна Шегельмана заключается в том, что он

¹⁴ Возвращение искателя света, рижская газета «Час» от 24.07.2003, http://www.chas-daily.com/win/2003/07/24/g_019.html?r=33&

индивидуально и субъективно отразил в своем творчестве и своей биографии время, свою судьбу и судьбу своего народа, не забыв в лучших работах трагедию Холокоста, Бобруйск, Латвию и своё восприятие Запада. Ориентируясь на западное искусство, он создал в Канаде собственный индивидуальный, североамериканский стиль и разделил по Шолом-Алейхему участь блуждающих еврейских звезд времен Исхода из СССР и стран Балтии. Пришло, наконец, и новое позднее признание в Латвии: на выставках Шегельмана в Риге выстраивались очереди. Латышская поэтесса Визма Белшевица посвятила Шегельману в 1988 г. стихотворение «Художник».¹⁵ Латвия заключила своего еврейского сына в объятия.

Сегодня галереи Запада, особенно ведущие в США – в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Майами – буквально забиты работами талантливых художников из республик бывшего СССР, которые, однако, при всем их мастерстве приносят пока ещё относительно мало новых идей и импульсов. Лучшие работы Шегельмана из его обоих больших периодов творчества можно сегодня определить как гениальные. Они окончательно укрепились на мировом художественном рынке. Семён Шегельман не остановился в своем развитии и находится в мейнстриме североамериканского искусства. В своих последних работах он вновь рефлектирует Ригу, Балтию и свою молодость. И в них блестяще представлен Шегельман-колорист.

Полотна художника предлагаются по некоторым опубликованным лотам галерей и аукционов по относительно умеренным ценам до 9000 \$ US, экземпляры графики – от 800 \$ US. Другими словами, они пока еще по карману любителям и ценителям графики и живописи. Но это ненадолго.

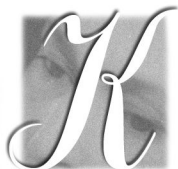

¹⁵ Belševica, Vizma: Gleznotājs, 25. nov. 1988

Борис Кушнер

Опыт литературной автобиографии

– 1 –

Когда в августе 2005 года издатель из Германии предложил мне написать литературную автобиографию, я задумался об опасностях жанра¹. С одной стороны было бы несправедливо не воздать должное самому себе (если не ты, то кто же за тебя? – слегка перефразируя нашего мудреца Гилеля), с другой стороны было бы пошлостью впасть в саморекламу, вроде той, что вползает с телеэкранов и из Интернета в наше подсознание, чтобы удобно свернуться там в послеобеденном отдыхе удава. Как раз сегодня кто-то ангельским голосом пел о своих сказочных услугах по ремонту ванн и туалетов, и я весь вечер ловил себя на мычании этой арии. Думаю, только юмор, самоирония может провести корабль между Сциллой и Харибдой. Попробую воспользоваться этим компасом.

Итак, начнём сначала. Пытаюсь прочесть самые ранние страницы памяти. Они предстают скорее картинками, отрывками фильмов, нежели текстами. Вот большая комната, кровати с решётками. Толстая женщина в белом халате ходит от одной кровати к другой со шприцем. За нею следует волна плача. Очевидно, ясли. Сколько мне лет? Вот огромные серебристые колбасы за оградой бульвара. Вижу их из окна трамвая. Аэростаты воздушного заграждения. Значит, ещё не кончена война. И мне года три. Мама вернулась с тремя детьми в Москву из

¹ Предполагалось выпустить том таких автобиографий. К сожалению, проект не осуществился.

Красноуральска в середине 1943-го. История этого возвращения не лишена интереса. После гибели на фронте отца в декабре 1942 года эвакуационная жизнь стала попросту невыносимой. В пропуске в Москву местные власти отказывали. Мама написала Сталину. Очень быстро, дней за десять пришёл ответ с разрешением из его секретариата. Местные власти организовали наилучшие железнодорожные билеты...

Ясно вижу также себя самого в подъезде нашего московского дома. Дом был постройки начала (двадцатого) века. Высоченные потолки с лепниной, крепостной толщины стены. Когда-то, во времена царистской тирании в нашей огромной коммунальной квартире жила одна семья. Подъезд дома тоже был выполнен на славу, как и мраморные широкие лестницы. Достопримечательностью подъезда был огромный зеркальный шкаф. Как это ни странно при тогдашних дворовых нравах, зеркало было цело ещё и в поздние шестидесятые годы. Когда, наконец, его разбили при каком-то ремонте, оказалось, что деревянное основание было оклеено газетами конца XIX века. Оторваться от них было трудно. И вот стою я в этом подъезде между двумя дверьми, ведущими в два двора, в потоке солнца и знаю, без всяких слов знаю: мне четыре года. А вот я в машине с братом, он открывает дверь и передо мною бешено летит назад брусчатка (думаю, это было у Трубного бульвара). И снова бульвар – Чистые пруды. Брат (старше меня на тринадцать лет) садится на мой трёхколёсный велосипед. Все три колеса раскатываются в разные стороны. Брат смеётся, птицы заливаются. А у меня острое чувство: жизнь кончена.

Эта драма, в смягчённой по отношению к брату форме, вспомнилась через шестьдесят с лишним лет.

Деревья, стволы бугристы,
Наросты – свидетельства драм. –
Годы-кавалеристы –
На шраме – шрам.
Мой бульвар Чистопрудный...
Скрежещет трамвай, тормозя... –

Вспоминается трудно,
Но и забыть нельзя.
Грозили из чащ медведи, –
Газонов дремучи леса... –
Спасаюсь на велосипеде –
Машина в три колеса.
Но камень! Откуда здесь камень?!
И жалобно звякнула ось...
И Мама всплеснула руками –
Колёса-то – врозь!
Такое кино без билета,
И крутят его, что ни ночь, –
Погоня, авария эта,
Колёса, летящие прочь.
8 мая 2010 г., Pittsburgh

Или праздничный день на том же бульваре – на пруду несколько льдин. На одной из них стоит странного вида человек и горячо обращается к собравшейся по берегам толпе. Вокруг пруда бегают ошалевшие милиционеры, свистят, но в воду залезть никто не решается. Наконец, «ледяной человек» замолкает, быстро раздевается до кальсон и под восторженные возгласы толпы плывёт сажёнками к берегу у трамвайного круга. Там его ожидает горячий милицейский приём.

Чистые пруды

Зимой на пруду устраивали каток, откуда доносились «Брызги шампанского», труба Эдди Рознера и другая нарядная музыка. В наших детских кругах с замиранием говорили о «канадах», роскошных коньках с длинными лезвиями. Многие годы с началом зимнего сезона

на внутреннем торце пруда строили деревянный павильон-раздевалку, весной его сносили. Но однажды павильон оставили, и стоял он до тех пор, пока не сменился капитальным зданием с рестораном. Каток к этому времени был уже в далёком прошлом. Вспоминаю несколько прудовых эпох – лодки, каток, лебеди... Одной весной воду из пруда спустили, обнажилось глинистое неопрятное мелкое дно. В середине лежала огромная тяжёлая бульварная скамья. Как она туда попала, кто ухитрился утопить её? Мои собственные отношения с коньками складывались неважно – я их любил, они меня – нет. Самый последний опыт в студенческие времена на катке Парка культуры закончился трагикомически. В прокатном коньке сломалось... лезвие! Да, именно оно разломилось пополам. Служащий, ведавший прокатом, не верил своим глазам. Вероятно, в металле была скрытая раковина.

Чистые пруды

Чистые пруды

Володе Сёмину

Сегодня ветер мёл по мостовой
С настойчивостью старого ревнивца,
Коллючий мусор сыпал прямо в лица
И ветви гнул упругой тетивой.

Я вновь пришёл на Чистые пруды, –
Он где-то здесь, мальчишка-одногодок...
Но нет следов.
И пруд так мёртв без лодок
В безжизненном мерцании воды.

Я был когда-то с прудом неразлучен
И всё бродил по низким берегам –
Закрывать глаза – и снова скрип уключин
И тихий плеск, и звонкий детский гам.

Стоят скамьи как будто бы всё те же,
Под солнцем пятна заоконной мглы...
Деревьям не сидеть, но ветви реже,
И от удушья корчатся стволы...

Такой же день, и так же воздух гулок,
Я так же остро чувствую беду,
А за оградой дремлет переулок,
В который никогда я не войду...

Я снова здесь, но я не знаю средства,
Чтоб воскресить давно умерший свет...
А жизнь – река, текущая из детства,
Иссяк исток, – и ей теченья нет.
18 апреля 1988 г., Москва

Такой трамвай теперь ходит вдоль Чистых прудов, 2000 г.

В праздничные дни бульвар преображался. Гремела музыка, неизвестно откуда появлялись торговцы, продававшие всякого рода кустарные игрушки. Особой популярностью пользовались разноцветные «колобки» на резинке (ими можно было ловко играть) и дуделки, называвшиеся в народе «ути-ути» или «уйди-уйди». Название, конечно, было звукоподражательное. С

окончанием празднеств торговцы исчезали в ту же самую неизвестность, из которой являлись. Власти, очевидно, ничего не имели против этой необычной в советское время частной инициативы. Дуделка-пищалка пользовалась моей особой симпатией (видимо, сказывалась любовь к музыке), и однажды она меня серьёзно подвела. В послепраздничный день, на уроке географии мне пришла в голову страшная мысль, что дудочка испортилась! Я и дунул в неё – совсем чуть-чуть, только для проверки – под партой. Увы! Игрушка оказалась более чем исправной. Вместо ожидаемого писка «щёпотом» она издала полновесное «уйди-уйди» – к великому удовольствию всего класса. Добрейшая наша учительница Мария Григорьевна приняла «реплику» на свой счёт и против обыкновения рассердилась. В сохранившемся до сих пор школьном дневнике за 6-й класс среди многих подобных красуется запись: «9 ноября на уроке географии свистел». Я был виноват, но «свистел» уж слишком суровый приговор. Вся эта история весёлым эхом отозвалась много лет спустя. Приятель-музыкант повёл меня на студенческий концерт музыкального училища при консерватории. Эпицентром события стал Первый фортепьянный концерт Чайковского. Это была дипломная работа, и выпускник, плотно сложенный юноша, невозмутимо одолевал немалые технические трудности сочинения. Помогал ему оркестр училища. Добрались до каденции первой части. До знаменитых расходящихся октав «та-та-та-та-та» (*forte*) и в ответ лирического всплеска-арпеджио «трам-там-там» (*piano*). Если не ошибаюсь, Николай Рубинштейн тщетно пытался уговорить Чайковского заменить расходящееся движение октав параллельным, унисонным. На мой взгляд, параллельно или врозь, это, во всяком случае, не самая лучшая музыка Чайковского. Но сейчас речь идёт о другом. Уже в начале каденции я обратил внимание на юного валторниста, нервно обнимавшего инструмент. Вот он вынул мундштук, вытряс его. Вот вставил его назад. Вот тихонечко наклонился к медному чуду. Не может быть! Как и я, он захотел чуть-чуть проверить инструмент, а валторна гнусаво хрюкнула на весь зал – как раз на всплеске лирического арпеджио! Зал покатился, дирижёр, не

сдержавшись, погрозил преступнику кулаком, а юный пианист, вздрогнув, невозмутимо продолжал двигаться к бурному финалу первой части. Настоящий артист, как солдат, должен лицом к лицу встретить любую неожиданность. И ещё одно эхо – тоже весёлое, но не состоявшееся. Слушаю я, уже в Питтсбурге, огромную ораторию «Смерть и жизнь»² Гуно. Оркестр у нас в городе действительно великолепный. Одно заглядение. Вот я и стал приглядываться к темпераментному ударнику, прекрасному, должен сказать, музыканту. И вижу, что он, то к гонгу потянется, прикоснётся, то к барабану – вот-вот ударит, но нет! В последний миг останавливается его рука. Так в ужасе я и провёл все эти минуты. По Хичкоку: ожидание события страшнее его самого...³.

Есть ли жизнь на Марсе?

Праздничные салюты на Чистых прудах – отдельная история. Ракеты запускали с крыш нескольких зданий, смотревших на бульвар (в одном из них, кажется, жила когда-то Марина Цветаева). Мы носились под этими домами в поисках трофеев – горячих пыжей. Они дивно пахли

² Сколько я помню, композитор настаивал именно на таком названии, поскольку в порядке вечных явлений смерть предшествует жизни.

³ Ср. <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer4/Kushner1.htm>.

Все цитированные сайты посещались летом-осенью 2010 года.

огнём, недавним сиянием в небе и ещё чем-то – совершенно волшебным, несказанным. Через десятилетия я вернулся к этой волнующей охоте уже со школьником-сыном Сашей. Из недогоревших кусков фейерверков он позже устроил пиротехнические эффекты в детективном фильме, который мы сняли с друзьями в августе 1986 года на даче. Там даже был дистанционный подрыв «мины» в одном из эпизодов.

Однажды в праздник я увязался за колонной демонстрантов. В памяти, помимо всеобщего пения, какого-то, как сейчас видится, истерического веселья, осталась очередная картинка. Усатое лицо далеко вверху на Мавзолее. «Сталин, Сталин» – шептали, кричали вокруг. Не исключая, однако, что это был Семён Михайлович Будённый. С такого расстояния, разве разберёшь?

Перedelкино. 5 ноября 1986 г.

Конечно, не миновали меня детские сады. Помню, по меньшей мере, два из них. Живая заметка памяти: в мёртвый час сбегаю из детского сада, увлекая за собою соседа «по койке». Привожу его домой (благо, недалеко). Гостеприимно пропускаю вперёд. И, к моему изумлению, сестра нам совсем не рада! Приходится ей отводить

беглецов назад. Подобный эпизод примерно в то же время. Сослуживица мамы обнаруживает меня у Большого театра. На её вопрос, что я тут делаю, отвечаю: «Считаю колонны». Не дав досчитать, она меня доставила на метро домой. Метро вообще меня привлекало – загадочной влажной тьмой туннеля, ветром из гигантской чёрной трубы, раскачивавшим светильники и предвещавшим взрывной набег поезда. А бешеный полёт огней за окнами под барабанный стук колёс? А если повезёт найти дырочку в краске двери отделения машиниста? Прижмёшься к ней и видишь всё! Все изгибы туннеля, лезвия рельсов, улетающие под вагон, и, растущий на глазах оазис станции. Там, как ни в чём не бывало, бродят равнодушные люди...

Мне снится метрополитен...
Из тьмы неясно веет прелью...
Апрель звенит по подземелью,
И юный мир ложится в крен. –
Мне снится метрополитен...
Мой взгляд ещё и свеж и остр,
Под ветром люстр ритурнель,
Расколот миг и синий монстр
Взрывает дремлющий туннель...
Полёт среди чернильных вздутий,
Мечей, кумиров и орал... –
Как будто Чебышев Пафнутий
Берёт биномный интеграл...
Чередованья тьмы и света,
Бетона, мраморных гангрэн... –
Мой Бог! Я это видел где-то!
.....
Мне снился метрополитен...
8 июня 1993 г., Pittsburgh

Стихотворение это несколько романтизирует реальность. Устойчивый возвращавшийся много лет сон напоминал скорее фильмы Хичкока: стою я на перроне станции «Кировская», жду поезда, всё как надо – ветер, ужас и... вместо бешеного голубого (или, как когда-то,

коричневого) экспресса из мрака выплывает белая лошадь с телегой.

Ещё одна картинка из неизмеримого прошлого. Первый апельсин. Принёс его в детский сад мальчик Вадик – до сих пор помню его имя, такое было впечатление! Мандарины, конечно, были нам всем знакомы, но этот гигантский мандарин с толстой солнечной желтизны кожурой – явление из волшебной сказки. Чудо. Позже, в школе место апельсина занял муляж груши Бере зимняя Мичурина, красовавшийся в кабинете биологии. Поддельная груша была выполнена в лучших традициях соцреализма и вызвала у меня (и не только у меня!) условный рефлекс слюноотделения в полном соответствии с учением академика Павлова. Похоже, этот «фрукт» изготовлялся массовым тиражом (в отличие от груши настоящей) и являлся обязательным экспонатом любого уважающего себя биологического кабинета.

Страсть к метро принесла мне уже в первом классе школы волнующее приключение. В один прекрасный день после занятий я спустился по эскалатору на станцию «Красные ворота». Доехал до «Парка культуры» (тогда конечная остановка) и вышел на улицу, забыв, что денег на обратную дорогу не было. Спohватившись, решил идти пешком. Но как, куда? О городе, за исключением ближайших домашних окрестностей, разумеется, не имел никакого представления. Спросил проходившую мимо женщину как пройти к Чистым прудам. Она изумилась и, конечно, посоветовала метро. Потом посмотрела на меня:

– У тебя, что – денег нет? Пойдём, я заплачу. –

– Есть, есть... – гордо отказался я и для вида побрёл к метро. –

Каким образом мне удалось поздним уже вечером придти домой, до сих пор не понимаю. Думаю по обрывкам картинок-воспоминаний, что я описал гигантскую дугу по Замоскворечью и вернулся к Бульварному кольцу через Устьинский мост. В этом месте окрестности стали узнаваемы – особенно, строившийся высотный дом на Котельнической набережной. Он, вероятно, и служил

маяком. Сегодня не верится, что все эти мини-небоскрёбы⁴ появились на моих глазах. Сидел я в классе в старом здании школы, а за окном росли металлические конструкции высотного дома у Красных ворот. И флаг над стальными фермами с каждым днем уходил всё выше в синеву...

В окрестностях Чистых прудов многие знали многих. Убедился в этом на собственном опыте первого курения. В киоске на Трубной площади мы купили с приятелем по дешёвой сигаре. Разумеется, для такого случая подходили только сигары – вероятно, сказывалось влияние Уинстона Черчилля, появлявшегося в те дни в кинохрониках. Было нам лет 10-12, но киоскёр и глазом не моргнул. Видимо, марксова формула «деньги-товар» была важнее всего. И мы пошли вверх по бульвару, непринуждённо дымя. Солнечный звонкий день. Трамваи звенят, машины гудят, птицы поют. От табака приятно кружится голова, и ноги идут сами по себе... Прихожу домой. В дверях уже поджидает мама: «Курил, мерзавец!» Всего-то каких-то пятнадцать минут прошло... Такой был беспроволочный телеграф на Бульварном кольце...

Не забыть и районного сумасшедшего Митю. Он часто стоял у магазина «Рыба» в проезде к Покровским воротам и раздавал рекламные листовки, вроде «Вкусно и питательно, купите обязательно». Это говорилось о крабах, ставших впоследствии желанным дефицитом. Человек, вероятно, страдал синдромом Дауна. Детвора иногда зло подшучивала над ним. И сейчас вижу, как однажды Митя вышел из себя, как закричал, замахнулся на детскую волчью стаю... Почему из бесчисленного числа жизненных «кадров» память выбрала и сохранила именно эти, не берусь судить.

И снова сны на годосклоне –
Всё та же тусклая Луна,
И снег сугробом на газоне,
Соседка с поступью слона.

⁴ Когда-то читал путевые заметки американца. Он приехал в Москву из Ленинграда, вышел на Комсомольскую площадь и увидел... «маленький небоскрёб».

Скандал на кухне коммунальной,
И Митя, клоун ненормальный,
Потеха злобной детворы,
Помойки, задние дворы,
Каток подобьем биллиарда,
Бульвар, умерший без мамаш,
И в этом фильме авангарда
«Легко на сердце» – звонкий марш...
20 декабря 2009 г., Pittsburgh

Квартира наша сильно напоминала ильфо-петровскую Воронью слободку. Семь семей и одинокая старушка тётя Дуся – в каморке без окон, вероятно служившей когда-то кладовой. Тётя Дуся любила угощать меня леденцами. Жила она тихо и также тихо, как-то незаметно умерла. Мир ей... Сжатые поневоле в тесном пространстве люди нервничали, ссорились. У каждой семьи были свои горести. Да и просто худшие стороны человеческой натуры пышно расцветали на такой благодатной почве. Образовывались коалиции – долговременные и мимолётные. Всё это походило на международную политику, в которой роль ООН играли учреждённые позже товарищеские суды («Наше слово гордое товарищ/ Нам дороже всех красивых слов»). А к одной из соседок вполне подходил знаменитый афоризм: у неё, как у Англии, не было постоянных друзей, только постоянные интересы.

Случались и смешные истории. Мама и бабушка вспоминали, например, как до войны к папе прибежала соседка и попросила пилу.

– Зачем? – спрашивает папа. –

– Да вот рояль не могут занести, не проходит в дверь. Надо ему хвост отпилить. –

Рояль этот всё-таки занесли, я его хорошо помню.

Отпрыск той же «рояльной» семьи как-то в сильном подпитии пришёл на бульвар к пруду, сел на берегу и, медленно развязывая шнурки, взывал к публике: «Караул, топлюсь»! Собравшаяся небольшая толпа советовала ему поскорее залезть в воду. Конечно, дело кончилось в милиции...

Вот так проходили целые жизни...

– 2 –

Пожалуй, я стал понимать язык раньше, чем научился говорить. Уже не картинка, а целый эпизод. Мама ведёт меня за руку по ступенькам из метро (вероятно, «Кировская») и разговаривает с какой-то женщиной. Звериным почти инстинктом понимаю, что та советует отдать меня свекрови. Само непонятное слово внушает ужас (не из-за корня ли «кровь?»). Пытаюсь прокричать маме, чтобы не отдавала и... не знаю, как это сделать...

Диплом бабушки

Первая разумная встреча с языком – она же мой первый и последний театральный опыт в заглавной роли. Пионерский лагерь в Сетуни, около Москвы. Мама, вероятно, работает там сестрой-хозяйкой. Помню её в коридоре в белом халате, окружённой детворой: «Тётя Зина, дай стущёнки!» Время – видимо, последний военный год или ранние послевоенные годы – сужу по тому, что мы навещали раненых в близлежащем госпитале. Я – всеобщий любимец, особенно девочек старшего отряда. Купаюсь в

этом тёплом море всеобщего обожания (или мне так казалось тогда). Родительский день. Спектакль «Колобок». Конечно, заглавная роль – моя. Катаюсь по сцене, произношу нехитрые монологи. Успех – колоссальный. Наконец, трагический финал. Откуда-то появляется симпатичная Лисица. Следует знаменитый диалог, и здесь происходит отклонение от репетиций. До сих пор съедение Колобка было абсолютно символическим. Но для спектакля на кухне испекли румяную круглую булочку, которую незаметно дали Лисе. И девочка принялась откусывать! И тут во мне разыграло чувство справедливости. В самом деле, я трудился весь спектакль в поте лица, а эта особа и минуты не проработала! Короче говоря, Колобок вырвал булочку у Лисицы и стал кусать её (булочку, конечно) сам. Хохот стоял гомерический.

В те времена я с нетерпением ожидал вечеров. Бабушка читала мне перед сном. Особой моей любовью пользовалась книга «Что я видел» Бориса Житкова. Готов был слушать её без конца. И сегодня всё ещё улыбаюсь-смеюсь, вспоминая историю о капитане, который показывал-показывал на запретную кнопку, да и нажал её. Сам я тоже был порядочным «почемучкой», изводил бабушку: «Читай, читай ещё. Почему хватит»? Однажды она показала и объяснила мне алфавит. Следующим утром я раскрыл лежавшую на тумбочке книгу и принялся искать буквы. И вдруг они стали зацепляться друг за друга, цепочка зазвучала. Чудо! Я прочёл своё первое печатное слово «сарай». С полной ясностью помню этот миг. Ещё один день чтения по складам, и вот слоги-спотыкания исчезли, и передо мною открылся поразительный процесс, Дар Б-жий нам, людям – волшебство свободного непрерывного чтения. Не знаю, когда это со мною случилось, но заведомо задолго до школы.

Припоминаю и детские страхи, во многом вызванные впечатлительностью и доверчивостью. Одно из той же вереницы самых ранних воспоминаний: на кровати лежит труба. Она почему-то внушает мне неодолимый ужас – возможно, слышал, как на ней играли. Впрочем, никаких звуковых воспоминаний не осталось – только блестящее

существо со зловещим конусом на конце. Что-то, вроде свернувшейся перед броском змеи. Не зря в старшинах трубного семейства значится огромный офиклеид⁵! Многие годы не мог понять, откуда, собственно, взялся в доме инструмент, уж не померещилось ли? Недавно узнал от брата, что перед самой войной он недолго учился игре в Консерватории, и отец купил ему замечательную циммермановскую трубу. Вскоре после возвращения из эвакуации её продали, и остался от серебряного чуда только обрывок в моей памяти.

Подруги старшей сестры любили дразнить меня. Например, понизив голос, говорили, что в соседней типографии делают из детей котлеты – мерный гул, доносившийся из здания, убедительно подтверждал их слова. Одна из шуток имела серьёзные последствия: они уверяли, что в рояле живёт особенный «рояльный» волк. В результате, увидев впервые настоящий рояль на вступительном экзамене в музыкальную школу, я буквально онемел от ужаса. Музыкальное образование не состоялось. А очнись я тогда, кто знает? Может быть, играл бы Листа в Латинской Америке – так шутили впоследствии музыкальные друзья, намекая на мою склонность к *fortissimo* и *prestissimo con fuoco*.

Первые опыты в рифмовании припоминаю вместе с ненавистным «мёртвым часом» в детском саду. В пионерском лагере эта спальная процедура стала для меня и вовсе убийственной. Лежать целый час – и это среди белого дня, когда травка зеленеет, солнышко блестит! И ласточка стучит клювом в окна палаты. Не знаю, был ли какой-то медицинский резон во всём этом, – но попытка получалась отменная. Вот и лежал я, смотрел в потолок, и строки нашёптывались критические. В начальной школе это вылилось в басню о любимой учительнице и в очередные неприятности для мамы. Позже, где-то в классе седьмом мы с Юрой Черняком (о нём я расскажу ниже) выпустили самовольную стенгазету «Вестник». На мою долю выпали

⁵ Буквально, «змея с клапанами». Предшественник офиклеида и вовсе назывался «серпентом» – змеей.

стихи (вся газета состояла из одной большой поэмы), а дружок мой рисовал. В поэме критиковалась наша классная руководительница, чудесная Наталья Евгеньевна, мир ей, добрая была душа, литературу любила и многим из нас это привила. Заодно подверглись критике некоторые одноклассники, впрочем, всё это было мягко, необидно. Почему-то запомнилась отравленная стрела, пущенная в сторону несколько сумбурной и темпераментной Наташи Макаренко: «Подскачив как на иголках,/ Сеть сплела суждений тонких,/ На Олимпа высоту/ Бросив с правдой клевету». Олимпом была всё та же Наталья Евгеньевна, а вот в чём состояла правда с клеветой, – полностью забыл. Где она теперь, Наташа? А тогда в 56-м или около того, Наталья Евгеньевна с явным удовольствием читала газету, потом пришла завуч, тоже читала, тоже смеялась. Но, прочитав, газету сняла – всё-таки посягательство на партийную монополию печатного слова, пусть даже в масштабе отдельно взятого класса. Дело отдаёт политикой, а чем отдавала политика в СССР объяснять не нужно. Эта завуч, казавшаяся мне старушкой (думаю, ей было лет 45), однажды совершила поразительный поступок. Чем дольше я живу, тем больше благодарен ей за него. Дело было много раньше нашей самодельной газеты. В то утро объявили по радио о «раскрытии заговора врачей». И сегодня слышу торжественный голос, – наверное, Левитана (каково ему было *это* читать!)... В свои 12 лет я не очень понимал происходящее, скорее спиной почувствовал волну холода. Школа гудела. Звонок. В класс входит завуч, она вела какой-то урок, кажется, чистописания.

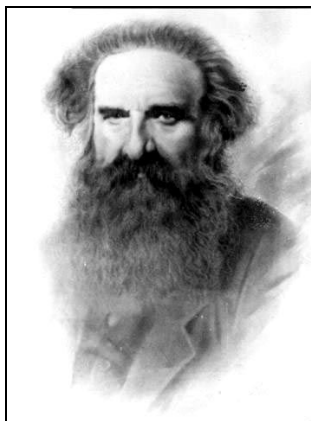
– Всё эти евреи! – крикнул кто-то сзади. –

– Все хороши, и евреи, и русские. Хватит. Достаньте тетради. –

Спасибо Вам, Нина Александровна, это был действительно урок чистописания. Морального чистописания. И какой опасный – для учителя – урок.

Помню волнение зимой 1956 года вокруг Двадцатого съезда КПСС. Я уже начинал смутно понимать значение происходивших событий: в семье шёпотом вспоминали исчезнувшего до войны моего деда, маминого отца. Портрет

дедушки висел у нас на стене – библейского вида борода, вдохновенное лицо. Мама и бабушка говорили, что я очень похож на него. И это было тайным предметом моей гордости. Да и называли меня Борисом в память деда.

Дедушка Борис Яковлевич Меерович

А тогда у нас в школе было большое собрание, и девочка из нашего класса читала собственное стихотворение. Запомнился настойчивый рефрен: «Двадцатый съезд, двадцатый съезд/Двадцатый съезд КПСС». Позже злые языки обратили трагедию в фарс, придумали детскую страшилку: «*Съест* КПСС!»... Всего-то в двух буквах разница... Впрочем, людоедская парафраза не была лишена скрытого смысла...

В целом, политическая сторона жизни проходила мимо меня, хотя до сих пор ясно вижу лицо знакомого старшеклассника, исключённого из школы за попытку организовать протест против советской интервенции в Венгрии. Что с ним стало, мы не знали. Он просто больше в школе, да и в наших окрестностях не появлялся. Боюсь, это была ещё одна искалеченная режимом судьба.

Просветом в тревожной атмосфере поздней осени 1956 года стали гастролы Ива Монтана. Надо сказать, что французский актёр-певец был уже хорошо знаком советской публике благодаря замечательным, можно сказать, вдохновенным радиопрограммам Сергея Образцова.

Звучавшие в них песни завораживали какой-то трудно выразимой словами внутренней свободой. Это ощущение многократно усилилось при живой встрече с артистом. Почти мгновенно были выпущены грампластинка и сборник «Солнцем полна голова» песен, исполнявшихся Монтаном. Я пел-играл и «Девушку на качелях», и «Гамена», и «На рассвете», и «Большие бульвары»... В эти дни состоялось также первое моё знакомство со своего рода «Самиздатом». По Москве начал циркулировать стихотворный памфлет, который с патриотических позиций высмеивал чрезмерные восторги художественной элиты. Соседка с утра до вечера стучала на машинке, размножая крамольные стихи. Сейчас я думаю, что, вероятно, кого-то из этой элиты куда-то не пригласили, оттого и разгорелся сыр-бор... Странная вещь память! Столько всего забыто, а некоторые строки из этой «поэмы» навсегда в памяти застряли. «Вот показался самолёт,/Звучит пропеллер, как гитара./Всем показалось он поёт/ Про те парижские бульвары». Особенно раздражал автора памфлета Образцов. Описание встречи Монтана в аэропорту продолжалось примерно так: «И кажется со всех концов/ Бежит к Монтану Образцов./ Вот слева он, а вот он справа,/А вот он в центре меж людьми/"Пустите, я имею право!/Я друг его, я шер ами⁶!"». Затем следовало: «...И он, как орден Легиона/Повис на шее у него./Монтан хотел задать вопрос/ Про поведение Образцова,/Но зацелованный взасос/ Певец не вымолвил ни слова./Его известная жена/Была весьма поражена,/Увидев Образцова ближе,/Чем доводилось ей в Париже». Подробно описывался какой-то приём, и здесь не поздоровилось, помнится, Утёсову. Пришла очередь ему произносить тост: «Волнение. Колотье в боку./ Когда глаза в него впились,/ Он вместо слов мерси боку⁷/Вдруг произнёс «мерси Тбилиси»». Если не ошибаюсь, далее упоминался Ойстрах, исполнивший «не то *Es-dur*, не то *es-moll*». Французский певец благосклонно принимал восторги, и «За концерт он им в обмен/Исполнил песенку «Гамен»». Заканчивалось ядовитое послание

⁶ От французского «*cher ami*» – «милый (дорогой) друг».

⁷ От французского «*merci beaucoup*» – «большое спасибо».

грубовато: «Монтан гремит на всю Европу,/ Спасибо, что приехал он./Но целовать за это в .../Как говорится, миль пардон⁸». Не замедливший появиться стихотворный ответ перечислял низкие мотивы и пороки автора памфлета, который выглядел «Совсем, как Вова Поляков/Кумир московских пошляков». Такой скандал в благородном семействе.

Последовавшие почти сразу за венгерскими событиями гастроли Монтана, очевидно, имели значительную политическую подоплёку. Певец как бы прорывал художественную блокаду Советского Союза. Этим, конечно, объяснялось необычайное доброжелательство властей. Не исключая также, что власть предержащие были не прочь несколько разрядить напряжение в образованной части общества. Всё это, разумеется, от меня тогда ускользало. Рассказ о жизни Монтана, анализ ситуации вокруг его гастролей можно найти в замечательном эссе Артура Штильмана «Ив Монтан – певец Парижа»⁹.

В те же месяцы появилась и памятная нам всем песня Мокроусова-Хелемского «Задумчивый голос Монтана/Звучит на короткой волне». Так и слышу Марка Бернеса... В своих воспоминаниях о Бернесе Яков Александрович Хелемский рассказывает об истории создания этой песни и об удивительной атмосфере, в которой проходили выступления французского певца¹⁰.

Мне вспоминались и Монтан, и Бернес, когда в середине шестидесятых годов я услышал песни зарождавшегося в стране бардовского движения. Тогда же мне довелось увидеть встречу наших первых бардов со знаменитым бельгийско-французским шансонье Жаком Брелем. Он выступал в переполненном актовом зале МГУ. Меня поразил трагической экспрессией его «Амстердам» и невероятным *accelerando* «Вальс». Затем спел несколько

⁸ От французского *mille pardons* – «тысяча извинений».

⁹ <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer9/Shtilman1.htm>.

¹⁰ «Вестник», Baltimore, № 16 (275) – 17 (276), July 31 – August 14, 2001, <http://www.vestnik.com/issues/2001/0731/win/khelemsky.htm> и <http://www.vestnik.com/issues/2001/0814/win/khelemsky.htm>.

песен Сергей Никитин (запомнились песня о маленьком трубаче («А что ему, всё нипочём) и «Попутная» («Немного беспомощно/Вагоны качаются»)). Брель улыбался, горячо аплодировал. В конце вечера он ответил на многочисленные записки. Переводила молодая преподавательница с кафедры французского языка. «Что вы думаете о Брижит Бардо» – спрашивал некто любопытствующий. Брель рассмеялся и мгновенно ответил. Милая француженка замялась, покраснела и всё же перевела: «Господин Брель говорит, что у него два мнения о Мадам Бардо – одно вечером, другое утром». Зал задохнулся от смеха. Вот она, внутренняя свобода в своей озорной форме!

Тогда же произошла моя самая первая встреча с «вражьими голосами». Она оказалась трагикомической. Обычно в коротковолновом диапазоне нашего старого приёмника царили иностранные языки или завывание глушителей. И вдруг в этот день прорвался голос, сообщивший на русском языке с сильным китайским акцентом, что: «Империалисты всех стран плюют на Хрущёва и дают ему одну пощёчину за другой». Вот так.

Но вернусь в школьные годы. В старших классах моё внимание было обращено на математику, литературой я мало интересовался. Разве что иногда одноклассницы просили «завести» Наталью Евгеньевну каким-нибудь литературным спором. Однажды мне удалось сорвать сочинение, для которого был предназначен сдвоенный урок. Вместо этого все два часа я низвергал Наташу Ростову – к горячему возмущению учительницы и моих соучениц. По окончании уроков я поклялся никогда больше на подобные просьбы девочек не откликаться: чёрной неблагодарностью отплатили они мне, спасшему их от мучительных усилий по «раскрытию образа» старого князя или Пьера Безухова, или той же Наташи. Я объяснял им, что почти повторил подвиг Раймонды Дьен – имя этой девушки, противницы французской войны в Индокитае, лёгшей на рельсы перед поездом с боеприпасами, было тогда у всех на слуху. Время вообще было тревожное. «Эйзенхауэр бредил войной» – как много позже пел несравненный Аркадий Велюров в «Покровских воротах». Так нас и учили. Тоталитарным

режимам всегда необходим образ врага для их «нормального» функционирования. Отчётливо помню мою первую встречу с телевидением: приятель позвал к себе домой «на телевизор». На открыточного размера экране КВН-49 (злые языки расшифровывали название, как «купил, включил, не вижу», в действительности, помнится, это были начальные буквы фамилий инженеров-разработчиков) разворачивалась драма по-хорошему, по-советски, т. е. на пользу народного дела соревнующихся братьев, командиров эсминца и подводной лодки. На учениях командир эсминца, знавший, что в зоне будут три подводные лодки, заметил (и притом в запретном квадрате) четвёртый перископ. Так, кстати, фильм и назывался: «Четвёртый перископ». Помнит ли его ещё кто-нибудь? После гамлетовских терзаний (а вдруг это его брат-товарищ-соперник сбился с курса?) молодой офицер атакует и топит (конечно, вражескую!) субмарину. И сейчас помню *Happy End* с подобающей музыкой и постепенно исчезающим изображением. И всё это время в центре экрана красовалось коричневатое круглое пятно, – таков был проявлявшийся со временем дефект ранних кинескопов (позже специально писали, что данный кинескоп снабжён ионной ловушкой, или в этом роде).

«Хождение на телевизор» было приметой пятидесятих годов, на эту тему слагались анекдоты, вроде следующего. Приходит некто в коммунальную квартиру и застаёт целое семейство на кухне. Дети готовят уроки, мать что-то шьёт, отец читает «Советский спорт».

– ??? – безмолвно изумляется гость.

– А в комнате соседи телевизор смотрят. –

Печальное, горькое, скудное время. Но люди, пока живы, находят свои радости, пусть бесхитростные, вроде «голубого экрана», как тогда (и долгое время позже) почему-то именовали чёрно-белое телевидение.

– 3 –

Всё это, все мои детские и молодые годы прошли в московском переулке около Чистых прудов¹¹. Это был

¹¹ Лобковский переулок, с 1961 года – улица Макаренко. В век Интернета можно мгновенно найти ряд интересных сведений об

конгломерат старых домов, набитых коммунальными гнёздами, проходных дворов, всяческих закоулков. Утром, открыв глаза, я видел в окно жёлтую стену, за которой угадывалось небо и солнце, заглядывавшее в переулочную щель. Небо, прежде всего, ощущалось в криках птиц, – их было, как я сейчас понимаю, невероятно много для центра огромного города. Птицы пели, кричали, щебетали на разные голоса, в эту звуковую ткань вплетались всевозможные городские звуки: звонки трамваев с бульвара, гудки и моторы машин, разговоры прохожих под окном. Иногда крик-пение старьёвщика «Старье б-е-р-ём!». Летом можно было слышать всю музыку всех окон в округе. «Ландыши, ландыши, светлого мая привет»... Это контрапунктическое сплетение звуков шагами Командора разрывали тяжёлые аккорды: кто-то пытался играть до-диез-минорную прелюдию Рахманинова, всегда останавливаясь на одном и том же месте в самом начале... В конце концов, уже учась в Университете, я достал ноты, и сыграл прелюд в открытые окна. Таинственный музыкант после этого навсегда замолк, чего не скажешь о моей совести. Надо ли было разрушать его дворец из десяти аккордов? Все эти переулочные картины-звуки отзывались через тридцать, сорок, пятьдесят лет в моих американских стихах. Вот одно из таких стихотворений-отзвуков:

Контрапункт

Но ливни память иссекут,
И в том когда-то –
Под неустроенность секунд –
Токката.
Колодец гулкий за окном,
Дрожит фрамуга... –
И птичий крик,
обвитый сном, –
Рассвета фуга...
Шаги, как тайны Берейшит,
Самумы, выюги...

этом уголке старой Москвы. Например, длина переулка – 240 метров.

Семь Дней Создатель
Завершит
Обвалом Фуги...
Но малярыйна желтизна,
Лучей обмылки...
Той первой фуги новизна
Звенит в затылке...
Соединенья голосов,
Противоречья.
Душа закрыта на засов
У бессердечья...
Но всё же, корку разломив,
Отыщем соус. –
Ах, этот бесприютный миф, –
Любовь и Совесть...
Обрыв испуганных окон,
Тайн развенчанье...
Уже не фуга, а канон.
Без окончанья.
1 января 1994 г., Pittsburgh

Что ещё сказать о переулке? Летними жаркими днями мостовую поливала из шланга весёлая дворничиха тётя Фрося. Дети скакали вокруг, дразнили её и впрыгивали в холодный водяной веер. А по пятницам под окнами скрипели колёса, цокала копытами лошадь. На дуге вокруг её головы было выписано мудрёное сокращение названия какой-то неведомой гужевой базы. Мы с приятелем-соседом выскакивали из дома и провожали лошадь с телегой до Комсомольской площади. Там они (телега-лошадь-возница) исчезали в вокзальных закоулках за загадочными воротами. Какая тайна скрывалась за скрипучими зелёными створками – этого мы никогда не узнали. Всю дорогу возница неизменно дремал. Лошадь же работала за двоих – останавливалась у красных светофоров, подавалась к тротуару, когда её обгоняли нетерпеливые автомобили. Уже в двадцать первом веке картина детства вернулась в почти *déjà vu*. Французский квартал Нового Орлеана. Вальсяжные туристы в бричке (думаю, вроде чичиковской). Философски спокойная лошадь (в отличие от Москвы с большим ведром

под хвостом). Возница в экзотическом костюме флиртует с туристками. К движению он сидит спиной, оно его совершенно не интересует. Магнитофон что-то вещает о достопримечательностях. Лошадь, кажется, знает всё. Вовремя останавливается, давая высказаться магнитофону, вовремя начинает идти. Останавливается на знаках «стоп», на красных сигналах и перед неосторожными пешеходами... Не знаю, доверял ли ей возница получать свою зарплату...

Новый Орлеан, 2007 г.

– 4 –

Мой отец, Абрам Исаакович Кушнер погиб 10 декабря 1942 года, мне в точности исполнился год. Так я начал мерить своей жизнью его небытие. По этой причине день рождения стали отмечать 5 декабря, тем более что день был нерабочий (страна радовалась сталинской конституции). Только в старших классах школы я узнал настоящую дату. Утром 5 декабря на тумбочке рядом с моей кроватью неизменно оказывались подарки. Сколько ни пытался я бодрствовать накануне, чтобы увидеть, как мама их раскладывает, никогда это не удавалось. Через что проходила мама в те годы, конечно, детскому уму понять было совершенно не под силу. Я только смутно чувствовал тревогу, пронизывавшую детство. Ребёнок ощущает маму, как своего рода высшую форму собственности. Мама – для него, мама – при нём. Даже и в юности нелегко осознать, что у неё есть собственная, только ей принадлежащая и

единственная жизнь. Вообще осознание неоплатного долга перед родителями обычно приходит нескоро, и часто слишком поздно. Приходит вместе с неискупимой виной. Утешаю себя тем, что с каждым кругом-годом, отдаляющим от начала, от дней, когда мама была всем на свете, а отец казался кем-то вроде покинувшего нас бога, приближаюсь к черте, за которой мы все встретимся...

Мой отец, 24 октября 1933 г.

Ещё не пахло драмою.
Ещё я жил бегом,
И говорил я с Мамою,
Но думал о другом.
И всё же, трубку вешая,
Порой глотал я ком. —
Но дело-то не спешное,
Поговорим потом.
Другим настала очередь,
Огонь и стать и прыть.
Не очень сыну хочется
Со мною говорить.
А я стою над ямою
Вполне законно сед. —
Поговорить бы с Мамою,

Да только Мамы нет.
29 октября 1998 г., Johnstown

В декабре темнеет рано
В ледяном Его дворце... –
Мой Танах раскрыт пространно –
Все страницы об Отце.

Ночь плывёт печальной птицей,
В чёрном – крылья, два плеча... –
Научи меня молиться,
Плач Души моей, свеча...

Нет конца потерям, бедам,
Всё – на крови, всё – в крови... –
Скудным словом заповедан
Осенённый мир Любви...

Озарённый Мастер лепит
Хрупкий Логос дел и слов... –
Вдохновенья острый трепет –
И Адам любить готов!

И восставшее Творенье,
Поборов начальный страх,
Тоже ищет озаренье
На запутанных путях.

Распахнулся мир бескрайний –
Остр, опасен, дивно свеж –
Как влечение Тайны к Тайне
В окружении Надежд!

.....

Оба равnoneизвестны
Два Отца во мне, со мной –
Грозный мой Отец небесный
И прощающий земной.
10 декабря 1995 г., Johnstown

Контрапункт-3

Водосточные трубы
По переулочным стенам,
Сквозь утра сжатые зубы
Трудно рыдать сиренам.
Утро – в сдавленных столах,
Стены в окнах-иконах –
Лампадные. –
Память – нить Ариадны
По Времени лабиринту. –
Трубы звучали в квинту
В воздухе водянистом –
Жестяные органы
Жалкой этой нирваны –
Дождь – органистом.
И в этом нищенском Храме
Как бунт, как мятеж, как вызов,
Молился часами
Капельным метрам карнизов.
Дождя ледяные порывы,
Стекло дребезжит и рама. –
И Чудо: всё ещё живы –
Бабушка, Мама...
14 июля 1998 г., Johnstown

Мои родители, 18 мая, 1941 г., Москва, стадион «Динамо»

Из незаметно пришедшей старости оглядываюсь на жизнь бабушки, мамы, отца, чувствую сердцем, что их дни так же звенели рассветами, закатами, обидами, горестями,

радостями, как отзвенела моя собственная жизнь. Ибо каждый человеческий путь – книга, драма-трагедия. Театр единственного актёра – он же зритель. А Имя Режиссёра непроизносимо. Волшебство искусства в том и состоит, что позволяет нам иногда заглянуть в «не наш» театр, побывать на «не нашем» представлении...

Глаза мои стали тусклы. –
Времени вес.
Меркнут в театре люстры.
За-на-вес.
И всё же шепчу упрямо,
Пишу, карандаш кроша:
«Кончается жизни драма,
Но как была хороша»!
13 июля 2009 г., Route 22, East

– 5 –

Музыка! Мой прошедший через всю жизнь роман с нею начался в раннем детстве. Это счастье подарила мне моя незабвенная бабушка Софья Моисеевна, мир её памяти. Любила она меня безмерно. Бабушка (мама моей мамы) играла сонаты Гайдна, Моцарта, что-то из опер. Самодельные, в старинных переплётах сборники нот содержали бесчисленные сказочные богатства... Настоящий Остров сокровищ в довольно безрадостном мире.

Ноты бабушки своеобразно отражали, как я теперь понимаю, движение музыкальных вкусов. В переплетённых, собственноручно составленных томах рядом с Моцартом, Гайдном можно было найти «Звёздный марш» Суца (*Sousa*), не что иное, как знаменитое *Stars and stripes forever*. Здесь же располагался «Коронационный марш» из «Пророка» Мейербергера и даже какой-то номер из его оперы «Звезда севера» (*L'étoile du nord* – помнится, название было переведено, как «Полярная звезда»). Сегодня я не смог найти ни одной видеозаписи «Пророка», а в своё время опера составила огромное художественное событие, что засвидетельствовано многими современниками, включая, такие имена, как Шопен и Лист. В забвении и, более того, в пренебрежении, которому посмертно подвергся Мейербер,

сыграла, подозреваю, большую роль самая тривиальная зависть коллег-соперников. Рядом с «самодельными» сборниками лежали многочисленные издания Петерса, содержавшие основную фортепианную литературу, включая четырёхручные переложения ряда симфонических произведений. В годы молодости бабушки четырёхручное музицирование было, очевидно, распространённым занятием. Вот бы порадовалась она, если бы смогла услышать, как оживали увертюры Бетховена, Россини, Мендельсона под пальцами наших друзей-музыкантов!

В книжном шкафу я также обнаружил большое число рассыпных нот, очевидно, оставшихся от отца, известного в Москве музыкального мастера. Здесь были, в частности, рапсодии Листа, отдельные пьесы Шопена и т. д. Дух «сплошной лихорадки буден» отражали листки огромной серии «Музыка в массы». Среди нот-листовок встречались настоящие чудеса. Например, Вторая рапсодия Листа, изложенная в до-миноре вместо положенного до-диез минора. Подобная манипуляция со сдвигом на сей раз на полтона вверх была проделана с Траурным Маршем из Двенадцатой сонаты Бетховена. В результате ля-бемоль минор стал ля-минором и семи бемолей в ключе, как ни бывало! Но, пожалуй, самому драматическому вмешательству подверглась знаменитая до-диез минорная Прелюдия Рахманинова – полнозвучные, замечательно пианистические аккорды Мастера были безбожно «ободраны», играть получившееся крошево, по-моему, было просто невозможно. Популярность имеет, очевидно, свою оборотную сторону. (Недавно слышал по радио форменное издевательство над столь же популярной соль-минорной Прелюдией Рахманинова. Блистательная виртуозная фортепианная пьеса, созданная композитором-пианистом, владевшим, как мало кто другой, всеми ресурсами своего инструмента, превратилась в неопрятное, тяжеловесное звуковое месиво)...

Было и ещё одно значительное духовное влияние. В те годы судьба послала мне друга. И она же его жестоко отобрала. Мой ровесник-одноклассник Юра Черняк жил в нашем доме на втором этаже. Мы проводили много времени

вместе. Юра и его родители, люди, как я сейчас понимаю, необычайной интеллигентности, также сыграли значительную роль в моём приобщении к музыке. Юра брал уроки фортепиано. Учительница, выпускница Лейпцигской консерватории жила в нашем дворе. Помню, как она увлечённо играла Аппассионату. Про появившуюся тогда рихтеровскую запись ре-минорного Концерта Баха она восторженно говорила: «Европейского уровня исполнение!». Родители же Юры и вслед за ними мы сами были «гилельсистами». Что касается Юриногo репертуара, то и сейчас слышу Баркаролу Чайковского и первую часть Лунной Сонаты. Мой друг был настойчив. Он действительно работал над пьесами. «Я должен сыграть эту часть двадцать раз, чтобы не ошибаться» – с такими словами он клал бумажку на самую крайнюю левую клавишу и при каждом проигрывании передвигал её на один шаг вправо. Своеобразный механический калькулятор.

Юрий Черняк, около 1960 г.

Юрин папа имел выдающийся по тем временам радиоприёмник «Рига-10», и мы часто слушали вместе вечерние музыкальные трансляции. В этом к нам обычно присоединялся младший Юрин брат Женя. Однажды Мария Гринберг играла 3-й Концерт Бетховена. В финале она

промахнулась в известном месте с арпеджио, и мы с Юрой заключили: «Не Гилельс!»! Юность поспешна в приговорах... И если бы только юность!

Нас также соединяли первые опыты звукозаписи. Году в 57-м мне подарили магнитофонную приставку (МП-2?), нечто чудовищное по сегодняшним понятиям. Лентопротяжный механизм мастодонта приводился в движение диском проигрывателя пластинок (скорость устанавливалась на 78 оборотов в минуту), а электроника размещалась в отдельном защитного цвета металлическом ящике. Мы провели много счастливых часов, записывая самих себя (странное, тревожное дело услышать собственный голос не «изнутри»!) и радиопрограммы. К сожалению, все записи того времени не сохранились...

С Юриным отцом связана ещё одна абсолютно живая картинка моей памяти. На экранах появился новый фильм «Пятнадцатилетний капитан», магнитом притягивавший моих сверстников. Юра звонит: «Папа взял нам всем билеты на утренник». Встречаемся в подъезде – том самом, где я стоял в потоке солнца, осознавая свои четыре года. Молча протягиваю Юриному папе выданный мамой рубль. Он, также молча, но безоговорочно возвращает мне его обратно. От вожделенного фильма смутно вспоминается только чья-то злодейская манипуляция с компасом, а вот мгновенная сцена в подъезде осталось со мною навсегда.

Мы поступили на мехмат МГУ вместе с Юрой. Вместе готовились к вступительным экзаменам. Вместе занимались перед зимними экзаменами, а затем перед весенними экзаменами первого курса. Была весна, всё цвело. Мы раскладывали книги и тетради на скамейке детского парка у Покровского бульвара, все называли этот парк «Милютинским». Там я и видел моего друга в последний раз. Он торопился на встречу своей туристской группы. У выхода из парка Юра остановился, улыбнулся и помахал мне рукой. Группа через несколько дней уехала на Алтай, и Юра утонул при сложной переправе через горную реку. Это была трагедия в трагедии: за минуты перед Юрой, на его

глазах утонул другой участник похода, также мой однокурсник.

Юрины мама, папа... Что пережили они... Достоинство их в страшной беде было необычайным. Я много лет навещал их, пока они не ушли: сначала мама, а потом и отец.

Памяти Юры посвящена моя книга стихов «Эхо эпохи» (2002 г.)

После гибели на фронте моего отца, мама осталась одна с тремя детьми на руках и без настоящей профессии. В таких обстоятельствах бабушка стала опорой семьи и моим духовным центром. Пианино неудержимо притягивало меня. Для начала, в совсем голубом возрасте я «играл» одним большим пальцем правой руки. Ограниченная аппликатура компенсировалась энтузиазмом – на пальце даже была мозоль, почти, как у исполнителей на медных инструментах, только там речь идёт о губах. По мере моего роста вводились в действие остальные пальцы. Учиться мне так и не пришлось, но где-то в седьмом классе я к замешательству бабушки сыграл моцартовское рондо *Alla turca*, конечно, сыграл жутковато, но зато в бешеном темпе. Ноты я всерьёз не читал, но когда знал, что должно получиться, они помогали. Припоминаю гораздо более позднее открытие. В ля-мажорном полонезе Шопена никак не давался аккорд: ля-си-ре-диез-фа-диез-си. Первый палец брал ля, второй си и... растяжения на остальные ноты фатально не хватало! И вдруг – до сих пор переживаю, вспоминая то ликование, – осенило! Ля и си надо взять одним большим пальцем, вопреки естественному отталкиванию – не раз попадал я случайно одним пальцем на две соседние клавиши, и это всегда было ошибкой, звуковой грязью.

Бабушке

Соединение времён

В моих воспоминаньях.

Клаксоны, карканье ворон,

Тоска метелей ранних.

Сквозь чавканье галошных жиж,

Сквозь нищету сиротства

Ты говорила про Париж,

Про честь, про донкихотство.
И про свирепости царя,
Охранку, что хватала,
Но граммофонам Ноября
Уже я верил мало.
А время ускоряло бег,
И я менял соседства,
И тихо кончился Твой век,
Звезда и счастье детства.
И вот исход, и вот черта,
Чиновники, овиры. –
В Москве – могильная плита,
В Москве – Твои клавиры.
И тридцать лет, как вздох один,
И сам я дед сварливый... –
Вернулась Ты. В венце седин
Ко мне склонилась ивой.
29 октября 1999 г., Johnstown

Тем временем жизнь разворачивалась, как песня, в волнениях, радостях и горестях детства-юности. Наступило лето 1957 года – знаменитый московский всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Улицы украсились эмблемами, на бульварах появились фанерные декорации, большей частью по мотивам русских сказок, повсюду бродили толпы молодых, весёлых, часто причудливо одетых иностранцев, с которыми (неслыханно!) можно было свободно общаться. Мы с приятелем подружились с каким-то австрийцем, отец которого погиб на той же войне, очевидно, с другой стороны передовых линий... От австрийца осталась открытка со зданием Венской оперы, которое мне удалось увидеть наяву в 1989 году. Запомнился показанный тогда по телевидению фестивальный концерт – точнее ослепительный мажор финала Пятой Симфонии Бетховена. Помню и Константина Иванова за дирижёрским пультом. Уже студентом Университета увидел его наяву и близко. В фойе Большого зала Московской консерватории он дирижировал на панихиде – хоронили моего дядю Самуила Палея, концертмейстера виолончелей

Симфонического оркестра СССР. Седьмая Симфония Бетховена, *Allegretto*...

«Общественное мнение» ставило дирижёра довольно низко, в обратной пропорции официальному признанию – Народный артист СССР, лауреат сталинской премии, руководитель Симфонического оркестра СССР. Много позже мне рассказывали, что, передав свой оркестр Светланову, Иванов, добившись специального разрешения, стал... студентом Гнесинского института. Помнится, по классу композиции Николая Пейко (широкой публике была хорошо известна его чудесная музыка к радиоспектаклю «Чипполино»). Какой же любовью к искусству надо обладать, чтобы при всех регалиях, в преклонные годы сесть рядом с юнцами за студенческую парту! Кажется, дипломной работой Иванова стал Концерт для контрабаса с оркестром. По радио также неоднократно передавали его симфоническое сочинение, где имитировалось знаменитое «би-би-би» первого спутника. С другой стороны помню и моё наивное недоумение: чему же надо было учиться в композиции музыканту, имевшему многие годы в своём распоряжении полнокровный симфонический оркестр, прочитавшему с этим оркестром десятки партитур...

Кончина дяди Сёмы была огромной потерей – много радости подарил он моему детству-юности. Здесь были и разговоры о музыке, и пропуска на студенческие концерты в Консерватории, которыми он меня регулярно снабжал. Я пристрастился к этим музыкальным праздникам, полюбил их особенную, домашнюю атмосферу, разительно отличавшуюся от всё-таки более холодной, несколько великосветской обстановки «настоящих» концертов. Эта традиция на новом уровне возобновилась много позже: большую радость доставляли мне классные концерты моих друзей, преподавателей Гнесинского института.

Почему-то врезалась в память случайная встреча с дядей Сёмой у небольшого музыкального магазина у площади Дзержинского. Было мне лет тринадцать, и меня неудержимо притягивали выставленные в витрине телевизор КВН-49 (конечно, он был не чета огромному по тем временам телевизору «Ленинград», кажется, даже с

фанерной шторкой для экрана, но всё же...) и... портативный заводной патефон. Что я находил в этом патефоне, ума не приложу. Возможно, меня, как сороку, привлекала блестящая головка с мембраной... Выхожу я на улицу с 78-оборотной, граммофонной эры пластинкой Титта Руффо (непревзойдённое исполнение куплетов Эскамильо!), и почти наталкиваюсь на дядю Сёму.

– Что там у тебя? Ну, прекрасно. А что же всего одна пластинка? Денег нет? –

Тут он потянулся за кошельком, но я застеснялся и, конечно, отказался. Хотя и хотелось купить ещё один диск с Гилельсом (ля-мажорный полонез Шопена).

Бабушка Софья Моисеевна Меерович с правнучкой Юлей, 1967 г.

Примерно в то же фестивальное время появились первые долгоиграющие пластинки, и открылся пластиночный магазин на Кировской, ставший для многих из нас своего рода клубом. Пластинки тогда часто продавались в конвертах с фестивальной эмблемой. Сейчас в это трудно поверить, но в самом начале встречались странные гибриды: долгоиграющие диски на 78 оборотов! Например, у меня была такая запись Патетической сонаты Бетховена с Марией Гринберг. Самая же первая чудо-пластинка на 33½ оборота, приобретённая тернистым путём многодневной экономии «карманных» денег, тоже была бетховенской: Третий фортепианный концерт с Гилельсом и

Кондрашиным. Невозможно забыть само ощущение непривычно лёгкого гибкого диска, в чёрных глубинах которого таился огромный звуковой мир. Затем последовала Пятая симфония с Мравинским. Так бетховенский до-минор стал моим спутником на всю жизнь. Интересно, что когда я кладу руки на клавиатуру, они автоматически оказываются на тоническом аккорде до-минора. Это были неповторимые дни первых встреч с волшебствами музыкального искусства. Ре-минорный фортепианный концерт Моцарта (солистом был Гольденвейзер), соль-минорная симфония Моцарта (помнится, дирижировал Самосуд), девятая Бетховена (одна из первых доступных нам «гедезеровских» записей, дирижировал Абендрот, три пластинки размера гранд-2).

Александр Сац, 26 января 1986 г.

Моцарт

Слог прерывался. Речь была сбивчива. –
Только вот Солнце, как Моцарт, улыбочиво
Всей неразменностью мигов-монет.
Строй не изучен линий-излучин,
А у Маэстро, что вздох – менуэт.

Что из того, что ни камня, ни места
Не удостоился праздник-Маэстро. –
С Песней, не лучше ли, мир колеся? –
Вечно бы слушали... К свету отдушина –
Моцарт, ах, Моцарт –

Музыка вся.

3 июня 2002 г., Pittsburgh

Всё это предмет отдельного повествования, не знаю, успею ли я, отважусь ли на него, для нынешней истории существенно, что так я полюбил музыку. И эта любовь определила моё поэтическое мироощущение. «Стихи без музыки мертвы» – утверждает одно из моих стихотворений. Муза и без *музыки*? Возможно ли?

К этому добавилась дружба, особенно окрепшая в 80-е годы, с замечательными музыкантами. Совершенно особенное место в моём мире занял великолепный пианист Александр Сац. Его памяти посвящено большое эссе «Ветер пел с листа»¹².

Александр Сац и Леонид Брумберг, сентябрь 1981 г.

Музичирование, порою музыкальное озорство, грандиозные дискуссии о Моцарте и Бетховене с ближайшим нашим другом, математиком, художником Феликсом Кабаковым, увы, покойным¹³, украшали наши

¹² <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer2/Kushner1.htm>.

¹³ Феликс Александрович Кабаков, 2 января 1927 г. – 11 августа 2008 г. Я писал о Феликсе в эссе памяти нашего общего друга Саши Саца (см. ссылку в предыдущем примечании). О нашей с Феликсом поездке в Одессу рассказано в эссе «Семь часов в Одессе», «Вестник», 20 (227), September 28, 1999, <http://www.vestnik.com/issues/1999/0928/win/kushner.htm>. Эссе

долгие тёплые вечера... И это, очевидно, сказалось на моём сочинительстве.

Феликс Кабаков, Москва, 1 февраля 1978 г

Александру Сацу

А дело было в Переделкино,
И ныл сентябрь дождями мелкими,
Но лес был в жёлтом привлекателен,
И я на даче жил с приятелем.
А, значит, по ночам не спи –
И мы бродили с ним вдоль насыпи.
И длился давний разговор,
И, разминая «Беломор»,
И на ветру ломая спички,
Он выражался без прикрас,
И поджигал глаза террас
Шальной прожектор электрички.
Ночь разрывалась в хакакири и
Глотала чёрные валькирии.
В сорочинском колёсном цокоте
Так славно рассуждать о Моцарте,
О Брамсе, Вагнере и Шуберте –

также было опубликовано в Москве в журнале «Химия и жизнь»,
№3, 2002.

«Ещё не любите? – Полюбите...»

.....

Не время сотрясать основы –

Пока ещё. –

И ветер прилетал сосновый

С холма, что кладбище.

Ветер пел с листа

С Б-жьей силою –

«Ах, звезда, звезда...»

Над могилою...»

.....

Снег. Зима. Слабеет дух.

Время – носорогом. –

С кем теперь Ты бродишь, друг,

По каким дорогам?

14 декабря 2000 г., Johnstown

На кухне

Феликсу Кабакову

Беседа. Другу-привереде

Не по душе шарманщик Верди,

А Вагнер нам – призыв к расправе,

Меж тем пустела саперави

Уже четвёртая бутылъ,

И друг мой восклицал: «Не Ты ль,

Поклонник Муз не человеческих,

И той Сонаты *Pathétique*,

Что причиняет нервный тик?»

А за окном сгушался вечер

И тучи чёрных непогод,

И подступала стылъ забот –

Одно, другое, третье –

И шёл восьмидесятый год,

Двадцатое столетье.

28 мая 2001 г., Pittsburgh

Многие стихи пришли ко мне вместе с импровизациями на рояле, или с внутренним – в душе – воспроизведением запавших в сердце композиций.

Вариация-38 (Романс)

В ознобе первого мороза
В окне фонарный столб-жираф
И небо в вальсе Берлиоза,
И небо в вальсе Берлиоза,
В потоках терций дальних арф...

А Гектор вьёт гирлянды терций,
Навязчив, как Троянский Конь,
И падает, споткнувшись, сердце,
И падает, споткнувшись, сердце
Слезами на Твою ладонь...

Луне не выйти из полона —
За горизонтом мрак и жуть... —
И, кажется, из Вавилона,
И, кажется, из Вавилона
Течёт по ночи Млечный Путь...

И Орион плывёт под выстрел
В беззвучном плаче звёзд-сестёр,
И зачарованные листья,
И зачарованные листья
Ложатся молча на костёр...

Их погребальными венками
Завален будет замок мой... —
Пусть ночи тянутся веками,
Пусть ночи тянутся веками
В своей процессии немой...

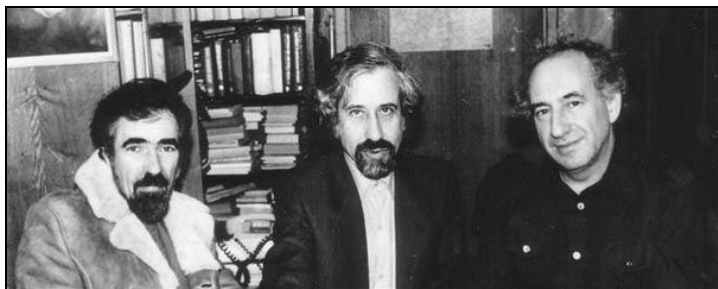
Пусть рассыпает Осень краски,
Льёт упоительную медь...
Ей не укрыть оскала-маски,
Ей не укрыть оскала-маски,
В которой торжествует Смерть...

Восток — холодная мимоза,
Рассвет угаснет, не согрев... —
Как *Dies Irae* Берлиоза,
Как *Dies Irae* Берлиоза

Под сводом виселец-дерев...

6 октября 1994 г., Johnstown

И сейчас, читая эти строки, снова оказываюсь в том
позднем октябрьском вечере... Опустевшие
университетские здания, пустой зал... Только свет дальних
фонарей едва пробивается сквозь окна. И волшебный рояль
Yamaha...

Александр Риз, Александр Сац, Борис Кушнер, 1989 г.

Вариация 2-35 (Романс)

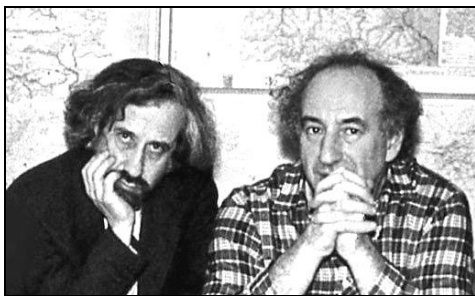
По лесам облетала листва,
А лечить? – Ни на грош айболитства.
Осень в пепел. Зимы торжества.
В чёрном небе алмазна Каллисто.
А дорога за временем мглиста,
И мгновений шуршит береста,
И читает рапсодии Листа
Неуёмное сердце с листа.
22 января 2001 г., Johnstown

Леты течение,
Как чтение
Данте –
Andante,
С вознесением заживо –
В *Adagio*.
Любви высокая тактика –
Плывёт Корабль-Галактика,
Мы – бессмертное карго, –

В звёздное *Largo*.

12 августа 2001 г., Pittsburgh

Грандиозные симфонические миры Малера тоже были в центре наших московских музыкальных вечеров. Саша Сац, кстати, удивительно иллюстрировал на фортепиано свои мысли о венском мастере. Могучий малеровский оркестр был вполне узнаваем.

Александр Сац и Борис Кушнер, февраль 1989 г.

Разумеется, я не расставался с Малером и за океаном. И когда мой заочный друг, замечательный нью-йоркский, а затем бостонский поэт Леонид Буланов написал стихотворение «Ночной дозор», навеянное образами полотна Рембрандта, во мне зазвучала музыка Седьмой Симфонии:

Ночной дозор

Л. Буланову

Ночная перекличка труб.

Дозор,

упорно стерегущий

Озноб небес,

что пал в грозу б,

Когда бы туч чуть-чуть погуще.

Идёт дозор.

Милан иль Линц?

По Вене или Амстердаму? –

Не замечая в Чёрном Даму,

Вплывают Луны бледных лиц.

Она невидима в нощь,
И только сила телепатья
На миг способна отличить
От Ночи – траурное платье.

И возвещением Судьбы
По бездне,
где созвездья-хоры, –
Настойчивый пунктир трубы,
Соединяющий дозоры.

Бряцает сталь.
И вспышкой – смех,
Как сапогом поддетый талер. –

.....
Он знает всё.
Он знает всех. –
Неутолимый Мастер –
Малер.
9 июля 1997 г., Johnstown

Марк Лициний Красс, 1976

Во всех дружеских собраниях принимал самое живое участие наш ирландский сеттер Марк Лициний Красс. Порою участие это оказывалось настолько живым, что приходилось изолировать Марка Лициния в ванной, откуда он громогласно выражал свой протест. Пёс обладал развитым музыкальным слухом и любил петь под фортепиано. Записи его не интересовали, видимо, не хватало каких-то частот. Впрочем, он всё-таки узнавал своё любимое

и в оркестре: начало Пятой Симфонии Бетховена и увертюру к «Севильскому цирюльнику». Фирменным трюком было незаметно просунуть голову из-под стола и деликатно, ненавязчиво отвести руку гостя вместе с вилкой от его (гостя) рта в правильном направлении...

Красс делил со мною долгие дачные вечера позднего лета и осени, многокилометровые странствия по окрестным лесам. Терпеливо выслушивал стихи... Не оставался он в стороне и от скромных дачных трапез. За всё это я ему благодарен...

Жарких листьев ворохи
Осени венцом...
Рано утром
шорохи –
Мыши под крыльцом...

Окна заколочены,
Гулки голоса,
Мокнут вдоль обочины
Серые леса...

Расставанье адово,
Слёзы, канитель...
Ах, оазис Кратово, –
Тридевять земель...
30 августа 1992 г., Pittsburgh

Ночи мокрая улитка,
Умывальника корвет,
Там, где днём была калитка,
Вспыхнул вдруг двухжальный свет.

Два неистовых рубина! –
Я застыл, я в землю врос... –
Но из тьмы заплакал длинно
Старый друг, мой рыжий пёс.

От отсутствия колбас ли,

От свинцовой тьмы кругом,
Но рубины вдруг погасли,
И забился сеттер в дом...

Что же мы с Тобою спорим
Так, что искры из-под век,
В час, когда в сосновом море,
Тонет жалкий наш ковчег...

Ну, останешься одна Ты,
Иль останусь я один,
Чтоб хвататься за канаты
Бесполезно из глубин...

Суэта увещаний,
Маята ненужных слов –
Шторм на нашем океане.
Треск бортов и мачт-стволов...
23 августа 1997 г., Pittsburgh

В музыке как-то особенно сильно и особенно универсально раскрывается связь всего сущего, переплетение мира реального и мира духовного, создаваемого Искусством. В сущности, мы живём внутри гигантской бесконечноголосной фуги, в поток которой вплетаем собственные голоса... Эту вселенскую взаимосвязь, эту гармонию сочетаемого и не сочетаемого, счастье неожиданных сопоставлений я пытался передать в огромном цикле Вариаций, варьируя проявления восходящего к Творцу единства. Единства Его и нашей Любви. Его и нашего Творчества.

Вот как, например, отозвались несколько дней, проведённых в 1989 году «на тропе исхода» в Вене, в сочетании с давними и свежими музыкальными впечатлениями, эмигрантскими тревогами, вечными ассоциациями из Танаха и ... найденными в золотых россыпях университетской библиотеки мемуарами австро-венгерского адмирала Хорти:

Вариация-25 (Вена)

В моём ребре проснулась Хава. –
Освобождаясь от вериг,

Неслась железная орава,
И Моцарт проезжал на Ринг.
Его «Ночная Серенада»
Ещё дрожала.
Рокот рос.
Но в чёрном
Оперы громада
Гудела «Кавалером Роз».
А где-то рядом брёл Сальери,
Затянут горечью, как жгут. –
Он знал, что к будущей холере
Ego
Потомки пристегнут.

Я различал лишь общий облик
Тех сплетен в Шёнбруннских кустах...
Так Ты не нов,
Мефисто-Шёнберг,
В своих двенадцати
Тонах!
Я был постыдно
многореберн
И, как Отец-Израиль,
Хром,
И, как додекафонный
Веберн,
Писал как будто бы
Ребром.

И,
как Девятая,
На квинте
Я балансировал, чтоб пасть. –
О, боги,
Убирайтесь,
Сгиньте!
Я знаю всё –
И Смерть, и Страсть!
Сошлась История в аккорде!
Вся в доминантах

с ног до пят... —
Так благородный воин Хорти
Был ею проклят
И распят!
Ему ль не кануть в струях
Леты
Под крики гордых римских
Птиц? —
О, эти вздохи-флажолеты,
Не перелистанных
Страниц...

Отцвёл обычай ауспий,
Триумфов, зрелищ
и венцов,
Но бесконечно кружат
Птицы,
Зовя догадливых
Жрецов...
Но всё течёт.
Мечи, орала,
Аэроплан, мотоциклет... —
Молчит могила адмирала, —
Под рейдом —
Крейсера скелет...
Они все там.
Они все вместе.
Как и тонули. Заодно...
В какой момент
Потеря чести
Его отправила
На дно?

Но... Не достигнул взглядом дна я,
Читая *Requiem* с листа,
Когда на жёлтый бег
Дуная
Глядел с бетонного моста.
Был мост подобием насеста,
Атлантом,

свитым в рычаге...
А по холмам рыдала
Веста
О разорённом
Очаге.

Раздор богов,
Парис, Елена...
Мне так недоставало вас!

.....

Ликуй,
спеши
и царствуй,
Вена!
Танцуй
свой атональный
Вальс!

14 апреля 1994 г., Johnstown

В цикле вариаций я также часто обращался к более свободному, порою экспериментальному стихосложению в том, что касалось метрики, строфики, структуры рифм (например, рифмы, переходящие из окончаний в начала строк, внутренние рифмы и т. д.).

Вариация-100

Окончательных итогов подведение столбцом,
Созерцанье носорогов
и сражения с Творцом...
Сочлененье невозможных
эпизодов и картин
Ночью,
что дрожит тревожно
в щелях туч,
дверей,
гардин.

И от действия
такого
Вдруг возлюбишь

Смеякова
И не станешь
обращаться
За содействием
к врачам —
По Луне бредёт
корова,
Что давно — увы —
не ново,
И от звёзд
приходит Слово —
Почему-то по ночам.

А за далью
бóльшей далью,
Обнажив беду
шагалью,
Гравитацию отринув,
В профиль,
задом
иль анфас,
Невручённою
медалью,
Заслонив Луну
шакалью —
Ах, не кликнуть ли
Таргалью?! —
Повисает Фантомас.

Из-под платья
да в халате
Дама выпорхнет
некстати —
И в объятье
и в объятье —
Пропадай мужская жисть! —
И рассыплется
Скарлатти
В ослепительной
Сонате —

Вот она –
берите,
нате! –
Вспыхнет шёлковая
кисть!

А над всем
театром этим
Души брошенные –
дети,
И в чечёточных
коленцах
Пляшет Смерть
под барабан. –
Сердце плачет,
плачет сердце
О погубленных
чеченцах
И о русских,
и о ненцах,
Вечно падких
на обман.

Всё мужчина-чертовщина –
Между глаз его –
морщина –
Только женская
лощина
Наполняет его
взор. –
Захлебнётся
медный раструб,
Он с небес падёт,
как ястреб,
Как проклятье и как аспид,
Как лавина
в Цахкадзор.

Всё равно –
хоть рай,

хоть ад ли
Нас Творец услышит
вряд ли –
Занят Он –
в своём незрячье
Создаёт иной
кошмар.

А по полю скачет
зайчик –
Он безмозгл
и счастлив значит,
И звенит Планета-мячик,
Голубой кружится
шар.

И опять в лесу
опалом
Пахнет тленьем,
не сандалом,
И распадом,
не парадом
День является
за днём –
Небосвод сочится
ядом
Только Ты –
надеждой рядом,
Прозерпиною над адом,
Упоительным огнём.

.....
Но,
как кони вороные,
Все миры Твои –
иные,
Но миры Твои –
иные... –
Мы друг друга
не поймём...
25 августа 1995 г., Pittsburgh

Вообще, сочинитель имеет не меньшее право на эксперимент, чем, скажем, физик. То же соображение относится и к праву на этюды: как художник «оттачивает» ими кисть, музыкант придаёт «перстам послушную, сухую беглость», также можно оттачивать и перо. Например:

Этюд в зелёных тонах

Упасть в сплетение травы, –
Все направления равны, –
По каждому – зелёный хаос.
И мошкар так распорхалась,
Как в *Opéra* кордебалет. –
Солистом под софитный венчик
Взлетает чопорный кузнечик. –
В зелёном – робкий фиолет,
Наивный, как ребёнка почерк. –
А где-то в небе одурь почек,
Застрявшая ещё с весны,
Не зная зноя белизны.
А, впрочем, почерк не причём,
Коль Чудо – чуткий колокольчик
Звучит под солнечным лучом.
19 февраля 2000 г., Pittsburgh

Или:

Грамматический этюд

Кошмаром снам, мечтою чашам
Вставало Солнце подлежащим.
Луча взъерошенный глагол
Поджёт верхушек частокол,
И в миг по вышивке рассвета –
Все прилагательные цвета.
По небу – синяя вода...
Пропела птица: «где, когда?»
В ответ – поток летучих счастья
Из обстоятельств и причастий,
Все части речи, что слились
В одну законченную мысль.
Как вздох, как глины обожженье
Сложилось утро в предложенье.
6 мая 2002 г., Pittsburgh

Или уж что-то в духе Школы беглости Черни:

Этюд в «Ч»

Причитанье мрачно сычье,
Ночи чёрное обличье,
И чело, что на плече... –
Чёлн печали. Чары «Ч»...
Что хочу я? – Счастья-чуда –
Сочинения этюда.
21 июня 2009 г., Pittsburgh

Какое печальное очарование заключено в самом звучании русского «ч»!

К той же линии относятся стилизации. Например¹⁴:

Жестокий романс

Подари ремень, да пряжку,
Подари кольцо, да брошь. –
Что-то сердце нараспашку,
Что-то сердце – пламень-дрожь.
Из своей загорной дáли,
Прискачи, эх, прискачи! –
Только нас и увидали
В чёрной буре, да в нощи!
Ты пуста, моя светлица,
Что постылей подлеца –
Что-то стража – ярость-лица,
Что-то челядь – нет лица.
Сталь, звени, гуди, столица,
За спиною гром погонь. –
Ты лети, моя Жар-птица,
Выручай, буланный конь!
Ни звезды, и ни лучины,
Темень ливнем налитá.
Улечу к чертям в пучины
В мои юные летá.
Пригублю в полёте фляжку

¹⁴ Это стихотворение недавно положила на музыку бостонский композитор Евгения Хазанова.

Горько-сладкого огня, –
Что-то сердце нараспашку
У меня и у коня!
2 марта 2010 г., Johnstown
Здесь можно говорить и о весёлом звуковом
озорстве. Одна из сторон сочинительства – игра
«в слова и звуки»:

Жизнь начинается с нулей,
С простого ощущения света. –
Со слёз, цветенья тополей,
Заката, ночи и сонета.

Жизнь начинается с причуд,
С игры в слова, цвета и звуки. –
Жизнь начинается с разлуки,
Со звона капель и секунд.

С биенья сердца в темпе *Presto*,
С явления Смерти *vis-à-vis*,
Со звёзд тоски и благовеста... –

.....

Жизнь начинается с Любви.
2 мая 1994 г., Washington, D.C.

Образ жизни, как игры, знаком всем из литературы,
да и собственный опыт ведёт туда же. Не зря говорят о
«драме жизни», «трагедии жизни». Как будто каждый из нас
на подмостках и руководит нами Всеобщий Режиссёр...

До излёта взора
Чайки над водой,
Солнце ре-мажора,
Моцарт молодой.
Над волнением рощи
Пенные поля –
В небесах Настройщик
Тихо тронул «ля»...
19 июня 2006 г., Pittsburgh

Сочинение стихотворения часто начинается со звука, рифмы, метра, образа, ассоциации. Иногда это севшая на подоконник птица, иногда ветер, пробежавший по верхушкам рощи, иногда давнее воспоминание, внезапно вернувшееся, иногда что-то из прочитанного, иногда музыка... Иногда появляется строка, и стихотворение развивается от неё сразу в двух направлениях – к началу и к концу. Иногда оно возникает как бы целиком – как будто уже было где-то в пространстве-времени, и я его нашёл, как грибник находит подосиновик в сентябрьском лесу... Но, чаще всего, возникает странное, щемящее чувство сотворения мира – ибо каждое стихотворение, самое миниатюрное – мир. Для меня, по крайней мере.

В упоении игры
Я могу творить миры.
И жонглировать мирами –
Разноцветными шарами.
И терпеть за крахом крах
В сотворённых мной мирах.
26 октября 1994 г., Johnstown

Конечно, это стихотворение говорит скорее о «сочинении жизни», чем о сочинении стихов.

Вот ещё один эксперимент другого, пожалуй, мрачного рода. Летом 2007 года я попал в больницу. Предстояла операция. И когда меня везли по бескончаемым коридорам в операционную, я сочинил стихотворение с идеей проверить, вспомню ли, выйдя (если выйду) из общего наркоза. Сочинённые строки повторил несколько раз. И, вернувшись из небытия в наш грешный, но чудесный мир, вспомнил их!

Кислород, огни, каталка,
Бесконечный коридор... –
Не ромашка, не фиалка –
Лишь на крыльях катафалка
Мне отсюда на простор...

А пока – тюрьма кровати,
Санитары, доктора... –
Тень с косою и в халате,
Мира чёрная дыра...

6 июля 2007 г., Shadyside Hospital, Pittsburgh

К седьмому или восьмому классу относится мой первый опыт, лучше сказать попытка литературного перевода. Уроки немецкого языка вела у нас Алла Викторовна. До сих пор помню на слух грамматические разборы, а также стандартные вопросы типа «Кто сегодня дежурит по классу?». Тексты из учебника тоже не отличались красотой. Я скучал и слегка изводил добрую нашу учительницу. У меня была тогда фотографическая память (увы, давным-давно ничего от неё не осталось). Сидел я на уроке и смотрел в потолок. Алла Викторовна сердилась и неожиданно поднимала меня каким-нибудь вопросом. Но я, всё так же глядя в потолок, продолжал читать прерванный кем-то текст – неважно, по-русски или по-немецки. Повторялось это многократно, учительница никак не могла поверить, что здесь нет какого-то трюка – только молодая память (дома я прочитывал задание один раз, и этого было достаточно). Но дошло дело до поэзии, и меня очаровала «Весна» Шиллера. Я это стихотворение перевёл, конечно, не слишком ловко. Что-то, вроде: «Из года в год с весны приходом,/ Лишь солнце жизнь даёт цветам,/ Спускалась Дева мимоходом/ В долину к бедным пастухам./ Она не родилась в долине,/ Где дом её никто не знал,/ И не один смельчак в чужбине/ Напрасно след её искал». И т. д. Разумеется, кошмар. Исчезли шиллеровские «первые жаворонки» с их пением, вместо них появились какие-то вялые цветы, сама эта Дева и есть Весна, так что прямое упоминание весны в первой строке не уместно. И почему же «мимоходом»? Вторые четыре строки получились немного лучше. А тогда меня не критиковали, наоборот всем нравилось. Жаль мне упущенного языка Гёте, Шиллера, Гейне, – сколько сил было, какая память была... И всё – водой в песок. Пролили и не собрать... Простите, Алла Викторовна, Вы сделали для нас всё, что могли...

К этому времени я сочинял лёгкие стихи со скоростью, с которой записывают на бумаге заранее готовый текст. Стали поступать просьбы-заказы на рифмованные поздравления и т. д. Здесь меня и ожидал первый практический успех. В десятом классе к нам пришла новая преподавательница черчения. Совсем молодая девушка, в которую мы почти все немедленно влюбились. Черчение было для меня смертельным делом, я просто органически не мог ничего начертить. Зимой учительница простудилась и несколько дней не была в школе. Мы узнали, что у неё как раз наступил день рождения и пошли – небольшой компанией – её навестить. Она жила, кажется, у Земляного Вала в старинном доме постройки какого-то знаменитого архитектора (Баженова?), с чудовищной толщины каменными стенами. После чая с принесённым нами тортом я зачитал у постели больной поздравительные строки. Больная смеялась и, в конце концов, расцеловала меня – к вящей зависти соперников. Но главное было впереди. В последней четверти мы должны были представить «выпускную» работу по черчению: молоток в трёх проекциях. К счастью, без рукоятки. Но для меня и в таком виде всё это было чистейшим кошмаром. Помочь мне никто не хотел. «Она тебя целовала, вот сам теперь с ней и разбирайся» – мстительно заявил мой друг-одноклассник, для которого черчение было ещё проще, чем для меня неглагольные рифмы. Укрепив небольшой лист ватмана на чертёжной доске, я приступил к работе. В результате получилось нечто, действительно отдалённо напоминающее молоток. Сам же ватман выглядел так, как будто его использовал в качестве мишени, по меньшей мере, стрелковый взвод. Причём стреляли зарядами чёрной туши. Её подтёки перемежались с дырами, которые я протёр, пытаясь соскоблить кляксы. С холодом в спине принёс я свой шедевр на страшный суд. При виде «молотка» учительница сначала онемела, глаза и рот у неё широко открылись, а затем она начала неудержимо смеяться. По щекам её потекли слёзы, она стала даже задыхаться, – я испугался. Но, отсмеявшись, она взяла с меня честное слово, что я не пойду в вуз, где преподают черчение, и поставила

пятёрку, сильно облегчившую мою дальнейшую жизнь. Честное слово мне было дать нетрудно – я собирался поступать на мехмат, черчения там не было. А за то, что выбрал именно эту дорогу, всю жизнь благодарю нашего вдохновенного учителя математики – Юрия Валентиновича Паперно. И вспоминаю его любимый миллион двести тысяч. Каждый раз, когда надо было выбрать наугад, для примера какое-нибудь число, являлся этот неизменный миллион со своими двумястами тысячами в придачу. *Ostinato* – впечатляющий педагогический приём в талантливых руках. Всякий раз мы смеялись, а Юрий Валентинович сохранял полную невозмутимость. Вот и я при случае угощаю студентов «числом Паперно».

10-й В класс, 310-я школа, Москва, Чистые пруды, 1959 год

В старости особенно ясно чувствую, какими прекрасными школьными наставниками благословил одноклассников и меня Бог...

Пишу это всё сентябрьским тихим днём в пеннсильванской глубинке, а на стене передо мною висит ксерокс выпускной фотографии. 10-й В класс, 310-я школа, Москва, Чистые пруды... 1959 год... С огромного временного расстояния все лица теперь кажутся милыми, родными... Тогда, в прошлом тысячелетии это было не всегда и не со всеми так... Время, время... Река Лета.

Поступив летом того же 1959 года на механико-математический факультет МГУ (мне посчастливилось сдавать приёмные экзамены в период относительного затишья государственного антисемитизма), я оказался во «французской» группе. Увы, возможность научиться ещё одному европейскому языку была снова постыдно упущена. Если в школе я больше считал ворон (буквально – за окном, на деревьях небольшого школьного сада), то теперь засматривался на наших французенок. Всё это много позже вспомнилось в автобиографическом стихотворении:

Урок французского

Опять слова. –

Слова, слова.

И шёпот вдруг –

Comment ça va? –

Иных эпох,

В «когда-то где-то»... –

Французский Университета.

И вот теперь мне жутко жаль

Тот отзвевший жерминаль –

Клико искристое в бокале.

А стрелки – как они скакали!

Металось Солнце по стеклу,

В алмазы поджигая сколы. –

Но окна настезь! – На полу

Нерегулярные глаголы.

Над классом плыл весёлый гам

Нижегородского с французским. –

Француженка в весенней блузке... –

.....

Осталось лишь «*cherchez la femme*»...

4 июля 2000 г., Pittsburgh

Не помогла мне и хорошая наследственность: бабушка окончила в 1906 году Женевский университет и свободно владела английским, французским и немецким языками. То же самое относилось к одной из её сестёр, тётке Розе, которую я застал в сознательном моём возрасте и с

которой много общался. В этом случае речь шла о Сорбонне.

Кафедра французского языка, на которую я иногда заходил, отличалась какой-то особенной душевно-художественной атмосферой. Именно там одна из старших преподавательниц вдруг засыпала меня комплиментами после публикации нескольких более-менее лёгких стихов в мехматской стенгазете. Осталось в памяти что-то осеннее, вроде «Зелёных листьев запах клейкий/ Убила изморозь к утру,/ И опустевшие скамейки/ Уныло мокли на ветру...» и т. д. Да ещё типичный студенческий фольклор из жизни факультета, исполнявшийся по внутреннему радио: «Снег почернел на косогорах,/ С реки пропал куда-то лёд,/ Нахальный тип мимозы ворох/ Наверно, для продажи прёт/ Весна. Проснулись в деканате, /С утра машинками стучат,/ И должников унылый ряд/ Уж приготовился к расплате...» и т. д., и т. п. Школьная репутация быстрого и непритязательного сочинителя проследовала за мною в университет. В день триумфальной встречи Юрия Гагарина наш курсовой комсомольский вождь направил меня с ответственным и срочным заданием на квартиру профессора Г.Е. Шилова. Замечательный математик сочинил мелодию песни в честь первого космонавта, и недоставало малости: слов. Мы провели несколько часов вместе, играя на пианино, обсуждая музыку Малера и в промежутках сочиняя куплеты, наподобие: «Разрезая межзвёздные дали,/ Устремился вперёд звездолёт./ Воля наших людей крепче стали,/ И не дрогнет советский пилот» и т. д. Помню и сейчас мелодию в солнечном до-мажоре, сочинённую Георгием Евгеньевичем. В тот же вечер его жена исполнила песню в праздничном концерте (с мужем за роялем). В целом наше творение было не самым худшим из услышанного мною в те весенние дни... Шилов тут же предложил мне написать стихи к новой версии «Весёлой вдовы» Легара, — он задумал полностью переделать либретто, но из этой идеи ничего не вышло.

— 6 —

Тем временем (1964 г.) я закончил мехмат и поступил в аспирантуру при кафедре математической

логики. Так начались мои многолетние отношения с Андреем Андреевичем Марковым, замечательным математиком, человеком необыкновенной артистичности. В частности, Андрей Андреевич сочинял оригинальные стихи. Памяти Андрея Андреевича посвящено моё большое эссе «Учитель»¹⁵ и ряд других публикаций. Андрей Андреевич от души радовался моим пародиям на свои стихи, он же сказал, что мне пора сочинять всерьёз. Два или три «серьезных» стихотворения и в самом деле давным-давно «лежали» в моём портфеле, точнее в голове. В течение многих лет я вообще не записывал свои стихи, сочиняя и удерживая их в памяти... И куда ушла она, моя память, где она теперь?

Математика и общение с математиками сказались на моём писательстве. Причастность к царице наук – своего рода каинова печать. И охраняет от чрезмерного разгула своеволия и... не смеешь её.

А.А. Марков и Б. Кушнер, Москва 15 марта 1979 г.

Я утопаю в блеске дня,
В его морозной сини. –
Уносит музыка меня,
Я – Моцарт, я – Россини.

¹⁵ «Вестник», Baltimore, № 18 (329) – 21 (332), September 3 - October 15, 2003. На интернете <http://www.vestnik.com/issues/2003/0903/win/kushner.htm> и т. д. Расширенная редакция: <http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer5/Kushner1.htm>.

Я вдруг, как Малер, овладел
Всей Тайною оркестра, –
Пусть математик не у дел,
Зато виват, Маэстро!
Но знают высшие умы –
Необходимы знаний тьмы,
Чтоб музыка играла. –
Не зря на скрипке видим мы
Два знака интеграла.
14 февраля 2006 г., Johnstown

Снилась формула Эйлера,
Прекрасная, как заря.
Но формуле сердце не верило. –
Зря...
24 февраля 2006 г., Johnstown

По реке воды изломы,
Вспышки, блики, пятна мглы...
Тень предгрозовой истомы
На все стороны-углы.
Кто сказал сторон четыре? –
Мир – окружность, не квадрат.
И Начальный Ветер в мире
Этой вечной форме рад.
Он летит – всему основа –
Морю, звёздам и судьбе –
По кривой, что вечно нова,
Но везде равна себе.
18 мая 2008 г., Pittsburgh

В данном случае добавилось своеобразие моей математической специализации, включавшей в себя помимо собственно математики ещё и драматическую философию этой науки. Такими драмами были попытки математической революции, предпринятые великим голландским учёным Брауэром, а позже моим учителем Андреем Андреевичем Марковым. Меня, в частности, поразила концепция

свободно становящихся последовательностей, выдвинутая Брауэром при построении неатомистической теории континуума. Влияние этого понятия очевидно в моих стихах-вариациях и в ряде эссе – они именно свободно развиваются вместе с потоком ассоциаций. Те, кого всё это заинтриговало, могут прочесть мою давнюю статью по философии математики¹⁶. Работа эта, правда, предполагает значительную математическую культуру. С другой стороны Вера Свечинская (о ней пойдёт речь ниже) статью любила, и говорила, что хотя не понимает многого, но красоту и драматическую мощь вовлечённых идей чувствует ясно.

Но вернёмся к литературе.

Вероятно, первым всерьёз застучавшим в сердце стихотворением был «Гамлет». Я «услышал» начальные строки и всю интонацию ещё в школе, но закончить смог только через много лет – единственный такой пример в моей практике.

Гамлет

Теперь конец.

Уже пустеет сцена.

Я на подмостках остаюсь один.

Холодный зал, чуть слышный запах тлена,

И серый луч скользит из-за гардин.

В пыли уснули тени декораций,

Картонный мир придуманных страстей.

Толпа ушла – скажи теперь, Гораций,

Что снилось философии твоей?

Сплетенья слов, игра пустых понятий,

Сиянье глаз, украденное сном,

И принца боль, и гибель в результате

Деяний с предусмотренным концом.

¹⁶ Б. Кушнер, Принцип бар-индукции и теория континуума у Брауэра, в сб. «Закономерности развития современной математики», стр. 230-250, Наука, Москва 1987. См. также мою статью Аренд Гейтинг; краткий очерк жизни и деятельности, в сб. «Методологический анализ оснований математики», стр. 121-135, Наука, Москва 1988.

Сегодня принц особенно невесел:
Чернее вечных царственных утрат
Простая смерть в пустых глазницах кресел,
Простая смерть, как сто веков назад...

Прощальный свет, как погребальный факел,
Давно умолк в фойе Офелий гам...
Пора идти – окончился спектакль,
И втопан в грязь вчерашний блеск программ.
Теперь пора,
теряют тон аккорды,
Последний холод завершает роль.
Умерший зал, рядов умерших хорды,
И неизбывна гамлетова боль.
Около 1979 г., Москва

Мне часто указывают на влияние одноимённого стихотворения Пастернака. Думаю, что в момент зарождения моего «Гамлета» я о существовании стихов из «Доктора Живаго» даже не подозревал, – мои интересы были сосредоточены в математике, я интенсивно публиковался, а направление, в котором употреблял своё свободное время, указано в цитированном выше стихотворении «Урок французского». Кроме всего прочего, в моих строках полностью отсутствует христианский элемент, мне совершенно чуждый, а у Пастернака решающий. Тем не менее, при моём минимальном в те годы знакомстве со стихами Пастернака, *уже тогда* сведущие люди находили, что я «пастернакист». Относительно недавно на это указывал также известный критик Владимир Новиков¹⁷ (ну, разумеется, в поздние советские и особенно в американские годы я читал стихи Пастернака часто и с волнением).

Вспоминается давняя история, пожалуй, притча, рассказанная израильским другом. Однажды молодой израильский поэт, только что выпустивший свою первую книгу, отмечал это событие с группой литераторов в кафе в

¹⁷ «Алексия: десять лет спустя», «Новый Мир» 2002, №10,
http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/10/novikov-pr.html.

Тель-Авиве. Среди гостей был знаменитый Авраам Шлионский. За столом зашёл разговор о влияниях. Кто-то из гостей сказал, что и виновник торжества не избежал влияний – ну, хотя бы того же Шлионского. Молодой поэт горячо возражал. Тогда все повернулись к мэтру, доселе хранившему величественное молчание. «Только асфальт мостовой не замечает падающего на него дождя» – спокойно сказал он.

Мне не хочется быть таким асфальтом. Пастернака я, несомненно, не столько читал, сколько слышал. Имею в виду его переводы. В 1964 году, конечно, несколько раз смотрел фильм Козинцева «Гамлет» (огромное впечатление произвела и музыка Шостаковича); сама великая трагедия была знакома со школы: мы «проходили» пастернаковский перевод. И опять-таки в школе, в году 57-м – 58-м приятель затащил меня на «Марию Стюарт». Много-много позже я прочёл великолепное стихотворение Пастернака «Вакханалия» (1957 г.), посвященное этому спектаклю. В обоих случаях я примерно неделю после фильма (спектакля) говорил ямбом – к изумлению, а затем и возмущению мамы. Думаю, через это звучащее театрально-кинематографическое слово ко мне и пришёл Пастернак. Своеобразие его дара, его поэтической речи таково, что гигантская фигура переделкинско-затворника ясно просвечивает и через Шиллера, и через Шекспира. Некоторые критики (в случае Сонетов и я в том числе) считают это недостатком. Но тут, как с явлением природы, ничего не поделаешь. Разумеется, нельзя исключить и опосредованное влияние, что-то вроде общей теории относительности: звезда такого размера, такой массы искривляет языковое пространство. Сам язык, в который мы погружены, меняется, осознаём мы это, или нет.

После окончания мехмата, аспирантуры, защиты диссертации я начал (с января 1968 года) работать в Вычислительном Центре Академии Наук, в лаборатории математической логики, которую возглавлял Марков. Здесь я много занимался математикой, в частности, написал монографию, опубликованную в 1973 году издательством «Наука» (и в 1984 году переведённую на английский язык в

США). Вычислительный Центр был замечательным учреждением, как в научном, так и в человеческом смысле. Под последним я понимаю особенную коллегиальную, уважительную атмосферу, и необычайно малую для Советского Союза политизированность ежедневной жизни. И какие интересные, яркие люди встретились мне там! «Аполитичность» ВЦ, как сокращённо именовался мой институт, очень пригодилась, когда в 1978 году я задумал поехать в Польшу по приглашению тамошних друзей. Через год в Варшаву собралась на несколько дней моя жена Марина¹⁸ с нашей школьницей-дочерью Юлей, для чего ей потребовалось собрать в МГУ, помнится, около восемнадцати подписей. Было заседание выездной комиссии с коварными вопросами (как при этом неприятно преображались хорошо знакомые коллеги!) и т. д., и т. п. Я этой чаши не испил, – в ВЦ не вкладывали душу в партийно-месткомовское истязание, скорее молчаливо трактовали всю процедуру, как бюрократическую неизбежность.

Итак, осенью 1978 года я оказался в Варшаве. Ощущение свободы, как бы совсем другого воздуха было непередаваемым. Конечно, всё это – отдельный сюжет. В Польшу я ездил также и в две следующие осени, застав в 1980 году разгар польской революции. Кругом висели плакаты с артистически выполненной эмблемой «Солидарности», эта же эмблема смотрела на вас с рубашек, наклеек на бамперах автомобилей и т. д. Всеобщий подъём ощущался физически – во взглядах и даже в походке людей. Параллельно пустели полки магазинов, и становилось беспокойно по вечерам... Революция... В этом историческом бурлении я как-то умудрялся сочинять лирические стихи, – с Польши началось моё более или менее систематическое серьёзное стихосложение. «Польский» цикл вошёл в мою первую книгу стихов, изданную много позже в Москве.

Именно от польских друзей я получил свою первую Библию – карманное издание на тончайшей бумаге, с микроскопическим, но очень чётким шрифтом. Позже я смог

¹⁸ Марина Витальевна Каменева, ныне профессор Питтсбургского университета, крупный специалист по биомеханике и реологии крови.

подарить несколько таких книг друзьям и коллегам, которым доверял. Чтение Библии, если не было формальным преступлением, то, мягко говоря, не поощрялось. При пересечении границы задавался типовой вопрос: «Везёте ли религиозную и порнографическую литературу». Именно так, подряд. Библию немедленно конфисковывали, и, подозреваю, книга столь же немедленно оказывалась на чёрном рынке. Как мне говорили, цена за экземпляр карманного формата была порядка 80 рублей, больше половины месячной зарплаты младшего научного сотрудника без степени. Несколько моих друзей, застигнутых на границе «с поличным», рассказывали, что им доверительно предлагали обойтись без составления протокола. Коррупция таможенников по обе стороны советско-польской границы была впечатляющей, правда, на польской стороне Библией не интересовались.

Примечательна для нравов времени моя история с Танахом. Обнаружив в центре Варшавы магазин, который, кажется, так и назывался «Библия», я зашёл туда. На прилавках лежали всевозможные Библии на бесчисленных языках. Давняя мечта – издание в оригинале, на древнееврейском – была совсем рядом! Поздоровавшись с изящной продавщицей, спросил у неё, есть ли у них заветная книга. К моему изумлению, она крайне резко ответила «Нема!» и отвернулась, показывая всем своим видом, что разговор окончен. Это было крайне странно, атмосфера в польских магазинах, в отличие от советских, всегда была вежливо-приветливой. Вздохнув, я отправился дальше. Вечером пожаловался на грубость продавщицы своему польскому другу Мíхалу К., который преподавал теологию в семинарии (если не ошибаюсь, – бывший теологический факультет Варшавского университета). Тот звонко рассмеялся. Смех этот показался мне совершенно неуместным, я нахмурился.

– Ладно, ладно – ещё задыхаясь, сказал Мíхал – куплю тебе эту Библию завтра утром. Заходи за нею. –

– Да ведь её там нет! –

– Заходи завтра, увидишь. –

И, действительно, на следующий день он торжественно вручил мне изящный том в чёрном переплёте. Изумлению моему не было предела.

— Всё просто — смеялся Мíхал — советское посольство время от времени посылает в магазин сотрудников. И если провокатору продают Библию, то следует жалоба в польские органы, которым такая головная боль вовсе не нужна. Неприятности. Библия на иврите — это уж и вовсе конец света! Вот Зося и подумала, что ты «от них»... —

Книга эта (её позже благополучно перевезла через польско-советскую границу одна добрая пани) и сейчас стоит на моей полке, напоминая о тех звонких годах...

История переправки заветного тома в США также не лишена своеобразного очарования: мне (и большой плитке шоколада) удалось уговорить московскую таможенницу, проверявшую книги перед отправкой багажа, что и Танах и большая русская Библия — учебные пособия. Таковые были к вывозу разрешены.

Библия (а я прочёл карманное издание целиком, зрение ещё было отменным) оказала на меня сильнейшее воздействие. В ней обнаруживались «неподвижные точки» европейской культуры, образы, ассоциации, пронизывавшие литературу и искусство. Книга Книг проливала свет на многое, что оставалось бы без неё неясным. Какого богатства духа нас лишали, предлагая взамен марксистские прописи! С тех пор образы Танаха, порою просто парафразы стали постоянно появляться в моих стихах. Иногда они приходили сознательно, иногда внезапно, казалось бы, случайно. Вот очень старый пример. Жили мы тем летом на даче, около станции «Отдых». Как раз под трассами взлетающих или садившихся в Быково самолётов. Обыкновенно к сумеркам это воздушное движение ослабевало, а к ночи и вовсе прекращалось. Аэропорт относительно небольшой, для местных линий. Но было исключение. Два или три раза в неделю, в предрассветные часы в дальнем северном углу неба зарождался неясный гул, он усиливался, приближался и, наконец, просто разрывал уже светлевшую ткань неба над самыми верхушками сосен.

Затем гул затихал – АН-24 успокаивался в своём гнезде. Каждый раз я просыпался, почему-то за несколько мгновений до различного звука, слушал, и когда всё стихало, представлял себе людей, сходявших «с неба» по трапу. И повторял знаменитые строки Песни Песней. Чудесное это наваждение внезапно разрешилось стихотворением, явившимся мне в совсем неподходящем месте: на заседании Учёного совета Всесоюзного института научной и технической информации (знаменитый ВИНТИ).

Я сплю, а сердце моё бодрствует...

Песнь Песней, 5:2

Песня Песней,
что звёзд небесней,
И загадочный Соломон...
Неизвестного неизвестней
Самолёта внезапный стон...

Он ворвался в томленье ночи,
Непонятный как сон во сне,
И оставил в полнеба росчерк
В отозвавшейся тишине.

И Восток над уснувшей ранью
Как терновник неопалим,
И царица Савская ланью
Снова рвётся в Иерусалим...

Я уснул, но сердце не дремлет
И считает мой скудный век,
И как будто бы всё объёмлет
Этот некогда начатый бег...

И в загадке этого метра,
Над которым спит небосвод,
Слышен отзвук начального ветра,
Что носился над гладью вод.

Сны мои... Будто ночь средь ночи...
И под ветром крыши наги...

Только сердце уснуть не хочет,
И считает Твои шаги...
26 июня 1988 г., Москва

– 7 –

Как я уже сказал, в варшавские годы началось моё серьёзное сочинительство. Тем не менее, стихи в те годы появлялись лишь изредка, их было немного. Видимо, мне не доставало внешней поддержки, заинтересованного читателя. Автор и читатель – вечная проблема, вечное напряжение, вечная любовь-неприязнь! В идеале творческий порыв абсолютно самодостаточен. Стихотворение начинает звучать и не остановить его. Какой уж тут читатель, причём здесь он? Но, если следовать этому идеалу до конца, то и публиковаться нет смысла. А сочинители обыкновенно стремятся к публикации. Видимо, следует различать рождение произведения и заботу о его дальнейшей жизни. Стихи, как дети, получаются от любви, а потом начинаются заботы-хлопоты об их счастливой судьбе. Конечно, в таких хлопотах, как и во всём другом, необходимо чувство меры.

Решающую роль в моей литературной судьбе сыграла дружба с Верой Свечинской (22 февраля 1939 г. – 2 декабря 1996 г.)¹⁹, с которой я познакомился в 1984 году. Вера была человеком огромного темперамента, много и горячо читавшим. Литература, искусство были её «естественной средой обитания». Когда осенью 1985 года скоропостижно умер её муж, мой однокурсник и друг Аркадий Шапиро, я написал стихотворение его памяти²⁰. С этого момента Вера принимала близко к сердцу мои литературные начинания. Она поверила в меня. Её реакция на мои стихи была непредсказуемой, простираясь от негодования до восторга. Не было лишь равнодушия. Вера также вовлекала меня в чтение Пастернака, Ахматовой,

¹⁹ Прекрасно пишет о Вере её дочь Лиля:
<http://polenova.livejournal.com/13504.html#cutid1>.

²⁰ В октябре 2005 г. (через 20 лет!) это стихотворение было опубликовано в чикагском еженедельнике «Обзор», а в 2009 г. в бостонском журнале «Кругозор»
<http://www.krugozormagazine.com/show/Kushnir.463.html>, где оно стоит рядом со стихотворением памяти Веры.

Цветаевой – до той поры я обращался к этим поэтам (да и к другим тоже) лишь эпизодически. Дом Веры был центром притяжения для многих незаурядных людей, здесь обсуждались новинки литературы, события общественной жизни, звучали песни, музыка...

Вера Свечинская, середина девяностых годов

Зять Веры, муж её дочери Лили, которая известна сегодня как высокоталантливый прозаик²¹, был бардом и поэтом. В апреле 1987 года он показал нам свой перевод 66-го Сонета Шекспира. Перевод был, несомненно, интересным и свежим. Мы много обсуждали и Сонеты, и драматические вещи Шекспира.

Соответственно, в один прекрасный весенний день того же апреля Вера вдруг сказала мне: «Переведи, пожалуйста, 66-й Сонет, у тебя это должно получиться». Я был изумлён – с «шиллеровской» школьной поры, ни о каких художественных переводах не было и речи. Правда, давно уже сформировавшееся убеждение, что Россия – не моя страна, что из неё надо уехать самому и увести семью, в это время стало принимать практические формы. На моём столе лежали всевозможные учебники английского языка, лингафонные записи, словари, а в метро, трамвае и т. д. я читал Агату Кристи, принципиально не пользуясь словарём, – но всё же, староанглийский язык Шекспира, не слишком ли? Замечу в скобках, что авральное чтение детективов талантливейшей писательницы психологически

²¹ См., <http://victorian.fortunecity.com/brambles/219/>.

небезопасно. Обыкновенно действие её романа разворачивается в узком кругу участников. Это может быть пароход на Ниле, Восточный экспресс, пансионат и т. д. Поначалу ничего вроде бы не происходит, хотя напряжение исподволь нарастает. И вдруг взрыв! Мёртвое тело, ещё одно и т. д. Начинает шевелить мозгами и усами несравненный Эркюль Пуаро, или откладывает в сторону вязание столь же несравненная Мисс Марпл. И здесь выясняется, что фактически каждый участник тесного круга имел все основания убить любого другого. Моя собственная активная жизнь тоже протекала в довольно ограниченном круге друзей и коллег. И вот сижу я на нашем семинаре, слушаю докладчика, смотрю вокруг и... вздрагиваю от мысли: а ведь *X* давным-давно мог бы убить *Y*! Опасная дама Агата Кристи! Вдобавок, уже перед самым отъездом обнаружилось, что я, почти как Жак Паганель, «выучил» немного не тот язык. До самого конца восьмидесятих годов в советском образовании не различали британского и американского английского, учили всех британскому. Разница, между тем, оказалась существенной.

Итак, достал я английское издание Сонетов, стал читать 66-й Сонет, комментарии к нему. Составил подстрочник. Уместить его содержание в 14 строк русского пятистопного ямба казалось невозможным! Это чувство – невозможно! – неизменно возникало у меня и во всех последующих переводческих усилиях. Именно с него, с его преодоления начиналась работа. Обычно день-два я вживался в мир сонета, в его звучание, затем внешне быстро появлялся перевод. Так было и с первым опытом – неожиданно 66-й Сонет «перевёлся», хотя я и сейчас считаю, что он мне не слишком удался. Через некоторое время Вера предложила перевести 30-й Сонет, я опять сопротивлялся и... опять перевёл. Так по Вериным «заказам» с апреля до конца октября появились переводы двенадцати избранных (Верой!) сонетов. Интересная история приключилась с 22-м Сонетом (мой третий по счёту перевод). Как обычно, был составлен подстрочник, и внутри меня накапливалась необходимая «критическая» масса. Дело было в конце мая, я поехал на дачу, в электричке вдруг стал

звучать перевод. Но подстрочник был забыт на столе дома! Между тем моя когда-то необыкновенная формальная память давным-давно ушла в прошлое, сменившись, правда, довольно живой памятью ассоциативной. В отсутствие «шпаргалки» я стал понемногу уклоняться от шекспировского оригинала, хотел остановиться, но уже не мог. Так получился Сонет «В подражание Шекспиру», хотя точнее было бы назвать его «В опровержение Шекспира». Дело в том, что мне была не по душе шекспировская заключительная формула. В ней утверждалось приблизительно следующее: «Не рассчитывай же на своё сердце, когда моё погибнет; ты отдал мне своё сердце не затем, чтобы я вернул его назад». Почувствовав, что перевод всё равно не может состояться, – по крайней мере, в этой электричке – я заодно закончил своё «подражание» на совсем другой ноте: «Молиться буду сердцу дорогому,/ Но лишь умру, – отдай его другому». Идя под кратовскими соснами к даче, я полурадовался, полудосадовал... С одной стороны мне нравился мой собственный Сонет, с другой стороны не верил, что смогу сделать теперь настоящий перевод: истрачена душевная энергия, да и пересказывать близкие образы новыми словами нелегко и художественно небезопасно. Сонет этот я всё-таки, вернувшись в город, перевёл, хотя прежнего волнения при этом уже не было...

По совету Раисы Исаевны, известного литературного переводчика с испанского, мамы моего друга Саши Саца, я послал первые семь переводов Аниксту и месяца через два, по её же совету позвонил ему. Александр Абрамович подтвердил получение моих работ. И тут же произнёс горячую короткую речь. Суть её сводилась к тому, что ему до смерти надоели переводы Шекспировских сонетов. Он (Аникст) только что опубликовал полный свод Финкеля и больше этим заниматься не хочет. «И что же все набросились на Шекспира, почему бы Вам не перевести Спенсера»? Я припомнил его полное энтузиазма предисловие к имевшемуся у меня тому переводов Шекспира, но сдержался и, спокойно поблагодарив Александра Абрамовича, стал прощаться. Здесь, видимо, Аникста уколола совесть, и он сказал, что-то, вроде: «Ну,

Вы, конечно, боец за свои переводы, я их обязательно посмотрю». Таков был мой первый вкус естественного отталкивания, которое испытывает профессионал, когда имеет дело с дилетантами (большей частью графоманами). Литературная среда выталкивает новичков, как вода надутую шину. Разумеется, Александра Абрамовича можно понять...

Погружение в мир шекспировской лирики было необычайно волнующим и вознаграждающим занятием. Каждый из двенадцати переведённых сонетов составлял собственный художественный мир, о переложениях этого мира на русский язык я мог бы написать небольшую новеллу. Вера предложила мне рассказать обо всём этом нашим общим друзьям. В результате я прочёл несколько лекций по переводам – на частных квартирах, а также в Институте имени Гнесиных и в Доме учёных в Обнинске. Сокращённая версия этих лекций легла в основу статьи «О переводах Сонетов Шекспира», опубликованной уже в США в балтиморском журнале «Вестник»²². Сами же переводы были впервые напечатаны в Москве в 1989 году вскоре после моего отъезда²³. В 1997 году «Вестник» опубликовал их с великолепными рисунками Владимира Сёмина, нашего общего с Верой друга²⁴. Мы посвятили эту публикацию её памяти...

В настоящее время в России возродился интерес к Сонетам Шекспира, было издано несколько новых полных сводов переводов, как принадлежащих перу одного автора, так и составных. В последних нашли своё место и мои работы. И каждый раз, открывая такой том, я вспоминаю Веру, её настойчивое «переведи!». Мир светлой её памяти...

Шекспиру я благодарен за многое, прежде всего за огромное переживание – погружение в его поэтический мир. Благодарен я английскому поэту и за чудесные дружбы,

²² «Вестник», Baltimore, №№ 22-23 (124-125), 1995.

²³ И статью, и переводы можно найти в интернет-журнале «Еврейская Старина»: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer15/Kushner1.htm>. Здесь же опубликован и Сонет «В подражание Шекспиру».

²⁴ «Вестник», Baltimore, № 7 (161), 1997.

завязавшиеся вокруг переводов. Тогда в Москве это были Горбуновы – Андрей Николаевич, крупнейший знаток староанглийской литературы (Шекспира, в частности), его мать Екатерина Николаевна Горбунова, писатель, литературовед, критик, семья Фильштинских – Исаак Моисеевич, замечательный арабист, профессор Московского Университета, его недавно ушедшая из жизни жена Анна Соломоновна, известный в Москве преподаватель английского языка... Принёс Шекспир новые знакомства и в американские времена, тем более что виртуальный мир не знает физических границ... С переводов начался большой цикл моих собственных сонетов, большей частью «английских» по форме. Сочинение Сонета – всегда особенное переживание, особенная внутренняя музыка. Кажется, сама чеканная структура движет поэтическую речь, вовлекая высокие и чистые образы.

Сонет

Год угасает. Сумерки богов. –
Но пагодные крыши в белых шляпах
Упорно расточают мирный запах
Печей, каминов, топок, очагов.
И в свежем снеге сочный хруст шагов
Несовместим с космическим событием,
С колоколами, Смерти ненасытием,
Несокрушимым шествием веков.

Но Жизнь и в уязвимости права,
Отвергнув бесконечность Реквиема. –
И я пишу – слова, слова, слова... –
Пусть плоть – трава, зато бессмертна тема,
Что мир – Любовь, и что Любовь жива
В простых делах изгнанников Эдема.
30 декабря 1997 г., Pittsburgh

Сонет

Мгновенья – слаще нет полона,
И в каждом – собственный напев. –
И Вольфганг – лира Аполлона,
И Людвиг – милосердья лев.

Творенья Чудо невесома,
Но как кружится голова! –
И мир переполняет слово,
Созвучные Душе слова.
И пусть уносят нас мгновенья
Туда, где споры решены. –
О, нежной музыки волнение
На океане тишины...
Вот так плыву под Песню эту,
И мой ручей впадает в Лету.
26 апреля 2002 г., Johnstown

Переводы также послужили мне хорошим уроком в технике стихосложения, особенно в трудном искусстве сжатия времени-пространства в поэтической речи. Надо сказать, что ни в каких литературных кружках при Дворцах пионеров или литературных студиях для взрослых я никогда не участвовал, испытывая инстинктивное отвращение к резкой публичной перекрёстной критике, принятой в таких местах. Да и какая может быть польза от взаимных наскоков неумелых и не всегда даровитых юнцов? Поэзия вещь глубоко персональная, стихи, как дети, любишь их такими, какими уродились. Другим, разумеется, любить не обязательно. Но и ругать чужих детей мне лично не по вкусу. Мастер-наставник, деликатный и чуткий – дело другое, да где же его взять? Когда-то я случайно попал в Вашингтоне на выступление известного советского, а затем российского поэта Х. Он превосходно читал стихи, свободно общался с аудиторией. Среди прочего рассказывал о своём учителе по Литературному институту, тоже весьма известном поэте У.

– Чему же он учил меня? – размышлял вслух Х. И тут же сам себе ответил, сорвав заранее предусмотренный смех аудитории –

– Играть на бильярде и пить водку... –

Я удивился: в целом Х отзывался о У и сердечно, и уважительно, и вдруг вот такая бравада. Нет уж, лучше учиться по книгам и собственной жизни... Тем более что язык – основной инструмент поэзии – дан нам с рождения. Так что музыкант здесь может поэту позавидовать, –

попробуй-ка, напиши партитуру для симфонического оркестра – тут столько надо знать всего, к непосредственному жизненному опыту не относящегося, что страшно становится.

Разумеется, это всё глубоко персонально. Многие замечательные авторы посещали в молодости литературные студии, кружки, мастерские и т. д. и позже отзывались об этом тепло и благодарно.

Единственным профессиональным литератором, с которым я общался в молодости, был Георгий Полонский (1939-2001), известный широкой публике прежде всего по фильму «Доживём до понедельника», поставленному по его сценарию. С Гошей мы подружились в университетском доме отдыха «Красновидово». Это было в холодном январе начала шестидесятых. Над замерзшим водохранилищем дули ледяные ветры, а на дальнем высоком берегу едва различался силуэт реактивного истребителя. Самолёт этот, при моём с детства горячем восхищении авиацией, меня интриговал²⁵. Однажды я пересёк на лыжах озеро. На небольшом возвышении покоился списанный МиГ-15, очевидно, подаренный пионерскому лагерю, бараки которого утопали в снегу вокруг. Рядом с аэропланом валялись какие-то баллоны, разьёмы и т. д. На каждой сборке стояло чьё-то имя, вроде «сборщик Поршнев». Авиация – серьёзное дело. Залез в кабину и даже сдуру дёрнул ручку катапульты, чего уж никак делать не следовало: как известно, раз в год и палка стреляет. Гоша с улыбкой выслушал мой восторженный рассказ. В те дни он был начинающим драматургом, студенческий театр МГУ с успехом поставил его пьесу «Сердце у меня одно». Героями Гоши были школьники и учителя, сказывался его собственный опыт преподавания в школе. Можно сказать,

²⁵ Одно из сильнейших воспоминаний раннего детства – гидросамолёт на Москве-реке около Парка культуры. Первый летательный аппарат, который я увидел не в небе. Или: огромная поляна в лесу, над кромкой леса, почти задевая верхушки, бешено проскакивает аэроплан. Успеваю заметить голову летчика в шлеме. Ну, Бог да и только! Позже я специально ездил «писать стихи» во Внуково, там был балкон над лётным полем...

что Учитель – именно с большой буквы – был главным героем его пьес и сценариев. Однажды я удержал Гошу от серьёзной ошибки. На сей раз Учитель, Лев Ильич, учил детей математике. Гоша позвонил мне и зачитал реплику Льва Ильича, в которой упоминалась *парабола*, асимптотически приближавшаяся к какой-то там оси! Я немедленно предложил заменить параболу гиперболой, что и было сделано.

Гоша также сочинял стихи – и за героев своих пьес, и просто стихи, как это делают все поэты на свете. Закрываю глаза и слышу-вижу его читающего:

Есть город-крепость со своим уставом,
Вторая Мекка и второй Париж,
Идёшь с работы вечером усталый,
Берёшь такси и адрес говоришь.

Поскрипывают мягкие сиденья,
На счётчике кривляются рубли,
И вас увозят в город сновидений
Под запахи гудрона и смолы.

Однажды Гошу вызвали на Лубянку, видимо, хотели завербовать. Он провёл там семь или восемь часов в беседах с чекистами самого разного рода. Один из них припомнил ему «кривляющиеся рубли» – что это вы себе позволяете писать о советской валюте!

Гоша также привёл меня на встречу с Ильёй Эренбургом в театре «Современник», который тогда находился на Маяковской. Был поздний вечер, в зале сидели артисты из только что сыгранного спектакля, Олег Ефремов, серьёзный и печальный, задавал вопросы в конце беседы. Совершенно седой Эренбург появился в сопровождении молодой женщины, видимо, секретаря. Выглядел он уставшим библейским патриархом и смотрел на аудиторию сверху вниз, причём с огромной высоты. Дистанции он отнюдь не скрывал, словом, всё было ровно так, как

подметил в своё недавнем эссе Артур Штильман²⁶. Мэтр-писатель говорил, практически не останавливаясь, часа два. Поток его речи был изумителен – никакой турбулентности, никаких слов-паразитов, вроде, «значит», «так сказать» и т. д. Ни малейших затруднений – так величаво течёт могучая равнинная река. Мы шли с Гошей по ночной Москве и пытались уяснить себе – что же, собственно, было сказано. «Французское красноречие» – всё ни о чём, общие места...

– 8 –

В предотъездное время мне неожиданно пришлось заняться публицистикой. И здесь решающую роль снова сыграла Вера Свечинская. Весною 1988 года у неё в руках оказался список «Русофобии». Я уже кое-что слышал об этой книге Шафаревича, отзывы были резкими и, признаться, я им не очень верил. Шафаревича я, хоть и не близко, но всё же неплохо знал. Один семестр он читал нашему курсу лекции по высшей алгебре (помнится, речь шла о жордановой нормальной форме), и это было событием. Затем многие годы встречал его в библиотеке Математического института АН СССР, располагавшегося по соседству с ВЦ. Мы раскланивались. Вежливость его была впечатляющей, даже несколько неожиданной по тогдашним российским стандартам. И вот «Русофобия». Читаю потрёпанную подслеповатую машинопись, явно побывавшую во многих руках. Большого впечатления книга на меня не произвела – ни концепцией, ни стилем. Математик-Шафаревич был много интереснее. Конечно, огорчила явная антиеврейская направленность, это было неожиданно, печально. Но душевное моё равновесие не было нарушено. Я отложил стопку серой бумаги в сторону и занялся другими делами. Иное дело Вера. Она просто задыхалась от возмущения. И последовало неизбежное: «Ты должен написать ответ!». Я возмутился этим «должен». Почему должен и зачем? Знал бы я сколько раз это «зачем» в самых разных исполнениях ко мне вернётся!

²⁶ «В Большом театре и Метрополитен опере»,
<http://7iskusstv.com/2010/Nomer11/Shtilman1.php>.

Вера настаивала, я отказывался. Ситуация разрешилась неожиданно – с Верой вместе работал талантливый программист Серёжа. Однажды Вера позвонила мне и сказала: «Серёжа сегодня спросил, – неужели Боря ему не ответит?». Я понял, что от судьбы не уйти, и в тот же вечер написал Открытое письмо Шафаревичу. Письмо это стало циркулировать в Самиздате, а во время нашего странствия в США через Австрию и Италию оно было опубликовано в нескольких западных русскоязычных журналах и по ряду свидетельств неоднократно читалось на радио «Свобода»²⁷. Впоследствии мне часто приходилось удивляться, встречая людей, которые помнили это письмо спустя много лет. Очевидно, оно получило широкую известность и, боюсь, останется моим «главным» произведением, – а сам я, конечно, предпочитаю стихи, эссе о времени и друзьях, эссе о музыке... К дискуссии с Шафаревичем и другими «евреоведами» мне пришлось не однажды возвращаться уже в США²⁸. Должен сказать, что вся публицистика этого рода получалась, как и в первый раз, «преодолением самого себя»²⁹. Сколь же приятнее писать о той же музыке!

²⁷ На Интернетe Открытое письмо Шафаревичу можно найти по адресу:

<http://berkovich-zametki.com/Nomer44/Kushner1.htm>.

²⁸ Второе открытое письмо было опубликовано в газете «Новое Русское Слово» 18 августа 1989 г. В Интернетe: <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer1/Kushner1.htm>. О дальнейшей эволюции взглядов Шафаревича я писал в большом эссе «Одна, но пламенная страсть» («Вестник», №4 (315) – №6 (317), 2003, <http://www.vestnik.com/issues/2003/0219/win/kushner.htm>, (начало публикации; работа также публиковалась в журналах «Новый Век» (Россия – Израиль), «Галилея» (Израиль) и «Мосты» (Германия)). См., также эссе «Больше, чем ответ»: «Вестник», Baltimore, №26 (337) – №4 (341), 2004, <http://www.vestnik.com/issues/2003/1224/win/kushner.htm> (начало публикации). Новая расширенная редакция: <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer3/Kushner1.htm> (начало публикации).

²⁹ Статья «Кошмары православного талмудиста» написана по настойчивым просьбам из Москвы. Она публиковалась в газете

Признаюсь также, что при всей необходимости актуального, злободневного поэтического слова, не отношу публицистическую, политическую поэзию к явлениям искусства высшего порядка. Тем не менее, время от времени впадал в этот «грех». Как и всякий грех, такие стихи являлись мне с неодолимой необходимостью. Вот несколько из них, пришедших в голову сейчас, когда пишу эти строки:

Площади серы... Пусты кабинеты...
Где ж вы, эсеры?.. Где ж вы, кадеты?..
Эти в изгнание... Эти убиты... –
Милые дети не слушали Витте...
3 июня 1993 г., Pittsburgh

Вариация 2-76

Скрипит Эпохи Колесо, –
Вольтер толкает и Руссо,
И Карл Маркс и Энгельс Фридрих,
И оттого у века вывих.
Мулла и Ленин. Мёртвый круг.

.....
Как жаль, что Гамлет – не хирург.
6 декабря 2001 г., Johnstown

1960

С поэтом по весне дежурили,
По марту или по апрелю...
И медь «Над сопками Манчжурии»
Теснилась, уступая Брелю.
И всё ж под древнею иглою
Шипел апрелевский винил... –
Могильный век, покрытый мглою,
Кипел и сам себя винил.
В Политехническом насесты
Уже седлали петухи,
И тайно выдавали съезды

«Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 5 октября 1993, и в журнале
«Нева», Санкт-Петербург, № 9, 1994, 252-257. В Интернете:
<http://berkovich-zametki.com/Nomer42/Kushner1.htm>.

Апокалипсис за грехи.
Весна-Кармен, кинжал, монисты,
Любви неистовый самум... –
Но драли глотки коммунисты
Про честь, про совесть и про ум.
Под солнцем нового ни грамма,
Как говорит Екклесиаст,
Но Время – на панели дама,
И нам соскучиться не даст.
5 марта 2002 г., Pittsburgh

Вариация 5-16

Нас зазывали коммунисты:
«Очнись, восстань на царство зла»!
Мы встали: блещет путь кремнистый, –
Подковы, искра, прах, зола.
И вправду: не швыряй камнями
Под кровами стеклянных крыш. –
Из искры возгорится пламя, –
И в этом пламени сгоришь.
20 июля 2005 г., Pittsburgh

Жгут в Европе синагоги,
Оксфорд знает, что к чему. –
Либералы, демагоги –
Скоро вам носить чалму.
3 мая 2002 г., Pittsburgh

Здесь заключена какая-то гофмановская ирония, но, как и Шекспир, Шафаревич (через связанные с ним публикации) невольно ввёл в мою жизнь дорогих людей, единомышленников. Прежде всего, я должен упомянуть известного писателя-историка и публициста Семёна Резника. Рецензия его недавней книги «Вместе или врозь?» разрослась в большое эссе, теперь уже по поводу двухтомника Солженицына «Двести лет вместе»³⁰, ещё одному свидетельству болезненной одержимости евреями

³⁰ Эссе «Больше, чем ответ», см. примечание 28.

некоторых русских интеллектуалов. Дорогим другом стал для меня и москвич Виктор Жук...

Семья бабушки, около 1900 г.

Что касается еврейской темы как таковой, то она с самого начала определяла и интонацию, и содержание моих стихов. В отличие от многих сверстников у меня не было проблем с национальной идентификацией. Я ощущал себя с незапамятных моих времён именно евреем, соединённым нитями – духовными и физическими – с Отцами, с Моисеем. Возможно, сказывалась и кровь: дедом по материнской линии моей бабушки Софьи Моисеевны был 4-й Любавический Ребе Шмуэль Шнеерсон.

А кольцо моё, колечко
В ящике стола.
Мама, бабушка, местечко –
Всё сгорит дотла.
Время строит Тадж-Махалы,
Но взгляну назад –
Аромат субботней халы,
Свечи, стол, обряд.

Предначертанное действо
Глаз, сердец и рук.
И семья, а не семейство –
Тесный, тёплый круг.
Скрип саней на снеге талом,
В идише гортань. –
Время свечи разметало,
Кольца и герань.
И по всем пространствам суши,
По мирам иным
Время родственные Души
Разметало в дым.
И очаг дождём залило,
И над домом – наст.
Спит Самсон, и спит Далила,
Спит Екклесиаст.
Но не спит, бурлит упрямо
Память-водосток.
Вот – остался я от Мамы,
Да в горшке – цветок³¹.
9 июля 1999 г., Pittsburgh

Цветок из последней строки стихотворения реален. Мы провезли через всю дорогу исхода росток герани, которую любила моя мама. Помню эту герань столько же, сколько самого себя. И сейчас она живёт у нас на окне в Питтсбурге.

Гурьбой лачуги у реки,
А, может быть, у пруда.
Как сладко ночи коротки
За чтением Талмуда.
Свеча и тусклое трюмо,
Отцов квадратное письмо,

³¹ На это стихотворение и ряд других написал музыку чикагский композитор Михаил Клейнер. В нескольких случаях Михаил Борисович поёт получившиеся песни в двух версиях: с моим русским текстом и со своим переводом на идиш. Удивительно было слышать «Ах, кольцо моё колечко...» на языке бабушки.

И звёздами во мраке –
Божественные знаки.
Слепая сила. Злоба, спесь
Из бездны униженья.
Но Книга есть. В ней Песней Песнь,
Полёт воображенья.
Меж тем вскипали города,
Гудки, дымы, солдаты...
И незаметно, как беда,
Явился век двадцатый.
И крылья обретал металл, –
Моторы, не уздечки,
И век небрежно разметал
Уютные местечки.
Уклад и почва – кувырком,
Теперь покой неведом.
И сын отныне незнаком
С отцом, не то, что с дедом.
А век настырен, как Тантал,
Прозренья, боль, утраты...
.....
Один над Витебском летал,
Другой чертил квадраты.
13 ноября 2001 г., Johnstown

Мама с Крассом, лето 1973 г.

Многие стихи являются, по сути, реминисценциями
Танаха, как, например:

Начальнику хора. При появлении зари.

Псалом Давида.

Псалом 22(21),1

Но появления зари
Не пропусти, начальник хора. –
Созвездий лопнут пузыри,
И зазвенит твоя кинора. –
При появлении зари.

На вызов тьмы, чреватой злом,
На безнадежье поношенья –
Звучи, целительный Псалом,
Души бессмертной утешенье. –
На вызов тьмы, чреватой злом.

Мой Б-же, я в тоске, один. –
Зачем же Ты меня оставил
Цепляться за осколки льдин?
Я обречён, я – прах, я – Авель. –
Мой Б-же, я в тоске, один.

В слезах молю, услышь, узри.
Начальник хора, тон небесней!
Я не тоской проснусь, но Песней. –

.....
При появлении зари.

3 февраля 2000 г., Johnstown

Вариация 3-50

На тьму наложено вето –
Света.
Теперь никаких теней!
Приходит Время Завета,
Наступление Дней.
И тьмы бесполезны уловки,
О, как злодеи слепы!
Повсюду звон перековки
Мечей в орала, в серпы.
Веселье под Любящим Оком, –
Имеющий Душу, внемли!

Осанна, Еврейским Пророкам,
Спасителям Звёзд и Земли.
25 декабря 2002 г., Pittsburgh

Евреи – споры, ссоры, гам,
Вагон сочувствия к врагам,
И все мы вместе –
В их перекрестье.
15 мая 2005 г., Pittsburgh

Конечно, моё сердце постоянно возвращалось к трагедии нашей истории, к Холокосту.

Памяти...

Как это было в *том* апреле? –
Трава, нарциссов огоньки?
И звёзды первые горели
С Луною наперегонки? –
Судьба была слепа и люта,
Тянулась щупальцами спрута,
И танками терзала плоть,
И Чуда не явил Г-дь,
Могучей не простёр Десницы,
Не оградил, не охранил,
И фараона колесницы
Текли, как в половодье Нил.
Качанья касок, марши пугал,
И лязгом гусеничным бес, –
Свинцовый дождь в еврейский угол,
Не манна, пепел пал с небес.
В Варшаве светлый праздник Пасхи,
Костёлы и колокола, –
Что из того, что смерть без маски
Простёрла чёрные крыла?
К чему считать чужие раны –
Блаженна мраморная стынь... –
О, как торжественны органы,
О, как божественна латынь!
А смерть? Не здесь пока что, где-то. –

Там, за стеной. На то и гетто.
Молись и вытри пот со лба –
Не по тебе пока стрельба.
И всё ж, *temento*, ах *temento*...
Горит огонь у монумента,
Где вы легли – к плечу плечом.
Судьба была слепа и люта –
Молчанье? Что ж, одна минута,
И снова жизнь кипит ключом.
Но если б Б-жьим Чудом встали,
Благословили бы апрель –
Ручьи, улыбки, звоны стали,
Органы, скрипки и свирель.
25 апреля 2006 г., Johnstown

Гимн Марии-Мириам,
Мирре... –
Но нет места сыновьям
В мире...

Храм сожжен, Твой сын распят –
Ими. –
Отчего ж Тебя так чтят
В Риме?

И глядит кумир из рам
На кумира... –
Спи, Мария-Мириам,
Мирра...
22 мая 1996 г., Pittsburgh

Сложные отношения со страной моего рождения (слово «Родина» с большой буквы, предполагающей особенное духовное родство, судьбоносную неразделимость, я применять к России не могу) проявлялись в стихах разных времён, порою слишком резких. Я касался этой проблемы также в ряде моих очерков, например, в эссе «Вернётся ли

маятник?»³². Вот соответствующий отрывок: «Мне самому термин «русскоязычный» кажется вполне точным. К сожалению, он скомпрометирован известной публикой. Нет сомнения, что язык, в котором человек вырастает, имеет огромное значение. Я бы сравнил это с инструментом, на котором музыканта учили играть с раннего детства. Конечно, музыкальное мироощущение скрипача несколько иное, чем у пианиста. И всё-таки, речь идёт только об инструменте, и есть вещи, значением этот выбор (в случае языка всегда невольный) превосходящие. На той же скрипке можно играть музыку русскую, итальянскую, еврейскую и т. д., и т. п. Всё это, взятое вместе, становится просто музыкой. Но сколь же драгоценен, сколь неповторим каждый цветок в этом букете. То же и с языком. Все развитые языки – великолепные инструменты человеческого самовыражения. Их художественные возможности, при всех различиях в подробностях, в итоге равновелики. Тот же русский язык прекрасно передаёт Шекспира и Гёте, на него перекладываются и волшебство Песни Песней, и Псалмы царя Давида, сладостного певца Израилева, и Плач Иеремии. Так же и я, в меру сил моих, могу выражать своё еврейское мироощущение на доставшемся мне волшебном прекрасном языковом инструменте. Выбор его был не моим, и пути Б-жьи неисповедимы. Кровное чувство действительно трансцендентно, но трансцендентные вещи имеют огромную силу в этом мире. История моего народа – вечное свидетельство тому. И даже колоссальная сила языка перед этой начальной мощью меркнет. Кстати, в русской литературе можно найти немало вдохновенных страниц о таком кровном чувстве. Сейчас мне вспоминается знаменитый эпизод с танцем Наташи Ростовой».

Пожалуй, характерным является следующее небольшое стихотворение, публиковавшееся и в США, и в России:

³² «Вестник», № 19(356), 2004 г.,
<http://www.vestnik.com/issues/2004/0915/win/kushner.htm>.

Россия –
памяти ожог. –
Хоть свечи погасил я, –
Прошу Тебя,
еврейский Бог,
Пусть выживет Россия.

Храни Россию у межи,
При резкой смене галса –
Прошу за всех,
кому там жить,
За всех, кто там остался...

Спаси простёртою рукой
И Тайною Шумера, –
И пусть придёт в Москву покой,
Достоинство и вера...
6 мая 1997 г., Washington, D.C.

– 9 –

Обложка первой книги, Москва, 1993, рисунок «Чистые пруды»
Юлии Кушнер

В последние предотъездные месяцы Вера составила сборник моих стихов и отпечатала 10-15 экземпляров в Вычислительном центре, в котором работала. Художник

Владимир Сёмин выполнил иллюстрации. Вычислительная машина серии «Ряд», доступная Вере, почему-то не различала строчных и заглавных букв, так что всё, что выходило с принтерного устройства электронного монстра, выглядело довольно необычно³³.

Этот сборник, названный «Стихи и переводы», послужил основой моей первой «настоящей» книги стихов, вышедшей в Москве в 1993 году под тем же названием. История этой книги необычна. В конце февраля 1989 года мы с женою и сыном Александром уехали из Советского Союза. Семья дочери уехала несколькими месяцами раньше. Видимо, из-за трудностей эмиграции, нервного напряжения, неопределённости ситуации в Италии, а затем в США моё сочинительство более чем на год остановилось. Затем понемногу стали возвращаться стихи, публицистика. Вот, например, два воспоминания об эмигрантском городке Ладисполе, близ Рима, и об обрётённом там друге, замечательном шахматисте Яше Лапидусе:

Ладисполь

По траурным пескам Ладиспольского пляжа
Носился пёс с синьорою в придачу,
Когтями рыл железистую сажу, –
Собачью презирая сверхзадачу,
Садилось Солнце. Ужас чрезвычайки
Сулила ночь. У кромки моря чайки
Кричали и собачие атаки
Предупреждали взрывом белых крыльев. –
По зеркалу оранжевою пылью
Рассыпался закат, и в нервном мраке
Звучали Цицерон и Доницетти. –
Смешенье судеб, наций и столетий
Вдали горело ненасытным Римом.
По старому шоссе спешил на Форум ветер,
Азартно лаял длинноухий сеттер.
Флейтист бродил у моря пилигримом,
Прибоем обжигаясь, багровея

³³ На той же машине печатались и также необычно выглядели первые самиздатские копии моего письма Шафаревичу.

Сквозь дальний диск. Он тенью был Орфея
В заката первозданном монументе... –
Спустившись в ад, он был слегка растерян,
На пальмы променяв свой дальний терем. –
Но клапаны на тонком инструменте,
Как клапаны души звучали тускло
И по Вивальди выводили трели. –
Ещё лучи последние горели,
Но нерв последний и последний мускул
Привычно цепенели, ждя развязки... –

.....
Ладиспольский песок.

Несбывшиеся сказки.

26 февраля 1994 г., Pittsburgh

Памяти Якова Лапидуса

*Род проходит, и род приходит,
а земля пребывает вовеки.*

Екклесиаст, 1:4

Ладисполь. Фиолет предгорий.

Вдоль моря – трауры песка.

Парад судёб-фантазмагорий,

Его вселенская тоска.

Ладисполь. Солнце над фонтаном,

Торговля всем, что в мире есть.

Куда, когда, зачем – Бог весть,

Здесь и Пророк молчит профаном.

Ещё один базар-привал,

Глухой просёлок из Египта –

Берёзы сень иль эвкалипта,

На что бы кто ни уповал...

Жара кружила южным хмелем,

Толпа жужжала, – рой людской,

Ты был иным – уже портфелем

С торчавшей шахматной доской.

Распев грузинский, голос-бархат,

Достойно, строго и без поз

Ты был Жрецом Верховным Шахмат

На ярмарке презренных польз.

Заманчиво дымили грили,

Гудел в толпе кабриолет, –
И сразу мы заговорили,
Как будто знали много лет.

Уплыли хоры зодиаков,
Сменились воды в сонмах рек... –
И где ж шатры Твои, Иаков?
Спи, Дорогой, – Земля – вовек.
4 декабря 2001 г., Johnstown

И отзвук вечного города:

Вариация 2-57 (Рим)

Сиденья затёрты до лоска и
Толпа бурлит вавилонская
По платформам и в тереме
Roma-termini.
В мире чужом
По горлу ножом
Событие любого ничтожества,
Орфеем в аду –
Куда я иду,
Да что же я?
Сплетается вечное и дребедень,
Небезопасно расцвечен день
Цыганками и клаксонами,
Пальмами над газонами.
Над городом Римом отнюдь не пьета –
С утра до утра
Небоскрёбье Петра
Посланием какого-то смысла
Нависло.
По имени камень. Приют для скульптур.
Могила, а также начало культур.
И суть его Евой ребриста.
Ожёл, вырывается резко из рам
К торговцам, всегда окружающим храм, –
Что рай для туриста.
И неба весеннего бледная топь
Над мостовыми чумазами.

Крик поездов, мотороллеров дробь,
А там, где потоки сливаются в Обь, –
Фонтаны алмазами.
Самосожжение Диска и
Столпотворение римское.
Эзотерических улиц горбы,
А под ногами брусчатка судьбы,
Истории специи.
Цезари, Бруты, их тени и прах,
И ядерным взрывом пространства распах –
Площадь Венеции.
В воздухе звуков звонкая взвесь,
Итог их загадочно строен.
Но сам я как будто и здесь, и не здесь,
Уже судьбоносно раздвоен.
19 мая 2001 г., Pittsburgh

Оставшиеся в Москве наши родственники и друзья Ирина Ивановна Воробьёва и её муж Василий Васильевич Малиновский полюбили мои стихи и решили составить книгу. У них был «Верин сборник», стихи, написанные после него в Москве, в самые последние недели, и первые американские стихи. Памяти Ирины Ивановны и Василия Васильевича (оба скончались в 1998 году) посвящено моё эссе «Об ушедших друзьях»³⁴. Им же посвящена и книга стихов «Причина Печали» (1999 г.). Чудесные это были люди, благословенной памяти. Настоящие русские интеллигенты, которых немного осталось. Вся нелёгкая работа по отбору стихов, перепечатке, работе с издательством и типографией была выполнена ими. В начале 90-х годов мы ещё не имели устойчивой, быстрой связи с Москвой: почта – медленно и ненадёжно, телефон – дорог, электронная почта в России была практически неизвестна.

Ирина Ивановна и Василий Васильевич использовали для обложки рисунок нашей дочери Юлии

³⁴ <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer4/Kushner1.htm>, расширенная редакция эссе «Памяти друзей», опубликованного в «Вестнике» № 21 (202), Baltimore, October 13, 1998.

«Чистые пруды»³⁵. Так было положено начало сотрудничеству с дочерью, оформившей и мои дальнейшие книги. Нет нужды говорить, как я этим дорожу. Не оставался в стороне и сын, обеспечивавший компьютерную поддержку наших проектов. Помимо технической стороны дела он сочинил несколько песен на мои стихи, а в 2007 году снял фильм «Семь стихотворений». Для съёмок я два раза приезжал в Сан-Франциско. Фильм высоко оценил композитор Исаак Шварц.

Вообще, поддержка, понимание, терпение семьи – жены, дочери, сына, позже внучки Сусанны были неоценимы во все эти годы.

Вальс

Дочери

Allegro

В развороте
окна
Небоскрёб-обелиск,
Чаша неба без дна
И неистовый
диск.
Этот диск-василиск –
Не сгореть бы в лучах! –
На игле, на стекле,
На руках, на плечах.

Ах, лучи,
хоть кричи!
Сквозь лазури глазурь...
А в глазах,
как ни жмурь,
Золотые мячи!
И задира-жонглёр
Их швыряет
вразброс

³⁵ Вот небольшой вернисаж Юлии в Интернете с чудесным введением Шуламит Шалит:
<http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer7/JKushner1.htm>.

На костры моих слёз
Через веки-костёр!

Ах, лучи, как мечи... –
Ты смотри,
не зевай! –
Город,
как из печú, –
Золотой каравай...

Есть у хлеба
цена. –
Знают жёны и фиск... –
А по окнам
Луна,
А в дыму тамариск... –
А по окнам Луна,
Моя нежная Дочь!
У любви есть
цена. –
Знают звёзды и
Ночь.
1 апреля 1994 г., Pittsburgh

Жуковский

Жене и сыну

Свистели стрелы над карьером,
И в адском грохоте огня
Вонзался в небо – лордом, пэром –
Горбатый МиГ – как два коня.

Аэродром и город в соснах,
Купальный шум, песчаный пляж
В сверканьях стали перекрёстных
Клонились в небыль и в мираж.

И становилась Сказкой следом
Сама сияющая высь –
И Гимном трём велосипедам,
Стоявшим, крепко обнявшись.

И жалкий пруд казался бездной,
И Тайной цвёл зелёный ил... –
И в этой фуге предотъездной
Египет был немного мил...
6 июня 1998 г., Pittsburgh

Внучке Сусанне

По всем измерениям
радости
Сразу –
в колокола!
Звоном
вдребезги
напасти,
Вдребезги и
дотла!

Бронзовое
гудение
Параболических форм –
Ветер с утра
в нападении,
Сине-зелёный
шторм!

И от сознания
хрупкости
Счастья,
в котором –
Смерть,
Хочется делать
глупости,
Прыгать, летать и петь.
25 июня 1994 г., Pittsburgh

– 10 –

Расставание с Россией, исполнение этого моего
давнего внутреннего императива оказалось крайне
благодарным. Стихи стали приходить сами собой почти
каждый день, бывали дни, когда сочинялось несколько

совершенно разных (настроение, метры, метафоры) стихотворений.

Ледяной дождь, Джонстаун

Практически никогда я не сочинял стихи за столом. Они появлялись в дороге – в поездах, самолётах, за рулём. Как и абсолютное большинство американцев, я провожу довольно много времени в автомобиле, тем более, что работаю в Джонстаунском филиале Питтсбургского Университета. Джонстаун (*Johnstown*) – в прошлом центр металлургической и угольной промышленности – расположен примерно в ста тридцати километрах на юго-восток от Питтсбурга в живописных горах Аппалачей. В рабочие дни я живу в Джонстауне, выходные дни и каникулы провожу в Питтсбурге.

Джонстаун, Осень

Дорога из джонстаунской квартиры на работу и обратно – пешком через поле и перелесок – принесла множество стихов.

Голубая глубь,
Сладкий иней губ,
Глуби этой пагубь
Роковой Бермуд. –
А по лесу накопъ,
Бронзы изумруд.
Пульс курьерски тонок,
Неба колыбель.
Март – ещё ребёнок,
Вот придёт Апрель...
28 марта 2000 г., Johnstown

Увлёкшись тёплой минутой,
Ноябрь с маем перепутав,
Ленивая, как опахало,
Над лугом бабочка порхала.
Её ажурные крыла
Горели красным и оранжем
И наваждением и миражем
Она по осени плыла.
А из провала пахло тало –
В нём тихо таял первый снег,
И сердце рвалось, трепетало –
Печальный миг, печальный век...
1 ноября 2001 г., Johnstown

Много осенних стихов навеяли любимые места прогулок – холм Рахили (*Rachel Hill*), лес, начинающийся сразу за учебными корпусами. В этом – до горизонта – лесе, подаренном университету угольной компанией (знает ли кто-нибудь, сколько заброшенных шахт покоится под тропами и деревьями?), можно встретить оленей, белок, бурундуков, диких индеек (бесчисленных не столь экзотических птиц я и не упоминаю)... Коллега, катаясь на лыжах, столкнулся нос к носу с медведем. Оба застыли на месте от неожиданности, а затем пустились наутёк – в разные стороны. И слава Богу... В 2009 году трёх мишек,

полюбивших помойки университетских кафетериев, с позором изгнала из леса служба контроля животных.

Питтсбург – город трёх рек

Здесь на длинной просеке сочинены мои осенние стихи, кажется, у каждого куста, дерева, камня есть своё стихотворение (и не одно).

Октябрь

О как невыносимо сине
Сквозь поредевшую листву
Горело небо, что отныне
Готово к Смерти торжеству...
Оно застынет на просторах
Замёрзших звёзд и вечных зим... –
О, листьев падающих шорох!.. –
Как *Requiem* неотразим...
Тепло – строкою в завещанье,
И луч игривый невпопад... –
Прощанье... Г-споди, прощанье!
Октябрь. Осень. Листопад.
И день, что скучно непрерывен,
Вместить не сможет, наконец,
Сухой и горький жёлтый ливень
Из этих скрюченных сердец...
18 октября 1994 г., Johnstown

Тропа засыпана листьями,
Они шуршат наперебой –
Багровый, жёлтый и рябой,
Но лес ещё живой местами.
Так вот и я отчасти жив,
Поскольку не пекусь о проке –
Пегасу Душу заложив,
За эти золотые строки.
21 октября 2003 г., Johnstown

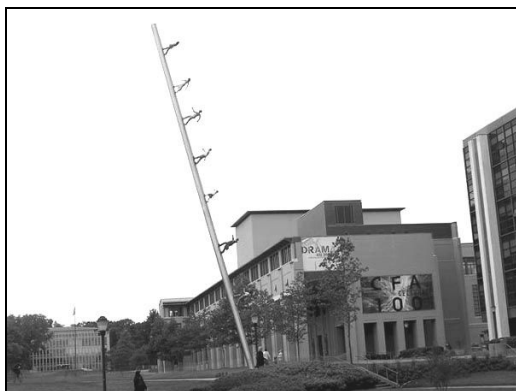
Озеро Артур около Питтсбурга

Есть и другие протяжённые по времени циклы, связанные с любимыми местами. Скажем, можно говорить о Песнях Озера: стихах, сочинённых на озере Артур, что километров семьдесят на север от Питтсбурга. Однажды, разъезжая по просёлкам вокруг него, я сочинил двенадцать стихотворений (в какой-то момент слышал контрапунктом четыре сразу и испугался, что сошёл с ума).

Как уже говорилось, многие стихотворения возникли из музыкальных впечатлений, некоторые просто сочинялись во время импровизаций за роялем.

Питтсбург, город на трёх больших реках, я полюбил сразу и навсегда... Он имеет «правильный размер». С одной стороны в Питтсбурге есть всё, что положено иметь

большому городу – университеты, библиотеки, концертные залы, стадионы, первоклассный симфонический оркестр...

Карнеги Меллон Университет, Питтсбург

С другой стороны он не подавляет своими размерами, как Нью-Йорк, не переполнен странными личностями, собравшимися со всего света. Много стихов было мне подсказано моим городом... Вот две зарисовки Питтсбурга из разных времён года:

Pittsburgh

Город расплывался, как пирог,
Миллиардом тусклых свечек тлея. –
Кто-то их зажёл для юбилея
И трубил о том в гигантский рог.

Три реки в лохматых клочьях пара
Скочно нападали на мосты,
Рвали мрак рыдания шофара,
Возвещали, что мольбы пусты.

Начинался дня Апокалипсис
Раздражённым контрапунктом фар,
И Луна краснела, будто миссис,
С тайной целью выйдя на бульвар.

А над этим яростно и строго,
Динамитной бороздой в скале

Вилась в Преисподнюю дорога
В каучуке, стали и стекле.
7 декабря 1994 г., Johnstown

Перекрёсток в Питтсбурге

Апрель в Питтсбурге

Апрель неистово глаголил
Взрывным цветением магнолий.
Как на рассвете Арарат,
Цветок был нежно бело-розов,
Алмазом в миллиард карат
Играл подобно дальним грозам,
И, расточая аромат,
Он воздух наполнял наркозом.
Клубился, плыл цветочный смог
Сквозь переулков многожилость.
В ответ валился город с ног,
И голова моя кружилась...

.....

Как в урагане лепесток.

21 апреля 2001 г., Pittsburgh

В общем, сочинительство моё приняло какие-то гомерические размеры. В Америке вышло ещё шесть книг стихов. Огромное удовольствие доставила мне работа над эссе о музыке (особенно о Сальери), поэзии, моём учителе,

замечательном математике и человеке Андрее Андреевиче Маркове³⁶.

Главное здание Питтсбургского Университета

Размышлениям о феномене советской массовой песни и о современном состоянии поэзии посвящены большие эссе «Прощание с песней» и «Доктора поэзии»³⁷. Оба эссе имели неожиданные продолжения. Распрощаться с «советской» песней не удалось – последовал крайне интересный для меня диалог с известным музыковедом,

³⁶ Эссе об Андрее Андреевиче Маркове упоминалось выше (прим. 10). Среди эссе о музыке я бы выделил большую работу «В защиту Антонио Сальери», «Вестник», Baltimore, № 14 (221) – 19 (226), July 6, 1999 - September 14, 1999, <http://www.vestnik.com/issues/1999/0706/win/kushner.htm>. Дороги мне также эссе о Верди, Бизе и, конечно, Исааке Шварце. В Интернете наиболее полные редакции можно найти по адресам <http://www.vestnik.com/issues/2000/0425/win/kushner.htm>, <http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer3/Kushner1.htm>, <http://berkovich-zametki.com/Nomer43/Kushner1.htm>.

³⁷ Наиболее полные редакции можно найти на портале Берковича <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer6/Kushner1.htm>, <http://berkovich-zametki.com/Nomer48/Kushner1.htm>.

бардом, исследователем бардовского движения Владимиром Фрумкиным³⁸. К сожалению, диалог с Фрумкиным произошёл уже после кончины нашего общего друга замечательного музыковеда, композитора, исследователя песенной мелодики Владимира Зака³⁹. Могу только догадываться, насколько глубже было бы наше «трио» по сравнению с осуществившимся «дуэтом».

Памяти Владимира Зака

Когда уходит музыкант,
Теряет мир свой голос певчий,
Гармоний солнечный талант,
И злу подстергать нас легче,
Когда уходит музыкант.

Уходит друг – и в мире пусто,
И тщетно я зову сонет:
Беззвучна Муза и безуста,
Когда на свете друга нет.

Всё Волей Б-жьей, с ней не сладишь.
Судьба глядит из-за плеча. –
Сегодня я читаю Кадиш, –
Внимают вечер и свеча.

Постой, мой друг, спешить – не в моде,
Ах, не спеши же, не спеши... –
Галактик Хор – торжествен в Оде,
Ты хоть в *Adagio* – дыши!

.....
Allegro наше меркнет в коде,

³⁸ <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer5/Frumkin1.php>,
<http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer7/Frumkin1.php>.

³⁹ Владимир Ильич Зак, 13 декабря 1929 г. – 13 августа 2007 г. Моё
Прощальное слово:
<http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer14/Kushner1.htm>.
Великолепным памятником замечательному художнику является
прекрасно изданный том «Владимир Зак. Человек и музыкант.
Статьи, воспоминания, материалы». M-Graphics Publishing,
Boston–New York, 2009.

Но плачут звёзды по Володе
Всей музыкой его Души.
13 августа 2007 г., Route 22, West

Сделанное мною в ходе диалога мимолётное замечание в адрес Иосифа Бродского повлекло полемику с Владимиром Ковнером⁴⁰, в ходе которой я выразил своё отношение к культу и к сочинениям нобелиата. Этот же сюжет вместе с рядом других вопросов подробно обсуждается в интервью, которое взяла у меня для бостонского журнала «Кругозор» замечательный поэт и филолог Вера Зубарева⁴¹. В двух словах: я жду от стихотворения чуда, ну, если не полного чуда, то хоть какого-то отблеска такового. Модная сегодня монотонная повествовательная версификация мне мало интересна. Такие стихи конструируют, а не сочиняют.

Утро после метели. Питтсбург

Думаю и читателей можно очень приблизительно разделить на две крайние категории – одни воспринимают

⁴⁰ <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer10/Kovner1.php>,
<http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer10/Kushner1.php>,
<http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer1/Kovner1.php>,
<http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer1/Kushner1.php>.

⁴¹ <http://www.krugozormagazine.com/show/Kushner.529.html>,
<http://www.krugozormagazine.com/show/Kushner.535.html>.

стихи душой, другие умом, последних подчас завораживает искусная долгая версификация как таковая. Конечно, речь идёт о двух воображаемых и, пожалуй, необитаемых полюсах – в реальной жизни существует спектр промежуточных возможностей. На мой взгляд, идеальное отношение между поэтом и читателем выражается парافразой строки Лермонтова: и душа с душою говорит.

– 11 –

Большое значение имела для меня заочная, по корреспонденции (обычной и электронной) дружба с двумя художниками старшего, отцовского поколения. Я говорю о поэте Якове Александровиче Хелемском и композиторе Исааке Иосифовиче Шварце. Оба, увы, уже ушли из жизни...

С Яковым Александровичем я эпизодически встречался в Москве: он был отцом моего однокурсника Саши Хелемского, ныне международно-известного математика. Яков Александрович тепло отзывался о моих стихах и эссе, ему также было известно всё то же Открытое письмо Шафаревичу. Я был рад способствовать его публикациям в американской русскоязычной периодике. Наша переписка затрагивала самые широкие литературные вопросы... Обо всём этом я написал в небольшом прощальном эссе, которым предварялась уже подготовленная к печати в балтиморском журнале «Вестник» подборка стихов Хелемского⁴².

Эссе о великолепном симфоническом сочинении Исаака Шварца «Жёлтые звёзды (Пуримшпиль в гетто)», посвящённом памяти Рауля Валленберга, принесло мне дружбу с замечательным Мастером, работы которого мы все давно знали, и любили⁴³... Кончина Исаака Иосифовича, последовавшая 27 декабря 2009 г., огромная потеря для искусства, а для меня персонально – столь же огромное горе. И ещё одно Прощальное слово...⁴⁴

⁴² «Вестник», 20(331), October 1, 2003,
<http://www.vestnik.com/issues/2003/1001/win/khelemsky.htm>.

⁴³ Наиболее полная редакция: <http://berkovich-zametki.com/Nomer43/Kushner1.htm>.

⁴⁴ Прощальное слово:

Памяти Якова Хелемского

Твои стихи с другого берега,
Но так пронзительно близки –
Танцует шрифт – старушка-«Эрика»,
У века в серебре виски.
А век был изобилён ранами,
Скорее проклят, чем воспет. –
Теперь рыдать над ветеранами –

.....

Прощай, Солдат, прощай, Поэт...

12 сентября 2003 г., Johnstown

Памяти Исаака Шварца

Декабрьский день во весь свой чёрный рост.
Ещё беде поверить я не в силах.
Закрыв глаза – мерцанье жёлтых звёзд
На наших неопознанных могилах.
А сколько их – возможен ли реестр? –
В полнеба пепел, ямы, рвы и щели.
Нам памятником будет твой оркестр,
Кларнеты, скрипки и виолончели.
Про девять граммов жаркого свинца,
Про ветреность красавицы-удачи –
Кавалергард с гитарой у крыльца. –
А год кончался в подвенечном плаче.
Иссякли капли датских королей,
Кто их теперь подарит нам, сиротам,
Разбросанным сумятицей ролей
По всем меридианам и широтам.

Теперь итог. Судьба в последней сумме.

Как жалки бесполезные слова!

И всё-таки: Великий Мастер умер.

Уснул. Ушёл. Но музыка жива.

27 декабря 2009 г., Pittsburgh

Вот так, незаметно мы сами стали отцовским и даже
дедовским поколением.

Уходят наши старики... –
Стоят на берегу Реки
Толпой нестройной и прозрачной. –
Пейзаж бескрасочно-невзрачный
Не оглашает крик ворон... –
С другого берега – Харон,
Он, молча, правит чёрной лодкой... –
Нас не обманет Леты сонь –
Теперь по нам прямой наводкой
Ведут огонь.
12 ноября 2007 г., Route 22, East

В старости приходят горькие размышления о конечности самых высоких человеческих чувств, когда-то, в реальном времени звеневших вечностью и бесконечностью. И о законе «сохранения счастья». Почти по Лавуазье-Ломоносову: сколько в одном месте прибавится, столько убавится в другом. Радость одной души оборачивается болью другой...

Obiter Dictum

Ты шепнула мимоходом, –
Я едва успел вздохнуть... –
«Жду Тебя за Дальним Бродом,
Там, где тонок Млечный Путь»...

Шереметьево гудело
В круглосуточном бреду... –
Ты едва шепнуть успела –
«Я за Дальним Бродом
жду»...

Солнце – каплею опала,
А над ним – аэроплан... –
Ты исчезла,
Ты пропала
В черноте зазвёздных стран...

Но с тех пор я спать не в силах, –
Жду, когда придёт черёд

Где-то в звёздных Фермопилах
Пересечь Твой Дальний Брод...
22 марта 1994 г., Johnstown

Когда-то

Дорога со станции...
Все сосны знакомы... –
Гамлет с Горацием
Итогом искомым
Путей и распутий,
Карканий, трелей,
Восторженной сути
Апрелей.
И ксилофоны капли,
Ледяные ожоги... –
Сосны под ветром пели
У железной дороги.
Бездонность мгновенья всякого,
Эрот – весь в стрелах и в луке... –
А та, что тогда так плакала,
Навек успокоилась в Бруклине...
14 января 1998 г., Johnstown

Отправленья на экране,
Шляпы, зонтики, плащи... –
В станционном ресторане
Шницель, суточные щи...
Скатерть в старых винных пятнах,
Заскорузлый хлеб ржаной, –
Разговор не из приятных
У соседей за спиной.
Время жалкому досугу,
Время следствиям причин –
Мы глядим в глаза друг другу
И молчим, молчим, молчим.
И ещё с Тобою весь я,
Но, как это повелось,
Грянет голос с поднебесья, –
И дороги наши – врозь.
18 декабря 1999 г., Pittsburgh

И здесь я хотел бы остановиться. Слишком печальным становится моё повествование. И не без греха такая печаль – не всем ведь была подарена благодатная осенняя пора старости.

Вот уже и осень за углом,
Призраки распада в небе голом, –
И звучит Печаль моим глаголом,
Что ещё вчера звенел щеглом.
Щёголь-клён пока во всём зелёном,
Но уже желтеет тленья нить –
Миг вздохнёт, и этим гордым клёнам
Лето вместе с нами хоронить.
Не подставить времени ладони,
Бесполезны шёпоты имён –
Мчатся дни, как огненные кони,
И уносят за черту времён.
20 июля 2004 г., Johnstown

Есть и другая, более земная сторона: когда пишешь о себе в давних временах – с такого расстояния это уже как бы не о себе. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем труднее становится рассказ, тем ближе он именно к собственной личности, тем опаснее смазывается суетными человеческими чувствами картина...

Спасибо всем, кто прочёл эти страницы.

12 ноября 2005 г., Питтсбург.

Август-декабрь 2010 г., Питтсбург

Хаим Соколин

Исповедь сочинителя. Стихи

Нет, мы не скифы

*Да, скифы мы, да азиаты мы
С раскосыми и жадными очами,
Для вас века, для нас – единый час...
Мы как послушные холопы
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы...
А. Блок*

ет, мы не скифы, мы древнее,
Мы вкраплены меж многих рас,
Вы знаете, что мы евреи,
Но что вы знаете о нас?

Известно ли, зачем доньше
Мы верность прошлому храним,
Зачем веками на чужбине
Нам грезится Ерусалим?

Зачем не преданный забвенью
В двадцатом веке вновь звучит
От поколения к поколению
Хранимый Библией иврит?

Нет, вам не ведомы ответы
И зов столетий не знаком,
Играя судьбами планеты
Вы нас поставили на кон...

Ну что ж, великие просчёты
В удел не только вам даны,

Не раз нам предъявляли счёты –
В войне, а чаще без войны.

В горниле смут и истреблений,
Распадов и крушений рас
Наш роковой и дерзкий гений
Отшлифовался как алмаз.

Вы помните – в ваш звёздный час
Он засверкал над баррикадой,
И равноправие для нас
Недолгой выпало наградой...

Но время развенчало мифы
И обратило в прах идеи,
Сегодня вы, как прежде, скифы,
А мы, как прежде, – иудеи.

Что скифам – мы? А нам – они?
У нас несхожие дороги,
Нам светят разные огни
И разные нам внемлют Боги.
Июнь 1967 (после победы в Шестидневной войне –
вопреки надеждам и планам Кремля)

Родителям

Моя память обостряется с годами,
И всё чаще я брожу дорогой детства –
Она вымощена вашими трудами
И оставлена как вечное наследство.

Не гранитом крыта, не брусчаткой,
А любовью и тяжёлым потом,
Она стала моей стартовой площадкой,
Моим первым шагом за ворота...

И теперь на картах лишь найти
Где я гнал «лендровер» по хайвеям,
Где бродил я и где был в пути
Под дождём и знойным суховеем.

Стал я мудрым, чувствуя и зная, –
Быть собою нет иного средства
(На Аляске иль в песках Синая),
Как идти своей дорогой детства.

Путь извилист, а Земля кругла,
Мы придём туда, где начинали,
Устояв, не выгорев дотла,
Сохранив надежды и печали...
1986 Канада

Генетика

Никуда не войти без билетика,
На котором и дата и час.
Есть наука такая – генетика,
В ней подробностей много про нас.

Не рождаемся с чистого листика,
И пути не вольны выбирать,
Что случается – это не мистика,
В том **повинны** отец или мать.

Нарисуеться то, что положено –
В селезёнке, в уме и в судьбе,
И получишь ты то, что заложено
Сочетанием генов в тебе...

Обозначены главные вехи
С детских шалостей, с первых шагов –
Неудачи где ждут и успехи,
Где ты встретишь друзей, где врагов.

На свои реквизиты не сетую –
В чём-то Шатхин я, в чём-то Соколин,
И такой генетической сметою,
Я вполне в этой жизни доволен:

Не болею, не пью, не холуйствую,
За свои отвечаю грехи,
Без причины не злюсь и не буйствую,
Неплохие слагаю стихи,

Стал известен и прозой неслабою,
И язык, говорят, мой отточен,
Но писательской позднею славою
Я не очень теперь озабочен.

Лишь была бы в порядке семья –
Дети, внуки, жена и родные,
Вот тогда буду счастлив и я,
И чужды мне заботы иные.

Говорю я без ложной патетики,
Но звучащими в сердце словами –
Я обязан всем этим генетике,
Или попросту – папе и маме.
2001

Memento mori¹

*Собрал я себе и серебра, и
Золота... и роскошные колесницы...
Но единая участь постигнет всех –
Мудрый с глупцом наравне умирают.
Коэлет (Экклезиаст)*

Не возражал бы не родиться,
Глупцом иль гением не слыть,
К великим целям не стремиться,
Короче – попросту не быть.

Бесстрастно наблюдать извне
За суетой и трепыханьем
Людей, как бабочек в огне,
За учащённым их дыханьем,
И за карабканьем к вершинам,
К успеху, к славе эфемерной,
К деньгам и дорогим машинам...
И к скромной выемке трёхмерной,
Что ждёт великих и бродяг
В конце пути, в конце метаний,
После житейских передряг

¹ Помни о смерти (лат) 2001

И ритуальных отпеваний...

Тире, как черта Божья

Счёт в банке, слава и карьера,
И меблировка интерьера –
Не стоят, право, ни черта.
Ведь жизнь – короткая черта.

Мы как жуки по ней ползём
И ковыряем чернозём,
А зачастую тащим воз
Через дерьмо или навоз...

Так день за днём и год за годом
Сопровивляемся невзгодам,
Всё ищем лучший уголок,
Хотя уж финиш недалёк.

Неважно, кто какого чина,
Рожденья год – тире – кончина.
Приходит так конец Игре,
Жизнь уместается в тире...

Его длина – не дело вкуса,
В нём нет ни минуса, ни плюса,
Оно финал, всему Итог,
Его прочерчивает Бог.
2009

Исповедь сочинителя *(Опыт самоиронии)*

Моим читателям

О, муки чистого листа!
Копилка замыслов пуста.
Не веря, что родник иссяк,
Сюжеты вертишь так и сяк.
Но где вы, озаренья миги?
Мелки герои и интриги,
Скрипеть пером ещё готов,
А волшебство ушло из слов,

И всё труднее каждый раз
Их находить для точных фраз...

Кто виноват? Кому упрёк?
Не ты ли сам себя увлёк
На эту зыбкую дорогу
И вызов дерзкий бросил Богу?
Ты создаёшь из плоти слов
Злодеев, гениев, глупцов,
Ты наделяешь их судьбой,
И вот, рождённые тобой,
Они живут, страдают, любят,
Их страсти и пороки губят,
Молитвы шепчут, бьют поклоны,
А ведь они всего лишь клоны,
Игра хмельного вдохновенья,
Амбиций жалких и уменья
Придумать виртуальный мир.
Ты Бог в нём, царь, судья, вампир,
Соглядатай и надзиратель,
Мошенник, вор, очковтиратель...

Тебя не мучат стыд и совесть –
Любой ценой рассказ иль повесть
Тщеславья ради сочинить...
Готов для этого убить
Младую деву иль старуху,
Благополучье на разруху
Пером послушным поменять,
Жену заставить изменять
Любящему её супругу,
И даже преданному другу
Без колебаний вырыть яму,
Чтоб только круче сделать драму...

Ты мерзкий плут и криминал.
И вот заслуженный финал –
Герои над тобой хохочут,
Готовят казнь, кинжалы точат
И убивают не спеша

Всё, чем жила твоя душа –
Слов волшебство, воображение,
Сюжет закручивать уменье,
Способность образ виртуальный
Похожим сделать на реальный,
Секрет читателя увлечь,
О чём не шла бы в тексте речь...

Плати по счёту, сочинитель!
Ты был убийца и грабитель.
Теперь ты сам опустошён,
Бесплоден, жалок и смешон.

Ты не Шекспир и не Джером,
Рождён не с золотым пером.
Тому назад изрядно лет
Явился ты на этот свет
Не в сочинительской сорочке.
И вот над і отбиты точки...

Напрасны жалкие напряжения –
Лист чистой девственной бумаги
Твоим деяниям укор,
И беспощаден приговор.

Осталось лишь купить горилку,
Последний раз сходить в парилку,
Надеть холщёвую рубаху
И положить перо на плаху.
2003

Царь Ирод

(отрывок из поэмы)

Прощание с Клеопатрой

Клеопатра предлагает Ироду командование своей армией, если он останется с нею. Но у Ирода другие планы. Он едет в Рим и отклоняет предложение.

Клеопатра *(раздражённо)*

Вы, иудеи, не цените добра,
Вам не знакома благодарность.

И этим гнев Богов влечёте на себя...

Ирод

Упрёк твой не по адресу, царица,
Во мне нет капли иудейской крови,
Я идумеец по отцу, по матери – араб.
Отец мой, Антипатр, служил усердно дому
Хасмонеев

И другом был несчастному Гиркану.
Он делал всё, чтоб власть его упрочить
И трон у узурпатора отнять.

Но горестны плоды его усилий –
Отец отравлен, Гиркан парфянами захвачен в плен,
А Антигон на трон посажен незаконно.
Злодей, он ухо откусил Гиркану,
Чтоб, изуродовав его,
Не допустить к святому сану.

Таков конец печальный Хасмонеев,
Которым блеск и славные дела не чужды были
Во времена отважных Маккавеев.
Не многим более ста лет минуло
И вот итог – в губительных пороках,
Вероломстве и кровавых распрах
Погрызли отпрыски дряхлеющего рода...

Я с детства рос вблизи покоев царских
И с трепетным презреньем наблюдал
Кипенье разрушительных страстей,
Братоубийства, клятвопреступленья,
И царедворцев ловких возвышенье –
Не по делам и верной службе,
А по родству и лъстивой дружбе.

Круг завершён династии Хасмонеев,
Она себе выносит приговор –
Интригами, обманом и коварством...
Спустился Ирод с Идумейских гор,
Он Богом предназначен иудеям
Спасти страну от гибельного рока

И сделать её вновь могучим царством,
Оплотом зыбкого Востока
Под эгидой Рима,
Где триумвиры делят власть и славу.
Октавиан, Антоний и Лепид
Мне Иудею отдадут по праву,
И Ирод Антигону отомстит.

Спешу в Италию – предстать перед Сенатом,
Он властен разрешить наш давний спор
И записать на медных платах договор,
Что заключил отец с триумвиратом.
Парфяне предо мною будут трепетать,
Цари Аравии – искать моей защиты,
Тогда мы с Антигоном будем квиты...

Вот почему, прекрасная царица,
Я не могу принять твой щедрый дар –
Милей мне боевая колесница,
Чем ложе страсти и лобзаний жар.
Клеопатра *(сначала насмешливо, потом гневно)*
Ты молод, Ирод, полон сил,
Твой конь стремглав к победе скачет,
Но знай – кто власть хоть раз вкусил,
Уже не сможет жить иначе.
Трон царский – не седло коня,
Не боевая колесница,
У венценосца есть родня,
И каждому корона снится.

Детьми, бывало, при отце,
Смеясь, играли мы у трона.
Но всем нет места во дворце –
На пять голов была одна корона.

Ушли давно в загробный мир
Участники тех милых игр...
Был старший брат змеёй ужален,
Унёс другого царский пир,
А сёстры? Их конец печален –

Они уснули вечным сном
В тиши своих опочивален.
Что с их детьми? Никто не знает.
Гробницы тайну сохраняют.
Лишь шут придворный вспоминает
О душах царственных щенят...

О, Ирод, вижу я твой путь –
Сраженья, распри и погони,
И насмерть загнанные кони,
И подозрений груз нелепых,
И много трупов в царских склепах,

И кровь, текущая рекой –
Ничто не даст тебе покой.
Других, но не себя виня,
Ты быстро превзойдёшь меня.
Себе ты станешь главный враг,
Поездка в Рим – лишь первый шаг.

Ирод

Твои пророчества мрачны,
Но предсказания неверны.
Знаменья говорят и сны,
Что от раздоров, смут и скверны
Мой меч избавит Иудею.
К ней Боги снова явят милость,
Когда я тронем овладею,
И утвердится справедливость.
Прощай, царица! (*уходит*)

Рим. Сенат

Ирод

Сенату Римскому и славным триумвирам
От Ирода – привет и счастье!

Антоний

Ироду – привет и счастье от Сената!
Как ты доплыл? И не было ль в пути ненастья?
*Далее Ирод рассказывает о сильном шторме,
во время которого чудом избежал кораблекрушения.*
2006

Моё перо за всё в ответе

*И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без всякого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья,
То звуков или слов
Нежданное стечение,
То едкой шутки соль...
Пушкин «К моей чернильнице»*

Я не поэт и не прозаик,
Пишу, не думая о слоге, —
Про жизнь людей, порой про заек,
Про всё, что встречу по дороге.

Перо — мой преданный соавтор,
Оно находит жанр и стиль,
Оно и критик, и редактор,
Ему под силу шторм и штиль...

Белеет парус, рвутся снасти,
Скрещенья ног, игра теней —
В одной его лишь только власти,
В его, но только не в моей...

Пусть знают взрослые и дети
Из разных стран и разных наций —
Моё перо за всё в ответе,
Ему и свист, и гром оваций.

К нему вопросы и упрёки,
К нему читателей хула
И слов язвительных потоки,
И милых женщин похвала...
2009

Поэтический автопортрет

Здесь пред тобою писатель Соколин,
С раннего детства он всем недоволен,
В идейных влечениях недолговечен,

Не молод уже, но довольно беспечен,
К жизненным благам вполне безразличен,
Весьма беспринципен и даже циничен...

Таков он, в натуре, писатель Соколин.
Его не читать ты, конечно же, волен,
Но чтобы считаться интеллектуалом
Знать только Шекспира с Акуниным мало.
Соколова проза, а также стихи
Тебя оторвут от станка и сохи.

Читают Соколова все на планете –
И папы, и мамы, и взрослые дети.
Эй, новый русский и старый еврей,
Книжки его раскупай поскорей!
2009

Архипелаг Галут

*И сказал проводник: я еврей,
И быть может, потомок царей...*
Иван Бунин

Это страшное слово «галут» –
Там глумятся, преследуют, бьют,
Там оторван несчастный еврей
От традиций своих и корней.

Это мерзкое слово «галут» –
Там унижат тебя и согнут
В пресловутый закрученный рог,
И ни власть не поможет, ни Бог.

Это горькое слово «галут» –
Преуспеть там тебе не дадут,
Там подрезаны крылья мечты,
Без надежды там мечешься ты...

Это сладкое слово «галут» –
Там я был человеком, а тут
Безработный бесправный еврей,
Дальний отпрыск рабов и царей...
2004

Переводы

WISE OWL

(author unknown)

A wise old owl lived in an oak,
The more he saw, the less he spoke,
The less he spoke, the more he heard,
Why aren't we all like that old bird?

Мудрая сова

Жила на дубе мудрая сова,
Изрядно повидав, скупая на слова,
Лишь молча слушала и много узнавала, –
Ей подражать и нам бы не мешало...
2004

THE BLIND MEN AND THE ELEPHANT

(John Godfrey Saxe 1816-1887, the only poem published ever in the Journal "Explorer" of The American Association of Petroleum Geologists, Dec. 1988)

It was six men of Indostan
To learning much inclined,
Who went to see the Elephant
(Though all of them were blind),
That each by observation
Might satisfy his mind

The First approached the Elephant
And happening to fall
Against his broad and sturdy side,
At once began to bawl:
"God bless me! But the Elephant
Is very like a wall!"

The Second, feeling of the tusk,
Cried: "Ho! What have we here
So very round and smooth and sharp?
To me it's mighty clear –
This wonder of an Elephant
Is very like a spear!"

The Third approached the animal

And happening to take
The squirming trunk within his hands,
Thus boldly up and spake:
“I see, - quoth he, – the Elephant
Is very like a snake!”

The Fourth reached out an eager hand,
And felt about the knee,
“What most this wondrous beast is like
Is mighty plain, – quoth he, –
This clear enough the Elephant
Is very like a tree!”

The Fifth who chanced to touch the ear
Said: “Even the blindest man
Can tell what this resembles most
(Deny the fact who can),
This marvel of the Elephant
Is very like a fan!”

The Sixth no sooner had begun
About the beast to grope,
Than seizing on the swingling tail
That fell within his scope,
“I see, - quoth he, – the Elephant
Is very like a rope!”

And so these men of Indostan
Disputed loud and long,
Each in his own opinion
Exceeding stiff and strong,
Though each was partly in the right
And all were in the wrong!

MORAL

So oft in theologic wars
The disputants, I ween,
Rail on in utter ignorance
Of what each other mean,
And prate about an Elephant
Not one of them has seen!

Примечание: для некоторых слов
использована архаическая форма

Слепые и слон

(Вольный перевод)

Однажды шестерым слепцам
Приснился странный сон –
Коль верить зрячим мудрецам,
Привиделся им слон.

Такое толкованье сна
Лишь вызвало раздор.
«Друзья, ощупаем слона
И разрешим наш спор!»

И вот, волнуясь и спеша,
Идут слепцы к слону.
И каждый, пальцами шурша,
Ощупал часть одну.

Досталась Первому нога.
Второй погладил ухо.
А Третий – бивни, как рога.
Четвёртый ткнулся в брюхо.
На ощупь хобот был не прост –
Он Пятого смутил.
Шестой с трудом короткий хвост
Руками ухватил.

Воскликнул Первый:
«Слон есть столб, стоящий у порога!»
На что Второй заметил строго:
«Коллега, что с тобою стало?
За столб ты принял опахало».
Вмешался Третий, перебив Второго:
«Слон – это то же, что корова».
Четвёртый, всё ещё со сна,
Твердил, что слон – это стена.
А Пятый, всех изрядно напугав,
Вдруг завопил, что слон – это удав.
Шестой был к поученью склонный,
И довод выдвинул резонный:

«Чтоб осязать нужна сноровка,
Ведь слон – обычная верёвка»

Мораль

Собрать – геолог, увлекаясь спором,
Не будь слепцом, на заключения скорым,
И, занимаясь поисковым делом,
Не часть ощупывай, а размышляй о целом.
1989

THAT'S NOT MY JOB

(Parable in prose, author unknown)

This is a story about four people
named *Everybody*, *Somebody*,
Anybody and *Nobody*.

There was an important job to be done
and *Everybody* was sure that *Somebody*
would do it. *Anybody* could have done it,
but *Nobody* did it.

Somebody got angry about that,
because it was *Everybody*'s job.
Everybody thought *Anybody* could do it,
but *Nobody* realized that *Everybody*
wouldn't do it.

It ended up that *Everybody* blamed
Somebody when *Nobody* did what
Anybody could have...

Это не моя работа

(Вольный стихотворный перевод)

Юрию Кислякову

Они знакомы вам и нам,
И, после многих встреч,
Мы знаем всех по именам –
О них пойдёт здесь речь.

Один был *Каждым* наречён,
Другой был назван *Кто-то*,
Был третий с детства обречён

Прослыть *Любым* за что-то,
Четвёртый скромн был совсем,
И как *Никто* известен всем.

Однажды бедолаги
Взялись работать вместе,
Но, начав с передраги,
Топтались лишь на месте.

Был твёрдо *Каждый* убеждён,
Что *Кто-то* выполнит работу,
Что для неё *Любой* рождён,
Никто ж не сделал ни на йоту.

Винит *Кого-то* *Каждый* в том
И объясняет сбой
Тем, что *Никто* не сделал то,
Что сделать мог *Любой*...
2010

Александр Волевич

Вечер в Нетании

Улица Шломцион

Посвящается Меиру Файнштейну и Моше Барзани

вот Ерушалаим ближе к ночи
поднимается над холмами
в небо. Огни его окон, точно
бусы на шее желанной самой

Соломоновой гостьи. Тёмный ветер,
нежаркий. Осенью зыбкой,
бывает, заблудившейся в лете,
лишь неделя тронута. Скрипка

скрипачки в чехле. В краски и ноты
не поместится вечер – разбить если
только. Готовятся сны к полёту
(с городом). И ду́ши – к встречам – место

(в кафе или парке) другое, но будто
знакомое; и знакомые лица.
Ждёт го́лоса телефонная будка
на улице Шломцион. Царица

такая была. Обнявшись, два друга,
зажав плод смертельный потуже –
птицы (тоже, вверх) взлетят от испуга –
делят смерть на двоих, как ранний ужин...

«Любимая, пожалуйста, будь счастливой!»

Отставший ангел

*И образ лиц их – лицо человека, и лицо льва – справа у
(каждого из) четырех, и лицо быка – слева у (каждого из)
четырех, и лицо орла у (каждого из) четырех.
И (таковы) лица их. И крылья их разделены сверху, и два (крыла)
соприкасаются у одного и другого, а два – покрывают тела их.*

Пророки, Йехезкель, 1:10-11

Тем временем потерялся один
из ангелов, нашёлся когда же,
песню уже распевали. Синь
растекалась в экранах, и даже

юный герой умирал за любовь.
Трое то были на месте, и – в теле;
звероподобью внимали, и слов
хватало. Человек к Йехезкелю

вернулся. К неспешной и гневной
беседе. О выборе, и о беде, что если
неверный, то – будет. А в небе –
сияние (и какое!), а в кресле –

(престоле) – нечто радуги вроде,
И – Голос... Но здесь обходиться
без научились. Вот только народа
другого – не будет. И лица

какие... Прекрасные. Посмотри.
В общем, как то даже неловко
просить. Ведь вот, создавая миры,
и об автобусной остановке,

(на которой жду) тоже подумал.
Крылья смыкая над головами,
так величественно и бесшумно,
ангелы ищут пророка, меж вами.

Пилот

Младший мой, он такой несмышлёный
Пехотинец, вчерашний школяр,

Брат. Как время... Лисица в погоне.
«Как там мама?... Да брось ты...» Как стар

Этот воздух вражды, ненадёжный,
Разрубаемый тяжким винтом,
Чёрен дымом. И входит под кожу
Время войн. Кровь победы. Потом

Мы расскажем, семье. Только – слышишь –
Береги его, я помогу
Защитить этот дом, Твой. На крыши,
Души – дождь, и на небо – дугу.

Посмотри в нашу сторону, что ли
В наше время, такое... всерьёз.
Сколько горя в нём, столько и воли,
Сколько воли в нём, столько и слёз.

Вечер в Нетании

Ты помнишь, у необжитых кварталов,
Промёрзших до самых глубоких колодцев,
Выламывал ломом невольник усталый
Лёд-чешую. Острый, взять – уколется

А после дрожала горячкой весенней,
Как школьница. Что уж? – всё было известно –
Земля Ханаана, и спелые тени
Сползали под вечер со стен – ночь – невеста

Ты здесь подожди, я сейчас, ненадолго,
Отдам старый долг Средиземному морю.
О ветре, о сыне, о волнах пологих
Я знаю так мало, спрошу так нескоро.

И горизонт до утра растворится,
И к столику белому (сок апельсина)
В рубашке промокшей – там волны, там птицы, –
Вот я и вернулся. Ладони на синем.

Ах, снова о чём-то о старом, ненужном,
Неважном. А важно – что платье закапала,

Что скоро зима, скоро холод и лужи.
Да дура б Нетания чтоб не заплакала
О нас с тобой.

Фламинго

Между Эдомом и Иудеей, на границе
Самой, где зеленью-медью покрыты горы,
Там (мираж ли?) в озёрном дрожании птицы
Фламинго. Молодые, Красивые. Имя которым –
Огонь. И вроде несложен лабиринт – шеи,
Клювы, но едва ли разгадан. Лишь полётом
Выпрямляется нежное светлое тело. Немеет
День-зверь, безголосый, но зрячий, кого-то
Ждёт. Бывшее розовым, пламя чёрным
Становится, впрочем, краями только.
Пара взлетает, союз её не любовь, но
Скорее доверие. Такой пейзаж на осколки
Не разбить – только расплавить. И в этом –
Надежда. И равнодушно, сегодня, как прежде,
Птица чертит длинным полётом по лету:
«Мир вашему дому, нашему небу, и водам, что между».

Джазовый клуб Ракушка

Какие короткие сумерки. На них пойдёт медь –
Немного совсем,
Но так, чтоб осталось на несколько нот (трубе), ведь
Для вечера тем

Пару придумал трубач. Тем ли, сюжетов там или гамм –
сыграл он мотив
Тель-Авиву. Клуб в порту назывался «Ракушка» и там,
Глаза опустив

И трубу, он играл нам о нас и о себе и о том
Как нарисовать
Город, виноград, и арбуз, жену, огни над портом,
И пляж; И опять

Влюбляться, как будто в самом начале, в конце дорог,
В рисунки свои,
В тебя, и, вместе, – в город, сыгравший весну как грусть, как
мог,
Деля на двоих.

Акко

Восточная окраина моря коленями
понимается как боль, что однако
становится всё слабее. И времени
старше ритм. И даже Ордена старше Акко.

И город провожает, уже вполне равнодушно,
вяло изъеденный туристами вечер,
и щека продавца кальянов подушки
шершаво касается. И снова – надежда на встречу

с ветром, несущим проросшие семена
кораблекрушений... Перестаньте. Всё уж и так... Не до
гнева...

Вспоминает, как была крепостною, стена.
И закат безнадежно и неподвижно багров;
Ветер, где Вы?

Девятый день месяца ав

В день девятый месяца ав отвернись
(чтоб не увидели слёз). Ладони – одна
к глазам, другая – на камни, и вниз
опускается память, подсмотрена в снах

невчерашних, приснившихся не тебе,
но – твоя, возможно, по праву, о том,
как прекрасен был Храм, и судьбе
тех, кто видел его, позавидуй. И дом

обживи. И, как той, что как прежде
с тобою – «люблю тебя» – в первый раз,
прошептать: моя родина, боль моя... Где же
он, сын Давидова дома? Когда уж? Сейчас –

самый день... В день пятнадцатый месяца ав
купи у лукавой цветочницы алый букет.
Для неё. И в утро седьмое войди, и сняв
гроздь с лозы, посмотри сквозь неё на рассвет.

Исполнитель песен на языке иврит

Спой, парень, согрей нас песней такой
Ещё не допел, не дошёл, не до точки ты,
Ещё твоей левантийской тоской,
Потаскухой портовой ножи не доточены.

Давай о том, как гранатом цвёл
Тот дворик, о том, как в школу спросонья,
О том, как роем смертельных пчёл
Рыгалось льву на зелёном склоне,

О том, как нелюбовь неправа.
Такая вот песня зиме угодна.
Как это? Если, чтоб наповал!
Но не сегодня... Ведь не сегодня?

Устали, правда. Закат потух.
Лабай, хрипи солёное танго!
Твой голос красным вином набух.
Сливай слезу в нефтяные танки.

Александра Саломея

Что до южных границ – там как будто спокойно. Дети – в
школе.

Брат вернулся в Ерушалаим, и к сроку успели дожди.
Сыновья снова в ссоре. Уж впору не видаться что ли
Им. Постарела я, тяжело на вдовый престол восходить.

Мир – скрипит по дорогам в тяжелых крестьянских колёсах,
Мир – в рыбацких солёных сетях., золотым за Гирканом
Канатом тянется – Попроси Его, сын, за людей. Эти слёзы
О них, о брате твоём, о тебе, о стране. И – как странно –

О муже жестоком, любимом, наверное... Знаю – будет
пламя,

И от жара обрушатся крыши, сад укроется пеплом,
Соль смертельная в землю впитается. Север чёрный станет
Домом. Надолго. И назовётся мессией предатель. Но светлой

Субботой (свечи, тепло сквозь прикрытые веки); Тёмной
Полоской земли (Матросы мои – так себе мореходы,
Но дошли вот!) – надежда: «Мы вернёмся, придём, но
Иначе». И придут, но иначе. Так всходит трава, так
приходят

Дети в школу, впервые. Так невеста принимает, смеётся
клубу – пусть будет. – Да. Назначена. В спальню – луч
молодой.

Так – младенца – ладонью – родился – кричи, видишь –
солнце.

Так – придут. И поставят киоски со сладкой шипучей водой.

Например, сегодня ветер принёс траву,
она ещё помнила, как была семенами.
Раскосые утра хурму перезрелую рвут,
вагонные двери расходятся сипло: «мы сами».
Дымно дышится в шарф шершавый. Присев
на перроне, солдаты дуют в кофе вокзальный.
Так тут начинаются зимы, так кислев
над часами провисшими, над будильником в спальне,
зябко оставленной мною назад полчаса,
начинает свой путь к восьмидневью.
Слепая ладонь понимает неспешно – роса
увлажнила перила моста, и деревья.
И к вокзалу – я вижу – идёт человек,
приближается, уже узнанный мною,
и, начавшись едва, уже сокращается век,
случайная ветка, ломаясь, хрустит под ногою.

У Западной Стены

Может, успею когда-то ещё
слово тебе сказать,
Город. Касается тёмных щёк

ветер солью опять.

Дети, мальчики, синяя тень,
Спрячется смех в глазах.
Ваши, мои ли шаги от стен
К этой Стене. Сказал
бы, да к небу прилип язык
к небу – полдневный свет.
Спеть бы, песня падает в крик.
Камень небом нагрет.

Ерушалаим, мои сыновья –
Каменщики, столяры
Храма Третьего. Вновь и я, –
Небо бы приоткрыть,

Чтоб в отражение летучем своём,
В сини оконных рам,
Этим же, или же завтрашним днём,
Город увидел Храм.

Бейтар

Имя странное месту последних боёв –
Дом Торы – выбрано
Мы оставим, его, город трудной победы, суров
Твой жребий. Гарь, брат, но

Спи пока, да не бойся пылающих снов
Прячь беды – век свой старь.
И мудрейший из наших поверить готов:
Да, Шимон – мессия-царь.

Помнишь, как записаться в отряд пришли?
Кедр, сер грунт – вырви-ка!
Выходили солдаты из прохладной земли
В битв дым и выкрики,

Выдох. Где же Ты?! Самых лучших – опять
Сын Козибы терял.
И, как тесно – в горячей броне умирать.
Месть – здесь, возшла на вал.

Как со школьного фото девочка та.
И Песня – имя ей.
Ей обнять бы его, дотянуться, достать...
День. Бой. Бейтар – верней.

Марк Азов

Машина времени

росыпаясь, я застаю его у моей постели, но, стоит протереть глаза, он исчезает, будто приснился... Но я все-таки поймал его за рукав:

– Ты кто такой?

– Не волнуйтесь, всего-навсего ангел смерти.

– А, что, уже время?

– Нет, нет... Спи спокойно, дорогой товарищ. За вами придут.

Где-то я уже его видел. По-моему, еще в школе, где он был сторожем, что ли? Пузатый такой, со звонком... А, может, еще раньше, в детском санатории, он за нами горшки выносил из «горшковой» комнаты. Стоп. Может он тот... из похоронной команды, который принял меня за убитого, взвалил на телегу и «погонял до ямы»?

– У вас там все ангелы такие бездельники? – это я спросил.

– А почему мы, по-вашему, бездельники? – это он меня не понял.

– А потому что ходишь за мной... уже скоро сто лет...

– До ста двадцати!

– Значит понравилось: работа не пыльная... И ждешь, пока я сам коньки откину. Интересно, как вам зарплату начисляют там на небесах? Почасово? Или за год? Десятилетие?

– Оплата сдельная: в зависимости от количества изъятых из земного бытия. Вот был человек – не стало человека, и ангел смерти получает вознаграждение.

– Представляю, как ты меня ненавидишь!

– Я – вас? За что?

– За то, что я задержался на этом свете. Что ты с меня имеешь? Ноль без палочки.

– Ошибаетесь. За вас я получаю регулярно.

– Но я же ни разу еще не умер.

– И тут ошибаетесь: вы умираете регулярно.

Все-таки он мне снится. Такие абсурдные мысли лезут в голову только во сне. Я отпустил его рукав... Но не тут-то было.

– Разговор принципиальный, – заявил он решительно. – Вы поставили под сомнение мою профпригодность – потому прошу за мной...

И потащил к окну, за которым открывалась яма в десять этажей...

Я пробовал упираться четырьмя конечностями, еще и попой, извините, тормозил.

– Не имеете права! Вы ангел, а не убийца. Вы должны дождаться, пока Бог призовет. И, вообще, я беру свои слова обратно: вы не бездельник, просто всегда на боевом посту!

– Не дергайтесь. Никто вас хоронить не собирается. Я вам только покажу, как устроена машина смерти, или машина времени, – это, как вам больше понравится, – и спихну обратно доживать свою никчемную жизнь.

И выбросил меня в окно, не открывая...

Где я очутился? На курорте в Крыму. Предо мной дугой раскинулся бывший царский дворец с розовой колоннадой и просторной лестницей, сбегаящей к морю.

Выше, на горе, поросшей лесом, – красовалась оглушающая надпись из букв циклопических размеров:

«Курорты трущимся»

Какой-то остряк в пижаме мне объяснил, что буквы «Д» и «Я» упали, так что поначалу надпись читалась вполне прилично: «Курорты трудящимся».

Впрочем, трудящиеся, они же «трущиеся», трудились в основном на номенклатурных постах. Другие отдыхали в санаториях попроще.

Но все эти мысли улетучились, как только я увидел мальчика на льве.

Лев, безобидный мраморный, возлежал еще с царских времен на одной из террас над водопадом лестницы. А мальчик, оседлавший льва, был самый настоящий, в штанишках на шлейках, таких теперь не носят, на голове расшитая бархатная тюбетейка с кисточкой, худые коленки и острые локотки раскрашены, как полагается, зеленкой. В прозрачных глазах ребенка я увидел испуг... Как мне подумалось, испуг перед жизнью, которая на него надвигалась... Но я ошибся:

– Море, – сказал малыш. – Говорили, что у него нет другого берега. У речки есть, а у моря нет. И правда, нет. Но никто не сказал, что оно стоит дыбом до самого неба, и непонятно, как держится пароход на этой синей стенке.

– Этого мальчика давно нет на свете, – сказал мой проводник. – Хоть весь мир перерой – нигде не найдешь того мальчика.

– Ты... ты убил ребенка! Да я не посмотрю, что ты ангел...

– Ангелы не убивают. Заповедь «не убей» и нас касается. Но я обещал показать вам машину смерти. Наберитесь терпения.

На этот раз он привел меня к реке. Вернее, – к речке, петляющей среди трав. Порой она раздувалась, а потом снова сужалась, превращаясь в ручеек, который гуси переходили вброд. Деревенские пацаны, голые, в одних лишь суконных кепках на головах, тащили против течения «рогелю» – мелкую сеть, натянутую на самодельный каркас из корявых веток. Топая босыми ногами, они загоняли всякую речную живность в треугольное окно «рогели», потом выдергивали ее из воды и «трясли» на берегу. Население худосочной речки оказалось на редкость разнообразным: тут были щурята, будущие щуки, похожие на маленьких крокодилов, литые красноперки, скользкие слепые сомята, полосатые окуньки и множество верховодок, похожих на шпильки для волос... Сердитый рак ворочался среди всей этой мелкоты, угрожая клешнями, и ноги сами несли его к воде, а паренек лет двенадцати, с виду городской: без кепки и в брюках, засученных аж дальше некуда, отсекал ему палочкой дорогу к отступлению.

Собрав добычу, пацаны побежали купаться на глубокое и достаточно широкое место возле бывшей водяной мельницы. Там сохранились остатки плотины и полусгнившие деревянные строения. Деревенские все попрыгали в воду, а городской паренек полез в темноту и сырость мельничных построек. Там все было из дерева: колеса, оси, зубчатые передачи – будто находишься внутри громадных часов с деревянным механизмом.

Потом он вылез из темноты и стал учиться плавать на мелководье. Сперва, упираясь руками в дно, бил ногами по воде, потом начинал подгрести под себя руками, и так, бултыхаясь, проплыл по собачьи метра два, и еще, еще... И был счастлив. К заходу солнца он уже мог лежать на спине, погрузив уши в воду и течение несло его как бревно, пока он в ужасе, что далеко заплыл, становился на ноги, и обнаруживал, что воды по пояс...

– Родители этого мальчика сейчас в городе, – сказал мой проводник, – отца исключили из партии, его вот-вот заберут, мать – тоже. И тогда сын останется в деревне с домработницей, которую они спасли от голода в тридцать третьем году.

– А сейчас какой год?

– Тридцать седьмой.

Я уже понимал замысел моего экскурсовода.

– И этого мальчика уже нет?

– Естественно. Но я вам покажу другого. Вот, видите, он идет по улице.

– Да тут темно, черт ногу сломит.

– А вы что хотели. Война только кончилась, фонари не горят, дома разрушены. Но они идут от вокзала, грохочут сапоги. Девять «лбов» с автоматами, и с ними лейтенантик.

– Да его только в профиль и можно рассмотреть.

– Может, это помогло ему дожить до девятнадцати. До Берлина дополз по-пластунски, прячась за любой бугорок.

– А сейчас вы его убьете на моих глазах.

– Его и без меня убили. Родители получили,... нет, не похоронку, а письмо от какого-то старшины: «мы с ним ходили на задание, я вернулся, а ему оставалось девяносто

процентов смерти и десять процентов живкости...» Такой вот грамотный старшина.

– Каково матери это читать!

– Еще бы! У матери сердечная декомпенсация, не встает с постели.

Но лейтенанту дважды повезло: выжил – раз, и в командировку послали через этот город проездом – два. Вот они и идут к нему домой.

В подъезде горела лампочка. У лейтенанта по-детски оттопыренные губы, а глаза взрослого человека, побывавшего за пределом. Звонок не работал. Лейтенант постучал в знакомую дверь, обитую дерматином. Долго никто не подходил, ночь все-таки, потом его старая нянька боязливо приоткрыла дверь на цепочке, и тут же захлопнула, увидев на лестничной площадке мужиков с автоматами...

– Откройте, это он пришел, – прозвучал слабый голос мамы из дальней комнаты. – Я знала, что он придет.

– Дальше можешь не показывать, – сказал я ангелу смерти, – я тебе сам покажу.

– Ну и кого вы покажете? Студента-хвостиста, поэта-хулигана, учителя-«русака», мужа и любовника, благородного отца семейства – конец известен: никого из них нет. Люди не вещи: лев, с которого малыш смотрел на море, растрескался и осыпался, но он по-прежнему украшает лестницу дворца, от водяной мельницы остались только сваи под водой, в квартире, за дверью, обитой дерматином, – другие жильцы... А вы исчезаете без следа. От куколки, из которой вылетает бабочка, остается хрупкая оболочка. Вы, наверно, не раз находили в траве пустую змеиную кожу. А все эти мальчики, мужчины женщины проходят, как дни. Вчерашний день был погожим и удачным. А где он, вчерашний день?..

– Ладно. Потрепались и хватит, – сказал я ангелу смерти. – Все они – я. А я еще жив, значит...

– Ничего не значит... Что в вас осталось от ребенка? Вас удивляет море, которое стоит стеной до неба? Вы не знаете, на чем держится пароход?.. Или вы по-прежнему бродите внутри таинственного механизма водяной мельницы, и сердце стучит, как тогда?.. А хватило бы у вас

безумия пройти по минному полю, балансируя, как на проволоке. Хотя, какой смысл?

– Это было мальчишество.

– Значит вы не тот лейтенант, а расчетливый и ленивый старик...

Кажется, я понял, что он хотел сказать: все это не что иное, как цепочка реинкарнаций, которые происходят с человеком в течение его жизни.

– Выходит, и у меня еще есть шанс превратиться...

– В развалину, – сказал ангел смерти, – в старую мельницу, которая ничего не мелет, и вы забудете окончательно и бесповоротно всех, кто был вами до вас.

Ангел встал с моего дивана и пошел к двери:

– Тогда уже от вас не будет никакого толку, – добавил он уходя, – и я приду с носилками. До свидания.

Александр Каневский

Сиамские близнецы.

Два рассказа

Старый двор

ейчас на этом месте вырос шестнадцатизэтажный дом с голубыми балконами. Первый этаж занимает огромный магазин «Дары моря». На стекле каждой витрины нарисована рыба, чтобы покупатели не забывали, как она выглядит.

На скамейке у первого подъезда два пионера, – один острижен наголо, другой – с лихим чубчиком, – сообща решают задачу.

– ...Из одной трубы выливается... Из другой – вливается...

Списки жильцов сняты в связи с предстоящим ремонтом. Дворника тоже нет – он участвует в республиканском смотре самодеятельности. Вхожу в подъезд, звоню в первую же дверь, обитую дерматином, спрашиваю – Харитона никто не знает.

– Трудная задача. Не решим... – доносится голос одного из «математиков».

В этом доме у всех изолированные квартиры и изолированная жизнь. А когда-то...

Когда-то на этом месте бурлил страстями маленький южный дворик, заплетённый паутинами бельевых верёвок, на которых, как пойманные мухи, трепыхались чулки, майки и бюстгалтеры всевозможных размеров.

Я учился в политехническом институте и снимал койку у дворника Харитона. Одну комнату он сдавал

постояльцам, а в другой – размещалась вся его семья: маленький сухарик Харитон, его жена, большая и пышная, как буханка, и девять шумных разновозрастных Харитонычей. Когда-то здесь квартировали футболисты, поэтому все Харитонычи бегали в застиранных футболках. Дети были очень похожи друг на друга, имён их никто не помнил – различали их по номерам на футболках.

Со мной в комнате жил еще один постоялец, брюнет в галифе, который привозил сюда мимозу. Он привозил её спрессованную в чемоданах. Потом, как Кио, из каждого чемодана доставал сотни букетов и увозил их на базар. Деньги, вырученные от продажи, прятал в галифе. Спал, не раздеваясь. В комнате пахло потом и цветами. К концу распродажи он ходил, переваливаясь с боку на бок, как индюк, потому что был нафарширован деньгами от сапог до пояса.

Приезжал он уже много лет подряд, во дворе к нему привыкли и называли Нарзан.

По субботам маленький Харитон напивался, хватал топор и с криком «Убью!» гонялся за своей огромной женой. Подойти к нему никто не отваживался: он с такой яростью орал «убью», что стаи ворон начинали кружить в ожидании труп.

Но жертв не было и быть не могло. Парад силы и воинственности требовался маленькому Харитону только для самоутверждения, Это понимала его огромная жена и с неописуемым ужасом на лице бегала по двору, подыгрывая мужу в субботних спектаклях.

В этом же дворе жил довольно известный профессор, автор многих работ по автоматике. Только он мог влиять на Харитона. Когда дворник начинал буянить, профессор появлялся во дворе, забирал у Харитона топор и уводил его к себе в кабинет пить чай.

Погасив пожар души чаем, Харитон мирно возвращался домой. Жена кормила его ужином и ласково приговаривала:

– Ты ешь, ешь, Харя. Набегался!

Роза презирала жену Харитона за такую покорность. И вообще! Разве они пара?

– Она – красавица, пудов на восемь, а он – как собака сидя!

Дружбе Харитона с профессором она не удивлялась, а заявляла, что профессор такой же чокнутый, как этот «лилипут с топором».

Выходец из деревни, профессор до старости сохранил нежную любовь к лошадям. Не имея машины, он построил во дворе гараж и держал там рыжую кобылу Альфу. По утрам чистил её, впрягал в маленькую двухколёсную бричку и ехал на ней в институт читать лекции по автоматике.

Роза не прощала профессору этой странности и позорила его на всех перекрёстках.

– Тоже мне будёновец!

Роза была душою всего двора. И телом. Говорят, когда спортсмены бросают спорт, они сразу заметно толстеют. У Розы была фигура спортсменки, которая бросила спорт, не начав им заниматься. Когда она возвращалась с базара, сперва раздавался её голос, потом из-за угла дома появлялся бюст, затем живот и, спустя некоторое время, – сама Роза с двумя кошелёками, полными цыплят, кабачков, фруктов.

– Пускай Аркаша перед смертью накушается – ему будет что вспомнить.

Жила она в полуподвале вместе со своим мужем, который умирал от какой-то болезни. Кто входил во двор, видел сквозь окно, как в затемнённом полуподвале, словно в склепе, покачивается в кресле-качалке бледный живой покойник, покрытый белоснежным пикейным одеялом.

Роза была удивительной чистюлей. Она могла часами гоняться по комнате за последней мухой, пока та, обессиленная, не падала на пол с инфарктом. Окна она мыла утром и вечером, Аркашу – три раза в день. Говорили, что когда-то у неё была кошка, но она ее прокипятила.

Раз в неделю Роза ходила к председателю райисполкома, толкала грудью стол, кричала: «Я живу в могилу!» и требовала немедленно отдельную квартиру, чтобы Аркаша мог умереть «на своем унитазе». Председатель исполкома, задвинутый в угол, ругал

строителей, бил себя грудь и клялся, что они – первые на очереди. Когда Роза являлась снова, председатель сам забивался в угол и оттуда умолял дать ему дожить до пенсии.

Роза работала надомницей. Получала на швейной фабрике полуфабрикаты и шила лифчики. Лифчики были из какого-то пуленепробиваемого материала, а объёмом – как чехлы для аэростатов.

– В таких лифчиках наши женщины непобедимы! – поддразнивал её сосед сверху, усатый моряк, похожий на Д'Артаньяна на пенсии. Всё тело моряка было покрыто татуировкой. От пяток до шеи он был исписан всевозможными надписями и изречениями, как школьная доска к концу урока. Только стереть их было невозможно. В самую жаркую пору моряк не позволял себе снять тельняшку, чтобы Харитонычи не увеличивали свой словарный фонд.

Когда-то он был женат. Для своей жены он остался непрочитанной книгой. Она ушла от него, не в силах переварить информацию, которую получила при чтении всех частей его тела. С тех пор он жил один с приبلудным котом, которого называл Дарданел.

Роза не любила усача за то, что его окна находились на самом верху, он «выдыхивал всю свежесть», а ей и Аркаше доставался «только задний воздух». Но задевать его боялась. Когда-то в ответ на её тираду моряк молча приподнял край тельняшки. От пупка направо шла надпись, загибаясь на спину. Моряк медленно поворачивался, чтобы Роза сумела прочитать всю фразу. Когда она дочитала до позвоночника, у нее щёлкнула и отвалилась нижняя челюсть. Когда моряк сделал полный оборот вокруг своей оси, Роза была в легком обмороке. С тех пор она в открытые конфликты с ним не вступала. Но вечерами, в кругу соседок, поносила некоторых мужчин, от которых убегают жёны и которые живут, «как ширинка без пуговиц».

Кроме кобылы Альфа и кота Дарданела в доме жила еще курица Шманя. Так прозвали ее Харитонычи. Курица была собственностью бессловесной старухи из флигеля.

Старуха считалась богатой: она ежемесячно получала по три перевода от своих детей, которые жили в других городах, к ней не приезжали и к себе не звали. На умывальнике старуха держала три зубные щётки в стакане. Каждый день мыла стакан и меняла воду. Потом надевала на курицу поводок и выводила ее погулять. Курица чувствовала себя собакой и усвоила собачьи привычки: отмечалась под каждым деревом.

Роза ненавидела Шманю как неиспользованный бульон для Аркаши и распускала слухи, что курица бешенная.

Над Розиным полуподвалом, в бельэтаже, жили дворовые аристократы, семья Невинных: папа, мама и сын. Если исходить из определения «шапка волос», то у папы их была только тубетейка. По вечерам он тайком принимал частную клиентуру, сверлил зубы портативной бормашиной, которую можно было легко спрятать, но нелегко заглушить.

Она прыгала у него в руках и гремела, как отбойный молоток. Когда он ставил больного к стенке, упирался ему коленом в живот и включал двигатель – голова страдальца начинала дергаться в такт машине и выбивала барабанную дробь о стену. У этого агрегата было одно достоинство: клиенты от грохота и сотрясения теряли сознание, и можно было работать без наркоза.

У папы Невинных была болезнь, которую зарабатывают обычно на сидячей работе. У стоматологов работа в общем-то «стоячая», но болезнь об этом, очевидно, не знала. Папа мучился, доставал какие-то импортные свечи, пробовал их, разочаровывался и добывал новые. В доме накопилось такое количество свечей, разных форм и расцветок, что сын Леня однажды украсил ими новогоднюю ёлку.

Папина болезнь, конечно, была покрыта непроницаемой тайной, о которой, конечно, знал весь двор.

Мама Невинных, бывшая эстрадная чтица «на договоре», была патологически худой и модной: по пять раз в день меняла платья, которые, казалось, надевала прямо на скелет.

Жизнь свою, отнятую у эстрады, она посвятила сыну, пятнадцатилетнему балбесу с ярко выраженной уголовной внешностью. Мама пыталась научить своё дитя аристократическим манерам и оградить его от влияния улицы. Улица же мечтала оградить себя от него, но безуспешно. Юный Невинных бил из рогаток фонари, кусал в подворотнях девчонок и находился в постоянном состоянии войны со всеми Харитонычами. Кроме того, он не выговаривал буквы «с» и «з», произнося вместо них «т».

– Эту семейку делали в мясном магазине, – говорила Роза о своих верхних соседях. – На сто килограммов мужниного мяса накупили тридцать килограммов костей жены.

Скандалы с аристократами вспыхивали, когда мама Невинных вытряхивала в окно салфетку, держа ее двумя пальцами за кончик.

– Я живу в могилу! – кричала Роза стоматологу. – А она свои микробы трусит мне в бульон!

– Пожалуйста, не вмешивайте меня в кухонные дела. Я всё-таки мужчина, – пытался тот сохранить нейтралитет.

– Как вам нравится этот мужчина! – кричала Роза на весь двор и добивала стоматолога запрещённым приемом. – Знаете, кто вы такой? Вы – подсвечник!

Но главным врагом Розы была Муська, свободная женщина свободных нравов. Когда она шла через двор, виляя задом, как машина на льду, брюнет Нарзан издавал сладостный звук «М-пс!» и приседал, как бы готовясь к прыжку. Но тут же щупал свои галифе, вздыхал и выпрямлялся: желание сохранить галифе убивало в нем все другие желания.

Муська часто возвращалась с работы не одна, а с каким-нибудь провожатым, который обычно задерживался у неё до утра. Окна Муськи находились напротив Розиных окон. Полночи Роза проводила, стоя у себя на подоконнике, а по утрам митинговала во дворе:

– Это ж надо иметь железное здоровье!.. Ничего!.. Я этому положу концы!

Иногда Розе удавалось сообщать женам Муськиных кавалеров местопребывание их мужей. Тогда по ночам весь дом наслаждался бесплатными представлениями: с криками, пощёчинами и истериками. Даже Аркаша просил Розу раскрыть пошире окно.

– Я ищущ своё счастье, – рыдала Муська. – Чего вы всовываетесь!

– Когда ты ищешь – гаси свет! – изрекала Роза. – Аркашу это травмирует перед смертью.

– Я хочу найти мужа. Хотя бы такого дохленького, как у вас.

– Молчи, потерянная! – гремела Роза, и Муська стихала, уползала к себе в комнату и там зализывала сердечные раны.

Как я уже говорил, Роза была душою этого двора, главным и непременным участником всех событий.

Но однажды она ушла на базар и не вернулась. Скорая помощь подобрала ее без сознания на улице, вместе с двумя полными кошелками. Троё суток она пролежала в больнице. И показалось, что маленький, тесный дворик, до краёв заполненный Розиным голосом, вдруг сразу затих и опустел. Можно было с утра до вечера вытряхивать салфетки, чистить лошадь под самыми окнами, спокойно гоняться с топором за собственной женой – никто не мешал, не комментировал, не скандалил.

Не приходя в сознание, Роза скончалась от инфаркта. Хоронили ее всем двором, с почётом, как полководца.

По настоянию профессора, в последний путь Розу везла Альфа, которую впрягли в старую подводу-биндюгу. Моряк покрасил подводу в черный цвет. Роза возлежала на ней в красном нарядном гробу, впервые активно не участвуя в таком важном событии. На груди у неё желтел букет мимозы, бесплатно положенный Нарзаном. Рядом водрузили кресло-качалку с Аркашей. Подвода дергалась, и Аркаша горестно раскачивался над гробом, как старый служака, читающий молитву.

Сбоку, у гроба, гордо вышагивал Лёнька-уголовник, держа поводья.

За подводой шли супруги Невинных и несли венок из металлических цветов с надписью: «Незабвенной нижней соседке от любящих соседей сверху». Их венок был единственный, они этим очень гордились и не позволяли никому его трогать.

Сзади двигалась башнеподобная жена Харитона и, как ребенка, вела за руку поникшего супруга. С другой стороны дворника поддерживал профессор. За ними маршировали все девять Харитоничей, выстроившись друг за другом по порядку номеров. Следом шла Муська, изо всех сил сдерживая в рамках приличий свой разудалый зад. Замыкали процессию моряк и старуха с курицей. Курица, чувствуя серьёзность происходящего, не хулиганила, а шла рядом с хозяйкой, как послушная собака после приказа «к ноге»!

Прощались молча. Потом Муська произнесла:

– Она мене была как родная мама.

И Харитон зарыдал, уткнувшись в необъятность своей супруги. Та успокаивала его, баюкая у себя на груди. Муж и жена Невинных горестно вздыхали, все ещё не решаясь выпустить из рук свой венок. А на подводе, как на постаменте, памятником невысказанному горю, в кресле-качалке шёпотом плакал Аркаша.

Прошло несколько дней. Тишина во дворе стала привычной. И вдруг – сенсация: Аркаша начал оживать! Сперва он вставал с кресла и шагал по комнате, потом сидел на скамеечке во дворе. А после – уже сам ходил за молоком и даже стоял в очереди за бананами. Двор загудел. Все горячо обсуждали воскрешение из мертвых, сокрушались, что Роза не дожила до такой радости. Но это было не всё. Не успели переварить это событие, как взрывной волной ударило следующее сообщение: Муську засекли, когда она на рассвете выныривала из Аркашиного полуподвала. Это было уже слишком. Потрясенный двор угрожающе затих перед бурей. Страсти накалялись и дымились.

Первым сорвался Харитон. Он напился, не дожидаясь субботы, схватил топор и с криком «Ну, Муська!» стал гоняться за своей женой. Когда профессор,

отобрав топор и напоив его чаем, спросил: «Зачем жену гоняешь, Харитон?», тот горестно ответил:

– Все они такие.

И впервые профессор не осудил его, а задумался.

– Тука она, вот кто! – заявил молодой Невинных.

– Фи, Ленечка, что за выражение! – брезгливо сморщилась мама-аристократка.

– Что такое тука? – спросил папа.

– Тука – это жена кобеля, – интеллигентно объяснила мама.

После первого шока, вызванного неожиданным сближением Муськи и Аркаши, все обитатели дома, не сговариваясь, объявили им войну.

Харитонычи теперь играли в футбол только возле Муськиного окна, используя его как ворота без вратаря.

Харитон, убирая двор, сметал весь мусор в окно полуподвала. Через несколько дней окно Аркашиной комнаты уже не открывалось, оно было замуровано, вернее замусоровано, до форточки.

– Они все сказали! – жаловалась Муська участковому. – Чего они всовываются? Мы хотим создать молодую семью.

Участковый призывал всех сохранять спокойствие, но его призыву не внимали.

– Путкай убирают по-хорошему, пока не потно! – потребовал Лёнька от имени общественности.

Но будущие молодожены не убирались. Тогда решил действовать моряк. Когда Муська гостила у Аркаши, он зашёл к ним, снял тельняшку и долго читал себя вслух. После этого Муська и Аркаша больше не сопротивлялись. Они попросили профессора дать им Альфу, чтобы переселиться к Муськиной маме.

– Лошадь – благородное животное, – недвусмысленно ответил им ученый.

Рано утром, надеясь, что все ещё будут спать, они выносили узлы, чемоданы и грузили их в нанятую полупорку. Но весь двор, конечно, был на ногах. Их провожали угрюмым молчанием взрослые, пронзительным свистом – Харитонычи, улюлюканьем – Лёнька, и злобно

лаяла им в след курица Шманя. А может, мне это просто показалось...

...Пионеры все еще пыhtят над задачей. Подсаживаюсь, пытаюсь помочь.

– А ответ какой?

– В том-то и беда... Нет ответа, – грустно сообщает мне Чубчик.

Мимо, шаркая ногами, проходит человек, нагруженный покупками, очевидно, с базара. Увидел меня, остановился.

– Здравствуйте. Не узнаете?

Аркаша! Только обесцвеченный: белая голова, белые брови, белые усики – негатив своей молодости.

Он сел рядом и быстро-быстро, очевидно, боясь, что я встану и уйду, стал рассказывать об отдельной квартире, о приличной пенсии, о том, что ему очень, очень хорошо... Потом вдруг, не делая паузы:

– Роза была святой женщиной, я к ней до сих пор хожу на кладбище. Она обо мне заботилась и вообще. Но...

– он протянул ко мне руки, как бы умоляя понять его. – Может, я умирал, потому что мне с ней было скучно жить, как-то бесцветно... А Мусенька меня заставила подняться, мне захотелось выздороветь, понимаете?!..

– Вы встречаете своих бывших соседей?

– Да. Им всем дали квартиры в этом доме. Они с нами до сих пор не разговаривают, даже на субботники не приглашают... – Он спохватился, вскочил: – Мне пора – Мусенька там одна. Она не выходит, у нее тромбофлебит.

Он ухватил две кошелки, полные цыплят, кабачков, фруктов, и потащил их к лифту.

– Хорошо, когда в задаче есть ответ, правда? – мечтательно произнес Чубчик.

– Конечно, хорошо, – согласился с ним я.

Сиамские близнецы

Мы даже не похожи. Я – смуглый, кудрявый, черноволосый, у меня нос с горбинкой, а он – бледнолицый, курносый, белобрысый, волосы торчат, как веник.

– Отойди, – кричит, – от тебя чесноком пахнет!

А как я отойду? Только вместе с ним, этим хамом и лгуном: я ведь чеснок просто так не ем, только в котлетах, которые он же у меня и отбирает. А уж насчёт «пахнет», то это я должен волком быть: от него так перегаром несёт, что комары к нему только в противогازах подлетают. Все свои деньги я трачу на духи и дезодоранты, до тех пор обливаюсь, пока он их у меня не выхватит и не выпьет. Он же алкаш, ханыга, с утра уже пьян. А я спиртное даже видеть не могу, у меня печень слабая. Он напивается, а меня тошнит.

Вмешивается во все мои дела и в разговоры – он же всё слышит, всё при нём происходит. Даже по телефону не посекретничаешь – его ухо рядом. Я бы его отлупил, но боюсь: мы в детстве часто дрались, и он всегда побеждал: его рука – правая. И вообще, он более спортивен, чем я. Гирю выжимает, гантели. Когда делает приседания, я сопротивляюсь, хочется книжку дочитать. А он ухмыляется: «Спасибо за дополнительную нагрузку», навалится всей массой и к земле прижимает. Зато, когда на турнике подтягивается, я злорадствую: ему приходится и меня тащить.

И вера у нас тоже разная. Но вера – это условность: ни он, ни я в храмы не ходим, нас не приучили. Он меня в церковь не зовёт, а его в синагогу трактором не затащишь. Он о своей вере вспоминает только для того, чтобы меня нехристом обозвать. Хотя, когда его крестили, и меня в купель плюхнули, так что неизвестно, кто из нас больший нехристь. А обрезание, из нас двоих, сделали ему. Да, да! Это мой Бог его наказал: в юности у него пипка воспалилась, писать не мог, вот его и обкорнали. Он с тех пор в баню не ходит, свой обрез от всех прячет, если б мог, он бы его в футляре носил. И за это меня ещё больше ненавидит.

Его послушать, если б не я, он бы уже бегал быстрее всех, прыгал, рекорды ставил. Я, видите ли, вишу на нём тяжким грузом и мешаю его совершенствованию. Я кричу:

– Ты без меня никогда бы в Университет экзамены не сдал!

– А тебя, – отвечает, – без меня туда бы никогда не приняли.

– Это почему?

– По профилю! – и хохочет издевательски. – Ты вообще должен быть счастлив, что я тебя рядом терплю... Прекрати скрипеть!

Это он орёт, когда я на скрипке играю. И чтобы заглушить, включает свою любимую песню:

...Без меня тебе, любимый мой

Лететь с одним крылом...

Он знает, что я о такой пошлости умереть могу, и назло крутит её с утра до вечера.

Думаете, мы всегда враждовали?.. Нет, раньше ничего подобного не было. Когда дом строили, помогали друг другу – как же построишь, если врозь?.. И когда от грабителя отбивались, тоже дружно... Я где-то читал, что трудности сплывают, а что, мол, у нас сейчас всё хорошо, поэтому грызёмся. Но, если всё, что сейчас происходит, это хорошо, то мне страшно подумать, что будет, когда станет плохо!.. И где это хорошо?.. Дом наш из-за вражды нашей заброшен и неухожен, крыша течёт, штукатурка отваливается, полы прогнили. Крысы, моль, тараканы... Но ему это не мешает. Ему я мешаю, я во всём виноват. И за то, что дом рушится, что крысы паркет грызут... В холодильнике пусто – я сожрал. В доме кто-то кашлянул – я заразил. Картина с гвоздя сорвалась – я сбросил... Вместо того, чтобы вместе дом спасти, он со мной с чёты сводит.

– Я тебе завтра все зубы выбью!

Это он каждый день угрожает. И хотя завтра забывает о своей угрозе, но я-то всю ночь не сплю, нервничаю. На следующий день снова, из-за какой-нибудь ерунды:

– Я тебе завтра башку сверну!

И так всю жизнь, в постоянном страхе: свернёт или не свернёт?..

Если на то пошло, то это он ко мне, как пиявка, присосался. Я в университете лучшим студентом был, меня на всех собраниях в президиум выбирали, а он, прилипала, рядом сидел... Меня путёвкой в Сочи наградили –

пришлось и ему давать, чтоб он мог съездить. Я – мастер спорта по шахматам, во всех международных соревнованиях участвую – и его посылают, тренером оформили. У меня над доской лоб трещит, а он сидит рядом, делает умное лицо, а потом цветы принимает, репортёрам позирует. И его все поздравляют с моей победой, как великого тренера-наставника. А он из всей шахматной терминологии только одно слово знает: «мат-перемат»!

А с девушками как встречаться? Я назначаю свидание, и он со мной прётся. Я шепчу нежные слова, а он орёт: «Звук! Не слышно!»... Я её своей левой к себе прижимаю, а он, своей правой, её по бёдрам поглаживает. И когда мы расписывались, он рядом, третьим стоял. И в первую брачную ночь с нами остался. Я его молю:

– Закрой глаза, спи.

– Не могу спать, – ухмыляется, – когда рядом наша жена лежит.

И глаза нараспашку до утра. Жена меня целует и шепчет:

– Иди ко мне.

А как идти? Вместе с ним?.. Лежу и губы кусаю, чтоб не заплакать. И так – все ночи, целый год, у нас потому и ребёнок не было. А потом жена от меня ушла. К нему. Когда я уснул, взяла и перелезла, слева направо. А ему-то не стыдно – лежу и всю ночь шею в сторону выворачиваю, глаза зажимаю, чтоб не видеть, что он с ней вытворяет

– Как ты могла? – спрашиваю.

– Я устала, – отвечает. – Надоело жить и всего бояться. Мне опора нужна, дом и его хозяин.

– Но это наш, общий дом, мы его вместе строили.

– Всё равно ты здесь квартирант. Настанет день, и тебя отсюда выгонят.

– Это невозможно, мы так срослись.

– С кровью оторвут и пинком под зад. А ты даже не станешь протестовать – в тебе гордость потеряна, раз соглашаешься так жить.

Очень меня эти её слова до сердца достали. Не смог я больше терпеть, решил ему отомстить. Яд у меня был, стрихнин. Когда у нас крыс травили, я пакетик этого порошка спрятал. Тогда ещё сам не знал зачем, но, видно, подсознание подсказало. За столом мы сидим, понятно, рядом. Когда он отвернулся, я ему весь пакетик в суп вытряхнул. Съел он его. Побледнел, на лбу пот выступил. А потом согнулся пополам и как взвывает. А у меня, поверьте, ни жалости, ни раскаянья – так я его возненавидел. Смотрю и тихо радуюсь: наконец, избавился. А потом чувствую, и у меня на лбу пот выступает. Потом внутри будто гвозди забивать стали, схватился я за живот и тоже взвыл: кровообращение-то у нас общее, постепенно отравы и до меня дошла. Отвезли нас обоих в больницу, обоим промывание сделали, капельницы поставили, мне в левую руку, ему в правую – еле нас откачали.

Понял он, что это я нас чуть не уконтрапупил, и говорит:

– Так дальше жить нельзя. Если не разделимся, ночью одновременно друг друга передушим.

А чтобы разделиться, нужно было операцию тяжёлую перенести, очень опасную. Нам её когда-то один хирург предлагал, но предупредил, что шансов остаться в живых один из десяти. Мы тогда в один голос отказались, боялись риска, думали и так проживём. Но теперь поняли, что больше не выдержим, лучше смерть, чем такое существование.

... Везут нас на каталке, последний раз вместе. Он мне говорит:

– Хоть бы они нас не зарезали – так охота пожить без твоей гнусной рожи рядом!

– А я согласен даже умереть, – отвечаю, – только бы от тебя освободиться.

– Если на том свете ко мне подойдёшь – убью!

Привезли нас в операционную, положили на стол, дали наркоз и стали кромсать наши тела и внутренности. Полдня длилась операция. За столько лет мы крепко срослись, всё – и нервы, и сосуды, и капилляры разделить надо было. Крови много вытекло, и из одного, и из второго.

Несколько раз клиническая смерть наступала. Но, видно, его Бог или мой, а может, оба наших Бога постарались – вытерпели мы всё и живыми остались. Развезли нас по разным палатам и стали выхаживать.

Открыл я через сутки глаза и сразу ослепило: «Свободен!». От такого счастья снова сознание потерял. А он от радости чуть с ума не сошёл: схватил с тумбочки настойку крушины, прошептал «Да здравствует свобода!» и весь пузырёк выпил – из-под него потом неделю судно не вынимали.

А мне никаких настоек не требовалось, я от свободы опьянел: хочу – лежу, хочу – хожу, хочу – читаю – ни от кого не завишу!.. Как же я, червяк придавленный, мог столько лет пресмыкаться и терпеть эту невыносимую жизнь?! Окрепну, выпишусь из больницы и уеду далеко-далеко, чтобы забыть прошлые муки и унижения.

Решил я так, и на душе потеплело. А потом вдруг холодная тревога заползла: легко сказать «уеду», а куда? Здесь всё хоть и невыносимо, но привычно. А там – чужие края, чужие нравы. И почему невыносимо? Крышу над головой имел? Имел. И сыт был, и одет, и обут. А там всё начинать с начала надо, с самого нуля. И не резвым мальчуганом-заводилой, а уже поседевшим неудачником, утомлённым нелёгкой жизнью... От этих мыслей я так расстроился, что швы разошлись, температура подскочила – продержали меня в больнице лишнюю неделю.

Но вот настал долгожданный день: выписали меня, проводили до ворот и пожелали успеха. Вышел я на улицу, а там машины, троллейбусы, трамваи – гудом гудят. И людей – тысячи, бегут, спешат, толкаются. А среди них и злые, и агрессивные. И вдруг так мне страшно стало, что ноги подкосились, идти не мог, к стене прислонился: я ведь теперь один, навсегда. А мне одиночество непривычно. Когда он со мной рядом шёл, я себя чувствовал уверенно. С ним не страшно было, он сильный. Его все боялись. Да и вообще: двое – это не один. Вдвоём с любым сладишь. Когда тот грабитель пытался к нам в дом залезть, мы ему так надавали, он справа, а я слева – незванный гость еле ноги унёс...

И вдруг поймал я себя на странной мысли: и он ведь сейчас один, и ему жутковато: остаётся в развалившемся доме, работать отвык, а придётся – меня не будет, не на кого чертей вешать. И от пол-литры надо отказываться, иначе всё на голову рухнет... И вдруг даже стало мне его жалко.

Психанул я на себя за эту слабость и, чтобы злость восстановить, стал вспоминать все его пороки. Но что-то плохо получалось: с одной стороны я его обвинял, а с другой – тут же сам защитительные доводы приводил... Да, мешал на скрипке играть. Но без него я вообще ни разу бы не сыграл: ведь когда я своей левой по смычку водил, он своей правой мне её поддерживал... Да, пьёт, много пьёт. Но ведь он не родился алкоголиком – пить стал на моих глазах, из-за жизни нашей патологической... Да, грубый, резкий, драчливый, но когда я в прорубь провалился, он же мне свои сухие ботинки отдал, а сам босиком до дома топал...

И вдруг захотелось мне его голос услышать. Так внутри заныло, что не выдержал, заскочил в телефонную будку и наш номер набрал. Он снял трубку.

– Алло!.. Алло!.. Слушаю!..

А я молчу, только сердце барабанит. И он замолчал. Молчим оба. Потом он спрашивает:

– Это ты?

– Я, – отвечаю. И жду: сейчас какую-нибудь гадость ляпнет.

А он снова помолчал и вдруг:

– Как живёшь?

Я растерялся, засуетился:

– Прекрасно, прекрасно! А ты?

– Прекрасно.

И снова замолчал.

– Я уезжаю, – говорю. – Далеко.

И опять ожидаю в ответ что-то вроде: «Скатертью дорога!». А он снова неожиданно:

– Может, попрощаться зайдёшь?

– Зайду.

Повесил я трубку совершенно ошеломлённый, а потом вдруг понял: да у него ведь на сердце сейчас такая же тяжесть, как и у меня. Я это своим почувствовал, недаром они у нас столько лет рядом бились!..

Подошёл к дому – дверь открыта, ждёт. Зашёл в гостиную, вижу, над столом фотография висит, где мы пацанами, в мохнатых шапочках, как два медвежонка. Никогда он её раньше не вынимал, а тут... Но сделал вид, что не заметил.

– Закурить есть? – спрашиваю.

Протянул он мне пачку. Посидели, покурили. Потом говорю:

– Дом тебе остаётся. И вся мебель. Только ковёр я продам – деньги на дорогу нужны.

Поднял он голову, глянул на меня как-то необычно – никогда раньше так не смотрел.

– Скрипку не забудь. Я тебе футляр починил.

– Спасибо.

– Куда поедешь?

– Куда-нибудь на юг. Я здесь мёрзну.

– Писать будешь?

– Не знаю. А ты?

– Вряд ли.

Снова помолчали.

– Ну, что ж... – говорю. – Пока.

– Пока.

– Будь.

– И ты будь.

Помахал он мне своей правой, а я ему своей левой, и разошлись мы в разные стороны, теперь уже навсегда. Я не оглядывался, чтобы швы на теле не кровоточили. А он на прощанье песню включил:

...Без меня тебе, любимый мой,

Лететь с одним крылом...

Зря я ругал эту песню: оказывается, очень она душевная.

Яков Лотовский

Премии Оскара

Рассказ

дни моей киевской проголоди, когда я не имел ни работы, ни службы и кормился от рыбной ловли, которая, как известно, зависит от удачи, погоды, от непостижимой повадки рыбы, не желающей, хоть ты лопни, брать наживку с крючка, повезло мне встретиться с Оскаром. Свел меня с ним приятель мой Ефим Кержнер, что нынче живет в Атланте, штат Джорджия. Мы тогда оба были киевлянами, теперь вот американцы. Он рекомендовал меня Оскару как литературного работника, способного помочь ему в оформлении, включая перепечатку, его рукописных стихотворных трудов, которые он рассчитывал обнародовать.

Я приходил к Оскару, в его бобыльскую квартиру на Пушкинской, до потолка уставленную книгами, в дни, когда все колобродило в Киеве. Перестройка в Союзе закончилась, начиналась переделка, перебранка и даже перестрелка. Я шел в его затхлое логово, минуя людское бурление на площади Калинина, недавно переименованной в майдан Незалежности, продираясь сквозь митингующие толпы, оставляя за спиной демонстрации, марши и голодовки протеста.

Оскар Рабинович был, пожалуй, самым старым стихотворцем в Киеве. А может, и во всей Украине. Шел ему десятый десяток. О себе рассказывал скуп. Рожден был он в незапамятные времена, в конце девятнадцатого века, происходил из торговцев. С детства испытывал сильную тягу к знаниям и самообразованию. После революции записался в большевики. Но через год выбыл, когда его направили на борьбу с бандами. Не скрывает, что испугался.

Потом выучился на врача и женился на врачихе же по детским болезням, хорошо известной в Киеве. Собственных детей у них не завелось. Кажется, и душевного контакта с женою не было. Тем более что она не одобряла его занятий стихами. Это был деловой, экономический брак. Умерла она лет десять назад, оставив ему крупный счет в банке и полную свободу предаваться чтению и стихописанию.

Лицом он напоминал автопортрет Леонардо да Винчи – лысый, с длинными седыми прядями вокруг головы и седой, сквозящей бородой. А когда принимался говорить по-итальянски – истинный Леонардо, разве чуть больше изношенный, потухший. Умел он и по-французски, и по-немецки. Даже латынь знал, будучи врачом.

Оскар усох и болтался на помочах внутри засаленных штанов, сохранивших прежнюю округлость его тела. Таракан полз по его длинной, висячей бороде, где всегда находились ему всякие крошки, а то и лоскутки капусты из борща. Борщи варила старая слепая домработница Паша, что прислуживала и жила при нем не меньше полувека и знала здесь наизусть все углы и закутки. Она была совсем слепа, зато Оскар – глух. Чтобы пробиться сквозь его глухоту, нужно было орать ему в самое ухо. В высоких, с потолочной лепниной комнатах стоял запах книг, борща и кисловатой прели. В одной из них, что была под замком, обитали на стеллажах особо ценные книги и покрытая пылью стремянка, на которую давно не ступала чья-либо нога. Повсюду вольно бегали непуганные тараканы. На письменном столе кабинета, среди разложенных его рукописей лежала полусвернутая бумажка с зеленоватым отхаркнутым плевком. За время многих наших встреч он ни разу не предложил мне угоститься. За это я ему был признателен особо. Я ни за что не смог бы проглотить здесь ни крошки, ни даже рюмки выпить. Возможно, он это понимал и не предлагал. Нет, вру – рюмку, пожалуй, смог бы.

Он сразу же вспыхнул ко мне цеховым товарищеским чувством – дескать, кто-кто, а мы-то понимать друг друга должны, будучи оба людьми

литературы. Он, можно сказать, вцепился в меня, вцепился судорожной хваткой утопающего.

Оскар Рабинович считал, что его не хотят издавать из-за чересчур красноречивой фамилии. Других причин для отказа он не допускал. Ему, затворнику, было невдомек, что за окном настали новые времена с их нездоровой, даже иступленной дружбой с евреями, демонстративного с ними братания. Да, случился тогда короткий такой период на Украине. Абы в пику «москалям». Можно было наблюдать прямо сюрреалистические зрелища. В Октябрьском Дворце в гала-концерте по случаю годовщины государства Израиль украинский национальный ансамбль песни и пляски в казацких своих, раздольных шароварах плясал «семь сорок», то бишь «фрейлахс». И под занавес – еще один танец, апофеозный, который исполняла молодая еврейская самодеятельность, и в вихревой хоровод, перетянувшийся в зрительный зал, был вовлечен представитель городских властей, украинский поэт Олесь Дончик. Он сконфуженно и как попало перебирал ногами, несомый еврейским хороводом.

В ответ на сетования Оскара о своей «анекдотной», неудачной для публикаций, фамилии, которую он, к его чести, не хотел ни на йоту менять, я предложил ему добавить к ней именно эту «йоту», то есть звук «йот», чтобы вышло Рябинович, и сместить вперед, на один слог ударение. Звучало бы почти на кондовый лад: РябИнович (КалИнович, МалИнович). Он пошевелил губами, примеряя на себя этот звук, удивленно хмыкнул и со вздохом, но твердо отказался. Он тут же посерьезнел, поскольку переходил к делу, не терпящему шуток.

Оскар предложил мне комплексную роль литературного агента, секретаря и машиниста (употребим здесь мужской род, зная, что речь идет не о локомотиве, а о ремингтоне). Мне не хотелось связывать себя какими-либо долгосрочными обязательствами. Будто чувствовал, что ждут меня скорые перемены. Я пришел к нему ради перепечатки на машинке, гонимый нуждой в заработке. От остальных функций я тоже не торопился отказываться, отвечая туманно, дабы не отпугнуть большой заказ по

перепечатке, суливший хорошие и нетрудные деньги. Его вековые труды нуждались в машинописи, чтобы можно было: а) представить их к изданию, которое он решил предпринять на свой кошт; б) сделать удобочитаемыми для наследников и возможных исследователей; в) прояснить неразборчивый текст для самого автора. Я, правда, предупредил, что связей в издательском мире у меня нет – самого, как видите, не шибко печатают, – но если выпадет возможность, постараюсь, конечно, помочь в этом. Что же касается перепечатки, то это вполне мне по силам, поскольку нынче – не стану скрывать – не имею других средств к прожитию. Много, прибавил я, разглядывая его не очень разборчивый почерк, будет зависеть от того, какую цену вы положите. А сколько вы просите? Я смерил взглядом метровой высоты пожелтелую стопу бумаги, исписанную им, и с неподдельным восхищением спросил: неужели все это стихи? Да, не без вызова подтвердил он. – Можно ли редактировать? – спросил я. Он категорически, даже с некоторым негодованием отменил мое предложение, сказав при этом: «Что написано пером, не вырубишь топором». Ого! Человек работает на века. Леонардо да Винчи – да и только. Я снял верхние два-три листка и пробежал глазами, как бы прикидывая читаемость рукописи, примеряясь к подряду. Поэзией там и не пахло. Он зарифмовывал свои премудрости и назидания, вгонял в корявые четверостишия приобретенную за долгую жизнь свою книжную ученость. Громоздил слова; они натывались друг на друга.

– С учетом трудноразличимости почерка... – начал я по-канторски, – возьму с вас... – тут я некоторое время копил внутри себя нахальство, пока не решился – была не была! – и крикнул ему в ухо, – возьму с вас по рублю за страницу.

Так брали по тем временам профессиональные машинистки высокого класса. Но брали за полную страницу текста во всю ширину и длину. Мне же предстояло печатать стихи, по полдесятка куцых строф на странице, с отступами, пробелами и большими полями. Я, конечно, сыграл на его беспомощности. Но в то же время подумал, куда тебе,

старый фанатик, еще девать деньги, которых у тебя на банковском счету, поди, ой-ой-ой сколько, а мне жить не на что.

Оскар, секунду подумав, согласился.

– Бумага, конечно, тоже ваша, – добавил я совсем уж по-писарски.

Он и на это пошел. Он знал, что я литератор, тоже пишу и, видимо, расценил мой поступок – а именно, выполнить обязанность простой машинистки – как своего рода подвиг ради спасения литературного наследия товарища по перу. Да и машинистка не всегда смогла бы разобрать его почерк и, не вникая в контекст, неверно бы поняла то или иное мудреное, неразборчивое слово. Я выговорил все-таки у него право на корректорскую правку, ибо мой заказчик был не шибко искушен в русской словесности. Он с трудом пошел на это, но еще раз категорически потребовал ничего не менять. У него были стихи и на других языках. Но там я ему не мог быть судьей. Между прочим, иноязычные его стихи показались мне благозвучнее, когда он их пускался декламировать. Благозвучность, скажем, итальянской речи или категоричность немецкой, делало и бессмыслицу обаятельной.

Я в душе ликовал и снова, теперь уже с любовью, смерил взглядом слежавшуюся, испещренную нетвердой рукой стопу, по которой нахально шастали тараканы. Я и на них теперь, на тараканов, смотрел с приязнью. Сколько же там, мать честная, страниц и каждая по рублю! Шлеп-шлеп – и рубль, шлеп-шлеп-шлеп – еще один. Я не стихи буду печатать, я буду печатать рубли. Почти с той же скоростью, что и штампуют деньги. Что мне за дело, какой там текст. Воистину премия Оскара обломилась!

Принеся домой первую порцию работы, я торопливо пообедал и тут же принялся за дело.

Стихи были совсем уж неважные, беспомощные. «Не вырубишь топором». Тут топором писано! Он был преисполнен трепета к собственным текстам и воспринимал постороннее вторжение в них кошунством. Мне потом случалось видеть, как он трясся над своими творениями,

перебирал их, перекладывал, как скупой рыцарь, не отказывая себе в удовольствии декламировать вслух. Меня поражало, как он не слышит их откровенного неблагозвучия. Ему стихи казались полными смысла и красоты. Нет, он допускал, что не все у него сплошь совершенно. Но и у Пушкина с Лермонтовым, говорил он, едва ли отыщется с десяток шедевров. Почему же нам, грешным, непозволительно несовершенство?

Я стал ходить в его обиталище, расположенное между книжных скал и журнальных осыпей, принося очередную отпечатанную порцию его творений. И он всякий раз, поплеывая на голубой свой палец, пересчитывал количество напечатанных страниц, доставал из своего бумажника такое же количество рублей и вручал мне. Эти визиты к нему вызывали у меня в памяти пушкинского Германа с его специальным интересом к старой графине.

Когда я от него уходил, рот мой был набит пылью и мерещилась чья-то резвая беготня по спине. Снимая с меня длинный седой волос оscarовой бороды, жена сопровождала жест шуткой о некоем любовном герантофильском свидании. Но волосы, это ладно. С рукописями я все-таки занес в наш дом тараканов, которым дай лишь волю, вмиг распространятся. Это было оборотной стороной премии Оскара.

В один из визитов я крикнул ему в ухо, что он агностик. (Впредь я решил не кричать ему в ухо, а по возможности добавлять громкости, не приближаясь, поскольку и он в ответ стал приближать ко мне свое лицо, будто и я был тугоухим, дыша на меня своим затхлым духом и брызгая кусочками застрявшей во рту пищи). Оскар взглянул на меня с тревогой. Он, кажется, воспринял мое замечание, как политический ярлык, за который можно получить по шапке от властей и к следующему моему приходу постарался сочинить вступительное и заключительное четверостишия в жизнерадостном, казенном духе, как бы обрамить лояльностью свои сочинения перед лицом предстоящих издателей и цензоров. Он все-таки был стреляный советский воробей. Напрасно трудился: цензура в ту пору уже была отменена.

Дни напролет я отстукивал на машинке из рук вон плохие его стихи. Иной раз не выдерживал и бросал печатать, ибо можно было свихнуться. Я разгребал «навозну кучу», где заведомо нет жемчужного зерна. Это была грязная работа ассенизатора. Единственное утешение – заработок. Отбарабанил страницу – рупь. И я говорил себе, что было бы слишком уж неправдоподобно, если бы и стихи были хороши, и оплата. Деньги не пахнут. И снова усаживал себя за работу.

В конце концов я настолько привык к его безобразной словесности, что она порой стала меня даже умилять. Стихи были настолько плохи, что были как бы хороши в своем роде. Это был эрудированный капитан Лебядкин. У того, правда, выходило забавнее. Несмотря на корявость и назидательность, в оscarовых куплетах проглядывала установка на парадокс, на противоречие с расхожей обывательской логикой, официальной схоластикой, постностью, даже какой-то омар-хайямовский гедонизм. Как-то комплимента ради, чтобы заказчик веселее расставался с деньгами, я сказал, что он прямо *Оскар Хайям*. Развивая комплимент в том же направлении, я даже предложил озаглавить его будущую книгу, ну скажем, «*Рубаи Рабиновича*». Он улыбнулся от удовольствия, но тут же, конечно, отмел прочь мое предложение. Было бы странно, если бы я настаивал. Правда, потом он несколько раз впадал в задумчивость, шевеля губами и вслушиваясь в это звуко сочетание, чем-то его привлекавшее. Но он не считал возможным принимать чьих-либо советов со стороны. Он был уверен, что лучше, чем он, написать невозможно. «Не вырубишь топором». Однажды я для интереса попытался исправить его катрен (он только так называл свои назидательные куплеты), привести его в сообразность с законами стихосложения и просто грамматики. Он отверг мою попытку, не входя в объяснения и, кажется, обидясь. И все же перепечатывая его катрены я не всегда умел разобрать корявый почерк. Признаюсь, я недолго утруждал себя всматриваться в загогулины его неверной руки и вставлял там и сям от себя словечко-другое. Авось сойдет. И сходило. Вполне возможно, мои замены его устраивали, но

он никак не мог со своих горних высей дать мне легальное позволение на стилистическую правку? Нет, было в нем все-таки величие классика.

Дам несколько образчиков его творчества, которые у меня уцелели случайно, когда я отбрасывал испорченные листки из-за моих машинописных огрехов и экономии ради пускал их себе на черновики, используя оборотную сторону. Черновики сохранились и с ними уцелели некоторые Оскаровы перлы.

Истин недоношенных порода ль,
Науки подлинной отходы?
Философия – мышления тренаж,
Лжепостижения ажиотаж.

Или такое, с отчаянной рифмой – «словам – словарь»:

Когда не тянет мысль к словам,
Слова, быть может, притянут к мысли:
Усердно полистай словарь
На стыке их ли не повиснет?

А вот мажорное. Из него следует, что у Оскара отношение ко Всевышнему терапевтическое:

Я верю в то, что вера
Ко здравью верный путь
Что с ней лишь силы мера
С какою дышит грудь.
Еще одно, больно мудрёное:
Не думай: смысл существования:
Существуя, смысл найти.
Не в смысле смысл твоих исканий
Ища, сумей обрести в том смысл.

На четыре строки пять ухабов со «смыслом». И еще:

Счастлив кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Ужель и оттого, что с ним

Проститься легче коллективно.

Видимо, посчитал свои строки конгениальными тютчевским.

Исправлять я не смел, не имел на то авторского дозволения. Да и возможно ли исправить столь беспримерное стихосложение? Ни складу, ни ладу. Ему удавалось достичь созвучия в конце строки, только когда он прибегал к избитым еще в начале позапрошлого века грамматическим рифмам типа «вдохновенье-наслажденье», «красивым-счастливым», «играя-умирая». Сотая вода на киселе. Лучше бы отказался от своих ямбов-хореев и писал бы раёшником. Стихи бы могли кое в чем выиграть. Однако ему хотелось складной, чеканной формы. Он хотел, «как у Пушкина». Он, например, как Пушкин, прибегал к вопросительным частицам «ли», «ль», «ужель», которые заодно служили Оскару как бы шпаклевочным материалом.

Печатаая катрены Оскара, я обнаружил, что они чем-то напоминают «гарики» Игоря Губермана, тот же пафос – назидания, парадоксы и каламбуры. Да, это был Губерман в очень плохом исполнении. Даже размер тот же. Но о подражании речи быть не могло. Скорее, Игоря можно было бы в том заподозрить, так как Оскар Рабинович стал писать свои парадоксы и назидания на полвека раньше. Для сравнения с Оскаром возьмем губермановский «гарик»:

Живи игрой, в игру играя
сменяй игру другой игрой,
бывает молодость вторая,
но нету зрелости второй.

Конечно он сделан куда как ловчей. Здесь органично впаяна идиома «вторая молодость», которая готовит каламбур о второй зрелости. Удар на последней строке. Сочиняя, автор и начинает плясать от нее, как от печки, а первые строки затем подверстывает. (Здесь, кстати, не совсем удачно, не намного лучше, чем у героя этого рассказа). Приблизительно так же составляются шахматные этюды. Оскар же, не владеющий стихотворной кухней, начинает сочинять с первой строки. Но его стиховая техника

и словник убоги. Поэтому последние строки у него вялы или совсем невняты.

Случилось мне присутствовать при его творческом акте. Как-то, не удержавшись, я указал ему на какое-то совсем уж вопиющее фактическое несоответствие в одном из его катренов. Он попросил меня достать с полки том Брокгауза и Эфрона и убедился в своей оплошности. И тут же взялся ее исправить, то есть вогнать другие слова в свои уже застывшие, заскорузлые строки. Что-то стал шептать, мерно покачивая головой, и в такт постукивать по столу сухими фиолетовыми пальцами, отсчитывая доли. И наконец начертил своей неверной рукой исправление. Новый вариант вышел хуже прежнего. Ему даже не удалось точно сосчитать слоги. И я понял главное в нем: он легко мог себя уговорить, что написанное им совершенно, лучше не напишешь.

Самое внятное из того, что я обнаружил у себя, было следующее его четверостишие:

Кто жизнь для книги бережет,
Тот жизни комкает страницы.
Из книги жизни что поймет
Пред тем как с жизнью проститься?

Помню, передавая ему очередную порцию отпечатанных листов, я похвалил этот катрен.

Эти редкие и не без расчета похвалы возымели неожиданное последствие.

Как-то он звонит мне и зовет для серьезного разговора. А звонил он часто, бывало даже несколько раз на дню. При его-то глухоте. Его звонки вынуждали меня орать в трубку с такой силой, что, кажется, можно было меня расслышать у него на Пушкинской без телефона. На этот раз голос его был какой-то особенный, со значением, даже с повелительными нотками. Прихожу. Нажимаю на звонок. Знаю, что нужно долго ждать, коридор в его квартире длинный, слепая Паша, идет медленно и наощупь. Оскар звонков не слышит.

– Кто цэ там? – раздается сквозь дверь ее голос.

– Я до Оскара, Паша, – отвечаю.

Различив мой голос, она отпирает многочисленные, как в банке, замки и задвижки.

– Цэ вы? – говорит она, оставив дверь на цепочке.

– Я. Здравствуйте, Паша, – отвечаю.

Она снимает последний запор.

Я следую за ней по коридору. Она двигается, вытянув вперед руку. Потом останавливается и глядя мимо меня спрашивает:

– Вы часом не знаете, почём зараз на базаре свиная голова? Без щековины? Шоб на студень?

– Не знаю, Паша.

Они живут на два котла. Оскар не стал бы есть студня из свиной головизны.

Проходя мимо кабинета, она поворачивает голову в сторону открытой двери и кричит:

– Оскар, цэ до тэбэ той хлопэць!

И продолжает идти к себе на кухню. Там ее царство, там она варит себе студни, Оскару борщи и ночует на топчане вот уже полвека.

Оскар спит в кресле, уронив голову. Носом зарылся в бороду. Ширинка, как всегда гостеприимно распахнута. А что ее застегивать – потом все равно расстегивать снова. Да и кто видит? Слепая Паша? Изо рта тянется сквозь бороду слюна. Ее просверк серебрится в бороде. Она цепляется и провисает на груди, поблескивая в солнечном луче, как аксельбант. Какое-то животное шмыгнуло вдоль плинтуса – то лимышь, а то и лягушка, поскольку вприпрыжку. Спит он или умер? Подлая мысль: кто ж заплатит? Но тут же я отвлекся на стопку журналов «Иностранная литература» на полу. Он их выписывает. После прихода гласности подписка резко подорожала. Я себе такую роскошь не могу позволить. Сверху свежие номера. Листаю. «Тропик Рака» Генри Миллера в двух последних журналах. Мать честная! Давно наслышан. Запретный плод. Разбужу его и попрошу почитать. Может не дать. Трясется над своими книгами. Как-то просил у него «Историю евреев» Дубнова, старое издание. Отказал.

Я коснулся, чуть потерял легкую кость его плеча. Он поднял голову. Слава Богу жив. Не сразу узнал меня.

Один глаз прищурил, другой раскрыл до отказа, чтоб разглядеть. Интересно: каким глазом он распознает – прищуренным или открытым?

– Почему вы не приходите? – говорит он с упреком.

Я был здесь позавчера. Напоминаю ему об этом. Но он не слышит и продолжает гнуть свое:

– Никто обо мне не думает. Никому я не нужен. Ни я, ни мое творчество.

Здесь он прав. Я не знаю, как отвечать на эту суровую правду.

И тут он, дрогнув голосом, говорит:

– Я хочу, чтобы вы были моим литературным душеприказчиком, чтобы мое наследие перешло к вам. Под ваше распоряжение и ответственность.

Я слегка оторопел. Бормочу, не выходя из оторопи:

– Это для меня слишком большая честь.

А сам корю себя, что опрометчиво сделал два-три комплимента в адрес его стихов. Ему представилось, что я горячий их поклонник. В результате все эти тараканы вороха он хочет передать под мою опеку.

– Составьте об этом бумагу и заверьте у нотариуса, – говорю ему, придя в себя.

– Зачем? – спрашивает он.

– Чтобы отбиваться от тех, кто еще претендует на эту роль.

Он польщен, что я допускаю возможность иных претендентов на его культурное наследие.

– Хорошо. Я подумаю.

Я же, пользуясь минуткой высшего ко мне доверия, говорю:

– Нельзя ли мне взять почитать эти два журнала?

Он не слышит. Или делает вид? Ору во всю мочь. Очень уж охота почитать. Молчит. Пишу свою просьбу на бумажке. Надевает очки, читает.

Соглашается с трудом. Но говорит, чтобы я написал ему расписку. Вот тебе и раз! С одной стороны предлагает мне быть его душеприказчиком, с другой – не доверяет мне. Выходит, я для него – что-то наподобие бутылки в океане, куда вкладывают послание – авось прибьет к какому-нибудь

берегу или выудит кто. Я – пусть и ненадежный, но единственный шанс. Прежде его одиночество, нелюбимость были для него благом – покой, книги, сочинительство, никаких обязательств ни перед кем. Как бы башня из слоновой кости. Теперь, ощутив свой физический распад, он испугался и ищет спасения.

– Как же вы, – спрашиваю, – свои труды мне доверяете?

Он в замешательстве. Беспокойно бегают глазами. Смотрит на меня испытующе.

Дал без расписки.

И напрасно.

На другой же день ни свет, ни заря звонит мне с вопросом, почему не прихожу. Как же, говорю, был у вас вчера под вечер. Не помнит. Помнит лишь, что кто-то был у него «чужой» и взял два журнала.

– Это был я, – кричу ему.

– Когда вы придете? – спрашивает.

– Как прочту журналы.

Каюсь, я их не вернул. Оскар был прав, заподозрив это сразу. Настала у меня заграничная страда, свалилась на голову удача, пришел черед другим премиям. Сперва Италия, потом Германия, Москва, затем хлопоты и отъезд в США. Эти два журнала с «Тропиком Рака» убыли вместе с нами в Америку, на родину его автора: уж очень моему сыну не хотелось расставаться с Генри Миллером.

Уехал я, не простившись с Оскаром. По сей день не знаю, жив ли он. Вряд ли жив. А если жив каким-то чудом, то ему за сто перевалило, и он самый старый поэт на целом свете.

В слабое себе оправдание могу сказать: стихи Оскара Рабиновича я все же опубликовал, то есть выполнил обещание сделать это при возможности. Ничтожную часть его титанических трудов, но все ж напечатал. В рассказе «Любознательный подольско-американский треугольник пунктиром» из книги «Подольский жанр», изданной в Америке, я привожу несколько его катренов, вложив их в уста старого большевика Райтруба, у которого та же страсть к стихотворству. Но и тут согрешил я против Оскара: не

указал в сноске его имени, приписав их герою. Исправляю свой грех здесь. Судьба остального творческого наследия Оскара Рабиновича мне неведома.

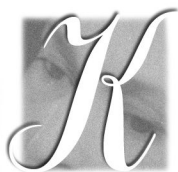
Но навсегда засел в памяти один миг. Как-то я похвалил удачную у него строку. Видно, это была редкая для него похвала за его вековой труд. Он сделался совсем бледен лицом. Но взгляд его залучился от прилива жизни. Солнечный луч пробился сквозь пыльные гардины окон и высветил его лицо. В отверстом его глазу, закисшем в уголке, внутри зрачка что-то происходило, шло некое брожение, варилось что-то, колобродило. Точно все эти колбочки да палочки, о которых учат в школе, кишели, кипели, перетасовывались. Его выцветший серый зрачок жил как бы сам по себе. Он был наполнен радостно-кипучей субстанцией, каким-то веселым хмелем жизни и был самой живой частью ветхого его тела. Это душа его жила, проглядывала наружу. Могу сказать: *я своими глазами видел душу*. Нечто подобное я наблюдал только у моего сводного брата, с которым встречался всего несколько раз в жизни. Они и лицом были схожи. Я не стал Оскару душеприказчиком, зато вот оказался, можно сказать, *душевидцем*, то есть очевидцем его души.

А ведь и он был мне *сводным* братом. Собратом по перу. Сколько угодно можно отвергать его литературные опыты, но как не воздать должное его душе, томившейся в брэнной плоти и слепо искавшей иные, менее брэнные, пути воплощения.

Елена Матусевич

Осколки Империи

то они? Вот эти все люди? Полумрак, так поют хорошо. С любовью. Валя машет руками, дирижирует хором. Она похожа на мою свекровь, я не свожу с нее глаз, мне так приятно на нее смотреть. И полнота та же, и волосы подстрижены похоже. Я люблю мою свекровь, безумная она женщина. Валина мама — урожденная фрейлина ее величества. Она заела Валину жизнь, проведенную без остатка в старинной марсельской квартире, набитой иконами и монархической литературой. На стульчике около хора, поближе к папе, сидит маленькая Катя, длинная коса, прилежно сложены ручки. Поворачивает личико, строгий взгляд. Паша, Катин папа, с всклокоченными кудрями, в отвисших от худобы штанах, потертый, несвежий, мятый, с жеваным бледным лицом, поет вдохновенно, дивно. Из прокуренного рта выходят чистые, пленяющие звуки. Паша музыкант, первоклассный музыкант. Он спивается. Это все знают, и он не смотрит ни на кого. Как войдет — сразу в хор. Сутулый, весь серый, а был красивым еще недавно, я еще успела застать. Дикая история, впрочем, как и у всех. Сбежал из оркестра на гастролях в Швейцарии. Теперь он без паспорта, без документов, без работы. Пропадает. Жена его, арфистка Наташа, тоже пропадает, вместе с Катей. Они из Сибири. Наташа ушла от мужа уже в Марселе, не вынесла. Теперь супруги видятся только на литургии. Наташа с дочерью живут в церковной квартире, Валя их кормит. Кому нужны на этом свете арфистки? Паша, хоть и голодает, из стыда не остается больше на трапезу, и Валя старается всучить ему хоть какую-то еду сразу после службы. Это редко удается.

После службы наша день ото дня все более странная паства поднимается на трапезу в квартиру над церковью. Начинается радостная суeta проголодавшихся людей, мужчины раздвигают огромный стол, носят стулья, ставят бутылки. Наш староста Матвей— вылитый Брежнев, из малороссийских казаков, милейший человек, привычно распоряжается. Женщины открывают на кухне корзинки и пакеты с яствами. За обедом Мадам Клавдия, отпрыск благороднейшей фамилии, оказывается рядом с осетином Славой, профессиональным наемником. Мадам, конечно, не в курсе этого, как, впрочем, и всего остального. Она страстно и громко сожалеет об отмене крепостного права и предлагает выпить за гибель французской республики. Тост не проходит. Наш батюшка, потомок донских казаков (его и звали Симеон Донской!) напоминает присутствующим, что все мы здесь собрались благодаря терпимости этой самой республики. Батюшка впечатляет: высокий, статный, мощный, с иконописным лицом. Его уважают. Все.

Знойный красавец Слава воевал в Боснии и в Косово, а теперь во французском легионе. Он стал наемником, скрываясь от позора. Его жена, Зара, ушла от него через год после свадьбы по настоянию его же матери. Тогда Слава и нанялся. Был тяжело ранен, чуть не погиб. Через восемь лет нашел жену и уговорил ее приехать к нему с их сыном Зауром. Легионерам запрещено иметь семью и Зара с Зауром живут в Марселе нелегально. Слава боготворит жену, а прелестный Заур постепенно к нему привыкает. Зара тоже красавица, да все они красавцы.

Слава говорит, что легион хуже войны и много страшнее армии. Это они все говорят, а легионеров у нас несколько. Есть Ваня из Москвы. Ваня – мулат, у него мама русская, а папа кубинец. Ваня устал в России от своей цветовой исключительности и записался в легион. Он у нас самый головастый, умница. У него врожденный авторитет и такт. Когда я впервые увидела Барака Обаму, мне сразу показалось, что он мне кого-то сильно напоминает. Потом я поняла, что Ваню. Высокий, худощавый, безупречно воспитанный и сдержанный, Ваня нежен со стариками и строг со всеми остальными. Он ходит в церковь по

убеждению. Остальные legionеры, кроме еще переродившегося Славы, ходят потому, что им просто больше некуда, потому что у нас кормят, ну и потому что из легиона отпускают только на культовые мероприятия.

Все они записались в Легион на пять лет — минимум для получения французского гражданства. Это Игорь, коллега Паши по оркестру, с которым они вместе остались тогда в Швейцарии. Игорь гобоист и теперь играет в оркестре легиона. У Игоря волевое рябое лицо и видно, что он намерен выжить. Оркестр везде следует за легионом, проходит учения, и только что вернулся из далекой и страшной страны под названием Джибути.

Есть совсем еще мальчик, восемнадцатилетний Антон. Он из краснодарского края, терский казак, черноглазый и смуглый, приехал поступить в Легион, чтобы избежать «разборки». Ваня смотрит на него с тоской, но не отговаривает. Есть молоденький белобрысый украинец Витя. Его нелегальная подружка, рыжеволосая девушка из Анапы, поет чудесно по-русски и по-украински, притоптывая под столом ногами. Ее просят еще и еще, она смеется, соглашается, и начинает излюбленное, «Ты ж мене пидманула». Она раньше профессионально пела в ансамбле народной песни.

Есть еще Виталий, он из Риги, тренер по чему-то. Он приехал в Марсель по обмену опытом и застрял. В тот момент Латвия отделилась, и его паспорт оказался недействительным. Теперь он нелегал, живет в спортивном зале у сердобольного хозяина-араба. Виталий доволен: «Ничего, спишь на матах, качаться можно, сколько хочешь, а, главное, есть душ!» И Виталий качается без усталости, чтобы быть в форме. Ночью моет спортзал, а днем качается. У него мечта получить хоть какие-нибудь документы и наняться в телохранители, неважно к кому. Он ходит в церковь исключительно поесть и на литургию опаздывает. Но его не упрекают и не задают вопросов.

Таня Тарасова из Ташкента. Она появилась у нас в первый раз, чтобы заказать панихиду по отцу, вся в слезах. Маленькая, худенькая, изможденная блондинка, она вышла замуж за синюю бороду, как в сказке. Когда в Узбекистане

усилились националистические настроения, и Таня потеряла работу, кормившую ее, маму и сына Романа, Танина мама поместила фотографию дочери в разделе брачных объявлений. Вскорости явился немолодой, но представительный господин из Марселя, армянин, великолепно говоривший по-русски. Господин признался Тане в любви, подарил ее подарками и цветами, и предложил руку и сердце. Таня, которую муж бросил еще во время беременности, была приятно удивлена, мама настаивала, а, главное, положение оставалось отчаянным. Таня укатила в Марсель. Приехав, она обнаружила массу новых фактов. Мужу оказалось не 55, а все 70, хотя, надо признать, что он отлично сохранился. До нее у него уже было три жены, умерших одна за другой от рака. Последняя была еще жива, когда господин поехал свататься к Тане. Господин не любил неприятных хлопот и просто запер умирающую в квартире. У господина были дети и внуки, первые много старше, вторые чуть моложе Тани. Они ей все и рассказали. Они же и спасли ее впоследствии. «Синяя Борода» был театральным сапожником, шил уникальную обувь актерам и балеринам. Настоящий художник своего дела, виртуоз. На людях он был тихим, милым, обходительным господином, а дома деспотом и извращенцем. Бежать Тане было некуда. Борода сразу забрал ее паспорт и выпускал Таню только раз в неделю в церковь, снабдив точной мелочью на метро.

Трапеза всегда сильно затягивалась. Никто не торопится уходить. Ваня что-то спокойно доказывает, глядя собеседнику прямо в глаза, Виталий быстро ест, что еще осталось, фрейлина трещит, без умолку, о предстоящей канонизации государя, Слава молчит, мадам Клавдия дуется, Зара утешает трясушуюся Таню, Наташа и Валя на кухне собирают нуждающимся «пакеты с собой». В пакеты уходит все, даже остатки булок-багет. В соседней комнате-библиотеке, где все книги написаны с «Ъ», Батюшка ведет у детей воскресную школу. Мой маленький сын спросит у него однажды, отчего в школе ему говорят, что человек произошел от обезьяны, а здесь, что создан по образу и подобию Божию. «Каждый сам выбирает от кого ему

происходить», с улыбкой ответит отец Симеон, и «обезьяна — это еще не самое страшное...»

Потом все будут долго толпиться у выдавшей виды входной двери, и говорить еще и еще, наполняя приютившую нас улицу Клапье русской речью с разных уголков необъятной империи. Прохожие на всякий случай переходили на другую сторону улицы. Мало кто из них знал, что за побитой дверью с потемневшей надписью скрывалась наша крошечная церквушка святого Георгия, основанная в конце XIX века русскими моряками в марсельском порту.

Помню на Пасху наш многолюдный крестный ход, включавший с десяток легионеров при полном воинском параде, с кокардами и эполетами, перебудил и серьезно напугал весь спящий квартал. Два прогуливавшихся в поздний час француза, привлеченные зрелищем, присоединились к шествию, зашли со всеми в храм, остались на все богослужение, а потом и на разговение. Их сексуальная ориентация не оставляла сомнений. Кроме них остались еще рабочие-арабы, белившие нашу лестницу. Начались перешептывания, французы озирались, растерянно улыбаясь. Все взгляды обратились на батюшку. Отец Симеон встал и внятно сказал: «А Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: «кто Ты?», зная, что это Господь».

Эпилог

Как это ни поразительно, первой найдет работу Наташа. Она решится пойти на прослушивание, и ее возьмут арфисткой в Марсельский оперный театр. Она снова выйдет замуж и переедет в хороший квартал. А потом и Паша, пропащий, спивающийся, как ни странно, не сопьется, а тоже найдет себе место в симфоническом оркестре. Ваня поступит в аспирантуру Марсельского университета, а потом выиграет в лотерею зеленую карту и уедет в Америку. Игорь уедет в Париж. Фрейлине уже за сто лет и, кажется, она вполне может пережить дочь. Валя все так же предана приходу и маме. Мечта Виталия сбылась. Французские власти, убедившись, что Латвия Виталия не хочет, сжалились и выдали ему вид на жительство. Долго работать

охранником ему не пришлось. Годы накачки в спортзале окупились сторицей. Он нанялся персональным тренером, женился на тренируемой им очень немолодой даме и разбогател. Тане Тарасовой удалось сбежать от мужа через три года. На ее счастье старику запретили водить машину, и ему пришлось отправить Таню на курсы вождения. На курсах в нее влюбился юный вьетнамец, ее инструктор по вождению. Он и помог ей и тринадцатилетнему Роме вылезти ночью по веревке из окна второго этажа. Он же достал какое-то особое снотворное для мужа, и Таня смогла вытащить у того свои документы. Потом Таня и Рома долго жили в освободившейся после Наташи церковной квартире. Муж чуть не выломал в церкви дверь, но Валя вызвала полицию. Когда он подал на Таню в суд за фиктивный брак, ее выручили его дети и внуки. Его младший внук служил ей переводчиком. Судья пришел в ужас, и Тане тут же дали вид на жительство с дальнейшим получением гражданства. Таня пошла в люди, языка она не знала, работала, где могла, убирала, выгуливала собак и детей, ухаживала за стариками. Позже я узнала, что она родила мальчика от «несвободного господина», как выразилась целомудренная Валя, у которого убирала квартиру. Господин, имя которого Таня отказывалась назвать, такой он был знаменитый, ребенка признал, но помогал мало. Помогал Рома и полюбившие ее французские семьи. В телефонном разговоре она сказала мне, что счастлива. Слава снова женился на Заре. После выхода из легиона они переехали в хорошую квартиру и по-прежнему дружат с Таней. Тихий украинец Витя, тот, что с девушкой из фольклорного ансамбля, в припадке безумия зверски убьет целую французскую семью, засунет их тела в капот машины и покончит с собой. После этой истории в Легионе приняли решение больше не принимать совсем молодых, особенно без судимости, и юного Антона не взяли. Он остался нелегально и долго жил у Вани.

Отец Симеон постригся в монахи, стал Михаилом и уехал архиепископом Монреальским в Квебек. На его место пришел отец Георгий Ман, россиянин китайского происхождения, с предками из Харбина. Его дедушка в молодости был буддистом и мастером боевых искусств,

благодаря которым ему несколько раз удавалось переходить русско-китайскую границу, спасаясь то от русских, то от китайцев. От дедушки у отца Георгия осталась вера в собственные силы и знание ушу, которые он невозмутимо сочетал с постом и молитвенным пением. После окончания семинарии его изначально отправили служить в Калужскую область, откуда его пришлось почти эвакуировать из-за угроз прихожан, возмущенных нерусским батюшкой. Его отправили в Узбекистан, где ему поначалу удавалось не сильно мозолить глаза, сливаясь с местным этническим пейзажем. Однако, с усилением националистических настроений в начале независимости, начались угрозы на религиозной почве, и отцу Георгию предложили поехать послужить в Австралии. Там было хорошо, никто не обращал на него внимания, но он заскучал по старому свету. Приехав в Париж, какое-то время вел апостольскую жизнь, безрезультатно прося милостыню. В странствиях за ним следовала верная жена, перешедшая в православие еврейка. Ей подавали, а отцу Георгию никогда. Никто в Париже не видывал бездомных китайцев. В конце концов помогла нехватка священников, и его оправили в наш осиротевший приход на улице Клапье. У нас его не полюбили за деловую хватку (он быстро поправил хронически плачевное состояние церковных финансов), и отослали в Ниццу, потом в Испанию... Какой уголок земли принял его в конце концов, я не знаю. Но какой-то, наверное, все же принял, как приняли и нас, всех остальных, разные углы и закоулки бывших, теперешних и будущих империй.

Даниэль Тамар

Тени прошлого

(продолжение. Начало в №9(10)-2010)

Сонет 2

*Покойному Лбову, который
брил всех важных мужиков в колхозе.
См. мою книгу «Незаконченный сонет»,
стр. 314-318*

н где-то жил, закинутый судьбой,
Когда-то окруженный диким лесом,
И не попутан, Боже, мелким бесом,
И сохранил неслыханный покой

Души своей, терзаемой рукой
Диктатора с почти таким же весом
И властью, лишь хранимой сатаной,
Под непрерывным, изощренным прессом.

Тебя послушать, маленький мудрец,
Как вспоминал твой друг, а мой отец,
Как ты дивился, ловкий брадобрей,
Что ты татарин – вовсе не еврей.

Был праведник, хотя вокруг Содом,
Светильник был, но тьма одна кругом.

Новелла 2. Западня

*На острый кряж крутой был загнан гордый зверь,
Но полный ярости в своем последнем старте.
Охотники внизу замкнули без потерь
Свой точный смертный круг в отчаянном азарте.
Их верен был расчет, хоть шли издалека.
Но можно ль рассчитать отважное стремленье?*

*И прыгнул в бездну зверь, вцепившись в грудь стрелка,
И оба отделились бездонному паденью.*

В старинных ойратских рукописях, относящихся к началу XIII столетия, когда ещё эти монголо-алтайские племена яростно сопротивлялись набегам чингисхановых летучих отрядов, приводится любопытный военный эпизод, произошедший на южных склонах Хангая, нынешней западной Монголии.

После ожесточенных боев небольшой отряд воинов из племени дэрбэтов был загнан высоко в горы. Триста шестьдесят человек – это все, что осталось от большого конного подразделения Цэрэн-хана в сгущающихся сумерках уже холодного осеннего вечера на узкой, петляющей горной тропе. Измученные всадники на обессиленных горных низкорослых лошадаках, без каких-либо запасов провизии и теплой одежды, мрачно плелись вдоль крутого кряжа, пока не достигли небольшой круглой ложбинки, где можно было хоть как-то расположиться на ненадежный ночлег.

Цэрэн-хан собрал сотенных начальников и их заместителей: «Если мы за три-четыре дня не найдем не перекрытую монголами тропу вниз, в котловину реки, нам конец. Кто хочет что-нибудь сказать?»

Один из сотенных мрачно ответил: «Мои воины тщательно проверили ближайшие спуски – на всех стоят конные монгольские посты и засады лучников». Долгое молчание воцарилось на этом импровизированном военном совете у костра под нависшей скалой. Вдруг к костру подошел один из десятников, хотя делать этого не имел права. Все из совета усталились на него в ожидании.

«Командир Цэрэн-хан, – низко склонился он, – я вспомнил нечто важное. Там, вперед и вниз по тропе, приблизительно в четырех часах среднего конного хода, находится горная деревушка. Живут там, правда, пастухи из племени байтов, но с проводником Сэнгээ за немалые деньги можно договориться. Никто лучше его не знает эти горы, и, наверное, он найдет тайные тропы, ещё не перекрытые монголами». Цэрэн-хан сказал главному сотенному: «Возьми его и еще семерых, поезжайте туда этой

же ночью, к позднему утру вы уже вернетесь, а я тебе дам все, что у меня есть – все наши деньги».

В середине ночи всадники-дэрбэты уже стучались в самый большой бревенчатый дом на берегу быстрого ручья.

Глубокой ночью гости и хозяин услаждались обжигающим зеленым чаем, заправленным душистой травой и изрядным комком бараньего жира. Главный сотенный положил на циновку кожаный мешочек, плотно набитый деньгами, посмотрел на хозяина, маленького худого старичка с жидкой бородкой: «Это все, что у нас есть. Выведи нас вниз, в котловину, по тропам, свободным от монголов».

Глаза Сэнгээ загорелись при взгляде на деньги. Он надолго задумался. «Я слышал про вас. Вы слишком высоко забрались. Ступайте обратно, отдохните, не торопитесь. Завтра вы отправитесь по той же тропе, что шли ко мне, но на полпути, на разветвлении, пойдете вверх. После двух часов ходьбы на высоком скалистом плато вас будут ждать мой сын и его помощник. Они проведут вас по тайным верхним тропам до самого спуска на Большую дорогу в долину реки Дзабхан, а там уже вы пойдете сами к котловине Больших озер. Монголы ещё не пришли туда, но скоро они все равно доберутся и дотуда. Весь путь от скалистого плато до Большой дороги в долину займет три дня, ибо это тяжелый и опасный путь. Большую часть придется идти пешком, осторожно ведя лошадей на поводьях. Но проводники найдут вам подходящие площадки для установки палаток для ночлега. Это все».

Главный сотенный посмотрел на старого проводника с сомнением. Тот поймал его взгляд и усмехнулся: «Я уже стар для такой дороги, не сомневайся – мой сын знает свое дело. Передай мое глубокое почтение Цэрэн-хану – и ступайте с миром».

Поздним утром на завтра отряд выступил в дорогу и, дойдя до развилки, взял левую тропу наверх. После двух часов хода дошли до небольшого каменистого плато, но никого не увидели. Никто не разговаривал, а в сердце главного сотенного закралась тревога. Он даже подумал, что, если старик обманул, он возьмет своих людей, вернется

в деревню баитов и сожжет её дотла, а людей перебьет всех до одного. Но вдруг кто-то крикнул: «Вон конные!»

На высокой крошечной скалистой площадке застыли два всадника в меховых из рыжей лисицы малахаях и стеганых войлоком халатах поверх обычных коротких бараньих фуфаяк. Завидя отряд, они медленно спустились вниз. Главный сотенный подъехал к ним почти вплотную: «Кто из вас сын Сэнгээ?»

Вперед выступил более низкий худой всадник с горящими, как у отца, глазами: «Сегодня мы пройдем только три часа до площадки у горного ручья, где удобно набрать воды, помыться и установить палатки для ночлега», – сказал он.

Вечером Цэрэн-хан приказал главному сотенному: «Приставишь к ним Амурсана для присмотра за ними и их лошадьми». Главный сотенный подошел к проводнику вместе с низкорослым, но необычайно широкоплечим, с чудовищно мощной грудью воином: «Этот парень будет при вас, а главное – при ваших лошадях. Никто лучше его не понимает лошадей, он не знает усталости, он сделает всё, что вы попросите, но он глухонемой. Если вы захотите попросить о чем-либо, нужно тронуть его за плечо. Он повернется к вам. Говорите с ним просто, коротко, четко, глядя прямо в глаза – он все поймет по движению ваших губ, можно и жестами тоже помочь разговору. Вы будете спать в отдельной палатке, он пристроится рядом. Еду он тоже принесет вам».

Сын Сэнгээ ответил ему: «Это хорошо, если он присмотрит за лошадьми, но палатка нам не нужна, у нас есть мешки, и еды нам своей хватит на восемь дней», – и он указал на притороченные к седлам кожаные мешки.

Три дня пути по узким, извилистым, под низко нависшими скалами тропам были очень нелегкими, оба проводника часто совещались, какой путь выбрать, но потом очень гордились тем, что не были потеряны ни один воин и ни одна лошадь.

К вечеру третьего дня в лучах заходящего солнца все увидели сверху, как далеко внизу, между желтых стен, блеснула вытянутая лента.

«Это река Дзабхан, а вы пойдете туда, налево, в котловину Больших озер, – указал проводник, – но завтра утром мы спустимся к Большой дороге, а это четыре часа ходу, но уже на лошадях».

Уже в сумерках подошел широкий Амурсан к помощнику проводника, подведя к нему и лошадь его, и показал полусбитую подкову и поврежденное копыто. Амурсан объяснил жестами, что попробует что-нибудь сделать, а хозяин заволновался. Даже не дожидаясь ухода глухонемого, проводник подошел к своему товарищу: «Не бойся, мы подойдем к самому повороту на Большой дороге, а там сразу же увидим монголов, так что нам придется скакать не больше ста лошадиных мер, чтобы удрать от дэрбэтов, а монгольские лучники уже успеют сделать свою работу. Твоя лошадь выдержит. Идем, отдохнем, глухонемой что-нибудь сообразит».

Поздней ночью широкий воин, как чудовищный ночной зверь, прокрался в палатку главного сотенного. Стоящие рядом часовые сделали вид, что его не заметили. Уже через несколько минут эти двое выскользнули из палатки, бесшумно прошли в полной темноте и скрылись в палатке Цэрэн-хана, и опять часовые «не увидели» их. За несколько минут Цэрэн-хан все понял. Он приказал взять обоих; проводника, связав и заткнув рот, привести в палатку главного сотенного, помощника – сюда, но все это бесшумно, чтобы ни один из воинов не проснулся. «Говори», – приказал Цэрэн-хан упавшему на колени помощнику проводника. «Монголы ждут вас наверху – лучники и пешие, там есть удобные, короткие спуски на Большую дорогу, а на самой дороге за поворотом конные атакуют вас внезапно, почти сразу после обстрела и нападения сверху».

«Ты сможешь нас вывести вниз в другом месте, где нет засады?» – спросил главный сотенный. «Да, но лучше вместе с сыном Сэнгээ. Если вы оставите нас в живых, мы выведем весь отряд без потерь», – с жаром ответил молодой баит.

«Подожди, – остановил сотенного Цэрэн-хан, – у меня есть другой план». Ещё до восхода солнца отряд

дэрбэтов, разделенный на две части, выступил в путь. Одна продолжила идти по верхней тропе, вторая спустилась вниз на Большую дорогу. Задолго до назначенного часа оба отряда появились на позиции монгольской засады. Нападение дэрбэтов было совершенно неожиданным и роковым для монголов. В короткой, яростной стычке дэрбэты потеряли всего несколько десятков воинов. Монголы были вырезаны полностью, дэрбэты пленных не брали, только лошадей.

«Мы отпускаем тебя, – сказал главный сотенный помощнику проводника, – а ты отвези этот подарок почтенному Сэнгээ, – и подал тому кожаный, крепко завязанный мешок с чем-то твердым и круглым, – смотри, не обмани нас. Ты ведь захочешь ещё водить отряды и караваны в горах, и мы всегда найдем тебя и не простим обмана. Скажи Сэнгээ, что Цэрэн-хан передает ему свое глубокое почтение. Ступай с миром».

Отряд дэрбэтов спустился в глубокую котловину Дзабхан-реки. Ему ещё предстояло пройти немалый путь в долине Больших озер до озера Хара-Нур, а, может быть, и до Хара-Ус-Нур.

Сонет 8

Паломники бредут безмолвным, черным стадом,
Слепые, нищие, безумцы, ползуны.
И Ангел сверху зрит сочувствующим взглядом,
А сбоку – острый взгляд с ухмылкой сатаны.

Надежда правит здесь. Святой источник рядом.
А в сирой жизни их – то страждущие дни.
Стенаний хор гремит неистовым обрядом.
Мадонна! Пред тобой убогие одни.

Обрубки рук и ног, безносые химеры,
Калеки всех мастей – все жадно чуда ждут.
И в этой обморочной, исступленной вере
В слезах к Твоим ногам, юродствуя, падут.

И, замерев пред ликом Пресвятой,
Потом вздохнут и поползут домой.

Новелла 8. Город тринадцати башен

*Столь чудный город на крутых холмах,
Тринадцать башен и одна невеста,
В проулочках любовь одолевала страх,
Но после смерти все ставила на место.*

1

Осенью 1472 года состоялась свадьба Катарины Деи Бианчини, восемнадцатилетней первой красавицы в Сан-Джиминьяно, а, может быть, и во всей Тоскане. Конечно, на свадебной церемонии присутствовало большое число местных гостей, знатных и знаменитых граждан, но мы здесь ограничимся только некоторыми именами, которые понадобятся нам в этой истории.

Это были Лоренцо ди Никколо Беромонте, архиепископ из Вольтерры, и его секретарь, юный красавец Маурицио Пьяченца, богатые местные купцы отец и сын Лодовико и Арканджело Пикколини, затем известный поэт Марчелло Фоскари, который читал канцоны в честь прекрасной невесты, и музыкант Алессандро дель Фьоре, сладостно игравший на лютне и флейте, живописец Себастьяно Мартини, который уже задумал свою большую картину «Отдыхающая женщина» (лежащая на ложе из зеленых листьев Катарина Деи Бианчини).

Её жених Анджело дель Пьомбо, побледневший от неслыханного счастья, глаз не мог оторвать от юной красавицы, хотя и был чуть озабочен тем, что его лучший друг Антонио Росселини из соседнего городка Поггибонси опаздывал на свадьбу. Дело было в том, что его младшего брата Филиппо, страдавшего странной хронической болезнью, как раз в это время застал очередной приступ.

Однако, по большому счету, свадьба прошла великолепно, и все гости были очарованы прелестной невестой, пением, музыкой и танцами и, конечно же, замечательными едой и винами. Уже в конце немного подвыпивший поэт Марчелло Фоскари подошел к сияющей Катарине: «О, синьора, о чем же вы мечтаете сейчас?»

«О, любезный Марчелло, у меня теперь только одна мечта – поскорее избавиться от моей девственности, которая

мне смертельно надоела, а после этого – только один Бог знает».

Уже через несколько недель после свадьбы архиепископ Лоренцо Беромонте забрал Анджело дель Пьомбо к себе на службу как своего представителя, потому что Анджело был человеком разумным, спокойным и самообладания выше среднего. Анджело был слишком смущен своим положением. С одной стороны, это была служба очень престижная, с хорошим заработком, с другой – она требовала частых и длительных отлучек, т. е. расставаний с женой.

За три года Анджело дель Пьомбо посещал неоднократно не только соседние города, как Сиена, Флоренция, Перуджа или Ассизи, но он ездил и в такие дальние места, как Болонья, Милан, даже в Венецию и, конечно, не один раз в Рим.

Нельзя сказать, чтобы жена его Катарина Деи Бианчини дель Пьомбо была уж очень опечалена, когда её муж уезжал из города, или была безмерно рада, когда он возвращался, но их жизнь и отношения были достаточно ровны и полны взаимного уважения.

Какие-то темные слухи все-таки носились вокруг юной сеньоры, но даже в таком небольшом городе, как Сан-Джиминьяно, конкретных доказательств чего-либо непристойного не было, а её красота, очарование, открытый веселый нрав не позволяли этим слухам приобрести какой-либо вес.

Люди часто видели её, мчащуюся на мощной широкогрудой кобыле по местным, заросшим густым кустарником холмам, и долго смотрели ей вслед, как проскакавшему чудесному ангелу или яростному демону.

Однажды она осторожно спускалась с крутого обрыва и неожиданно увидела внизу поджидавшего её всадника. Она знала, кто это, но сделала вид, что не знакома с ним.

– О, синьора, я никогда не видел таких красивых женщин, как вы, никогда. Не без причины Антонио тайно влюбился в вас.

– Благослови вас Господь, синьор, но зачем же вы выдаете чужие тайны?

– Антонио не чужой, он мой старший брат, и он очень преданный друг вашего мужа.

– Я вам очень благодарна, синьор.

– Скажите мне, синьора, ужель ваше искусство любви столь же высоко, как и ваша красота?

– О, поверьте мне, синьор, намного выше, – и она дернула поводья лошади.

Филиппо Росселини, невысокий, но очень сильный и ловкий охотник, никого и ничего не боялся. Он имел нрав дикого зверя, но был подвержен три-четыре раза в году по три-четыре дня приступам странной болезни. В такие моменты он становился очень агрессивным и опасным, и только его брат Антонио мог справиться с ним. В эти дни Филиппо держали в тайном домике в густой чаще леса.

В 1475 году неприятное событие потрясло город Сан-Джиминьяно. Осенью внезапно исчез молодой купец Арканджело Пикколини. Его тело обнаружили под старым мостом только через две недели. Как выяснилось, он был задушен, а его член был отрублен. Убийца не был найден, и причины убийства не выяснены. Через три месяца такая же злая судьба постигла музыканта Алессандро дель Фьоре, а поздней зимой, в феврале 1476-го то же самое случилось со старым купцом Лодовико Пикколини.

Город пребывал в великом унынии. И когда в мае 1476-го такая же участь постигла секретаря Маурицио Пьяченца, даже прямое вмешательство архиепископа из Вольтерры не помогло разобраться в этих ужасах. Тот же стиль и та же неизвестность.

Были попытки связать эти убийства с супругами Пьомбо-Бианчини, но во всех случаях убийств Анджело был далеко от Сан-Джиминьяно. Катарина во всех этих расследованиях вела себя столь искренне, непринужденно и даже сердечно, что на допросах следователи и думать не могли, чтобы обвинить её в колдовстве или злых умыслах.

Осенью 1476 года сладкозвучный поэт Марчелло Фоскари уехал во Флоренцию, но он не добрался до этого города, и никто не видел его больше ни живым, ни мертвым.

Художник Себастьяно Мартини, который уже несколько лет работал над полотном «Отдыхающая женщина», на вопрос Катарины, когда он закончит, отвечал: «Я боюсь её закончить, потому что после этого со мною покончат».

Он завершил свою тёплую, чувственную картину в конце 1476 года и немедленно отправился к своему учителю в Сиену, но, как и Марчелло, до города не добрался и исчез навсегда.

С этого момента прекратились убийства в Сан-Джиминьяно столь же внезапно, как и начались, и три последующих года прошли в городе спокойно.

Но в сентябре 1479 года прелестная Катарина стала свидетельницей ужасающей сцены. Всегда задумчивый и преданный Антонио атаковал своего младшего брата именно во время приступа его странной болезни. В тот момент оба брата были подобны диким зверям. Вначале Антонио был легко ранен, но через несколько минут он нанес молодому Филиппо смертельный удар шпагой.

Полная ужаса Катарина в страхе ускакала в город и донесла об этом убийстве городской страже. Антонио был арестован и помещен в застенки в одной из башен города. Какое-то время он ждал там суда. Однако его лучший друг Анджело дель Пьомбо вернулся в Сан-Джиминьяно ещё до суда и в тот же день посетил узника в его башне. После недолгой и спокойной беседы Анджело выхватил кинжал и вонзил его в грудь Антонио. Тот умер мгновенно.

Даже под пытками и при допросе с пристрастием Анджело не проронил ни слова. В октябре 1479 года Анджело дель Пьомбо был казнен, и это случилось ровно семь лет спустя после его столь замечательной свадьбы.

Потрясающая красавица Катарина Деи Бианчини дель Пьомбо осталась одна, когда ей было всего двадцать пять лет. Её последующие следы затерялись в туманной истории Сан-Джиминьяно.

2

В 1979 году, т.е. пятьсот лет спустя после описываемых событий, в Сан-Джиминьяно производилась

реконструкция старинного особняка на улице Виа ди Пиандорнелла. Архитектор Паоло Тамагни нашел в глубокой нише старинную запечатанную вазу, а внутри – рукопись. Несколько листов были повреждены, и в нескольких местах было очень трудно прочесть текст, но местный эксперт из центральной городской библиотеки Бенедетто Бартоло сумел воссоздать его практически полностью. Это были записи воспоминаний молодой дамы, и они оказались весьма любопытными.

«...Теперь, когда все они ушли в лучший мир, я помню каждого из них, различия в их любви, и для каждого из них нашлось местечко в моем сердце.

Почти все они спрашивали меня, как это я достигла столь высокого мастерства в любви в столь юном возрасте. Я думаю, что это мой талант, но я не знаю, от Бога ли это или от дьявола.

Арканджело Пикколини был очень застенчив и однообразен, не как его отец. В любви он знал очень немного, но был великодушен, и это мне нравилось. Он был молод, но знал, что такое уважение.

По контрасту с ним, его отец Лодовико был очень опытный и разнообразный любовник, шумный и жизнерадостный, хитрый и скупой. Он любил хорошее выдержанное вино, заставлял и меня выпить, и только после этого наслаждался любовью.

Музыкант Алессандро дель Фьоре любил играть на лютне до и после любви, и, по правде сказать, его игра всегда слишком сильно впечатляла меня, так что я даже прощала ему его предпочтение моей любви музыке.

Молодой секретарь архиепископа Маурицио Пьяченца в любви был полностью мое создание. Я вылепила из этого птенца совершенного любовника, как скульптор, превращающий бесформенную глыбу в прекрасное тело, или как гончар, создающий из глины тончайшей красоты вазу. За три года он достиг высочайших успехов в искусстве любви.

Поэт Марчелло Фоскари читал сонеты и канцоны до, во время и после любовных игр. Он всегда начинал с Данте, продолжал Петрарку, Гвиттоне Д'Ареццо или Гвидо

Кавальканти, но я всегда просила читать его собственные стихи. Перед каждой встречей он сочинял стих специально для меня и для этого дня, и был полон любовных фантазий.

Художник Себастьяно Мартини был человеком угрюмым, робким и очень набожным. Перед любовью он часто подолгу молился, и нередко мне нужно было приложить немало усилий, чтобы зажечь его, но в эти редкие моменты он становился жизнелюбивым и приятным партнером.

Но истинно я любила только одного человека – Антонио Росселини, и он любил только одну женщину – меня. Он был исключительно нежен со мной, очень чувственен и никогда не думал жениться на ком-либо. Он любил меня ещё до моей женитьбы с Анджело, но не имел смелости признаться в этом.

Самым сильным любовником и сластолюбцем, несомненно, был младший брат Антонио Филиппо. Мы встретились всего семь раз за пять лет. Он был яростен, ненасытен и неутомим, как дикий лев. Его фантазия не знала границ, и нередко он становился слишком агрессивен, как бешеный зверь или свирепый насильник. Иногда он причинял мне острую боль, и все же эти встречи были сладостны и незабываемы.

В конце каждого свидания он заставлял меня рассказывать в деталях мои любовные авантюры с другими и поведение каждого из моих любовников. После первого свидания я рассказала ему о молодом торговце Арканджело Пикколини, после второго – о музыканте Алессандро дель Фьоре, после третьего – о купце Лодовико Пикколини старшем, после четвертого – о секретаре архиепископа Маурицио Пьяченца, после пятого – о поэте Марчелло Фоскари, после шестого – о художнике Себастьяно Мартини.

Я знала, что не должна была рассказывать об этом, но он был так свиреп, что я боялась, что он убьет меня. Но, может быть, истина заключалась в том, что я не могла справиться с бесом, который сидел в моей душе.

При последней нашей встрече Филиппо рассказал мне, что он убедил старшего брата Антонио преодолеть его

робость, порядочность и преданность Анджело и сблизиться со мною, потому что Филиппо был убежден, что я не отвергну страсть Антонио ко мне. И это было правдой. Но ещё более бесстыдным было то, что Филиппо с особым жаром поведал мне, что при моих свиданиях с Антонио в этом лесном домике он вовсе не покидал его, а взбирался на крышу и оттуда наблюдал все, что происходило на террасе. Он с усмешкой заметил, что наслаждался не менее, чем если бы был сам вместо Антонио. Я не очень переживала из-за этого, но спросила, знал ли об этом сам Антонио.

«Я думаю, он догадывался, хотя мы прямо об этом не говорили», – ответил он.

Возвращаясь из леса, я встретила Антонио. Наши лошади остановились одна напротив другой. Я не знаю, зачем я передала Антонио весь наш разговор с Филиппо. Антонио без слов захватил узду моей лошади, повернул её, и мы поскакали к лесному домику. Здесь, после короткого боя, Антонио убил Филиппо. Я думаю, тот же приступ болезни, который раз от раза случался с Филиппо, на сей раз произошел с Антонио.

В застенке одной из башен города Антонио во всем признался моему мужу Анджело на их первом же свидании и предупредил его, что он не выдержит пыток и будет вынужден все рассказать судьям. Анджело заколол Антонио и через короткое время был казнен.

А я потеряла мужа, потеряла всех моих любовников, я не потеряла только демона, сидящего во мне. Я осталась одна в этом городе с тринадцатью башнями».

– Обрати внимание, она почти ничего не пишет о своём муже и о его упорном молчании, – сказал архитектор Паоло Тамагни.

– Более загадочно, как она сумела сохранить в тайне все её любовные авантюры, в таком закрытом городе, и было ли это тайной для её мужа, – заметил библиотекарь Бенедетто Бартоло.

– Этого мы не узнаем никогда, но таковы были нравы в те времена, даже и в городке Сан-Джиминьяно.

Сонет 13

Я вам писал, что я уже давно

В психушке обустроился уютно.
Вниманьем обеспечен поминутно,
Врачуют, кормят, прямо как в кино.

Я вам писал, теперь уж помню смутно,
Что вас любил, как многим не дано,
И вы меня, как будто бы попутно,
И всех приятелей, так скажем, заодно.

Вам доверял, как в первый день творенья,
У ваших ног слыл преданным рабом,
Но за мои слепые откровенья
Устроен был в большой казенный дом.

На всем готовом и забот не знаю,
Но изредка и вас припоминаю.

Новелла 13. Слепая Зара

*Здесь льется слов хрустальный ручеек,
И мир раскроется, как чудное виденье,
И красок трепетных проносится поток,
Но то реальности всего лишь отраженье.*

«Я не знаю, как называется это место, но, если вы подниметесь на самый высокий холм, изумительный вид откроется перед вами.

Прежде всего – озеро! Воды его невероятно голубые, а поверхность застыла, как лезвие. Берега вокруг высоки и круты и заросли густым смешанным лесом, и только узкая желтая песчаная полоса пляжа протянулась вокруг, как яркая лента, между зеленым лесом и голубой водой.

Неширокая река впадает в озеро с левой стороны. За полкилометра до впадения она разделяется на два рукава, и узкий длинный остров покрыт низким кудрявым кустарником. Маленькая деревушка расположилась по обоим берегам реки. Белые домики с высокими, крутыми красными черепичными крышами живописно прижимаются к реке, и только узкая дорога отделяет их от воды. Дороги на каждом из берегов соединяются легким арочным мостом, предназначенным для пешеходов и конных подвод.

Небольшая церковь со слишком высоким острым шпилем примостилась на левом берегу, и её оконные зелено-красно-голубые витражи играют с лучами заходящего солнца.

Широкая протока соединяет озеро с очаровательной лагуной с правой стороны, а за ней только холмы уходят за горизонт. Несколько десятков рыбацких лодок чуть покачиваются в лагуне. Они привязаны к четырем длинным узким причалам, к которым со стороны долины подходит зеленая тропа».

Нет, это не был пейзаж, который мы видели с доктором Дьюровичем. Это был только один пример описания красот природы, который лился из губ слепой Зары, семнадцатилетней красавицы, чей голосок звучал, как хрустальный колокольчик или, лучше, как журчащий сбегаящий ручеек. Зара родилась слепой и, конечно, никогда не видела ни захватывающих пейзажей, ни ярких красок, ни прекрасных вещей. Она не умела ни читать, ни писать, впрочем, как и её отец – местный кузнец, с которым она жила в одиноком маленьком домике на высоком крутом берегу реки Комарницы в двух километрах от небольшой деревни и в семи километрах от поселения Донья Буковица. Молодой пастух Вицко, тонкий, стройный, гибкий, как тростник, парень жил какое-то время рядом с ними в крошечной хижине. Кузнец дал ему кров и хлеб, и пастух пас за это их небольшое стадо коз в малой зеленой долине у излучины реки. А эта история началась с того, что приехал я по работе на несколько дней в Дубровник, где встретился со своим старинным приятелем Марко Дьюровичем.

– У нас есть один свободный день, – сказал он мне, – давай-ка подьем к нашим соседям, полюбуемся потрясающими видами Черногории и послушаем сны слепой Зары. Это сто семь километров до городка Никсича, затем сорок семь километров до Савница, пятнадцать – до Доньи Буковицы и семь до деревушки вверх по берегу реки Комарницы. В тот же день к позднему вечеру мы вернемся домой.

– Кто эта слепая Зара?

– Уже скоро два года, как я слышу о снах или видениях слепой девочки, и местные жители верят, что душа

её обитала во многих предыдущих жизнях в разных местах Земли, а ныне рассказывает она свои воспоминания губами этой бедной девочки. Её уже посещали врачи, психологи, психотерапевты, журналисты, религиозные служители и, конечно, туристы, даже зарубежные. Её отец начал брать деньги с посетителей, бросил тяжелую работу и скоро прилично улучшил свое жилье и их жизнь.

Мы поехали. В домике уже собрались несколько человек, но нас ждали. После рассказа Зары доктор Дьюрович спросил её, когда она начала видеть или воображать свои сны.

«Это случилось после моей первой любви с Вицко в зеленой долинке, где он пасет наших коз. Но я первая пришла к нему, и моя любовь вела меня по узкой петливой тропе. Он сказал, что я очень красивая, а я заставила его любить меня, потому что я очень искусна в любви».

Так просто и открыто высказала свою чувственность слепая Зара.

Наш визит был завершен, и мы в тот же вечер вернулись в Дубровник.

Ещё перед возвращением мы познакомились с одним из посетителей, руководителем Общественного клуба в Донье Буковице, и он сказал нам:

– Вы знаете, я записал почти все её сны, у меня их десятки.

Только через семь лет я вспомнил снова о Заре. Я побывал в Дубровнике, и у меня опять выдался свободный день. Но моего приятеля уже не было там, как его не было нигде. Доктор Марко Дьюрович, светлой памяти, умер несколько лет назад, и я решился поехать один в ту деревушку на берегу реки Комарницы, ещё раз увидеть фантастические черногорские пейзажи и услышать журчащий голос слепой красавицы.

Без особых затруднений нашел я одинокий дом на крутом берегу, но он был пуст и заколочен, видимо, давно уже никто не жил в нем. Люди в деревне не захотели рассказать мне о судьбах слепой Зары, её отца и пастуха Вицко даже через столько лет. И тогда я вспомнил о

человеке из Доньи Буковицы, который записывал сны Зары. Я поехал туда и нашел его в Общественном клубе. Мы сидели в его маленькой рабочей комнате; я поставил на стол бутылку белого сухого вина, выложил кусок козьего сыра, несколько помидоров, коробочку с черными маслинами, полпачки масла и небольшой каравай свежего ржаного хлеба. Мы ели и запивали вином, и человек поведал мне короткую и грустную историю.

«После вашего визита Зара рассказывала посетителям свои сны ещё более двух лет. Много людей слышали её красочные описания, верили в странствования её души и платили деньги её отцу. И тут начался конфликт между кузнецом и молодым пастухом. Уже после Зарин отец жаловался жителям деревни, что Вицко требовал у него свою долю заработков.

«Женись на Заре, и это будут наши общие семейные деньги», – отвечал ему кузнец.

Как никто не знал, откуда и отчего появился молодой пастух в их доме, так никто не понял, отчего и куда он исчез. Но однажды он просто сбежал.

Зара и её отец пришли в отчаяние. Тут выяснилось, что Зара беременна на третьем месяце, а было ей всего девятнадцать лет. Она ждала, что Вицко вернется, и продолжала ходить по узкой опасной тропе в маленькую долину у излучины реки. Но она перестала рассказывать свои странные прекрасные сны.

И после пяти месяцев ожидания она не выдержала. Однажды молодая слепая беременная женщина почти бегом ворвалась в центр деревни и в криках и рыданиях призналась ошеломленным жителям, что все её сны – это ложь.

Она не видела никаких снов, и душа её, конечно, не блуждала по миру. Все эти истории и описания – это всего лишь фантазии Вицко, который всякий раз рассказывал их по несколько раз, пока она не запоминала их наизусть.

В тот же день вернулась она домой, а потом опять побрела в долину у излучины Комарницы. Может быть, в этот раз она была не столь осторожна, да и большой тяжелый живот сильно мешал ей. Она сорвалась в глубокую

пропасть реки Комарницы. Но я думаю, что это было не случайное падение. Несколько месяцев спустя от тоски умер её отец», – закончил свой рассказ человек из Доньи Буковицы.

В этот же вечер я вернулся в Дубровник.

Прошло ещё семь лет. Как-то был я по работе несколько дней в Загребе и в последний день зашел в Умьетницкий Павильон на площади Короля Томислава. Там уже несколько дней была открыта выставка начинающего приобретать известность художника В.М. В небольшом зале висело семнадцать картин, из которых большинство было пейзажи. Медленно переходил я от картины к картине, и мне нравились эти работы, особенно за яркие, сочные, живые краски.

Вдруг я замер. Знакомый пейзаж предстал передо мною. Темно-голубое озеро застыло между высоких, заросших лесом холмов. Слева неширокая разветвляющаяся на два рукава река впадает в озеро. Легкий изогнутый мост соединяет оба берега, на которых расположилась маленькая деревенька и церквушка с высоким шпилем. Справа широкая протока вытекает из озера в красивую лагуну, где рядами расположились рыбацьи лодки у узких длинных мостков.

Я не видел ранее этот пейзаж, но я помнил его до каждой детали. Ещё более потрясла меня последняя картина выставки. В маленькой долине у излучины реки сидела на земле прекрасная молодая женщина-девушка в светло-розовой блузке и темно-коричневой юбке, обняв руками колени и несколько подавшись вперед. Её нежное лицо как будто светилось излучаемым изнутри светом, но художник ещё добавил тонкий луч, который лился на него снаружи.

Но самое неожиданное заключалось в том, что это нежное, прекрасное, светящееся существо смотрело совершенно безжизненным взглядом широко открытых глаз.

Сбоку от картины висела маленькая табличка с надписью «Зара».

Я спросил служительницу, могу ли я увидеть художника.

«Конечно, он здесь, сегодня ведь последний день выставки. Видите, у выхода человек в черном».

Я подошел к стройному, тонкому, кажущемуся гибким, как тростник, художнику.

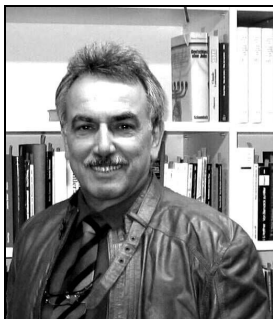
– Четырнадцать лет назад вы были очень красочным рассказчиком, сегодня вы не менее красочный живописец.

Он посмотрел на меня внимательно: «Благодарю вас».

Я вышел на площадь.

Об авторах

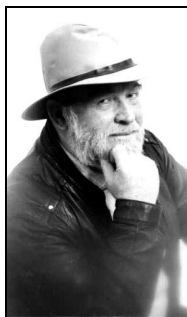
Евгений Беркович — математик, историк, издатель, публицист. Основатель и главный редактор сетевых журналов «Заметки по еврейской истории», «Семь искусств» и альманаха «Еврейская Старина».

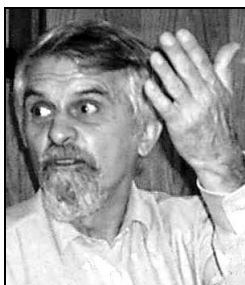
Людмила Дымерская-Цигельман — философ и публицист.

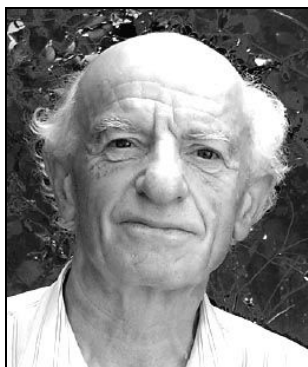
Пол Кантор — американский экономист, профессор.

Евгений Майбурд – экономист, автор статей по истории, религии, культуре.

Владимир Тихомиров – российский математик, писатель и педагог, профессор МГУ, член Московского математического общества.

Эммануил Шноль – российский математик, главный научный сотрудник НИВЦ/ИМПБ РАН.

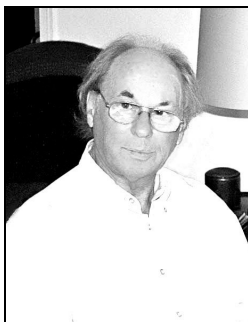
Андрей Пелипенко – российский философ, искусствовед.

Эстер Пастернак – поэт, журналист, прозаик.

Марк Аврутин – системный аналитик; публицист.

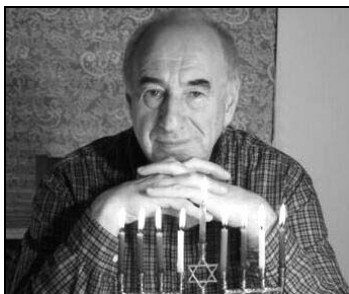
Наум Зайдель – музыкант с многолетним стажем.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Борис Э. Альтшулер – врач-хирург, автор нескольких книг по лингвистике.

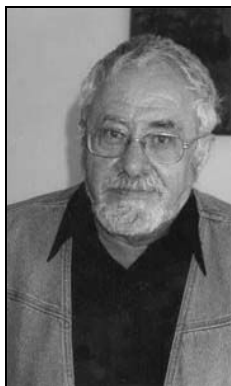
Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Хаим Соколин - геолог, литератор.

Александр Волевич – поэт и эссеист.

Марк Азов – член союзов писателей России и Израиля, главный редактор журнала «Галилея».

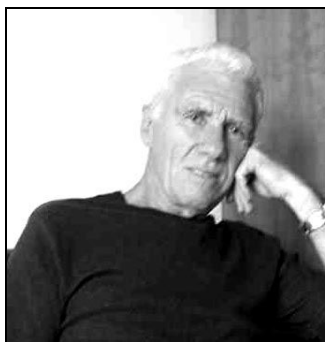
Александр Каневский – писатель, сценарист, сатирик.

Яков Лотовский – писатель.

Елена Мазур-Матусевич – профессор университета штата Аляска (США), автор книги «Золотой век французской мистики», писатель, выставяющийся художник

Даниэль Тамар – инженер, тренер, писатель.

Журнал «Семь искусств», Январь 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 644 стр. 20,1 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины